Александр Андреев, Василий Бережков
Оккультисты Лубянки

Василий Берешков
Глеб Бокий — чекист и оккультист

Вечный революционер — … это или гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые, или — скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, сгорающий тихим, тогда почти невидимым огнем, освещая путь в будущее.

А.М. Горький. «Несвоевременные мысли»

ОТ АВТОРА

В 1996 году в своей книге «Питерские прокураторы», где шла речь о руководителях ВЧК-КГБ города и области, я упоминал и Глеба Ивановича Бокия — заместителя Урицкого с 10 марта по 1 сентября 1918 года и председателя ПЧК в период с 1 сентября и до 8 октября того же года.

После выхода этой книги в свет я натолкнулся на ряд публикаций в печати о Бокие лишь негативного характера. Меня возмутило такое одностороннее толкование его жизни и деятельности, и я решил познакомить читателя с новыми материалами, которые мне удалось обнаружить, главным образом, в различных архивах. Об этом было рассказано в книге «Искушения чекиста Бокия. Вечный революционер», изданной в 2001 году. Отклики на эту книгу и появившиеся у меня новые материалы дали возможность продолжить тему Бокия: был ли он масоном, с какой целью предпринимались попытки организовать экспедицию в Шамбалу, деятельность Спецотдела.

Так появилась книга «Глеб Бокий — революционер и чекист». На примере Глеба Бокия — читатель, полагаю, ощутит всю

противоречивость того времени и необходимость всесторонней оценки происходивших тогда трагических событий.

Начало конца

В середине 1937 года, когда уже прошла вереница политических процессов, а впереди маячили новые еще более страшные, началось истребление опытных чекистских кадров. Существует множество различных версий о причинах подобных акций, но анализировать их здесь мы не будем.

В первой волне расстрелов оказался один из ответственных руководителей НКВД, бывший член Коллегии ВЧК-ОГПУ Глеб Иванович Бокий. Вплоть до своего ареста он возглавлял созданный им еще в 1921 году по указанию В.И. Ленина Спецотдел, который занимался разработкой и применением технических средств в разведке и контрразведке. Эта служба не использовалась ни при арестах, ни в следственных мероприятиях.

Мне довелось соприкасаться с теми, кто во времена массовых репрессий работал в органах государственной безопасности, и с теми, кто сам прошел через карательные жернова. Я просмотрел в архивах множество документов по данному вопросу, участвовал сам в пересмотре следственных дел и попытался представить, как могло все происходить тогда. В полной мере это относится и к нашему герою.

В тот поздний июньский вечер 1937 года Глеб Иванович Бокий сидел, как обычно, в своем кабинете, наклонившись над раскрытой папкой, работал с документами из поступившей почты. Когда зазвонил прямой телефон наркома, он встрепенулся и моментально поднял трубку.

— Здравствуйте, Николай Иванович, — первым поздоровался Бокий.

— Глеб Иванович, зайди ко мне, — скороговоркой произнес Ежов. И все. Послышались короткие гудки.

Сопоставив ряд событий, произошедших совсем недавно, Бокий пришел к неутешительным выводам. Ведь не случайно пустота вокруг него день ото дня все больше расширялась. Словно по заранее разработанному плану исчезли неведомо куда сначала далекие знакомые, затем близкие коллеги и друзья. Венцом стало сегодняшнее утро, когда он обнаружил за собой слежку — признак близкой развязки, и, наконец, этот неожиданный телефонный вызов Ежова. Его ждал арест.

Он закрыл сейф, еще раз осмотрел ящики стола, взглядом окинул кабинет и не спеша отправился навстречу судьбе. В приемной наркома царила пустота, отсутствовал даже секретарь. Тишина давила. Бокий вошел в кабинет. Ежова на месте не было, там находился его заместитель Вельский, а справа и слева у стен на стульях сидели два сотрудника в милицейской форме.

— Бокий, ты арестован, — заявил Вельский. Чекисты вскочили с мест, подошли к Бокию и обыскали его. «Ну, это мой тринадцатый и, похоже, последний арест», — как о чем-то постороннем, подумал Бокий. Он заложил руки за спину и уставился на Вельского, прошептав:

— Вас ждет такая же участь. — В его словах не было злорадства, лишь утверждение неизбежного. «Нет, нет», — говорили широко открытые, наполненные ужасом глаза заместителя наркома. Он крикнул:

— Везите его в Лефортово!

— Есть, — отвечали офицеры.

Бокий окончательно успокоился: наконец-то бесконечные ожидания были позади.

Глава первая
Революционер по воле случая

Глеб Иванович Бокий родился 3 июля 1879 года в Тифлисе в семье действительного статского советника, преподавателя и

ученого, автора учебника по химии «Основания химии» Ивана Дмитриевича Бокия. Мать — Александра Кузьминична (девичья фамилия Кирпотина) тоже была дворянкой. Семья придерживалась традиций добиваться положения в обществе своим трудом и в то же время гордиться своим происхождением.

Брат Глеба — Борис Иванович Бокий после окончания в 1895 году Горного института работал в Донбассе. Там он разработал новую систему сплошной разработки угольных пластов взамен прежней столбовой, изменив таким образом технологию подземной добычи угля. В 1906 году после защиты диссертации «Выбор системы работ при разработке свиты пластов» стал профессором Горного института. В 1914 году выпустил «Практический курс горного искусства» в трех томах, в 1924 году — «Аналитический курс горного искусства». В 20-е годы Б.И. Бокий работал в Научно-техническом совете Главного горного управления ВСНХ. Умер 13 марта 1927 года, похоронен в Ленинграде.

Кстати, его сын Георгий, родившийся в 1909 году в Санкт-Петербурге, выпускник того же высшего учебного заведения — всемирно известный ученый, профессор, член-корреспондент Академии наук.

В связи с тем, что в Горном институте обучался и Глеб Иванович Бокий, несколько слов об этом институте.

Перспективу набережной Лейтенанта Шмидта завершает монументальное здание Горного института. В восемнадцатом веке на этом месте стояли дома петербургских вельмож братьев графов Шереметевых, там и разместилось основанное в 1773 году Горное училище. На его базе возник Горный кадетский корпус. А с 1866 года — Горный институт, давший стране многих известных русских ученых. Здание, построенное в 1806 году А.Н. Воронихиным, является одним из лучших памятников русского классицизма. Дорический кортик. Скульптуры у входа. В институте обучалось немало землепроходцев и покорителей недр, а также будущих выдающихся политических деятелей.

Бокий проживал недалеко от Горного института, на тихой, с газонами, 11-й линии Васильевского острова.

На восьми факультетах института готовятся горные инженеры по пятнадцати специальностям. Там имеется музей, основанный одновременно с Горным училищем в 1773 году, большая научно-техническая библиотека — одна из крупнейших в мире.

Сестра Глеба — Наталья, окончила Бестужевские женские курсы. По специальности она историк, продолжила учебу, а затем преподавала в Сорбонне, похоронена в Париже на русском кладбище в Сент Женевьев де Буа.

В 1900 году, когда семья Бокия жила в Петербурге, Борис, уже окончивший Горный институт, пригласил брата и сестру принять участие в демонстрации студентов. Произошло столкновение с полицией. Все трое были арестованы. Глеба к тому же еще избили полицейские. Их освободили по ходатайству отца. Но его больное сердце не выдержало, и спустя несколько дней отец умер. Потрясенные горем, братья приняли диаметрально противоположные решения. Если Борис, считая себе виновником смерти отца, отошел от политики, то Глеб, напротив, встал на стезю профессионального революционера.

Еще в то время, когда Глеб обучался в 1-м реальном училище, где зарекомендовал себя заводилой в устройстве разных каверз, он приносил в училище запрещенные в то время книги, первым высказывал недовольство класса каким-нибудь распоряжением начальства. Он был несокрушимой скалой, когда его допрашивали, и горой стоял за товарищество. Блестящие способности помогли ему: он благополучно окончил училище и в 1896 поступил в Горный институт, где началась его революционная деятельность. Одновременно он подрабатывал репетиторством и черчением.

Глеб Иванович вел работу в подпольном студенческом кружке, он непременный участник почти всех студенческих сходок и забастовок. Студенты оценили смелость и решительность своего товарища. Его избирают членом организационного комитета студентов Горного института. В 1900 году Глеб Иванович

вступает в члены РСДРП. В течение ряда лет, начиная с 1904 года, он являлся членом Петербургского комитета партии. В партии его кличка была «Кузьмич», в полиции филеры именовали «Горняком».

Со студенческих лет Глеб Иванович Бокий — сторонник и сознательный последователь В.И. Ленина. Правда, дважды он не соглашался со своим кумиром, проявляя самостоятельность мышления, принципиально и бескомпромиссно отстаивая свою точку зрения.

В феврале-марте 1918 года, когда проходили жаркие споры по поводу Брестского мира с немцами, Бокий поддержал противников Ленина — «левых коммунистов», выступавших против заключения договора. В 1937 году, уже находясь под арестом, Бокий так объяснял свои расхождения с Лениным по данному вопросу: «…я поддался мелкобуржуазным настроениям и вместе с Бухариным и другими левыми коммунистами пошел против Ленина. В силу выработавшихся у меня традиций, я тогда подчинился партийной дисциплине, но переубежден я не был».

Вторично трения между Бокием и Лениным возникли по делу о хищениях в Гохране (Государственное хранилище ценностей).

В мае 1921 года Ленин получил информацию о хищениях в Гохране и поручил провести расследование Бокию, который в это время работал уже в Москве, в ВЧК. Он постоянно извещал Ленина о ходе ведения дела, о выявленных расхитителях, мерах по исключению подобных фактов впредь.

Однажды Ленин, минуя Бокия, обратился к заместителю председателя ВЧК Иосифу Станиславовичу Уншлихту с просьбой сообщить ему о причинах ареста сотрудника Гохрана Якова Савельевича Шелехеса и по возможности рассмотреть вопрос либо об освобождении подследственного до суда на поруки, либо о переводе его из мест заключения ВЧК в Бутырскую тюрьму. Записка Ленина была передана Бокию, который дал следующие разъяснения: «т. Уншлихт, Шелехес Я.С. арестован по делу Гохрана и обвиняется в хищении ценностей. Освобождение до суда, по ходу следствия, не нахожу

возможным. Также считаю необходимым содержать его во внутренней тюрьме ВЧК». Об этом он поставил в известность и Ленина, высказав возмущение, что за Шелехеса хлопочут «разные высокопоставленные лица, вплоть до Вас, Владимир Ильич». По мнению Бокия, это отрицательно сказывается на ходе расследования. Ленин эмоционально отчитал Бокия и просил Уншлихта наказать его. Но зампред ВЧК отверг требование Ленина, считая, что нет оснований для выговора. 30 октября 1921 года было завершено слушание дела о Гохране в Военной коллегии Верховного трибунала, и 54 человека, в том числе и Шелехес, приговорены к различным срокам наказания. Яков Шелехес, за которого безуспешно хлопотали братья — видные большевики Иосиф Шелехес-Исаев и Илья Шелехес, был расстрелян.

Несколько слов о Я.С. Шелехесе. Бывший владелец ювелирного и часового магазина в Москве, беспартийный, в январе 1918 года был принят на работу в секцию «Главзолото» Горного совета ВСНХ, а с марта 1921 года занял должность оценщика в Гохране.

В данном деле наглядно просматривается принципиальность Бокия. На первое место он ставил интересы партии.

В первый раз Бокий был арестован в 1901 году на шахте в Кривом Роге, где он был на летней практике. Полтора месяца, с августа по сентябрь, он сидел в тюрьме, затем выпущен под надзор полиции. В феврале 1902 года по делу о подготовке демонстрации арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь. Там он работал десятником на строительстве Байкальской железной дороги. Летом в Красноярске его арестовали за отказ выехать к месту ссылки, а осенью того же года в Иркутске — за распространение прокламаций на публичной лекции (по амнистии студентам Бокий был освобожден под надзор полиции, сроком на год). Возвратившись в Петербург (там он служил гидротехником в министерстве земледелия), Бокий участвовал в событиях 9 января 1905 года — был среди участников шествия на Дворцовой площади, затем в боевой дружине на Васильевском острове. В «Малороссийской

столовой» украинского землячества в Петербурге (Бокий был его активным деятелем) был создан медицинский пункт для помощи раненым. В апреле Бокий был вновь арестован. После нескольких месяцев тюрьмы Бокий был освобожден.

До марта 1917 года Глеб Иванович 12 раз подвергался арестам. Отбывал наказание в ссылках, тюрьмах, сидел в одиночной камере Полтавской крепости. И каждый раз, выходя на свободу, он продолжал подпольную политическую деятельность.

Глава вторая
Последствия ареста 1905 года

Особое место в жизни Бокия занимает арест в 1905 году. Манифест Николая Второго от 17 октября 1905 года не остановил революционного подъема, начавшегося после расстрела 9 января на Дворцовой площади. Наоборот, назревало вооруженное восстание, и власти прибегли к силовым методам подавления. По инициативе министра внутренних дел П.Н. Дурново, и с согласия царя, в ночь на 6 декабря по всей империи в отношении представителей основных политических партий проводились обыски, изъятия оружия, аресты руководителей и членов боевых дружин.

В ту ночь среди задержанных оказался и Глеб Бокий. В ходе следствия охранное отделение доказало, в том числе с помощью «раскаявшихся», т. е, своих негласных помощников из числа арестованных революционеров, что Бокий был одним из руководителей боевой группы Петербургской стороны по подготовке вооруженного восстания, обучал боевиков обращению с оружием.

Несколько слов о так называемых «провокаторах» в революционном движении, или, точнее говоря, об агентах политического сыска охранного отделения. 1 марта 1881 года террористы-народовольцы убили императора Александра Второго, после чего началась перестройка в министерстве внутренних дел. Сначала в Петербурге, затем в других крупных губернских городах создавались охранные отделения (так

называемая «охранка»), возглавившие политический сыск (розыск), другими словами, борьбу с революционным движением. В соответствии с положением «Об усиленной охране», отделения имели право без ведома прокурора производить аресты и вести следственные мероприятия. Туда на службу принимались дворяне, окончившие военное или юнкерское училище по первому разряду, прослужившие не менее 6 лет, только христианского вероисповедания и незапятнанные морально и политически.

В повседневной работе охранные отделения использовали секретных сотрудников (агентов внутреннего наблюдения), которые подбирались из числа членов политических партий. Нередко секретные агенты и выступали в роли «раскаявшихся», другими словами, использовались для сбора доказательств вины арестованных революционеров в ходе следствия и даже в качестве свидетелей в суде. Конечно, политические партии вели борьбу по выявлению и разоблачению тех, кто сотрудничал с охранными отделениями (их называли шпиками, провокаторами), и в некоторых случаях прибегали к их физическому уничтожению.

Архивные материалы свидетельствуют, что Бокий тоже принимал активное участие в выявлении и разоблачении источников информации охранного отделения, но не был сторонником их физического устранения. По его мнению, провалы в революционной деятельности — неизбежное зло, и необходимо в связи с этим постоянно совершенствовать методы конспирации. После Октябрьской революции Глеб Иванович не разыскивал таких людей и не мстил им. Но этим» занимались другие чекисты — сотрудники Секретного отдела ВЧК-ОГПУ. Только в 1925 год) и только украинскими чекистами, в том числе и по архивам департамента полиции, тогда еще находившихся в Ленинграде, был раскрыт 2461 провокатор, из них установлены личности 410 человек, а уже из этих людей арестовано 118 человек. 268 человек, среди которых было 30 коммунистов, по неясным причинам не были арестованы. 24 провокатора успели умереть или эмигрировать. Таким образом, 2051 человек к началу 1926 года оставался в розыске.

По воспоминаниям Ал. Алтаева, Бокий «…прославился своей выдержкой и «специальностью» — чутьем находить шпиков. Розыски их как на улице, так и в стенах института изумляли его друзей. Глядя на этого моложавого человека, с виду почти мальчика, трудно было поверить в его опытность, знание человеческой психологии, в уменье «по запаху» определять значительность агентов охранки. Он пользовался уважением товарищей за глубокое знание марксистского учения.

Он достиг в этой области (разоблачение шпиков) виртуозности и избавил студентов от шпика Пономарева. На сходке добились вынесения приговора Пономареву об исключении его из института».

«Не помню точно, — вспоминает Алтаев, — был ли Пономарев исключен Советом профессоров или же должен был, под давлением приговора товарищей, добровольно покинуть Горный. Впоследствии при обысках у студентов не раз с полицейскими присутствовал и Пономарев, помогавший арестовывать своих прежних товарищей».

В связи с тем, что ссылки на этого автора будут иметь место и в дальнейшем, биографические сведения приводятся ниже.

Ал. Алтаев — псевдоним Ямщиковой (урожденной Рокотовой) Маргариты Владимировны (1872–1959), автора более чем ста произведений, в том числе книг для детей и жизнеописаний художников, композиторов, писателей.

Ее отец, Владимир Дмитриевич Рокотов, бывший предводитель дворянства Псковской губернии, получив наследство, еще до реформы 1861 года отпустил крестьян на волю, наделив их землей, а оставшееся состояние потратил на создание общедоступного народного театра. Кроме того пробовал издавать прогрессивную газету «Киевские вести», но обанкротился, служил на выходных ролях в Петербурге, наконец он получил приглашение псковских театральных любителей на должность режиссера в Пскове.

Маргарита Владимировна вместе с отцом колесила по России во время театральных гастролей. В книге «Памятные встречи» она писала: «…В восемьдесят шестом году ему судьба немного улыбнулась: он получил место режиссера в любительском кружке и он не только ставил спектакли, но и играл видные роли».

Писательница окончила в 1885 году гимназию в Новочеркасске, училась в Петербурге в Рисовальной школе и на Фребелевских педагогических курсах. В 1893 году Маргарита Владимировна вышла замуж за лесничего А. Ямщикова, от этого брака родилась дочь, будущий ее соавтор (псевдоним «Арт. Феличе»). Брак распался, она ушла от мужа и начала зарабатывать своим трудом.

В 90-е годы писательница установила связь с революционным подпольем, в начале первой русской революции описала хронику событий 9 января 1905 года, отправив ее в зарубежные газеты.

К этим годам относится ее знакомство со студентом Горного института Бокием Глебом Ивановичем. Позже об этом она писала: «Он показался мне еще совсем мальчиком, когда впервые пришел ко мне на квартиру после обструкции, учиненной студентами с целью сорвать экзамены в Горном институте… Он был таким худеньким, молчаливым, скромным».

В своей последующей жизни Ал. Алтаев, с перерывами, остается в поле зрения Бокия. Они стали близкими людьми, доверительно делясь своими печалями, успехами, помогали друг другу. Писатель вспоминает: «Прошли годы… На одном из вечеров в студии художника Берштама, я встретилась с Глебом Ивановичем Бокием, связь с которым у меня была потеряна». И немудрено, ведь для Бокия революционная работа чередовалась с арестами, ссылками, пребыванием в тюрьмах.

После февральской революции Бокий рекомендовал Ал. Алтаева на работу в газету «Солдатская правда», для выполнения литературной обработки писем солдат, ставилась задача не испортить обработкой язык и характер писем.

В июльские дни 1917 года Ал. Алтаев находится на Псковщине, после возвращения в Петроград в сентябре,»… на квартире меня ждало письмо Бокия». И снова работа в редакции газеты «Солдатская правда».

После октябрьских событий Маргарита Владимировна переезжает в Москву вместе с советским правительством.

О деятельности Бокия она писала: «Бокий встал на защиту революции и был назначен заместителем Урицкого в ЧК… я не удивилась и обрадовалась».

Пребывание Бокия на фронтах гражданской войны прервало их общение, которое возобновилось на постоянной основе после его возвращения в Москву и продолжалось вплоть до ареста Глеба Ивановича.

Известно, что на квартире Ал. Алтаева собирались выпускники Горного института во главе с Бокием.

Возникает вопрос, как стало известно следствию об этих встречах?

Ямщикова репрессиям не подвергалась и умерла своей смертью в 1959 году.

Касаясь вопроса о конспирации вообще, будет к месту сослаться на теоретика анархизма князя П.А. Кропоткина, который считал, что «русскому революционному движению хорошо и полезно быть связанным с масонством». По его мнению, масоны — прекрасные конспираторы и у них высокая дисциплина.

Защитником Бокия на суде в Особом присутствии Санкт-Петербургской судебной палаты был адвокат Зарудный Александр Сергеевич. Его отец — Сергей Иванович — специалист по гражданскому праву, сенатор, принимал участие в подготовке крестьянской (1861) и судебной (1864) реформ. Александр Сергеевич защищал многих арестованных революционеров, в том числе лейтенанта Петра Шмидта, Л.Д. Троцкого во время процесса первого Совета рабочих депутатов

1906 года, являлся одним из защитников ложно обвиненного в убийстве приказчика Бейлиса в 1913 году. В первом составе Временного правительства (март-апрель 1917 года) Зарудный — товарищ (заместитель) министра юстиции А.Ф. Керенского. С 24 июля по 1 сентября того же года был министром юстиции. После Октябрьской революции репрессиям не подвергался, выступал в печати с мемуарами, умер в 1934 году.

3 марта 1926 года генеральный секретарь масонской ложи «Астрея» в Ленинграде Борис Викторович Астромов-Кириченко на допросе в ОГПУ показал: «…из одиночек масонов Великого Востока Франции мне известен Зарудный АС.». Автор книги «Люди и ложи» Нина Берберова, ссылаясь на переписку Керенского, включила Зарудного в список русских масонов XX столетия.

В связи с обострением туберкулеза легких, после окончания следствия Бокий был освобожден из-под стражи под залог, который внес его друг доктор Мокиевский, и находился на свободе до суда. Суд над ним и его товарищами, названный «Процессом сорока четырех», состоялся через год после ареста — в декабре 1906 года в Особом присутствии Санкт-Петербургской судебной палаты. Бокий был приговорен к двум с половиной годам заключения в крепости «за участие в сообществе, которое ставит своей целью установление в России социалистического строя». Однако его опять оставили на свободе по болезни, но он не столько лечился, сколько продолжал подпольную политическую деятельность (руководил партийной организацией на Охте и Пороховых, работал в военной организации РСДРП), в июле 1907 года после ареста социал-демократов — депутатов Государственной думы бежал в Полтавскую губернию, где вновь оказался под стражей и был отправлен в Полтавскую крепость для отбытия наказания.

Бокий отбывал свой срок в суровых условиях, как «крепостной» заключенный. Сохранилось несколько писем, отправленных им из тюрьмы адвокату Зарудному. Он писал: «…сидеть здесь неважно, как «крепостной» не имею никаких льгот, в передачах могу получать только чай и сахар». Более всего Бокий

переживал, что лишен личных свиданий («только через решетку»), и делал такой вывод: «…режим здесь бессмысленнодикий». Он страшно скучал по человеческому общению и был рад беседам даже с начальником крепости. В одном из писем Бокий сообщает адвокату, что у него появилась возможность возвратиться в Питер, и с тревогой спрашивает, законно ли накладывание «предохранительных связок» (кандалов и наручников) на отправляемого по этапу. Туберкулез легких обострился, и Бокий был помещен в больницу, но в одиночную палату. В мае 1908 года он находился уже в Санкт-Петербурге, в «Крестах», откуда в июне 1909 года вышел на свободу.

В Полтавской крепости Бокий ощущал постоянную поддержку жены, Софьи Александровны Доллер. Она осведомлялась о его здоровье, поддерживала с ним переписку, выполняла его просьбы. Сохранились два письма Софьи Александровны, отправленные защитнику Бокия — упоминавшемуся Зарудному. 8 марта 1908 года она сообщала адвокату, что Глеб Иванович будет из Полтавы переведен в Санкт-Петербург, в «Кресты»: «Вы просили, чтобы я известила Вас о результатах — я это и делаю». А 15 мая того же года она писала: «Глеб Иванович очень просил, чтобы Вы были любезны справиться в законах о сроках сидения, Арестован он 19 июля 1907 года. Сидел все время в одиночке, исключая 11 дней этапа и 10 дней в общей камере пересыльной тюрьмы. Быть может, Вы будете любезны и зайдете к нему или напишете. Сидит он во II корпусе, камера 874. С. Доллер, В.0.11 линия, д. 14, кв. 19».

Изоляция, да еще в одиночной камере, не проходит бесследно и оказывает негативное воздействие на здоровье и психику человека. Об этом свидетельствуют те, кто, как и Бокий, сидели в одиночной камере длительное время. Так, В.К. Воробьев — революционер, арестованный в декабре 1905 года, не один день просидевший в одиночной камере в «Крестах», пишет: «…тишина доводит до тоски, до мрачного отчаяния, чувствуешь себя нравственно разбитым и надломленным, ведет к расстройству нервов, бессоннице» (см. его книгу «Воспоминания»).

Чтобы лучше понять те изменения, которые произошли с Бокием после тюрьмы, обратимся к книге «Плен в своем отечестве» Льва Разгона. Будущий писатель работал в Спецотделе ОГПУ под руководством Бокия и был женат на его дочери. «Глеб Иванович не принимал участия в застольном шумстве, но с удовольствием прислушивался к нему и никого не стеснял. Сидел, пил вино или что-нибудь покрепче и курил одну за одной сигареты, которые он тут же скручивал из какого-то ароматного табака и желтой турецкой бумаги. Глеб Иванович… никогда не вел аскетической жизни. Но зато имел свои «странности». Никогда никому не пожимал руки, отказывался от всех привилегий своего положения: дачи, курортов и пр. Вместе с группой своих сотрудников арендовал дачу под Москвой в Кучино и на лето снимал у какого-то турка деревенский дом в Махинджаури под Батумом. Жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, родные и знакомые даже не могли подумать о том, чтобы воспользоваться для своих надобностей его казенной машиной. Зимой и легом ходил в плаще и мятой фуражке, и даже в дождь и снег на его открытом «паккарде» никогда не натягивался верх. Его суждения о людях были категоричны и основывались на каких-то деталях, для него решающих…»

Уже упоминавшийся выше писатель АлАлтаев вспоминает, что Глеб увлекался простотою привычек и самодеятельностью в быту, пропагандируемой романом «Робинзон Крузо». Он ходил в старой холодной шинели и в мягких рубашках и блузах, как в старые студенческие годы. В углу его номера помещался стол с сапожными инструментами. Он сам починял свои сапоги, чинил башмачонки детям и твердил, что стыдно искать для починки обуви сапожника, когда можно легко обслуживать свою семью самому, нужно лишь под рукою иметь резину, а достать ее можно без затруднения, так как в учреждениях есть старые автомобильные шины, вполне пригодные для подошвы. Позднее он узнал отрицательную сторону такой починки и теперь уже каждого отговаривал от резиновых подошв.

Глава третья
Глеб Иванович Бокий и семья

Софья Александровна Доллер — дочь обрусевшего француза Доллера и участницы движения народовольцев Шехтер. Бокий женился на Софье Александровне в июле 1905 года. Спустя 15 лет они расстались. Татьяна Алексеева и Николай Матвеев по данному поводу высказывали такую точку зрения (см. их книгу «Доверено защищать революцию»): «Не будет поставлено нам в упрек повторение истины: жизнь сложна. В 1919 году Глеб Иванович Бокий был Один. С Софьей Александровной Доллер они расстались после стольких лет сложной, но общей жизни. Отношения двоих близких людей — их тайна».

После длительного перерыва Ал. Алтаев, встретившись с Бокием, пишет: «В первое же посещение он в разговоре нарисовал свой новый, уже установившийся определенный образ. Это был теперь не прежний задорный мальчик, а отец двух девочек, женатый на дочери известной политической ссыльной, встреченной им в Сибири, Софье Александровне Доллер, красивой, живой, тяготевшей к эсерству курсистке.

Мы виделись редко; он был слишком занят. Впрочем, я бывала иногда у него в номере «Националя», видела его нескладную, неуютную жизнь занятого человека и двух детей, связанных нежной трогательной любовью друг к другу, причем старшая заменяла маленькой мать. Жена Бокия обычно была занята своими делами, кроме того, она слишком любила удовольствия жизни.

Глеб Бокий очень любил детей и животных. Он был нежным отцом, особенно же любил свою старшую дочь Леночку.

Помню ее маленькой восьмилетней девочкой, такой же красивой, и такой же упрямой, как отец, и с таким же любящим, доступным жалости ко всему слабому сердцем. Помню, как заботилась она о сестренке, маленькой Оксане, которой тогда было не больше двух-трех лет. Впоследствии, когда сестра тяжело болела, Леночка самоотверженно ухаживала за ней.

Бокий, сильно привязанный к Леночке, не расставался с ней и во время работы. Она ему помогала. Он научил ее писать на машинке, и она выстукивала пропуска, мелкие распоряжения, а попутно слушала доклады и разборы разных дел, мнения об арестованных, проекты и решения. Она имела свое понятие об отношениях отца к тому или иному товарищу; от нее не укрывалась ни одна неприятность, ни одна трагедия, происходившая при свидании отца с родственниками арестованных. С детских лет, постигая по-своему психологию судей ЧЕКА и обвиняемых, девочка выросла волчонком, недоверчивым и замкнутым. Умная не по возрасту, она, в сущности, была лишена радости детства, ребяческой беззаботности».

Софья Александровна вышла замуж за Ивана Михайловича Москвина. С ней осталась младшая дочь Оксана. Лена же осталась с отцом.

В 1937 году, когда были арестованы Бокий и Москвин, Софья Александровна и дети тоже были подвергнуты аресту.

Глеб Иванович Бокий вторично гражданским браком женился на Добряковой Елене Алексеевне (1909–1956). От этого брака в 1936 году родилась дочь Алла. Внук Бокия Глеб Бокий родился в 1970 году, он был удачливым бизнесменом. Убит в 1999 году.

Глава четвертая
Революционная деятельность до Октября 1917 года

Летом 1909 года Глеб Иванович Бокий вышел на свободу и сразу же включился в подпольную революционную деятельность (легально он работал гидротехником в министерстве земледелия). Годы, проведенные в крепости, не сломили Глеба Ивановича, хотя впереди у него новые аресты и ссылки. Он продолжает оставаться одним из руководителей Объединенного комитета, координирующего деятельность большевистских и других демократических организаций высших учебных заведений столицы.

Вот как оценивал деятельность Бокия в годы реакции старый большевик Василий Михайлович Бажанов: «Огромную роль сыграл Г.И. Бокий, направляя работу Москвина и некоторых других. Без его руководства, инструктирования, без его участия в работе, вероятно, многие из нас не прошли бы необходимой школы, совсем не втянулись бы в работу или скоро выдохлись бы».

Умелый организатор, страстный пропагандист Бокий активно участвует в работе большевистской «Правды» вплоть до Октября 1917 года.

Когда началась Первая мировая война, Бокий безоговорочно принял ленинскую оценку войны. В это трудное для партии время остро стояла задача возрождения всероссийского центра, руководящего работой. В связи с этим и было создано Русское бюро ЦК РСДРП(б), членом которого стал в 1916 году Глеб Иванович.

В апреле 1916 года Бокий вновь был арестован в связи с ликвидацией «Студенческого социал-демократического комитета. При обыске, по данным директора департамента полиции: «…У Бокия Г.И., студента Горного института, найдено: переписка, расписка Владимира Орлова в получении от Г.И. Бокия кружка № 2 с деньгами и оставшейся в столовой». А осенью 1916 года последовал его новый, двенадцатый арест. В декабре 1916 года был вновь освобожден, принял участие в Февральской революции.

В апреле 1917 года Глеба Ивановича избрали секретарем Петербургского комитета РСДРП(б) и членом его исполнительного комитета, который располагался в особняке Кшесинской. О том, в каких условиях и как работал Бокий в то время, рассказывает Маргарита Ямщикова: «..Бот он, дворец Кшесинской, облицованный эмалированными глянцевитыми кирпичиками, какие мы привыкли видеть на молочных лавках Чичкина». Особняк Кшесинской принадлежал до Февральской революции 1917 года балерине Матильде Феликсовне Кшесинской, фаворитке императора Николая II. В марте-июле 1917 года здесь помещался ЦК и Петербургский комитет

РСДРП(б). В 1957 году в здании разместился Музей Октябрьской революции (ныне Государственный музей политической истории России). Мраморная лестница с пятнами от пролитых чернил. «Я вхожу в большую комнату со столами, заваленными папками. На одном из столов, в стороне, таз с водой; 2 женщины моют типографский шрифт. За другим столом Глеб что-то записываег в книгу, разговаривая с человеком, по виду рабочим. Как я потом узнала, Бокий выписывал ему партийный билет. Женщины у таза оказались: одна — жена старого большевика Нина Августовна Подвойская, сама тоже член партии, молчаливая, деловая и в тоже время приветливая той простой приветливостью, которая встречается у некоторых школьных учительниц, а другая — молчаливая курсистка, имя которой я забыла».

«Мне никогда не забыть той картины, которая предстала перед моими глазами — пишет Ямщикова. — Тесная комната была завалена газетами, в ней не оказалось и намека на аккуратность, неукоснительно поддерживавшейся Глебом во дворце Кшесинской. Народу набилась полная комната. Беспрестанно двигались взад и вперед солдаты за мандатами, приходили и рабочие, и все куда-то торопились. Я спросила Глеба Ивановича. Его заместитель указал на угол. Там, к своему удивлению, я увидела на каких-то досках от ящика распростертое тело Глеба. Лицо было небритое, бледное до прозрачности, глаза крепко зажмурены. Он спал мертвым сном. Я поняла все и ушла, не проронив ни слова…»

24 апреля 1917 года в актовом зале Женского медицинского института начала работу седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Ее делегатом был Бокий.

Конференция одобрила курс на социалистическую революцию, провозглашенный в Апрельских тезисах Ленина.

Глеб Иванович присутствовал также на шестом съезде партии и историческом заседании ЦК 18 октября. На этом заседании Бокий выступил от Петербургского комитета большевиков с сообщением о подготовке районных организаций к вооруженному восстанию. Глеб Иванович вошел в состав Военно-революционного комитета.

Партийная работа Глеба Ивановича Бокия закончилась 10 марта 1918 года, когда он был назначен заместителем председателя Петроградской чрезвычайной комиссии (ПЧК).

Глава пятая
Революционер становится чекистом

В марте 1918 года столица переехала из Петрограда в Москву, вместе с правительством туда выбыла и Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). В Петрограде же сформировалась своя Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов (ПЧК) во главе с председателем. Исполнительный орган комиссии получил название — Президиум.

Комиссия разместилась на Гороховой, 2, где до этого функционировала ВЧК.

На пост первого председателя ПЧК был рекомендован Моисей Соломонович Урицкий, а его заместителем стал Глеб Иванович Бокий — «так приказала партия».

Что же являлось основанием для направления Бокия на работу в Чрезвычайную комиссию?..

Если во время подготовки и проведения вооруженного восстания в октябре 1917 года партия доверила Бокию стать членом Военно-революционного комитета (а комитет, как известно, до создания ВЧК и занимался подавлением контрреволюции и борьбой со спекуляцией и саботажем), то, вроде бы, закономерен переход его, Бокия, в структуры ПЧК. Тем более, что, еще будучи секретарем Петроградского комитета РСДРП(б), он был инициатором создания отряда по оказанию помощи чекистам. Высокой партийной должности, к которой Бокий тяготел, он был лишен и стал лишь заместителем председателя ПЧК.

Сомнению не подлежит, что росле Октябрьской революции при назначении на руководящие посты предпочтение отдавалось

лицам, возвратившимся из эмиграции. Другими словами, «западники» захватили власть после октября 1917 года, а тех, кто был на месте, внутри страны, они старались превратить в «статистов», исполнителей порой грязной работы. Искусством управления государством «западники» не владели, к тому же, длительное время находясь в эмиграции, были оторваны от действительности. Их теория стала проверяться на экспериментах.

Революционер, «сгорающий тихим, иногда почти невидимым огнем», Бокий приступил к выполнению очередного задания партии, все еще веря, что «освещает путь в будущее». То, что Бокий подвергался арестам 12 раз, не вызывало уважения с его стороны к политическому сыску, т. е. охранному отделению, где он, вероятнее всего, столкнулся с негуманным обращением. Затаил ли он обиду, нашло ли это отражение в его деятельности в ЧК? С полной уверенностью, на основании архивных данных, можно сказать: Бокий был незлопамятным и нежестоким человеком.

Бокий участвовал в разработке и создании структуры комиссии, занимался хозяйственными вопросами, разборами конфликтных ситуаций среди сотрудников. Он был объективен и на своем месте помог некоторым людям восстановить справедливость. Разобравшись в деле снятого с поста председателя Гатчинской ЧК Серова, Бокий добился его восстановления в должности.

Еще один пример из деятельности Бокия того времени, приведенный историком В. Барановым в статье «Все ли дозволено Юпитеру». Оказывается, Бокий по просьбе Горького и вместе с ним боролся за спасение от гибели великого князя Гавриила Константиновича. И происходило это сразу после кровавого дня 17 июля 1918 года — трагедии в доме Ипатьева в Екатеринбурге, когда была расстреляна царская семья. С помощью Бокия царского троюродного брата удалось извлечь из заточения.

А произошло это так. Когда великий князь Гавриил Константинович был арестован, его жена пошла на прием к Урицкому, тот отказался освободить князя и заявил, что Гавриил

Константинович арестован «за то, что он Романов. За то, что Романовы 300 лет грабили, убивали и насиловали народ, за то, что я ненавижу всех Романовых, ненавижу всю буржуазию и вычеркиваю их одним росчерком пера… Я презираю их, как только возможно. Теперь наступил наш час, и мы вам мстим, и жестоко!»

После убийства Урицкого, Бокий, став председателем ПЧК, разрешил перевести Романова в частную клинику, откуда вскоре ему было разрешено переехать на квартиру писателя Максима Горького. Потом Гавриил Константинович и его жена получили разрешение на выезд в Финляндию.

О расстреле великих князей, находившихся в Петрограде, имеется такая информация. «В ночь с 27 на 28 января в Петропавловской крепости по приговору Чрезвычайной комиссии расстреляны: великие князья — Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович и Николай Михайлович.

Вечером 27 января около 6 часов все они были доставлены на Гороховую, 2, где некоторое время находились в одном помещении. Там с них был снят допрос, подробности неизвестны.

Есть серьезные основания предполагать, что допрос происходил в весьма варварской форме и было применено физическое воздействие. В последнее время великие князья чувствовали себя достаточно крепко в физическом отношении, между тем в крепость их привезли в полуобморочном состоянии.

По прибытии в крепость великих князей выносили поодиночке из автомобиля и затем расстреливали. На ногах имел силы держаться великий князь Николай Михайлович, остальные расстреляны в лежачем положении. Расстрел производила местная воинская часть. Похоронены они на месте расстрела» (материалы любезно предоставил доцент РГПУ им. Герцена А.В. Смолин, который, находясь в США, получил их в архиве Стэнфордского института).

И в заключение приведем версию расстрела великих князей из книги Ф.И. Шаляпина «Маска и душа». Он пишет:

«Горький, который в то время, как я уже отмечал, очень горячо занимался краснокрестной работой, видимо, очень тяготился тем, что в тюрьме с опасностью для жизни сидят великие князья. Среди них был известный историк великий князь Николай Михайлович и Павел Александрович.

Старания Горького в Петербурге в пользу великих князей, по-видимому, не были успешными, и вот Алексей Максимович предпринимает поездку в Москву к самому Ленину. Он убеждает Ленина освободить великих князей и в этом преуспевает. Горький, радостно возбужденный, едет в Петербург с бумагой. И на вокзале из газет узнает об их расстреле! Какой-то московский чекист по телефону сообщил о милости Ленина в Петербург, и петербургские чекисты поспешили ночью расстрелять людей, которых уже утром ждало освобождение… Горький буквально заболел от ужаса». Указание ПЧК о расстреле великих князей дал Зиновьев.

Примечателен еще такой факт. 19 мая 1918 года «Петроградская правда» поместила воззвание некоего «Главного штаба народной расправы». Содержание этого листка сводилось к призывам «убивать большевиков и жидов». После этого были арестованы 42 человека, ордера на обыск и арест которых утвердил председатель ПЧК Урицкий. Вскоре 36 арестованных были освобождены. При этом 25 из них вышли на свободу по постановлениям, подписанным Бокием (дело о «Главном штабе народной расправы» подробно описано мною в книге «Питерские прокураторы»).

Он все-таки оставался лишь «вечно вторым» — заместителем — и не принимал в то время участия в решении глобальных вопросов, в том числе и в кадровой политике.

Когда Бокий приступил к исполнению обязанностей председателя ПЧК, по его совету Петроградский комитет партии рекомендовал на работу в комиссию Н.К. Антипова, А.Н.

Сергеева, В.А. Васильева и Е.Д. Стасову. Все были введены в Президиум ПЧК.

Николай Кириллович Антипов был назначен начальником отдела по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, после отъезда Бокия из Петрограда он становится заместителем председателя ПЧК, потом председателем этой комиссии. С 1919 года Антипов на руководящей партийной и советской работе.

Анатолий Николаевич Сергеев (Комаров) возглавил иногородний отдел ПЧК, с 1920 года — на различных партийных и государственных должностях в Петрограде и других городах СССР.

Более подробные сведения есть о Василии Александровиче Васильеве. В автобиографии он так описывает начало своей политической деятельности: «Революционная работа захватила меня в 1905 году. Участие в манифестации, во время которой я получил удар нагайкой по правой руке, а также потеря отца сильно подействовали на меня, и я стал искать способы организованной революционной борьбы с буржуазией». С его отцом произошло вот что: «Во время манифестации 9 января 1905 года отец мой был избит жандармами и вскоре умер».

До высылки из Петрограда в 1915 году Васильев дважды подвергался арестам за распространение нелегальной литературы и прокламаций, участие в забастовках и демонстрациях. Он не прекращал политической деятельности и на Украине, во время ссылки. Возвратился в Петроград после Октябрьской революции и активно включился в работу. Будучи командиром красногвардейского отряда, он в одном из боев с белогвардейцами получил ранение.

В сентябре 1918 года Петроградский комитет партии направляет. Васильева на работу в ПЧК. Так он стал членом Президиума, занимался проведением красного террора. В начале 1919 года по рекомендации Ф.Э. Дзержинского Васильев назначается начальником активной части Особого отдела ВЧК в Москве. Васильев участвовал во многих чекистских мероприятиях, в том числе и ликвидации заговора «Национального центра».

Но в этом же году он вновь возвращается в Петроград как член группы первого заместителя начальника Особого отдела ВЧК Ивана Павлуновского по организации отпора армии Юденича и подавления восстания на форте Красная Горка. Затем остается в родном городе в распоряжении Петроградского комитета партии, который поручает ему реорганизацию государственного контроля рабоче-крестьянской инспекции. В 1923 году Васильев демобилизуется, и его дальнейшая работа проходит в народном хозяйстве: директор Сестрорецкого завода, института «Механобр», «Красного треугольника» и др.

В феврале 1928 года в Ленинградскую контрольную комиссию ВКП(б) поступает заявление на Васильева о том, что он «является одним из крупных фракционеров, организатором оппозиции, ведет активную фракционную работу, его квартиру посещали Зиновьев и Троцкий». В результате проверки выяснилось, что Васильев «никогда к оппозиции не принадлежал».

Рекомендации для вступления в партию Васильеву давали Б.Д. Стасова и Г.И. Бокий, под руководством которого он некоторое время работал в ПЧК. Василий Александрович Васильев умер в Ленинграде в 1970 году.

Глеб Иванович Бокий был образованным человеком (хотя Горный институт он так и не смог окончить — частые аресты не способствовали учебному процессу). Достаточно сказать, что он неплохо разбирался в искусстве и литературе. Еще одна выдержка из книги Льва Разгона: «Мы знали, — рассказывает Разгон, — что Глеб Иванович был не только знаком, но и дружил с Шаляпиным, который в своих воспоминаниях «Маска и душа» так отзывался о Бокии: «Хотя о нем ходили и ходят легенды как о кровавом садисте, — я утверждаю, что это — ложь, что Глеб Иванович один из самых милых, обаятельных людей, которых я встречал… я дружил с ним и рад, что у меня в жизни была такая дружба»».

Нет оснований не верить Л. Разгону, которому Бокий мог много рассказывать о Шаляпине, но в книге «Маска и душа» имеется только один эпизод, связанный с Бокием. Вот он. Шаляпин

пишет: «Вообще же я мало встречал так называемых поклонников моего таланта среди правителей… за исключением одного случая, о котором я хочу рассказать, потому что этот случай раздвоил мои представления о том, что такое чекист.

Однажды ко мне в уборную принесли кем-то присланную корзину с вином и фруктами, а потом пришел в уборную и сам автор любезного подношения. Одетый в черную блузу, человек этот был темноволосый, худой, с впалой грудью. Цвет лица у него был и темный, и бледноватый, и зелено-землистый. Глаза-маслины были явно воспалены. А голос у него был приятный, мягкий; в движениях всей фигуры было нечто добродушно-доверчивое. Я сразу понял, что мой посетитель туберкулезник. С ним была маленькая девочка, его дочка. Он назвал себя. Это был Бокий, известный начальник Петербургского ЧК, о которой не слышал ничего, что вязалось бы с внешностью и манерами этого человека… Но совсем откровенно должен сказать, что Бокий оставил во мне прекрасное впечатление, особенно подчеркнутое отеческой его лаской к девочке» (это была старшая дочь — Лена).

О многом говорит такой эпизод, имевший место в период красного террора. В числе заложников находился банкир Захарий Петрович Жданов. Его жена предпринимала попытки для облегчения участи мужа, появились личности, пообещавшие освободить банкира за крупную взятку, однако вскоре от своего обещания отказались, когда выяснилось, что решение вопроса зависело от Бокия, который пользовался репутацией неподкупного человека.

По воспоминаниям Ал. Алтаева, Бокий жесток не был и, если взял на себя тяжелую обязанность защиты революции, то только потому, что чувствовал себя способным выполнить эту трудную и важную работу. Недаром он так высоко ценил и глубоко любил Дзержинского, этого «рыцаря Революции», смерть которого он воспринял как личное горе. Дочь Бокия рассказывала, что видела отца плачущим еще только один раз, когда скончался Владимир Ильич. Очевидно, работы у Глеба хватало. Она так измотала его, что от него осталась только тень. Он как-то весь

стаял, и на бледном лице со впалыми щеками лихорадочно горели ставшие неестественно огромными черные «южные» глаза.

Еще одна близкая знакомая Бокия тоже писательница, Мария Абаза, характеризует их отношения так»… Несмотря на то, что революция поставила героя романа и автора по разные стороны баррикад и разъединила их, несмотря на любовь, навсегда, для автора герой — личность громадная, сложная, непонятная преданностью делу, которое называется революцией».

Здесь необходимо вспомнить первого руководителя ВЧК.

Дзержинский Феликс Эдмундович, из мелкопоместных дворян, римско-католического вероисповедания. Ушел из виленской мужской гимназии на последнем году обучения. В автобиографии указал: «…за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться». Став в 19 лет профессиональным революционером, 6 раз был арестован, из них 3 раза по доносу провокаторов (двое предателей, пекарь Ставинский и краснодеревщик Сеткович, после разоблачения были ликвидированы). Неизвестно, участвовал ли в этом Дзержинский, бывший тогда председателем следственной комиссии Главного правления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.

Жена Дзержинского — Софья Сигизмундовна (в девичестве Мушкат) в 1910 году была арестована. В заключении родила, сына Яна, сослана в Сибирь, откуда бежала за границу. С мужем встретилась только после революции, в 1918 году.

После Октября Дзержинский возглавил по предложению Ленина ВЧК, в 1921 году — наркомат путей сообщения. По его предложению в январе 1920 года был принят декрет об отмене сметной казни, велась борьба с беспризорностью и голодом.

В апреле 1921 года Дзержинский в телеграмме председателю Тамбовской губЧК потребовал освободить занятый особым отделом отремонтированный дом и передать его детской больнице.

Бывший чекист Тихонов Дмитрий Николаевич, долго служивший в охране Сталина, рассказал мне такой факт. В 1951 году вдова Дзержинского Софья Сигизмундовна пришла в бюро пропусков МГБ СССР для продления пропуска в клуб министерства. Тогда же она пригласила сотрудника бюро пропусков Тимофеева к себе домой на чай в ближайшее воскресенье. Он согласился, но доложил своему начальнику, который его обругал и запретил ходить.

В понедельник Софья Сигизмундовна пришла в бюро пропусков, чтобы получить документ. Встретив Тимофеева, она сказала ему, что Феликс Эдмундович, если давал обещание, обязательно его выполнял.

До 30 августа 1918 года роль Бокия в деятельности ПЧК особо не просматривается, за исключением, может быть, участия в качестве заместителя председателя в Военно-революционном комитете с широкими полномочиями, созданном по решению президиума Исполкома Союза коммун северных областей (СКСО). Причиной появления этого комитета послужило убийство комиссара по печати Володарского и германского посла Мирбаха в Москве, а также мятеж чешских военнопленных и появление Восточного фронта. Однако никаких документов за подписью Бокия за июль — август 1918 года мною в архиве не обнаружено.

Теперь о месте Бокия в начальный период красного террора в Петрограде. 30 августа 1918 года Урицкого застрелил бывший юнкер Леонид Канегиссер, и Бокий приступил к исполнению обязанностей председателя ПЧК сроком до 8 октября того же года.

Прошло чуть больше часа после выстрела, оборвавшего жизнь Урицкого, как во все концы Союза коммун северных областей посыпались телеграммы от имени президиума Петроградского Совета за подписью его председателя Зиновьева. В них утверждалось, что «это новое покушение буржуазии и ее прислужников», главным образом «англо-французов», а «допрашивавшие товарищи приходят к убеждению, что он (убийца. — В. Б) из правых эсеров». Президиум Петроградского

Совета предписывал: «Немедленно привести все силы в боевую готовность… организовать повальные обыски, аресты среди буржуазии, офицерства… студенчества и чиновничества., обыскать и арестовать всех буржуа, англичан и французов…»

Постановление о красном терроре появилось в печати 5 сентября, а расстрелы в Петрограде начались уже 2 сентября. Выполнять эти решения должна была ПЧК во главе с Бокием. 6 сентября «Петроградская правда» за подписью Бокия опубликовала такое сообщение: «…правые эсеры убили Урицкого и тяжело ранили т. Ленина. В ответ на это ВЧК (не ПЧК! — В. Б.) решила расстрелять целый ряд контрреволюционеров, которые и без того давно уже заслужили смертную казнь. Расстреляно всего 512 контрреволюционеров и белогвардейцев, из та 10 правых эсеров… Мы заявляем, что, если правыми эсерами и белогвардейцами будет убит еще хоть один из советских работников, ниже перечисленные заложники будут расстреляны». Среди заложников были великие князья, бывшие министры правительства Керенского, представители имущих слоев, генералы и офицеры.

Необходимо остановиться на. роли Зиновьева в жизни Бокия. Неприязненные отношения между Бокием и Зиновьевым сложились давно. Как известно, в октябре 1917 года Зиновьев вместе с Каменевым выступил против решения партии о вооруженном восстании. Он пробовал заручиться поддержкой Петроградского комитета РСДРП(б), но не тут-то было! ПК во главе с Бокием дал ему решительный отпор.

С отъездом правительства в Москву вся власть в бывшей столице возлагалась на бюро ЦК РКП(б) по Петрограду и на Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Первым лицом здесь оставался Григорий Евсеевич Зиновьев. Он начал с того, что вывел Бокия из состава руководящих партийных органов и из Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, до поры до времени согласившись оставить его заместителем председателя ПЧК.

В 1918–1926 годах Зиновьев обладал в Петрограде-Ленинграде практически неограниченной властью и во что бы то ни стало

пытался распространить ее на весь российский Северо-Запад. Начало было положено на I съезде Советов Северных губерний. Он состоялся 26–29 апреля 1918 года в Петрограде и принял решение о создании Союза коммун северных областей (СКСО), куда вошли Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская и Псковская губернии с общей численностью населения около 9 млн. человек. Председателем Исполкома СКСО был избран Зиновьев.

Этот искусственно созданный Союз просуществовал до 24 февраля 1919 года. На III съезде Советов СКСО было принято такое решение: «…для настоящего момента является рациональным ликвидировать СКСО, связав входящие в него губернии непосредственно с Москвой».

При Зиновьеве сменились девять секретарей Петроградского комитета партии, одиннадцать начальников губернской ЧК; только за 1919 год побывали на посту руководителя городской милиции восемь человек. Чехарда с назначениями не была случайной: Зиновьев, как и любой диктатор, старался подбирать в свою когорту безгранично преданных людей, а Бокий сюда никак не вписывался.

В завершение приводим мнение о Зиновьеве одного из старых революционеров — Федора Раскольникова. «После Октябрьской революции Ленин простил Зиновьева и Каменева за «штрейкбрехерство» и не только сохранил Зиновьева и Каменева в партии, но и посадил обоих, как бояр, на «кормление»: Каменева — в московскую, а Зиновьева — в Петроградскую вотчину…» Раскольников характеризует Зиновьева еще и так: «Зиновьев не отличался личной отвагой и, как все трусливые люди, в панике хватался за орудие террора…»

В журнале «Известия ЦК КПСС» № 5 за 1989 год о нем помещены также сведения: «Григорий Евсеньевич Зиновьев родился в 1883 году в Елизоветграде Херсонской губернии в мелкобуржуазной семье. Отец — Радомысльский содержал мелкую молочную ферму, мать — домохозяйка.

Революционную деятельность Г.Е. Зиновьев начал во время учебы в гимназии. В 1901 году он вступил в РСДРП, в состав Политбюро ЦК входил в 1919–1926 годах, тогда же занимает пост председателя исполкома Коминтерна.

В годы эмиграции (1908–1917) Г.Е. Зиновьев является одним из ближайших сотрудников и помощников В.И. Ленина too руководству партией. Он вошел в ЦК РСДРП в 1907 году, вошел в состав Большевистского центра (1907–1910), входит в редакцию важнейших партийных легальных и нелегальных газет и журналов («Пролетариат», «Социал-Демократ», «Рабочая газета», «Звезда», «Правда» и др.), является автором многих официальных партийных документов, статей, брошюр, книг по проблемам теории, политики, тактики партии и международного коммунистического движения. Политической деятельности Зиновьева были свойственны и крупные ошибки. Как известно, в октябре 1917 года он вместе с Л.Б. Каменевым выступал против решения ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании. В 1925 году Зиновьев один из организаторов так называемой «новой оппозиции». Трижды (в 1927, 1932 и 1934 годах) исключался из партии за фракционную деятельность. Высылался из Москвы.
В 1934 по сфальсифицированному обвинению Г.Е. Зиновьев был арестован, в 1936 году осужден и расстрелян. В 1988 году все обвинения по судебной линии с Г.Е. Зиновьева были сняты».

Окончательный разрыв Бокия с Зиновьевым произошел в начале красного террора. Об этом подробно и красочно рассказано Т. Алексеевой и Н. Матвеевым в книге «Доверено защищать революцию». Вот что произошло.

«В середине сентября на заседании коллегии (авторы ошибаются, в Петрограде был Президиум. — В. Б.) Петроградской ЧК выступил. Зиновьев и возбужденно потребовал немедленно вооружить всех рабочих с предоставлением им права самосуда. Напирая на классовое чутье, он призвал к расправе над «контрой» прямо на улицах, без суда и следствия…

— Знает ли товарищ Зиновьев, к чему приведет такое, с позволения сказать, «правосудие»? — начал он (Бокий. — В. В.). — Это приведет к бойне! Начнется бесчинство.

После Бокия в таком же духе выступили Стасова, Антипов, другие члены коллегии…».

Далее авторы пишут, что Зиновьев стал предпринимать энергичные меры для снятия Бокия с поста председателя ПЧК. По словам Стасовой, «Глеб Иванович догадывался, чем это вызвано, но не мог поверить, взять в толк, что партийный товарищ станет использовать свою должность для сведения личных счетов». В то время Елена Дмитриевна Стасова, член президиума ПЧК, пыталась помочь Бокию и просила Я.М. Свердлова перевести его на работу в Москву.

Существует и другая версия ухода Бокия из ПЧК, изложенная петербургским историком Евгением Шошковым:

«Бокию принадлежала блестящая идея выкачивания денег из заложников. Не хочешь сидеть за решеткой — плати, и ты на свободе. Это золотое в прямом смысле слова правило председатель Петроградской ЧК применял к своим особо богатым клиентам. Заложников арестовывали тайно, то есть, попросту говоря, похищали, затем держали на конспиративных квартирах и после получения выкупа переправляли через финскую границу — все честно. Правда, огромные деньги не значились ни в одной ведомости, ни в одном приходном ордере.

Об астрономических суммах, получаемых таким образом, правительство узнало из донесения пламенной большевички В.Н. Лковлевой — заместителя Бокия. Следствие, проведенное по прямому указанию Ленина, установило причастность к тайной операции верхушки ЧК во главе с «железным Феликсом». Впрочем, раздувать огонь не стали, и Бокий с подельниками отделался легким испугом — его всего лишь временно отстранили от занимаемой должности».

10 октября 1918 года Глеб Иванович находился уже в столице. Бокия сменила на посту председателя ПЧК Варвара Николаевна

Яковлева, в июле 18-го назначенная зампредом ВЧК и находившаяся в Питере в качестве представителя центра (входила в Президиум ПЧК).

Глава шестая
Отрезок жизни от Петрограда до Москвы

Итак, 10 октября 1918 года Бокий из Петрограда приехал в Москву, где был назначен членом Коллегии НКВД республики, но долго не задержался. Рекомендация Е.Д. Стасовой не оказала соответствующего влияния на председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, из его рук Бокий получил мандат агента ЦК партии и отправился в оккупированную немцами Белоруссию «для ознакомления с постановкой и ведением нелегальной работы», взяв с собой дочь Лену для «конспирации». Глеб Иванович опять в подполье, его жизни угрожает теперь не ссылка или тюрьма, а смерть. Но он занимается, не только ревизией, но и укреплением позиций большевиков, принимает участие в создании Совета рабочих депутатов Белоруссии.

В конце ноября 1918 года Бокий возвратился в Москву из освобожденной Белоруссии, однако в столице он никакого поста вновь не получил. Он едет на Восточный фронт, где в мае 1919 года по распоряжению председателя Реввоенсовета Троцкого, без предварительного согласования с Управлением особого отдела ВЧК, назначается начальником Особого отдела фронта, с подчинением ему всех губернских ЧК в зоне боевых действий. Дзержинский согласился с назначением Бокия. Этот факт недавно обнародовал историк органов госбезопасности генерал-лейтенант Александр Зданович.

С сентября 1919 года после преобразования Южной группы войск Восточного фронта в Туркестанский фронт Бокий возглавляет Особый отдел нового фронта. Военные действия Туркестанского фронта сочетались с советизацией края. Происходила ломка сложившихся веками традиций, обычаев, что приводило к расслоению населения по национальному признаку, нарушению равновесия. Начиналась борьба с религией.

Сопротивление всему этому, естественно, усиливало карательные акции против непокорных.

Особый отдел в классическом понимании обязан бороться со шпионажем против собственных войск и заниматься сбором информации о противнике при поддержке, разумеется, местного населения. Бокий, не только как начальник Особого отдела фронта, но и как «полномочный представитель на весь Туркестан», как член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, отвечавший за советское строительство, не мог стоять в стороне от решения политических вопросов и морально нес ответственность за обращение с местным населением.

Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР была создана в октябре 1919 года по предложению Ленина и обладала полномочиями государственного и партийного органа. Просуществовала до середины августа 1922 года. Как указано выше, членом комиссии были Бокий и командующий Туркестанским фронтом Фрунзе. Необходимо сказать, что Бокий служил вместе с Фрунзе и на Восточном фронте. Они находились в доверительных и уважительных отношениях.

Любопытно письменное распоряжение Бокия по поводу неверного обращения сотрудников Особого отдела Туркестанского фронта с гражданским населением и заносчивости по отношению к различным местным учреждениям. Он предупреждает, что подобное поведение «будет рассматриваться как действие, направленное против советской власти, и караться самыми суровыми мерами».

В успешном разгроме армии Колчака и в удачных действиях Туркестанского фронта большая заслуга принадлежит Бокию. О его порядочности и объективности в те годы свидетельствует такой факт.

Леонид Сергеевич Вивьен (1887–1966), до 1917 года — актер Александринского театра Петербурга, в 1918–1920 годах — режиссер театрального отдела Петроградского Совета и инструктор двух передвижных трупп по обслуживанию фронтов Гражданской войны. В декабре 1919 года Особый отдел

Туркестанского фронта направил в Туркестанскую ЧК предписание арестовать Вивьена, так как он подозревался в участии в контрреволюционной организации на этом фронте. После тщательной проверки обвинения с Вивьена были сняты, и он из-под стражи был освобожден.

Еще один пример неподкупности и принципиальности Бокия. В сентябре 1919 года Особый отдел арестовал сотрудника Сибирской ЧК Каюрова Александра Васильевича по обвинению в должностных преступлениях. Несмотря на ходатайство перед Лениным отца арестованного, старого большевика Василия Каюрова, заместителя начальника политотдела Пятой армии Восточного фронта (известного Бокию еще по подпольной работе в Питере), Каюров все-таки был уволен со службы в ЧК, на чем настоял Глеб Иванович.

Напряженная работа сказалась на здоровье Бокия. В очередной раз обострился туберкулез легких. В трудных фронтовых условиях он не мог лечиться традиционными методами и прибег к народным средствам Востока, перейдя к употреблению в пищу собачьего мяса.

Врачи отмечают, что при длительном течении туберкулеза (от 20 лет и более) реакция организма на болезнь многообразная и стойкая, возможно изменение характера человека, его личностных качеств. Появляются астенические, возбудимые и истерические проявления с повышенной сексуальностью. Эту болезнь Бокий приобрел, если можно так выразиться, еще в студенческие годы, когда начались материальные трудности, связанные со смертью отца. Он совмещал учебу с работой и продолжал подпольную революционную деятельность, сопровождавшуюся арестами, отбываниями наказаний в ссылках и тюрьмах, а это только усугубляло течение болезни.

Глеб Иванович, конечно, обращался за помощью к врачам, и одним из тех, кто много сделал для него, был Иван Иванович Манухин — доктор медицины, в дореволюционное время популярный врач Петербурга, лечивший многих литераторов, в том числе Мережковского и Горького. В июле 1917 года у него на квартире скрывался Ленин.

После октября 1917 года Манухин продолжал лечить знатных персон, спасал людей от арестов ЧК, способствовал их освобождению из тюрьмы. Каждый раз ему приходилось обращаться за содействием то к Ленину, то к Горькому, и даже к Глебу Ивановичу. И они ему не отказывали.

В начале 20-х годов Манухин сотрудничал с эпидемиологическим отделом Института экспериментальной медицины (лаборатория акад. Павлова) и занимался получением возбудителя свирепствовавшей тогда эпидемии гриппа — испанки, а также работал над созданием противотифозной сыворотки. Кроме того, он интересовался вопросами внутренней секреции в связи с проблемами омоложения. Выехал за границу с помощью Горького, который ходатайствовал об этом перед Лениным. В Париже работал в институте Пастера.

Олег Платонов (см. «Наш современник», 1996, № 7) в исследовании «Масонский заговор в России (1731–1995)» называет Манухина масоном, но свое мнение документально не подтверждает. Уже упоминавшаяся выше Н.Н. Берберова включила Манухина в список масонов XX столетия со ссылкой на Зинаиду Шппиус (Берберова считает ее тоже масонкой) и Максима Горького.

Теперь о взаимоотношениях Манухина с Бокием. Их знакомство, видимо, могло произойти через М. Горького при следующих обстоятельствах. В 1907 году, как уже упоминалось выше, Бокий отбывал наказание в Полтавской крепости, где у него обострился туберкулез легких. Жена Бокия, Софья Александровна, обратилась за помощью к Горькому, который и свел ее с Манухиным. Манухин помог Бокию перебраться из одиночной камеры в больницу, а оттуда выехать в Петербург. Там Манухин лечил его в «Крестах», потом уже на свободе. Он не смог окончательно вылечить Глеба Ивановича, рецидивы повторялись. Последний из них произошел в 1920 году на Туркестанском фронте, в связи с чем он был отозван в Москву. Я не касаюсь домыслов недоброжелателей по данному вопросу.

Глава седьмая
Бокий создает Спецотдел при ВЧК и руководит им

Сначала о наисекретнейшей организации США. Таковою является Агентство национальной безопасности, которое, по одной версии, возникло в годы Второй мировой войны для оказания помощи вооруженным силам техническими средствами. После войны деятельность АНБ была узаконена как система разведки (шпионажа), контрразведки вне и внутри страны, повторюсь, техническими средствами; заказчиками теперь уже стали ЦРУ, ФБР, ИРС (Служба внутренних доходов) и другие организации.

Агентство национальной безопасности окружено особой секретностью, оно неподотчетно конгрессу, в том числе в сфере бюджета. Нет никаких открытых законов, определяющих функции АНБ. Периодически деятельность АНБ обсуждается широкими общественными кругами, выражающими тревогу по поводу бесконтрольности АНБ, что может привести к непредсказуемым последствиям, угрозе установления диктатуры.

По другой версии, Агентство национальной безопасности было основано 4 ноября 1952 года при президенте Гарри Трумэне. Штаб агентства находится в форте Мид, США. Оно имеет в штате больше чем 2 000 000 агентов и ученых во всем мире. Не имеется никакого комитета в конгрессе, ни одного закона, который регламентировал бы действия АНБ. В действительности не имеется даже закона, могущего подтвердить учреждение АНБ. АНБ оснащено уникальным электронным оборудованием. В мире нет более совершенного вычислительного центра — компьютеры АНБ собирают и анализируют ежедневно всю информацию с сети станций контроля, являются в целом планетарными, и таким образом они перехватывают связь и враждебных, и дружественных стран. Эта сеть связана со множеством спутников, которые осуществляют мониторинг поверхности Земли и в считанные секунды передают его в штаб.

Если вы спросите, какая самая большая секретная служба в мире, вам ответят: ЦРУ, МИД, ДИА, ДЕА или КГБ. АНБ преднамеренно создает такое впечатление. Много книг и статей было написано относительно этих организаций. Но об АНБ никто никогда не писал… На самом деле лучшие аналитические и агентурные службы принадлежат АНБ, которые являются исполнительным органом Бильдербергского Клуба и Трехсторонней Комиссии» (см. «Новый Петербург», № 28 2003).

Недавно в печати появилось сообщение о наборе 7500 новых сотрудников в течение ближайших лет. Первые полторы тысячи человек планируется принять уже к концу 2004 года. Главным образом это специалисты по иностранным языкам. Директор АНБ Джон Тафлей сообщил, что 4500 новых специалистов заменят сотрудников, которые уйдут в отставку, а 3000 человек займут новые должности. Увеличение численности сотрудников стало благодаря возможным добавочному финансированию после теракта 11 сентября. Кстати, последний раз расширялось АНБ во время войны во Вьетнаме.

Подобная организация в нашей стране была создана еще в 1921 году. Она получила название Спецотдел при ВЧК и была подконтрольна партии. Спецотдел (как впоследствии и АНБ США) занимался разведкой и контрразведкой с помощью технических средств. Его сотрудники не использовались в арестах и на следствии. 12 июня 1921 года Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил Бокия членом Коллегии ВЧК и начальником Спецотдела. С этого времени и до ликвидации Коллегии в июле 1934 года после образования НКВД Бокий был членом Коллегии ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Вместе с ним в этот период членами Коллегии были преемник Бокия на посту полпреда ВЧК в Туркестане, затем начальник Восточного отдела ГПУ-ОГПУ Я.Х. Петерс (до 1929), И.К. Ксенофонтов (зампред ВЧК до 1921), М.Я. Лацис (до 1921), М.С. Кедров (до 1922), В.А. Аванесов (до 1922), руководитель украинских чекистов В.Н. Манцев (до 1926), В.Р. Менжинский (член Коллегии с 1920 года, в 1923–1926 — первый зампред, а с 1926 по 1934 — председатель ОГПУ), Г.Г. Ягода (член Коллегии с 1920, зампред ОПТУ в 1923–1934), руководитель чекистов Москвы, Белоруссии, Дальнего

Востока и Ленинграда Ф.Д. Медведь (1919–1923 и 1929–1934), председатель Петроградской ЧК С. А. Мессинг (член Коллегии с 1920, зампред и начальник Иностранного отдела ОПТУ в 1929–1931), И.С. Уншлихт (зампред ВЧК-ГТТУ1921 -1923), председатель ПТУ Украины, затем зампред ОГПУ В.А. Балицкий (1923–1934), полпред ОГПУ в Закавказье С.Г. Могилевский (1923–1925), зампред ОГПУ и начальник разведки М.А. Трилиссер (1926–1929), полпред ОГПУ в Закавказье И.П. Павлуновский (1927–1929), начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимов (1929–1931), полпред ОГПУ по Московской области С.Ф. Реденс (1929–1934), начальник Экономического управления, Особого отдела и зампред ОГПУ Г.Е. Прокофьев (1929–1934), начальник Транспортного отдела Г.И. Благонравов (1929–1931), начальник Иностранного отдела А.Х. Артузов (1931–1934), начальник Секретно-политического отдела Я.С. Агранов (1931–1934), полпред ОГПУ в Закавказской федерации, будущий нарком НКВД Л.П. Берия (1931), полпред ОГПУ на Дальнем Востоке Т.Д. Дерибас (1931–1934) и начальник Экономического управления Л.Г. Миронов (1933–1934). Дольше Бокия в Коллегию входили только Менжинский — председатель ОГПУ с 1926 года, и Ягода — нарком внутренних дел с 1934 года.

Бокий по совместительству с работой на Лубянке одновременно входил в коллегии НКВД РСФСР (до его ликвидации в 1930-м), цензурного ведомства — Главлита и Верховного суда СССР.

В ноябре 1935 года Бокию было присвоено спецзвание комиссара госбезопасности 3-го ранга, соответствовавшее комкору Красной армии (генерал-лейтенанту). Комиссарами ГБ 3-го ранга также стали начальник ГУЛАГа НКВД М.Д. Берман, заместитель начальника СПО ГУГБ Г.С. Люшков, заместитель начальника Дмитровского ИТЛ НКВД, начальник 3-го отдела Дмитлага С.В. Пузицкий (бывший заместитель начальника советской контрразведки и разведки) и руководители региональных управлений — Б.А. Бак (первый зам. начальника Московского управления), Н.Г. Николаев-Журид (первый зам. начальника Ленинградского управления), Я.А. Дейч (начальник УНКВД по Калининской области, в то время пограничной с

Латвией), В.А. Стырне (Ивановская область), И.Ф. Решетов (Свердловская область), М.С. Погребинский (Горьковский край), Г.Л. Раппопорт (Сталинградский край), И.И. Сосновский (первый замначальника УНКВД по Саратовскому краю), П.Г. Рудь (Азово-Черноморский край, Ростов-на-Дону), И.Я. Дагин (Северо-Кавказский край, в то время Пятигорск), В.А. Каруцкий (Западно-Сибирский край, Новосибирск), Я.П. Зирнис (Восточно-Сибирский край, Иркутск), С.И. Западный (первый замначальника УНКВД по ДВК, Хабаровск), украинский чекист С.С. Мазо (начальник ЭКО УГБ НКВД УССР) и начальник УНКВД по Азербайджанской ССР Ю.Д. Сумбатов-Топуридзе. Все они уступали Бокию по чекистскому стажу, не говоря уже о партийном.

Вернемся в 1921 год. «Скромный человек, спокойно уверенный в своих силах», Глеб Иванович без колебаний, с полной отдачей сил и возможностей взялся выполнять новое задание партии, ибо важнейшим в его жизни была вера в справедливое будущее, основанное на социалистических идеалах. Бокий располагал уже определенным опытом работы в структурах ВЧК Как я упоминал выше, он возглавлял Петроградскую ЧК, руководил Особыми отделами Восточного и Туркестанского фронтов. Причем в Средней Азии ему довелось заниматься советским строительством. К началу 1921 года в полную меру проявились его организаторские способности. Теперь Глебу Ивановичу пришлось все начинать с нуля.

Спецотдел должен был заниматься радиоперехватом, дешифровкой, разработкой шифров, охраной государственных тайн и многим другим. Он курировал еще спецлагеря. Вскоре охрана государственных тайн и лагерей перешли в ведение других подразделений органов государственной безопасности.

Постепенно отдел расширялся, ставились новые задачи, создавались научно-исследовательские лабораторий различного профиля, привлекались к сотрудничеству выдающиеся, известные ученые. Появился филиал в Ленинграде при местных органах государственной безопасности (подчиненный центру).

Так, до 1937 года при Московском энергетическом институте нейроэнергетическая лаборатория занималась изучением гипноза, возможностью чтения мысли на расстоянии, умением снимать информацию с мозга человека тоже на расстоянии посредством взгляда. И возглавлял данную лабораторию Александр Васильевич Варченко (подробности о нем приводятся ниже). Ну а финансировал работы Спецотдел.

С полным основанием можно утверждать, что создание Спецотдела — полезное, дальновидное решение, принесшее пользу не только советским спецслужбам, но и различным отраслям народного хозяйства, обороноспособности государства, развитию науки.

Даже как бывший сотрудник органов КГБ я не знаю подробностей о работе Спецотдела и, в частности, в областях особой важности.

Об эпизодах работы этого отдела упоминается в книге советского невозвращенца-дипломата Григория Зиновьевича Беседовского «На путях к термидору». В октябре 1927 года нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин, инструктируя Беседовского перед его выездом во Францию в советское посольство, сказал: «Все же надо отдать справедливость работе нашего ОГПУ. Им удалось найти ключ к целому ряду шифров, в том числе к шифру французского посольства в Москве». Далее Чичерин говорил: «Вы ведь знаеге, что они не посвящают нас в тайны своей оперативной техники. Так называемый спецотдел, то есть отдел, руководящий работой всех наших шифровальщиков и работой по расшифровыванию иностранных телеграмм, поставлен превосходно. Начальнику этого отдела Бокию удалось найти некоторых старых работников по шифрам министерства иностранных дел в Петербурге. Он платит им колоссальные деньги, обеспечил их квартирами и предоставил возможность жить лучше, чем они жили раньше. Эти работники сидят по двенадцать-шестнадцать часов в день за расшифровкой телеграмм… Ведь, знаете, эти прохвосты из ОГПУ имеют свои микрофоны почти во всех иностранных посольствах, находящихся в Москве. У них существует даже специальная

комната, где сосредоточен подслушивающий пункт… нас тоже подслушивают… Менжинский не считает нужным даже скрывать это обстоятельство. Он как-то сказал мне: «ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от Политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей».

А вот что пишет в своей книге «Секретный террор» еще один предатель, бывший резидент ОГПУ на Ближнем Востоке Г. Агабеков. «Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящей за порядком хранения секретных бумаг. Другой важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР. Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно Специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров спецотдел выполняет прекрасно и еженедельно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделов ОГПУ и членам ЦК. Третьей задачей Специального отдела является надзор за тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Союзу, охрану которых несут войска ОГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и пр.), необходимые для оперативной работы.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919–1920 годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь. Несмотря на то, что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в Специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово. Иностранный и пограничный отделы подчиняются второму заместителю председателя. Специальный отдел во главе с

начальником Бокием подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии».

Информация Беседовского и Агабекова во многом достоверна. Однако лишь за время работы Спецотдела в некоторых областях до 1930–1935 года. Без страха и совести, лишь бы завоевать доверие «хозяев» на Западе, они раскрывали секреты, сочетая их с компрометацией высокопоставленных советских чиновников.

В последнее время в российской печати появилось много очерков о работе Спецотдела, в том числе и ни на чем неоснованных вымыслов и догадок.

Ниже приводятся некоторые из них, в том числе, более или менее правдивого характера.

Т.И. Грекова — автор ряда книг по истории тибетской медицины в России, уделяет немало внимания Г.И. Бокию. При встрече Татьяна Ивановна Грекова рассказала мне, что материалы о Бокие она нашла в опубликованных в нашей печати книгах, очерках и тд., но официальными данными не располагает. Она, например, пишет, что Бокий в своей работе привлекал шаманов, медиумов, гипнотизеров и других неординарных людей. Для проверки их способностей была оборудована якобы специальная черная комната. Особый интерес Бокия вызывали исследования в области телепатии — умение читать мысли противника было заветной мечтой чекиста, который считал это вполне реальным. Такое предположение укладывалось в его, по мнению Грековой, представление о мире как единой информационной системе. Важно лишь найти к ней ключ. По инициативе Бокия работы финансировались достаточно щедро, причем проводились они обычно под крышей других учреждений и были тщательно засекречены. Например, энергетическая лаборатория А.В. Барченко существовала на базе Политехнического музея, Московского энергетического института, а потом под эгидой Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Тесное общение с мистиками безусловно накладывало отпечаток на поведение самого Бокия. В подразделениях Спецотдела велись и другие научно-технические исследования, например,

отрабатывалась техника управляемых взрывов на расстоянии, была изобретена специальная бумага для шифровальных книг, которая мгновенно сгорала, стоило поднести к ней горящую папиросу.

Далее Грекова пишет: «7 июня 1937 года Бокия вызвал Ежов и потребовал у него сведений, порочащих некоторых членов ЦК. Существует версия, что компроматы на всю партийно-правительственную верхушку заносились в специальную «черную книгу», которая хранилась у Бокия. Он отказался передать эту книгу Ежову. Для человека, стоявшего у истоков ВЧК, обладателя значка «Почетный чекист» под номером 7, не боявшегося спорить и с Лениным, поступок логичный и естественный. Что, кроме презрения, мог испытывать он к непрофессионалу, страдающему к тому же постыдной с точки зрения настоящего мужчины слабостью? Ежов был гомосексуалистом, точнее бисексуалом и уж кто-кто, а начальник СПЕКО (Спецотдел) знал это во всех подробностях. Участь Бокия была решена — его арестовали здесь же, в кабинете наркома. Постановление об аресте оформили задним числом».

Ежов Николай Иванович (1895–1940), из питерской рабочей семьи, с начальным образованием, член ВКП(б) с 1917 года, с 1935 года секретарь ЦК партии и председатель Комиссии партийного контроля, в 1936–1938 годах нарком НКВД СССР, затем нарком водного транспорта, кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б) с 1937 года, арестован в 1939 году. В последнем слове 2 февраля 1940 года на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР он зайвил:

«Я долго думал, как пойду на суд, как я должен буду вести себя на суде, я пришел к убеждению, что возможность бороться за жизнь — это рассказать все правдиво и по-честному.

Вчера еще в беседе с Берия он мне сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена».

После этого разговора с Берия я решил, лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом только действительную правду.

На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, что не террорист, но мне не верили и применяли ко мне сильнейшие избиения.

Я в течение 25 лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов.

У меня есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять, и я об них скажу после, но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал, и я в них не повинен…

Никакого заговора против партии и правительства я не организовывал, наоборот, все зависящее от меня я принимал к раскрытию заговора. В 1934 году, когда я начал вести дело «О кировских событиях», я не побоялся доложить в Центральный Комитет о Ягоде и других предателях ЧК…

Я почистил 14 000 чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил. У меня было такое положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: «Ты сегодня допрашивай его, а завтра я арестую тебя». Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов…

Я понимаю и по-честному заявляю, что единственным поводом для сохранения своей жизни признать себя виновным в предъявленных обвинениях. Но партии никогда не нужна была ложь. Все то, что я говорил и сам писал о терроре на предварительном следствии — «липа». Прошу одно — расстреляйте меня спокойно, без мучений-Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах». (Лексика сохранена. — В.Б.).

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила Ежова к расстрелу.

Ежов был расстрелян через два дня (4 февраля 1940 года).

Бокию было предъявлено обвинение в принадлежности к масонской ложе «Единое трудовое братство», осуществлявшей шпионаж в пользу Англии. Мартинизм, а именно это направление представляла упомянутая ложа, существовал в России с конца века. Русские мартинисты тяготели к загадкам психической деятельности: гипнозу, телепатии, ясновидению. Их интересы были направлены на Восток, где в недоступных Гималаях, согласно мистическому учению, лежала таинственная страна Шамбала, и в немалой степени влияли на советскую внешнюю политику.

Наиболее крупными фигурами среди лиц, проходивших по бумагам НКВД в качестве членов ложи, кроме самого Бокия, были знаменитый художник Н.К. Рерих и его жена, Е.И. Рерих, участник Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов (1927–1928 гг.) врач-психиатр К.Н. Рябинин, руководитель секретной нейроэнергетической лаборатории А.В. Барченко, стоявший во главе ложи, замесштель наркома иностранных дел Б. Стомоняков, скульптор С.Д. Меркуров, крупный партийный работник И.М. Москвин.

На допросе обвиняемый признался, что стал масоном еще в 1909 году. Ложа, в которую он входил, якобы была создана известным мистиком Гурджиевым, эмигрировавшим после революции на Запад Преемником Гурджиева стал доктор Барченко. Кроме того, Бокий сознался, что возглавлял антисоветский спиритический кружок, члены которого занимались предсказанием будущего.

В показаниях арестованных вслед за своим начальником сотрудников СПЕКО упоминается организованная Бокием «Дачная коммуна», члены которой, мужчины и женщины, совместно пьянствовали, практиковали коллективные помывки в бане, пели похабные песни. Словом, вне работы вели себя абсолютно непристойно. Как известно, Гурджиев в эмиграции организовал «Институт гармонического развития человека», члены которого пытались разными способами проникнуть в глубины «собственного я», в том числе и путем участия в «сессиях» — попросту, коллективных пьянках. Возможно, что

употребление алкоголя, снимающего охранительные психические барьеры, действительно практиковалось и в коммуне Бокия, бывшего в определенной степени последователем Гурджиева. Ну, а женщины? Говорят, что Глеб Иванович умел быть обаятельным и пользовался у них успехом, к тому же, как многие туберкулезники, вероятно, отличался повышенным половым влечением. Не исключено, что признание в занятиях коллективным сексом было самооговором под воздействием следователя. Может быть, Ежову хотелось представить начальника СПЕКО, знавшего все обо всех, разложившимся развратником?

Обвинительное заключение было построено с учетом специфики работы Бокия. Кроме спиритических предсказаний и использования магии его обвинили в более земных антисоветских деяниях: передаче секретных кодов НКВД и Генштаба английской разведке, связях с Троцким, которые он осуществлял с помощью специально оборудованной радиостанции и подготовке убийства Сталина путем взрыва Кремля. Вину свою Бокий признал.

15 ноября 1937 года особая тройка НКВД вынесла ему «расстрельный» приговор, приведенный в исполнение в тот же день.

Грекова считает, что Бокий вовсе не был английским шпионом, но как подтвердила проверка, осуществленная Прокуратурой Союза в 1956 году, к масонам отношение имел. В заключении Прокуратуры, правда, об этом сказано достаточно уклончиво: занимался изучением структуры и идейных течений масонства. Каковы были его истинные цели и планы, мы вряд ли узнаем в ближайшие годы. Слишком много опасных тайн связано с масонством, в том числе и касающихся методов внутрипартийной борьбы. И использование с этой целью не только рациональных, но и иррациональных приемов, например, инволютивной магии, отнюдь не миф. Кое-какие факты уже стали достоянием печати.

Итак, Грекова, как и многие другие российские авторы, в своих произведениях дает свидетельские показания людей из окружения Бокия и его самого о том, что он, «Бокий, был одним

из создателей вымышленной следовательской организации «Единое трудовое братство», которую принимали за истинную, хотя сегодня все знают, как добывались подобные свидетельства в те годы. И все авторы делали это ради сенсаций и компромегации советских спецорганов и их сотрудников.

О Барченко, Рерихе, Гурджиеве, Меркурове и других будет рассказано ниже, как и о многих неточностях, имеющих место в книгах Грековой и некоторых авторов.

Сергей Кириенко в статье «Оккультный отдел ВЧК — ОПТУ: от рассвета до заката» пишет, что Бокий на протяжении долгого времени серьезно изучал восточные учения, хорошо знал историю оккультизма.

С автором можно согласиться, что Бокий еще в 1902 году, будучи в ссылке в Сибири, продолжая революционную деятельность, загорелся идеей организовать научную экспедицию по тем местностям. Получив, после многократных обращений, разрешение от иркутских тюремных инстанций на экспедицию по Северо-Восточному побережью Байкала, убедился, какими колоссальными запасами располагает этот край.

Еще в студенческие годы Глеб Иванович Бокий побывал в отдаленных районах Казахстана. Увлекаясь археологией, он, на свой страх и риск, на собранные им самим деньги, организовал экспедицию по отысканию трона Чингисхана. Любовь к раскопкам впоследствии, много лет спустя, заставила его принять участие в большой экспедиции в районе Ташкента. Разрывая Кунигутскую пещеру, он обнаружил огромный камень с таинственными записями древних племен. Что нашел он, отыскивая трон Чингисхана, — не известно.

Еще немного о статье Сергея Кириенко. Он пишет, что Спецотдел за относительно короткий период между двумя мировыми войнами провел ценнейшую работу в области исследования человеческой психики, паранормальных явлений, изучения и возможного использования тайных знаний в государственных интересах. Но маховик сталинских репрессий не миновал

Спецотдел. Люди, подобные Бокию и Барченко, с их стремлениями к высокой духовности и счастью для всего человечества, никак не вписывались в новый сталинский порядок, а их исследования представляли серьезную угрозу для власти, так как проводились «неблагонадежными» людьми. Бокий, ко всему прочему, был для Сталина «человеком Ленина», т. е. представителем той «старой гвардии», которую «вождь всех народов» уничтожал в первую очередь. Есть еще одно обстоятельство: Бокий, как уже говорилось ранее, мог владеть компроматом на все руководство страны, в т. ч. и на самого Сталина. «Черная книга» Бокия могла содержать в себе факты о неблаговидной деятельности «товарища Кобы» до революции в большевистском подполье на Кавказе, о его странных контактах с Тифлисским охранным отделением и непонятных для многих революционеров провалах именно тех явок, о которых знал Коба и др. Если бы это стало известно за рубежом, авторитету Сталина в международном коммунистическом движении наверняка пришел бы конец, что тот не мог не понимать. Таким образом, Бокий был обречен… Здесь непонятно только то, почему же он не воспользовался компроматом на Сталина, когда тот еще только шел к власти и ему можно было помешать. Ответ на этот вопрос мы вряд ли когда-нибудь узнаем, но можно предположить, что Ленин, поручая Бокию собирать компромат на высших лиц страны, запретил использовать эту информацию против них, если не будет фактов вербовки этих людей иностранными государствами. Ленин ведь сам, имея все возможности, например, убрать Каменева и Зиновьева (раскрывших в октябре 1917 года в прессе планы большевистского переворота), не делал этого — уничтожение соратников станет характерной чертой сталинского руководства. Бокий же, преданный Ленину, не мог ослушаться его приказа даже после смерти вождя. Как бы то ни было, по стандартным для той эпохи обвинениям в шпионаже, заговоре и т. п., Г. Бокий, А. Барченко и еще ранее Я. Блюмкин были расстреляны, репрессиям подверглись и другие связанные с ними люди. Спецотдел (в том виде, в каком он существовал при Бокие) был ликвидирован, материалы исследований секретных лабораторий изъяты при обыске. Их местонахождение сейчас точно не известно, но можно с уверенностью говорить, что они не были

уничтожены. Следует отметить, что устранение Бокия, Барченко и других, занимавшихся парапсихическими исследованиями в СССР, сыграло на руку и нацистам, так как «Аненербе» стало после этого фактическим монополистом в области практического использования оккультных знаний в Европе. В очередной раз совпали интересы диктаторских режимов — от неугодных людей избавились как Сталин, так и Гитлер. Страна же лишилась талантливых, может, где-то и наивных в своем стремлении к всеобщему человеческому братству, но всецело преданных ей людей, которые так скоро могли понадобиться, ведь приближалась война…

По мнению Кириенко, помимо официальной деятельности Спецотдела была и другая, не афишируемая даже в ВЧК, работа. В его секретных лабораториях, считает автор, изучали возможности широкого использования в практике гипноза, телепатии, коллективных галлюцинаций, массового психоза и т. п. По всей стране разыскивались люди с парапсихическими способностями для возможного использования их в государственных интересах (в том числе, в разведке и контрразведке). Также сотрудниками собиралась информация о действовавших в России и за рубежом тайных обществах и сектах.

Автор не приводит никаких доказательств своим размышлениям и выводам, поэтому все это вряд ли соответствует действительности.

Кроме основных обязанностей, Бокий выполнял еще и отдельные поручения Ленина, а после его смерти — Сталина. Так, в 1921 году Бокий по заданию Ленина занимала проверкой фактов хищения ценностей в Гохране. С 1928 года Сталин привлекал его к кампании по возвращению из-за границы писателя М. Горького. Бокий возил Горького на Соловки в курируемый им лагерь «перевоспитания врагов» на пароходе «Глеб Бокий».

Уже упоминавшийся в тексте Лев Разгон по данному вопросу писал: «Бокий в последний раз был на Соловках в 1929 году вместе с Максимом Горьким, когда для того, чтобы сманить

Горького в Россию, ему устроили такой грандиозный балет-шоу, по сравнению с которым знаменитые мероприятия Потемкина во время путешествий Екатерины кажутся детской игрой».

В свою очередь М. Горький в статье «Соловки» благожелательно описывает свою поездку на Соловки, жизнь и работу заключенных.

Наконец, необходимо еще сказать, что авторы многих публикаций, в том числе упомянутая выше Т.Н. Грекова, заявляют, будто бы существует гипотеза, согласно которой компрометирующие материалы на партийно-провокационную тему Бокий собирал и заносил в особую «черную» книгу, хранившуюся в Спецотделе.

Между прочим, об этой книге пишет и Лев Разгон, который некоторое время работал в Спецотделе и был женат на дочери Бокия — Оксане.

Глава восьмая
Кое-что о мистике и истине

В январе 1924 года умер Ленин, и смерть вождя стала переломным моментом в жизни Бокия. На допросе он якобы заявлял: «Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель Революции, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику».

А до этого были и другие факты, вероятно, воздействовавшие на его политические взгляды. Это и расхождения с линией партии по вопросу Брестского мира с немцами, и то, что, вразрез с его желаниями, Глеба Ивановича перебросили с партийной работы в ЧК. Особенно сильно Бокия потрясла несправедливость, когда Зиновьев беспричинно убрал его из родного города. Шоком были и кронштадтские события; он «…не мог примириться с мыслью, что те самые матросы, принимавшие участие в Октябрьских боях, восстали против партии и власти».

Невозможно, трудно поверить, что Бокий превратился в мистика. Вряд ли мать Александра Кузьминична могла привить сыну мистические взгляды, после трагических обстоятельств семейного характера она придерживалась атеистических позиций. Сам Глеб Иванович со студенческих лет — материалист, а общеизвестно, что материалистическое мировоззрение рассматривает мистику как бегство человека от противоречий общественного бытия. Мистическую веру Бокию могли приписать те, кто составлял этот злополучный протокол допроса, основываясь на показаниях свидетелей и используя в своих целях факт поддержки им экспедиции в Гималаи. Ведь именно здесь, согласно мистическому учению, находилась загадочная и легендарная страна Шамбала (подробнее чуть ниже. — В. Б.*).*

Человек должен же во что-либо верить, будь это религия или другие идеалы.

Французский писатель Виктор Пого в книге «Отверженные» писал: «Идеалы — не что иное, как кульминационный пункт логики, подобно тому, как красота — не что иное, как вершина истины».

Несомненно прав его святейшество Далай-Лама XIV Тенцзин ГЬяцо, заявивший в одном интервью, что человек должен выполнить свой долг: «то, во что вы верите, должно быть обязательно вами выполнено в течение жизни. Ваша миссия на Земле должна быть частью — вашей жизни. Иного пути к счастью не бывает». Глеб Иванович в своей жизни так и поступал.

Человек приходит к той или иной вере вследствие особенностей характера, общего развития, образования, а также влияния окружающего мира. Глеб Иванович — целеустремленный, несгибаемый в достижении поставленной цели человек, но он не фантазер.

На характер, жизненное кредо Бокия оказала большое влияние учеба на геологическом факультете Петербургского горного института.

Я беседовал со многими специалистами горного дела и однажды на свои вопросы услышал такие ответы:

— Чем отличаются геологи от других «смертных»? — спрашивал я.

— Бородой и бродяжничеством, — быстро ответил мой собеседник.

— А если серьезно?

— Они всю жизнь в искании, одержимы целью найти что-то еще неоткрытое, неизведанное. Любят природу; это люди без страха. Для них характерна крепкая дружба. Они не приемлют обмана. И главное: они приземленные мечтатели, но не фантазеры.

Многое из того, что я услышал, относится и к Бокию: реалист, приземленный мечтатель, не фантазер.

И после Октября 1917 года Бокий продолжал считать, что основным критерием дружбы должно быть сходство интересов. Он общался со своими однокашниками по Горному институту, называя эти встречи «свиданиями друзей», большинство из которых после ареста Бокия в 1937 году следователь Али «включит» в вымышленную масонскую ложу «Единое трудовое братство».

В 1924 году, после смерти Ленина, Бокий оказался в растерянности, но веру не менял. В этот период в его поле зрения появился Александр Васильевич Барченко.

Александр Васильевич Барченко (1881–1937) окончил гимназию в Петербурге, два с половиной года учился медицине в Казанском и Юрьевском университетах, окончил высшие одногодичные курсы по естественно-географическому отделению при 2-м педагогическом институте. Еще до 1914 года зарекомендовал себя способным автором научных и приключенческих сочинений, тогда же начались его научные изыскания. О них он рассказал в очерках «Загадки жизни», «Передача мыслей на расстоянии», «Опыты с мозговыми

лучами», «Гипноз животных». Большинство этих произведений увидели свет на страницах журналов «Мир приключений», «Жизнь для всех» и др.

Барченко — участник мировой войны 1914–1918 годов, после ранения в 1915 году возобновил литературную и научную деятельность, кроме того, приступил к чтению лекций по истории древних эзотерических наук. В 1920-е гг. он также активно занимался изучением проблем передачи мысли на расстояние.

В конце 1918 года на Барченко обратил внимание известный в Петрограде психографолог и оккультист, в то время работавший в следственном отделе ПЧК Константин Константинович Владимиров (более подробно о нем см. одну из глав в книге А.И. Андреева «Оккультист Страны Советов»), Между Владимировым и Барченко завязались дружеские отношения.

В 1924 году Владимиров привез Барченко в Москву и представил его сначала заместителю начальника секретного отдела ОГПУ Якову Агранову как ученого, работы которого представляли оборонное значение, затем — начальнику Спецотдела Бокию, теперь уже как «талантливого исследователя, сделавшего имеющее чрезвычайно важное политическое значение открытие». Вот как о нем отзывался Бокий:

— Это большого ума и таланта человек, философ и ученый, который у нас при ГПУ организовал кружок; мы знакомимся там со многими научными открытиями и жалеем, что не знали раньше этого замечательного человека.

Отношения Бокия с Барченко основывались, думается, на нескольких сходных позициях: обе личности неординарны, искавшие новое, первопроходцы, увлеченные поиском абсолютных знаний, скрытых от современного человечества тысячелетним временем прежних исчезнувших цивилизаций, на благо всего человечества. И, наконец, оба были людьми образованными (один в политике, другой в науке) и одинакового происхождения.

О Барченко стало известно председателю ОГПУ Ф.Э. Дзержинскому, и он был заслушан на Коллегии ОГПУ. Касаясь «политического открытия», Барченко выдвигал теорию о том, что в доисторические времена существовало высокоразвитое общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Это общество было коммунистическим и находилось на высокой стадии социального и материально-технического развития. Остатки общества, называемые Шамбала, существуют до сих пор в неприступных горных районах на стыке Индии, Тибета и Афганистана и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу как синтез абсолютных (истинных) научно-технических знаний. Существование древней науки и сами остатки этого общества являются тайной, тщательно оберегаемой его членами.

Интересные сведения сообщает о Барченко петербургский историк Е.Шошков: «Барченко выступал консультантом при обследовании знахарей, шаманов, медиумов, гипнотизеров, которых пытались активно привлекать для сотрудничества с ОГПУ. Для проверки «аномалов» была даже оборудована «черная комната» в доме № 1 по Фуркасовскому переулку Одним из таких медиумов, проверявшихся в «черной комнате», был режиссер 2-го МХАТА Смышляев, впадавший в каталептические состояния и предсказывавший различные политические события».

Подробно о А.В. Барченко, его жизни и поисках — научных и эзотерических — читатель может узнать из упомянутой выше книги А.И. Андреева.

Посвящая Бокия в тайны древнего учения Шамбалы, Барченко рассказывал о последователе этого учения — некоем Гурджиеве, у которого в СССР якобы имеется ученик — скульптор Меркуров. Гурджиев из-за границы пытался установить с Меркуровым связь, но тот от контакта уклонился.

20 июля 1926 года умер Ф.Э. Дзержинский, и замысел снарядить экспедицию в Шамбалу постепенно забылся. Контакт Бокия с Барченко утрачивал смысл, и лишь в 1935 году, по письменной

просьбе Барченко, Глеб Иванович оказал содействие в получении им работы в ВИЭМе. По этому поводу Бокий на допросе (17–18 мая 1937 года) показал: «Мы с ним не встречались, и он перестал обращаться ко мне с какими-либо просьбами».

А Глеб Иванович, так и не познав истины, по-прежнему возглавлял Спецотдел, сгорал, все еще полагая, что освещает путь в будущее.

3 апреля 2004 года в газете «Комсомольская правда» была опубликована статья «ведущей рубрики» Светланы Кузиной «Экстрасенс особого назначения». Автор приводит беседы с неизвестным сотрудником ФСБ Александром, курирующим вопросы энергоинформатики, и ученым Н.И. Орловым.

Орлов Николай Иванович, 1952 года рождения, окончил Красноярскую медицинскую и Военно-медицинскую академии, кандидат медицинских наук по теме «Использование психоэнергетических методов по повышению боевой готовности личного состава», занимался разработкой методов экстрасенсорики, в настоящее время является председателем экспертной комиссии Международной академии информатизации.

Орлов признался Кузиной, что инспектирует 52 региона страны, где созданы центры парапсихологии, в которых работают от трех до десяти экстрасенсов. Он проводил даже массовые эксперименты в дивизии генерала Рохлина. «Одну роту обучали психоэнергетической практике для увеличения физической выносливости, а вторая была контрольной. Первых «посадили» на вегетарианскую пищу, заставляли читать молитвы и учили концентрироваться на «третьем глазе» по восточным методикам. В опытной роте по сравнению с обычной бойцы лучше бегали, стреляли и ориентировались на местности».

В свою очередь, сотрудник ФСБ Александр на вопрос Кузиной:

— А какой интерес к уникумам у ФСБ? — ответил:

— Мы хотим научиться с ними общаться: если с такими людьми неправильно установить контакт, то они станут скрывать свой дар. А нам нужны их способности.

Напрашивается сравнение деятельности Барченко и Орлова: оба ученых работают в одной и той же области, и их труд направлен не только на пользу спецслужбам, но и на повышение обороноспособности государства, развитие различных отраслей народного хозяйства и науки вообще. Различие лишь в том, что Барченко не был официальным сотрудником ОГПУ-НКВД.

Думается, в настоящее время ФСБ использует наработки Спецотдела Глеба Ивановича Бокия.

Уместно упомянуть, недавно ЦРУ признало, что «потратило 20 миллионов долларов на разработку методов «экстрасенсорного шпионажа». Но так и не раскололось, насколько пригодными они оказались в оперативной деятельности. При этом разведчики никогда не заявляли, что не нашли подтверждений реальности самих явлений — телепатии, ясновидения и прочих энергоинформационных воздействий. Не исключено, что они и вправду существуют».

Глава девятая
Масонство

Масонство (в переводе с французского масон — «вольный каменщик») — религиозно-этическое движение, возникло в конце XVIII века в Великобритании, распространилось (в буржуазных и дворянских кругах) во многих странах, в т. ч. в России. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы масонами от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков, отчасти от средневековых рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную, организацию с утопической целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе.

Наибольшую роль масонство играло в XVIII-начале XIX веков, с ним связаны как консервативные, так и прогрессивные

общественные движения. В России оно становится внушительной политической силой в период между 1907–1917 годами: масонские ложи были созданы в Государственной думе, в научных, творческих, предпринимательских, земских и кооперативных организациях, среди военных и журналистов. Масонство объединяло представителей различных политических партий — от умеренных до крайне левых. Масонами были октябрист А. Гучков и близкий к этой партии Г. Львов, кадеты В. Маклаков, А. Шингарев, Н. Некрасов, прогрессист А. Коновалов, лидер трудовиков А. Керенский, меньшевики Н. Чхеидзе и М. Скобелев, большевики И. Скворцов-Степанов и С. Середа и др. Ложи имелись не только в Петрограде и Москве, но и в Киеве, Самаре, Саратове, Тифлисе и др.

Ю.К. Бегунов в книге «Тайные силы в истории России» пишет, что, якобы, корни масонства в иудейской религии: знаки, символы, идеология всемирного господства. Источник современного масонства в России, по мнению Бегунова, в учении гностиков, тайных организациях типа ордена тамплиеров, общин розенкрейцеров, первых масонских лож в Англии и т. п. В Россию, по мнению Бегунова, масонство завез Петр Великий в 1717 году, а в 1731 году первые русские ложи возглавили англичане Филипс и Кейт. Внешними целями масонства были прогресс, филантропия, взаимная терпимость, помощь ближнему. Однако масоны были инициаторами социальных катастроф и массовых убийств — революций во Франции и Англии, Февраля и Октября.

В беседе с уже упоминавшимся ранее писателем Ал. Алтаевым, Глеб Иванович, высказывая свою точку зрения на масонство, сказал:

— Ты знаешь, старые масоны были организацией социальной, высокого порядка, близкой к нашему коммунизму, но потом они выродились в новое масонство, врагов наших, которые распространяются за границей и стараются подорвать нашу работу.

Такая трактовка напрочь отвергает все вымыслы недоброжелателей Бокия, заверявших, что он стал масоном то

ли в 1909, то ли в 1919 году в Петрограде, то ли в 1924 в Москве.

Обо всем об этом мы поговорим немного позже. В нашу страну масонство было завезено Петром Первым из Голландии и фактически легально просуществовало до 1822 года, когда было запрещено указом Александра Первого. В 1825 году на Сенатскую площадь вышли дворяне-декабристы, зараженные масонской идеологией.

Новая волна активизации этого движения приходится на 1905–1917 годы с высшей точкой этого процесса — свержением в феврале 1917 года монархии и образованием Временного правительства, поголовно состоящего из масонов.

После Октябрьской революции 1917 года часть масонов, как, например, председатель Временного правительства Керенский, выехали за границу, другие приняли небезуспешные попытки приспособиться к новым условиям. И примером может служить секретарь Верховного совета масонских лож «Великого Востока народов России» Н.В. Некрасов, который был заместителем председателя Государственной думы, а после Февральской революции — министром Временного правительства. В 1918 году Некрасов сменил фамилию на Голгофский и осел сначала в Башкирии в системе потребительских союзов, затем перебрался в Татарию, где и был арестован. По указанию Дзержинского Голгофский из-под стражи был освобожден с прекращением дела. Он перебрался в Москву на должность ведущего руководителя Центросоюза и одновременно преподавал в МГУ и Институте народного хозяйства. А масоны-большевики с дореволюционным стажем, такие, как Скворцов-Степанов, заняли руководящие посты в правительстве.

По мнению некоего исследователя В.А. Пигалева, «Тайные ложи в социалистической республике должны были явиться той силой, с помощью которой предполагалось свергнуть существующий строй.

В связи с этим еще в 1922 году Конгресс Коммунистического Интернационала принял резолюцию о несовместимости членства в масонских ложах с членством в коммунистической партии».

Через год, т. е. в 1923 году, в Петрограде была выявлена и раскрыта великая ложа «Асгрея», в подчинении которой находилось еще 6 лож. На следствии было выявлено, что «Астрея» была образована при деятельном участии так называемого «АРА» (американская организация, оказывающая помощь голодавшим советским гражданам, ее сотрудники были выдворены из страны за враждебную деятельность). «АРА» руководил американский масон Г. тувер, будущий президент США.

О других масонских организациях на территории СССР и пресечении их деятельности в предвоенные годы органами государственной безопасности будет рассказано в следующей главе.

Я считаю, что необходимо остановиться на произведении Олега Платонова «Масонский заговор в России (1731–1995)», опубликованном в журнале «Наш современник» № 7 от 1995 года. Автор зачисляет в масоны почти все руководство партии и правительства, начиная от Ленина, туда отнесен и Андропов. Не вызывает сомнения, что Платонов писал по заказу и с провокационными целями. Так, о Бокии он пишет: «Близко к Красину (он, конечно, тоже был масоном) стоит и другая зловещая фигура масонского подполья — Г.И. Бокий, организатор большевистских бандформирований 1905–1907 годов, а после октябрьского переворота — один из руководителей ЧК и главный покровитель масонства в этом учреждении». Осгавим на совести Платонова клевету на Бокия. Удивительным же является его утверждение будто бы рабочие дружины, боровшиеся против царизма на баррикадах в 1905–1907 были «бандформированиями».

Попытка распространения масонства в СССР в условиях строящегося социализма успеха не имеет. Учреждение масонских лож началось с началом распада СССР.

Так, в апреле 1993 года была открыта первая российская ложа «Северная звезда» («Полярная»), за ней последовали, и другие. А в сентябре 1991 года своими объединениями лож обзавелась и другая масонская система — «Великая национальная ложа Франции». Управление юстиции Москвы зарегистрировало это образование под номером 2743 (см. статью Сергея Путалова «Масоны в старой и новой России»).

На Западе масоны чувствуют себя весьма вольготно, примером может служить громкий скандал, связанный с масонской ложей П-2 в Италии.

А в Великобритании парламент предложил всем членам масонских лож публично признать себя таковыми. Однако объединенная Великая ложа от подобных предложений в восторг не пришла. Командор Майкл Хогман сказал: «Свободные масоны будут разочарованы такой опрометчивой рекомендацией, которая может затронуть основополагающие устои британской жизни» (см. «Комсомольскую правду» от 27 марта 1997 года).

Глава десятая
Был ли Бокий масоном?

В архиве Большого дома (Литейный, 4), где размещаются спецслужбы, я часто обращался за помощью к Анатолию Васильевичу Бриллиантову, ныне покойному. Он, ветеран Великой Отечественной войны, как разведчик забрасывался в тыл немецких войск. После окончания войны продолжал успешно служить в органах государственной безопасности. Перед выходом на пенсию с оперативной работы его перевели в ленинградский архив на должность заместителя начальника отдела. Уйдя в отставку, он продолжал там трудиться вплоть до своей кончины. Часто я делился с ним успехами и неудачами, как-то посетовал, что в ленинградском архиве скудные материалы на Бокия.

— А что тебя интересует? — спросил он.

— В открытой печати утверждается, мол, Бокий был масоном.

— Такие утверждения, мягко говоря, не соответствуют действительности, — ответил он.

— Больше того, — продолжал я, — есть мнение, будто он даже покровительствовал им. Так, в 1926 году он приезжал в Ленинград, когда здесь проходил процесс над группой масонов.

Он спросил:

— Ты ведь знаешь, чем я занимался? — Я кивнул головой. — Мне приходилось сталкиваться с темой масонов, особенно при пересмотре дел. Бокий по таким делам не проходил. Да и при его реабилитации обвинения в масонстве были исследованы и отвергнуты. Теперь о 1926 годе. Сам посмотри архивное дело того периода.

Я начал с поисков материалов, подтверждающих, что Бокий будто бы стал масоном в 1909 году. Доктор исторических наук Виталий Старцев пишет (см. журнал «Родина». 1989, № 9): «Утверждения черносотенцев двадцатых годов и современных правых в нашей стране о том, что большевики и их руководители-евреи все были масонами, — вымысел. И тем не менее; по крайней мере три большевика были в ложе «Великий Восток народов России» (Бокия в числе этих трех нет. — В. Б). По данным Берберовой («Люди и ложи»), князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1938) утверждал, что «». русское масонство появилось вновь зимой 1910–1911 годов, я также стал масоном.

В течение моих шесТи лет в масонстве только один партийный большевик был членом ложи, и он к тому же был так мало известен, что его членство не осталось у меня в памяти».

Еще один штрих о том, 1909, годе. Цитата из книги Берберовой: «…все регулярные русские ложи были усыплены еще в 1909 году… Истинной причиной было стремление очистить свои ряды от случайных и нежелательных элементов…». Как видим, «приема» в масонские ложи в тот год не было. Кое-кто утверждает; что в 1909 году Бокий в масонскую ложу вовлек Барченко. Такое мнение не выдерживает никакой критики, т. к.

они впервые встретились лишь в 1924 году. Летом 1909 года Глеб Иванович Бокий вышел на свободу после почти двухгодичного сидения в одиночной камере Полтавской крепости и «Крестов». Он сразу столкнулся с трудностями: нужно содержать семью, а средств нет, поэтому учебу в Горном институте вынужден был совмещать с работой гидротехником министерства земледелия. Это были годы реакции, но Бокий с удвоенной силой продолжает подпольную политическую деятельность. И так продолжалось до очередного ареста… Ему было не до масонства. Вывод однозначен — в 1909 году Бокий не мог стать масоном.

Главным обвиняемым архивного дела за 1926 год, которое рекомендовал мне посмотреть А.В. Бриллиантов, был Борис Викторович Астромов-Кириченко, дворянин, юрист по образованию, без определенных занятий, несудимый, он занимал пост генерального секретаря масонской ложи «Астрея» Автономного русского масонства. В мае 1925 года Асгромов явился в ОГПУ и предложил свои услуги для освещения масонства в СССР, но там вскоре от его услуг отказались, так как он пытался использовать данный контакт в личных интересах (для выезда за границу). В первых числах января 1926 года Астромов обратился с письмом к Сталину, предлагая совместную деятельность коммунистов и масонов. «Тем более, — писал он, — соввласть уже взяла масонские символы: пятиконечную звезду, молоток и серп».

В частности, он писал: «Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное московское правительство и штаб мировой революции, как его называют на Западе) является главным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Америкой и, следовательно, задерживает экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был переименован по образцу масонства, т. е. принял бы его внешние формы, ни Лига Наций, ни кто другой не осмелились бы возразить против его существования, как масонские организации.

Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалистическим большинством и где правительство большой частью состоит из масонов… Каждая национальная секция его Коминтерна могла бы образовывать отдельную ложу…»

Результатом такой попытки вступить в «переписку» со Сталиным было следующее: 30 января 1926 года Астромов и его собратья по масонской ложе «Астрея» в количестве 21 человека были арестованы в Ленинграде. В констатирующей части обвинительного заключения, в частности, указывалось: «Наблюдением за мистическими обществами удалось установить внешнюю разницу проявлений себя и даже некоторую борьбу между отдельными течениями и что наибольшего внимания, как серьезная, необычайно законспирированная и недоступная группа, заслуживает масонство.

История масонства в России показывает, что оно всегда было на услужении того или иного капиталистического государства.

Масонство как течение выросло и развилось из усилий буржуазии притуплять противоречия борьбы классов, рождаемой капиталистическим развитием. Усилия буржуазии в этом направлении чрезвычайно разнообразны, и в маскировке массовых противоречий масонство занимает почетное место, создавая в обществе атмосферу незыблемости капиталистического строя. Политика буржуазии делается не только в парламентах и передовых газетных статьях. Буржуазия обволакивает сознание промежуточных слоев, вождей рабочих партий, отравляя мысль, парализуя волю, создавая на пути препятствия, могущественные и незаметные. История старейших капиталистических стран — Великобритании и Франции — показывает, какую громадную роль в укреплении государства буржуазии сыграли имеющие там права гражданства масонские ложи».

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 18 июня 1926 года Астромов признан виновным в том, что являлся руководителем масонских лож в Москве и Ленинграде, которые действовали в направлении оказания помощи международной буржуазии в свержении советской власти», и приговорен к

заключению в концлагерь сроком на 5 лет, позже срок заменен 3 годами. 23 декабря 1927 года Астромов — Кириченко был амнистирован и выслан в Сибирь. В заключении Санкт-Петербургской прокуратуры, утвержденном заместителем прокурора И.И. Сыдоруком в марте 1996 года, говорится, что «постановление (Особого совещания. — В. Б.) является незаконным, т. к. в материалах уголовного дела не имеется доказательств, свидетельствующих об антисоветской деятельности (Астромова.) и руководимых им масонских лож и о их связях с зарубежными контрреволюционерами». Астромов был реабилитирован.

В материалах архивного дела не указан состав Особого совещания, выносившего приговор Астромову-Кириченко и его братьям по ленинградской ложе «Астрея» и московской — «Гармония», созданной тем же Астромовым. По этим архивным делам Бокий не проходит.

Напоследок о том, был ли он в 1926 году в Ленинграде. В том году серьезно заболел в Ленинграде его брат Борис, для встречи с которым и мог приезжать Бокий. В марте 1927 года Борис умер.

В январе 1928 года в Ленинграде были обнаружены масонские ложи с несколькими десятками членов, с магистрами и мастерами, с посвящениями, клятвами, подписанными кровью, уставом, заграничной перепиской и членскими взносами. Эти подпольные ложи именовались ложами «Пылающего льва», «Дельфина», «Золотого колоса», «Цветущей акации».

Глеб Иванович общался с некоторыми членами масонских лож. В их числе — адвокат Зарудный, защищавший его на процессе «44-х», доктор медицины Манухин, который лечил его от туберкулеза легких.

Со слов упоминавшегося выше Барченко к членам масонской ложи в Ленинграде принадлежал академик Ольденбург.

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), крупный ученый-востоковед, с 1902 года академик, в июле-сентябре 1917 года — министр народного просвещения во Временном правительстве.

Н.Н. Берберова в книге «Люди и ложи» назвала Ольденбурга в числе других русских масонов XX столетия со ссылкой на М. Горького. Ольденбург был членом ЦК партии кадетов, в 1904–1929 годах — бессменный секретарь Академии наук. С 1930 года директор Института востоковедения. В 1919 году, когда обстановка в Петрограде обострилась в связи с мятежом на форте Красная Горка и наступлением генерала Юденича, начались аресты «бывших людей» и представителей различных политических организаций. Ольденбург был задержан 1 сентября по делу кадетов, но освобожден 19 сентября «за непричастность к задержанным в засаде 16–17 августа» с подпиской о явке в ЧК по первому требованию. Ольденбург умер в 1934 году в Ленинграде своей смертью. Соприкасался и был ли знаком Бокий с Ольденбургом, на этот счет точных сведений не имеется.

Бесспорно, Бокий как член Коллегии ВЧК-ОГПУ, но не как начальник Спецотдела, при принятии решений по уголовным делам на Коллегии мог иметь дело и с масонами. В частности, об этом свидетельствует такой факт. В сентябре 1930 года в Москве были арестованы члены так называемого «анархо-мистического «Ордена Света»», который ставил своей целью «борьбу с советской властью как властью Нальдобаофа (одного из воплощений сатаны) и установление анархического строя». Следует добавить, что параллельно с «Орденом Света» существовал еще один орден — «Храм искусства», созданный «с целью внедрения в советские артистические круги своей идеологии в противовес линии марксизма». Члены данных анархо-мистических организаций (орденов) были приговорены к различным срокам содержания в исправительно-трудовых лагерях. Приговор выносила Коллегия ОГПУ в составе С.А. Мессинга и Г.И. Бокия в отсутствие прокурора.

Итак, по тем делам на масонские ложи, которые пересмотрены, Бокий как соучастник не проходит, а те, кто в открытых

публикациях утверждают, что он был масоном, документально этого не подтверждают.

В заключение необходимо отметить, что к началу Великой Отечественной войны масонство в СССР было ликвидировано. Но это ни в коем случае не означало, что подпольного масонства не могло существовать.

А «легальные» масоны, такие как Скворцов-Степанов умерли, некоторые были расстреляны, например — Н.К. фон Мекк.

Такие действия Советского правительства были встречены масонами на Западе не только враждебно, но и способствовали активизации политики поощрения Гитлера в идее военных походов на восток.

В конце войны советская армия в одном из замков захватила десятки важных архивов и, прежде всего, архивы западных стран. Эти документы давали представление о подрывной деятельности масонов во всем мире.

Глава одиннадцатая
Последний арест

Глеб Иванович Бокий лишился свободы 7 июня 1937 года, а ордер на арест и обыск зам. наркома НКВД СССР Вельский подписал только 16 июня. Где же содержался Бокий эти 9 дней, ведь даже в те годы в тюрьму без документов не помещали? И зачем необходимо было такое явное нарушение? Об этом будет рассказано чуть позже. А сначала еще об одном несоответствии.

В архиве органов государственной безопасности на Литейном, 4 я обнаружил протокол допроса Бокия от 17–18 мая 1937 года, в отличном виде, т. е. когда он находился еще на свободе! На 12 машинописных листах протокола изложены «преступления» Бокия, от морального разложения до шпионажа. В конце документа написано: «Мною прочитано, с моих слов записано правильно. 28 мая 1937 года. Бокий». Допрашивал его сам Вельский, совместно со следователем, неким Али. Протокол

допроса отпечатан, но не завизирован и не подписан ни Бокием, ни Вельским, ни Али. Какие события происходили с 17 по 28 мая 1937 года и для чего предназначался данный протокол допроса, возможно, составленный без участия Бокия? (Такое в те годы могло иметь место).

Существует ряд версий о тех событиях. Одна из них состоит в следующем. Бокий хранил в Спецотделе «черную книгу» компроматов на высокопоставленных партийных и государственных особ (Т.И. Грекова). Исходя из этого, можно предположить, что с 17 мая по 7 июня Вельский и Али «по-хорошему» требовали от Бокия отдать книгу компроматов, шантажируя его «протоколом допроса» от 17–18 мая 1937 года. Далее, 7 июня нарком Ежов будто бы лично разговаривал с Глебом Ивановичем. Получив отказ в чем-то признаться или «отдать книгу», он приказал задержать его, и теперь до 16 июня Бокия допрашивали «по-настоящему».

Глеб Иванович «признался» в двух собственноручно написанных протоколах во всем, что ему инкриминировалось, но его признания, я глубоко убежден, носили издевательский характер, и вряд ли их можно считать полностью достоверными. Замечу, кстати, что в те годы следственного органа в госбезопасности не было, поэтому оперативный сотрудник занимался и проверкой оказавшегося в поле зрения НКВД человека, и выносил постановление на арест и обыск, и участвовал в его задержании, и, наконец, вел следствие, словом, он, оперативный сотрудник, был и швец, и жнец, и на дуде, игрец. По делу Бокия в роли такого сотрудника выступал Вельский, а помогал ему, т. е. делал черновую работу, Али.

В постановлении на арест говорилось, что Бокий — троцкист и член контрреволюционной масонской организации «Единое трудовое братство», занимавшейся шпионажем в пользу Англии, а также руководитель антисоветского спиритического кружка, где проводились сеансы, на которых предсказывалось будущее-что он был также организатором готовящегося покушения на Сталина.

Троцкистом Бокий не только не был, но и ни разу не поддержал политические акции троцкистов. Архивные материалы как раз подтверждают подобное умозаключение.

Во время профсоюзной дискуссии 1920–1921 годов, организованной Троцким, Глеб Иванович стоял на позиции Ленина и не разделял взглядов Троцкого в его выпадах против партии в 1923–1924 годах. И последнее. В развернувшейся в 1925–1927 годах борьбе с троцкистами и зиновьевцами Бокий, естественно, их не поддерживал, но, несмотря на это, он проявил свое благородство и порядочность — не мстил Зиновьеву, по вине которого имел множество неприятностей на своем жизненном пути.

Спиритизм, приписываемый Бокию, — это течение, сторонники которого верят в посмертное существование душ умерших и возможность общения с ними.

В настоящее время многие необъективные литераторы, оттеняя «негатив», умышленно или по незнанию умалчивают положительное в деятельности и характере Бокия. Всей своей деятельностью вплоть до ареста Глеб Иванович доказал преданность советской власти и никогда не находился на антисоветских позициях, хотя «свидетели» по его делу доказывали обратное, что со злорадством использовалось в открытой печати. У нас традиционно предпочитается замалчивать, как получались в те годы свидетельские показания.

На следствии Бокий отрицал какое-либо свое участие в шпионаже против страны и наличие связей с подобного рода преступниками. Так, Али спрашивал:

«Где в настоящее время находится Владимиров, рекомендовавший Вам Барченко?

Ответ: Владимиров в 1926 году или в 1927 году был расстрелян за шпионаж в пользу Англии».

Подобный ответ Бокия — насмешка над следователями. Можно допустить, что Али, видимо, понятия не имел, когда и за что был расстрелян Владимиров, но печально, что таким же невеждой в своих профессиональных вопросах был заместитель наркома НКВД Вельский.

Абсурдны и утверждения, что Бокий готовил покушение на Сталина фантастическими средствами и методами, путем взрыва Кремля.

И, наконец, пришло время разобраться с так называемой «контрреволюционной масонской организацией» — «Единым трудовым братством».

После срыва экспедиции в Тибет для поиска Шамбалы, Бокий организовал кружок по изучению «Древней науки», где читал лекции Барченко. Кружок посещали сотрудники Спецотдела. Вскоре выяснилось, что сотрудники- Спецотдела не подготовлены воспринимать такие идеи, и занятия прекратились. Бокий привел в кружок новых лиц из числа своих старых товарищей по Горному институту, среди которых были уже упоминавшиеся Москвин, член Коллегии НКВД Стомоняков Борис Спиридонович и др. Следователь задавал Бокию вопрос:

«Какую связь вы поддерживали с этими лицами помимо кружка?

Ответ: Все эти лица, как я уже рассказывал, являлись моими старыми товарищами по Горному институту. Помимо собраний, на которых Барченко читал нам рефераты о своем мистическом учении, у нас были установлены традиционные встречи, так называемые «свидания друзей». Раза три или четыре в году, я, Стомоняков, Москвин собирались у нашей старой знакомой Алтаевой[1] и проводили вместе 2–3 часа, после чего расходились и не встречались между собой до следующего раза».

«Вопрос: С какой целью вы производили эти сборища? Что делали на них?

Ответ: Мы собирались как старые друзья для того, чтобы просто провести вместе время. Никаких других задач мы не ставили».

Вывод один: следователи Бельский и Али и сфальсифицировали масонскую организацию «Единое трудовое братство».

В 1938 году Эдхем Али, а в 1939 году и Бельский, были арестованы и за нарушение социалистической законности приговорены к расстрелу.

Некоторые авторы, выполняя чей-то заказ, в своих произведениях упоминают лишь о «Едином трудовом братстве», придуманном следователями, ни слова не говоря о первых показаниях Бокия и судьбе следователей.

Человеческая жизнь наполнена разнообразными событиями и, по Шекспиру, еще и как «ткань из хороших и дурных ниток».

Естественно, это относится и к тем, кто являлся исполнителем преступлений тридцатых — сороковых годов. Их судьбы сложились по-разному. Одних расстреляли сразу же в ходе массовых репрессий, иных — позднее, некоторые умерли естественной смертью. Немало чекистов отдало жизнь на полях сражений Великой Отечественной войны. Какая-то часть еще жива…

В день празднования 50-летия Победы па Литейном, 4 в холле перед залом обратил на себя мое внимание стоявший особняком человек, грудь которого сплошь была увешана орденами и медалями. Среди них — ордена Ленина и Боевого Красного Знамени. Ветеран выглядел лет на восемьдесят, опирался на трость, но держмся бодро. Я подошел к нему.

— Здравствуйте, — я, назвав себя, сказал, что начал работать на Литейном, 4 в 1949 году. — Я вас впервые вижу на торжествах в здании. Извините, вы можете назвать себя?

— Таких, как я, здесь раз-два и обчелся, — сказал он и, не представившись, продолжал: — Интересно побывать там, где мне еще совсем юношей пришлось работать в тридцатые годы.

— Стало быть, период массового террора вам извесген не понаслышке?

— Да, в 1937–1938 годах я работал оперуполномоченным и подписывал постановления о расстрелах, — он испытующе посмотрел на меня.

— Вы сожалеете? Чувствуете себя виноватым?

— В тех условиях я не мог поступать по-иному. И другие на моем месте делали бы то же самое. Между прочим, среди них могли быть и вы. Легко бичевать людей и время по документам и слухам. Сегодняшние судьи в тех условиях были бы не только исправными исполнителями, но, может быть, проявили бы себя значительно коварней.

— Я не могу согласиться, что документы мало говорят. Мне удалось ознакомиться с архивными материалами того периода, в том числе и здесь, — я показал рукой на пол, так как архив находился на три этажа ниже, — они помогли мне понять позицию рядовых сотрудников вашего времени. Но если бы я работал в те годы таким, каким пришел сюда в 1949 году, повидавшим во время войны страдания и смерть, вероятнее всего, я бы вел себя иначе.

— К вашему сведению, — эмоционально отвечал ветеран, — когда выпадает винтик из машины, его заменяют новым. Так было и с людьми моего времени: несогласный уничтожался, а на смену подбирался другой, сплбшь и рядом даже более безжалостный и жестокий. Рядовые работники действовали в соответствии с существовавшими тогда приказами, законами, приказаниями непосредственных руководителей. Такова правда.

— Я смогу с вами встретиться вне стен управления?

— А зачем? У нас с вами большая разница в возрасте, да и интересы разные. Но вам при этом очень хочется пообщаться поближе с человеком того времени. Вывод один: скрытая причина. Какая?

— Хочется поглубже понять людей, как вы выразились, того времени. Те, с кем я общался до вас, произвели на меня впечатление, по сегодняшним понятиям, людей зомбированных.

— Вы хотите сказать — ненормальных?

— Мне бы не хотелось соглашаться с таким определением.

— Чего уж там, смысл тот же. В большинстве своем туда попадали вполне нормальные люди, но их ломали, корежили, обрабатывали до тех пор, пока они не превращались в послушных исполнителей приказов и приказаний, полагая, что все «сверху» — правильно и не может вызывать никаких сомнений.

— Меня тоже ломали… — хотел было возразить я.

— Но не успели — наступил 1953 год. Спасибо за беседу…

— У меня последний вопрос: за что вы были награждены самыми высокими орденами?

— За выполнение специальных заданий во время войны. Не за участие в массовых репрессиях, как вы, возможно, могли подумать, — язвительно уточнил он и направился в зал, куда двери были уже распахнуты, по их краям стояли солдаты охраны, а из глубины слышался торжественный марш…

15 ноября 1937 года комиссия в составе наркома НКВД, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила Бокия к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

КОНЕЦ

Как уже упоминалось в самом начале повествования, просмотр множества архивных документов позволяет мне представить с большой достоверностью последние минуты Глеба Ивановича.

Приговор к высшей мере наказания (с немедленным приведением его в исполнение) Бокий выслушал без видимых

эмоций, казалось, равнодушно. И сразу же конвоиры взяли его под руки и повели из зала суда. В коридоре их ждал исполнитель. Пропустив осужденного с конвоирами вперед, он вынул пистолет из кобуры, взвел курок и двинулся следом, а чуть позади него пристроились врач и прокурор.

Исполнитель лично знал Бокия, уважал его за большую силу воли и высокий профессионализм. Он многое повидал в этих мрачных коридорах и ничему не удивлялся, однако самообладание высокого начальника потрясло даже такого огрубевшего душой человека. Исполнитель не раз наблюдал — равнодушно или с мрачным пренебрежением — как шли иные «туда», в небытие, извиваясь и вырываясь из рук конвоиров, или крича и рыдая, или волоча онемевшие ватные ноги, подобно немощным старикам. И их можно понять. А вот влиятельный чекист, одно слово которого еще вчера являлось приказом к исполнению, немного сутулясь, печатал шаг, будто бы ничего не случилось, и он направляется на доклад к народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову.

— Отпустите его, — вдруг негромко сказал исполнитель.

Конвоиры послушно выполнили приказ, отстраняясь и пропуская мрачную процессию. И хотя до «места» было еще не близко, исполнитель вскинул пистолет на уровень затылка Бокия и выстрелил. Тот сделал еще шаг, качнулся, его ноги подкосились, потом он повалился назад. Убийца подхватил тело и положил на пол. Непроизвольно задержал взгляд на лице умирающего. Оно было бесстрастным, но из левого глаза выкатилась слеза и расплылась на щеке.

— Ты что сделал?! Почему здесь?! — придя в себя от шока, вскрикнул прокурор.

— Иди ты… — сквозь зубы прошипел исполнитель, вложил пистолет в кобуру и пошел прочь. Его качало из стороны в сторону, словно пьяного.

…Глеб Иванович Бокий в 1956 году реабилитирован посмертно. Он являлся делегатом XV–XVII съездов ВКП(б), избирался

кандидатом в члены ВЦИК РСФСР со II по XII съезд Советов и ЦИК СССР первого и второго созывов. Он был награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный чекист» (№ 7 в 1922 и еще одним в 1932 году), боевым оружием от Коллегии ОГПУ в 1927 году. В те годы по рекам, каналам и Белому морю ходил пароход с именем «Глеб Бокий» на борту.

Приложения

ПРОТОКОЛДОПРОСА БОКИЙ Глеба Ивановича

[17–18 мая 1937 года]

ВОПРОС: Дайте показания об обстоятельствах организации вами так называемой «Дачной Коммуны».

ОТВЕТ: «Дачная Коммуна» была организована мной в 1921 г. из числа сотрудников руководившегося мною Спецотдела ВЧК-ОГПУ. Всех входивших в «Коммуну» на протяжении ее существования, лиц я не помню. В последнее время в нём состояли сотрудники Спецотдела: ЭЙХМАНС, КОСТИН, МЯННИК, НИКОЛАЕВ, РОДИОНОВ, ВИШНЯКОВ, ТИТОВ, МУХИН и инженер Мосгортопа СОСНОВСКИЙ Александр Яковлевич, мой старый товарищ по Горному Институту.

«Коммуна» была организована мной под влиянием, начавших охватывать меня, мистических настроений — чувство одиночества и стремление найти выход из него. Мне казалось, что в людях, в отношениях между товарищами происходит очерствение чувств. Хотелось видеть в людях больше теплоты и участия друг к другу и организацией «Коммуны» я думал достичь создания таково спаянного товариществом коллектива.

Аморальных целей при самой организации «Коммуны» я себе не ставил. Постепенно, однако, в силу морально-бытового разложения членов, и в частности, усилившихся у меня мистических настроений «Коммуна» наша выродилась в антиобщественное образование с аморальным и мистическими оргиями, приведшими нас к ряду трагических эксцессов на сексуальной и др. почве.

ВОПРОС: Какие именно эксцессы имели место среди членов «Коммуны»?

ОТВЕТ: Примерно, в 1926–1927 роду на почве ревности к жене застрелился сотрудник Спецотдела БАРИНОВ, участвовавшей вместе со своей женой на эротических оргиях в нашей «Коммуне». В 1931–1932 году покушалась на самоубийство жена члена «Коммуны» МЯННИК.

Значительно раньше этого при неизвестных обстоятельствах попал на станции Кучино под поезд сотрудник Спецотдела МАЙОРОВ, возвращаясь с нашей дачи, где он присутствовал на очередном сборище членов «Коммуны».

Года за два до этого в пьяном виде в Москве попал под поезд член нашей «Коммуны» ЕФСТАФЬЕВ. Лет пять тому назад умер от злоупотребления алкоголем член «Коммуны» сотрудник спецотдела МАРКОВ.

ВОПРОС: Расскажите об устраивавшихся в «Коммуне» эротических оргиях?

ОТВЕТ: У нас существовал следующий порядок.

Под выходной день члены «Коммуны» выезжали обычно на приобретенную нами дачу на станции Кучино. Нередко, кроме членов «Коммуны» приглашалась и посторонние гости — артисты, цыгане, танцоры. Приезжая на дачу мы, если был теплый день, раздевались и в трусах шли работать в сад или огород. Работа эта носила символическое значение. При организации «Коммуны» я, исходя из облагораживающего влияния физического труда, ввел этот, своего рода, ритуал в неписанный статут нашей «Коммуны», а ему обычно подчинялись, как члены «Коммуны», так и гости.

«Проработав» в саду мы, продолжая оставаться раздетыми, шли в помещение и садились за ужин. Я выносил из своей комнаты, приготовленные мной лично, специальные спиртные напитки, и по моему приглашению присутствующие приступали к еде и выпивке.

За ужином мы танцевали, пели пахабные песни, вели эротические разговоры и демонстрировали имевшийся у меня специальный альбом с порнографическими карточками. Носило все это характер оргии и некоторые присутствующие иногда напивались до невменяемого состояния.

После ужина большинство мужчин и женщин все вместе шли обычно в баню. Были случаи, когда эти коллективные посещения бани устраивалась два раза в вечер. Иногда попойка продолжалась и в бане, в предбаннике, куда выходили, время от времени желавшие выпить.

ВОПРОС: Для чего вами устраивались эти отвратительные оргии?

ОТВЕТ: Прямых эротических целей я в начале не преследовал. Поддавшись охватившим меня мистическим настроениям, я ввел эта «ритуалы» в поисках более высоких, упрощающих взаимоотношения полов, форм общения мужчин и женщин. В дальнейшем, однако, они уже само собой вылились в описанные мной аморальные оргии, а я потерял ощущение грани между мистическим и реальным миром, вкатился в болото разврата.

ВОПРОС: Каким образом вы, так сказать, марксист, могли до такой степени поддаться мистическим настроениям, что пошли на пороки и преступления?

ОТВЕТ: В сущности, я уже много лет тому назад, на почве внутреннего разлада, в связи с политическими расхождениям с партией и необходимостью подчиняться партийной дисциплине, отошел от марксизма и большевизма. Процесс этого отхода начался у меня еще в 1918 году с мистических поисков абсолютных морально-этических принципов и окончательно завершился в 1925–26 г.г., когда я, подпав под влияние масона БАРЧЕНКО, был вовлечен им в масонское общество «Древняя Наука».

ВОПРОС: Расскажите подробно о тех политических расхождениях, которые по вашим словам, привели вас к внутреннему разладу?

ОТВЕТ: Мои расхождения с партией начались еще в 1918 году, с периода Брестского мира, когда я поддался мелкобуржуазным настроениям и вместе с БУХАРИНЫМ и другими левыми коммунистами пошел против ЛЕНИНА. В силу выработавшихся у меня традиций я тогда подчинился партийной дисциплине, но так как переубежден я не был, обстоятельство это оставило во мне неприятный осадок.

Это неприятное чувство усилилось, когда меня с партийной работы, помимо моего желания перебросили на работы в ЧК, и в особенности, когда из-за конфликта с ЗИНОВЬЕВЫМ отозвали из Ленинграда в Москву, а затем послали в Ташкент, оттуда я также вместе с другими членами Турккомисии был отозван, вернее снят с работы.

К периоду профсоюзной дискуссии, выросшая на почве изложенных выше неудач, личная неудовлетворенность начала перерастать у меня в недовольство более общего порядка. В период дискуссии я стоял на позициях ЛЕНИНА, но применявшейся нами, на мой взгляд, демагогические методы борьбы отталкивали меня от нее и углубляли сложившееся у меня недовольство существующим положением.

Неизгладимое впечатление произвели на меня Кронштадские события. Я не мог помириться с мыслью, что те самые матросы, которые принимали участие в Октябрьских боях, восстали против партии и власти, и в поисках объяснения этого факта приходил к обвинению Центрального Комитета.

При внедрении Новой Экономической Политики я, несмотря на образовавшийся у меня надрыв, не выступал против этого мероприятия партии. Нутром, однако, воспринять НЭП не мог и признал его только потому, что не видел другого исхода. Обстоятельство это привело к углублению внутреннего разлада во мне и я начал отходить от партийной жизни.

Дискуссию с ТРОЦКИМ 23–24 года я воспринял уже не по партийному и, хотя не разделял взгляды ТРОЦКОГО, но был против той, на мой взгляд, излишней страстности, которая применялась в полемике против него.

Решающее влияние в дальнейшем имела смерть ЛЕНИНА. Я видел в ней гибель Революции. Завещание ЛЕНИНА, которое мне стало известно, не помню от кого, мешало мне воспринять СТАЛИНА, как вождя партии и я, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику.

К 1926–27 году я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь, под влиянием БАРЧЕНКО, все больше и больше в мистику — я, в конце концов, организовал с ним масонское сообщество и вступил на путь прямой контрреволюционной деятельности.

ВОПРОС: Кто такой БАРЧЕНКО, откуда вы его знаете и каким образом он вовлек вас в масонскую организацию?

ОТВЕТ: БАРЧЕНКО Александр Васильевич, биолог, в настоящее время научный сотрудник ВИЭМ, куда я устроил его в 1935 году. Познакомили меня с БАРЧЕНКО в 1934 году приехавшие из Ленинграда б. сотрудники Ленинградской ЧК ЛЕЙСМЕЙЕР-ШВАРЦ и ВЛАДИМИРОВ. Явившись ко мне в Спец. Отдел ОГПУ в сопровождении БАРЧЕНКО, они рекомендовали мне его, как талантливого исследователя, сделавшего, имеющее чрезвычайно важное политическое значение, открытие и просили меня свести его с руководством ОГПУ с тем, чтобы реализовать его идею.

БАРЧЕНКО выдвигал теорию о том, что в доисторические времена существовало высокоразвитое, в культурном отношении, общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше.

Остатки этого высшего общества, по словам БАРЧЕНКО, до сих пор существуют в неприступных горных районах, расположенных на стыках Индии, Тибета, Кашгаре, и Афганистане, и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу, так называемой

«Древней Наукой», представляющей собой синтез всех научных знаний.

Существование и Древней Науки, и самих остатков этого общества является тайной, тщательно оберегаемой его членами.

Это стремление сохранить свое существование в тайне БАРЧЕНКО объяснял антагонизмом древнего общества с Римским Папой. Римские Папы на протяжении всей истории преследовали остатки древнего общества, сохранившиеся в других местах и в конце концов почти полностью их уничтожили.

Себя БАРЧЕНКО называл последователем древнего общества, заявляя, что был посвящен во все это тайными посланцами его религиозно-политического центра, с которыми ему удалось однажды вступить в связь.

ВОПРОС: Какие же это посланцы?

ОТВЕТ: БАРЧЕНКО называл имена монголо-тибетских мудрецов НАГА-НАВАНА и ХАЯНА ХИРВА. Мудрецы эти входили в состав приезжавшей в 1918 году в Ленинград и Москву Монголо-Тибетской делегации с тем, чтобы установить связь с Советами. Советским правительством делегаты приняты не были и оскорбившись уехали назад. БАРЧЕНКО, однако, во время их пребывания в Ленинграде имел возможность встречаться с ними и они посвятили его в свои планы.

Занимаясь сам в период встречи с БАРЧЕНКО познанием абсолютной истины (абсолютного понятия добра и зла), я заинтересовался его рассказом о существовании синтеза абсолютных научных знаний и пытался организовать БАРЧЕНКО в том же 1925 году поездку в Афганистан с тем, чтобы войти оттуда в контакт с хранителями этой «Древней Науки». Предприятие наше, однако, сорвалось, так как против него запротестовал ЧИЧЕРИН.

Независимо от срыва моего предприятия (посылка БАРЧЕНКО в Афганистан) я, не отказываясь от намерения войти в контакт с хранителями «Древней Науки», ограничивал из числа

сотрудников Спецотдела кружок по изучению этого мистического учения. Кружок этот работал под руководством посвященного в его тайны БАРЧЕНКО. Входили в кружок сотрудники Спецотдела ВЧК-ОГПУ: ГУСЕВ, ЦИБИЗОВ, КЛИМЕНКОВ, ФИЛИППОВ, ЛЕОНОВ, ГОПИУС, ПЛУЖНИКОВ.

Вскоре после организации мною кружка, однако, выяснилось, что привлеченные мной в него лица из числа сотрудников Спецотдела не пригодны к восприятию тайн «Древней Науки». В связи с этим кружок распался и я привлек для изучения мистического учения БАРЧЕНКО новых лиц из числа своих старых товарищей по Горному Институту. Эти лица впоследствии и составляли наше масонствующее сообщество.

ВОПРОС: Кто кроме вас входил в состав этого сообщества?

ОТВЕТ: Кроме меня и руководившего нашими занятиями БАРЧЕНКО в состав нашей группы входили: КАСТРЫКИН Михаил Лаврентьевич, МИРОНОВ Александр Владимирович, МОСКВИН Иван Михайлович и СТОМОНЯКОВ Борис Спиридонович. Не продолжительное время в группу входил Александр Яковлевич СОСНОВСКИЙ.

ВОПРОС: Какую связь вы поддерживали с этими лицами помимо кружка?

ОТВЕТ: Все эти лица, как я уже показывал, являлись моими старыми товарищами по Горному Институту. Помимо собраний, на которых БАРЧЕНКО читал нам рефераты о своем мистическом учении, у нас были установлены традиционные встречи, так называемые «свидания друзей». Раза три или четыре в году я, СТОМОНЯКОВ, КАСТРЫКИН, МИРОНОВ собирались у нашей старой знакомой АЛТАЕВОЙ и проводили вместе 2–3 часа, после чего расходились, не встречаясь между собой до следующего раза.

ВОПРОС: С какой целью вы производили эти сборища, что делали на них?

ОТВЕТ: Мы собирались как старые друзья для того, чтобы просто провести время вместе. Никаких других задач мы не ставили.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. К исследованию этого вопроса мы еще вернемся в дальнейшем. Сейчас уточните к какому масонскому ордену принадлежало ваше сообщество?

ОТВЕТ: Название «Древней Науки» я употребляю для нашего общества условно, условно, как название показывающее, что наше общество основной своей задачей ставило овладение мистическим учением известным под названием «Древней Науки» и ориентировалось на религиозно-мистический центр являющийся его хранителем.

БАРЧЕНКО, являющийся наставником в нашем сообществе и установивший однажды контакт с этим центром называл его «Шамбала» или «Дюнхор», что в переводе с тибетского означает «семь кругов знания».

По словам БАРЧЕНКО «Шамбала-Дюнхор» является высшим масонским капитулом, с которым в прошлом были связаны все масонские ордена; в настоящее время этот капитул распространяет свое влияние главным образом на восточные страны в частности, на Китай, Тибет, Синь-Дзянь, Индию, Афганистан и даже Северную Африку. Влияние капитула в этих странах, по словам БАРЧЕНКО, настолько велико, что в Афганистане им утверждается восшествие на престол новых эмиров.

До переезда в Москву в 1925 году у БАРЧЕНКО в Ленинграде произошел крупный конфликт с руководителями масонской организации, обвинившими его в разглашении тайн и грозившими ему на этой почве уничтожением. Угроза эта от имени масонской организации была высказана ему в 1924 г. членом ордена академиком ОЛЬДЕНБУРГОМ.

В связи с конфликтом с руководством организации БАРЧЕНКО отошел от ее ленинградского ядра и стал искать пути для непосредственной связи с высшим капитулом «Шамбала-Дюнхор», объединяя вокруг себя различный масонствующий

элемент. Таким образом и возникло наше мистическое сообщество, фактически самостоятельная ложа, ориентирующаяся на непосредственную связь с высшим масонским капитулом «Шамбалой-Дюнхором».

К какому ордену принадлежал до переезда из Ленинграда БАРЧЕНКО, я сказать затрудняюсь. В виду особых, конфликтных отношений БАРЧЕНКО с основным ядром масонской организации в Ленинграде, никто из нас, группировавшихся вокруг БАРЧЕНКО в новой ложе, официального посвящения не прошел и как не посвященным БАРЧЕНКО не мог рассказать некоторых тайн ордена, к которому мы формально не принадлежали.

По косвенным намекам БАРЧЕНКО и общим наблюдениям можно судить, что он посвящен в члены ордена Розенкрейцеров. Говорю я это на основании того, что на Розенкрейцеров БАРЧЕНКО определенно указывал как на орден, связанный с нашим центром «Шамбала-Дюнхор». У БАРЧЕНКО, в различного рода геометрических чертежах и многочисленных фотографических снимках предметов древности, постоянно повторялись эмблемы РОЗЫ, КРЕСТА и ЧАШИ, которые являются символами Розенкрейцеров. Значение этих символов известно частью из литературы, частью же, насколько я помню, об этом говорил нам сам БАРЧЕНКО во время наших занятий.

В настоящее время БАРЧЕНКО обладает печатью с общемасонскими эмблемами — двойного ТРЕУГОЛЬНИКА с символическими изображениями на его сторонах СОЛНЦА, ЛУНЫ и ЧАШИ.

ВОПРОС: Кого вы знаете из числа членов масонской организации?

ОТВЕТ: Кроме уже перечисленных мною СТОМОНЯКОВА, МОСКВИНА, КОСТРЫКИНА и МИРОНОВА, входящих в состав нашей ложи, со слов БАРЧЕНКО, известны как члены масонской организации — ленинградцы: ВЕЧЕСЛОВ — доктор, ЗАБРЕЖНЕВ — быв. Работник Наркоминдела, КАНДИАЙН (масонский псевдоним Тамнил) — астрофизик и бывший сотрудник Ленинградской ЧК-ПП ОГПУ — ЛЕЙСМЕЙЕР — ШВАРЦ, ОТГО,

ВЛАДИМИРОВ и РИКС. О КАНДИАЙНЕ и бывших сотрудниках Ленинградской ЧК БАРЧЕНКО говорил мне не как о посвященных масонах, а как о своих учениках и последователях. Всех их я знаю лично и аналогичные заявления мне приходилось слышать и от них самих. КАНДИАЙН кроме этого, по просьбе БАРЧЕНКО, однажды выступал с докладом на занятиях нашего кружка.

Как о посвященном в тайны мистического учения «Шамбала» БАРЧЕНКО — говорил мне о некоем ГУРДЖИЕВЕ — директоре Института ритма в Париже в свое время проживавшем в СССР. Учеником и последователем ГУРДЖИЕВА на территории СССР, в прежнее время, по словам БАРЧЕНКО, являлся скульптор МЕРКУРОВ. В виду того, что ГУРДЖИЕВ, как мне говорил БАРЧЕНКО, старались установить связь с его учеником МЕРКУРОВЫМ, но он от этого, по неизвестным для меня причинам уклонился.

В качестве своих учеников и последователей «Шамбала-Дюнхора» БАРЧЕНКО называл мне сотрудниц ЛОБАЧ и ШИШЕЛОВУ, фиктивного мужа ШИШЕЛОВОЙ и сотрудника Наркомотдела КОРОЛЕВА.

Наконец, мне еще до Революции было известно о принадлежности к масонам академика ОЛЬДЕНБУРГА, о котором я уже показывал выше.

ВОПРОС: Что за фиктивный муж у последовательницы БАРЧЕНКО — ШИШЕЛОВОЙ?

ОТВЕТ: Дело в том, что настоящая фамилия ШИШЕЛОВОЙ — МАРКОВА. Она дочь известного черносотенца — члена Государственной Думы — МАРКОВА II-го. Желая изменить свою фамилию с тем, чтобы скрыть свое социальное происхождение, МАРКОВА заключила с одним из последователей БАРЧЕНКО — ШИШЕЛОВЫМ фиктивный брак и приняла его фамилию. С ШИШЕЛОВЫМ никогда не жила и не живет до сих пор.

ВОПРОС: Вы показывали, что ваша ложа ориентировалась на связь непосредственно с центральным капитулом. Расскажите, что вы сделали для установления этой связи?

ОТВЕТ: Для организации этой связи я устраивал БАРЧЕНКО поездки в различные районы Союза, в отношении которых у нас имелись данные о том, что там существуют какие-либо религиозно-мистические секты восточного происхождения, ориентирующиеся на «Шамбалу».

ВОПРОС: На какие средства устраивались эти поездки? ОТВЕТ: На средства незаконно отпускавшиеся мной БАРЧЕНКО из сумм § 9 и имевшегося у меня нелегального фонда. Вообще я полностью содержал БАРЧЕНКО с его семьей в течение 10-ти лет — с 1925 — по 1935 год. Незаконные выдачи. БАРЧЕНКО денег я продолжал производить и в 1935 году. В этом году я выдал ему около 23 000 руб, из них 9000 руб. из сумм § 9, остальные 13–14 тысяч из нелегального фонда.

ВОПРОС: Что за нелегальный фонд, из которого вы снабжали БАРЧЕНКО?

ОТВЕТ: Это денежные суммы, поступавшие в Спецотдел от различных учреждений за проданные нами несгораемые шкафы и выполненные работы по составлению кодов. Деньги эти мной обычно незаконно задерживались в кассе Спецотдела и я расходовал их по своему усмотрению.

ВОПРОС: Вернемся к вопросу об организации вами поездок БАРЧЕНКО для связи с религиозно-мистическими сектами. Какие конкретно поездки вы устроили БАРЧЕНКО?

ОТВЕТ: У меня в памяти следующие случаи: в 1925 году мной была организована БАРЧЕНКО поездка на Алтай, где БАРЧЕНКО должен был установить связь с сектами «Беловодья» — религиозно-мистические круги Центральной Азии, представляющие по мистическому учению ближайшее окружение нашего центра «Шамбала». В результате поездки БАРЧЕНКО среди местных сектантов были установлены лица, совершающие регулярные паломничества в находящийся за кордоном мистический центр.

В 1926–27 году БАРЧЕНКО ездил в Крым — Бахчисарай, где установил связь с членами Мусульманского Дервишского ордена

«Сайди-Эддини-Джибави». В последствии он вызывал в Москву и приводил ко мне сына Шейха (главы) этого ордена.

Примерно в это же время он ездил в Уфу и Казань, где установил связь с дервишами орденов «Пакш-Бенди» и «Халиди». Кроме этого БАРЧЕНКО в различное время выезжал для связи с сектантами в Самарскую губернию и Кострому.

В 1926 году БАРЧЕНКО ездил в Кострому для встречи с представителями нашего ордена «Шамбала», которые должны были прибыть из-за границы.

ВОПРОС: Вам было известно, что все эти секты представляют социально и политически враждебные нам слои населения и насыщены шпионским элементом?

ОТВЕТ: Да, я это знал.

ВОПРОС: Дня какой же цели вы искали связи с контрреволюционерами и шпионами?

ОТВЕТ: Специально связей со шпионским элементом я не искал. На связь с указаниями выше сектами я шел будучи увлечен мистическим учением БАРЧЕНКО, ставя овладение его тайнами выше интересов партии и государства. Высокая задача овладения научно-мистическими тайнами «Шамбалы» в моих глазах оправдывали и отход от марксистко-ленинского учения о классах и классовой борьбе и связь с классовым врагом. Тем не менее, специального вреда партии и советской власти я нанести я не хотел и никто из членов ордена как шпион, или человек связанный со шпионами известен не был.

ВОПРОС: Это неправда. Где в настоящее время находится ВЛАДИМИРОВ, рекомендовавший вам в свое время БАРЧЕНКО?

ОТВЕТ: ВЛАДИМИРОВ в 1926 или 1927 году был расстрелян за шпионаж в пользу Англии.

ВОПРОС: Как же вы говорили, что не знаете никого из членов вашего ордена, занимающихся шпионажем или связанных со шпионами?

ОТВЕТ: Я признаю, что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность БАРЧЕНКО.

ВОПРОС: Почему же вы не приняли мер для ареста и привлечения БАРЧЕНКО к ответственности, а помогали ему продолжать свою шпионскую деятельность?

ОТВЕТ: Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа. Я терпел такое положение потому что, как я уже говорил, поставил интересы нашего ордена выше интересов партии и государства и наблюдая проявления контрреволюционной шпионской деятельности закрывал на это глаза, оправдывая тем их теми же интересами нашего ордена.

ВОПРОС: С кем еще, кроме ВЛАДИМИРОВА были связаны члены вашей ложи по линии шпионажа?

ОТВЕТ: Со слов БАРЧЕНКО, мне известно о связях нашего ордена с известным организатором английского шпионажа на Востоке, проживающим в настоящее время в Париже, английским принцем АГА-ХАНОМ. По словам БАРЧЕНКО АГА-ХАН входит в состав ордена «Шамбала-Дюнхор» и непосредственно связан с центром. Кроме этого у БАРЧЕНКО существовала связь с Польшей через члена нашего ордена КАНДИАЙНА. В частности, БАРЧЕНКО мне рассказывал в 1925 году о том, что КАНДИАЙНОМ были получены «под видом наследства» деньги из Польши. К получению этих денег имел какое-то отношение и сам БАРЧЕНКО. Помню по крайней мере, что у него с КАНДИАЙНОМ на этой почве произошел какой-то конфликт. Подробно восстановить сейчас в памяти, в чем было дело, не могу.

ВОПРОС: Дайте подробные показания, в чем заключается шпионская деятельность БАРЧЕНКО?

ОТВЕТ: Шпионская деятельность БАРЧЕНКО в основном заключалась в создании разведывательного аппарата шпионажа. Работа эта велась им в двух направлениях — организации шпионской сети на периферии и проникновения в руководящие советские и партийные круги. Последнее делалось с той целью, чтобы овладеть умами руководящих работников и по примеру масонских организаций в капиталистических странах, в частности, во Франции, направлять деятельность правительства по своему усмотрению.

Для налаживания сети на периферии БАРЧЕНКО использовал различные религиозно-мистические секты восточного происхождения. Для этой цели он постоянно предпринимал поездки в различные районы Союза, устанавливал связь с местными сектантами организациями, встречался с закордонными эмиссарами.

В 1926 году, когда он выезжал в Кострому для встречи с представителями нашего ордена «Шамбала», которые должны были прибывать из заграницы, он был задержан местным Отделом ОГПУ. Я, однако, имея в виду интересы ордена приказал его освободить.

Кроме Костромы, как я уже показывал, он выезжал на Алтай, в Крым, Казань, Уфу и Самарскую губернию.

Для того, чтобы проникнуть в руководящие круги советских работников БАРЧЕНКО старался заинтересовать отдельных лиц своими «научными исследованиями», их значением для обороны страны и т. п. Заинтересовав кого либо научной стороной вопроса, он постоянно переходил к изложению своего учения о «Шамбале» и опутав жертву паутиной мистики, использовал в целях шпионажа.

Таким образом, он в свое время обработал меня и проник в ОГПУ. В последствии при моем участии был обработан СТОМОНЯКОВ, МОСКВИН, МИРОНОВ, КАСТРЫКИН. Удалось ему при моей помощи заинтересовать своим учением бывш. Зав. Подотдела нацменьшинств ЦК ВКП(б) ДИМАНШТЕЙНА и

инженера ФЛАКСЕРМАН, которые по моему приглашению раза два присутствовали на занятиях кружка «Древней Науки».

Не довольствуясь этим, БАРЧЕНКО просил меня свести его с МОЛОТОВЫМ и ВОРОШИЛОВЫМ. Особенно настойчиво он стал добиваться встречи с ВОРОШИЛОВЫМ в последнее время. Действовал он совместно с ЛЕЙСМЕЙЕРОМ — ШВАРЦОМ, который в свое время свел БАРЧЕНКО со мной ЛЕЙСМЕЙЕР специально для этого в начале 1936 года приезжал из Ленинграда в Москву и носил ВОРОШИЛОВУ написанный БАРЧЕНКО по настоянию ЛЕЙСМЕЙЕРА доклад. ВОРОШИЛОВ ЛЕЙСМЕЙЕРА, однако, не принял. После этого ЛЕЙСМЕЙЕР уехал в Ленинград и прислал опуда БАРЧЕНКО небольшую сумму денег (200 руб.), которые БАРЧЕНКО почему-то не принял и отослал обратно.

ВОПРОС: Какую шпионскую деятельность, какие конкретные шпионские задания получали от БАРЧЕНКО вы лично?

ОТВЕТ: Прямых заданий по шпионажу я от БАРЧЕНКО не получал. Моя роль в этом деле выражалась в том, что, будучи увлечен мистикой БАРЧЕНКО, я пренебрегал интересами государства и помогал ему вести шпионскую работу, закрывая глаза на характер его деятельности и покрывая ее именем Спец. Отдела ОГПУ.

ВОПРОС: Это невероятно. При занимаемой вами должности БАРЧЕНКО не мог не стремиться использовать вас в целях шпионажа более активно.

ОТВЕТ: Причины сдержанности в этом отношение БАРЧЕНКО непонятны и для меня самого. Теперь после обнаруженных под руководством Наркома Внутренних Дел ЕЖОВА обстоятельств я думаю, что шпионаж в органах ОГПУ-НКВД шел по другой линии. При самом активном использовании меня я не мог дать тех сведений, которые имели возможность давать другие арестованные лица, в частности ЯГОДА. В связи с этим мети, очевидно, держали в резерве, не желая подвергать напрасному риску провала сопряженному со всякой активной деятельностью и довольствуясь тем общим содействием, которые, я оказывал БАРЧЕНКО.

К этому заключению меня приводит еще и следующее обстоятельство. Последние полтора-два года моя связь с БАРЧЕНКО значительно ослабла. Мы с ним не встречались, и он переставал обращаться ко мне с какими-либо просьбами и только после произведенных в последнее время арестов, он, старался восстановить со мной прежнюю связь, именно имеет место попытка включить меня в активный шпионаж, ввиду провала других линий.

ВОПРОС: Следствие вам не верит. Старясь увести следствие от расследования своей шпионской деятельности, вы хотите направлять его в другую сторону. Предлагаю вам дать откровенные показания о вашей шпионской работе.

ОТВЕТ: К тому, что я уже показывал, я больше ничего существенного добавить не могу. Мной прочитано, с моих слов написано правильно.

28 мая 1937 г.

Г. Бокий.

ДОПРОСИЛИ:

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР КОМИССАР.ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 2 РАНГА / БЕЛЬСКИЙ /.

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: /АЛИ/

верно: (подпись)

СТРУКТУРА И КАДРЫ СПЕЦОТДЕЛА ОГПУ-НКВД

28 января 1921 года при ВЧК был образован Специальный отдел для координации и контроля ведомственных шифровальных служб и централизованной организации секретного делопроизводства в государственных учреждениях. Отдел возглавил Г.И. Бокий, с 12 июля 1921 года вошедший по должндсти в Коллегию ВЧК. 5 мая 1921 года правительство приняло постановление об обязательном исполнении

государственными учреждениями распоряжений и циркуляров Спецотдела по вопросам шифровального дела.

К декабрю 1922 года Спецотдел ГПУ состоял из трех отделений, начальниками которых были Николай Яковлевич Клименков, Григорий Карлович Крамфус и Владимир Дмитриевич Цибизов. К декабрю 1929 года помощниками Бокия были Гусев (он же начальник 4-дешифровального отделения) и Эйхманс (он же начальник 3-го шифровального отделения); 1-е (соблюдение режима секретности), 2-е (перехват шифров) и 5-е отделения возглавляли соответственно В.М. Колосов, Ф.Г. Тихомиров, В.Д. Цибизов, лабораторией заведовал Е.Е. Гоппиус, техническим отделением — А. Чурган, фотографией — П.А. Алексеев.

В более поздний период, по данным историка А.А. Андреева, «Леонов возглавлял 1-ое отделение Спецотдела, занимавшееся охраной гос. тайны и исполнением режима секретности; Филиппов руководил управлением северных исправительных лагерей; А.Г. Гусев заведовал 4-ым отделением Спецотдела, занимавшимся дешифровальной работой; В. Цыбизов работал во 2-ом отделении и одновременно возглавлял 8-е криптографическое отделение штаба РККА». Некоторые сотрудники Спецотдела также работали одновременно в наркомате обороны, занимаясь работой, сходной по тематике (П. Харкевич, А. Каган-Катунал и др.).

В Спецотделе под руководством Бокия работали к 1934 году 100 человек, среди них Сергей Григорьевич Андреев, Александр Алексеевич Бакланов, Цыден Болданович Болдано (из крестьян-батраков, окончил Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сталина, член партии с 1925 года, в ОГПУ с 1925-го), Иван Михайлович Боченков, Владимир Петрович Будников, Вилис Кришевич Вайвер, Яков Матвеевич Валицкий, Александр Станиславович Войтыга, Евгений Евгеньевич Гоппиус, Александр Георгиевич Гусев, Хасан Мамедович Джавад, Абуль Касим Зарре, Харитон Иванович Иванов, Александр Соломонович Иоселевич (соратник Бокия по Петроградской ЧК в 1918 году, расстрелян в 1937), Александр Вениаминович Каган-Катунал, Илья Шршевич Калтград (умер в 1937 году, похоронен на Новодевичьем

кладбище), Георгий Сергеевич Кильдешов, Николай Яковлевич Клименков, Григорий Карлович Крамфус, Сергей Алексеевич Куликов, Василий Михайлович Малых, Василий Михайлович Михеев, Павел Адамович Мянник, Алексей Дмитриевич Пак (кореец, из крестьян, член партии с 1924 года, служил в царской армии, в 1918–1919 годах по мобилизации в колчаковской армии, с 1920 года в РККА, незаконченное высшее военное образование, в ОГПУ с 1926-го), Анна Максимовна Петрова, Леонид Александрович Сизов, Иван Петрович Скоробогач, Федор Григорьевич Тихомиров, Павел Хрисанфович Харкевич, Риза Алимович Хильми, Владимир Дмитриевич Цибизов, Антон Дмитриевич Чурган, Владимир Сергеевич Шинкевич, Лидия Николаевна Шишелова, Федор Иванович Эйхманс, Берта Юрьевна Янсон.

О некоторых их них расскажем более подробно.

Заведующий лабораторией Спецотдела старший лейтенант госбезопасности Евгений Евгеньевич Гоппиус родился в Москве в 1897 году в дворянской семье. Отец, Евгений Александрович Гоппиус, инженер, специалист по минному делу и большевик, ушел из семьи (в 1918 году в Воронежской губ. в боях с войсками белого генерала Дутова он руководил строительством оборонительных укреплений, тем же занимался на Восточном фронте, умер от тифа в феврале 1919-го), и мальчика воспитывала мать-учительница, член РСДРП(б) с 1904 года, после революции 1905 года жившая в Арзамасе под надзором полиции. Евгений окончил там же реальное училище, одновременно занимался репетиторством. В 1916 году поступил на химический факультет Санкт-Петербургского университета. В апреле 1917 года в Арзамасе вступил в РСДРП(б), вскоре был избран секретарем уездного комитета партии. После Октября был секретарем уездного Совета, уездным комиссаром труда. В 1919 году в Нижнем Новгороде преподавал в партийной школе, был председателем школьно-лекторской комиссии губкома партии. С 1920 года в Самаре занимался аналогичной работой (зав. учебной частью), затем вновь в Нижнем Новгороде заведовал пропагандистским отделом губполитпросвета. С 1921 года работал в Москве в Спецотделе ВЧК-ГПУ заведующим

лабораторией экспертизы. Параллельно окончил в 1926 году два курса физико-математического факультета МГУ.

Сам Гоппиус в своей автобиографии 1923 года писал: «попал я как раз на ту линию, по которой хотел идти».

Е.Е. Гоппиус был арестован 4 июня 1937 года. По обвинению в участии в контреволюционной организации приговорен комиссией НКВД СССР и Прокуратуры СССР 30 декабря 1937 года к расстрелу и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

ГУсев Александр Георгиевич родился в 1891 году в с. Большое Юрьево Муромского уезда Нижегородской губ. в семье жандарма. Член ВКП(б), образование низшее. Помощник начальника Спецотдела ГПУ-НКВД в 20-е-первой половине 30-х гг., затем начальник 4-го отделения 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР, почетный чекист. Арестован 29 января 1938-го. Комиссиями НКВД СССР, Прокуратуры СССР и председателя ВКВС СССР 22 апреля 1938 года по обвинению в участии к к.-р. террористической организации приговорен к ВМН и расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956.

Джавад Хасан Мамедович родился в 1891 году на острове Крит, турок, член ВКП(б), образование высшее, сотрудник 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 14 июня 1937-го. Приговорен комиссиями НКВД СССР и Прокуратуры СССР 9 декабря 1937 года — по обвинению в-шпионаже — к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 году.

Зарре Абуль Касим родился в 1900-м году в Тегеране (Иран); иранец, член ВКП(б), образование высшее, профессор персидской литературы и персидского языка Института востоковедения им. Нариманова. Арестован 21 февраля 1938 года. Приговорен Военной коллегией ВС СССР 27 апреля 1938 года по обвинению в шпионаже к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 году.

Каган-Катунал Александр Вениаминович родился в 1903 году в г. Либава (Латвия), еврей, кандидат в члены ВКП(б),

образование высшее, сотрудник Разведывательного Управления РККА и 9-ю отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 3 ноября 1937 года. Приговорен ВКВС СССР 22 августа 1938 к ВМН по обвинению в участии в к.-р. террористической организации. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1967 году.

Крамфус Григорий Карлович родился в 1893 году в Харькове, еврей, член ВКП(б), образование незаконченное высшее, сотрудник НКВД. Арестован 25 августа 1937-го. Приговорен ВКВС СССР 3 октября 1938 по обвинению в шпионаже к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 году. О Крамфусе писал в неопубликованных мемуарах Ю.Н.Флаксерман:

«Г.К.Крамфус работал в шифровальном отделе с 1923 года — там занимались раскрытием чужих иностранных шифров. В короткое время Крамфус настолько хорошо овладел этим сложным делом, что стал не только преподавать эту науку в школе шифровальщиков, но и написал учебник Он предложил Бокию создать код, как это сделали почти все капиталистические страны, чтобы экономить валюту на телеграммы. Зашифрованные по коду, они требовали во много раз меньше расходов. Бокий принял это предложение. Была организована под руководством Г.К. Крамфуса межведомственная комиссия, которая и разработала такой код, которым стали пользоваться все наши учреждения» (эти сведения сообщает историк Евгений Шошков).

Павел Адамович Мянник родился в 1896 году в Эстонии. Эстонец, член ВКП(б), образование среднее, начальник 4-го сектора 9-го отдела ГИТБ НКВД СССР. Арестован 8 октября 1937-го. Приговорен комиссией НКВД СССР и Прокуратуры СССР 9 декабря 1937 года по обвинению в шпионаже к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Харкевич Павел Хрисанфович, полковник, родился в 1896 году в с. Писаревка Воронежской губ. Окончил реальное училище в Орле, в 1916 году — Алексеевское военное училище. В 1916–1918 годах начальник команды разведчиков 1-го гвардейского стрелкового полка; поручик.

В РККА с 1918 года — начальник общего отдела Севского уездного военкомата, заведующий делопроизводством Орловского губернского военкомата. В 1923 году окончил Командное и Восточное отделения Военной академии РККА.

В 1923–1930 годах работал в НКИД и в Спецотделе ВЧК-ОГПУ. Член ВКП(б) с 1928 года. В 1930–1931 годах начальник дешифровального сектора 7-го отдела штаба РККА.

В 1931–1939 годах начальник дешифровального отдела (5-й отдел, затем 7-й отдел) IV управления (Разведупра) РККА. В феврале 1939 года снят с должности и отправлен в распоряжение Управления по командному и начальствующему составу РККА, фактически работал еще некоторое время в отделе. В ноябре 1939 года уволен в запас РККА за связь с «бокиевской антисоветской организацией». По данным ЦА ФСБ репрессиям не подвергался.

Хильми Риза Алимович родился в 1896 году в Буреа (Турция), турок, член ВКП(б), образование среднее, сотрудник 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 21 мая 1937-го. Приговорен комиссиями НКВД СССР, Прокуратуры СССР и председателя ВКВС СССР 10 января 1938 года по обвинению в шпионаже к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1958 году.

Цибизов Владимир Дмитриевич, бригадный комиссар, родился в 1893 году в г. Гусь-Хрустальный, русский, член ВКП(б), образование низшее, помощник начальника 9-го отдела ГУГБ НКВД, начальник 8-го отдела Генштаба РККА. Арестован 29 января 1938 года. Приговорен комиссиями НКВД СССР и Прокуратуры СССР 9 мая 1938 года — по обвинению в участии в к.-р. террористической организации — к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 году.

Чурган Антон Дмитриевич родился в 1892 году в Бешенках Лидского уезда Виленской губ., белорус, член ВКП(б), образование незаконченное среднее, начальник отделения 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 29 апреля 1938 года. Приговорен к ВМН ВКВС СССР 28 августа 1938 года — по обвинению в участии в к.-р. организации, материальной

поддержке к.-р. группы. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 году.

Шишелова Лидия Николаевна, она же Маркова родилась в 1897 году в Москве в семье известного монархиста, депутата Государственной думы Н.Е. Маркова-второго (после революции — белоэмигранта). Беспартийная, образование среднее, лаборантка Научно-энергетической лаборатории ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины). Арестована 26 мая 1937-го. Приговорена к ВМН комиссиями НКВД СССР и Прокуратуры СССР 30 декабря 1937 по обвинению в принадлежности к шпионской организации. Расстреляна в тот же день. Реабилитирована в 1989 году. Ее муж, сотрудник Института востоковедения Юрий Шишелов, в 1937 году, опасаясь ареста, бежал в Барановичи в Западной Белоруссии (до 1939 года принадлежавшей Польше) и в дальнейшем сумел избежать репрессий.

Майор госбезопасности Эйхманс Федор Иванович родился в 1897 году в с. Вец-Юдуп Эзеровской вол. Гельфингенского уезда Курляндской iу6. С 1918 года в органах ВЧК, служил в Туркестане, начальник Семиреченской областной ЧК, участник операции по ликвидации атамана А.И. Дутова. Работал в системе лагерей ОПТУ, начальник Соловецкой тюрьмы особого назначения, в апреле-июне 1930 года начальник новообразованного Управления лагерей ОГПУ. В том же году переведен в Спецотдел ОГПУ на пост зам. начальника (с ноября 1936 года — зам. нач. 9-го отдела ГУГБ НКВД). Арестован в июле 1937 года. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 3 сентября 1938 года к расстрелу. Реабилитирован в 1956 году.

В дальнейшем функции Спецотдела в органах госбезопасности осуществляли 9-й отдел ГУГБ НКВД СССР (с декабря 1936 до марта 1938 года, до ареста им руководил Бокий), Секретношифровальный отдел НКВД (март-июнь 1938 года), 3-й Спецотдел НКВД (июнь-сентябрь 1938 года), 7-й отдел ГУГБ НКВД (сентябрь 1938-февраль 1941 года), 5-й отдел НКГБ (февраль-июль 1941 года), 5-й спецотдел НКВД (июль 1941-

ноябрь 1942 года), 5-е управление НКВД (ноябрь 1942-апрель 1943 года), 5-е управление НКГБ (апрель 1943-май 1946 года), 6-е управление МГБ (май 1946-ноябрь 1949 года), в 1949–1953 — Главное управление специальной службы ЦК партии, в 1953–1954 -8-е управление МВД, в 1954–1991–8-е Главное управление КГБ, в 1991–1992 — Комитет правительственной связи при президенте, в 1992–2003 — Федеральное агентство правительственной связи и информации РФ.

Федеральное агентство правительственной связи и информации при президенте Российской Федерации (ФАПСИ) было создано Указом президента РСФСР № 313 от 24 декабря 1991 года на базе выведенных из КГБ СССР Управления правительственной связи, 8-го Главного Управления (шифровального) и 16-го управления (дешифровка и перехват). Кроме того, в состав ФАПСИ вошли Государственный информационно-вычислительный центр при Государственной комиссии по чрезвычайным ситуациям (Госцентр СССР) с подведомственными ему организациями (НИИ «Ромб», НИИ «Энергия», НИЦ «Терминал», Научно-тематический центр) и Московский НИИ электротехники Научно-производственного объединения «Автоматика».

24 сентября 1992 года распоряжением президента Ельцина в составе ФАПСИ был учрежден научно-технический центр правовой информации «Система».

ФАПСИ было федеральным органом исполнительной власти, подведомственным непосредственно президенту. Правовую основу деятельности ФАПСИ составлял Закон РФ «О федеральных органах правительственной связи и информации» от 19 февраля 1993 года (с поправками и изменениями от 24 декабря 1993 года). В 1994 году было утверждено Положение о ФАПСИ. 3 апреля 1995 года вышел указ президента «О мерах по соблюдению законодательства в области разработки, производства и реализации шифровальных средств». Контроль над деятельностью ФАПСИ осуществляли Комитет по безопасности Государственной думы, Контрольное управление администрации президента и Счетная палата Минфина России.

В ведении ФАПСИ находились следующие вопросы:

— спецсвязь;

— криптографическая и инженерно-техническая безопасность шифрованной связи;

— разведывательная деятельность в системе спецсвязи;

— специнформобеспечение высших органов власти.

В соответствии с этими задачами строилась и структура агентства. К 2003 году в состав ФАПСИ входили:

1. Главное управление правительственной связи (ГУПС). Эта структура отвечала за обеспечение различными видами связи высших органов государственной власти РФ, силовых структур, ведущих предприятий оборонно-промышленного комплекса и других объектов, имеющих жизненно важное значение для безопасности нашей страны. Система правительственной связи охватывает около 300 городов и специальных объектов, обеспечивает телефонной связью более 20 тыс. абонентов и документальной связью — свыше 1600 органов государственной власти и организаций. В 79 городах функционируют комплексы радиосвязи с подвижными объектами, обслуживающие свыше 3 тысяч абонентов.

2. Главное управление безопасности связи (ГУБС). Создано на базе бывшего 8-го Главного Управления КГБ СССР. Занималось криптографической защитой информации. Работы в этом направлении проводятся Академией криптографии Российской Федерации, действующей при ФАПСИ, совместно с Российской Академией наук и рядом других отраслевых академий. Специалисты ФАПСИ осуществляли разработку и сопровождение шифровальной техники для заинтересованных ведомств, обеспечивают все министерства и ведомства криптографически качественными, надежно защищенными от несанкционированного доступа ключевыми документами. Силами спецслужбы осуществляется государственный контроль за обеспечением информационной безопасности во всех сетях

специальной связи в России и ее учреждениях за рубежом. В пределах своей компетенции ФАПСИ осуществляло лицензирование и сертификацию в области защиты информации, проводило работы по проверке и защите особо важных помещений федеральных органов государственной власти и установленных в них технических средств с целью выявления и предотвращения утечки информации по техническим каналам.

3. Главное управление радиоэлектронной разведки средств связи (ГУРРСС). Создано на базе бывшего 16-го управления КГБ СССР. Занималось ведением внешней разведывательной деятельности в политической, экономической, военной и научно-технической сферах с использованием радиоэлектронных средств.

4. Главное управление информационных систем (ГУИС). Первоначально 21 февраля 1992 года на базе упраздненного Управления информационных ресурсов администрации президента России в составе ФАПСИ было создано Главное управление информационных ресурсов (ГУИР). Позже ГУИР было переименовано в ГУИС. Данное управление отвечало за информационное и информационно-технологическое обеспечение органов государственной власти, включая региональный уровень. Его сотрудники осуществляли информационную поддержку баз данных, создаваемых в региональных и ведомственных структурах управления, готовили по заказу государственных органов аналитические материалы, проводили анализ публикаций в СМИ, участвовали в формировании, сопровождении и предоставлении пользователям справочных, фактографических и проблемно-ориентированных баз и банков данных.

5. Главное административное управление (ГАУ, бывший штаб ФАПСИ).

Помимо управлений, в составе ФАПСИ имелись:

— Криптографическая служба (занималась внешней радиоэлектронной разведкой и шифрованием, собирала

разведин-формацию, а также осуществляла ее первичную обработку);

— Служба собственной безопасности (осуществляла охрану сотрудников и помещений агентства); при ФАПСИ также действовала Академия криптографии РФ.

Помимо ФАПСИ, в единую систему федеральных органов правительственной связи и информации входили:

— органы правительственной связи и информации (Управления правительственной связи-в регионах, Центры правительственной связи и информационно-аналитические органы в субъектах РФ);

— войска;

— учебные заведения, научно-исследовательские организации, предприятия.

На войска правительственной связи возложено обеспечение всеми видами специальной связи органов власти, управления и военного руководства в военное время. В мирное время эти войска, по решению президента Российской Федерации, могут привлекаться для управления контингентами Вооруженных Сил, формируемыми на период выполнения конкретных задач, а также для организации правительственной связи в чрезвычайных ситуациях из мест, не оборудованных стационарными средствами этой связи.

Федеральные органы правительственной связи и информации участвуют в разработке и проведении государственной политики в области формирования государственных информационных ресурсов, обеспечивают президента РФ и руководителей всех органов государственной власти независимой от других источников специальной информацией по социально-политическим и экономическим вопросам, проблемам безопасности и обороноспособности, науки и экологии.

Наиболее ценная информация в документальном виде, в виде аналитических записок и справок ежедневно докладывается

президенту, высшему руководству страны, секретарю Совета безопасности, директору ФСБ России, директору СВР России, начальнику Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил России. По каналам правительственной связи ежедневно рассылаются более чем 350 адресатам тематические справки по материалам зарубежных информационных агентств, прессы и иностранного радиовещания.

Первым директором ФАПСИ стал А.В. Старовойтов. В декабре 1998 года его сменил генерал-полковник В.П. Шерстюк. Однако последний вскоре также уступил этот пост своему заместителю В.Г. Матюхину.

Персонал ФАПСИ насчитывал несколько десятков тысяч человек Если в советское время в структурах, на базе которых было затем образовано агентство, имелось 18 генералов, то сегодня в ФАПСИ их около 70, что явно свидетельствует о возросшей роли информации в современном мире.

В марте 2003 года указом президента РФ В.В. Путина ФАПСИ было ликвидировано, его структуры вошли в состав ФСБ и Минобороны РФ.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ Г.И. БОКИЯ

Бокии ведут родословную с XVI века. Федор Бокий-Печихвостский был подкоморием (судьей) Владимиро-Волынского воеводства в Литве во времена Ивана Грозного. В списки дворян Полтавской губернии род Бокиев не попал, также как и в «Гербовник дворянских родов» Российской Империи, хотя герб рода есть. ГТрапраправнук Ивана Бокия, праправнук Василия, правнук Ивана, внук Африкана и сын Дмитрия Африкановича Иван Дмитриевич Бокий родился в 1845 году. Окончил физико-математический факультет Харьковского университета. Брат Ивана Дмитриевича Василий Дмитриевич стал врачом. Он был женат на Неонилле Андреёевне Остроградской, родственнице известного математика, академика Михаила Васильевича Остроградского (1801–1861), которого иногда ошибочно называют прадедом Глеба Бокия. В приданое Василию Бокию досталось имение под Кобеляками Полтавской

губернии, Иван Дмитриевич от своих прав отказался в пользу брата. Сын В.Д. Бокия Вячеслав Васильевич также стал врачом, ветеринаром, был председателем земской управы. Его сын Борис Вячеславович (1898–1973) был профессором и в 1956–1967 годах проректором Ленинградского горного института. Дети последнего Вячеслав и Всеволод Борисовичи стали кандидатами технических наук, а дочь Ирина Васильевна — кандидатом медицинских наук.

По другой линии сын второго сына В Д. Бокия Дмитрия, ставшего зоотехником, а его сын, также Дмитрий, авиационным инженером, работал в Казани.

Брат Глеба Ивановича Борис Иванович Бокий родился 23 июля 1873 года в Тифлисе. Среднее образование Б.И. Бокий получил в Изюмском реальном училище, окончив его в 1890 году. В том же году по конкурсу Борис Иванович Бокий поступает в Петербургский горный институт.

В Горном институте Б.И. Бокий слушает лекции академика Карпинского по геологии, профессора Романовского по горному делу профессора Тиме по горной механике, профессора Долбня по математике и др. В 1895 году Б.И. Бокий оканчивает институт по первому разряду и начинает работу в Донецком бассейне. Начало практической деятельности Б.И. Бокия в Донбассе совпало с промышленным подъёмом 90-х годов.

Всюду шло усиленное железнодорожное строительство; в течение 1890–1900 годов в России было выстроено свыше 21 000 верст новых железнодорожных путей. Это обусловило большое развитие металлургии и всё возрастающий спрос на каменный уголь; за те же годы добыча угля в Донбассе выросла в четыре раза. Работая заведующим шахтами, Б.И. Бокий не опускается до роли простого администратора. Он стремится теоретически осмыслить и решить встающие перед ним технические вопросы.

В 1898 году на шахте «Иван», спустя несколько дней после назначения туда Б.И. Бокия, произошёл сильный взрыв газа, в результате которого погибло 78 человек. Из этого печального

события Б.И. Бокий сделал вывод о том, что надо, не жалея сил и энергии, искать пути, предотвращающие подобные катастрофы; что надо подвести научную базу под горное дело и сделать его, опираясь на достижения науки, более безопасным.

В связи с выяснением причины взрыва на шахте «Иван», возник вопрос о целесообразности проветривания выработок с помощью нескольких одновременно действующих вентиляторов. Бокий усиленно занимается этим вопросом, результатом чего явилась его работа, опубликованная в «Горном журнале» в 1903 году: «Вентилирование выработок при помощи нескольких одновременно действующих вентиляторов».

С 1903 года Б.И. Бокий систематически занимается не только вопросами проветривания, но и всем комплексом вопросов, связанных с техникой безопасности. Соприкасаясь в течение многих лет с тяжёлыми условиями труда шахтёров, он настойчиво говорил в своих статьях и выступлениях о необходимости улучшить положение русских горнорабочих. В 1908 году он участвовал в расследовании крупной катастрофы, в результате которой на одной из шахт близ Юзовки погибло 274 человека.

Свой доклад о взрыве на шахте Б.И. Бокий превратил в гневное обвинение порядков, существовавших тогда в горной промышленности Донбасса. В 1912 году большевистская газета «Звезда» цитировала этот документ в статье о бесправном положении шахтёров при капитализме. В практической деятельности на рудниках Б.И. Бокий проявил себя как исключительно талантливый инженер.

Характерной чертой Б.И. Бокия являлось постоянное стремление давать более совершенные решения всех производственных вопросов, с которыми приходилось сталкиваться на шахтах. Ярким примером может являться работа Бокия на шахте № 30 Рутченковского каменноугольного общества в 1904 году. Подъём на этой шахте производился с двух горизонтов.

Подъёмные канаты то удлинялись, то укорачивались при посредстве холостого барабана на валу машины в зависимости

от того, с какого горизонта необходимо было поднимать груз. В 12-часовую смену на эту манипуляцию требовалось затрачивать 2–3 часа времени. Б.И. Бокий увеличил радиус навивки одной из бобин, установил подъём одной клетью постоянно с одного горизонта, а другой — с другого, тем самым исключив необходимость переключений и резко увеличив чистое время работы подъёма.

Поступив в 1905 году управляющим Кадиевского рудника Днепровского общества, Б.И. Бокий приводит этот большой, но запущенный рудник в блестящее состояние. На капитальной шахте № 1/2 в момент прихода Бокия работали, например, из-за неналаженности вентиляции только на двух пластах. Уже через год работы были развёрнуты на всех шести пластах. К моменту, когда Б.И. Бокий начал свою работу в Донбассе, разработка угольных пластов велась исключительно столбовыми системами.

При помощи специальных выработок нарезались столбы угля, а затем эти столбы вынимались. Часто при разработке маломощных пластов приходилось подготовительные выработки проводить не только по углю, но и подрывать пустую породу в кровле или почве выработки. Эту породу выдавали на поверхность. Нарезка столбов при несовершенной технике проходки подготовительных выработок того периода требовала времени и задерживала развёртывание очистных работ, а уголь извлекался с большими потерями.

Б.И. Бокий изменил системы разработки и перешёл от столбовых к так называемым сплошным системам, при которых не требовалось больших предварительных нарезок подготовительных выработок. Для того времени это означало целую революцию в ведении горных работ. При сплошных системах были не только сведены к минимуму подготовительные работы, но и подрываемая пустая порода уже не выдавалась на поверхность, а размещалась в выработанном пространстве. Сплошная система позволяла сократить потери угля в недрах.

Практическая и теоретическая работа Бориса Ивановича Бокия создала ему славу одного из самых передовых горных инженеров. В 1906 году он получает приглашение

Петербургского горного института выставить свою кандидатуру на заведование кафедрой горного искусства. Приняв это предложение, Б.И. Бокий 24 сентября 1906 года блестяще защитил свою первую крупную научную работу «Выбор системы работ при разработке свиты пластов», представленную в качестве диссертации.

Получив квалификацию адъюнктпрофессора, Б.И. Бокий прочитал первые лекции на темы: «Бремсберги, их устройство и действие», «Антрацитовая мельница Кадиевского рудника». Уже на этих лекциях определились педагогические способности Б.И. Бокия. В 1907 году он окончательно переезжает в Петербург. В течение года Борис Иванович снискал себе любовь и уважение студентов, увлекая их своими лекциями.

Через год, в 1908 году, он избирается на должность экстраординарного, а затем в 1914 году ординарного профессора института. В эти годы Б.И. Бокий читает основной курс горного искусства и руководит дипломным проектированием студентов горной специальности.

Ведя большую педагогическую и научную работу, Б.И. Бокий занимал также должность учёного секретаря Совета института, а с 1910 года — инспектора, на которой был вплоть до 1914 года. Но после обыска в студенческой столовой он был «освобождён» от обязанностей инспектора, «согласно прошения», которого он никогда не подавал. Работа в институте не порвала его связи с производством.

Б.И. Бокий часто выезжает на горные предприятия для консультаций, экспертиз, обследований и т. д.: в 1908 году в Донецкий бассейн для исследования взрыва рудничного газа, в 19Ю году в Галицию и Румынию для ознакомления с разработкой озокерита и нефти, в 1913 году в Домбровский бассейн и за границу. Кроме того, он уделяет много времени, особенно после Октябрьской революции, работе в разных высших государственных горных научно-технических учреждениях.

С 1921 года он состоял членом научно-технического совета Главного горного управления ВСНХ СССР и являлся

ответственным консультантом крупнейших угольных трестов Союза — Донуголь, Югосталь, Кузбастрест. В работу по восстановлению и реконструкции горной промышленности страны Б.И. Бокий вложил весь свой опыт и знания. Б.И. Бокий обладал большим умением общения с людьми. Честный, энергичный, всесторонне образованный, находчивый и остроумный собеседник, очень требовательный, но в то же время всегда справедливый и сердечный, — таков нравственный облик Б.И. Бокия. В последние годы Б.И. Бокий всецело отдался научным исследованиям, значительно сократив количество читаемых им лекций в институте, В день двадцатилетнего юбилея научной деятельности Б.И. Бокию присвоено звание заслуженного профессора.

Многосторонняя и плодотворная деятельность Бориса Ивановича Бокия была прервана тяжёлой болезнью, развившейся на почве атеросклероза. Он скончался 54-х лет 13 марта 1927 года. В процессе работы в Горном институте Б.И. Бокий создал свой капитальный трёхтомный труд «Практический курс горного искусства», первое издание которого вышло в 1913 году. Этот курс был фундаментальной энциклопедией горного дела, радикально отличающейся от известных тогда аналитических работ, вышедших за границей.

Б.И. Бокий указывал в предисловии к своей книге, что иностранные курсы мало удовлетворяют требованиям, которые предъявляются к ним в России, так как отдел разведок и систем разработок, а также общая часть излагаются в них слишком кратко и бессистемно. Он говорил, что «иностранцы не имеют даже представления о тех громадных концессиях, которыми подчас владеют предприятия в России.

Само собой разумеется, что в Бельгии, например, где концессия в 300 десятин считается громадной, трудно развернуться во всю ширь, нет возможности даже обсудить все эти комбинации, которые могут иметь место при концессии в 20 тысяч десятин, а потому там берут то, что выработано десятилетиями практики, не подвергая критике применяющиеся способы эксплуатации и не имея даже на это ни времени, ни охоты, ни средств.

Наоборот, наши рудники ещё настолько молоды, у нас ещё столько нетронутого места, что для предприимчивого энергичного инженера представляется широкое поле деятельности и полная возможность обсудить все возможные комбинации и выбрать наиболее рациональную систему разработки, место для рудника и т. д.». Эти слова Б.И. Бокия объясняют нам характер и значение основной его работы, которой он отдал свыше 20 лет жизни, — разработке аналитических методов проектирования горных предприятий.

При добыче полезных ископаемых, например, при добыче каменного угля из недр земли, необходимо в первую очередь вскрыть пласт угля при помощи капитальных горных выработок (шахт, квершлагов), подготовить определённый участок нескольких или одного пласта к выемке при помощи подготовительных выработок (этажных и подъёмных штреков и др.), применить ту или иную систему разработки, тот или иной способ выемки угля.

Надо организовать бесперебойное движение воздуха, крепёжных материалов в сторону забоя и транспортировку добытого угля по выработкам на поверхность. Сложность всей горной работы станет ясной, если учесть, что условия работы под землёй крайне разнообразны даже для одного и того же вида ископаемого. Пласты угля имеют различные мощности, качество, залегают по-разному в недрах. При добыче угля выделяются углекислота, метан, образуется угольная пыль.

Выработанное пространство подвергается давлению вышележащих горных пород. Сложившиеся к началу практической деятельности Б.И. Бокия курсы горного искусства обобщали опыт горняков и давали рекомендации, как вести горные работы.

Но эти рекомендации носили только качественный характер; они не увязывали всех элементов горного дела количественно и не позволяли аналитически находить более эффективное решение таких, например, вопросов: какими выработками и как вскрыть полезное ископаемое, подготовить его к выемке, какими способами разрабатывать тот или иной пласт и т. п. Б.И. Бокий

первый разработал эти вопросы и заложил основы так называемого аналитического метода проектирования горных предприятий.

Существо аналитического метода Б.И. Бокия заключалось в том, что он, исследуя все основные вопросы проектирования, находил такие решения, которые давали наименьшие капитальные затраты и эксплуатационные расходы. Например, он ставил такую задачу: какая производительность рудника будет наивыгоднейшей? Естественно, что можно создать предприятия различной производительности.

Можно было, например, установить мощное оборудование, которое могло бы в очень ограниченный срок выработать запасы; можно было, наоборот, установить небольшую подъёмную машину, выбрать менее мощное оборудование и тем самым увеличить срок службы рудника. В первом случае потребовались бы большие капитальные вложения, установленное оборудование обеспечило бы выработку запасов задолго до того, как оно физически амортизировалось.

Во втором случае капитальные затраты на тонну запасов были бы меньше, а эксплуатационные расходы выше. Учитывая значение всех факторов, Б.И. Бокий аналитически находил наивыгоднейшую производительность рудника.

Точно так же он решал и другие вопросы, такие, например: какими выработками и как вскрывать угольное месторождение, какие размеры давать рудничным полям; он аналитически определял размеры этажей, выемочных участков и тд. Поводом к первому применению аналитических методов послужил такой случай.

В 1900 году Б.И. Бокий перешёл главным инженером и заведующим горными работами на Брянский рудник. Здесь предстояло провести работы по вскрытию свиты пологозалегающих пластов, причём управляющий рудником наметил осуществить это вскрытие квершлагом из уже существующей шахты. При понижении поверхности от шахты к выходам пластов получалось, что квершлаг длиной в 639 м

вскрывал этаж на последнем пласте всего лишь в 36 м. Б.И. Бокий, установив это, подсчитал стоимость вскрытия каждого пласта отдельной шахтой и пришёл к выводу, что вариант вскрытия шахтами значительно выгоднее варианта вскрытия квершлагом. Б.И. Бокий не ограничился решением частного случая; он обобщил этот случай, выяснил условия выгодности вскрытия пластов тем или иным способом.

Работа Б.И. Бокия произвела на управляющего не то впечатление, которое он ожидал. Самолюбие управляющего было уязвлено. Отношения с начальством испортились, и Б.И. Бокий вынужден был покинуть службу на этом предприятии. Этот случай был поворотным в творческой деятельности Бокия. Отныне он с жаром исследователя посвящает свою жизнь теоретической разработке нового метода проектирования каменноугольных рудников. Начиная с 1902 года, он публикует в «Горном журнале» ряд статей, разрабатывающих новые методы.

В 1924 г. капитальная работа Б.И. Бокия выходит отдельным стеклографическим изданием под заглавием «Аналитический курс горного искусства», а в 1929 г. появляется его посмертное издание. Первые же статьи Б.И. Бокия, появившиеся в «Горном журнале», привлекли живое внимание технических кругов как за границей, так и в особенности в России.

В условиях быстрого роста каменноугольной промышленности Донбасса в XX столетии и строительства многочисленных шахт попытка дать научное математическое обоснование выбора элементов нового рудника и шахты не могла не привлечь большого внимания.

Аналитические методы проектирования рудников ещё при жизни Б.И. Бокия получили развитие в трудах академика А.М. Терпигорева, особенно академика Л.Д. Шевякова, профессора А.С. Попова, покойного горного инженера Г.М. Хмельницкого, горного инженера П.З. Звягина и др. Особенно велико значение аналитических методов сейчас, в условиях восстановления донецких шахт, огромного разворота нового шахтного строительства.

Годы, прошедшие с момента появления курса Б.И. Бокия, для горной промышленности всего мира и особенно для горной промышленности СССР были связаны с глубоким техническим перевооружением, появлением на шахта новых машин.

Современная техника в огромной степени расширяет возможности проектировщика в выборе тех или иных вариантов вскрытия, системы разработки, способов выемки и т. д. Варианты вскрытия должны быть сравнимы не только качественно, но и количественно, а это становится возможным при применении аналитических методов, впервые разработанных Б.И. Бокием. Глубоко верны слова профессора Б.И. Бокия во введении к его аналитическому курсу горного искусства. «Молодая горная промышленность нашего Союза, — писал Бокий, — не стеснённая узкими рамками концессий, не только может, но и должна учитывать все обстоятельства, ведущие к получению лучшего эффекта при наименьшей затрате энергии… Применяя наиболее рациональные приёмы и методы работы, можно достигнуть весьма значительного сокращения себестоимости получаемого продукта, что при мощном развитии горной промышленности в СССР (для чего имеются все данные) даст стране колоссальную экономию средств».

Главнейшие труды Б.И. Бокия: «Выбор системы работ при разработке свиты пластов. Вскрытие месторождения», «Горный журнал», 1903; «Выбор системы работ при разработке свиты пластов. Подготовительные работы. Ремонт штреков», «Горный журнал», 1904; «Основания для расчёта бремсбергов», «Горный журнал», 1911; «Практический курс горного искусства», 1913; «Бесконечный бремсберг для двухсторонней подачи грузов», «Горный журнал», 1914; «Выбор системы работ при разработке свиты пластов. Откатка», «Горный журнал», 1915; «Оценка каменноугольных месторождений», «Горный журнал», 1917; «Определение наивыгоднейшей производительности рудника», «Топливное дело», 1922; «Практический курс горного искусства». Госиздат, 1922–1923 (3-е изд. 1924–1926); «Аналитический курс горного искусства», вып. 1, 2. Издание Студенческой комиссии ЛГИ, 1924; «Аномометрические измерения скорости воздуха в рудниках», «Горный журнал»,

1903; «Вентилирование выработок при помощи нескольких одновременно действующих вентиляторов», там же; «Постоянные величины при проектировании рудников», Харьков, «Хозяйство Донбасса» 1925, № 1.

Потомки Бориса Ивановича, брата Глеба, также занимались наукой и искусством. Орест Борисович (1905–1993) заведовал кафедрой экономики и организации горной промышленности Ленинградского горного института. Тамара Борисовна (1907–1996) после окончания Ленинградской консерватории преподавала в музыкальной школе.

Другой племянник Глеба Ивановича Георгий Борисович Бокий — всемирно известный ученый, профессор, член-корреспондент Академии наук, создатель и организатор отечественной кристаллохимии, родился 9 октября 1909 года в Санкт-Петербурге в семье Б.И. Бокия.

Образование Георгий Борисович получил в Горном институте, где его главными учителями были А.К. Болдырев и Н.С. Курнаков.

По окончании в 1930 году института началась работа в Ломоносовском институте под руководством А.В. Шубникова по определению оптических свойств кристаллов Федоровским методом, ас 1931 года в Физико-техническом институте по выращиванию кристаллов сегнетоэлектриков.

В 1934 году состоялся переезд Ломоносовского института в Москву, где Георгий Борисович работал у Н.С. Курнакова. В 1935 году он организовал в ИОНХ’е лабораторию кристаллографии, впоследствии переименованную в лабораторию кристаллохимии, изучавшую комплексные соединения платиновых металлов. В 1939 году Георгий Борисович начал заниматься рентгено-структурным анализом, в том же году вышли ставшие настольной книгой кристаллографов «Основы кристаллографии», написанные в се-авторстве с А.В. Шубни-ковым и Е.Е. Флинтом, и проведена совместно с Г.Г. Леммлейном работа по изучению округлых кристаллов алмаза. В то же время выполнена работа по теоретическому и

экспериментальному изучению числа физически различных форм кристаллов.

Во время войны в эвакуации в Казани Георгий Борисович читает по предложению А.Н. Несмеянова свой первый курс кристаллохимии. В 1942 году он защитил докторскую диссертацию, в 1943 году получил звание профессора.

В 1944 году Г.Б. Бокий вернулся в Москву, где с 1945 года занялся преподаванием кристаллографии в МГУ. В этом же году им была организована кафедра кристаллографии и кристаллохимии на геологическом и химическом факультетах.

В 1951 году совместно с М.А. Порай-Кошицем был написан и вышел в свет первый том учебника «Практический курс рентгено-структурного анализа», по которому обучались поколения структурщиков страны.

В 1954 году получен интересный результат по количественным характеристикам трансвлияния четырехвалентной платины. В 1956 году опубликована монография «К теории дальтонидов и бертолидов», в 1958 году — ее английский перевод.

В 1954 году вышел известный учебник «Кристаллохимия», выдержавший три издания и до сих пор считающийся лучшим среди подобных отечественных изданий.

В 1958 году — избрание членом-корреспондентом АН СССР. С этого же года Георгий Борисович в течение пяти лет живет и работает в Сибири, где он был одним из двух равнозначных организаторов Института неорганической химии и создателем и руководителем рентгеноструктурной лаборатории. Там же Г.Б. Бокий стал организатором и главным редактором «Журнала структурной химии».

После возвращения в 1963 году в Москву, Георгий Борисович сотрудничал с различными учреждениями, среди которых особо следует отметить организованный им в 1968 году ВИНИТИ.

С 1972 года Г.Б. Бокий до последних дней жизни работал в ИГЕМе РАН. Среди наиболее интересных работ этого периода следует признать участие в открытии в 1978 тоду закономерного изменения структуры в изоморфном ряду полупроводников AIIIBV.

С 1955 года и до последних дней жизни Георгий Борисович отдавал много сил вопросам информатики и систематики кристаллических структур, в особенности после прихода в институт геологии рудных месторождений — систематике минералов. Им разработаны новые принципы классификации, основанной на таблице Менделеева и названной им естественной.

В 1976–1981 годах вышли в свет четыре тома с названием «Тезаурус по минералам».

С 1979 года Г.Б. Бокий — председатель комиссии по классификации Совета научных и инженерных обществ.

С 1993 года Георгий Борисович возглавлял работу по продолжению выпуска многотомного справочника «Минералы», многотомного и — фундаментального труда, включающего исчерпывающую информацию, в т. ч. структурную, по всем известным минеральным видам. В результате опубликован T.IV, вып. 3 и t.V, вып.1. В 1997 году в ВИНИТИ вышла книга «Систематика природных силикатов», в 1998 году — ее английский перевод. В 2000 году издана «Систематика природных оксидов».

Георгий Борисович — последний ушедший от нас представитель российской когорты основателей науки кристаллохимии и смежных наук наряду с такими выдающимися учеными как Н.В. Белов, А.В. Шубников, Г.С. Жданов, А.И. Китайгородский, Б.К Вайнштейн, каждый из которых являлся выдающейся личностью с широким кругозором.

Дочь Георгия Борисовича Нина Георгиевна Фурманова — доктор химических наук.

Дочь Глеба Ивановича Алла Глебовна живет в Москве.

АЛ. АЛТАЕВ. ИСТОРИЯ ГЛЕБА БОКИЯ

1. Старый студент

О нем много говорили в Петербургском горном институте, в среде студенчества, о Глебе Ивановиче Бокии. Это был старый студент, много лет проведший в институте, сидевший в тюрьме за «большевистские, идеи» и побывавший в ссылке в Сибири. Это-то и заставило его затянуть студенческие годы.

Старый студент прославился своей выдержкой и «специальностью» — чутьем находить шпиков. Розыски их как на улице, так и в стенах института изумляли его друзей. Глядя на этого моложавого человека, с виду почти мальчика, трудно было поверить в его опытность, в знание человеческой психологии, в уменье «по запаху» определять значительность агентов охранки. Он пользовался уважением товарищей за глубокое знание марксистского учения.

Он показался мне совсем еще мальчиком, когда впервые пришел ко мне на квартиру после обструкции, учиненной студентами с целью сорвать экзамены в Горном институте. Я сначала и обращалась с ним покровительственно-жалостливо, как с заморышем, о питании которого некому позаботиться, — он был таким худеньким, молчаливым, скромным. Мое обращение с ним вызвало смех многих товарищей; они меня стали дразнить:

— Наша кого пригреть, — скунса самого ядовитого!

«Скунсом» еще долго звали у меня в доме юношу Бокия за то, что он, будучи во главе студентов-забастовщиков, явился на экзамен, чтобы разлить в аудитории нестерпимо вонючую жидкость — меркантан. Студенты-карьеристы, пришедшие экзаменоваться, разбежались.

Постепенно Глеб Бокий стал раскрываться передо мною во всех своих достоинствах и недостатках, известных уже среди товарищества.

Он был очень дружен с тихим, задумчивым и сердечным студентом Мироновым. Саша Миронов казался тенью Глеба Бокия, он подчинялся ему во всем, был беззаветно к нему привязан.

Спустя много лет, незадолго до своей вечной разлуки с Глебом, вспоминая о друге и воскрешая в памяти детские годы, когда они сидели на одной парте в Реальном училище южного города Изюма, он говорил:

— Глеб был очень властный-властный и жестокий. Ненавидя учителей-реакционеров, он им устраивал разные каверзы, был заводиловкой в устройстве «бенефисов» учителям. Как-то вымазал кафедру клеем, — да разве припомнишь все его злые мальчишеские шалости? Но зато этот озорник был несокрушимой скалой, когда его допрашивали, и горой стоял за товарищество… Он первый притащит, бывало, в училище запрещенные книги, первый выскажет инспектору и учителю недовольство класса каким-нибудь распоряжением начальства, первый скажет дерзость, смелую, за которую рискует карцером или исключением. Блестящие способности вывезли его; он благополучно кончил курс училища, и мы вместе с ним поступили в Горный институт.

Для меня не совсем ясно, как это в институте Саша Миронов и Глеб были на одном курсе: ведь Глеб Бокий неоднократно подвергался арестам и ссылке, а о репрессиях, применяемых к Саше Миронову, я никогда не слышала. Он долго, этот «аякс Бокия», был отголоском последнего, долго был под его деспотическим порою влиянием и, женившись спустя много лет, назвал своего первенца Глебом, в честь друга. Горячо, с восторгом, рисовал он особые качества Глеба в разоблачении шпиков:

— Он этим славился на- весь институт. Положим, не так уж трудно узнать птицу по полету: многие у нас их сразу распознавали на улице. Но что делали Глеб и товарищ его студент Матвеев. Увидят шпика, идущего сзади, и быстро остановятся, давая ему пройти вперед, и тут уже сами идут за ним по пятам, да так близко к нему, что начинают нарочито

наступать ему на пятки, до того, что снимаются калоши и пшик спотыкается, — ну, он и отстанет… Глеб достиг в этой области виртуозности: он избавил студентов от шпика внутреннего — знаменитого Пономарева.

— Тоже наступал на пятки?

Миронов смеялся:

— Нет, он его высмотрел внутри здания, проследил поведение во время сходок, в общении с товарищами, в речах с ярким свободомыслием, в том, как, после сближения Пономарева с тем или другим товарищем, бывали их аресты и, наконец, подсмотрел, как он, переодетый в партикулярную одежду, шмыгал к Цепному мосту.

«Цепным мостом» Миронов называл Охранное отделение, где на Фонтанке собирались все агенты Тайной полиции. Издавна ходили по рукам стихи об этом «милом» учреждении:

У Цепного моста видел я потеху:
Черт, держась за пузо, помирал от смеху,
«Батюшки… нет мочи… — говорил лукавый, —
В Третьем отделении изучают право?!
Право на бесправье?! Этак скоро, братцы,
Мне за богословье надо приниматься!»

Он подробно рассказывал, как Бокий, шаг за шагом, выслеживал шпиона Пономарева и, наконец, на сходке добился вынесения приговора Пономареву об исключении его из института.

— Не помню точно, был ли Пономарев исключен Советом профессоров или же должен был, под давлением приговора товарищей, добровольно покинуть Горный. Впоследствии при обысках у студентов не раз с полицейскими присутствовал и Пономарев, помогавший арестовывать своих прежних товарищей.

С каждым днем положение Бокия в институте все больше упрочивалось; авторитет его среди товарищества неизменно

возрастал. За плечами, помимо разоблачения шпиков, были тюрьма и ссылка. Вместе с тем «маленький скунс» рос, вытягивался и превратился в высокого красивого парубка; парубка — я говорю потому, что он по происхождению украинец и в пору студенчества любил являться на вечеринки в землячестве одетым в смушковую шапку и серую свитку, из-под которой выглядывала искусно расшитая руками друживших с ним курсисток рубашка и красный с пестрыми концами кушак.

2. Секретарь П.К.

Тревоги, волнения, мечты и неудачи Горного института кончились; бывшие студенты стали инженерами. Пережили временное исключение из-за ноябрьской забастовки 1904-го года; пережили 9-е января, когда был убит у Зимнего дворца шедший с рабочими Лурье, один из наиболее радикальных студентов. Брожения среди рабочих и передовой части интеллигенции усиливались. Устраивались банкеты, маскарадные вечера, сборы с которых шли на поддержку политических организаций, на помощь заключенным и ссыльным. Эти вечера обыкновенно посещались людьми, принадлежавшими к передовой интеллигенции. Их любили художники, писатели, учащаяся молодежь.

…Прошли годы. Остались позади события первой русской революции. Третий год продолжалась первая мировая война. Снова, как и двенадцать лет назад, народ открыто проявляет свое возмущение политикой царизма. И теперь оппозиционные настроения среди интеллигенции проявляются, в частности, в организации вечеров и банкетов, подобных тем, какие я знала в пятом году.

На одном из таких вечеров, в студии художника Бернштама, я встретилась с Глебом Ивановичем Бокием, связь с которым у меня была потеряна. Он далек был от мысли, что может встретить меня в таком шумном, веселом месте, — он не знал о моей близости к миру художников и долго меня не узнавал под маской. Потом у нас обоих явилось желание возобновить знакомство, вспомнить старое время, связанное с милой студенческой средою.

Дело было в феврале 1917 года, на масленице.

В первое же посещение он в разговоре нарисовал свой новый, уже установившийся определенный образ. Это был теперь не прежний задорный мальчик, а отец двух девочек, женатый на дочери известной политической ссыльной, встреченной им в Сибири, Софье Александровне Доллер, красивой, живой, тяготевшей к эсерству курсистке. Чем он занимался? Где служил? Это была не геологическая работа и не работа в каменноугольном районе. Он не был причислен к Геологическому комитету, как многие горняки, ставшие чиновниками. Бокий побывал в отдаленных районах Казахстана и Сибири, где находчивость и упрямство в достижении цели проявились у него в практической работе. Увлекаясь археологией, он, на свой страх и риск, на сколоченные им самим деньги, затеял экспедицию по отысканию трона Чингисхана. Любовь к раскопкам впоследствии, много лет спустя, заставила его принять участие в большой экспедиции в районе Ташкента. Разрывая Кунигутскую пещеру, он обнаружил огромный камень с таинственными записями древних племен. Что нашел он, отыскивая трон Чингисхана, — не знаю.

Помню еще один его рассказ. Во время своей студенческой практики он попал в Киргизские-степи как раз тогда, когда там вспыхнуло восстание местного населения, возмущенного тем, что царские власти вторгаются в их быт и мешают их свободному кочевью. Бокий с маленькой группкой русских геологов был встречен враждебно. Население приняло их за представителей власти. Надо было принять срочные меры для спасения геологической партии. Находчивость и на этот раз пришла на помощь. Встретив большую отару овец, Бокий устроил что-то вроде знамени и смело двинулся вперед, возвестив о себе несколькими ружейными выстрелами. Испуганные овцы заметались, поднялась ужасная пыль, а за клубами этой пыли воображению кочевников представился большой карательный отряд, направляющийся прямо на них. Таким образом рассеяв собравшихся киргизов, Глебу Ивановичу удалось спасти жизнь нескольких товарищей.

Находчивость неизменно помогала ему в работе. Он рассказывал о том, как был отправлен Геологическим комитетом на алмазное бурение, не имея понятия о нем.

— Как же удалось в таком случае управлять рабочими, взятыми в экспедицию?

Он спокойно, с манерою несколько небрежно-ленивою, свойственной украинцам, отвечал:

— А просто. Я сказал рабочим: «Ну-ка, начинайте, я посмотрю, так ли вы работаете». Они работали, а я смотрел и наводил критику, а, наводя критику, сам учился. Вот и все. Меня интересовало, где он работает теперь, и я с изумлением услышала, что он — секретарь Петроградского комитета партии большевиков, помещающегося во дворце Кшесинской.

…Он бывал у меня часто. Мы как-то быстро и тесно сдружились в эти тревожные дни. Много раз по телефону он отдавал распоряжения в редакцию большевистской газеты «Правда», сообщая все, что касалось Петроградского комитета.

Раз я высказала ему, что мне не нравится выспренный, ходульно-лозунговый тон газеты «Правда»:

— По-моему, надо все проще, а то…

— А то?

— Получается неприятный крикливый тон.

Глеб усмехнулся.

— Может быть, тут есть зерно правды, но есть и объяснение: в «Правде» мало сотрудников, владеющих пером. Пишется все наспех и не столько обращается внимания на форму, сколько на суть, на направление.

— Агитация должна быть тоньше.

— Ах, хорошо, что заговорили о «Правде», — мне как раз надо туда позвонить.

И пошел к телефону.

…Глеб сказал мне о выступлениях приехавшего недавно Владимира Ильича Ленина. Я спросила, нельзя ли мне послушать Ленина.

— Конечно, можно. Я тебе это устрою.

В книге «Памятные встречи» я подробно описала впечатление от двух митингов, на которых я слышала впервые Ленина: в Морском корпусе и на Путиловском заводе. Выступления Владимира Ильича потрясли меня. Правда, которую я услышала, повернула мою жизнь на новые рельсы.

Как-то Бокий меня спросил:

— Тебе понравились речи Ильича: ты видела в них правду. Хочешь нам помочь? Хочешь? Ну, так приходи.

И он назвал день и час, когда мне явиться во дворец Кшесинской.

— Приду ровно в пять.

Он был немногословен, говорил коротко и ясно. Я спросила его:

— Чем я могу быть вам полезна?

— Пером. Ты вот критиковала, и правильно, язык «Правды». У нас, кроме «Правды», есть еще газеты для массового читателя. Ты поможешь нам своим литературным языком. У тебя же писательский опыт…

…Вот он, дворец Кшесинской, облицованный эмалированными глянцевитыми кирпичиками, какие мы привыкли видеть на молочных лавках Чичкина. Мраморная лестница с пятнами от пролитых чернил. Я вхожу в большую комнату со столами, заваленными папками. На одном из столов, в стороне, таз с

водой; две женщины моют типографский шрифт. За другим столом Глеб что-то записывает в книгу, разговаривая с человеком, по виду рабочим. Как я потом узнала, Бокий выписывал ему партийный билет. Женщины у таза оказались: одна — жена старого большевика Нина Августовна Подвойская, сама тоже член партии, молчаливая, деловая и в то же время приветливая той простой приветливостью, которая встречается у некоторых школьных учительниц, а другая — молчаливая курсистка, имя которой я забыла.

Отрываясь от стола, Глеб коротко говорит:

— Ровно в пять — не опоздала. Минуту подощи. Сейчас пойдем.

Поднимаю глаза на стену за письменным столом и читаю объявление: «Рукопожатия отменяются. За неисполнение — штраф».

Я вижу, что входящие люди, здороваясь, не подают друг другу руки, говорят коротко и уходят тоже без рукопожатий.

Наконец, Глеб отрывается от текущих дел и ведет меня в комнату Военной организации большевиков, к Николаю Ильичу Подвойскому, горячему пропагандисту ленинских идей. Я была рада встретиться с этим симпатичным человеком, но его не оказалось на месте, и пришлось вести переговоры с его заместителем, молодым человеком, худеньким и маленьким блондином, назвавшимся Мехоношиным.

Глеб рекомендовал меня как писательницу и ушел, а Мехоношин дал мне пачку писем, написанных неумелыми руками, крупными каракульками малограмотных людей, сказав:

— Это письма для нашей газеты «Солдатская правда». Их нужно выправить для печати, сохранив, конечно, суть и стараясь не испортить обработкой язык и характер писем. Чем скорее вы сделаете, тем лучше.

И все. Я ушла и больше в этот день Глеба не видела.

…Не буду останавливаться на своей горячей работе над этими простыми по форме, искренними письмами, которые наполняли меня гордостью и радостью, что я могу хоть немного помочь делу Владимира Ильича Ленина.

Глеб виделся со мною, как только позволяло время, и рассказывал о разных деталях того, что происходило во дворце Кшесинской и вокруг него. С обычной едкой насмешкой рассказывал он мне, что прежний вожак революционного студенчества, горняк, известный оратор, бывший делегатом на съезде в Стокгольме, был у него в Петроградском комитете и ушел, не пожелав вступить в партию.

— Почему? — спрашиваю с удивлением. Спокойно, холодно звучит ответ:

— У горного иткенера не стало того аппетита к политике, какой был у студента.

…Через короткое время Глеб предложил мне побывать на интересном судебном разбирательстве: балерина Кшесинская, возлюбленная Николая II, подала в суд на большевиков, требуя возвращения своего дворца и возмещения убытков. Дело меня заинтересовало.

— А ты пойдешь, Глеб?

Он усмехнулся:

— Я уже ее видел. На сцене Мариинки она интереснее. Пойдет Сергей Богдатьев с женою, — у него язык двигается лучше, чем у меня.

Я пошла в суд, на Петроградскую сторону, где разбиралось это дело.

Камера мирового судьи полна народа. Многим интересно взглянуть на царскую фаворитку. Слышатся перешептыванья:

— Как вы думаете, удастся ли ей отвоевать свой дворец?

— Не думаю. Не то время, когда всесильны царские самодержанки.

— Ну, да, царь-то теперь просто Николай Александрович Романов.

— А все-таки собственница, а большевики узурпаторы. Ведь собственность при Временном правительстве не отменена…

— Не очень-то гладит Временное правительство большевиков…

— Тс! Вот она, смотрите!

Входит маленькая, невзрачная женщина, вся в черном, очень скромно и даже как будто модно одетая.

— Смотри, смотри, как оделась, точно монашенка…

— Надо же надеть соответствующую маску.

Скоро я удивляюсь: как эта маленькая и скромная на вид женщина не вяжется с безвкусной крикливостью и мещанством ее дворца. Ведь в нем всего одна комната — зала с несколькими роялями говорит об ее принадлежности к миру искусства. Анфилада бесчисленных комнат с пуфиками, крытыми пестрым кретоном, с бамбуковыми ширмочками и рамочками с полочками на стенах, откуда смотрели пошлые открытки, — все это было скорее к лицу кокетке низшего полета, чем первоклассной артистке. Лицо некрасивое и невыразительное.

Она говорила бестолково, твердила, что дворец принадлежит ей, что он выстроен на ее трудовые деньги… Это утверждение вызвало в публике смех. Потом она заговорила, что у нее есть ребенок, сын.

Опять смех и шепот:

— Не хочет ли она произвести его в наследники российской короны?

Тут выступил Сергей Богдатьев. Я видела его в первый раз. Среди большевиков он в то время играл большую роль. Богдатьеву удалось доказать суду, что претензии Кшесинской неосновательны. Жена Богдатьева с решительным видом и решительной речью поддержала мужа. Кшесинская была побеждена. Ее требование суд не удовлетворил.

Вечером пришел ко мне Глеб и сказал со спокойной гордостью:

— Иначе и быть не могло. Неужели ты могла думать, что суд примет другое решение?

3. В работе

Работа по редактированию писем для «Солдатской правды» захватила меня. Непрерывным потоком шли письма от людей, искавших правду, ждущих ответа на волнующие вопросы. Работа была тяжелая, напряженная, она довела меня до полного изнеможения. У меня стала неметь рука, и я уже не могла держать перо. Пришлось уехать в псковскую деревню, где я бывала каждое лето.

Прекратились и мои сношения с Глебом Бокием: писать он не любил. О большевиках я знала только из газет Временного правительства, а слухи, разносимые этими газетами, были мало достоверными. Из этих газет я узнала об июльских событиях и последовавших за ними репрессиях. Жена В Д Бонч-Бруевича, моя большая приятельница, писала мне из Петрограда об этих событиях довольно туманно, призывая не верить официальным газетным сообщениям о разгроме большевистской партии, и убеждала в том, что настоящая борьба еще впереди, что связь большевиков с массами расширяется и укрепляется.

А газеты со слухами «очевидцев» продолжали говорить о полном разгроме большевиков, о том, что во дворце Кшесинской их сменили другие «узурпаторы» — анархисты. О них не уставали рассказывать анекдоты приезжавшие в деревню.

Где Глеб Бокий? Что он теперь делает? Может быть, уже арестован?

В сентябре еду в Петроград. На квартире меня ждет письмо Глеба. По телефону вызываю его. Он приходит и говорит, как о деле решенном:

— Ты будешь у нас работать снова.

— Я? Где? Ведь вас же разгромили во дворце Кшесинской?

— Разве в Петрограде можно работать только во дворце Кшесинской? Будешь работать на Литейном, где помещается наша Военная организация. Я уже обещал за тебя Подвойскому. Он мне за тебя в помощницы дает свою жену Нину Августовну, с которой я привык работать.

Немного смущенно возражаю ему:

— Я — с радостью, но мне не придется отдавать вам столько времени, как весною. Я должна искать работы. С издательствами, ты знаешь, плохо: они сокращаются и, боюсь, не закрылись бы…

— Вот и хорошо: вы будешь служить у нас и получать жалованье. Ты думаешь, что я работаю бесплатно? А на что бы я с семьей жил? Ты будешь секретарем «Солдатской правды».

…Я стала секретарем «Солдатской правды» и перенесла сначала много волнений и страха. Ведь я никогда не работала в газетах, да еще секретарем. С Глебом я не виделась почти месяц, до самого Октябрьского, переворота, накануне которого меня с архивом газет «Солдатская правда» и «Деревенская беднота» перевезли в Смольный. Не знаю даже, где в течение этого месяца помещался Петроградский комитет партии.

Очевидно, работы у Глеба хватало. Она так измотала его, что от него осталась лишь тень. Он как-то весь стаял, и на бледном лице со впалыми щеками лихорадочно горели ставшие неестественно огромными черные «южные» глаза.

Я видела его мимоходом то в коридоре Смольного, то в вестибюле. Несколько раз он заходил к нам в комнату, где

столик мой стоял рядом со столиком Марии Ильиничны Ульяновой, секретаря «Правды». Приходил он по делу, а мне хотелось поговорить с ним «по душам» и о той же работе, и о видах на будущее, и об отношениях с товарищами. Вопросов набралось немало. И вот раз, когда его долго не было, я спустилась в нижний этаж Смольного, где в то время помещался Петроградский комитет большевистской партии.

Мне никогда не забыть той картины, которая предстала перед моими глазами. Тесная комната была завалена газетами, в ней не оказалось и намека на аккуратность, неукоснительно поддерживавшуюся Глебом во дворце Кшесинской. Народу набилась полная комната. Беспрестанно двигались взад и вперед солдаты за мандатами, приходили и рабочие, и все куда-то торопились.

Я спросила Глеба Ивановича.

Его заместитель указал на угол. Там, к своему удивлению, я увидела на каких-то досках от ящика распростертое тело Глеба. Лицо было небритое, бледное до прозрачности, глаза крепко зажмурены. Он спал мертвым сном. Я поняла все и ушла, не проронив ни слова…

Работа кипела. Для чего-то Петроградский комитет партии был переведен в особняк на Литейный, и мы с Глебом перестали видеться. Помню, как-то раз я встретила его у здания Городской Думы и отдала ключ от моей квартиры — пусть приходит, когда у него будет время, не предупреждая.

А время шло. Перед съездом представителей от фронтовых частей он зашел к нам в редакцию и, узнав, что я буду записывать, не зная стенографии, речь Ильича, покачал головою:

— Делать нечего, если саботируют стенографистки, только боюсь, что перепишешь через пень в колоду. Знаю я, как трудно записать Ильича, а переврать, ох, переврать… Ну, да что поделаешь!

И как же он был доволен, когда Ленин похвалил мою запись…

…Наступила зима восемнадцатого года. В это время он очень волновался, Глеб. На фронте было неспокойно. Немцы подвигались к Пскову, а в партии шли горячие дебаты. Готовилось нечто новое: заключение сепаратного мира с Германией. Некоторая часть партийцев, к которой примыкал и Бокий, была против этого; большая же часть, во главе с Владимиром Ильичом, — за.

Когда немцы взяли Псков и продвигались к Петрограду, возникла необходимость переезда правительства в Москву, вместе с тем, в самом начале марта пошли слухи о заключении сепаратного мира и о том, что многие видные работники Смольного в Москву не поедут, а останутся работать в Петрограде. Среди них был и Бокий.

Сепаратный мир возмущал его. Когда появилась о нем передовица, он спросил меня:

— Тебе понравилась эта статья? — И, не ожидая ответа, снова:

— И ты поедешь в Москву?

Я сказала, что поеду. Мы с ним даже не простились, так как отъезд наш из Петрограда произошел неожиданно ночью. Невыносимо было расставаться с любимым городом; тяжесть лежала на душе и оттого, что не сказала прощальных слов моему другу Глебу.

4. В Петрокоммуне

В отставной столице, превращенной в Петрокоммуну, Бокий встал в защиту революции и был назначен заместителем Урицкого в ЧЕКА.

Когда эта весть дошла до меня в Москву, я не удивилась и обрадовалась. К органам ЧЕКА в то время мы, работники Военной организации, относились с большим уважением. Мы видели в них подлинных хранителей завоеваний Октября, защитников справедливости и порядка, освященного дорогим

для нас именем Ленина. Мы не испытывали к ЧЕКА ни малейшего страха, ничего от ЧЕКА не скрывали в личной жизни и верили, что в этой организации найдем опору и защиту от неправды. Я никогда не скрывала своего дворянского происхождения, считая, что нечего его стыдиться, так как ни мои родители, ни дед, декабрист, не запятнали себя ничем порочащим. В анкетах я писала, что мать моя — рожденная Толстая, а отец из дворян, актер русской драмы.

В справедливости действий ЧЕКА я неоднократно убеждалась, когда обращалась туда с просьбами: то позволить вернуться из-за границы русским эмигрантам, то освободить ошибочно арестованных, ставших впоследствии полезными гражданами, преданными советской Родине. Я обратилась в ЧЕКА с просьбой спасти архив в бывшем имении моего двоюродного брата Толстого, где находились письма декабристов и Бакунина. К сожалению, эти ценные документы не удалось спасти, как и картины и портреты из старой картинной галереи. Впоследствии я узнала, что все это было уничтожено самочинно, по невежеству местными крестьянами.

В то время в Петрокоммуне у Глеба Бокия был помощник Ефим Иванович Кривобоков, на обязанности которого лежал контроль за правильным расследованием дел арестованных. Такие работники выбирались с большой осмотрительностью, с гарантией. Не должно было быть сомнений в их честности и прозорливости. Кривобоков в полной мере обладал этими качествами. Это был кристально чистый, чуткий человек, брат старого большевика Владимира Ивановича Невского. Он был мне лично знаком. Непосредственный начальник Бокия Урицкий, по словам Глеба, был человек исключительно справедливый, ставший жертвой бессмысленно-жестокого убийства. Глеб говорил мне о нем:

— За что его убили? Он ни разу не подписал ни одной бумаги о высшей мере наказания — расстреле.

Он не говорил мне о том, как и много ли подписывал смертных приговоров сам, и я умышленно, из деликатности, не

спрашивала, особенно после того, как у нас был разговор о присутствии при расстрелах по приговору ЧЕКА.

Я тогда, помню, спросила:

— Скажи, где это происходит? В здании или где-нибудь за городом?

Разговор шел уже в Москве, где ЧЕКА помещалась на Лубянке. Он отвечал:

— В здании.

— Скажи, и ты… ты бываешь на них?

Он смотрел мне прямо в глаза, не пряча взгляда. Мне вспомнились рассказы товарищей о его жестокости, проявлявшейся к полицейским агентам и шпикам. Голос его звучал твердо:

— Я присутствую при расстрелах для того, чтобы работающие рука об руку со мною не смогли бы говорить обо мне, что я, подписывающий приговоры, уклоняюсь от присутствия при их исполнении, поручая дело другим, и затыкаю ватой уши, чтобы не расстраивать нервы.

…По моим наблюдениям, жесток он не был и если взял на себя тяжелую обязанность защиты Революции, то только потому, что чувствовал себя способным выполнить эту трудную и важную работу.

Недаром же он так высоко ценил и глубоко любил Дзержинского, этого «рыцаря Революции», смерть которого он воспринял, как личное горе. Дочь Бокия рассказывала, что видела отца плачущим еще только один раз, когда скончался Владимир Ильич.

…Глеб Бокий очень любил детей и животных. Он был нежным отцом, особенно же любил свою старшую дочь Леночку.

Помню ее маленькой восьмилетней девочкой, такой же красивой, и такой же упрямой, как отец, и с таким же любящим, доступным жалости ко всему слабому сердцем. Помню, как заботилась она о сестренке, маленькой Оксане, которой тогда было не больше двух-трех лег. Впоследствии, когда сестра тяжело болела, Леночка самоотверженно ухаживала за ней.

Бокий, сильно привязанный к Леночке, не расставался с ней и во время работы. Она ему помогала. Он научил ее писать на машинке, и она выстукивала пропуска, мелкие распоряжения, а попутно слушала доклады и разборы разных дел, мнения об арестованных, проекты и решения. Она имела свое понятие об отношениях отца к тому или иному товарищу; от нее не укрывалась ни одна неприятность, ни одна трагедия, происходившая при свидании отца с родственниками арестованных. С детских лет постигая по-своему психологию судей ЧЕКА и обвиняемых, девочка выросла волчонком, недоверчивым и замкнутым. Умная не по возрасту, она в сущности была лишена радости детства, ребяческой беззаботности.

Когда убили Урицкого, Глеб Бокий остался вершить дела ЧЕКА в Петрокоммуне.

5. Он появляется в Москве

Появился Глеб Иванович на моем горизонте неожиданно, в 19-м году. Телефонный звонок, и я услышала знакомый голос: — Я на вокзале. Пробуду несколько часов в Москве. Звони в Кремль Свердлову, чтобы скорее прислал за мной машину. Заеду и к тебе.

В то время в Москве транспорт не был налажен. Я позвонила в Кремль и попросила машину. В конце дня Глеб приехал ко мне.

Он торопился, говорил мало. Спрашивал кое-какие адреса и сказал, что скоро переедет в Москву совсем. В тот же день он выехал обратно в Петроград.

А скоро его действительно перевели в Москву. В Петрокоммуне, в ЧЕКА, его заменили Еленой Дмитриевной Стасовой и Яковлевой. Глеб стал работать непосредственно под руководством Ф.Э. Дзержинского.

Мы виделись редко; он был слишком занят. Впрочем, я бывала иногда у него в номере Националя, видела его нескладную, неуютную жизнь занятого человека и двух детей, связанных нежной трогательной любовью друг к другу причем старшая заменяла маленькой мать. Жена Бокия обычно была занята своими делами, кроме того, она слишком любила удовольствия жизни.

Глеб увлекался простотою привычек и самодеятельностью в быту, пропагандируемой романом «Робинзон Крузо». Он ходил в старой холодной шинели и в мягких рубашках и блузах, как в старые студенческие годы. В углу его номера помещался стол с сапожными инструментами. Он сам починял свои сапоги, чинил башмачонки детям и твердил, что стыдно искать для починки обуви сапожника, когда можно легко обслуживать свою семью самому, нужно лишь под рукою иметь резину, а достать ее можно без затруднения, так как в учреждениях есть старые автомобильные шины, вполне пригодные для подошвы. Позднее он узнал отрицательную сторону такой починки и теперь уже отговаривал каждого от резиновых подошв:

— Надо знать, что резина не только вызывает испарину и оттого вредна, но еще мешает приземлению.

Приземление, притяжение земли, — это ему внушал некто профессор Барченко, которого он в то время считал великим ученым, слушал его, как оракула, и называл почтительно «все-ведагощим колдуном».

…Но прежде, чем рассказать о деятельности профессора Барченко и значении этого «колдуна» в жизни Бокия, хочется вернуться назад и вспомнить один эпизод. Это было в начале его работы в Москве, когда он уберег меня от встреч с человеком, которые могли быть чреваты для меня большими неприятностями.

Это был еще очень молодой человек и работал он в Смольном. Он был одним из помощников секретаря Владимира Ильича. В «Солдатской правде» его прозвали «Удодом» за птичью наружность и птичьи звуки, которые он испускал на скрипке, уверяя, что хорошо владеет этим инструментом. Впрочем, «домами» мы были незнакомы, а в Смольном не входили в программу рабочего дня концерты, и, хотя у него там оказалась скрипка, он не решался похвастаться перед нами своей игрой.

Был он странной наружности и казался нам смелым и веселым, со своею комическою внешностью при малом росте и невероятной худобе. Хохол бесцветных волос, очки на курносом носу, огромный птичий рот и подскакивающая походка тонких ног в крагах довершали птичий образ. Он все хотел нам устроить концерт с игрою на скрипке и говорил об этом весьма важно, как и о своей деятельности «при Владимире Ильиче», которая, в сущности, сводилась к тому, что он был на побегушках.

Когда мы уехали в Москву, «Удод» остался в Петрограде работать в Смольном, и мы очень удивились, когда увидели его в Москве, в Метрополе. Он заявился прямехонько ко мне и к моей помощнице Анке Рубинштейн и сказал, что приехал на разведки, а скоро совсем переберется в новую столицу. Но во время приезда надо, чтобы друзья его покормили. Где ему самому добыть пищу в незнакомом городе?

— Завтракал я сегодня у Стеклова, — важно говорил «Удод». — Отличный завтрак и большое радушие. А обедом накормите меня вы.

Это было сказано тоном приказания.

Мы торопились в редакцию, и он вышел с нами. Шагая по тротуару и развязно, с мальчишеским задором разговаривая, он сравнивал с шумной Москвой ставший каким-то провинциальным городом Петроград. Казалось, ему хочется, чтобы мы обрушились на Москву…

Не дошли мы еще до угла, как увидели переходящего улицу Глеба.

— Бокий, — пролепетал «Удод» каким-то испуганным голосом и остановился. Я видела, как Глеб сделал ему знак, и он ретировался даже не попрощавшись. Глеб отвел меня в сторону. У него было очень недовольное лицо.

— Ты с ума сошла! — пробормотал он так тихо, чтобы не слышала Анка. — С кем ты беседуешь?

— С «Удодом». Мы в Смольном постоянно виделись, и он нас смешил своими ухватками и…

— Он тебя бы очень здорово насмешил, да и твою подругу тоже, если бы я вас не встретил. Ты ведь не знаешь, очевидно, что он у нас служит…

— Он мне не сказал, что бывает у вас, Глеб…

— Еще бы он тебе сказал! Да он у нас и не бывает, — мы не пускаем его на порог, получая от него донесения на нейтральной почве. Эти донесения, правда, мы подвергаем проверке, но не всегда наши товарищи так проверяют, как нужно, и, во всяком случае, проверка бывает частенько долгой канителью. Если бы ему захотелось отличиться и он бы наболтал про тебя всякий вздор, переиначил твои слова, ты могла бы подвергнуться аресту, и могло пройти много времени прежде, чем я узнал, что с тобой случилось. Пожалуйста, не принимай у себя больше этого «Удода».

«Удод» и сам больше не показывался у меня в номере Метрополя.

…Через год с небольшим Глеб удивил меня еще больше, чем в момент встречи с «Удодом». Своим приходом он задал мне задачу. Он точно рассказал сказку из «Тысячи и одной ночи».

Сижу я мирно в своем номере и читаю. В воскресенье только и почитать. Вдруг знакомый торопливый стук в дверь. Через несколько секунд входит Глеб, односложно здоровается и ставит к стенке шкафа туго набитый портфель. Потом так же односложно говорит:

— Запри на ключ дверь. Выключи телефон и слушай. Смотри и слушай.

После этого таинственного начала он раскрывает передо мною большой альбом и указывает на акварель, изображающую ветку с розой.

— Видишь?

— Вижу. Что это и к чему ты мне показываешь?

— Это роза Розенцвейга.

— Ага! Масонская роза.

— А ты разве знаешь?

— Как мне не знать символа масонов, ведь я много лет занималась историей, и дед мой, со стороны матери, Николай Николаевич Толстой, был масоном, как и многие декабристы. После смерти матери я нашла у нее дедовский масонский знак.

— Вот как! А я и не знал… Многое ли тебе известно об этом тайном обществе?

— Конечно, да разве это такой секрет? Я тебе говорю, что, в связи с историей, я интересовалась и масонством. Приехав в Москву, я даже купила здесь на развале Сухаревки два тома с заглавием «Тайные общества». Перевод с немецкого. Могу тебе дать. Вот посмотри.

И протягиваю ему взятые-с полки книги.

— А вот, Глеб, еще кое-что интересное в этом же духе. Ты знаешь издание Сытина «Великая реформа»? Там имеется необходимый для меня материал о русских крепостных художниках XIX века. Историк В.И. Семевский ими занимался и, в связи с исследованием эпохи, дал описание движения русского масонства с приложением списка сочинений масонов.

— У тебя есть список?

— Ну, конечно.

— Дай мне его.

— Хорошо, только верни, чтобы мне не составлять нового.

Я не сказала ему, что читала бульварную книгу, случайно попавшуюся мне: «Сатанисты» Шабельской. Фабула и идея этого бульварного романа представляли нечто бредовое. Страшные приключения с принесением человеческих жертв тайным обществом масонов. Может быть, и к месту было бы рассказать об этом, когда он мне неожиданно заявил:

— Ты знаешь, старые масоны были организацией социальной, высокого порядка, близкой к нашему коммунизму, но потом они выродились в новое масонство, врагов наших, которое мирно распространяется за границей и старается подорвать нашу работу.

Я подумала: «Наверно, он знает и о книжке Шабельской «Сатанисты».

Но он ничего не сказал о «Сатанистах», неожиданно заговорил о России:

— В России еще в давние времена существовали корни коммунизма, и они гармонично, хотя и странно, переплетались с масонством. Я недавно узнал, что в одной деревне Костромской губернии жил крестьянин, по имени Михаил, имевший громадное влияние на окружающих. Проповеди его о праведном житье людей, собранных в деревнях и в городах в одно целое общество, слушали окрестные мужики и верили ему. Он проповедовал учение, сохранившееся с былых времен и долетевшее до России, — учение, во многом совпадавшее с масонством. Жаль, что он умер. Постой, у тебя что-то в глазах… какое-то недоверие. Я тебе сейчас скажу все — ведь до конца я не дошел. У этого Михаила был ученик, который теперь появился в Москве. Он очень странного вида. Одни считают его помешанным, другие — жуликом. Ходит он зимою босым, носит вериги и одевается как-то по-шутовски, под блаженного.

Надевает на голову бумажную корону, а в руках несет какое-то «зерцало» — ширмы, с самодельно обклеенными бортами и зеркалами, с надписями-цитатами. И говорит виршами, рифмованно, часто как будто чепуху. Его фамилия Круглов…

Я вскочила, взволнованная: — Знаю! Знаю! Я его видела и гонялась за ним, чтобы записать вирши, которое мне пригодятся для задуманного нового романа из истории декабристов…

— Где ты его видела?

— У Дурова. Ты ведь знаешь, что я наблюдаю у него животных и пишу по его рассказам их историю. Он мне как раз и указывал на Круглова, как на пример, который может объяснить историю, составившую легенды о мучениках римских цирков. Возможно, говорит Дуров, что звери не трогали христиан на арене цирка потому, что они, не обращая на зверей внимания, смотрели вверх и молились. Животные не боятся тех, кто не смотрит им р глаза, не обращает на них внимания, а у Круглова как раз рассеянный взгляд. Дуров говорит, что и я хорошо лажу со зверями и могу даже ласкать в клетке гепарда потому, что у меня несколько косят глаза. Дуров делает опыты над «блаженным» Кругловым с обезьянами, а я — со словами… Глеб закивал головою:

— А я сделал опыт над ним, прощупываю его масонство. Мы арестовали Круглова, чтобы исследовать его мышление. Я искал в нем мудрости костромского Михаила, но ошибся: никакой в нем мудрости нет, и я отпустил его со всеми зерцалами и короной к твоему Дурову. Нет, шамбала ускользает от меня, как мираж…

Я удивилась:

— Шамбала? Какая шамбала?

— Ах, ты не знаешь… Это слово мудрости древней, от которой остались корни в масонстве. И если тебе когда-нибудь попадется где-либо это название горы, реки, деревни, поляны, знай, что здесь в древности исповедовали эту великую мудрость.

Мне стало смешно:

— Глеб, — сказала я, — ты или надо мной смеешься, или тебя кто-то морочит. Скажу тебе: у нас в деревне жил старик и весьма дурашный, сапожник; его звали Шамбал. Значит, он был хранителем древней мудрости?

— Если ты знаешь, что он был дурашный, то прозвище Шамбал он мог получить от старинного «шандала» — подсвечника…

Он говорил серьезно и был, видимо, огорчен. Мне стало его жаль.

— Ах, «Шамбала»… — вспомнила я и пояснила, чтобы его утешить:

— Я совсем забыла об одной интересной книге, прочитанной мною не так давно. Книга переводная, автора забыла, заглавие «Присцилла из Александрии». В ней очень ярко выведены разные народности, разные религии и разные общественные классы, существовавшие в первые века христианства. Разгром Александрийской библиотеки, ученая Ипатия, еврейство, египетские жрецы, философы Греции — полнейшая сумятица в понятиях разных каст и обществ. В этой книге упоминается место, где было сосредоточие правды и мудрости, под названием Шамбала. Мой гость оживился:

— Это очень интересно. Надо познакомиться непременно…

— Но скажи, Глеб, откуда у тебя этот интерес?

— От Барченко.

— От Барченко? Что это еще за Барченко?

— Это большого ума и таланта человек, философ и ученый, который у нас при ГПУ организовал кружок; мы знакомимся там со многими научными открытиями и жалеем, что не знали раньше этого замечательного человека.

— Но откуда он явился?

Глеб встал. Он всегда так делал, когда не хотел отвечать на какой-нибудь вопрос.

— Ну, об этом сейчас не время говорить. — И посмотрев на часы: — Мне давно пора. Прощай. Поговорим в другой раз. А список масонов и книги о тайных обществах дай; я верну аккуратно и то, и другое.

…В Метрополе был клуб «Титан». Возле него собирались жильцы гостиницы с чайниками и кувшинами, чтобы набрать кипятку для очередного чаепития, и в очереди шли всякие разговоры. У «Титана» я встречала очень часто интересного человека, пользовавшегося всеобщим уважением, — старого революционера доктора Вечеслова. Он знал многих ученых, и я спросила, не знает ли он Барченко.

Вечеслов, очень искренний и нервный, поморщился. На лице его выразилась гадливость:

— Как же не знать этого проходимца! Подозрительный тип с темным прошлым, которого Глеб Иванович Бокий вызволил из-под ареста. Теперь он морочит. головы всем в ГПУ. Придумал научный кружок и открывает фантастические истины. Примером может служить одна история: когда-то Барченко утверждал, что у нас на Кольском полуострове пролегала великая Римская дорога и в доказательство представил фотоснимок. Фотоснимок, но не негатив, говоря, что он потерян… Этим все сказано. Дико, что Бокий, такой проницательный и умный, не видит, с кем имеет дело…

Кто мог думать, что этот Барченко с его темным прошлым сыграет такую роковую роль в жизни моего друга, «проницательного» Глеба Бокия, славившегося еще со студенческих лет умением распознавать царских провокаторов?!

6. Рыцари Круглого Стола

Глеб Бокий был первой ласточкой на маленьких собраниях старых друзей, бывших студентов горного института, собиравшихся у меня, как когда-то, в студенческие годы.

Началось это с приезда в Советский Союз из Германии Б.С. Стомонякова, получившего вместо должности торгпреда в Берлине назначение заместителем наркома иностранных дел.

Собирались вокруг небольшого круглого стола, полученного мною из метропольского ресторана и предназначенного быть столом как обеденным, так, по нужде, и письменным. Собирались нечасто, за недосугом, пять горняков и шестая я, их — старый друг, и жалели, что, для полноты, не хватает двух непременных завсегдатаев моей петербургской квартиры — славного, простого и беззаветно преданного товариществу Паши Бутова, ставшего профессором горного института, откуда когда-то был исключен за бунтарство. Чья-то злая воля впоследствии забросила его в неведомые края изгнания и погубила за ним и всю его семью. На память о нем осталась только книга о мелиорации, написанная Бутовым совместно с профессором Яворским и составившая ему почетное имя. Другой отсутствовавший у круглого стола не был жертвой клеветы. Он отошел от старых товарищей, у него, по его собственному выражению, пропал «аппетит к политике», но появилось стремление к уюту обеспеченной жизни и к созданию карьеры. Он успокоился, став во главе Горной академии. Вместо того чтобы собираться в его комфортабельной квартире, товарищи шли, по старой привычке, ко мне, в тесный номер Метрополя, и стали именоваться членами «Союза друзей» и «Рыцарями Круглого Стола».

Это средневековое прозвище отвечало старым воспоминаниям и старой дружбе. Друзья несли к «круглому столу» не только свои новые заботы, мечты, чаяния и огорчения, но и старую, забытую жизнь, увлечения юности, свои надежды и ошибки. Рассказывали и о своей работе, иногда спорили, иной раз радовались достижениям, иной раз сознавались в промахах.

Помню, как Глеб Бокий принес весть об аресте Савинкова и о том, как он хотел кончить самоубийством… Помню, как он рассказывал о том, что известный Малиновский, казавшийся несокрушимым революционером и убежденным большевиком, явился к нему и объявил, что его нужно немедленно арестовать

потому, что он — провокатор и успел погубить многих доверявших ему.

Этот рассказ был принят как взрыв бомбы. Оказывается, никто из присутствующих ничего не знал об аресте Малиновского; до этого момента все его считали одним из самых преданных советской власти людей, борцов за победу Октября. Посыпались вопросы. Наивный, простодушный Максим Кострикин, вскочив с места, забегал по комнате, ероша остатки своих некогда кудрявых светлых волос, повторяя:

— Ах, чёрт, и кго же это мог предвидеть? А помнишь, Маргарита, как под новый год вы пили за счастье и свободу родины в Клубе юристов?

Более спокойный и уравновешенный Стомоняков спрашивал, зачем Малиновскому понадобилось самому делать на себя донос. Бокий спокойно отвечал:

— У него была крошечная надежда: признание облегчит наказание. Он знал, что его выследили, — некуда было податься.

…Об осведомленности ГПУ Бокий отзывался с большой гордостью и облекал это даже в какую-то таинственность.

Припоминается его рассказ, как он держал пари с Чичериным, что если он задумает ознакомиться с какою-либо бумагою, а ее захотят от него скрыть, то это не удастся сделать. Чичерин спрятал документ у себя в кабинете в несгораемый ящик и поставил стражу.

— Но бумага оказалась все же у меня, — сказал Глеб.

Все накинулись на него: Как? Кто же выкрал? Может быть, когда-нибудь ящик оставался без сторожей?

— Никогда, — был короткий ответ без объяснений.

Из этого мы вынесли одинаковое предположение, что здесь не обошлось без гипноза и что в распоряжении ГПУ имеется опытный гипнотизер.

Другой случай, рассказанный нам Бокием, был не менее примечателен.

Отделение психотехники при Университете прислало Сталину проект изобретенного аппарата для чтения человеческих мыслей.

— Представляете, как это было бы важно для нас, — говорил Глеб, — мы могли бы избегнуть многих ошибок при допросе. Но в канцелярии у Сталина чиновники, не имевшие воображения и мало заинтересованные в каких-либо открытиях, просто-напросто бросили проект в архив. Когда нам пришлось для одного дела искать документы в канцелярии Сталина, мы там в архиве наткнулись на этот замечательный проект и взяли его, чтобы проверить и дать ход.

— Что же случилось дальше с проектом?

— Чепуха? Все оказалось мыльным пузырем?

— Может быть, были основания для разработки?

Мы спрашивали наперебой. Он, с обычной лаконичностью, отвечал:

— Основания основаниями, но до сих пор такого аппарата У нас еще нет.

…Когда Троцкий должен был покинуть Советский Союз и в стране свободно обсуждали этот вынужденный отъезд, спросила Бокия:

— Можно ли считать Троцкого врагом Родины и называть подлецом, как теперь принято?

Бокий полез в портфель, с которым не расставался, вытащил ворох газет и, положив их на стол, стал разворачивать.

— Вот, полюбуйся. Это заграничные русские газеты, и здесь его статьи. Тут ясно видно, подлец он или нет.

— Но если он имеет по некоторым вопросам свое мнение, Глеб? В спорах рождается истина…

Я помнила, каким блеском отличались выступления Троцкого в его приезд в Россию после 9-го января; помнила, как терпим был к его заблуждениям Ленин. Он резко меня обрезал:

— Споры спорами и мнения мнениями, а уехать в чужую страну и поносить там свою — это могут делать только подлецы. Троцкий как раз это и делает.

А какую роль играл в это время Барченко в кружке, собиравшемся на Лубянке?

Глеб отрывочно рассказывал о том, что делал и говорил «Колдун». Кроме разных «научных» откровений и фантастических небылиц он занимался еще и «раскрытием крамолы». Он был введен в дом бывшей жены Бокия Софьи Александровны, вышедшей вторично замуж за члена ЦК М.И. Москвина. Барченко и там сумел вскружить головы «своей эрудицией», войти в доверие, а, пользуясь им, делать доносы. Доносил он, называя «подозрительных» лиц пачками, вылавливая имена из корпорации писателей, художников, композиторов, переходя от искусства к науке и технике. Он находил «врагов» и среди врачей, фармацевтов. Барченко в ГПУ верили с легкой руки Глеба Бокия. Наконец это стало невыносимым, и мы услышали за нашим «Круглым столом» раздражительные окрики самого Глеба:

— Лучше бы он давал нам списки научных изобретений, чем подозрительных людей!

Тогда у меня вырвалось впервые:

— Боюсь, как бы этот «Колдун» не написал в своем списке ваших имен, друзья мои!

… А Глеб продолжал мечтать о зароненной «Колдуном» фантастической идее. Он говорил мне, возвращая книжки «тайных обществ» и список сочинений о масонстве:

— Все это поможет идее посева коммунизма во всем мире. Все это важно для завоеваний наших…

— Для завоеваний? Но как же это, я не понимаю, Глеб?..

— Не понимаешь, а я начал и иду твердо. И человек нашелся как раз такой, как надо, — смелый и находчивый, знающий фарсидский язык, понятный для всего Востока… Ведь с Востока мы начинаем коммунистическое воспитание всего мира. Вот она, древняя Шамбала, о которой говорится в «Присцилле из лександрии», — мы ее вернем.

Совершенно неожиданно для меня он назвал Блюмкина, того самого Блюмкина, который, участвуя в эсеровском заговоре летом 18-го года, способствовал убийству германского посла Мирбаха.

Я не знала о его судьбе. Оказалось, что он был прикомандирован к ГПУ, и Глеб Бокий именно его и решил использовать для своего плана «коммунизации» Востока. Поможет Блюмкину масонская литература. Он изучит учение масонов как можно обстоятельнее и поедет, подкованный им, прямо в Лхассу, город, куда не может проникнуть ни один европеец. Блюмкин будет первым, кто завоюет доверие главы тибетского народа, великого всесильного Далай-ламы.

…Посещая моего учителя и друга, руководившего мною во время работы в Смольном, Владимира Ивановича Невского, я услышала, что ГПУ опустошило Ленинскую библиотеку, вытребовав всю масонскую литературу. Я повинилась, что дала Бокию список масонской литературы, и рассказала об его идее. Невский рассмеялся:

— Так это мы вам обязаны тем, что у нас опустели масонские полки! Узнали бы, скоро ли Блюмкин изучит масонство для выполнения этой фантасмагории? Ну и выдумка!

7. Неудача с Лхассой

Все шло своим чередом. Изредка, как всегда, собирались у меня «Рыцари Круглого Стола», толковали о текущих делах, о своих делах, личных, вспоминали прошлое горного института, говорили об умерших и живых товарищах, верных старым заветам, и о ренегатах. У Глеба были большие огорчения: его младшая дочь Оксана тяжело хворала диабетом, и старшая Лена с. материнской заботливостью ухаживала за сестрой. Глеб Иванович глубоко переживал болезнь дочери.

Вспоминается мне один разговор с Глебом, имеющий общественное значение, о котором я забыла рассказать раньше. Разговор этот был связан с моей работой в издательстве «История гражданской войны» и впервые ясно показал мне отношение Бокия к Сталину.

Издательство поручило мне выяснить у Бокия, какую роль играл Сталин на VI съезде партии. Я специально позвала для этого разговора Глеба, чтобы потолковать с ним наедине. Я прямо и сразу поставила перед ним вопрос:

— Можешь ли ты мне охарактеризовать роль Сталина на VI съезде?

Он кивнул утвердительно.

— Тогда расскажи.

Он начинает, не торопясь, длиннейшую историю о том, как студенческая столовая, после изгнания из горного забастовщиков, была фактически перенесена в Украинскую столовую, открытую, по частной инициативе, на Васильевском острове; как там собиралось радикальное студенчество и как явилась с обыском полиция, а ему пришлось бежать, спускаясь на лифте для поднятия дров…

Я нетерпеливо перебиваю:

— Зачем мне это знать?

Ответ с невозмутимым хладнокровием:

— Это же введение. И ты хорошо знаешь, что не все полицейские были враждебно настроены к студентам. После нашей победы, когда арестовывали этих фараонов, я лично вызволил нашего василеостровского пристава за то, что он предупреждал нас перед обыском, а на обыске пропускал спрятанную литературу…Впрочем, в следующий раз я расскажу все, что тебе надо, а сегодня, прости, должен уйти: у меня собрание.

Приходя еще два раза, он вел себя в этом же роде, и в последнее, четвертое по счету, свидание, когда я напомнила, что мне нужно знать о роли Сталина на VI съезде партии, на который, я точно знаю, Глеб пришел с Надеждой Константиновной Крупской и пробирался к месту собрания по железнодорожным путям, он вдруг огорошил меня резким вопросом:

— А ты видела Сталина, когда работала в Смольном?

— Никогда не видела.

— А между тем ты целые дни проводила в комнате, где твой стол стоял рядом со столом Марии Ильинишны, секретаря «Правды». Ну, так и я до 24 года не видел Сталина в руководящей роли среди работавших в Питере товарищей. Ухожу. До свидания.

…На одно из собраний «Рыцарей Круглого Стола» Глеб сильно запоздал.

— Ну и дела у нас, — сказал он, сбрасывая шинель, — не ругайте за неаккуратность. У нас события большой важности: арест Блюмкина.

Со всех сторон посыпались вопросы, восклицания:

— Блюмкина? Нечего шутить!

— А ты всех нас не собираешься арестовывать?

— Рассказывай, не тяни…

— Что-то пахнет сказкой, Иваныч!

— Дело не без запутанности, товарищи. И арест как раз накануне назначенной для этого гуся знаменательной поездки в Лхассу. Ведь как долго мы ее подготовляли и так глупо, бездарно кончили. И я уверен, что этот ловкий парень блестяще все выполнил, если бы не Троцкий… И принес черт этого злого гения стать нам поперек дороги…

— При чем тут Троцкий?

— Разве Троцкий находится в Лхассе или собирается туда?

— Ни то, ни другое. Да лучше начну с самого начала. Вы все знаете, как тщательно и долго ГПУ готовило Блюмкина к этой миссии. Мы всячески прощупывали его, взвешивали, экзаменовали и нашли, что лучше не сыскать персонажа для обработки лам масонской мудростью. И Блюмкин охотно изучал все эти тайны, проникаясь масонской философией, а что касается языка, то он мог бы преподавать его в Институте восточных языков. Он был подкован в совершенстве для этой поездки. И у него уже был заграничный паспорт, когда это случилось…

— Да что случилось-то? — нетерпеливо спросил Кострикин.

Ему казалось, что Бокий нарочно тянет рассказ.

— Я буду передавать по порядку. Перед отъездом он поехал к Радеку. Оказывается, он хотел от Радека получить удачный совет, веря в его ум и ловкость, но ошибся в том, что Радек будет хранить тайну.

— Тайну Лхассы? — спросил опять Кострикин.

— Нет, немножко другого порядка. Он необдуманно разоткровенничался с Радеком, приблизительно так: «Карл, ты знаешь, куда и зачем меня посылают, но я колеблюсь, так как до

сих пор я действовал по-другому, будучи агентом Троцкого». Я изображаю схему разговора, конечно, он, вероятно, имел иную форму. Троцкий на Блюмкина надеялся, как на каменную гору, а его миссия была в нашу пользу… Ехать в Лхассу Блюмкину было не совсем удобно, состоя в тесной связи с Троцким. Отказаться от поездки к Далай-ламе было невозможно, а смелости не хватало вместо того, чтобы поехать на Восток, двинуться на Запад, в объятия Троцкого…Радек сначала ему это посоветовал, а тот откровенно сознался, что «хочет покончить всякие отношения с советским изгнанником» и сейчас находится в большой нерешительности, а попросту он струсил. Радек возьми и посоветуй ему поехать ко мне и чистосердечно покаяться в прошлом, обещая вести себя благопристойно в будущем; он, Бокий, мол, поймет, и все станет на свое место. Блюмкин как будто всецело принял совет, а когда вышел от приятеля, то передумал. Вместо того, чтобы ехать на Лубянку в кабинет Бокия, он отправился на вокзал, к отходу поезда, чтобы улизнуть за границу к Троцкому. Приезжает туда, а там: ба, ба, знакомые все лица с Лубянки. Оказывается, Радек тотчас же после разговора с приятелем дал знать по телефону в ГПУ о своем разговоре с лхасским пропагандистом, и Бокий, по своей привычке все заранее предвидеть, послал на Белорусский вокзал людей для ареста беглеца. Так бесславно кончилась фантастическая идея покорения Востока.

8. Последняя встреча

В марте 37 года у меня опять были все в сборе, мои милые товарищи. Глеб Бокий принес бутылочку хорошего вина. Ведь это могла быть наша последняя встреча в этом году, — иногда я уезжала рано или к себе в Псковщину, или в дом отдыха, — вот и спрыснем последнюю встречу, Вино появлялось у нас считанное число раз. В последний раз мы чокнулись за здоровье маленькой Аллы, новорожденной дочки Глеба, — ведь он не так давно вторично женился.

Наливая стаканчики, он говорил, что скоро начнет работать в саду предоставленной ему правительством дачи. Рассказывал о посадке ягоды облепихи, которую он оценил, живя когда-то в сибирской ссылке. Как анекдот он рассказывал, что, высказав

как-то перед подчиненными желание посадить на даче Облепиху, он получил вместо пяти саженцев целых пятьдесят… Ему была противна такая угодливость по отношению к начальству, оставшаяся в наследство от старого царского режима.

Вечер был оживленный. Воспоминаниям не было конца. Нескоро увидимся, нескоро узнаем что-нибудь друг о друге — мы не переписывались летом.

Было около двух часов ночи, когда мои гости стали подниматься. Прощаясь, я сказала Бокию:

— Я как-нибудь пришлю тебе записку на службу, чтобы ты мне устроил пропуск в деревню; пожалуйста, не задержи.

— Угу, — кивнул он мне, надевая шинель. С некоторых пор для проезда в наши края требовался пропуск — из-за близости эстонской границы.

…В номере стоит синий дым от курения. Я делаю сквозняк, открывая дверь и форточку, и выхожу в коридор. При моем появлений с кресла, стоявшего под часами, поднимается фигура с книжкой в руках. Удивительно, зачем это понадобилось выбрать для чтения темное, почти не освещенное место, когда в двух шагах, возле лифта, стоят удобные диваны и кресла под огромной лампой. Увидев меня, незнакомый человек заговаривает:

— Проветриваете?

Меня удивляет этот вопрос. Почему он знает? И еще больше удивляет его стремительный уход. Усаживаясь на его место, вижу, как он мечется: то убегает на верхний этаж, потом в комнату, неподалеку от часов, в номер, который не занят постоянными жильцами Метрополя, и бегом вниз, уже в пальто и фуражке.

Тут меня осеняет догадка: да ведь это агент НКВД. Вспоминается, как по ночам мы бывали разбужены шумом в

коридоре, а иногда и рыданиями, а наутро оказывалось, что это арестовывали кого-нибудь из наших соседей. У меня мелькает мысль:… -Этот агент не знает или не заметил в числе моих гостей Бокия и подумал, что от меня вышли подозрительные люди, устроившие тайное собрание, и теперь он предупреждает об этом того же Бокия. Завтра надо все разъяснить Глебу.

…Утром я пишу записку Глебу приблизительно такого содержания:

«Тебе могут донести о собрании у меня в номере. Так имей в виду, что это был наш «Союз друзей»».

В тот же день отношу записку и передаю в окошечко заявлений НКВД.

Надо вовремя получить пропуска для поездки в наши края с дочерью. Через несколько дней звоню по телефону Глебу.

— Это вы, товарищ Чурган?

— Чурган — секретарь Глеба.

— Я.

— Мне Глеба Ивановича.

— Он болен.

— Серьезно болен?

— Говорят, серьезно, но мы надеемся, что нет.

— А мне нужны пропуска в деревню. Вы ничего не знаете о них?

— Ничего. Да лучше всего поговорите с его заместителем Федором Ивановичем.

Не знаю никакого Федора Ивановича, но звоню ему и говорю, как я потом поняла, очень глупо:

— Федор Иванович, мне нужен пропуск в место, прилегающее к пограничной полосе, и Глеб Иванович обещал мне его дать.

— Но он болен, его нет на службе.

— Так позвоните ему.

— Нам не позволено звонить. Скажите Чургану.

— На всякий случай, может быть, Глеб Иванович скоро поправится: это Алтаева из «Союза друзей» из Метрополя. Я позвоню завтра.

Звоню на другой день. Отвечает тот же Федор Иванович, фамилия которого мне до сих пор неизвестна.

— Чургана нет. Он болен.

— Серьезно?

— Думаю, серьезно. Увезли в карете… — Звоню прежнему секретарю Бокия Леонову, получившему повышение по работе. Он меня хорошо знает. Звоню и нарываюсь на холодный, ледяной ТОН:

— Ну и звоните Чургану или Бокию, — я ни при чем.

Теперь вспоминая все это, представляю себе, какой глупой я должна была казаться этим людям в НКВД без конца твердя о пропуске.

Их всех арестовали: и Бокия, и Чургана, и заместителя Бокия Федора Ивановича, и Леонова. В этот год я не поехала к себе в деревню.

… Осенью пришел ко мне сын Макса Кострикина. Он мне сообщил, что и отец его, и член ЦК партии Михаил Иванович Москвин с женою, бывшей ранее женой Бокия, арестованы. Рассказывал, как брали его отца. Перед уходом он сказал сыну:

— Маргарита была права: нас оклеветал Барченко.

Об арестованных долгое время ничего не было слышно.

Впоследствии я узнала, что и сам Барченко, сеявший ложные доносы, арестован и расстрелян…

Проходили годы. Протянулись почти двадцать лет, и так же неожиданно стали вставать тени тех, кого я считала мертвыми…

Первым постучался в мою дверь сын моего старого друга, Павла Ильича Бутова, Паши, считавшего меня своею сестрою.

Он явился в Метрополь, зная обо мне только понаслышке, сын Бутова. Рассказ его был прост: семья исчезла бесследно в неведомых дебрях Колымы, Магадана или им подобных местах. Сам же остался только благодаря случайной поддержке друзей детства, устроивших ему поездку на самолете, когда кончился срок десятилетней ссылки.

— Иначе бы не уехать… Сколько людей не имеют возможности выбраться оттуда…

Добравшись до Москвы, думал перехватить денег на дорогу до Ленинграда, где ему поможет устроиться товарищ отца, профессор Лесотехнической академии.

Чуть отдохнув и подкрепившись, он взял у меня деньги и решил отправиться на вокзал за билетом.

— Слушайте, друг мой, — сказала ему я, подталкиваемая моей дочерью, — не вздумайте бродить ночью по городу, если не достанете билета. Постарайтесь только прийти не слишком поздно, ведь здесь гостиница.

Впрочем, я попробовала, на всякий случай, запастись для него приютом у друга его отца со школьной скамьи, имевшего квартиру директора Горной академии. Нисколько не сомневаясь в положительном ответе, я радостно сообщила:

— Сын Паши Бутова приехал. Надо его приютить до завтра. Его бы к вам…

Быстрый ответ меня поразил:

— У меня все полно до отказа. Ко мне ни в коем случае.

И ни одного вопроса о сыне лучшего друга, об его материальных ресурсах. Он не предложил никакой помощи, стараясь скорее повесить трубку телефона.

С тяжелым сердцем я простилась с сыном моего друга, взяв с него слово, что если он не возьмет билет на сегодня, то вернется ко мне переночевать. Он не вернулся, и больше я ничего о нем не узнала… И вот года два назад стук в дверь.

— Войдите!

Передо мною маленькая, худенькая женская фигура с мелкими чертами лица, волосы с проседью заколоты низко на затылке. Говорит тихо:

— Лена Бокий…

Боже мой, та маленькая Леночка, с которой я заходила в церковь покупать свечи для устройства елки младшей сестренке Оксане… Взрослой девушкой я ее не знала; она много жила за границей, сопровождая больную сестру, а потом… потом… была в ссылке.

Восемь лет на лесных работах в Коми. Рассказывает отрывисто и просто о быте:

— Гражданин начальник, позвольте пойти оправиться…

Показала наработанные огромные бицепсы под плечами.

Зато полюбила лес. Говорила об уголовных женщинах. Жуткая жизнь, полная, безнадежность, полуживотное существование. К убийству у некоторых из них привычка. Удивительно, как там зарождается чувство дружбы. Голодный идет на жертву для

голодного товарища. Ну вот она и на пепелище, в Москве. Дали в долг денег, купила машинку. Пока будет брать переписку. Прописана, временно — комнаты нет. Родные? Никого… Сестру больную затерло льдом на барже… нет ее больше… Мать с отчимом пропали в ссылке… Наверно, умерли оба… Донос, конечно, подлый донос…

Я сказала, что это дело рук Барченко. Она не придала этому большого значения. Не все ли равно кто… Она, по определению прокуратуры, «арестована без всякого основания». Такова формула. Теперь нужно добиться реабилитации отца и матери, на-это требуется время. У нее нет даже их портретов…

Я суечусь. У меня есть портрет Глеба в студенческую пору, большой портрет, мною увеличенный. Я им, конечно, дорожу, но ей я его отдам, должна отдать. Пусть возьмет хоть сейчас. Вон там, на стене, пусть посмотрит. Не сейчас? Хорошо, пусть возьмет, когда будет комната.

Леночка очень взволнована. Все старое всколыхнулось — ведь отца она безгранично любила и была его любимицей. Жива мачеха и сестренка, та самая Алла, за которую мы когда-то поднимали бокалы. Но между Леной и ими обеими ничего общего. Осталась еще дочка Оксаны, но и тут Лена встретила не то, чего хотелось: красивая вертушка, способная, умная, но пустая… Одиночество полное…

Да, реабилитация отца может быть только при трех характеристиках, которые прокурор получит от Едены Дмитриевны Стасовой, вдовы Калинина, и от меня — трех лиц, хорошо знавших Бокия.

…Несмотря на мое желание ускорить дело, я долго не могла добиться свидания с прокурором, хотя оставалась одна недопрошенной. Желанное свидание с майором Корнеевым я получила почти через год. Он пришел ко мне, зная мой возраст и плохое здоровье, мешающее передвигаться.

Мы говорили не менее двух часов, я решила рассказать все, что знала и о чем пишу здесь, в этих воспоминаниях: и о

студенческой поре, и о масонах, и о Барченко, о Блюмкине с проектом поездки в Лхассу, и об отношении к Троцкому и к Сталину, и о наших встречах вплоть до последней, после которой он был арестован, и о моем глупом поведении со звонками в НКВД.

Он слушал внимательно, все записал, сказал, как резюме: масоны — мистика, странная для коммуниста; Троцкий мог бы быть политическим обвинением, но вы показали, что он относился к нему отрицательно; про Сталина он пропустил свое мнение, а о Барченко сказал почти слово в слово так:

— Ваша интуиция Вас не обманула: он действительно проходимец и погубил Бокия.

Когда я спросила, жив ли Бокий, он ответил, что нет, а на вопрос, когда его не стало, сказал, что об этом сообщат его дочери, и тут же тихо, как бы про себя:

— Тогда же, как был взят…

Я знала, что Бокий был вьггребован Ежовым и из его кабинета домой не вернулся. Ответ прокурора убедил меня в том, что он был тут же расстрелян. Почему-то Лене и Алле дали другие справки о годах его смерти, не соответствующие одна другой…

Теперь их вызывают, чтобы разделить деньги, полученные за имущество реабилитированных родителей. И только сейчас я узнала, что у Глеба была приемная дочь. Оказывается, в молодости он взял на воспитание осиротевшую девочку рабочего, своего политического единомышленника, усыновил ее и воспитывал наравне со своими детьми. Никогда Глеб не упоминал о своем поступке усыновления, считая его делом естественным.

Мне хочется напоследок помянуть добрым словом майора Корнеева, которого в письме ко мне Елена Дмитриевна Стасова назвала хорошим, сердечным человеком, а я хочу прибавить, что он обладает той человечностью, которая так необходима в его профессии, В мое отсутствие летом он звонил мне, просил

сообщить, что дело о реабилитации Бокия закончено, и оставил свой телефон. Тотчас же по приезде я позвонила ему и от всего сердца поблагодарила за внимание.

Ал. Алтаев. 1956, 22 октября. Москва

Биографические сведения о некоторых упомянутых лицах:

АВАНЕСОВ Варлаам Александрович (настоящее имя — Мартиросов Сурен Карпович) (1884–1930). Член Коллегии ВЧК с 27 марта 1919 по 1922 год. Родился в Карсской обл. в крестьянской семье. Член РСДРП (меньшевиков) с 1903 года. Член партии большевиков с 1914 года. Участник революции 1905–1907 годов на Северном Кавказе. В 1907–1913 годах в эмиграции в Швейцарии. В 1913 году окончил медицинский факультет Цюрихского университета. Секретарь объединенной группы РСДРП в Давосе.

После Февраля 1917 года — член президиума Моссовета. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского Военно-революционного комитета, зав. отделом печати и информации ВРК В период 1917–1919 годов секретарь и член Президиума ВЦИК В январе 1918 года — комиссар по делам Армении при Наркомате по делам национальностей. С марта 1919 года — член Коллегии ВЧК, с августа — 2-й заместитель начальника Особого отдела ВЧК В 1920–1922 годах — член Коллегии ВЧК и одновременно в 1920–1924 годах член Коллегии Наркомата госконтроля, зам. наркома РКИ. С 1925 года — член Президиума ВСНХ. Награжден орденом Красного Знамени.

АГРАНОВ Яков Саулович (1893–1938). Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Родился в м. Чечерск Рогачевского уезда Могилевской губ. в семье владельца бакалейной лавки. В 1911 году окончил 4-классное городское училище. В 1912 году вступил в партию эсеров, в 1914–1915 годах член Гомельского комитета ПСР. С 1915 года в партии большевиков. Был арестован и выслан в Енисейскую губ. В ссылке близко познакомился с некоторыми лидерами большевиков, в т. ч. И.В. Сталиным и Л.Б. Каменевым.

После Февральской революции Агранов — секретарь Полесского областного комитета РСДРП(б), после Октябрьской революции, в 1918 году — секретарь Малого Совнаркома, в 1919 году сотрудник секретариата Совнаркома РСФСР.

С мая 1919 года по совместительству особоуполномоченный ВЧК (эту должность, кроме него, в то время занимали лишь В.Р. Менжинский, К.И. Ландер, А.Х. Артузов и В.Д. Фельдман). В 1921 году окончательно перешел на работу в ВЧК, начальник 16-го спецотделения ВЧК (контрразведка в армии). В 1923–1929 годах — зам. начальника, с октября 1929 года — начальник Секретного (позднее переименованного в Секретнополитический) отдела ОГПУ. С мая 1930 г. — помощник начальника Секретно-оперативного управления (СОУ) ОГПУ(его непосредственным начальником был Е.Г. Евдокимов). Был близко знаком с известными писателями и деятелями искусства, в т. ч. с В.В. Маяковским.

В этот период в руководстве ОГПУ разгорелась острая борьба. С одной стороны выступали зам. председателя ОГПУ С.А. Мессинг, Е.Г. Евдокимов, начальник административно-организационного управления и по совместительству Главного управления погранохраны и войск ОГПУ И.А. Воронцов, начальник Особого отдела и 1-й помощник начальника СОУ Я.К. Ольский, полномочный представитель ОГПУ по Московской обл. Л.Н. Бельский. С другой — Г.Г. Ягода, поддержанный председателем ОГПУ В.Р. Менжинским. В этой ситуации Агранов не поддержал Евдокимова. 31 июля 1931 года вошел в состав Коллегии ОГПУ, с сентября был назначен полномочным представителем ОГПУ по Московской обл. Известно, что Менжинский вместе со своими заместителями И.А. Акуловым и В.А. Балицким возражал против назначения Агранова на этот пост, считая его незаменимым в Секретно-политическом отделе. В 1931–1932 годах по совместительству начальник Особого отдела Московского ВО.

С февраля 1933 года — замлредседателя ОГПУ. В 1934–1937 годах 1-й зам. наркома внутренних дел СССР, одновременно с декабря 1936 года начальник ГУГБ НКВД. В декабре 1934 года после убийства С.М. Кирова и смещения начальника УНКВД

Ленинградской обл. Ф.Д. Медведя в течение 4 дней исполнял обязанности начальника УНКВД ЛО. Начальник Главного управления госбезопасности НКВД СССР в 1936–1937 годах. С апреля 1937 года Агранов — зам. наркома и начальник СПО ГУГБ НКВД. С мая 1937 года — начальник Саратовского управления НКВД.

Награжден 2 орденами Красного Знамени.

20 июля 1937 года был арестован; расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 1 августа 1938 года. Ходатайство о реабилитации отклонено.

АНТИПОВ Николай Кириллович (1894–1938). Председатель Петроградской ЧК в 1919 году. Родился в бедной крестьянской семье в дер. Лисичкино Старорусского уезда Новгородской губ. С 15 лет начал работать на Адмиралтейском судостроительном заводе в Петербурге. За революционную деятельность неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1917 году являлся депутатом Петросовета, входил в состав Петербургского комитета РСДРП(б).

В октябре 1917 года — член президиума Центрального Совета фабзавкомов. После Октябрьской революции — член президиума ВСНХ.

С сентября 1918 года в Петроградской ЧК — заведующий «контрреволюционным» отделом, зам. председателя. С 1 января 1919 года — председатель ПЧК Во второй половине января 1919 года откомандирован в Казань на партийную работу — секретарь губкома Р1Ш(б), председатель 1убисполкома, член Реввоенсовета запасной армии республики. С 1920 года — член президиума ВЦСПС, в 1923–1924 годах — секретарь Московского комитета РКП(б), в 1924–1925 гг. — зав. orграспредотделом ЦК РКП(б), в 1925–1926 годах — секретарь Уральского обкома партии, в 1926–1928 годах — 2-й секретарь Ленинградского губкома-обкома партии. В 1928–1931 годах — нарком почт и телеграфов СССР, с 1931 года — заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР, член президиума Центральной Контрольной комиссии ВКП(б), в 1934–1935 годах —

заместитель председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР. С 1935 года — заместитель председателя Совнаркома и Совета труда и обороны СССР и председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР. На XIII–XVII съездах ВКП(б) избирался членом ЦК, был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Арестован в июне 1937 года. 28 июля 1938 года был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Реабилитирован.

АРТУЗОВ Артур Христианович (настоящее имя Фраучи Артур-Евгений-Леонард) (1891–1937). Руководитель внешней разведки в 1931–1935 годах Корпусной комиссар (1935).

Родился в с. Устинове Кашинского уезда Тверской губ. Отец — швейцарец, сыровар, эмигрировал из Италии в Россию в 1861 году, мать, как говорил сам Артузов, — «наполовину латышка, наполовину эстонка». В анкетах на вопрос о национальности отвечал: швейцарец или итальянец, считал себя русским. Близкий родственник видного партийного деятеля и чекиста М.С. Кедрова и председателя Петроградского ВРК в 1917 году Н.И. Подвойского (оба были женаты на сестрах матери Артузова).
В 1903 году переехал с семьей в Боровичи Новгородской губ. В 1909 году окончил с золотой медалью Новгородскую классическую гимназию, в феврале 1917 года — с отличием металлургический факультет Петроградского политехнического института. В совершенстве владел французским, английским, немецким и польским языками. Работал инженером-проектировщиком в Металлическом бюро выдающегося металлурга профессора В.Е. Грум-Гржимайло в Нижнем Тагиле и Петрограде.

В декабре 1917 года вступил в РСДРП(б). Работал в Управлении по демобилизации армии и флота под фамилией Артузов. С марта по август 1918 года сотрудник ревизионной комиссии Наркомата по военным и морским делам (комиссия Кедрова) в Архангельске и Вологде. Возглавлял партизанский отряд

подрывников на Северном фронте. С сентября 1918 года начальник Военно-осведомительного бюро Московского ВО, затем комиссар и начальник активной части отдела военного контроля РВСР.

С января 1919 года на работе в ВЧК — особоуполномоченный, зав. оперативным отделением Особого отдела. В 1921 году помощник начальника Особого отдела, одновременно начальник 12-го специального отделения этого отдела, затем зам. начальника Особого отдела ВЧК-ГПУ РСФСР.

С июля 1922 по ноябрь 1927 года начальник КРО ОГПУ СССР, затем до января 1930 года — 2-й помощник начальника СОУ ОГПУ. Принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении многих ответственных операций по борьбе с белым движением и шпионажем, был инициатором, одним из разработчиков и руководителей контрразведывательных операций «Синдикат-2» (1924 год) и «Трест» (1921–1927 годы), завершившихся арестом террориста Б.В. Савинкова и английского разведчика С. Рейли. За поимку Савинкова Артузову была объявлена благодарность советского правительства.

С января 1930 года зам. начальника, с августа 1931 года начальник ИНО ОГПУ, с июля 1931 года член Коллегии ОГПУ. Руководил проведением контрразведывательной операции «Тарантелла», пытался продолжить операцию «Трест». С мая 1934 года зам. начальника Разведывательного управления РККА с одновременным исполнением обязанностей начальника ИНО ОГПУ — ИНО ГУГБ НКВД СССР. В мае 1935 года, оставаясь на основной работе в Разведывательном управлении РККА, был освобожден от должности начальника ИНО ГУГБ НКВД. В январе 1937 освобожден от должности зам. начальника Разведывательного управления РККА и откомандирован в распоряжение НКВД; работал научным сотрудником 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», знаком «Почетный работник Государственной внутренней охраны» МНР.

13 мая 1937 года был арестован как «активный участник «антисоветского заговора в НКВД». Содержался во внутренней и Лефортовской тюрьмах НКВД. 21 августа 1937 года приговорен «тройкой» НКВД СССР к высшей мере наказания как «шпион польской и других разведок» (в обвинительном заключении записано: «виновным себя признал полностью»); в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

БАЛИЦКИЙ Всеволод Аполлонович (1892–1937). Зам. председателя ОГПУ в 1931–1934 годах. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Родился в Верхнеднепровске Екатеринославской губ. в семье помощника бухгалтера. В 1912–1915 годах учился на юридическом факультете Московского университета. В 1913–1915 годах член РСДРП (меньшевиков). В 1915 году вступил в партию большевиков. В 1915 году посещает лекции в Лазаревском институте восточных языков (Москва), окончил Тифлисскую школу прапорщиков. Участник 1-й Мировой войны, в 1915–1917 годах служил на Кавказском и Персидском фронтах. Избирался председателем полкового солдатского комитета, гарнизонного совета Тавриза. В 1918 году входил в состав обкома компартии в Гурии и Мингрелии, арестовывался меньшевистским правительством Грузии. С 1918 года в органах ВЧК, завотделом и член коллегии Всеукраинской ЧК; в 1919 году — в Житомире, председатель Волынской губернской ЧК; с декабря 1919 по май 1920 года — председатель Киевской губЧК и полномочный представитель ВЧК на Правобережной Украине. С апреля 1920 года — зам. председателя Центрального управления ЧК Украины (Всеукраинской ЧК/ ГПУ УССР). В 1920–1921 годах по совместительству член коллегии НКВД и НКИД УССР; в 1921–1922 годах командующий войсками Всеукраинской ЧК. С сентября 1923 по июль 1931 года занимает посты председателя ГПУ УССР и полномочного представителя ОГПУ на Украине. Член Коллегии ОГПУ с 1923 года.

В июле 1931-июле 1934 года — 3-й зам. председателя ОГПУ. В 1932 году был председателем комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по введению паспортной системы. С декабря 1932 года особоуполномоченный ОГПУ на Украине, с февраля 1933 года

председатель ГПУ УССР, в 1934–1937 годах — нарком внутренних дел УССР. Член политбюро ЦК КП(б)У. В мае-июле 1937года начальник УНКВД Дальневосточного края.

Член ЦКК ВКП(б) в 1930–1934 годах, член Центрального комитета ВКП(б) в 1934–1937 годах. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

На пленуме ЦК ВКП(б) 23–29 июня 1937 года Балицкий был исключен из состава ЦК и из партии. 7 июля 1937 года арестован в служебном вагоне. Расстрелян в особом порядке.

БЕЛЬСКИЙ Лев Николаевич (настоящее имя Левин Абрам Михайлович) (1889–1941), арестовавший Бокия, был заметной фигурой в органах госбезопасности, заместителем наркома внутренних дел СССР в 1936–1938 годах, комиссаром госбезопасности 2-го ранга (1935).

Он родился в м. Мир Минской губ. в семье служащего. Сдал экзамены экстерном в Виленском учебном округе. Работал фармацевтом, давал частные уроки. Член Бунда с 1904 по 1907 годы. В годы Первой мировой войны служил рядовым 29-й артиллерийской бригады, писарем в интендантстве 20-го стрелкового корпуса. Член Коммунистической партии с июня 1917 года. В 1917–1918 годах работал в Вилейке (Белоруссия), занимал должности управляющего делами городского совета, затем в Москве был инструктором НКВД РСФСР.

В апреле 1918 года председатель ЧК Восточного фронта, член Коллегии ВЧК и Коллегии НКВД Мартин Янович Лацис, знавший Левина-Бельского по совместной работе в НКВД, назначил его первым председателем только что созданной Симбирской губЧК, в этой должности Бельский работал до июля 1919 года. В сентябре 1919 года — сентябре 1920 года — начальник Особого отдела 8-й армии, в 1920–1921 годах — председатель Астраханской губЧК, в 1921 году — полномочный представитель ВЧК в Тамбовской губ., в 1921–1922 годах — директор

Госполитохраны Дальневосточной республики и полномочный представитель ВЧК-ГПУ на Дальнем Востоке. С этого времени работал в органах госбезопасности под фамилией Бельский. С 1923 года полномочный представитель ОГПУ в Туркестане и Средней Азии. С февраля 1930 года полномочный представитель ОГПУ по Московской области. В августе 1931 года после конфликта в руководстве ОГПУ и выступления на стороне противников первого зампреда ОПТУ Генриха Ягоды Бельский был назначен начальником Главнарпита и членом коллегии Наркомснаба СССР. В июле 1933 года возвращается на чекистскую работу с назначением на должность полномочного представителя ОГПУ по Нижне-Волжскому краю (Сталинград). С января 1934 по август 1937 года — начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ-НКВД. В ноябре 1936 — апреле 1938 года — зам. наркома внутренних дел СССР. Заместитель наркома Ежова в комиссии Политбюро ЦК по судебным делам. 28 марта 1938 года был назначен начальником управления транспорта и связи НКВД, но уже 8 апреля освобожден от работы в НКВД и в апреле 1938 — марте 1939 года занимал пост 1 — го заместителя наркома путей сообщения СССР, затем руководил строительством железной дороги Карталы-Акмолинск.

Член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени.

Арестован 30 июня 1939 года. В справке, направленной Л.П. Берия Сталину 6 сентября 1940 года, о Вельском говорилось:

«Участник антисоветской заговорщической организации в НКВД и правотроцкистской организации в НКПС.

В 1930 году группой бывших руководящих работников ОГПУ ВОРОНЦОВЫМ, ОЛЬСКИМ и ЕВДОКИМОВЫМ (осуждены к ВМН) был завербован в антисоветскую заговорщическую организацию и по вражеской работе был связан последовательно с ОЛЬСКИМ, УНШЛИХТОМ, АГРАНОВЫМ, ЕЖОВЫМ и ФРИНОВСКИМ (осуждены к ВМН).

В 1931 году был привлечен к шпионской работе в пользу Польши — ОЛЬСКИМ.

В 1937 году, при переходе на работу в НКПС, получил от ЕЖОВА указание об организации антисоветской подрывной работы на желдор. транспорте.

За период своего пребывания в НКПС проводил вредительскую работу, направленную к срыву работы жел. дор. транспорта и государственного плана перевозок, путем зашивки жел. дор., недоброкачественного ремонта паровозов и дезорганизации снабжения важнейших ж.д. магистралей углем.

Подготавливал террористический акт.

Изобличается как активных участник заговорщической организации показаниями: ЕЖОВА (осужден к ВМН) и очной ставкой с ним, показаниями ЕВДОКИМОВА, БЕРМАНА, ЦЕСАРСКОГО, АЛИ-КУТЕБОРОВА, УСПЕНСКОГО, ШНЕЕРСОНА, ФРИНОВСКОГО, ДАГИНА (осуждены к ВМН), РОМАНОВА (арестован) и др.

Подрывная вредительская деятельность подтверждается документами и заключениями экспертиз по делу его соучастников ЖУРАВЛЕВА, ЛИКАНА и ШИДКОВА (осуждены)».

5 июля 1941 года Бельский был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. 16 октября 1941 года, в самый тяжелый момент обороны Москвы, вместе с группой заключенных московских тюрем, расстрелян в Бутырской тюрьме по приказу заместителя Берия Богдана Кобулова.

БЛАГОНРАВОВ Георгий Иванович (1895–1938). Член Коллегии ОГПУ с октября 1929 по октябрь 1931 года. Комиссар госбезопасности 1 ранга (1936). Родился в Егорьевске Рязанской губ. в семье чиновника. Окончил гимназию, учился на

юридическом факультете Московского университета, окончил Александровское военное училище, служил, прапорщиком 80-го пехотного запасного полка. В 1917 году председатель полкового комитета и Егорьевского уездного исполкома Совета.

Член Коммунистической партии с марта 1917 года. Член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член ВРК, командовал отрядом Красной гвардии, с 23 октября 1917 года являлся комиссаром Петропавловской крепости. Размещал по казематам Трубецкого бастиона арестованных членов Временного правительства. В декабре 1917 — мае 1918 года — чрезвычайный военный комиссар охраны Петрограда. Участник ликвидации белогвардейского мятежа в Ярославле. В июне-июле 1918 года член РВС Восточного фронта. С ноября 1918 года работал в железнодорожном подотделе ВЧК; в январе 1919 года был назначен инструктором-ревизором Транспортного отдела ВЧК, в том же году начальник транспортной ЧК в Петрограде. В августе 1919 года — и.о. председателя Петроградской ЧК. Во время наступления Юденича председатель «тройки» по обороне Петроградского железнодорожного узла. С ноября 1920 года начальник Транспортного отдела ВЧК-ГПУ-ОГПУ, одновременно в 1922–1925 годах — начальник административного управления НКПС, в апреле 1925 — июле 1926 года начальник Экономического управления ОГПУ. В 1926–1927 годах председатель правления Резинтреста ВСНХ СССР. С апреля 1927 года председатель Центральной комиссии ОГПУ по борьбе с диверсиями, с декабря 1929 года по совместительству зам. наркома путей сообщения СССР. В октябре 1931 года — августе 1935 года — зам. (с сентября 1932 года — 1-й зам.) наркома путей сообщения, затем начальник Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта при СНК СССР. С марта 1936 года начальник Главного управления шоссейных и грунтовых дорог НКВД. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 года.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Арестован 25 мая 1937 года. Расстрелян в особом порядке 16 июня 1938 года (приговорен ВКВС к расстрелу, после утверждения списка Сталиным, 2 декабря 1937). Реабилитирован посмертно в 1956 году.

БЛЮМКИН Яков Григорьевич (1900–1929). Родился в Одессе. Член партии левых эсеров с 1917 года. В июне — начале июля 1918 года заведующий отделом ВЧК по борьбе с немецким шпионажем. 6 июля 1918 года по заданию ЦК партии левых с. — р принял участие в террористическом акте с целью сорвать Брестский мир, один из участников убийства германского посла графа В. Мирбаха. Был заочно приговорен к трем годам заключения. После подавления мятежа левых эсеров бежал на Украину, где участвовал в повстанческом движении и подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского. В апреле 1919 года явился с повинной в Киевскую ЧК, был амнистирован Президиумом ВЦИКа. В 1920 году вступил в РКП(б), был направлен на военную работу. Летом 1920 — комиссар штаба Красной армии Гилянской советской республики Северный Иран. С сентября 1920 — слушатель Академии Генштаба РККА. С 1922 года работал в секретариате председателя РВСР Л.Д. Троцкого для особых поручений.

С 1923 года во внешней разведке ОГПУ. В 1924–1925 помощник полномочного представителя ОПТУ в Закавказье по командованию войсками Закавказской ЧК В 1925–1926 годах ответственный сотрудник Наркомата торговли. В 1926–1927 — главный инструктор Государственной внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. В 1928–1929 годах нелегальный резидент советской разведки на Ближнем Востоке. В апреле 1929 года в Константинополе встречался с Троцким, поддерживал с ним связь через его сына Л. Седова. Блюмкин заявил Троцкому, что передает себя «в его распоряжение», составил рекомендации об организации его личной охраны; передал Троцкому, который готовил к изданию автобиографическую книгу «Моя жизнь», сведения о

деятельности сотрудников поезда председателя Реввоенсовета в годы гражданской войны; согласился нелегально переправить в СССР для участников оппозиции письмо Троцкого и несколько его книг. По возвращении в СССР в середине октября 1929 года был арестован. 3 ноября 1929 года Коллегия ОГПУ постановила расстрелять его «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

ДЕРИБАС Терентий Дмитриевич (1883–1938). Член Коллегии ОГПУ с ноября 1931 по 1934 год. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Родился в зажиточной крестьянской семье в Екатеринославской губ. Окончил реальное училище в Кременчуге. Член Коммунистической партии с 1903 года. Участник революции 1905–1907 годов, руководил рабочей дружиной, ранен в стычке с черносотенцами в 1905 году. Вел партийную работу в Полтавской, Херсонской, Екатеринославской губ. В 1906 году был арестован и осужден на 3 года ссылки в Туринский уезд Тобольской губ., бежал. В 1907 году вновь арестован в Петербурге и сослан на 3 года в Обдорск. По окончании ссылки в 1911 году уехал в Троицк Оренбургской губ., где работал бухгалтером страховой компании, канцеляристом, чертежником. После Октября 1917 года член исполкома Оренбургского совета, комиссар юстиции, председатель Оренбургской следственной комиссии, председатель комитета партии и зам. председателя объединенного Троицкого и Челябинского исполкома. Участвовал в боях с белогвардейцами в составе Троицко-Нижнеуральского отряда. С осени 1918 года секретарь Уральской обл. коллегии госконтроля, затем зам. начальника и начальник политотдела 27-й стрелковой дивизии 3-й армии, зам. начальника политотдела 5-й армии.

В 1920 году председатель Павлодарского уездного ревкома и комитета партии. С 1920 года на работе в органах ВЧК. С января 1921 года зам. уполномоченного 4-го отделения, начальник 5-го

отделения, помощник начальника Секретного отдела ВЧК. С мая 1923 по октябрь 1929 года начальник Секретного отдела ГПУ-ОГПУ при СНК СССР, с июля 1927 года одновременно 1-й помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР. С октября 1929 года — полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю (с июля 1934 года — начальник УНКВД), одновременно начальник Особого отдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и член РВС ОКДВА. Член Коллегии ОГПУ СССР с 22 ноября 1931 по 10 июля 1934 года.

В мае-июне 1937 года в распоряжении НКВД СССР, его кандидатура намечалась на пост наркома внутренних дел УССР. С 19 июня по 31 июля 1937 года вновь начальник УНКВД Дальневосточного края.

Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 года.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Арестован 12 августа 1937 года. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 27 июля 1938 года. Посмертно реабилитирован.

ДИМАНШТЕЙН Семен Маркович (1886–1938). Рабочий, член партии большевиков с 1904. Активный участник революции 1905–07 годов. Член Рижского комитета партии. Арестован в 1908 годуй приговорен военным судом к четырем годам каторги. В 1913 году сослан в Сибирь. В начале 1914 года бежал из ссылки, эмигрировал во Францию, где был членом Комитета большевистской секции в Париже. После революции 1917 года редактировал в Риге газету «Окопная правда», вступил в Красную гвардию. Член ЦК Компартии Латвии, ЦК КП(б)У, Туркестанского бюро ЦК РКП(б), член коллегии Наркомнаца, член ВЦИК и ЦИК, член Комакадемии. Заместитель заведующего агитпропотделом ЦК партии. Директор Института

национальностей ЦИК СССР. Арестован в 1938 году, расстрелян, посмертно реабилитирован.

ЕВДОКИМОВ Ефим Георгиевич (1891–1940). Член Коллегии ОГПУ с октября 1929 по июль 1931 года. Родился в Копале (Семиреченской обл., ныне Казахстан) в семье солдата стрелкового батальона, позднее сцепщика на железной дороге в Чите. После окончания 5 классов городской школы работал на железной дороге конторщиком. Участвовал в революционных событиях 1905–1906 годов в Чите. Во время разгрома «Читинской республики» карательными войсками был тяжело ранен. Член партии эсеров с 1907 года. В феврале 1908 года был арестован, приговорен к 4-м годам каторги, которая, как несовершеннолетнему, заменена 3-летним заключением в Верхнеудинском централе. Вскоре по выходе из тюрьмы был вновь арестован и выслан на Урал, где примкнул к анархо-синдикалистам. Бежал с места ссылки на Дальний Восток. В 1915 году нелегально приехал в Москву, работал конторщиком в Центросоюзе и вел подпольную деятельность в анархо-синдикалистской группе Лефортовского района. Спасаясь от преследования полиции, как уклоняющийся от мобилизации в армию, выехал в Баку, где принял участие в событиях Февральской реюлюции. В 1917 году вернулся в Сибирь, был призван в армию, служил в 12-м Сибирском пехотном полку, возглавлял полковой солдатский комитет. Уволившись по состоянию здоровья, приехал в Москву. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Работал во ВЦИК, зав. распорядительным и справочным отделом. В 1918 году вступил в Коммунистическую партию. В январе 1919 года по распоряжению председателя ВЦИК Я.М. Свердлова направлен на учебу в академию Генштаба, из которой в мае был отозван в связи с поручением организовать диверсионный отряд для действий в тылу армии Колчака. С июня 1919 года — начальник Особого отдела Московской ЧК, с января 1920 года помощник начальника Центрального управления ЧК Украины и зам. начальника Особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов

на Украине. С ноября 1920 года — начальник Крымской ударной группы (по «очистке Крыма от белых») и Особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов. С января 1921 года — начальник Особого отдела, с мая 1921 года — Секретно-оперативного управления Всеукраинской ЧК и Особого отдела СОУ ВУЧК. С июня 1922 года — полномочный представитель ГПУ на Правобережной Украине, руководил ликвидацией политического и уголовного бандитизма. С июня 1923 года — полномочный представитель ОГПУ по Юго-Восточной России (с февраля 1924 года — по Северо-Кавказскому краю). Принимал активное участие в ликвидации антисоветских формирований в Чечне и Дагестане. В 1926 году учился в Социалистической академии в Москве. В октябре 1929 года был назначен членом Коллегии и начальником Секретно-оперативного управления ОГПУ при СНК СССР. В 1930 году входил в состав комиссии Политбюро ЦК партии по раскулачиванию. Руководил подготовкой судебных процессов по делам «Промпартии» и «Союзного бюро меньшевиков». В июле 1931 года после выступления вместе с группой других руководящих работников ОГПУ против зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды получил назначение на должность полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе, но назначение было отменено, и в августе 1931 года Евдокимов был направлен полномочным представителем ОГПУ в Среднюю Азию. В ноябре 1932 года переведен полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе. В 1934–1937 годах первый секретарь Северо-Кавказского, в янйаре — сентябре 1937 года — Азово-Черноморского крайкомов партии, затем с сентября 1937 года — Ростовского обкома ВКП(б). С мая 1938 года зам. наркома водного транспорта СССР.

С 1930 года — член ЦКК, в 1934–1938 годах-член ЦКВКП(б). Член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР.

Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, (единственный из чекистов), двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Арестован 9 ноября 1938 года (арестом руководил 1-й зам. наркома внутренних дел Берия). Находясь под следствием, в течение пяти месяцев отрицал свою вину; затем под воздействием пыток дал показания о своей «контрреволюционной деятельности». На суде от показаний отказался. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 4 февраля 1940 года. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

КЕДРОВ Михаил Сергеевич (1878–1941). Член Коллегии ВЧК с марта 1919 до февраля 1922 года. Родился в Москве в семье нотариуса. Из дворян. Учился на юридическом факультете Московского университета, в Демидовском юридическом лицее (Ярославль), окончил медицинский факультет Бернского университета. Член Коммунистической партии с 1901 года. С мая 1917 года входил в состав Петроградской военной организации РСДРП(б) и Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), редактор газеты «Солдатская правда». С ноября 1917 года зам. наркома по военным делам, комиссар по демобилизации старой армии. В мае 1918 года направлен на Север, командующий Северо-Восточного участка «завесы»; одновременно руководил борьбой с контрреволюцией в Архангельске, широко применяя репрессии и вступая в конфликт с органами Советской власти в Архангельске и Вологде. Организованная им оборона Архангельска оказалась неудачной, город был оккупирован английскими войсками. По возвращении в Москву в декабре 1918 — январе 1919 года занимал должность начальника Военного отдела ВЧК В январе — августе 1919 года — начальник Особого отдела ВЧК, одновременно с марта — член Коллегии ВЧК, с мая — особоуполномоченный ВЧК в Вологде, затем на Южном и Западном фронтах. С конца 1919 года — председатель Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния РСФСР. После гражданской войны на административной работе. В 1926–1927 годах помощник прокурора Верховного Суда СССР, в 1931–1934 годах член президиума Госплана РСФСР, в 1934–1937 годах — начальник секторов обороны и науки Госплана СССР, одновременно с 1934 года — директор Военно-санитарного института. Затем вышел на пенсию.

Награжден орденом Красного Знамени.

В апреле 1939 года был арестован. В июле 1941 года оправдан Военной коллегией Верховного суда СССР, но после вынесения оправдательного приговора был расстрелян по указанию Л.П. Берия.

Посмертно реабилитирован.

КСЕНОФОНТОВ (настоящая фамилия Крайков) Иван Ксенофонтович (1884–1926). Зам. председателя ВЧК (1919–1921). Родился в дер. Савинки Гжатского уезда Смоленской губ., 12-ти лет уехал в Москву, работал на фабриках, занимался самообразованием, посещал библиотеку Политехнического музея. В 1903 году вступил в РСДРП. В 1905 году за участие в забастовке был уволен с фабрики и уехал в деревню. В 1906–1909 годах находился на военной службе, на призывном пункте записался Ксенофонтовым, унтер-офицер, организовал в полку большевистскую партийную ячейку. После увольнения из армии работал на фабриках в Москве, вел нелегальную работу, был выслан в Ригу. Участник Первой мировой войны, служил в телеграфном батальоне штаба Западного фронта, телеграфистом в ротной канцелярии.

После Февральской революции председатель исполкома Совета в Несвиже, член комитета 2-й армии. С сентября возглавлял Слуцкий Совет. Делегат 1 Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК и Учредительного собрания от Западного фронта, Минского и Могилевского избирательных округов.

В ноябре 1917 года по распоряжению Я.М. Свердлова был вызван в Петроград. 7(20) декабря утвержден членом Коллегии ВЧК, а 8 декабря — секретарем ВЧК. После ликвидации левоэсеровского выступления в июле 1918 года участвовал в арестах мятежников. 27 марта 1919 года назначен зам. председателя ВЧК. В связи с частыми и продолжительными отъездами Дзержинского исполнял обязанности председателя. С

апреля 1919 года председатель созданного по предложению Дзержинского постоянного президиума ВЧК и одновременно с октября 1919 по март 1920 года председатель Особого ревтрибунала при ВЧК по должностным преступлениям. С апреля 1920 года зам. председателя Верховного трибунала при ВЦИК, член ВЦИК и Моссовета. В июле 1920 года под председательством Ксенофонтова Президиум ВЧК приговорил к расстрелу 44 человека — врачей и служащих Центральной приемочной комиссии, бравших взятки за освобождение от военной службы. В августе председательствовал на процессе подпольного контрреволюционного объединения «Тактический центр» в Верховном ревтрибунале, в сентябре на суде по «делу кооператоров» — руководителей Центросоюза. В 1919 году выезжал с инспекционными поездками в Казань — в 1919 году вместе с наркомом юстиции РСФСР Д.И. Курским по делу обвинявшихся во взяточничестве сотрудников Казанской губЧК, которые были расстреляны, в 1920 году — на Северный Кавказ. Во время Кронштадтского мятежа встречался с Лениным, после чего разослал на места директиву о повышении бдительности, дал указание об арестах меньшевиков и эсеров, направлении войск ВЧК в район мятежа, в середине марта провел ревизию Петроградского ЧК и Особого отдела военного округа и предварительное следствие по делу о мятеже. В апреле 1921 года по личной просьбе освобожден от работы в ВЧК и Верховном ревтрибунале.

Позднее был назначен управляющим делами ЦК РКП(б), занимал этот пост до ноября 1924 года, ввел учет времени, проведенного сотрудниками на службе, регистрацию входящей и исходящей корреспонденции, организовал бюро пропусков. С февраля 1925 года работал зам. наркома социального обеспечения РСФСР. Умер от язвы желудка. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ЛАЦИС Мартин Янович (настоящее имя — Судрабс Ян Фридрихович) (1888–1938). Член коллегии ВЧК с мая 1918 по 1921 года. Родился усадьбе Рагайни Старопебальгской волости Лифляндской губ. в семье батрака. Окончил учительскую семинарию. Член партии большевиков с 1905 года. Участник революции 1905–1907 годов. В 1911–1913 годах работал на

Северном Кавказе и в Москве. В 1917 году руководитель большевистской организацией Выборгской стороны в Петрограде. После Октябрьской революции — член Коллегии НКВД (зав. отделом местного самоуправления); с 20 мая 1918 года по совместительству — член Коллегии ВЧК, начальник Отдела по борьбе с контрреволюцией. 6 июля 1918 года после ареста Ф.Э. Дзержинского восставшими левыми эсерами назначен СНК временным председателем ВЧК, но вечером того же дня был арестован в здании ВЧК на Лубянке матросами из отряда Попова, и вместе с Дзержинским и другими чекистами находился под арестом. По воспоминаниям Лациса, солдаты мятежного отряда хотели его расстрелять, но спасло заступничество зам. председателя ВЧК, левого эсера В.А. Александровича, одного из руководителей восстания.

В июле — ноябре 1918 года председатель чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и военного трибунала 5-й армии Восточного фронта. В январе — апреле 1919 года начальник Секретного отдела ВЧК С апреля 1919 года возглавлял Всеукраинскую ЧК, в сентябре 1919 — сентябре 1920 года начальник Секретно-оперативного отдела ВЧК В дальнейшем на руководящей партийной и хозяйственной работе. В 1928–1929 годах — зам. зав. отделом по работе в деревне ЦК ВКП(б). С 1932 года директор Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова в Москве. Член ВЦИК, ЦИК СССР.

Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени УССР.

Был арестован в ноябре 1937 года, расстрелян в апреле 1938 года; реабилитирован посмертно.

МАНЦЕВ Василий Николаевич (1889–1938). Член Коллегии ВЧК-ОГПУ в 1920–1925 годах. Родился в Москве. Сын купца. Член партиис 1906 года. Участник революции 1905–1907 годов. Учился на юридическом факультете Московского университета. Неоднократно подвергался арестам и ссылке. В 1908–1913 годах

жил за границей, в т. ч. во Франции, где учился в электротехническом техникуме в Гренобле. В 1913 году нелегально вернулся в Россию, был арестован и выслан в Вологодскую губ. В 1916–1917 годах — в армии, ефрейтор учебной команды запасного полка, вел революционную работу среди солдат. Летом 1917 года — член Совета рабочих и солдатских депутатов в Ростове Ярославской губ. Осенью 1917 года был избран в Московское областное бюро ЦК РСДРП(б), участвовал в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Москве, входил в состав Замоскворецкого Военно-революционного комитета.

В 1918 году — «левый коммунист», противник Брестского мира. С августа 1918 года член Коллегии и секретарь Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК, с декабря зав. следственным отделом, член Коллегии и зам. председателя Московской ЧК (фактически возглавлял МЧК ввиду занятости ее председателя Ф.Э. Дзержинского). Осенью 1919 года входил в состав Комитета обороны Москвы. С декабря 1919 года — начальник управления чрезвычайных комиссий и особых отделов Украины при Всеукраинском ревкоме, с марта 1920 года — начальник Центрального управления ЧК при СНК Украины. С июля 1920 года — член Коллегии ВЧК. С августа — начальник Особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов, начальник тыла Южного фронта. В апреле 1921 — августе 1923 года возглавлял Всеукраинскую ЧК-ГПУ Украины. Осенью 1921 года был назначен председателем Петроградской ЧК, но приказ был отменен и Манцев остался в Харькове. Одновременно с марта 1922 года был наркомом внутренних дел УССР. С июля 1922 года — член Коллегии ГПУ при НКВД РСФСР. В августе 1923 года отозван в Москву, вошел в состав Коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. С сентября 1923 года — член Коллегии ОГПУ (до 1925 года).

В 1924–1930 годах — член Президиума ВСНХ, начальник планово-экономического управления, ректор Промышленной академии. В 1930–1934 годах — зам. наркома финансов СССР. В 1931 году руководство ОГПУ (В.Р. Менжинский) выдвинуло кандидатуру Манцева на пост полномочного представителя ОГПУ

по Московской области, но секретарь ЦК и первый секретарь МК ВКП(б) Л.М. Каганович отверг это предложение. В 1934–1936 годах Манцев — председатель Всесоюзного совета по делам физкультуры при ЦИК СССР. С 1936 года — зам. председателя Верховного суда РСФСР, председатель Спецколлегии ВС РСФСР.

Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени УССР, знаком «Почетный чекист» и именным оружием.

В августе 1937 года был снят с работы. 22 октября 1937 года арестован. После следствия, проведенного 3-м отделом ГУГБ, 25 декабря 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии контрреволюционной террористической организации приговорен к высшей мере наказания. В феврале 1938 года Судебно-надзорная коллегия ВС СССР по протесту председателя Верховного суда СССР А.Н. Винокурова (что противоречило действовавшему законодательству) в связи с вновь открывшимися обстоятельствами отменила приговор и направила дело на доследование. В марте 1938 года Манцев выступал в качестве свидетеля на процессе «антисоветского право-троцкистского блока» (Н.И. Бухарина и др.).

22 июля 1938 года, при повторном рассмотрении дела Военной коллегией ВС СССР, был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 19 августа 1938 года. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

МЕДВЕДЬ Филипп Демьянович (1889–1937). Член Коллегии ВЧК с 27 марта 1919 по февраль 1922 года, Коллегии ГПУ в 1922–1923 годах, Коллегии ОГПУ в 1931–1934 годах. Родился в дер. Масеево Пружанского уезда Гродненской губ. в семье рабочего. Учился в железнодорожном училище, затем в механико-техническом училище, из последнего был исключен за участие в забастовке. Работал чертежником, землемером, плотником. В 1907 году *й* Варшаве по рекомендации Ф.Э. Дзержинского был принят в члены Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Четыре раза был арестован, два года провел в

заключении в тюрьме. Участник Первой мировой войны. С марта 1917 года работал в Сокольнических мастерских в Москве, участвовал в организации Сокольнической районной милиции, в октябре 1917 года входил в состав Сокольнического районного ВРК, командовал 1-м Московским революционным отрядом, до мая 1918 года являлся военкомом Сокольнического района.

С мая 1918 года — член контрольной Коллегии ВЧК С сентября — председатель Тульской губЧК 27 марта 1919 г. утвержден членом Коллегии ВЧК В мае — августе 1919 года — председатель Петроградской ЧК В августе — октябре 1919 года — начальник Особого отдела Западного фронта. В октябре — декабре того же года заведовал концентрационными лагерями и одновременно отделом принудительных работ НКВД РСФСР.

В декабре 1919 года вновь назначен начальником Особого отдела Западного фронта, одновременно с января 1921 года — полномочным представителем ВЧК по Западному краю. В ноябре 1921 года был отозван в Москву и назначен зам. председателя Московской ЧК, одновременно начальником Московской окружной транспортной ЧК С декабря того же года по совместительству начальник Особого отдела Московского военного округа. В марте 1922 года был освобожден от работы в транспортной ЧК и назначен начальником Московского губ. отдела ГПУ с оставлением руководителем Особого отдела МВО. С июля 1922 года — член Коллегии ГПУ при НКВД РСФСР. После ликвидации в декабре 1923 года Московского губ. отдела ОГПУ в апреле 1924 года назначен полномочным представителем ОГПУ по Западному краю — председателем ГПУ при СНК Белорусской ССР и по совместительству начальником особого отдела Западного фронта. В декабре 1925 года освобожден от должности с объявлением выговора за допущенный инцидент на советско-польской границе, когда пограничники обстреляли партизан диверсионных отрядов Разведывательного управления Штаба РККА, проводивших т. н. «активную разведку» и уходивших от преследования польских жандармов. В феврале 1926 года переведен в Хабаровск полномочным представителем ОГПУ по Дальневосточному краю; с августа 1929 года одновременно возглавлял Особый отдел вновь образованной

Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В январе 1930 года был назначен полномочным представителем ОГПУ по Ленинграду и Ленинградскому военному округу, по совместительству начальником Особого отдела ЛВО и Ленинградского окружного транспортного отдела ОГПУ (оба последних поста занимал до апреля 1932 года). В июле 1931 года приказом ОПТУ смещен с должности, но в августе того же года, видимо, после обращения в вышестоящие инстанции первого секретаря Ленинградского обкома партии личного друга Медведя, С.М. Кирова, приказ был отменен.

С 22 ноября 1931 года — член Коллегии ОГПУ СССР. В июле 1934 года после упразднения ОГПУ начальник Управления НКВД Ленинградской области.

3 декабря 1934 года, в связи с убийством С.М. Кирова, был смещен с должности и арестован. 23 января 1935 года вместе с другими руководителями Ленинградского УНКВД приговорен за «преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране госбезопасности» к 3 годам исправительно-трудовых работ. Работал в системе Дальстроя НКВД начальником Южного горно-промышленного управления.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

В мае 1937 года отозван в Москву. 7 сентября 1937 года был арестован. Приговорен к высшей мере наказания в особом порядке. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957 году.

МЕНЖИНСКИЙ Вячеслав Рудольфович (1874–1934). Председатель ОГПУ (1926–1934). Родился в Санкт-Петербурге, в семье обрусевшего польского дворянина православного вероисповедания, статского советника. В 1893 году окончил гимназию с золотой медалью, в 1898 году юридический факультет Петербургского университета. Был членом студенческого литературного кружка, в котором подружился с

будущим известным террористом Б. Савинковым. Кроме литературы, на протяжении всей жизни увлекался живописью, математикой, химией, владел 16 языками. В революционном движении с 1895 года. После окончания университета служил помощником известного присяжного поверенного, князя Г.Д. Сидамон-Эристова, одновременно преподавал историю на Смоленских воскресных курсах для рабочих.

В 1902 году вступил в РСДРП. Вел подпольную партийную работу в Невском районе Петербурга, в Ярославле. С 1906 года лектор ЦК РСДРП в Петербурге, член редколлегии большевистской газеты «Казарма», член военной организации при Санкт-Петербургском объединенном комитете РСДРП, работал в Боевой технической группе при ЦК РСДРП. В декабре 1907 года эмигрировал в Бельгию. Работал в заграничных организациях РСДРП, сотрудничал с большевистской газетой «Пролетарий». В 1908 году переехал в Швейцарию, примкнул к «отзовистам». Жил в Париже, состоял в антиленинской группе «Вперед». Посещал лекции в Сорбонне, занимался самообразованием, изучал иностранные языки.

После Февральской революции вернулся в Россию. В августе — октябре 1917 года входил в состав Бюро военной организации при ЦК РСДРП(б), являлся членом редколлегий газет «Солдат» и «Правда». В дни Октябрьского вооруженного восстания член Петроградского Военно-революционного комитета, комиссар ВРК в министерстве финансов и Госбанке, с ноября — зам. наркома финансов. Занимался борьбой с саботажем банковских служащих, руководил мероприятиями по переходу Госбанка под контроль большевиков и национализацией частных банков. В январе — марте 1918 года — народный комиссар финансов РСФСР. Одновременно с 8(21) декабря 1917 года до января 1918 года член Коллегии ВЧК, зав. финансовой частью ВЧК. В марте — апреле 1918 года — член президиума Петроградского совета, член Коллегии наркомата юстиции РСФСР, член Коллегии Петроградской ЧК. В апреле — ноябре 1918 года генеральный консул РСФСР в Берлине, участвовал в заключении дополнительного договора с Германией, торговых переговорах. В начале ноября 1918 года после разрыва дипломатических

отношений между РСФСР и Германией выслан вместе с другими сотрудниками советского посольства. В декабре 1918 года был назначен членом Коллегии и зав. 1-м Западным отделом НКИД. В январе — августе 1919 года — зам. наркома социалистической и военной инспекции и особоуполномоченный правительства УССР в прифронтовой Черниговской губ.

С сентября 1919 года особоуполномоченный Особого отдела и член Президиума ВЧК В феврале — июле 1920 года зам. председателя 00 ВЧК, после отъезда Дзержинского на Западный фронт с июля 1920 по июль 1922 года — начальник Особого отдела и член Коллегии ВЧК В октябре 1920 года выезжал на Украину для организации борьбы с националистическим подпольем и разведработы в тылу армии Врангеля. С января 1921 года начальник Секретно-оперативного управления ВЧК, с февраля 1922 года член Коллегии ГПУ. С сентября 1923 года 1-й зам. председателя Объединенного государственного политического управления, с 30 июля 1926 года — председатель ОГПУ. В 1927 году избран членом ЦК ВКП(б).

В апреле 1929 года Менжинский перенес инфаркт, в августе был уже на рабочем месте, но в сентябре, по требованию врачей, оставил работу и вернулся к ней лишь в апреле 1931 года, с условием выполнения «только основных и самых важных обязанностей, без всякой другой нагрузки». С 1929 года практически отошел от дел, с этого времени ОГПУ фактически заправлял его 1-й зам. Г.Г. Ягода. Большую часть времени Менжинский проводил в кремлевской квартире либо на подмосковной даче. Умер 10 мая 1934 года согласно заключению врачей, смерть наступила от «острой сердечной недостаточности (паралича) сердца, резко измененного и работавшего в последние годы неполноценно».

Награжден орденом Красного Знамени.

Похоронен в Кремлевской стене.

МЕССИНГ Станислав Адамович (1890–1937). Зам. председателя ОГПУ, руководитель внешней разведки в 1929–1931 годах. Родился в Варшаве в семье музыканта. В 1907 году вступил в СДКПиЛ, был арестован, в 1908 году выслан в Бельгию. После возвращения в Варшаву в 1911 году вновь арестован. В 1913–1917 годах служил в армии в Туркестане, с 1914 года на Кавказском фронте. В 1917 году был избран членом полкового солдатского комитета.

В октябре 1917 года в Москве, секретарь Сокольнического совета, председатель районной ЧК. С декабря 1918 года член Коллегии и заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК, по совместительству с марта 1920 член Коллегии СТО РСФСР. С июня 1920 года зам. председателя Московской ЧК, с июля член Коллегии ВЧК; с января 1921 года председатель Московской ЧК. В ноябре 1921 года назначен председателем Петроградской ЧК и полномочным представителем ВЧК по Петроградскому военному округу, с октября 1922 года также командующим войсками ГПУ Петроградского ВО. С июня 1922 года член Коллегии ГПУ, затем начальник Петроградского губернского отдела ОГЛУ и полномочный представитель ОГЛУ в Петроградском (Ленинградском) ВО. С сентября 1923 г. член Коллегии ОГПУ. В 1926–1927 годах член Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). С октября 1929 года начальник ИНО ОГПУ и 2-й зам. председателя ОГПУ, уполномоченный ОГПУ при СНК РСФСР. В 1930–1934 годах член ЦКК ВКП(б).

25 июля 1931 года был снят с занимаемых должностей и вместе с Л.Н. Вельским, Е.Г. Евдокимовым, И.А. Воронцовым и Я.К. Ольским уволен из органов ОГПУ за, как говорилось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 августа, «совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ», распространение «совершенно несоответствующих действительности разлагающих слухов о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым делом»», расшатывание «железной дисциплины среди работников ОГПУ».

В августе 1931 года был назначен членом коллегии Наркомвнешторга СССР. С 1936 года член совета при Наркомвнешстор-ге

и председатель ВО «Совмонголтувторг», в 1937 году председатель Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты НКВТ, член президиума Торгово-промышленной палаты СССР.

Награжден орденом Красного Знамени (1926).

Арестован 15 июня 1937 года по обвинению в членстве в ПОВ («Польская организация войскова») и шпионаже в пользу Польши с 1918 года. 2 сентября 1937 года комиссией в составе наркоза внутренних дел, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

МИРОНОВ (настоящая фамилия Каган) Лев Григорьевич (1895–1938). Начальник КРО (3-го отдела) ГУГБ НКВД СССР (1936–1937). Комиссар госбезопасности 2 ранга (1935). Родился в Пирятине Полтавской губ. в семье чиновника Общества взаимного кредита. В 1914 году окончил гимназию в Лубнах Полтавской губ., в 1917 году два курса юридического факультета Киевского университета. В декабре 1916 — августе 1917 года состоял в «Бунде». В январе 1918 года вступил в РСДРП(б). Член президиума, зам. председателя Пирятинского уездного ревкома, уездный комиссар внутренних дел. С марта 1918 года в Красной армии, политрук 9-го Советского полка. С февраля 1919 года после восстановления Советской власти на Украине вновь на работе в Полтавской губ. — председатель Пирятинской уездной ЧК, зам. зав. губернского отдела юстиции, председатель коллегии обвинителей Полтавского ревтрибунала. С июня 1919 года после начала деникинского наступления на Украине вновь в Красной армии — помощник начальника информации Особого отдела Полтавской группы войск. Затем на политработе в Красной армии в Средней Азии — в октябре 1919 — феврале 1920 года инструктор Политуправления Туркестанского фронта, в феврале — декабре 1920 года начальник политотдела Аму-дарьинской группы войск, в 1921 годк председатель реввоентрибунала Самаркандо-Бухарской

группы войск, в 1922–1923 годах зам. наркома юстиции Туркестанской АССР.

С мая 1924 года в органах ОГПУ: начальник 5-го отделения (внешняя торговля) Экономического управления ОГПУ СССР, с апреля 1926 года он уже помощник начальника ЭКУ ОГПУ СССР; в феврале 1930 года назначен полномочным представителем ОГПУ по Средней Азии, с апреля 1931 года вновь зам. начальника ЭКУ ОПТУ, с августа 1931 года возглавляет экономическую контрразведку, одновременно с мая 1933 года член Коллегии ОГПУ СССР. После ликвидации в ноябре 1936 года ЭКО ГУГБ НКВД и образования КРО был назначен начальником КРО ГУГБ НКВД СССР (с декабря — 3-го отдела ГУГБ).

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды (декабрь 1932), двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

4 апреля 1937 года приказом наркома Н.И. Ежова во главе специальной группы работников НКВД был направлен в Сибирь и на Дальний Восток для «выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп на железных дорогах… и в армии». Многолетняя совместная работа с Г.Г. Ягодой и Г.Е. Прокофьевым пагубно сказалась на судьбе Миронова. 14 июня 1937 года он был арестован, 29 августа 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

МОГИЛЕВСКИЙ Соломон Григорьевич (1885–1925). Руководитель внешней разведки в 1921–1922 годах. Родился в Екатеринославской губ., из купеческой семьи. Учился в гимназии. В 1903 году вступил в Павлоградскую организацию РСДРП, был арестован, выпущен под залог. Эмигрировал. В начале 1905 года в Женеве примкнул к большевикам, возглавляемым В.И. Лениным. По возвращении в Россию с 1906 года работал пропагандистом в Брянском и Железнодорожном

районах Екатеринославской организации. Затем учился на юридическом факультете Петербургского университета; был парторганизатором и пропагандистом. Неоднократно арестовывался. Переехал в Москву. С 1908 года отошел от активной партийной работы. С 1916 года служил под Минском в нестроевой армейской части. После Февральской революции 19–17 года был избран членом Минского комитета РСДРП(б), исполкома Минского Совета и солдатского комитета Западного фронта. Участвовал в Апрельской конференции РСДРП(б) 1917 года. В августе после демобилизации был направлен пропагандистом на Северный фронт, затем на партийную работу в Иваново-Вознесенск.

В Октябрьские дни 1917 года находился в Минске, состоял в ВРК, затем снова в Иваново-Вознесенске, был комиссаром промышленности, комиссаром юстиции и председателем ревтрибунала. С весны 1918 года зам. зав. отделом Наркомюста РСФСР, член Коллегии обвинителей Верховного трибунала Республики. Работал в Саратовской губЧК, в органах Наркомюста Украины, был зам. председателя ревтрибунала 12-й армии.

Решением Оргбюро ЦК РКП(б) направлен в распоряжение ВЧК. С октября 1919 года зав. следственной частью, зам. зав. Особого отдела Московской ЧК, участвовал в ликвидации контрреволюционной организации «Национальный центр». В 1920 году особоуполномоченный Особого отдела ВЧК В 1921 — начальник 14-го (восточного) спецотделения 00 ВЧК В августе 1921 года был назначен руководителем внешней разведки.

В мае 1922 года был направлен полномочным представителем ГПУ в ЗСФСР. Занимал должность председателя Закавказской ЧК и одновременно командующего внутренними и погранвойсками Закавказской Федерации. С конца 1923 года член Коллегии ОГПУ при СНК СССР и полпред ОГПУ в ЗСФСР. Участвовал в подавлении антисоветского меньшевистского мятежа в Грузии летом 1924 года. Погиб в авиакатастрофе в Грузии вместе с первым секретарем Закавказского крайкома РКП(б) А.Ф.

Мясниковым и наркомом почт и телеграфов ЗСФСР Г.А. Атарбековым.

МОСКВИН Иван Михайлович (1890–1937), партийный деятель. Сын конторщика, родился в Твери. Учился в Петербургском горном институте (не окончил). В 1911 вступил в РСДРП, большевик. В 1912–1914 годах член Петербургского комитета РСДРП. Неоднократно арестовывался. В 1917–1919 годах на партработе в Железнодорожном районе Петрограда, член Петроградского горкома РКП(б), сотрудник губернского исполкома. С 1921 года зав. отделом Петроградского комитета РКП(б), в 1924–1926 годах зав. отделом и секретарь Северо-Кавказского бюро ЦК ВКП(б). В 1923–1927 годах кандидат в члены ЦК. С 1926 года зав. организационно-распорядительным отделом ЦК ВКП(б). Один из главных оппонентов Г.Е. Зиновьева. После снятия Зиновьева Москвин был переведен в Москву, где он стал любимцем Сталина. Пытаясь приблизить к себе Москвина, Сталин звал на охоту, приглашал на свои грузинские пиры, но Москвин избегал этих приглашений, т. к. он в своей жизни не выпил ни одной рюмки вина или даже пива, не выкурил ни одной папиросы, не любил грубоватых словечек и не желал менять своих привычек. Покровительствовал своему сотруднику Н.И. Ежову, продвигая его на руководящие посты. Москвин вызвал Ежова в Москву, сделал его инструктором в своем отделе, потом помощником, затем перевел в свои заместители. В те годы Ежов болел и Софья Александровна хлопотала вокруг него, называя его «воробышек». Ежов перестал появляться у Москвина после его ухода из ЦК.

С 19 декабря 1927 года по 2 октября 1932 года Москвин — кандидат в члены секретариата ЦК. В 1927–1934 член оргбюро ЦК и член ЦК ВКП(б). С 1930 начальник сектора кадров ВСНХ и Наркомата тяжелой промышленности СССР. С 1934 года работал в аппарате Комиссии советского контроля при СНК СССР. В июне 1937 года арестован. 27 ноября 1937 года приговорен к

смертной казни. Расстрелян. В 1956 году реабилитирован и восстановлен в партии.

ПАВЛУНОВСКИЙ Иван Петрович (1888–1937). Член Коллегии ОГПУ с января 1927 по октябрь 1929 года. Родился в д. Реут Фатежского уезда Курской губ. Член коммунистической партии с 1905 года. Участник революции 1905–1907 годов. Участник Первой мировой войны, окончил школу прапорщиков, подпоручик. После Февральской революции 1917 года председатель Петергофского Совета, член президиума Царскосельского Совета, входил в состав Петроградского Совета. При ликвидации корниловского мятежа командовал отрядом Красной гвардии. Во время Октябрьского вооруженного восстания член Петроградского ВРК. В конце 1917 — начале 1918 годов командовал красногвардейскими отрядами на Украине и в Белоруссии. С августа 1918 года председатель ЧК 5-й армии Восточного фронта, затем председатель Уфимской ЧК. В августе 1919 — феврале 1920 года 1-й зам. начальника Особого отдела ВЧК (Ф.Э. Дзержинского). С февраля 1920 года полномочный представитель ВЧК по Сибири, член Сиббюро ЦК РКП(б), с 1922 года одновременно — уполномоченный НКПС по Сибири. С января 1926 года — полномочный представитель ОГПУ в Закавказье. С февраля 1928 года — зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР, с 1930 года — зам. председателя ВСНХ СССР, с 1932 г. — зам. наркома тяжелой промышленности СССР (во всех трех последних случаях — зам. Г.К. Орджоникидзе). В декабре 1935 года был назначен начальником Главного управления военной промышленности, в декабре 1936 года — начальником Главтрансмаша наркомата тяжелой промышленности, в 1937 году — начальником мобилизационного отдела наркомата тяжелой промышленности.

Член ЦКК ВКП(б) в 1927–1934 годах, кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 года.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Арестован в июне 1937 году. Расстрелян по приговору Военной коллегии ВС СССР. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

ПЕТЕРС Яков Христофорович (1886–1938). И.о. председателя ВЧК (июль-август 1918). Родился в с. Никратце Курляндской губ. (ныне Кулдигский район Латвии) в крестьянской семье. С 8 лет пас скот, батрачил в имениях баронов. Окончил двухклассную школу. В 1904 году переехал в Либаву (Лиепая). В мае этого же года вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию. (Стаж в РКП засчитывался ему с 1904 года). Работал в партийном подполье вместе с известными впоследствии советскими государственными деятелями Я.Д. Ленцманом, Я.Д. Янсоном, Х.И. Салнынем. Активный участник революции 1905–1907 годов в Латышском крае. Был арестован, в тюрьме подвергался пыткам, но за недоказанностью вины был освобожден. Опасаясь новых репрессий, в 1909 году эмигрировал в Гамбург, а затем в Лондон. Являлся секретарем лондонской эмигрантской группы ЛСДРП, состоял в Британской социалистической партии. В 1915 году был избран членом Европейского бюро ЛСДРП.

В мае 1917 года вернулся в Латвию. Работал в Исполкоме латышских стрелков (Исколат), вел антивоенную агитацию на Северном фронте. Был избран членом ЦК социал-демократии Латвии (СДЛ), был одним из редакторов органа ЦК СДЛ — газеты «Циня» («Борьба»), В октябрьские дни 1917 года комиссар Петроградского ВРК. На II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. 7(20) декабря 1917 года был утвержден членом Коллегии, помощником председателя и казначеем ВЧК. На следующий день по поручению Ленина руководил арестами сотрудников поезда американской военной миссии Красного Креста, вместе с офицерами русской армии готовившими отправку на Дон к генералу Каледину автомобили и др. технику. При переезде Совнаркома в Москву вместе с К.А. Петерсоном руководил охраной правительственного поезда. В апреле 1918 года вместе с Ф.Э. Дзержинским возглавлял операцию по ликвидации вооруженных отрядов анархистов в Москве, руководил ликвидацией отделения «Союза защиты Родины и свободы» Б. Савинкова в Москве и Казани.

7 июля, после подавления мятежа левых эсеров и заявления Дзержинского об отставке, постановлением СНК РСФСР был назначен временным председателем ВЧК, а 22 августа после возвращения Дзержинского на этот пост утвержден его заместителем. Руководил следствием по делу Фанни Каплан, стрелявшей в Ленина, и операцией по т. н. «заговору послов», включая аресты и следствие.

27 марта 1919 года был утвервден членом Коллегии ВЧК нового состава. Работал в Московском ревтрибунале и возглавил штаб по борьбе с контрреволюцией в Москве. В мае 1919 года был направлен чрезвычайным комиссаром Петрограда и прифронтовой полосы «по очистке города от контрреволюционных банд», с мандатом от Совета обороны РСФСР. Был назначен начальником внутренней обороны Петрограда. Издал распоряжение об аресте членов семей перешедших к белогвардейцам командиров Красной армии, провел чистку комсостава гарнизона, в результате которой было арестовано более 200 человек, руководил операцией по изъятию оружия у населения. Были среди его распоряжений и такие, как запрещение катания на лодках по Неве и другим рекам, отключение от городской телефонной сети всех частных телефонов. Вместе с уполномоченным ЦК и Совета обороны Сталиным руководил подавлением мятежа на форте Красная Горка.

15 августа 1919 года вернулся в Москву и сразу же выехал в Киев. 22 августа Советом обороны УССР и РВС 12-й армии назначен комендантом Киевского укрепрайона и начальником гарнизона. После оставления Красной армией города вместе с ВУЧК эвакуировался в Гомель, был ранен в результате покушения.

В октябре 1919 года член Военного совета укрепрайона в Туле. В 20-х числах октября по поручению Ленина выехал в Петроград, участвовал в обороне города от наступавших войск Юденича. В середине ноября был назначен членом Особого комитета при Совете Обороны по проведению военного положения на железных дорогах.

В феврале 1920 года был направлен на освобожденный от деникинцев Северный Кавказ — полномочным представителем ВЧК, комиссаром железной дороги и председателем Ростовского ВРК. В июле 1920 года утвержден председателем Верховного ревтрибунала при ВЦИК. С конца июля член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) первого состава и полномочный представитель ВЧК в Туркестане; был избран членом президиума ТуркЦИК, руководил операциями против войск атаманов Дутова и Анненкова, басмачей Энвер-паши и др. С февраля 1922 года член Коллегии и начальник Восточного отдела 1Т1У. С 1925 года был главным инспектором погранвойск ОГПУ. С 1923 года избирался на съездах партии членом ЦКК, с 1924 года — членом Коллегии наркомата РКП.

31 октября 1929 года освобожден от обязанностей члена Коллегии и начальника ВО ОГПУ. В конце 1929 года руководил комиссией по чистке сотрудников учреждений Академии наук СССР.

В 1930–1934 годах председатель МКК ВКП(б), член президиума ЦКК На XVII съезде избран членом бюро КПК при ЦК ВКП(б); избирался членом ВЦИК. Награжден орденом Красного Знамени.

Арестован 26 ноября 1937 года по ордеру, подписанному 1-м зам. наркома внутренних дел М.П. Фриновским, без санкции прокурора, на основании показаний бывшего зам. председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова. На допросе Петерс «показал», что с 19Ю года сотрудничал с царской охранкой, с 1923 года — с латвийской военной разведкой. Далее «признал», что с 1917 года являлся агентом английской разведки, завербовал для работы на англичан Х.С. Петросьяна и А.Х. Артузова. Дело Петерса вели помощник начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД Ильицкий и зам. начальника 13-го отделения этого же отдела Шнейдерман.

25 апреля 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации он приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания, вину свою признал, и в тот же день был расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

ПРОКОФЬЕВ Георгий Евгеньевич (1895–1937). Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Зам. председателя ОГПУ — наркома внутренних дел СССР в 1932–1937 годах. Родился в Киеве в семье чиновника. Дворянин. Окончил гимназию, юридический факультет Киевского университета и один курс Коммерческого института.

Участник революционного движения с 1915 года. В 1916–1919 годах — анархо-коммунист, принимал участие в революционных событиях 1917 года в Киеве. В 1918–1919 годах — на подпольной работе на Украине. С декабря 1919 года член РКП(б).

В 1919–1920 годах начальник политико-просветительного отдела 12-й, затем 1-й Конной армий. После демобилизации служил политработником на железнодорожном транспорте.

В сентябре 1920 года по рекомендации Ф.Э. Дзержинского был принят в органы ВЧК. Занимал должность помощника начальника Закордонной части Особого отдела ВЧК, уполномоченного 6-го и 12-го спецотделений ИНО ВЧК, одновременно с мая по декабрь 1921 года — помощника начальника 15-го спе-цотделения Особого отдела ВЧК, зам. начальника Закордонной части ИНО ВЧК-ГПУ. С июля 1922 по февраль 1924 года — помощник начальника ИНО ГПУ/ОГПУ, одновременно в ноябре-декабре 1922 года — помощник начальника Особого бюро при СОУ ГПУ по административной высылке антисоветски настроенной интеллигенции.

С февраля 1924 по июль 1926 года работал начальником информационного отдела ОГПУ СССР и по совместительству в июле — октябре 1925 года и.о. начальника отдела политконтроля ОГПУ (в ноябре 1925 года отдел политконтроля был объединен с информационным отделом).

В феврале 1926 года, продолжая оставаться начальником информационного отдела ОГПУ, был назначен начальником

Экономического управления ОГПУ; в этой должности проработал до августа 1931 года. С октября 1929 года был членом Коллегии ОГПУ. Одновременно с ноября 1930 по август 1931 года был членом Президиума ВСНХ и уполномоченным СТО СССР по строительству автомобильного завода в Нижнем Новгороде; с апреля 1931 года — начальником Управления Беломорстроя НКПС СССР. В августе — октябре 1931 года — начальник Особого отдела ОГПУ. С октября 1931 года — зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР.

С ноября 1932 года — зам. председателя ОГПУ СССР, одновременно с декабря 1932 по январь 1934 года — начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции ОГПУ. Также состоял членом Комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам; с февраля 1934 года — членом Комиссии советского контроля при СНК СССР.

С образованием НКВД СССР в июле 1934 года — 2-й зам. наркома внутренних дел СССР, с сентября 1934 года по совместительству — уполномоченным НКВД СССР при СНК РСФСР и председателем Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо».

В сентябре 1936 года был освобожден от постов в НКВД и назначен 1-м зам. наркома связи СССР. В январе 1937 года был выведен из состава Комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам, затем переведен в запас ГУГБ НКВД.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ» (Рабоче-крестьянской милиции).

В апреле 1937 года был арестован по обвинению в участии в антисоветском заговоре в НКВД и подготовке террористического акта против наркома Ежова. 14 августа приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

РЕДЕНС Станислав Францевич (1892–1940). Член Коллегии ОГПУ с октября 1929 по 1934 годы. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Родился в г. Минск-Мазовецкий Ломжинской губ. Царства Польского в семье сапожника. Вырос в с. Каменское Екатеринославской губ. (ныне Днепродзержинск), работал рассыльным, электромонтером на Днепровском металлургическом заводе, окончил училище при заводе. С сентября 1914 года в армии, рядовой запасного саперного батальона, демобилизован по болезни. Член коммунистической партии с 1914 года. С 1915 года вновь работал электромонтером на Днепровском металлургическом заводе, затем на заводах в Екатеринославе. Участник Февральской революции, член Совета Екатеринославского гарнизона, секретарь Каменского комитета партии и союза металлистов, участвовал в разоружении казачьих полков и в боях с петлюровцами, секретарь Польской группы СДКПиЛ. С 1918 года в Москве, рабочий завода «Проводник». Был принят на работу в ВЧК — следователь, секретарь Президиума ВЧК, секретарь председателя ВЧК и МЧК. В апреле — августе в Одесской ЧК, зав. юридическим и следственным отделами. С августа член коллегии Киевской губЧК. После освобождения Красной армией Одессы с февраля по июль 1920 года — председатель губЧК С августа по декабрь 1920 года возглавлял Харьковскую, с декабря 1920 по июль 1921 года. Крымскую губЧК. С мая 1921 года зам. начальника, с сентября — начальник административно-организационного управления ВЧК С сентября 1922 по июнь 1924 года начальник Крымского облотдела ГПУ — председатель ГПУ Крымской АССР, одновременно с мая 1924 года — начальник Особого отдела Черноморского флота. В июне 1924 года был отозван в Москву. Был назначен секретарем Президиума ВСНХ, помощником председателя ВСНХ Ф.Э. Дзержинского, начальником национального отдела ВСНХ СССР. В 1926 году после смерти Дзержинского переведен в ЦКК-РКИ, секретарь коллегии, управляющий делами наркомата. С 1928 года вновь на работе в ОГПУ. С ноября 1928 года — полномочный представитель ОГПУ в ЗСФСР, председатель ГПУ ЗСФСР. С марта 1931 года — полномочный представитель ОГПУ по Белорусскому ВО, председатель ГПУ БССР, с августа 1931 по февраль 1933 года полномочный представитель ОГПУ по УССР, председатель ГПУ

Украины. В феврале 1933 года был назначен полномочным представителем ОГПУ по Московской области (с июля 1934 года начальник УНКВД). В январе 1938 — январе 1939 года нарком внутренних дел Казахской ССР.

Член ЦКК ВКП(б) в 1927–1934 годах. Член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) с 1934 г. Член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР. Был женат на сестре Н.С. Аллилуевой, жены И.В. Сталина.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени УССР и ЗСФСР, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Арестован 22 ноября 1938 году. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 21 января 1940 года. Посмертно реабилитирован.

СТАСОВА Елена Дмитриевна (1873–1966), деятель революционного движения, член коммунистической партии с 1898 года, член Петербургского «Союза борьбы». В 1904–1906 годах секретарь Северного бюро ЦК, ПК, Русского бюро ЦК РСДРП. После Февральской революции секретарь ЦК партии (до 1920 года), делегат VI съезда, в дни Октябрьского вооруженного восстания руководила выпуском информационного бюллетеня ЦК РСДРП(б). В 1918 году член Президиума Петроградской ЧК, член и секретарь Петроградского бюро ЦК, в 1918–1920 годах член ЦК РКП (б). В 1920–1921 годах зав. орготделом Петроградского комитета РКП(б), затем на партийной, общественной и литературной работе. Член ЦКК ВКП(б) в 1930–1934 годах. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

СТОМОНЯКОВ Борис Спиридонович (1882–1941). Активный участник революционного движения в России, советский

дипломат. Родился в Одессе. Учился в Горном институте. Член Коммунистической партии с 1902 года. В 1921 году — уполномоченный НКВТ РСФСР в Германии; в 1921–1925 годах — торговый представитель РСФСР (с 1923 года — СССР) в Германии, одновременно в 1924–1925 годах — зам. народного комиссара внешней торговли СССР; в 1923–1926 годах — член Коллегии НКВТ СССР. В 1926–1934 годах — член Коллегии НКИД СССР; в мае 1934 — августе 1938 года — зам. наркома иностранных дел СССР. Арестован в декабре 1938 года, приговорен к расстрелу в июле 1941 года, расстрелян 16 октября 1941 года. Реабилитирован.

ТРИЛИССЕР Михаил (Меер) Абрамович (1883–1940). Зам. председателя ОГПУ в 1926–1929 годах. Руководитель внешней разведки в 1922–1929 годах. Родился в Астрахани в семье сапожника. Окончил городское реальное училище. Работал в Одессе. С 1901 года состоял членом Южной революционной группы социал-демократов; был арестован и выслан в Астраханскую губ. под надзор полиции. В начале революции 1905–1907 годов находился в Казани, вел пропагандистскую работу среди солдат. Был направлен большевистским ЦК в военный комитет Петрограда для руководства Финляндской военной организацией РСДРП. В Таммерфорсе (Тампере) занимался организацией I партийной конференции (декабрь 1905 года). В июле 1907 года был арестован, в 1909 году приговорен к 8 годам каторжных работ; содержался в Шлиссельбургской крепости, затем выслан на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции редактировал иркутскую газету «Голос социал-демократа», работал в военной организации Иркутского комитета РСДРП(б). С марта 1917 года секретарь Иркутского совета. В октябре 1917 года на I Общесибирском съезде Советов был избран членом Центрального исполкома Советов Сибири, одновременно являлся членом губкома РСДРП(б). В декабре 1917 года участвовал в подавлении

контрреволюционного мятежа юнкеров в Иркутске, в 1918 году был избран членом президиума Сибирского военного комиссариата, с июня являлся зам. председателя, и комиссаром Сибирского верховного командования, начальником штаба Прибайкальского фронта. Осенью 1918 года участвовал в создании партийного подполья в Приамурье, в апреле 1919 года был избран председателем Амурского обкома РКП(б), с августа член областного военно-революционного полевого штаба. С мая 1920 года председатель Амурского областного ревкома и секретарь обкома РКП(б), затем — комиссар Дальневосточной республики по Амурской обл., член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) и Государственной политической охраны ДВР.

С августа 1921 года в ВЧК, начальник закордонной части ИНО, одновременно зав. Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. С декабря 1921 года — помощник начальника ИНО ВЧК-ГПУ, с мая 1922 по октябрь 1929 года начальник ИНО ГПУ-ОГПУ, одновременно с марта 1926 г. зам. председателя ОГПУ. С 1928 года уполномоченный ОГПУ при СНК РСФСР. Сочетал руководящую работу с конкретной оперативной и вербовочной деятельностью. При его участии были выявлены секретные агрессивные планы Японии, получена информация о террористической активности белогвардейцев-эмигрантов в Берлине. Выезжал нелегально в Берлин, встречался за границей с агентами.

По предложению И.В. Сталина, был привлечен к работе в системе партийно-государственного контроля. В 1927–1934 годах член ЦКК, а с 1930 года член президиума ЦКК ВКП(б) и член ВЦИК. В 1930–1934 годах зам. наркома РКИ РСФСР. На XVII съезде ВКП(б) был избран членом Комиссии советского контроля при СНК СССР, являлся ее уполномоченным по Дальневосточному краю.

В 1935–1938 годах член президиума и кандидат в члены секретариата исполкома Коминтерна (под псевдонимом Москвин). Курировал спецслужбы Коминтерна, входил в комиссию секретариата ИККИ по переводу в ВКП(б) членов зарубежных компартий.

Награжден орденом Красного Знамени.

Арестован 23 ноября 1938 года. 1 февраля 1940 года приговорен Военной коллегией Верховного суда к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

УНШЛИХТ Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938). Зам. председателя ВЧК-ГПУ (1921–1923). Родился в Млаве Плоцкой губернии (Польша) в семье служащего. Окончил Высшие технические курсы в Варшаве по специальности «Электротехника». С 1896 года участвовал в революционном движении, в 1900 году вступил в Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), член Варшавского, Лодзинского окружного комитетов и Краевого правления СДКПиЛ. Принимал участие в работе V съезда РСДРП в 1907 году. Много раз подвергался арестам (в 1902, 1903, 1906, 1907, 1909, 1913 годах), тюрьмам и ссылкам. В 1917 году член исполкома Иркутского Совета и комитета партии большевиков. С апреля в Петрограде, член исполкома Петроградского Совета. Делегат VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). По списку большевиков (от Петроградской организации РСДРП(б)) был избран в Учредительное собрание.

В июле 1917 года был арестован, заключен в «Кресты». В дни Октябрьского вооруженного восстания член Петроградского ВРК, член ВЦИК В декабре 1917 года был назначен членом Коллегии НКВД, председателем Комиссии по делам военных и беженцев (Центропленбеж). В феврале 1918 года один из организаторов обороны против германских интервентов в районе Пскова. С февраля 1919 года нарком по военным делам Литовско-Белорусской советской социалистической республики, с апреля зам. председателя Совета обороны Литвы и Белоруссии, член ЦК и президиума ЦК КП ЛитбелССР, член РВС 16-й армии. Во время советско-польской войны 1920 года член Польского бюро ЦК РКП(б) и РВС Западного фронта (в декабре 1919 — апреле 1921 годов), курировал особые отделы и военную разведку. 5 апреля

1921 года по решению политбюро ЦК РКП(б) занял пост зам. председателя ВЧК (затем ГПУ). С сентября 1921 года член Совета частей особого назначения при ЦК РКП(б), 8 ноября 1921 года по постановлению Президиума ВЧК по совместительству председатель Московской чрезвычайной комиссии (МЧК). В 1923 году входил в состав комиссии ЦИК СССР по выработке положения об ОГПУ. Параллельно вел работу в Коминтерне. Был участником событий т. н. «Немецкого Октября», занимался организацией вооруженных отрядов и подбором кадров для будущей немецкой ЧК, являлся членом постоянной военной (военно-конспиративной) комиссии при Орготделе ИККИ.

С ноября 1923 года — член РВС СССР и начальник снабжения РККА. С февраля 1925 года — зам. наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе (после его смерти в октябре 1925 года — К.Е. Ворошилова). Был одним из организаторов и руководителей массовых добровольных оборонных организаций (Цоброхим, Авиахим, Осоавиахим). Курировал военнукг разведку (был инициатором т. н. «активной разведки» против Польши и Румынии) и Особое техническое бюро.

С 1930 года на хозяйственной работе. Член Президиума и зам. председателя ВСНХ СССР, зам. председателя Госплана СССР, затем Главный государственный арбитр при СНК СССР. В 1933–1935 годах он возглавлял Главное управление Гражданского воздушного флота при СНК СССР.

Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIII съезде РКП(б) был избран членом ЦРК, на XIV, XV, XVI, XVII съездах партии — кандидатом в члены ЦК На VII съезде Советов в феврале 1935 года был избран секретарем Союзного Совета ЦИК СССР.

Награжден орденом Красного Знамени.

11 июня 1937 года был арестован по делу «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии». 28 июля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 28 (по некоторым данным 29) июля 1938 года. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

УРИЦКИЙ Моисей Соломонович (1873–1918). Председатель Петроградской ЧК в марте — августе 1918 года. Родился в Черкассах. Окончил юридический факультет Киевского университета в 1897 году. В революционном движении принимал участие с начала 90-х годов. После II съезда РСДРП — меньшевик. Арестован и направлен в ссылку в 1906 году. В 1914 году эмигрировал за границу. После Февральской революции 1917 года возвратился в Россию. На VI съезде РСДРП(б) вместе с «межрайонцами» принят в партию и избран членом ЦК, на VII съезде — кандидатом в члены ЦК. В октябре 1917 года — член Военно-революционного комитета, временный комиссар в МИД, Комиссар СНК по выборам в Учредительное собрание. В январе 1918 года во время отпуска Дзержинского исполнял обязанности председателя ВЧК.

С февраля 1918 года — член Комитета революционной обороны Петрограда. 10 марта назначен председателем Петроградской ЧК. Одновременно комиссар иностранных и внутренних дел Союза Коммун Северных областей, с июля 1918 года, после левоэсеровского мятежа — председатель Военно-революционного комитета Петрограда. По всем вопросам вынесения смертных приговоров в ПЧК Урицкий голосовал против или воздерживался, в связи с чем делегаты 1-й Всероссийской конференции ЧК в июне 1918 года требовали его отставки.

30 августа 1918 года убит бывшим юнкером Леонидом Каннегисером. Похоронен на Марсовом поле.

ФРУНЗЕ Михаил Васильевич (1885–1925). Советский государственный, партийный и военный деятель. Член партии большевиков с 1904-го. В 1905 году руководил Иваново-Вознесенской стачкой. В 1909–19Ю годах дважды приговаривался к смертной казни. В 1910–1915 годах — на

каторге, бежал. Вел революционную работу в армии. Участник Октябрьской революции. После Октябрьской революции — председатель Иваново-Вознесенского губисполкома и губкома РКП(б). В гражданскую войну командовал армией, Южной группой войск Восточного фронта и Восточным фронтом при разгроме армий Колчака. В 1919–1920 годах командовал Туркестанским фронтом, в 1920 году, — Южным фронтом при разгроме войск Врангеля. В декабре 1920 — марте 1924 года — уполномоченный РВСР на Украине, командующий войсками Украины и Крыма и одновременно член Политбюро ЦК КП(б)У. С марта 1924 года — зам. председателя РВС СССР и зам. наркома по военным и морским делам СССР. Одновременно с апреля 1924 года — начальник Штаба РККА и начальник Военной академии. С января 1925 года — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам СССР. Член ЦК партии с 1921 года, кандидат в члены Политбюро ЦК с 1924 года. Член ВЦИК с 1918 года и ЦИК СССР.

ЯГОДА Генрих Григорьевич (1891–1938). Народный комиссар внутренних дел СССР (1934–1936). Генеральный комиссар госбезопасности (1935), Родится в Рыбинске Ярославской губ. в семье гравера-печатника, работавшего подмастерьем у разных хозяев. В семье было еще четверо детей. Приходился троюродным братом Я.М. Свердлову, впоследствии женился на его племяннице Иде Леонидовне. Учился в гимназии в Симбирске и Нижнем Новгороде; сдал экстерном экзамены за 8-й класс. Участник революции 1905–1907 годов. В 1907 году вступил в РСДРП, примыкал к анархистам-коммунистам. В официальной автобиографии в советское время Ягода писал, что в 1911 году был арестован за революционную деятельность и два года провел в ссылке. На самом деле он был выслан из Москвы и до 1913 года жил в Симбирске и Нижнем Новгороде. В 1913 году переехал в Москву, затем в Петроград, работал в больничной кассе Путиловского завода. В 1915 году был мобилизован и отправлен в действующую армию. Вероятно, в этот период примкнул в большевикам. В дни Февральской революции 1917 года в Петрограде член петроградской военной организации большевиков, занимался формированием отрядов Красной гвардии. После Октябрьской революции, с начала 1918

года сотрудник Высшей военной инспекции, в качестве ее представителя до 1919 года находился на Южном и Юго-Западном фронтах.

С 1919 года на службе в ВЧК, управляющий делами Особого отдела. С 1920 года член Коллегии, в 1921–1922 годах — зам. начальника, начальник Особого отдела ВЧК-ГПУ, с ноября 1923 года 2-й зам. председателя, с июля 1927 года по совместительству — начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ. С августа 1926 года — фактически 1-й зам. председателя ОГПУ, в октябре 1929 года утвержден в этой должности формально, в июле 1931 года после конфликта в руководстве ОГПУ понижен до 2-го зам. и оставался на этом посту до ликвидации ОГПУ, при вакантной с октября 1932 года должности 1-го зам. председателя. Постоянно болевший в последние годы жизни председатель ОГПУ (с июля 1926 года) В.Р. Менжинский практически не руководил ведомством госбезопасности, все организационные и оперативные вопросы решал Ягода. Неоднократно был отмечен правительственными наградами. В 1927 году в связи с 10-летием ВЧК-ГПУ-ОГПУ, в числе 35 чекистов, был награжден орденом Красного Знамени «за боевые отличия в борьбе с контрреволюцией, шпионскими, бандитскими и другими враждебными Советской власти организациями, а также за боевые заслуги на фронтах». Второй орден Красного Знамени он получил в 1930 году, в 1932 году — орден Трудового Красного Знамени Закавказской федерации, в 1933 году — орден Ленина, за участие в руководстве строительством Беломорско-Балтийского канала. В декабре 1933 года его имя было присвоено Высшей пограничной школе ОГПУ, позднее Болшевской трудовой коммуне НКВД.

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР ОГПУ было реорганизовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) и вошло в состав НКВД. Ягода был назначен наркомом внутренних дел СССР. На этом посту проявил себя как один из главных исполнителей массовых репрессий. Но дни его были сочтены. 25 сентября 1936 года И.В. Сталин, находившийся на отдыхе в Сочи, вместе с А.А. Ждановым направил в Политбюро ЦК телеграмму следующего содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновь-евского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

26 сентября 1936 года Ягода был снят с поста наркома НКВД и назначен народным комиссаром связи СССР. Его место занял Ежов. 29 января 1937 года ЦИК СССР принял решение о переводе генерального комиссара государственной безопасности Г.Г. Ягоды в запас. 29 марта 1937 года он был арестован по обвинению в участии в т. н. «правотроцкистском блоке». Был приговорен на открытом процессе «право-троцкистского блока» (дело Бухарина, Рыкова и др.) к высшей мере наказания. 15 марта 1938 года приговор был приведен в исполнение.

ЯКОВЛЕВА Варвара Николаевна (1884–1941). Член Коллегии ВЧК в мае 1918 — марте 1919 года, зампред ВЧК в июле 1918 — январе 1919 годов. Родилась в Москве, дочь купца. Окончила Высшие женские курсы по специальности «Математика»; ее муж — профессор, известный астроном, большевик П.К. Штернберг, брат — видный большевик Н.Н. Яковлев, в 1918 году убит белогвардейцами в Сибири. За участие в революционном движении неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. В октябре 1917 года она входила в Московский боевой партийный центр РСДРП(б) по руководству вооруженным восстанием. С мая 1918 года член Коллегии ВЧК, зам. начальника отдела по борьбе с контрреволюцией, начальник отдела по борьбе с преступлениями по должности, зам. пред. ВЧК с июля 1918-го.

После убийства М.С. Урицкого была направлена в Петроградскую ЧК, исполняла обязанности зам. председателя Чрезвычайной комиссии, с начала октября до конца 1918 года возглавляла ее, по совместительству оставаясь зампредом ВЧК. Единственная женщина в истории советских органов госбезопасности, достигшая таких постов.

В январе 1919 года отозвана в Москву; работала в ЦК РКП(б), в Наркомпроде РСФСР, управляющей делами ВСНХ. В 1920 году — член Сибирского бюро ЦК РКП(б), в 1920–1921 годах — секретарь МК РКП(б), в 1922–1929 годах — зам. наркома просвещения РСФСР, в 1929–1937 годах — нарком финансов РСФСР. Член ВЦИК, ЦИК СССР.

Арестована в 1937 году. Приговорена в 1938 году к 20 годам тюремного заключения. Расстреляна в Орловской тюрьме. Посмертно реабилитирована.

Список использованных источников

1. Архивные фонды документов:

Гуверовского университета (Стэнфорд, США); Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (Москва);

Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург);

Центрального государственного исторического архива мэрии Санкт-Петербурга;

Службы регистрации и архивных документов УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

2. Литература:

Агабеков Г. Секретный террор. М., 1997.

Алексеева Т., Матвеев Н. Доверено защищать революцию. М, 1987.

Алтаев Ал. История Глеба Бокия//

Андреев А.И. Оккультист Страны Советов. М., 2004. Барченко А.С. Александр Барченко, кем он был? // Наука и религия. 1997. № 7.

Башилов Б. История русского масонства. М., 1995.

Бегунов Ю. Тайные силы в истории России. СПб., 1995. Беликов В., Князев В. Рерих. М., 1987.

Берберова Н. Люди и ложи. М., 1997.

Бережков В.И. Питерские прокураторы. СПб., 1998. Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997.

Бричкина В. Глеб Бокий. // Герои Октября. М.-Л., 1967. Возвращенные имена. М., 1989.

Воробьев В.К. Воспоминания. П., 1924.

Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце, М, 2001.

Горький А.М. Соловки. // Собрание сочинений. Т.17. М., 1955.

Грекова Т.И. Тибетская медицина в России. СПб., 1999-

Демин В. Космист, чекист, хранитель тайн.// Наука и религия. 1997. № 4.

Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М.—Л., 1989.

Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. М., 1958.

Крылов В. Гениальный мистификатор или мистифицирующий гений? // Наука и религия. 1993. № 6.

Кузина С. Экстрасенс особого назначения.// Комсомольская правда. 3 апреля 2004.

Ленин и ВЧК. М, 1987.

Платонов О. Масонский заговор в России (1731–1995) // Наш современник. 1995. № 7.

Разгон Л.Э. Плен в своем отечестве. М., 1995.

Раскольников Ф. О времени и о себе. Л., 1989.

Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М., 1991.

Андреев А
Оккультист Страны Советов

Знающим тайну, Дюнхор Великое дает возможность созерцать мир и жизнь из Центра в бесконечность глазом Будды.

А.Барченко

Истинно, время Шамбалы пришло.

Н.Рерих

ОТ АВТОРА

Имя А.В. Барченко (1881–1938) стало известно сравнительно недавно и сразу же привлекло к себе всеобщее внимание. Литератор, ученый-парапсихолог, работавший в тесном контакте с В.М. Бехтеревым, и в то же время оккультист, последователь французского мистика А. Сент-Ива д’Альвейдра, создавший в 1920-е гг. в Петрограде эзотерический кружок «Единое Трудовое Братство» и пытавшийся организовать экспедиции в Афганистан и Тибет для установления связей с «братствами Шамбалы», якобы хранящими утерянную человечеством древнюю мудрость.

Искатель новых знаний, самоотверженный и целеустремленный, Барченко принадлежал к эпохе «героических 1920-х» с ее богоборчеством, насильственным насаждением пролетарской культуры и в то же время великим энтузиазмом и безудержным экспериментированием во всех областях науки и искусства. Увы, он в полной мере разделил судьбу своего поколения. Арест в мае 37-го поставил точку в жизни и исканиях этого необыкновенного человека, идеалом для которого служил погибший на костре Джордано Бруно.

Герои этой книги — А.В. Варченко и люди его времени — ученики, единомышленники, покровители, те, кто верил в возможность построения новой России на основе соединения науки и социализма и трудился ради этой цели. Впервые я попытался рассказать о них в статье «А.В. Варченко — русский искатель Шамбалы», опубликованной в 2002 г. на страницах петербургского альманаха «Невский архив». В том же году появилась и моя книга «Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России», первая часть которой была целиком посвящена А.В. Варченко. По суги, это была попытка воссоздания его биографии по немногим уцелевшим документам и воспоминаниям.

Предлагаемая ныне на суд читателей книга «Оккультист Страны Советов. Тайна доктора Варченко» представляет собой существенно переработанный — исправленный и расширенный за счет включения новых материалов — текст предыдущего издания. В ней читатель найдет много нового и интересного для себя — это прежде всего рассказ о сотрудничестве Варченко с В.М. Бехтеревым и бехтеревским Институтом мозга и о его собственной биофизической лаборатории, созданной в 1923 г. в Красково под эгидой Главнауки Наркомпроса. В приложениях к книге я привожу несколько новых документов — краткий автобиографический очерк А.В. Варченко, отрывок из письма духовного главы хасидов И.-И. Шнеерсона о встрече с Варченко и чудом сохранившиеся 4 письма Барченко В.М. Бехтереву (1920–1923 гг.), недавно обнаруженные мною в одном из петербургских архивов.

Приношу искреннюю благодарность А.Г. и О.А. Кондиайн, предоставившим для этой книги несколько рисунков Э.М. Кондиайн, относящихся к Лапландской экспедиции А.В. Барченко, московскому журналисту Олегу Шишкину, передавшему мне ряд интересных документов из Государственного архива РФ в Москве, петербуржцу Е.Л. Морозу за материалы о контактах Барченко с 6-м Любавичским ребе И.-И. Шнеерсоном, а также итальянскому исследователю Луиджино Колларину за присланные мне сведения и публикации об

идейном учителе моего героя — французском философе-оккультисте Александре Сент-Иве д’Альвейдре.

А.И. Андреев

Апрель 2006 г.

С-Петербург

Пролог

О Шамбале, ее обитателях и искателях

Людям свойственно мечтать о более совершенном мире, чем тот, в котором мы живем. Вероятно, именно поэтому в далеком от социального благополучия западном обществе получил такое распространение в XX веке буддийский миф о Шамбале — Счастливой стране совершенных людей, затерянной где-то в дебрях Центральной Азии. Известный культуролог и религиовед Мирче Элиаде, впрочем, считал, что тяга человека к мифам происходит из скрытого — «латентного» — желания «слышать истории» о происхождении миров и о том, что было «потом».[2] В переводе с санскрита слово «шамбала» означает «источник счастья» — место, где царят покой и безмятежность. Основным источником наших сведений о такой стране являются книги священного буддийского канона, Ганжура. Расположенная на севере мифического материка Джам-будвипа, который современные ученые обычно ассоциируют с индийским субконтинентом, Шамбала окружена цепью высочайших гор и потому недоступна для людей остального мира. Ее жители добродетельны и разумны; им неведомы болезни, голод и любые другие страдания. Большинство становится совершенными существами (буддами) еще при жизни благодаря изучению и практике учения, которое называется Калачакра (санскр. kalacakra) — Колесо времени. Одним словом, Шамбала в том виде, в каком эту страну изображает древнее буддийское предание, — это прообраз земного рая, земли обетованной.

Калачакра — некое сокровенное знание, обладание которым позволяет достичь просветленного состояния Будды в течение одной жизни, высший гносис, доступный лишь посвященным. Считается, что основатель буддизма Будда Шакьямуни через год после достижения просветления, или нирваны, преподал тайное учение царю Шамбалы Сучандре внутри ступы Дханьякатака, находящейся на юге Индии. Вернувшись на родину, в Шамбалу, Сучандра стал проповедовать это учение, а также написал пространный комментарий к нему. Много столетий спустя учение Калачакры вернулось из Шамбалы в Индию, где получило широкое распространение среди буддийских монахов. Произошло это на рубеже X и XI веков н. э. Затем учение было перенесено странствующим пандитом (учителем) Соманатхой из Индии в Снежную страну — Тибет. Соманатхе также приписывается введение в Тибете в 1027 г. лунно-солнечно-юпитерного календаря — 60-летнего цикла, изложенного в Калачакре. Впоследствии, между XI и XIV веками, тибетские ламы под руководством индийских проповедников перевели основные доктринальные тексты Калачакры с санскритского на тибетский язык.

В Тибете учение Калачакры, иначе Дуйнхор (тиб. dus «khor), особенно привлекло к себе монахов секты «гелуг» («добродетельной»), основанной в XIV веке знаменитым ученым и реформатором буддизма Цзонкхапой. В то же время большой интерес к Калачакре начинают проявлять Панчен-ламы, вследствие чего монастырь Таши-лхумпо в Южном Тибете (в провинции Цзян), являющийся их резиденцией, превращается в один из главных центров учения. В лице Панчен-лам (считающихся воплощением Будды Амитабхи — создателя и владыки рая Сукхавати, куда попадают все уверовавшие в него) Калачакра приобретает совершенно особых покровителей. Согласно древнему буддийскому пророчеству, в конце Кали-юги, или Железного века на земле, когда учение Будды придет в упадок, 25-й кулика-царь Шамбалы Рудра Чакри (по-тибетски Ригден Джапо), воплотившись в одном из Панчен-лам, начнет войну против варваров — последователей религии Лало (намек на мусульманских гонителей буддизма). В результате великой битвы, которая произойдет на берегах реки Шрита (Сита) в

Индии, полчища Лало будут разбиты, и на земле вновь воцарится счастливый золотой век — Крита-юга.

Калачакра, с точки зрения современной тибетологии, — это одна из важнейших и сложнейших систем буддийской тантры, принадлежащая к классу Аннутара-йога. Само слово «тантра» имеет два значения: в широком смысле это название одного из направлений буддизма — Ваджраяна, или Колесницы Грома, в котором первостепенное значение придается психофизическим (йогическим) практикам; в узком техническом смысле «тантра» означает базовый текст Ваджраяны, наставление, вложенное его автором в уста Будды. Аннутара-йога-тантра — это тантра наивысшей йоги. Считается, что практикующий ее достигает высшего состояния сознания — «просветления» (санскр. bodhi) — и становится Буддой в наикратчайший период времени — уже в этой жизни.

Калачакра-тантра традиционно подразделяется на «внешнюю», «внутреннюю» и «альтернативную», или «трансцендентную». Их различие тибетский ученый Геше Джампа Тинлей характеризует таким образом:

«Во внешней Калачакра-тантре (далее КТ) содержится подробное объяснение внешнего мира, поскольку он тесно связан с миром внутренним. Круговорот галактик, движение планет и тому подобные вещи описываются именно во внешней КТ. Тибетская астрология также берет начало во внешней КТ. <…> Во внутренней КТ содержится знание о внутреннем мире — внутренних каналах, энергиях и т. д., - изложенное для того, чтобы мы могли использовать это знание для духовной практики. Но основное содержание КТ, необходимое для духовной практики, развернуто в альтернативной КТ, которая является главной по отношению к внешней и внутренней КТ, — последние служат как бы информационной базой для высшей КТ».[3]

Описание Шамбалы, сведения о ее истории, правителях (так называемых «кулика-царях») и пророчество о грядущей великой Шамбалинской войне — все это в текстах внешней КТ. Здесь же содержатся и разнообразные сведения о физических науках и различных технических устройствах, например, рассказывается

о способах изготовления катапульт и других видов оружия, которые будут использоваться воинами Ригден-Джапо в битве с силами зла. Но основной акцент внешняя КТ, как отмечает американский исследователь Эдвин Бернбаум, делает на времени и, астрологии, а также на математике, необходимой для различных хронологических и астрологических исчислений. «В движении звезд и планет практикующий внешнюю Калачакру пытается обнаружить циклические проявления сил, управляющих нашей жизнью».[4]

Сведения о Шамбале проникли в Европу на исходе Средних веков благодаря рассказам путешественников по азиатскому Востоку. Первыми о загадочной стране поведали португальские миссионеры-иезуиты Эстебан Качелла и Жоао Кабрал. В 1628 г., пытаясь пройти из Бутана в Катай (Cathay) — т. е. Китай, о котором в то время имелись очень скудные сведения, они узнали о существовании неведомой им страны — «Ксембала» (Xembala). Бутанский правитель сообщил им, что это очень известная страна и что она граничит с другим государством под названием Согпо. Из такого ответа Качелла заключил, что Ксембала — это и есть Катай, поскольку сообщенные ему сведения — огромные размеры Ксембалы и ее соседство с владениями монголов (Согпо) — соответствовали тому, как Катай-Китай изображался на географических картах. После этого Качелла предпринял путешествие в Ксембалу и ему удалось добраться до города Шигадзе во владениях Панчен-ламы (т. е. в Тибете). Сюда в начале 1629 г. из Бутана прибыл и его спутник Кабрал. Путешественники, однако, довольно быстро сообразили, что попали не в Катай, а в страну, которая на европейских картах того времени именовалась Большой Татарией.

Другой европейский путешественник — венгр АЛема де Кереши, побывавший в Бутане и Тибете в начале XIX века, дополнил сведения португальских монахов. В опубликованной им в 1833 г. в журнале Азиатского общества Бенгалии небольшой статье говорилось, в частности, что Шамбала — это «мифическая страна, расположенная на севере» и что ее столицей является Калапа — «прекрасный город, резиденция многих прославленных царей Шамбалы». Называя Шамбалу

«мифической страной», Чема де Кереши тем не менее указывает ее относительно точные географические координаты — «между 45-м и 50-м градусами северной широты, за рекой Сита или Яксарт».[5]

Эти первые сообщения о Шамбале долгое время оставались достоянием лишь узкого круга европейских ученых — географов и востоковедов. Более широкой публике индо-тибетский миф о «Счастливой земле» становится известным только на рубеже XIX–XX веков, главным образом благодаря теософскому учению Е.П. Блаватской. Пытаясь доказать, что на заре человеческой цивилизации наука и религия были неразделимы, составляя некую единую эзотерическую доктрину — «первоначальное откровение, данное человечеству», — Блаватская обратилась к исгокам мировых религий — древнейшим мистериальным культам и учениям, сохранившим, по ее мнению, остатки этого синтеза. В своем капитальном труде «Тайная доктрина» Елена Петровна, со ссылкой на публикации Чема де Кереши и сообщения немецких путешественников по Тибету братьев Шлагинтвейт, упоминает о Шамбале и о происходящей из нее священной книге «Дус-Кьи-Хорло» (Цикл Времени). Эта система тибетского мистицизма, по утверждению Блаватской, столь же древняя, как и человек, практиковалась в Индии и Тибете задолго до того, как Европа стала континентом (!), хотя первые сведения о ней появились 9 или 10 веков тому назад. До сих пор эзотерический «Благой Закон» сохраняется в своей первоначальной чистоте «в глуши Трансгималаев — слишком общо называемых Тибетом, в наиболее недоступных месгах пустынь и гор».[6] Здесь надо отметить, что Шамбала для Блаватской и ее последователей — это уже не «мифическая страна» Дэджунг (тиб. bdeyung) — «Источник счастья», но некое реально существующее братство или община посвященных йогов — адептов эзотерического учения, которых она называет «махатмами». Таких мистических братств, хранящих остатки древней «универсальной науки», на земле существует немало, однако они не имеют никакого отношения к «цивилизованным странам». Более того, местонахождение их, как считает Блаватская, должно оставаться тайной для остального мира — до тех пор, пока «человечество в массе своей не очнется от

духовной летаргии и не раскроет свои слепые очи навстречу ослепительному свету Истины».[7] Путешествовавшие по Центральной Азии в конце XIX века Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, М.В. Певцов, Г.Е. Грум-Гржимайло, П.К. Козлов и др. столкнулись с еще одной удивительной легендой — о Беловодском царстве, или Беловодье, стране справедливости и истинного благочестия. Находясь в 1877 г. на берегах «блуждающего» озера Лобнор, севернее реки Тарим в Западном Китае, или Синьцзяне, Пржевальский услышал от местных жителей о том, как в эти места в конце 1850-х — начале 1860-х гг. пришла партия русских алтайских староверов числом более сотни человек в поисках беловодской «земли обетованной». Большая часть пришельцев, не удовлетворившись условиями жизни на новом месте, двинулась дальше на юг, за хребет Алтын-таг, где и устроила поселение. Но и те и другие в конце концов вернулись на родину. Рассказ об этом хождении искателей Беловодья, записанный со слов одного из его участников А.Е. Зырянова, вместе с приложенной к нему маршрутной картой всего путешествия, был впоследствии опубликован А.Н. Белослюдовым в Записках Русского географического общества.[8]

Беловодье — еще одна загадка центральноазиатской истории. Современный исследователь К.В. Чистов, правда, считает, что это «не определенное географическое название, а поэтический образ вольной земли, образное воплощение мечты о ней».[9] Поэтому не случайно эту счастливую крестьянскую страну русские староверы искали на огромном пространстве — от Алтая до Японии и Тихоокеанских островов и от Монголии до Индии и Афганистана. Первоначально же (во второй половине XVIII века) Беловодьем назывались поселения в двух плодородных долинах Юго-Восточного Алтая — Бухтарминской и Уй-монской, куда не достигало «начальство» и попы — гонители староверов, не принявших церковной реформы патриарха Никона. Эта «нейтральная земля» между Российской и Китайской империями была включена в 1791 г. в состав России, и именно тогда, как утверждает Чистов, возникла легенда о Беловодье. Ее распространение тесным образом связано с

деятельностью секты «бегунов», или странников, которая является крайним левым ответвлением старообрядчества.

Первые сведения о поисках староверами заповедной страны относятся к 1825–1826 гг., но уже во второй половине XIX столетия (1850–1880 гг.) хождения в Беловодье приобретают массовый характер. Для нас, однако, наибольший интерес представляют сообщения о центральноазиатских маршрутах искателей Беловодья (Монголия — Западный Китай — Тибет), ибо именно там, в самом сердце Азии, по-видимому, и произошла контаминация двух легенд — христианской о Беловодье и буддийской о Шамбале, что впоследствии дало повод некоторым авторам говорить об их едином «корне». В то же время крайне любопытен другой факт — побывавшие в Индии и Тибете искатели Беловодья принесли оттуда в Россию элементы восточных учений (может быть, даже буддийской тантры), которые затем были ассимилированы некоторыми русскими мистическими сектами старообрядческого толка.

В начале XX века среди европейских оккультистов получил распространение еще один миф — о подземной стране Агарти (или Агарта). В 1873 г. французский литератор Луи Жаколлио (Louis Jacolliot) в фантастическом романе «Сын Божий» (Le Fils de Dieu) поведал о том, как индийские брахманы показали ему некоторые древнейшие тексты, в том числе «Книгу исторических Зодиаков», и позволили присутствовать на шиваистской «оргии» в подземном храме, где рассказали историю о стране «Асгарта».[10] Согласно Жаколлио, «Асгарта» — это доисторический «город Солнца», резиденция главного брахманского жреца Брахматмы, являющегося воплощением Бога на земле. Несколько десятилетий спустя (в 1911 г.) в Париже появилась еще одна удивительная книга на ту же тему — «Миссия Индии в Европе» (Mission de linde en Europe), написанная недавно умершим французским оккультистом А. Сент-Ивом д'Альвейдрой. В этом произведении рассказывалось о таинственной подземной стране, скрывающейся где-то в недрах Гималаев, — об Агарте (Agartha), сведения о которой Сент-Ив, как мы узнаем от его биографов, также получил от своих индийских учителей-брахманов. Агарта имеет «синархическук»

форму правления, и ее население достигает 20 миллионов человек (!). Здесь надо пояснить — согласно учению Сент-Ива существует два типа организации человеческих сообществ: анархический, господствующий на Земле в течение последних 5 тысяч лет, и предшествовавший ему синархический. Сущность синархического строя (sunarch по-греч. означает «совластие») состоит в троичной «социальной» иерархии власти: жречество — посвященные миряне — главы семейств (отцы и матери), соответствующей тройственной природе человека — интеллектуальной, моральной и физической. Такая система управления социумом является воплощением высшего Божественного Промысла, залогом социальной гармонии и справедливости. (В книге об Агарте Сент-Ив называет «синархический закон» одновременно теократическим и демократическим.) Первой синархической державой на земле была созданная около 9 тысяч лет тому назад легендарным Рамом (героем древнеиндийского эпоса «Рамаяна») гигантская универсальная империя Овна (Empire Universel du Belier), с которой, согласно Сент-Иву, начинается неизвестная науке сакральная история человечества.

В этой империи Агарта выполняла роль одного из религиозных центров или «университетов», где хранился высший гносис и совершались инициатические обряды. Приблизительно за 3 тысячи лет до н. э., однако, вследствие раскольнической деятельности принца Иршу, отвергшего божественные принципы, начался распад рамидской империи, и на Земле постепенно воцарилась анархия. Именно поэтому агартийцы «ушли под землю».

Характеризуя «социально устроенное» — синархическое — государство Агарты, Сент-Ив всячески стремился подчеркнуть его отличие от государств анархического типа.

Агарта недоступна для насилия, ей неведомы такие пороки современного общества, как нищенство, проституция, пьянство, антагонизм верхов и низов, деление людей на касты и проч.

Управляемая «вождями величайшей духовной силы», она есть «центр посвященных», хранящий в своих недрах «летописи

человечества за все время эволюции на Земле в течение 556 веков». Города Агарты, по утверждению Сент-Ива, «размещены чаще всего в подземных постройках» и потому невидимы людям. Там, в чреве земли, надежно упрятаны от взоров и посягательства профанов богатейшие библиотеки агартийцев, содержащие «полное собрание всех искусств и всех древних наук».

То, что подземная страна совершенно изолировалась от наземной цивилизации, Сент-Ив объясняет стремлением ее правителей не допустить, чтобы высокоразвитая наука Агарты стала «орудием борьбы против человечества Антихристу и Анархии подобно тому, как это сделали нашй науки».[11]

Любопытно, что Сент-Ив был не только первым западным оккультистом, кто создал «конспирологическую модель истории» (говоря словами АДугина), но и приложил немало усилий, чтобы воплотить свои идеалы в жизнь. Он неоднократно обращался с различными воззваниями к «анархическим» правителям мира сего — к английской королеве Виктории, русскому царю Александру III и римскому папе — и создал во Франции организацию с целью пропаганды принципов «социального государства» — Синархии. Организация эта отвергала западный либерализм и капитализм и призывала возвратиться к традиционным культурным ценностям. Руководители ее, однако, скомпрометировали себя в 1930-е годы сотрудничеством с вождями нацистской Германии.

Как бы то ни было, идеи французского мистика оставили заметный след в истории европейского эзотеризма. Особенно привлекательными они оказались для немецких оккультистов, мифотворцев Третьего рейха, которые использовали миф об Агарте (имеющий то ли азиатские, то ли скандинавские корни[12] и индо-буддийский миф о Шамбале для создания собственной конспирологической парадигмы мировой истории. Ее смысл можно свести к следующему: 3 или 4 тысячи лет назад в районе нынешней пустыни Гоби обитал народ, обладавший высокоразвитой культурой. Эта культура погибла в результате какой-то катастрофы, и именно тогда древняя гобийская страна

превратилась в пустыню. Оставшиеся в живых мигрировали частично в Северную Европу, частично на Кавказ. Народ, вышедший из Земли Гоби, представлял собой «коренную расу» (Grundrasse) человечества — арийскую расу. Руководители погибшей культуры — великие мудрецы, духовные сыны «иного мира» — поселились после катастрофы на огромном высокогорье, «под Гималаями». Там они разделились на две группы — одни пошли «Путем правой руки» (Weg rechter Hand), другие «Путем левой руки» (Weg linker Hand). Центром первых стал Агарти — «неведомый Град, Обитель созерцания, Храм удалившихся от мира»; центром вторых — Шамбала — «Град могущества и власти», повелевающий стихиями и людскими массами.[13]

Идейные нити от Сент-Ива д’Альвейдра тянутся, однако, не только в кайзеровскую и затем нацистскую Германию, но и в Россию — как царскую, так и советскую. Русские оккультисты проявляли большой интерес к идеям французского мыслителя-эзотерика и, насколько можно судить, поддерживали с ним связь через его русскую жену графиню М.Келлер и ее сына графа Меллера. Благодаря их усилиям в 1915 г. в Петербурге был опубликован русский перевод «Миссии Индии». С учением о синархии, как кажется, имели возможность познакомиться в годы эмиграции в Западной Европе и лидеры русской левой социал-демократии. АДугин высказывает любопытное предположение — о заимствовании большевиками у Сент-Ива термина «Советы» (le Conseil), входящего в название трех высших институтов власти в Империи Рама.[14](Уже в наше время другой его ключевой термин — «Социальное государство» (l’Etat Social) — неожиданно появился в новой Конституции Российской Федерации (ст. 7), хотя в этом случае, конечно же, едва ли можно говорить о каком-либо сознательном заимствовании.)

После Октябрьской революции главным проводником идей Сент-Ива в советской России — в Петрограде и Москве — выступил литератор, ученый и эзотерик А.В. Барченко, герой этой книги. Правда, он сделал одну важную подмену в д’альвейдровской концепции социального государства, заменив термин «синархический» на «коммунистический». Это позволило ему

утверждать, что коммунистическое общество существовало на земле в доисторическую эпоху и остатки его высокоразвитой науки до сих пор сохраняются в тайных братствах Агарты-Шамбалы — на стыке Афганистана, Тибета и Индии. Барченко как ученого более всего привлекала возможность вступить в контакт с этими братствами, чтобы изучить методы универсальной науки древних, которую он называл тибетским словом «дюнхор». Эта наука, полагал он, может дать человечеству — прежде всего России — ключ к решению социальных и экономических проблем, в частности, поможет овладеть неизвестными дотоле источниками мощных психических и космических энергий. Поисками следов «доисторической культуры» ученый интенсивно занимался в 1920-е годы на Кольском полуострове, на Алтае и в Крыму; в те же годы он также пытался организовать научные экспедиции в Афганистан и Тибет.

Еще более фантастические планы строил в те же годы наиболее известный из русских искателей Шамбалы, эмигрировавший в США в годы революции художник и теософ Николай Рерих. В начале 1920-х под влиянием «посланий» неких таинственных гималайских учителей — «махатм», которые получала его жена Е.И. Рерих (во время спиритических сеансов и в состоянии каких-то собых припадков — «приступов огней»), Н.К Рерих совершенно уверовал в свою избранность, свою историческую миссию — в то, что он призван «свыше» стать освободителем и объединителем азиатских народов и ускорить приближение священной войны Шамбалы. Встречавшийся с Рерихом в Пекине накануне его тибетской экспедиции сотрудник советского полпредства и одновременно резидент ОГПУ Б.И. Панкратов вспоминал позднее: «Художник хотел въехать в Тибет как 25-ый князь Шамбалы, о котором говорили, что он придет с севера, принесет спасение всему миру и станет царем света. Носил он по этому случаю парадное ламское одеяние».[15] В эти же годы Рерих замышляет создать в центре азиатского материка — с помощью американского капитала и под советским покровительством — большое монголо-сибирское государство, «Новую Страну».[16] Эта страна должна была стать оплотом обновленного будцо-коммунистического миропорядка в Азии,

местом пришествия Будущего Будды, Майтреи, иначе говоря — материализовавшейся на земле Северной «Красной Шамбалой». Во время поездки в Москву летом 1926 г. Н.К Рерих вел интенсивные переговоры с Г.В. Чичериным, А.В. Луначарским и другими большевистскими вождями с целью заручиться их поддержкой для реализации своего грандиозного, хотя и крайне утопичного плана. Он вдохновенно рассказывал им о Шамбале и о Майтрее, призывая принять высокое покровительство гималайских учителей, «махатм», ибо это позволило бы привлечь многомиллионную буддистскую Азию к всемирному коммунистическому движению и осуществить в мировых масштабах идеалы коммуны или общины.[17] План Рериха, впрочем, не является столь уж «безумным», как это может показаться на первый взгляд. Э. Бернбаум считает, что миф о Шамбале типологически близок как современному западному (американскому) «мифу о прогрессе» — о том, что наука и индустрия способны превратить планету в «материальный рай», так и советскому мифу о коммунистическом обществе (миф о «светлом будущем»). «Утопическое коммунистическое движение, по мнению американского ученого, заряжено мессианским пророчеством, которое связывает его с мифом о Шамбале». Наступлению коммунизма также предшествуют период упадка и борьбы для сокрушения капиталистического строя и затем решающее столкновение сил «добра и зла», т. е. коммунизма и капитализма. После неизбежной победы пролетариата коммунистическое учение распространится по всему миру и породит золотой век, в котором все люди будут жить в мире и гармонии, и никто ни в чем не будет нуждаться. «Подобное видение мира дает коммунизму силу и осознание необходимости вести беспощадную борьбу против сил капитализма».[18]

Подобно Рериху и практически одновременно с ним Барченко пытался передать группе старых большевиков в Москве тайное буддийское учение Дюнхор («Древнюю науку») посредством чтения лекций, организованных начальником Спецотдела ОГПУ Г.И. Бокием. Эти беспрецедентные опыты Рериха и Барченко по «скрещиванию» буддизма с ленинизмом оказались, однако, бесплодными. Да иначе, наверное, и быть не могло, ибо мощное древо ленинизма не «переносило» инородных прививок. А

десятилетие спустя советские идеологи громогласно объявили учение Шамбалы «орудием японского фашизма».

Как Н.К. Рерих, так и А.В. Барченко ничуть не сомневались в реальности существования в наиболее труднодоступных местах Гкмалаев и Тибета тайных общин «просветленных учителей», «махатм». Эти общины, утверждает Рерих, принадлежат к Шмалайскому Белому Братству, которое он называет «Невидимым Международным Правительством». Однако в действительности ни в Тибете, ни в Гималаях такого «братства» или, тем более, «правительства» никогда не существовало, как убедительно показывает американский историк Поль Джонсон в своей монографии: «Разоблаченные Мастера: Мадам Блаватская и миф о Великом Белом Братстве».[19] В этой книге автор пытается установить личности «тайных покровителей» Блаватской и называет имена возможных прототипов ее главных учителей — Махатм (Мастеров) Кут Хуми и Мории. Это Тхакар Сингх Сандхавалия (основатель сикхской реформаторской организации «Сингх Сабха» в Амритсаре, — а не на йшалаях! — тесно связанной с Теософским обществом Е.П. Блаватской в Адьяре) и кашмирский махараджа Ранбир Сингх. Но самое интересное — Джонсон цитирует письмо Блаватской к одному из своих сподвижников А.П. Синнетту, в котором та признается, что она «действительно придумала» Мастеров. Что касается собственно рериховских учителей — а это все те же нестареющие Кут Хуми и Мория, то тема эта практически неисследована, хотя для нее уже имеется некоторый материал. Так, по сведениям британской разведки, пристально следившей за всеми перемещениями семьи Рерихов, в окружении художника в 1920-е гг. постоянно находились индийские националисты-революционеры, например, Дхан Шпал Мукерджи, член сикхской революционной партии «Гхадр» в США, близко знакомый с известным коминтерновцем М. Роем, Хари Говинд Говил (оба читали лекции в созданном Рерихом в Нью-Йорке Международном центре искусств «Карона Мунди»), Сумендра Натх Тагор (обучал Рериха индийской живописи в Калькутте). Вполне можно предположить, что от этих и каких-то других деятелей индийского национально-освободительного движения и исходил изначальный импульс «великого переустройства Азии».

Во всяком случае совершенно очевидно, что созданный Блаватской и подхваченный затем Рерихами «миф о махатмах» имеет явную политическую подоплеку.

Вообще же Шамбала для Рериха — это прежде всего великий символ грядущего, «знак нового времени», «новой эры могучих энергий и возможностей». Учение же Шамбалы (т. е. Калачакра) — «высокая йога овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединение этой мощи с космическими энергиями».[20]Такое учение, позволяющее человеку через синхронизацию или, лучше сказать, гармонизацию внутренних и внешних энергий осуществить свое высшее, космическое предназначение, Николай Константинович назвал Агни-йогой (Огненной йогой). В книге «Община», опубликованной в 1927 г., многократно повторяется главный посыл Рериха — «расширение сознания», «изучение и применение психических энергий» дают человеку «неисчислимые возможности мощи». Во время тибетского путешествия, задуманного как религиозное посольство западных буддистов к главе буддистов Востока — далай-ламе (с целью объединения тех и других), Рерих то и дело мысленно уносится в направлении Шамбалы, которой отводит совершенно конкретное место на карте — северо-западную часть Тибетского нагорья (по-тибетски «Чантанг»), Едва перевалив хребет Поющей Раковины — Думбуре, Рерих тут же указывает своим спутникам, что поблизости начинается «запретная область» Гималайского Братства, «неведомая европейцам». Доступ на эту заповедную территорию, охраняемую самой природой (посредством ядовитых испарений многочисленных гейзеров и вулканов, разбросанных вдоль ее границ), закрыт для непосвященных, а вернее, «незваных», ибо прийти в Шамбалу без приглашения — «зова» ее владык — невозможно. Но подобные утверждения — не более чем плод фантазии Рериха-теософа, миф, который он сам, вполне сознательно, творит, пытаясь убедить своих сподвижников и почитателей в существовании несуществующего Гймалайско-Тибетского братства — сиречь земной Шамбалы.

В самом конце путешествия, под впечатлением от зрелища полного упадка буддизма в Тибете и в то же время глубоко

оскорбленный поведением тибетских властей, не пропустивших его посольский караван в Лхасу, Рерих резко меняет свое мнение. Шамбала, как он теперь заявляет, не имеет ничего общего с Тибетом — этой «музейной редкостью невежества». В эссе «Шамбала Сияющая», написанном в Дарджилинге в 1928 г., мыслитель-мистик хотя и связывает по-прежнему понятие Шамбалы с существованием тайных горных обителей (называемых тибетцами словом «баюл»), тем не менее помещает эти обители в области высокогорных Шмалаев, где процветает буддизм, — в Бутане, Сиккиме и Непале, то есть за пределами собственно Тибета.[21]«На вершинах Сиккима, в Шмалайских отрогах, среди аромата балю и цветов рододендронов… лама… указал на пять вершин Канчин-джунги и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там».[22]

Исчезновение же махатм из расположенных на юге Снежной страны владений Панчен-ламы (истинного «духовного вождя» Тибета в отличие от далай-ламы) Рерих объяснил в своем трактате Shambhala так: наблюдая упадок буддийской веры — часть всеобщей деградации человечества в Железный век, Учителя, известные в этих местах под именем Азаров и Кутхумпа, стали покидать свои ашрамы и удаляться в самые недоступные уголки бескрайней горной страны. Для большей убедительности Рерих ссылается на рассказ, якобы слышанный от одного странствующего тибетского монаха, но в действительности придуманный им самим:

«Многим из нас в жизни доводилось встречать Азаров и Кут-хумпу и снежных людей, которые им служат. Только недавно Азары перестали появляться в городах. Они все собрались в горах. Очень высокие, с длинными бородами, они внешне напоминают индусов…

Кутхумпа теперь больше не видно. Раньше они совершенно открыто появлялись в облает Цанг у Манасаровара, когда паломники ходили к священной горе Кайласа. Даже снежных

людей теперь редко увидишь. Обычный человек, в своем невежестве, ошибочно принимает их за призраки… Мой старый учитель много рассказывал мне о мудрости Азаров. Мы знаем несколько мест, где жили эти Великие, но в настоящее время эти места опустели. Какая-то глубокая причина, великая тайна!».[23]

По словам Рериха, впрочем, существует не одна, а две Шамбалы — земная, в которой обитают мудрецыимахатмы» и куда человек может попасть, правда, не по своему хотению, а лишь по зову ее владык, когда созреет духовно, и невидимая, «небесная». Об этой последней Рерих не сообщает ничего определенного, поскольку она — не от мира сего. Обе Шамбалы, однако, тесно связаны друг с другом, поскольку «именно в этом месте» объединяются два мира. Но каким образом? Ответ на этот вопрос мы находим у американского буддолога Гленна Муллина: «…на одном уровне Шамбхала является (или являлась) обычной страной, населенной людьми; но на другом уровне — это чистая земля, занимающая то же пространство, что и мирская Шамбхала, но существующая на совершенно другой эфирной частоте. С обитателями этого измерения могут вступить в контакт приверженцы чистой кармы из этого мира…».[24]

Именно Шамбала как «чистая земля», находящаяся в особом мистическом измерении (или неком «параллельном мире»), в наибольшей степени, по мнению Г. Муллина, покорила сердца обитателей Центральной Азии. Впрочем, есть еще и третья Шамбала, вернее, третий «аспект» Шамбалы — символ йогической системы Калачакра. Эта Шамбала имеет непосредственное отношение к тантрической медитативной практике. Э. Бернбаум связывает ее со «скрытыми областями» человеческого подсознания, куда адепты Калачакры совершают ментальное, или духовное, «путешествие».[25] (На языке трансперсональной психологии это называется «путешествием в потаенные глубины психики».) При этом Бернбаум поясняет, что «уход», или «путешествие», в Шамбалу с целью обретения высшего знания — это не бегство от реального мира, а способ постижения истинной реальности вещей, лежащей вне иллюзорных рамок нашего Эго: «Наш интерес к Шамбале в

действительности отражает глубокое стремление к постижению самой реальности».

Идеи Блаватской, Рериха и других эзотеристов-визионеров довольно неожиданно получили дополнительный стимул после публикации осенью 1933 г. (когда к власти в Германии только пришли фашисты) романа-утопии английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт».[26] В этом произведении Хилтон необычайно привлекательно и, главное, правдоподобно изобразил расположенный в одной из труднодоступных горных долин — где-то в Западном Тибете — буддийский монастырь-«ламасерию» Шангрила, населенный представителями различных народов, в том числе и европейцами. Благодаря каким-то тайным знаниям и особым практикам эти люди сумели подчинить себе ход времени, замедлив его течение. Они живут замкнутой общиной — мирно и счастливо, погрузившись в занятия науками и искусством, не ведая тревог и забот, терзающих остальное человечество.

Роман Хилтона в короткое время приобрел большую популярность на западе, многократно переиздавался и даже был экранизирован (в 1937 г.) американским режиссером Фрэнком Капрой. С легкой руки Хилтона слово Shangri-La прочно вошло в английский язык в значении «воображаемый земной рай, убежище от тревог современной цивилизации».[27] Такое название присваивают обычно роскошным отелям, ресторанам, горным курортам и прочим «райским уголкам», а президент Ф.Д. Рузвельт даже назвал так свою летнюю резиденцию в горах Мэриленда (впоследствии переименована в Кэмп-Дэвид).

Мало кому известно, однако, что задолго до Хилтона, еще в 1920 г., наш соотечественник К.Э. Циолковский опубликовал аналогичную литературную утопию под названием «Вне Земли».

Ее герои — интернациональный коллектив ученых, обитающих в прекрасном горном замке в Шмалаях; время действия — 2017 год. «Между величайшими отрогами Гималаев стоит красивый замок — жилище людей. Француз, англичанин, немец, американец, итальянец и русский недавно в нем поселились. Разочарование в людях и радостях жизни загнало их в это

уединение. Единственною отрадою их была наука. Самые высшие, самые отвлеченные стремления составляли их жизнь и соединяли их в братскую отшельническую семью».[28] Построив космический корабль (реактивную ракету), «гималайские анахореты» отправились исследовать межпланетное пространство, и успех этого путешествия вскоре привел к созданию «эфирных колоний» вокруг земного шара для переселения людей. Таким виделось Циолковскому будущее человечества — всего через сто лет после большевистской революции!

Идея эзотерических братств, существующих где-то в горных монастырях Трансгималаев-Тибета и хранящих некие высшие знания, столь популярная во времена Блаватской и Рериха, совершенно изжила себя на исходе XX века. Во всяком случае, можно сильно сомневаться, что такие братства существуют на тщательно контролируемой Китаем территории Тибетского автономного района. Тем не менее поиски земной Шамбалы не прекратились до сих пор, как об этом свидетельствуют наделавшие много шума в 1990-е гг. тибетские экспедиции уфимского офтальмолога Э.Р Мулдашева, последователя Блаватской, Штайнера и ламы Лобсанга Рампы. Но мы не станем рассказывать о них здесь, ибо сделанные Мулдашевым «открытия», например обнаруженный им в Шмалаях пещерный мавзолей с телами лучших представителей первых человеческих рас («лемуров» и «атлантов») — из области жюльверновской фантастики. В то же время Шамбалу продолжают искать и востоковеды-тибетологи — те, кто считает, что легендарная Счастливая страна могла иметь прототип в реальной истории.

На сегодняшний день существует множество гипотез относительно возможного местоположения буд дийского «парадиза» на картах Древнего мира. Так, ряд ученых (Б.Лауфер, П.Леллио, Д.Ньюман) связывают Шамбалу с процветавшими в VII–X веках нашей эры буддийскими городами-государствами Таримского бассейна в Восточном (Китайском) Туркестане, где некогда пролегал Великий Шелковый путь.[29] Другой регион поисков — обширная территория между Ираном и Западной Индией. Согласно гипотезе отечественного

тибетолога Б.И. Кузнецова, Шамбала — это Древний Иран эпохи Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.). К такому неожиданному выводу ученый пришел в результате расшифровки древней географической карты из тибетско-шаншунского словаря 1842 г. Термин «Шамбала», как утверждает Кузнецов, использовался индийцами для названия Ирана и может быть переведен как «держатели мира (блага)».[30]Из Ирана же индийцы заимствовали и зурванитское учение о «бесконечном времени» (Зерван акарана), которое затем было положено в основу буддийской системы Калачакра. Зурванизм — возникшая в рамках ортодоксального зороастризма ересь — исповедовался, главным образом, Сасанидскими царями (III–VII вв. н. э.). Зурваниты считали, что только Время — бесконечное, вечное и никем не сотворенное — является источником всего сущего. М.Бойс предполагает, что такое учение было создано западными иранскими магами под влиянием древней вавилонской традиции, согласно которой история делится на большие временные циклы и внутри каждого из них все события периодически повторяются.[31]

Современный английский путешественник-исследователь Чарльз Аллен помещает Шамбалу в крайне западном уголке Тибета, вблизи священной горы Кайлас, там, где возникла первая тибетская цивилизация и вместе с ней загадочная религия левосторонней свастики — бон. Именно в этих местах сложилась бонская легенда о райской земле Олмолунрин, которую индийцы позднее окрестили Шамбалой. Что касается учения о Калачакре, то оно, как полагает Аллен, происходит из древней Гандхары (территория, охватывающая Северный Пакистан и Восточный Афганистан). Гандхара, входившая в VI в. до н. э. в состав государства Ахеменидов, позднее (в I–III вв. н. э.) составила ядро могущественной Кушанской Империи, границы которой простирались от берегов Аральского моря до Индийского океана и Восточного Туркестана. Одна из областей Гандхары — Уддияна, которую обычно отождествляют с живописной долиной Сват (Удцияна в переводе с санскрита означает «сад»), расположенной среди южных отрогов Гиндукуша на севере Пакистана, — считается колыбелью тантрического буддизма. Посетивший эту долину в 629 г. китайский паломник Сюань Цзан

с удивлением обнаружил там остатки почти полутора тысяч различных буддийских памятников (монастыри, ступы) и поселений, что свидетельствовало о почти сказочном процветании буддизма в Уддияне в предшествующую эпоху (II–V вв.). Можно представить себе, пишет Аллен, каким райским уголком должна была казаться эта долина обитавшим в ней буддистским монахам. После завоевания Гандхары белыми гуннами Калачакра-тантра переместилась в «бонский регион» Западных Гималаев и крайне Западный Тибет. Здесь учение нашло временное пристанище в стране Шан-шун — родине бона. Однако начавшиеся затем гонения на бон правителей буддийского королевства Гуге побудили адептов Калачакры бежать еще дальше на юг, за Шмалаи, где они обосновались в буддийском монастыре Наланда — первейшем центре учености Древней Индии. Оттуда КТ (в XI веке) снова вернулась в Тибет, однако уже в сильно ревизованном (с целью привести ее в соответствие с ортодоксальной буддийской традицией того времени) учеными монахами виде. История о потерянной или сокрытой райской земле Шамбале, содержащаяся в текстах Калачакры, утверждает Аллен, представляет собой по сути контаминацию трех легенд — об Уддияне, Олмолунрин и Шаншуне.[32]

Еще один «адрес» легендарной Шамбалы — северо-западная часть Индии. Именно здесь, по мнению итальянской исследовательницы Джакомеллы Орофино, находились колонии карматов — последователей одного из двух основных течений исмаилизма, сыгравших первостепенную роль в формировании буддийской тантры (в том числе Калачакра-тантры).[33]

Что касается самих тибетских лам, то они придерживаются самых разных точек зрения: одни считают, что Шамбала находится (поныне!) в Тибете или же в горной системе Куньлуня, возвышающейся над Тибетским плато, другие — в соседнем Синьцзяне (Западном Китае), однако большинство из них, как пишет Э. Бернбаум, верит, что Шамбала расположена в гораздо более северных широтах — в Сибири или в каком-то другом месте России, или даже в Арктике (!).[34] Это курьезное на первый взгляд утверждение, впрочем, не совсем лишено смысла,

особенно если связать его с ведущимися в настоящее время довольно интенсивными поисками другой легендарной «страны блаженных» — Гипербореи-Арктиды. Так, некоторые российские ученые ассоциируют Рипейские (Гиперборейские) горы, за которыми, по представлениям скифов и древних греков, находилась эта страна, а вместе с ними и священные горы индоиранской мифологии Меру и Хару, с Уральскими горами или с возвышенностью Северные Увалы на северо-востоке европейской части России — главным водоразделом северных и южных морей на Русской равнине».[35]

Какой бы смысл, однако, ни вкладывали в понятие Шамбалы ее современные западные интерпретаторы и искатели, следует помнить, что существование мифической Счастливой страны («небесной Шамбалы») ограничено во времени. Согласно буддийской хронологии, содержащейся в текстах Калачакра-тантры, в 1928 г. (год окончания Тибетской экспедиции Рериха) на престол Шамбалы должен был взойти 21-й кулика-царь Анируддха (тиб. Ma-gag-pa). Его правление должно закончиться в 2028 г. Затем Шамбалой будут править поочередно еще 4 царя — по сто лет каждый. В 2425 г. — в год Воды-овцы — по истечении 97 лет правления последнего 25-го кулики-царя произойдет великая битва между силами добра и зла. После чего на земле наступит эра торжества учения Будды — Дхармы. Однако она будет длиться не вечно, но строго определенное время — 1800 лет, как гласит предание. А затем новый поворот неумолимого колеса времени положит конец этому золотому веку, и вместе с ним кончится история Шамбалы.

Глава первая
Начало пути

1. ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАЙНУ

Александр Васильевич Барченко родился 25 марта 1881 г. в старинном городе Ельце Орловской губернии. Его отец Василий Ксенофонтович Барченко был присяжным поверенным Елецкого окружного суда, а позднее владельцем нотариальной конторы и имел чин статского советника. Мать происходила «из духовной

семьи». Благодаря ее влиянию мальчик воспитывался в религиозном духе. По словам самого Александра Васильевича, еще в юношеском возрасте он отличался «склонностью к мистике и ко всему таинственному». Жили Барченко в двухэтажном бревенчатом доме — во дворе отцовской конторы. По свидетельству сына Александра Васильевича, Святозара Барченко, в доме этом «по вечерам звучал рояль» и «собиралась местная интеллигенция»; здесь обычно останавливался, бывая в Ельце, знаменитый писатель И.А. Бунин, очевидно, знакомый с родителями Барченко.[36]

Начальное образование Александр получил в родном городе, где окончил 8-летнюю гимназию. Произошло это, по-видимому, в 1898 г., если предположить, что учиться он начал в 9-летнем возрасте, как это было принято в дореволюционной России. (В той же гимназии до него обучался Иван Бунин.) Затем он отправился в С-Петербург, где вновь поступил в гимназическое училище,[37] в котором проучился еще три года. Этот факт вызывает некоторое недоумение. С.А. Барченко в биографическом очерке, посвященном своему отцу, намекает на какие-то «семейные неурядицы», заставившие А.В. Барченко «очень рано покинуть Елец и с тех пор во всем полагаться на присущую ему сноровку да сообразительность».[38] Означает ли это, что Александр поссорился с отцом и бежал из дома, — извечный «конфликт поколений»? Правда, в этом случае 17-летний юноша едва ли смог бы совершенно самостоятельно поступить в столичную гимназию, хотя бы потому, что обучение в ней было платным. (Своекоштные пансионеры платили 400 руб. в год и кроме этого 50 руб. за обмундирование.) Поэтому логичнее предположить, что Василий Ксенофонтович сам отвез сына в Петербург, где поместил в одну из лучших гимназий в городе — С.-Петербургскую 2-ю, с тем чтобы тот прошел несколько последних классов для подготовки к поступлению в высшее учебное заведение. А такие намерения, как мы увидим далее, у Александра действительно имелись.

С.-Петербургская 2-я гимназия находилась в самом центре города, позади Казанского собора, в доме № 27 по Казанской улице. Основанная в 1805 г., она считалась старейшей среди

столичных заведений подобного типа. При гимназии имелся пансион для приезжих, в котором, вероятно, и поселился Александр Барченко, не имевший в столице ни родственников, ни знакомых. Обучение в гимназии было строгим — за дисциплиной учащихся и поддержанием внешнего порядка следили директор гимназии Капитон Иванович Смирнов (слывший убежденным сторонником классической системы графа Толстого), инспектор А.Д. Щепинский и классные наставники. Впрочем, к концу 1890-х гг. гимназический режим стал заметно ослабевать благодаря некоторым нововведениям директора, который, например, разрешил учащимся старших классов курить в особой курительной комнате. (Правда, для этого требовалось письменное согласие родителей.) Александр Барченко появился в гимназии в тот момент, когда в ее руководстве произошли перемены — вышел в отставку по причине перенесенного паралича директор К.И. Смирнов, исполнявший эту должность почти четверть века, а инспектор А.Д. Щепинский перевелся в Архангельск. На их место заступили А.И. Давиденков и Е.С. Герасимов. 1898 учебный год гимназия начала уже под руководством Давиденкова, который тут же принялся искоренять «вредные нововведения» своего предшественника. Однако он мало преуспел в этом. Что касается предметов, то упор по-прежнему делался на дисциплинах, составляющих основу классического образования (Закон Божий, русский язык, математика, физика, география, древние и новые языки — латынь, греческий, немецкий и французский). Впрочем, при Давиденкове стала более усиленно преподаваться математика и было введено обязательное внеклассное чтение русской литературы. Кроме этого учащиеся занимались «ручным трудом», для чего в гимназии имелись переплетные станки, а также принадлежности для выпиливания из дерева.

Для наглядности расскажем, как проходил обычный учебный день во 2-й гимназии того времени.

6.30 — подъем; воспитатель дает первый звонок, чтобы разбудить пансионеров.

6.45 — второй звонок.

7 ч, — умывание, оправка.

7.10 — утренняя молитва. После нее ученики идут пить чай в столовую. Чаепитие продолжается 15–20 минут. Буфетчик раздает мелкий сахар из особой мерки; тут же служители разливают чай по кружкам, а воспитатель раздает булки — старшим ученикам 5-копеечную, а младшим по 3 копейки, попроще. После чая все идут в учебные «камеры» и в классы для утренних занятий, которые продолжаются с 7.30 до 8.15.

8.15 — звенит звонок и занятия кончаются. Воспитанники убирают в свои шкапчики книги и идут гулять во дворе, а помещения, где они занимались, проветриваются и убираются служителями. Вскоре начинают подходить «приходящие» гимназисты, те, кто живет в городе.

В 9 ч. начинаются классные занятия. После 5 уроков «приходящие» расходятся по домам, кроме оставленных на лйшний час за какую-либо провинность.

С 14.30 до 15.30 — время отдыха. Воспитанники гуляют во дворе (или даже уходят в город), беседуют и играют в различные игры, чаще всего в мяч, если позволяет погода, — в моду входит английская игра «футбол». В непогоду играют в комнатные игры (шахматы, шашки, гусек). В это же время пансионеров могут посещать родные и знакомые, вызывая их через швейцара в приемную.

В 15.30 (при инспекторе Е.С. Герасимове в 16.30) начинается обед, который продолжается до 17 ч. За каждым столом размещается по 10 человек. Один из них — старший, «хозяин стола». Он разливает суп и раскладывает по тарелкам второе блюдо. Вместе с воспитанниками обедают и два воспитателя. Обед состоит из двух блюд; по праздникам бывает третье — пирожное. После обеда — 15-минутная «рекреация».

С 17.15 до 20 ч. — приготовление уроков с перерывом (18.45–19.00). Воспитатель помогает ученикам.

20 ч. — чай.

20.45 — вечерняя молитва в Казанской камере, при этом молитвы читаются по очереди. При наличии среди пансионеров хороших певцов («певчих») молитвы «Отче наш», «Богородице», «Спаси Господи люди твоя» не читаются, а поются.

После молитвы младшие идут в свою спальню, а старшие возвращаются в свою «камеру», где занимаются до 22-х, а иногда (учащиеся 8-го класса) и до 23 часов.[39]

В воспитательном отношении пансионерам настойчиво прививалось чувство порядка. Как отмечал в памятной книге о 2-й гимназии один из ее преподавателей П.К. Тихомиров, их приучали «следовать в своем образе жизни строгому, определяющему каждый их шаг, режиму, а в своей внешности — блюсти опрятность и чистоту». С внутренней стороны им «внушались чувства добра и правды, вежливости в обращении со старшими, друг с другом и со служителями…».[40]

Время от времени в гимназии проводились различные внеклассные мероприятия, что особенно оживляло довольно однообразный быт пансионеров. Специально приглашенные лица или сами преподаватели (чаще всего это был учитель физики Г.И. Иванов) выступали с познавательными лекциями, сопровождавшимися демонстрацией «туманных картин» (т. е. диапозитивов). Так, в 1898–1901 гг. Барченко имел возможность прослушать лекции о путешествиях Нансена, об Альпийских и Кавказских горах, об Абиссинии, о Солнечной системе и строении Земли, о землетрясениях и вулканах, о кометах и тд. Шмназисты также совершали образовательные экскурсии по окрестностям Петербурга. Кроме этого устраивались ученические музыкально-литературные вечера, коллективные читки пьес известных драматургов (например, читали комедии А.Н. Островского). В 1898 г. в гимназии возник любительский оркестр балалаечников — по примеру необычайно популярного в ту пору оркестра русских народных инструментов В.В. Андреева. А годом позднее гимназия торжественно праздновала столетие со дня рождения А.С. Пушкина.

Мы не случайно так подробно останавливаемся на гимназических годах Барченко, ибо многое из усвоенного им в

тот период — в стенах С.-Петербургской 2-й гимназии — он возьмет во взрослую жизнь и с успехом использует при создании своего «трудового братства».

Александр Барченко окончил гимназию весной 1901 г. Вместе с ним ее окончили еще 40 человек, среди которых было шестеро медалистов — двое золотых и четверо серебряных.[41] В том же году он поступил в Военно-медицинскую академию, в которой, правда, проучился только один академический год. Затем перевелся на медицинский факультет Казанского университета, где слушал лекции два года (в 1902–1904 гг.), а оттуда в Юрьевский (бывш. Дерптский, ныне Тартуский) университет. Здесь его занятия продолжались лишь один семестр — до начала 1905 г.[42] К этому времени Барченко уже обзавелся семьей — жену звали Александра Шубина (р. 1880), и от нее в 1904 г. у него родился сын, которого назвали в честь отца Барченко Василием. Брак этот, однако, вскоре распался, и жена с сыном уехали в Москву.[43]

Таким образом, в течение трех лет Барченко трижды менял альма-матер. Это его «непостоянство» скорее всего можно объяснить материальной нуждой — отец не помогал ему деньгами, и Александру, очевидно, приходилось зарабатывать — чтобы содержать семью и оплачивать учебу — в вакационное время, как это делали другие необеспеченные студенты. Существовала, правда, возможность получить освобождение от платы за обучение, но этого было нелегко добиться, как свидетельствует учившийся в Юрьеве в те же годы знаменитый в будущем хирург Н.Н. Бурденко.

Свой уход из Юрьевского университета сам Барченко объяснял «неимением средств», но была, как кажется, и еще одна причина — русская революция. В начале 1905 г. студенческие волнения охватили многие университетские города России, в том числе и Юрьев, этот главный научно-просветительский центр Лифляндской губернии, «Афины на Эмбале». В городе происходили массовые демонстрации, звучали революционные песни и лозунги, призывавшие к свержению самодержавия и созыву Учредительного собрания. В этой обстановке занятия в

университете в 1-м семестре 1905 г. не начались в положенный срок, и начальство было вынуждено официально объявить о закрытии университета. Здесь напрашивается вполне уместный вопрос об отношении студента-медика Барченко к революции. Два десятилетия спустя, в 37-м, на допросе у следователя, припоминая «революционные годы» в Юрьеве, Александр Васильевич откровенно заявит, что принципы «общечеловеческого», «абсолютной морали» и т. д. ему были «несоизмеримо ближе и понятнее, чем классовая сущность происходивших революционных событий». «Это отклоняло меня от связей с левым студенчеством и толкало к общению с совершенно чуждой революции средой».[44]

В связи с этим он особо упомянул имя одного из своих юрьевских наставников — профессора римского права А.С. Кривцова.

«Кривцов рассказал мне, что, будучи в Париже и общаясь там с известным мистиком-оккультистом Сент-Ивом д’Альвейдром, он познакомился с какими-то индусами. Эти индусы говорили, что в Северо-Западном Тибете в доисторические времена существовал очаг величайшей культуры, которой был известен особый, синтетический метод, представляющий собой высшую степень универсального знания, что положения европейской мистики и оккультизма, в том числе и масонства, представляют искаженные перепевы и отголоски древней науки. Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнявших в дальнейшем всю мою жизнь. Предполагая возможность сохранения в той или иной форме остатков этой доисторической науки, я занялся изучением Древней истории, культур, мистических учений и постепенно с головой ушел в мистику».[45]

А.С. Кривцов, несомненно, сыграл очень важную роль в духовном становлении Барченко. Во всяком случае, он увлек, заразил его идеями д’Альвейдра о «доисторической культуре» и «древней науке». Но что нам известно об этом человеке, первом идейном учителе Барченко?

Александр Сергеевич Кривцов (1868–1910) окончил в 1890 г. юридический факультет Московского университета, после чего был командирован на три года в Берлин для занятий римским правом. Вернувшись в 1894 г. в Россию, он был назначен приват-доцентом Новороссийского университета, где преподавал гражданское право и судопроизводство. Летом 1896 г. Кривцов получил назначение на должность профессора Юрьевского университета. В этом университете он занимал сперва кафедру местного права, а затем (с 1897 г.) кафедру римского права.

28 марта 1899 г. Кривцов публично защитил в Харьковском университете диссертацию на степень магистра римского права, после чего вернулся в Юрьевский университет, где преподавал бессменно — до 1910 г. — ряд юридических дисциплин включая римское право, гражданское право и гражданское судопроизводство.

Кривцов имел чин статского советника и был награжден орденами Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст., а также медалью в память царствования Александра III.

Его основные труды: Delictsfahigkeit der Gemeinde. Berlin, 1894; Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. Юрьев, 1898; Общее учение об убытках. Юрьев, 1902; Семейное право (конспект лекций). Юрьев, 1902.[46]

В 1910 г. Кривцов перебрался в Петербург, где был зачислен в штат юридического факультета недавно созданного В.М. Бехтеревым Психоневрологического института.[47] Здесь, вскоре после начала преподавания, он скоропостижно скончался 10 ноября 1910 г.

Никаких других сведений о Кривцове в российских архивах и библиотеках отыскать не удалось. Его коллега по университету В.Э. Грабарь, проведший в стенах юридического факультета в Юрьеве четверть века (с 1883-го по 1918 г.), в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился о Кривцове.[48] И это несмотря на то, что оба они проработали бок о бок на одном и том же факультете целых 14 лет (!). В то же время Грабарь

вспоминает многих других сослуживцев, профессоров-правоведов, преподававших в университете в те же годы, что и Кривцов. Но это были в основном талантливые ученые («молодые дарования») или представители «прогрессивной группы» профессоров, те, кто принимал участие в общественной жизни университета и города.

Кривцов, очевидно, не принадлежал ни к тем, ни к другим. Тем не менее он «пользовался симпатиями профессоров и студентов», как отметила после его ухода из жизни юрьевская «Маленькая газета» (единственная издававшаяся в то время в городе). О его оккультных связях, кроме того, что рассказывает Барченко, нам ничего не известно, хотя некоторые предположения на этот счет можно сделать. Известно, что деканом юридического факультета Психоневрологического института в это время являлся знаменитый Максим Максимович Ковалевский — историк, юрист, этнограф, социолог, организовавший в институте первую в России кафедру социологии, и… масон. В 1887–1905 гг. Ковалевский находился в эмиграции во Франции, где вступил в масонскую ложу «Великий Восток Франции».[49] Можно предположить, что он и Кривцов познакомились в Париже (во время европейской стажировки последнего) и что именно Ковалевский свел Кривцова с Сент-Ивом д’Альвейдром. Являясь одним из главных русских масонов в Париже, Ковалевский, возможно, даже посвятил Кривцова в одну из французских лож, как это имело место, например, в случае с А.В. Амфитеатровым и М.А. Волошиным. Впоследствии тот же Ковалевский мог пригласить Кривцова преподавать юриспруденцию в Психоневрологическом институте (так же, как в 1908 г. он пригласил на свою кафедру старого парижского приятеля, социолога, философа и масона, члена ложи «Космос» Е.В. Роберти).

Но вернемся к Барченко. Прервав занятия в Юрьеве, он вернулся в Петербург, где поступил на государственную службу — «по министерству финансов». Карьера чиновника, очевидно, мало прельщала его, и потому вскоре он оставил службу. Следующий отрезок его жизни — приблизительно с конца 1905-го по 1909 год — пройдет в мучительных поисках своего места

под солнцем. «Мне пришлось, — вспоминал уже в зрелом возрасте Барченко, — в качестве туриста, рабочего и матроса обойти и объехать большую часть России и некоторые места за границей».[50] Одной из посещенных им стран, возможно, была сказочная Индия, будоражившая в то время воображение многих молодых людей на Западе, на что намекают некоторые эпизоды в его романе «Доктор Черный» и что отчасти подтверждается сообщением Э.М. Месмахер-Кондиайн (одной из учениц Барченко).

Итак, в 1910 г. Барченко и Кривцов снова оказались в одном городе и, вероятно, возобновили знакомство. К их контактам мы еще вернемся на страницах этой книги. Любопытно, однако, отметить, что именно в этот период — примерно в 1910–1911 гг. — Барченко пробует заниматься «рукогаданием» — хиромантией. Начитавшись различных пособий, он уезжает в Боровичи (городок в Новгородской губернии), где с разрешения местной полиции начинает давать «консультации» всем желающим узнать свою судьбу.[51] Так он рассказывал следователю НКВД в 37-ом. Однако по сведениям И.В. Барченко (сына В.А. Барченко) Александр находился в Боровичах в 1906–1907 гг.: там он отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося. Здесь мы прервем наш рассказ, чтобы познакомить читателя с той атмосферой, в которой протекали ранние эзотерические искания Барченко.

2. ХРАМ ШАМБАЛЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Начало XX века можно назвать поистине ренессансом оккультизма в России. В этот период необычайно широкое распространение — прежде всего в С.-Петербурге и Москве — получают различного рода религиозно-философские и оккультно-мистические учения. Особой популярностью у русской публики пользовались французские оккультисты Фабр д’Оливе, Эли-фас Леви, Станислас Гуайта, Жерар Энкосс (Папюс) и Сент-Ив д’Альвейдр. Во время первого визита Николая II вместе с женою в Париж вскоре после коронации (осенью 1896 г.) Папюс, между прочим, обратился к русскому монарху с посланием от имени французских спиритуалистов, в котором говорилось: «Великий тайный закон истории раскрыт одним из наших мэтров

Фабром д’Оливе в его «Философской истории человеческого рода» и развит другим нашим мэтром Сент-Ивом д’Альвейдром в его «Миссиях».[52] В 1901–1906 гг. Папюс — гроссмейстер ордена мартинистов и преданный друг и ученик д’Альвейдра — несколько раз побывал в Петербурге, где был принят Николаем II. Накануне своей первой поездки в Россию он писал учителю:

«Мой дорогой Мэтр,

я определенно еду в Петербург 27 января. Мне устраивают трехнедельное чтение лекций, большинство из которых состоится при Дворе перед великими князьями. Я хотел бы посвятить некоторые из этих лекций «Археометру» и Вашей работе. Такая возможность едва ли будет у меня долгое время, поэтому Вы можете располагать мной, если пожелаете вооружить меня [материалами] с этой целью. Его Величество Царь весьма интересуется христианским эзотеризмом, и, я полагаю, «Археометр» может просветить Его».

(О Сент-Иве и его «Археометре» — «универсальном ключе к древним наукам» — мы расскажем подробнее в одной из последующих глав.)

Хорошо известно имя еще одного французского оккультиста, имевшего большое влияние на царскую чету — в особенности на царицу — в годы, предшествовавшие первой русской революции. Это учитель Папюса, гипнотизер и спирит Антельм Филипп Низье (1849–1905) — «отец Филипп» из Лиона.

В те же годы стремительно набирает силы теософское движение, все более привлекавшее к себе тех, кого не удовлетворяла позитивистская материалистическая наука, равно как и религиозная ортодоксия. В конце 1908 г. в северной столице с разрешения городских властей учреждается Российское теософическое общество. Главная его цель, согласно уставу, «служение идее всемирного братства и научное изучение всех религий, а также исследование природы и скрытых сил человека».[53] Помимо теософии и, несколько позднее, ее разновидности, антропософии, распространение получают и друг ие оккультные течения — спиритуализм, спиритизм, медиумизм.

Петербург — «холодный головной центр» империи — все более погружался в мир иррационального. Эту обстановку «религиозно-мистического брожения» в столице — всего через несколько месяцев после опубликования октябрьского манифеста 1905 г. — корреспондент популярного оккультистского журнала «Ребус» охарактеризовал такими словами:

«Весь Петербург охвачен необычайно сильным мистическим движением, и в настоящее время там образовался уже целый водоворот маленьких религий, культов и сект. Движение охватывает собою как верхние слои общества, так и нижние. В верхних слоях мы находим теософско-буддийское течение. Любители теософии соединяются вместе и уже начинают обсуждать вопрос об устройстве буддийской ламасерии (общежития) и теософско-буддийской моленной-храма. С другой стороны, наблюдается возникновение сильного интереса к масонству и возникают вновь заглохшие было формы религиозных движений прошлого столетия».[54]

Удивительно, что это сообщение появилось на страницах «Ребуса» за два дня до того, как Николай II принял в частной аудиенции в Зимнем дворце прибывшего в Петербург инкогнито посланника 13-го далай-ламы Тубтена Гьяцо — бурятского ламу Агвана Доржиева.[55] На этой встрече Доржиев обсуждал с царем главным образом тибетские дела — весьма щекотливый для российской дипломатии вопрос о помощи далай-ламе, бежавшему из Тибета летом 1904 г. от англичан, вторгнувшихся в страну. В то же время он просил монарха позволить петербургским буддистам устроить в городе небольшую молельню для удовлетворения своих духовных нужд. Оба вопроса, однако, остались нерешенными. Лишь три года спустя, после нового ходатайства Доржиева, подкрепленного личным обращением далай-ламы к царю, Николай II согласился удовлетворить «просьбу» тибетского первосвященника (на самом деле инспирированную самим Доржиевым), разрешив постройку буддийской молельни-ламасерии. Рассказывают, что царь якобы даже заявил Доржиеву на встрече весной 1909 г.,

что «буддисты в России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла».[56]

Это обещание воодушевило небольшую буддийскую колонию в Петербурге, во главе которой находился все тот же Агван Доржиев, окончательно переселившийся на невские берега осенью 1905 г. Ее костяк составляли осевшие в столице буряты и калмыки. К буддистам причисляла себя и горстка этнических русских — это были в основном представители петербургской интеллигенции и «высшего света», неожиданно увлекшиеся буддийским учением. Многие из них пришли к буд дизму через теософию, которая, как известно, имеет сильную буддийскую закваску и потому нередко рассматривается как своего рода «необуддизм». По мере того как ширилось теософское движение, неуклонно росло и число теософо-буддистов или необуддистов. Здесь необходимо отметить, что буддийское учение в основном привлекало тех, кто стремился к нравственному совершенствованию и искал идеалы вне укоренившейся в западном обществе крайне эгоцентричной системы моральных ценностей.

Ответ на свои запросы эти люди находили в раннем «этическом» буддизме Хинаяны, или Малой Колесницы, т. е. индийской разновидности вероучения, получившего в то время наибольшую известность на Западе. Основу Хинаяны составляет учение Будды о Четырех истинах и Среднем пути, при этом особый акцент делается на достижении человеком трансперсонального состояния «нирваны» — понятие, крайне интриговавшее в ту пору западных интеллектуалов. Сложнейшие психологические концепции и философско-религиозная проблематика более позднего буддизма Большой Колесницы (Махаяны), представленные множеством различных (главным образом, тибетских) школ, равно как и его ритуальная практика, были, по сути дела, неведомы в ту пору европейской, в том числе и русской, буддийствующей публике. Неудивительно поэтому, что Агван Доржиев во время своей поездки в Париж летом 1898 г. устроил в помещении Музея восточных искусств (Музей Шмэ) показательное «ламаистское богослужение» для французских буддистов. На этой необычной службе присутствовали в

основном представители столичного бомонда, дипломаты и политики включая будущего премьера Жоржа Клемансо, а также небольшая группа русских. Среди последних оказался поэт Иннокентий Анненский, передавший впоследствии свои переживания в стихотворении «Буддийская месса в Париже».

В конце XIX века в Париже, Лондоне и некоторых других европейских столицах уже существовали небольшие буддийские «общины», объединявшие тех, кто принял новомодную альтруистическую веру Будды. В Париже, между прочим, было немало и «русских буддистов» — так, нам известно о некой А.В. Гольштейн, которая познакомила поэта М.А. Волошина с Агваном Доржиевым осенью 1902 г., во время нового визита посланца далай-ламы в Париж. Под влиянием этой встречи Волошин восторженно писал в Петербург: «Теперь — Лама. Кто Вам сказал, что он без языка? Я с ним очень много беседовал, через переводчика, конечно. Он мне много сказал такого об нирване, что сильно перевернуло многие мои мысли».[57] Этой встрече с буддийским священником Волошин придавал большое значение, поскольку она позволила ему «прикоснуться к буддизму в его первоисточниках». «Это было моей первой религиозной ступенью», — отмечал он позднее в одной из своих автобиографий.[58]

Таким образом, Петербург в начале XX столетия оказался перекрестком, где встретились два буддийских потока: один шел с Запада — из Парижа и Лондона, этих главных теософских центров Европы, и представлял собой ранний, «этический» буд дизм Индии, воспринятый преимущественно европейской интеллектуальной средой — назовем его «интеллектуальным буддизмом»; другой — с Востока, от российских бурят и родственных им калмыков, исповедовавших ламаизм, или северный буддизм, Тибета и Монголии, возникший в более позднюю эпоху. Оба эти потока на недолгое время — до 1917-го — соединились под сводами петербургского буддийского храма, построенного Доржиевым не только для своих бурятско-калмыцких единоверцев, но и для русских «интеллектуальных» теософо-буддистов.[59] Именно на последних намекал «Виленский вестник», писавший в середине 1909 г., вскоре

после начала строительных работ в Старой Деревне: «Сооружаемый буд дийский храм, кроме целей чистого религиозного культа, преследует, между прочим, и цели создания специального центра, вокруг которого смогут группироваться все интересующиеся буддизмом в Петербурге».[60]

Затеяв постройку «экзотического» буддийского храма в столице Российской империи, ее инициатор и руководитель Агван Доржиев, по сути дела, преследовал две цели — политическую и религиозную: во-первых, способствовать русско-тибетскому сближению и, во-вторых, «продвинуть» буд дийское учение (дхарму) на Запад, где традиционно господствовала христианская церковь. И это ему отчасти удалось. Сохранились фотографии, запечатлевшие петербургскую «буддийскую колонию» начала 1910-х, на которых можно видеть русских «великосветских» буддистов, стоящих бок о бок с простыми бурятами и калмыками на ступенях еще не достроенного храма Будды в Старой Деревне.

Постройка храма или, правильнее сказать, небольшого буддийского монастыря (дацана), однако, натолкнулась на сильное противодействие со стороны наиболее реакционных кругов Петербурга, в том числе и некоторых иерархов православной церкви. С их подачи храм был громогласно объявлен «идольским капищем», с помощью которого новоявленные русские буддисты якобы пытаются вернуть язычество на Святую Русь. Доржиев и его помощники стали получать анонимные письма с угрозами убить их и взорвать храм. В результате строительство растянулось на несколько лет и окончательно завершилось в самый разгар мировой войны. 10 августа 1915 г. состоялось торжественное освящение храма, после чего по традиции он получил тибетское название: «Кунла-цэдзэ-туванг-чой-бинэ» (Источник святого учения Будды всесострадающего). Рядом с храмом Доржиев также построил четырехэтажный каменный дом, в котором поселил бурятских и калмыцких лам, прибывших в Петербург весной 1914 г. для совершения регулярных богослужений. Было их всего девять человек, четверо из которых имели высшую монашескую

степень «гелонгов». Все они принадлежали к буддийской школе «гелуг» («добродетельной»), которую также часто именуют «желтошапочной» (по цвету особого рода головных уборов лам). Возникла она в Тибете в XIV веке и впоследствии получила наибольшее распространение в странах «северного буддизма». Уже после революции, в конце 1922 года, в этом буддийском «общежитии» на некоторое время поселился со своей семьей и А.В. Барченко.

Посетившие Старую Деревню по случаю освящения храма корреспонденты петербургских газет были немало удивлены, увидев вместо ожидаемой скромной молельни для местных бурят и калмыков величественное, импозантного вида сооружение — «буддийскую пагоду». Внешняя форма здания с мощными, несколько наклоненными внутрь стенами, отделанными красно-фиолетовым финским гранитом, напоминала неприступную крепость. Внутрь храма вели три массивные деревянные двери, скрывавшиеся в глубине изящно орнаментированного портала с колоннами. Капители колонн и верхний фриз основного объема здания украшали позолоченные щиты с эмблемой-монограммой Калачакры, представляющей собой причудливое соединение десяти мистических санскритских слогов. Это — формула «Десяти могуществ» (Намчуванг-дан), выражающая глубинную связь макро- и микрокосма, вселенной и человека, поскольку каждый из знаков-слогов имеет два смысла — космический и человеческий. По преданию, символ «Десяти могуществ» был изображен на воротах знаменитого буддийского монастыря Наланда, одного из первейших центров учености в Древней Индии.

Над храмом в его задней части возвышалась выложенная из красного кирпича башня (так называемый «гонкан»), ориентированная строго на север, туда, где, по представлению буддистов, находится блаженная земля Шамбалы — «Шамбалын орон». В этой башне помещался особый алтарь с изображением гения-хранителя храма — богини Лхамо. Основной же алтарь с почти трехметровой статуей Большого Будды, изваянной из алебастра забайкальскими мастерами, находился в главном молитвенном зале — в первом этаже башни по оси здания. Не

менее сильное впечатление на посетителей производили и интерьеры храма, создававшие особую мистическую атмосферу. Прежде всего поражало отсутствие окон — свет в основное помещение храма (нижний зал) проникал сверху, прямо с неба, через остекленную часть крыши и потолка (световой фонарь) и падал на восьмилепестковый лотос, выложенный цветными плитками в полу и воспроизводивший символические очертания Шамбалы; чуть ниже лотоса, у самых дверей, из тех же плиток была составлена свастика — древний арийский (индо-буддийский) символ счастья. Завораживало и богатое убранство молитвенного зала — густая позолота и яркие краски, загадочные восточные иероглифы, унизывающие собой барельефы колонн, идущих вдоль храма, но особенно — писаные на ткани буддийские иконы — «тангка», среди которых, по рассказам, имелось и изображение Блистающей Шамбалы.

Прообразом для петербургского дацана послужил классический тибетский «цогчен-дуган» — монастырский соборный храм. По желанию Доржиева, однако, русские архитекторы Г.В. Барановский и Р.А. Берзен придали ему вполне современный европейский облик в стиле модного северного модерна, чтобы сделать привлекательным в глазах западных буддистов. Особенно тщательной была отделка интерьеров, которой в 1914–1915 гг. руководил Николай Рерих. Так, например, по эскизам Рериха были выполнены цветные витражи плафона и «светового фонаря» (сохранились до наших дней), на которых изображены традиционные буддийские символы — «Восемь счастливых знаков». Основой для эскизов послужили, очевидно, рисунки бурятских художников, которые западный мастер затем искусно стилизовал в духе модерна. По признанию самого Рериха, именно во время строительства храма он впервые услышал о Чанг Шамбале (Северной Шамбале) от «одного очень ученого бурятского ламы».[61] Возможно, это намек на Агвана Доржиева. В то же время информатором Рериха вполне мог быть и принимавший участие в украшении храма бурят Гэлэг-Чжамцо, высокоученый лама, автор трудов по буддийской астрономии и математике.

Расчеты Доржиева сделать дацан центром буддизма в Петербурге вполне оправдались — уже первое богослужение в храме, состоявшееся по случаю празднования трехсотлетия Дома Романовых 21 февраля 1913 г., собрало практически всю буддийскую колонию города включая русских «необуд дистов». Кто были эти люди, которых праворадикальная пресса того времени саркастически именовала «идолопоклонниками» и «богоискателями»? Репортер одной из петербургских газет обнаружил среди присутствующих «кн. Дондукову, несколько офицеров во главе с полковником генштаба И. и двух воспитанников училища правоведения».[62]«Княгиня Дондукова» — это Ксения Александровна Тундутова — дочь русского генерала А.М. Бригера, состоявшая замужем за калмыцким князем («нойоном») из Малых Дербет, блестящим гвардейским офицером Данзаном (Дмитрием) Тундутовым.[63] Салон красавицы княгини К.А. Тун-дутовой на Каменноостровском проспекте являлся центром петербургских «необуддистов» в 1910-е годы (тогда как центром столичных теософов был салон А.А. Каменской, основательницы РТО и редактора-издателя «Вестника теософии»).

Кроме князей Тундутовых у Доржиева в Петербурге был еще один влиятельный покровитель — «лицо, занимающее довольно высокий служебный пост», как писала одна из газет. «Благодаря сочувствию, высказанному к идеям буддийской религии этим лицом, а также благодаря усиленным хлопотам его, петербургской буддийской колонии удалось получить разрешение на сооружение в С-Петербурге первого буддийского храма».[64] Речь, по-видимому, идет о князе Эспере Эсперовиче Ухтомском. Ученый (большой знаток ламаизма), дипломат, предприниматель, редактор-издатель «С.-Петербургских ведомостей», наконец коллекционер произведений буддийского искусства, князь Ухтомский был довольно колоритной фигурой для своего времени. Являясь сторонником активной русской политики на Востоке, в частности — в Тибете, он немало способствовал осуществлению политических планов Доржиева. Именно Ухтомский благодаря своей близости ко двору помог «тибетскому посланнику» получить первые аудиенции у царя и ввел его в петербургское высшее общество. И если политики

поначалу восприняли Доржиева весьма сдержанно и холодно, ибо просимая им помощь Тибету грозила России серьезными дипломатическими осложнениями с Англией, то совсем иным было отношение к нему великосветской публики, особенно тех, кто в своих религиозно-нравственных исканиях пришел к принятию учения Будды. Эти люди прежде всего видели в Доржиеве не закулисного дипломата и политика, но высокое духовное лицо, стоящее близко к далай-ламе, одного из учителей мистического Тибета.

А.В. Барченко, разумеется, знал о строящемся в С-Петербурге буддийском храме. Несомненно, ему было известно также и о теософическом обществе. Однако у нас нет никаких сведений о его контактах в предреволюционные годы ни с проживавшим при храме Агваном Доржиевым или другими ламами, ни с ведущими питерскими теософами включая А.А. Каменскую. (С Доржиевым он впервые встретится лишь в 1923 г.) И все же волна увлечения теософией и буддизмом, охватившая многих молодых петербуржцев в начале XX века, едва ли обошла стороной склонного ко всему мистическому Барченко. Об этом косвенно свидетельствуют два его романа, написанные в эти годы, — «Доктор Черный» и «Из мрака».

3. ДОКТОР ЧЕРНЫЙ

Вернувшись в Петербург после своих странствий по миру, Александр Васильевич Барченко целиком отдался литературному творчеству. С увлечением он пишет очерки, рассказы и повести, которые начиная с 1911 г. довольно регулярно появляются в петербургских журналах, таких, как «Мир приключений», «Природа и люди», «Жизнь для всех», «Русский паломник» и др. Сюжеты произведений Барченко по большей части навеяны его собственным жизненным опытом или взяты из истории. При этом содержание некоторых рассказов (таких, как «Вавилонская башня», «Рогатый вор», «Поселок Нэчур», «Услуга метиса» и др.)[65]определенно намекает на те места, которые ему, возможно, довелось посетить, — Северная Америка, Канада, Калифорния. Можно предположить, что Барченко, как и герой его рассказа «Мертвый мститель»,[66]плавал на товарно-пассажирском пароходе, совершавшем рейсы между Старым и

Новым Светом. В тот же период путешественник, по-вйдимому, побывал и в двух основных буддийских регионах России — в Забайкалье и калмыцких степях (как о том свидетельствуют рассказы «Пожар в тайге» и «На Каспии»).[67]Но Барченко не только бороздил земные просторы — сушу и море; он, если верно наше предположение, опускался под воду (повесть «Петербургские водолазы»[68]) и даже поднимался в воздух (рассказы «На Блерио» и «Хозяева воздуха»[69]). И это в то время, когда русская авиация делала свои первые шаги!

Литературно-журналистский опыт Барченко оказался весьма успешным. Уже в 1914 г. в одном из столичных издательств был опубликован сборник его рассказов «Волны жизни», иллюстрированный, кстати, самим автором. Тогда же журнал «Мир приключений» поместил на своих страницах два больших романа талантливого беллетриста, связанных единой сюжетной канвой, — «Доктор Черный» и «Из мрака».[70] Оба этих произведения представляют для нас немалый интерес, поскольку изобилуют автобиографическими реминисценциями и в большой степени отражают теософско-будцийское мировоззрение Барченко, вполне сформировавшееся к тому времени.

Действие в романах происходит отчасти в России, отчасти за ее пределами — в Индии (в Бенаресе и Дели) и где-то в Шмалаях или даже за Шмалаями, т. е, в Тибете. Их главный герой Александр Николаевич Черный — доктор медицины, приват-доцент физико-математического факультета Петербургского университета, известный на Западе под именем профессора Нуара. Он — серьезный ученый и вместе с тем эзотерик, член теософского общества, «брат величайшего на земле посвящения», младший из «махатм». Доктор Черный весьма далеко продвинулся по стезе познания тайн природы, однако не следует думать, что он почерпнул свои необыкновенные знания исключительно из теософии. Напротив, он — поборник самой строгой, но не ортодоксальной науки. Он прекрасно знаком с последними достижениями европейской научной мысли, которые, по его мнению, лишь возвращают человека к тайным знаниям прошлых цивилизаций. Долгих 11 лет он провел в

Тибете, наглухо замурованный в горной келье. В результате этой суровой йогической аскезы ему открылись многие тайны мироздания. Но доктор Черный — не оторванный от жизни идеалист-созерцатель, а реалист и практик, использующий свои удивительные способности и знания на благо людей. Например, он знает противоядие от укуса кобры, о котором еще не известно западной медицине, и спасает от верной смерти одного из героев романа, своего соотечественника студента Беляева. По его распоряжению больного для лечения переносят в маленький горный монастырь, расположенный на границе Индии и Тибета. Монастырь этот устроен прямо в скале и принадлежит «братству Желтых колпаков» Желюг — т. е. монахам «желтошапочной» школы гелуг, наиболее распространенной в Тибете. Там в крошечных кельях находятся, с одной стороны, добровольно замурованные, «посвященные самых низких степеней», и с другой — имеющие высшие степени посвящения, «избравшие созерцательный путь совершенствования». Первые находятся в заточении от шести недель до трех лет, вторые не покидают своих келий до самой смерти. Всем этим порядком руководят те, «кого никто не видал, но которые существуют и… живут не особенно далеко отсюда»[71] — очевидный намек на гималайское братство «махатм». Черный, как и Барченко, убежден, что на земле в глубочайшей древности господствовала великая цивилизация — «красная раса». Но она одряхлела и выродилась в соответствии с законом циклического развития человеческого общества. Живущие ныне мулаты, метисы и египетские феллахи — это ее «выродившиеся потомки».[72] О катастрофе, стершей с лица земли эту цивилизацию, свидетельствуют многие древние памятники:

«Лучшая иллюстрация… Легенда о чудовищном потопе живет на Яве, на Алеутских островах точно так же, как в Индии, Палестине и Вавилоне. В древнейшей Америке Ной выступает в лице Кокс-Кокса. Маорийцы тихоокеанских архипелагов рядом с легендой о потопе воспроизводят в точности, почти слово в слово, миф о Прометее в легенде о птице Оовеа. Платон открыто называет Атлантиду, погибшую под волнами океана в геологическом перевороте. Он точно устанавливает географическое положение материка, описывает города,

постройки, культ, образ правления. В именах атлантских «царей» под обычным для древности шифром — эпонимами — мы знакомимся с историей культуры атлантов, узнаем, что древнейший Египет был колонией атлантов. И наши ученые, антропологи Топинар и Пеше, без всякой задней мысли удостоверяют, что красные потомки древнейших египтян — феллахи, несмотря на попытки слияния со стороны позднейших завоевателей, до сих пор тот же чистый тип, что на древнейших памятниках».[73]

О том, что Атлантида — не утопия, свидетельствуют, по мнению Черного, поразительные исследования доктора Пленджена в дебрях Юкатана. Этот ученый убедительно показал, что космогония и история древнейших обитателей Юкатана «лишь повторение «легендарного периода» египетской истории, периода до таинственного законодателя Менеса».

Мы — нынешнее человечество — представители новой послепотопной цивилизации — «5-й расы», которая должна уступить место 6-й расе, а за ней грядет 7-я, последняя. В этом утверждении Черного нетрудно увидеть отголосок теософской теории семи рас, с которой Барченко, очевидно, был хорошо знаком. Устами своего героя он также сообщает читателю о совершенных познаниях предшествующей, т. е. допотопной цивилизации: «Человечество… переживало в древности ступень развития, перед которой меркнут завоевания современной науки.

И если это так, то где же искать памятники этого развития, как не у древнейших народов, всегда сторонившихся ревниво от сношений с народившимся новым, молодым человечеством».[74] Эти высшие знания доисторического общества, дает понять нам доктор Черный, по сю пору сохраняются одной из «философских» школ Тибета. Однако для большинства европейцев они недоступны.

Восхищаясь Индией Духа, герой Барченко вместе с тем не закрывает глаза на мрачные стороны современной индийской жизни. Он — противник кастовой системы и тех, кто стоит на ее защите, — ортодоксального брахманства. В то же время Черный

решительно порывает с теософским обществом, поскольку находит недопустимым его стремление «окружить тайной ключи, раскрывающие науке новые горизонты». Подобные взгляды, по-видимому, отражают позицию автора, и, следовательно, можно предположить, что в образе доктора Черного Барченко отчасти изобразил самого себя. В пользу такого предположения говорит хотя бы то, что именно Черный излагает исповедываемое им учение о расах и «доисторической культуре» — хранительнице ключей совершенного знания. Действительно, при внимательном прочтении романов нельзя не заметить определенного сходства в характере, мировоззрении и даже судьбе Барченко и Черного, это наводит на мысль о том, что загадочный доктор есть его alter ego. В то же время, возможно, прав и С.А. Барченко, считающий, что прототипом Черного послужил известный эзотерик П.Д. Успенский.[75] А.В. Барченко, по предположению сына, мог посещать лекции Успенского по теософии в Тенишевском зале в Петербурге в 1910–1912 гг.

И все-таки писатель не стал учеником Успенского, даже если и посещал его лекции. Романы Барченко написаны в реалистической манере, без малейшего уклона в мистику, если только не считать мистическими откровения доктора Черного по поводу «семи рас» и «древней науки». Однако при всей наукообразности рассуждений многие его утверждения весьма спорны, а ссылки на западные авторитеты при ближайшем рассмотрении оказываются не слишком убедительными. Взять хотя бы упоминание исследований Опостуса Плонжона (Планджена). В свое время этот французский ученый-самоучка, горячий энтузиаст идеи родства цивилизаций Америки и Древнего Египта, наделал немало шума своими открытиями на полуострове Юкатан, где в течение трех десятилетий вместе с женой Алисой Плонжон изучал развалины городов майя. Результаты его поисков, однако, не получили признания ученых, и за Плонжоном закрепилась репутация «фантазера и фальсификатора». Для этого, по правде говоря, имелись основания. Чрезмерное увлечение своими более чем оригинальными теориями привело к тому, что Плонжон нередко терял чувство реальности и принимал или же выдавал желаемое за действительное. Некоторые его утверждения кажутся

совершенно нелепыми, как, например, то, что Иисус произнес свои предсмертные слова на языке майя (?!). Плонжон, между прочим, был убежден, что индейцы майя обладали не только высокоразвитой наукой, но и техникой. Как рассказывает Р. Уокоп, Плонжон, обнаружив однажды, что оконную перемычку древнего здания пересекает какая-то линия и рядом с ней выбиты зигзагообразные желобки, тут же заключил, что у древних майя был электрический телеграф (!).[76] Впрочем, Барченко едва ли был знаком с публикациями Плонжона или полемикой вокруг его «открытий» в западной прессе и потому ничуть не сомневался в истинности теорий французского археолога.

К несомненным достоинствам романов Барченко следует отнести ту поразительную достоверность, с которой автор живописует Индию (что косвенным образом подтверждает сообщение Э.М. Месмахер-Кондиайн о его посещении этой страны в годы странствий). Любопытно, что в первом романе даже содержится агитация в пользу такой поездки, когда один из его героев восклицает: «Вы увидите совсем новую жизнь! Будете сталкиваться с племенами, история и происхождение которых до сих пор остается для науки загадкой. Вы увидите своими глазами настоящих факиров. За одно это можно отдать десять лет жизни!».[77] Другое дело Тибет, который Барченко упоминает лишь вскользь в связи с горной обителью отшельников, куда случайно попадают его герои. Сведения о тибетских пещерных схимниках, как удалось выяснить, он почерпнул у двух авторов — американца В.В. Рокхиля и англичанина А. Уоддэля.[78] Именно в книге Уоддэля мы находим прообраз горного монастыря, описанного Барченко. Английский путешественник называет и сроки «заточения» аскетов в своих кельях — 6 месяцев или 3 года, три месяца и три дня для 1-й и 2-й степени святости и «пожизненное замуравливание» для принявших обет на третью, высшую степень.[79] У Уоддэля Барченко заимствует и такую трогательную подробность, — как просунутая сквозь узкое «окошко» в скале дрожащая рука отшельника «в перчатке», ищущая миску с едой. Рокхиль и Уоддэль, между прочим, не могли обойти молчанием в своих книгах и вопроса о тибетских «махатмах», о которых в то время много говорили на Западе в

связи с учением Е.П. Блаватской. Оба они высказывались по этому поводу довольно скептически. Так, Уоддэль приводит мнение тибетского Регента («Кардинала»), утверждавшего якобы, что ничего не знает о существовании «махатм». Не слышал он также, «чтобы какие-нибудь тайны старого мира сохранились в Тибете: ламы интересуются только миром Будды и не придают никакой цены Древней истории».[80] На основании этого утверждения Уоддэль делает собственный вывод-. «Я с сожалением должен сказать, что люди, которые воображают, будто бы в этой сказочной стране, Тибете, переставшей быть неведомой, еще хранятся тайны начала ранней цивилизации мира, предшествовавшей образованию Древнего Египта и Ассирии и почившей вместе с Атлантидой в Западном Океане, должны отрешиться почти от всякой надежды на это».[81]

С таким выводом, однако, едва ли согласились бы Барченко и его герой доктор Черный.

4. ТАЙНЫ ЛУЧИСТОЙ ЭНЕРГИИ

Наряду с литературными занятиями Барченко в 1910–1911 гг. делал и первые самостоятельные шаги в науке. Круг его интересов был необычайно широк и охватывал все стороны естествознания как совокупности наук о природе — материи, человеке, вселенной. Есть, однако, одна тема, которой Александр Васильевич уделял особо пристальное внимание. Это природная «энергетика» — разнообразные виды «лучистой энергии», имеющие первостепенное значение для жизни человека. Свое понимание «энергетической проблемы» Барченко обстоятельно изложил в очерке «Душа Природы». Начинался он с рассказа о роли солнечного светила — источника жизни на Земле, но, возможно, также и на других планетах, например на Марсе. Далее Барченко сообщал читателям ряд сведений, которые, очевидно, почерпнул из научно-популярных публикаций тех лет, — о присутствии растительности на красной планете, о выпадении и таянии там снегов и, конечно же, о загадочных марсианских каналах. Все это позволяло ему высказать предположение, что на Марсе обитают «существа, по разуму не только не уступающие людям, но, вероятно, далеко их превосходящие».[82] Столь же уверенно говорил он и о

существовании эфира — «тончайшей, наполняющей вселенную среды». «Ученые пришли к заключению, что вся вселенная наполнена веществом, настолько тонким, что оно свободно проникает в промежутки между малейшими составными частицами всех видимых предметов, свободно проникая насквозь небесные тела со всем, что на них находится». При помощи этой среды солнце сообщает планетам «запасы жизненных сил, которых оно является очагом». (Понятие «эфира», не вызывавшее розражений во времена Барченко, было затем отвергнуто Эйнштейном, но в конце XX столетия оно вновь вернулось к нам в концепции космического вакуума, наполненного виртуальными энергиями огромнейших, еще не познанных человеком мощностей.) В то же время процессы, идущие в недрах Солнца — «этой ослепительной Душе природы, — чудовищные взрывы и вихри, тотчас отражаются на электро-магнитном состоянии Земли. Стрелки магнитных приборов мечутся, как безумные, вспыхивают северные сияния… Доходит до того, что телеграфы отказываются работать и трамваи двигаться… Кто знает, не установит ли когда-нибудь наука связи между такими колебаниями (напряжения солнечной деятельности) и крупными событиями общественной жизни?».[83]

Примечательно, что слова эти были сказаны начинающим ученым задолго до того, как А.Л. Чижевский создал свое учение о влиянии солнечной активности на земную биосферу.

В статье Барченко рассматривались и другие виды «лучистой энергии» — свет, звук, теплота, электричество. Но особенно подробно он останавливается на двух ее новых видах, совсем недавно обнаруженных наукой, — радиоактивном излучении и загадочных «N-лучах». Открытие в 1898 г. супругами Кюри радия — первого радиоактивного элемента — имело огромное научное значение. О возможностях практического применения лучей радия в биологии, медицине и сельском хозяйстве в то время много говорили и писали. Разумеется, Барченко в своей статье не мог обойти молчанием столь животрепещущую тему:

«Взоры ученого мира обращены в данную минуту на радий. Вычислили, что способности работы, скопленной в щепотке

радия, достаточно для того, чтобы товарный поезд в сорок вагонов обежал вокруг Земли больше четырех раз, для чего нужно сжечь по крайней мере 170 тысяч пудов каменного угля. Но сумей-ка запустить такой поезд радием вместо угля…»[84]

Использование энергии радия (радиоактивности) глубоко волнует Барченко, хотя для него этот вопрос является лишь частью более крупной проблемы — «как уловить и подчинить себе рассеянную всюду в пространстве энергию», — ибо разгадка этой тайны сможет «открыть человечеству рай на земле».

Немалое место в статье отводилось и рассказу об открытых французом Блондло (Blondlot) «N-лучах» как особой разновидности психофизической энергии, излучаемой человеческим мозгом. Исследования французских ученых Шарпантье и Андрэ показали, что практически любая мозговая деятельность человека сопровождается обильным излучением «N». Загадочные «мозговые лучи» — энергия «пси», как бы мы сказали сегодня, — заинтересовали Барченко прежде всего потому, что они, как оказалось, имеют непосредственное отношение к передаче мысли на расстоянии. Изучением этого явления в начале 1900-х активно занимались ученые как на Западе, так и в России (среди последних следует в первую очередь назвать В.М. Бехтерева, И.Р. Тарханова, Н.Г. Котика и А.А. Певницкого). Правда, им не удалось прийти к каким-либо однозначным выводам. Так, Н.Г. Котик считал возможной передачу мыслей непосредственно от одного человека к другому при помощи лучей Блондло, в то время как В.М. Бехтерев относился к существованию N-лучей довольно скептически, тем более что опыты над лучами, проведенные в его лаборатории М.П. Никитиным, дали отрицательные результаты.[85] Хорошо знакомый с работами западных и отечественных психологов Барченко в 1910 г. ставит собственные эксперименты, несколько усовершенствовав «способ исследования», как он отмечает в своей статье, и добивается «весьма интересных результатов».[86] При этом, однако, он дает понять читателю, что было бы неверным считать N-лучи «исключительным двигателем

мысли» — «смотреть на «N» как на самые мысли нельзя, но нельзя также отрицать их тесной связи с последними».[87]

В конце статьи, размышляя над важностью открытий в области «лучистой энергии», которые дают науке «средство добиться разгадки здесь, на земле, из чего и как произошел мир», Барченко неожиданно возвращается к вдохновляющей его идее о том, что Древнему миру были известны многие тайны природы, еще не познанные современным человеком. «Существует предание, что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже нашей. Остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами. Алхимия — химия угасшей культуры».[88]

В уже упоминавшейся нами краткой автобиографической записке А.В. Барченко вскользь упоминает свою работу в этот период (до начала войны в 1914 г.) в каких-то «частных лабораториях».[89] По-видимому, речь идет о его опытах с «N-лучами», но с кем из ученых-психологов он сотрудничал в это время — нам неизвестно. Можно лишь предположить, памятуя о работе А.С. Кривцова в Психоневрологическом институте, что это были лаборатории кого-то из сотрудников В.М. Бехтерева, ставивших эксперименты «по передаче мыслей». Может быть, одним из них был психиатр В.Ф. Чиж, знакомый Барченко по Юрьевскому университету, где Чиж возглавлял кафедру нервных и душевных болезней и изредка читал студентам лекции о гипнотизме и внушении?

В последующие годы появились новые статьи Барченко, продолжившие обсуждение наиболее волнующих его тем: «Загадки жизни», «Передача мыслей на расстоянии», «Гипноз животных». «В различных популярно-научных столичных и провинциальных изданиях я все время работал как популяризатор по вопросам естествознания, преимущественно биологии и географии», — скажет он впоследствии о себе.[90]Барченко в это время уже был женат вторично, жену звали Лобач Наталья Варфоломеевна. Чтобы прокормить семью, ему приходилось много трудиться — писать художественные вещи, а также популярные очерки и статьи — не только

научного характера, но и «на злобу дня» — на спортивные и бытовые темы. Одновременно Барченко усиленно занимался самообразованием — много читал по самым разным дисциплинам в поисках ответа на те самые вопросы, которые ставил перед читателями в своих научно-популярных статьях.

5. Г.И. ГУРДЖИЕВ О «СКРЫТОМ ЗНАНИИ»

Мы уже говорили о возможном знакомстве А.В. Барченко с учением П.Д. Успенского, которое, по мнению С.А. Барченко, оказало влияние на его творчество и мировоззрение в период работы над первыми романами. В 1912 г. в Петербурге появился еще один эзотерик, чье имя впоследствии приобрело широкую известность в России и на Западе, — Георгий Иванович Гурджиев (1877–1949).[91] Три года спустя вокруг Гурджиева начал складываться кружок петроградских учеников, среди которых оказался и П Д Успенский, порвавший к тому моменту по идейным соображениям с РТО. (История эта чем-то напоминает разрыв «доктора Черного» с теософами.) Гурджиев, как известно, в юности много странствовал по Востоку в поисках истинного знания — бывал в Турции, Персии, Афганистане, Индии и, если верить его рассказам, даже в Тибете. В книге «Встречи с замечательными людьми» Гурджиев рассказывает о своих контактах с членами суфийского братства «Сармун» в одном из тайных монастырей Кафиристана (северо-восточный Афганистан).[92] Здесь надо сказать, что, согласно учению Гурджиева, «Учителя мудрости» (khwajagan, или «ходжи») составляют ядро, или «внутренний круг», человечества; все остальные люди принадлежат к «внешнему кругу». Назначение Учителей — быть-источником «новых и мощных идей, которые в конечном счете должны изменить ход человеческого мышления», а также служить «генераторами энергий высокого уровня». Вообще Гурджиев имел собственное объяснение природы энергетического взаимодействия человека с космосом. Роль человека, считал он, состоит в том, чтобы быть «аппаратом для трансформации энергии — некоторые виды энергий, порождаемые человеком, необходимы для космических целей; те, кто понимают, как порождаются эти энергии, истинно исполняют цель человеческой жизни».[93] Но и Барченко, как мы уже видели, проявлял большой интерес к проблеме

взаимодействия космических и земных энергий, включая в число последних психоэнергетические эманации человека.

К моменту появления Гурджиева в Петербурге его эзотерическая система, основанная на древней суфийской традиции, уже приобрела законченный вид. В 1915–1916 гг Гурджиев напряженно работал с учениками, которым пытался передать свое учение о «Четвертом пути». Не мог ли среди них находиться и Барченко?

В книге «В поисках чудесного» П Д Успенский рассказывает такую историю.

«Однажды в мое отсутствие к Гурджиеву явился некий «оккультист»-шарлатан, игравший известную роль в спиритических кругах Петербурга; позднее, при большевиках, он стал «профессором». Он начал разговор с того, что много слышал о Гурджиеве, о его занятиях и пришел с ним познакомиться.

Гурджиев, как он сам мне рассказывал, играл роль настоящего торговца коврами. С сильнейшим кавказским акцентом, на ломаном русском языке, он принялся уверять «оккультиста», что тот ошибся, что он только продает ковры, — и немедленно начал развертывать их перед посетителем.

«Оккультист» ушел, убежденный, что стал жертвой мистификации своих друзей.

Было очевидно, что у мерзавца нет ни гроша, прибавил Гурджиев, иначе я выжал бы из него деньги за пару ковров».[94]

Незадачливого героя этой полуанекдотичной истории, пересказанной Успенским со слов Гурджиева, вполне можно принять за Барченко, который, как мы знаем, действительно увлекался оккультизмом в эти годы и действительно именовал себя «профессором» при большевиках. То, что он стал жертвой розыгрыша эксцентричного Гурджиева, не должно удивлять нас. Последний нередко подвергал своих учеников различного рода «проверкам» и «испытаниям»; к тому же занятия в его кружке

стоили немалых средств, поскольку Гурджиев считал, что знание не может даваться даром. Так что стать его учеником было совсем не просто.

У Гурджиева, между прочим, имелась довольно оригинальная теория по поводу кажущейся недоступности — «скрытости» — истинного («объективного», по его терминологии) знания древних. Такое знание, говорил он, вовсе не является скрытым. В то же время знание вообще не может быть общим достоянием. Объяснял он это таким образом. Знание по своей природе материально, а это значит, что его количество в данном месте и в данное время строго ограничено. Как количество песка в пустыне или воды в море. Воспринятое в большом количестве одним человеком или небольшой группой людей, знание даст прекрасные результаты. Если же попытаться распределить знание понемногу между всеми людьми, то пользы от этого не будет никакой или даже может выйти вред. Все дело в том, что небольшое количество знания не сможет изменить ни жизни людей, ни их понимания мира. Поэтому предпочтительней, чтобы знание находилось в руках немногих и в большом количестве. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство людей вообще не желает никакого знания и даже отказывается от той его крохотной части, которая приходится на их долю в общем распределении для нущ повседневной жизни. Это особенно очевидно в периоды мировых катаклизмов — «массового безумия», сопровождающего войны и революции, когда люди полностью теряют рассудок и превращаются в «автоматы». С другой стороны, никто ни от кого в действительности не утаивает знания. Проблема состоит лишь в том, что приобретение или передача истинного знания требует большого труда и усилий, как со стороны дающего, так и со стороны принимающего. Те, кто владеет знанием, стремятся передать его как можно большему числу людей, чтобы облегчить им доступ к Истине. Однако знание нельзя навязать силой тем, кто его не хочет получить или отвергает.

«Желающий обрести знание должен сам сделать начальные усилия, чтобы найти его источник, прийти к нему, пользуясь помощью и указаниями, которые даются всем, но которые люди,

как правило, не хотят видеть и не замечают. Знание не может прийти к людям без усилия с их стороны. <…> Человек обретает знание только с помощью тех, кто им обладает, — это необходимо понять с самого начала. Нужно учиться у того, кто знает».[95]

Глава вторая
Время испытаний

1. СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Осенью 19 И г., после того как Германия объявила войну России, Барченко оказался в рядах действующей армии. Правда, ненадолго. Уже в 1915 г. после тяжелого ранения он возвращается в Петербург. Вновь берется за перо — пережитое на поле брани подсказывает ему сюжеты «военных рассказов», которые один за другим появляются в журнале «Мир приключений». В 1917 г. он также публикует большую приключенческую повесть «Океан-кормилец» (из жизни мурманских промышленников), очевидно, написанную после возвращения с фронта. Произведение это появилось отдельной книгой как бесплатное приложение к журналу для детей школьного возраста «Всходы».[96] (В настоящее время эта книга является раритетом. В Петербурге мне ее не удалось отыскать — выяснилось, что единственный экземпляр повести находится в бывшей Ленинской библиотеке в Москве.)

Февральскую демократическую революцию Барченко встретил, по-видимому, с тем же энтузиазмом, что и большая часть прогрессивной русской интеллигенции. Однако большевистский Октябрьский переворот с его «массовым безумием» вызвал у него неприятие. «Октябрьскую революцию я встретил враждебно, воспринимая только внешнее проявление толпы, смешивавшее в моем понимании люмпен-пролетариат с пролетариатом и создававшее у меня представление о «животной распущенности» рабочих, матросов и красногвардейцев. Это создавало стремление скрыться, спрятаться от революции», — такими словами Барченко два десятилетия спустя охарактеризовал свое первоначальное

отношение к главному событию XX века.[97] Подобные настроения в полной мере отразил на своих страницах еженедельник «Вестник труда» (издание кооперативного товарищества духовных писателей «Соборный разум»), с которым Александр Васильевич тесно сотрудничал в 1918 г. Причина трагедии, разыгравшейся в России, по мнению издателей еженедельника, состояла в том, что революция отвергла христианство с его духовными ценностями, предав забвению учение Христа. «Вместо социалистического земного рая мы видим шабаш Сатаны: озверение людей, голод, всюду свистит коса смерти. И понятны делаются вопли о безрадостной жизни, о нестерпимой ее тяготе. Тяжело. Страшно. Кошмарно», — писал в одном из номеров «Вестника труда» священник А.И. Введенский. Но «как же это могло случиться», спрашивает он затем. «Как светлое солнце русской революции стало палящим огнем, который жжет и губит сейчас страну?» И тут же дает ответ, ясный любому христианину: «Не было с нами солнца правды — Христа!»[98]

Первый шок от октябрьских событий, испытанный Барченко, однако, вскоре прошел, и он начал рассматривать революцию в более позитивном свете, как «некоторую возможность для осуществления христианских идеалов» в противоположность «идеалам классовой борьбы и диктатуры пролетариата».

Эту свою позицию Барченко определяет как «христианский пацифизм», заключающий в себе идеи «невмешательства в политическую борьбу и разрешения социальных вопросов индивидуальной нравственной переделкой себя». «Свои взгляды в этот период я проводил, читая лекции, и в часто печатавшихся мной литературных произведениях религиозно-мистического характера».[99] Одним из таких произведений был опубликованный в первом номере «Вестника труда» рассказ «Частное дело», название которого прямо указывало на большевистский декрет об отделении церкви от государства, определивший новый статус религии в советской России («Религия — частное дело каждого»).

В очерке «К свету» Барченко пытался перекинуть мостик из прошлого в будущее, возвращаясь к своей излюбленной теме: «Завоевания современного естествознания, открытие целого мира — невидимого, но бесспорно существующего — мира всепроникающей лучистой энергии, открытие анабиоза, уединения чувствительности, явлений ультралетаргии ставят современность лицом к лицу с головокружительной догадкой: не скрыты ли под иносказаниями древнейших религиозно-философских школ действительные достижения, к которым наша наука еще лишь на пути?»[100]

Страх перед революцией усилил мистические настроения Барченко. В конце 1917-го — начале 1918 гг. он часто посещает различные эзотерические кружки Петрограда, продолжавшие регулярно собираться, несмотря на хаос революционного времени. На допросе у следователя он назвал три таких кружка — известной теософки и мартинистки Ю.Н. Данзас, доктора Д.В. Бобровского (двоюродного брата «черносотенца Маркова 2-го») и общество «Сфинкс». Их посетители, уединившись за плотно закрытыми дверями, горячо обсуждали не только отвлеченные религиозно-философские вопросы, но и куда более актуальные политические темы. В целом в кружках царила резко антибольшевистская атмосфера. (Квартира Бобровского на Владимирском проспекте, по словам Барченко, представляла собой «конспиративную квартиру белогвардейцев» — здесь от большевиков в 18-м скрывались Марков 2-й, а также ряд террористов, в том числе Борис Савинков.)[101] У доктора Бобровского Барченко несколько раз читал доклады «философско-мистического содержания», а в «Сфинксе» ему пришлось однажды вступить в острую полемику с критиками Октябрьской революции. Однако его «христианско-пацифистское выступление» не встретило понимания у присутствующих, и он покинул собрание.

В то же время Барченко неоднократно выступал публично в разных местах Петрограда с лекциями о древнем естествознании — о достижениях утраченной человечеством «Древней науки» — тема, которая все более и более увлекала его в условиях страшного социального катаклизма в России. В уже

упоминавшейся нами краткой автобиографической записке он написал довольно скупо: «В 1918 году читал ряд публичных лекций в Тени-шевском зале по истории естествознания. В том же году читал законченный курс «История древнейшего естествознания» на частных курсах преподавателей в физическом институте Соляного городка».[102] Что представлял собой этот курс, можно судить по чудом сохранившейся в одном из московских архивов лекции о картах таро. Лекция эта датирована февралем 1919 г, и из ее содержания можно заключить, что Барченко прочитал в конце 1918-го — начале 1919 гг. целый цикл лекций, посвященных каббализму и системе таро, которую эзотерическая традиция рассматривает как «синтез и квинтэссенцию» древнего знания. Несомненно, что для создания подобного цикла ему пришлось основательно проработать огромное количество исторической и религиозно-философской литературы на русском и других языках.

Осенью 18-го, когда уже началась Гражданская война, Барченко поступил на естественно-географический факультет только что открывшихся в Петрограде одногодичных Высших педагогических курсов (переименованы через год в Педагогическую академию). Курсы эти готовили высококвалифицированных работников народного просвещения и социальной культуры (преподавателей, инструкторов), а также были призваны способствовать распространению и популяризации новой — советской — педагогики. В заявлении в правление курсов Александр Васильевич указал на желание «посвятить себя педагогической деятельности в качестве преподавателя географии». Это может показаться довольно неожиданным после того, что мы знаем о его литературно-журналистской карьере и научных опытах. Впрочем, год спустя, прослушав курс «по географическому циклу»,[103] Барченко обратился в Совет академии с просьбой принять его в число слушателей-стипендиатов «на химический цикл». Свое желание он мотивировал таким образом: «Как литературный работник и педагог, намеревающийся посвятить себя не только педагогической, но и научной, в более широком смысле, деятельности, нуждаюсь в подготовке более законченной и разносторонней».[104]Отдел подготовки учителей Комиссариата

Народного Просвещения не возражал против обеспечения его стипендией в течение второго года обучения, и в результате Барченко был принят повторно в академию. Правда, не на физико-химический, а на биологический цикл, который и закончил благополучно весной 1920 г.

Среди преподавателей Педагогической академии в тот период, когда в ней обучался Барченко, между прочим, было немало замечательных ученых. Так, например, курс биогеографии читал ботаник В.Л. Комаров (секретарь Географического общества, избранный в 1920 г. академиком РАН); гидробиологию — зоолог и исследователь морей Н.М. Книпович (одновременно исполнял должность ректора академии); историю этических учений (на гуманитарном факультете) — философ и историк-медиевист Л.П. Карсавин, историю литературы XIX века — поэт-символист, директор Тенишевского училища В.В. Шппиус, а историю социализма — нарком просвещения А.В. Луначарский. С некоторыми из них Барченко удалось завязать довольно тесные отношения — на почве общих научных интересов. В этой связи следует прежде всего назвать имена Н.М. Книповича и Л.П. Карсавина. Через последнего Барченко познакомился с еще одним интересным человеком, известным в Петрограде психографологом и собирателем автографов К.К. Владимировым.[105]

Здесь мы сделаем еще одно отступление, чтобы представить читателю этого нового героя, который в дальнейшем сыграет весьма немаловажную роль в судьбе Барченко.

2. К.К. ВЛАДИМИРОВ — ГРАФОЛОГ, ОККУЛЬТИСТ И ЧЕКИСТ

Константин Константинович Владимиров родился в 1883 г. в Пернове (совр. Пярну), старинном эстонском городке на берегу Балтийского моря. О его родителях практически ничего не известно — сам же Владимиров указывал в анкетах, что происходит из мещанской семьи. В 1900 г., по окончании перновской гимназии, Владимиров неожиданно срывается с места и уезжаег в Петербург. По-видимости, это было бегство провинциального юноши-идеалиста в большой столичный город, манивший своими возможностями и соблазнами, что весьма

напоминает гончаровскую «Обыкновенную историю». Довольно быстро — очевидно, по чьей-то протекции — Константин устроился на службу в контору наждачно-проволочного завода Н.Н. Струка, что на Выборгской стороне. Подобно Барченко, попытался получить медицинское образование, но, как и Барченко, внезапно оставил занятия. Единственное место в Петербурге в то время, где Владимиров мог изучать медицину, — это Военно-Медицинская академия. Известно, однако; что администрация ВМА сурово карала революционно настроенное студенчество в связи с событиями 1905 г. (учащихся либо отчисляли, либо переводили в другие университеты, например Казанский). Владимиров же, между прочим, в одной из поздних анкет сообщал о своем революционном прошлом — что в 1900 г. он вступил в социал-демократическую партию, а в 1904 г. перешел во фракцию большевиков. Таким образом, вполне можно предположить, что в 1904–1905 гг. он учился в Военно-Медицинской академии и был исключен из нее, как и многие его товарищи. Впрочем, это всего лишь предположение.

В целом же о раннем периоде петербургской жизни Владимирова мы знаем очень мало. Известно лишь, что в 1904 г. он женился, а десять лет спустя у него и его жены Юлии Антоновны уже было четверо детей (что, вероятно, и спасло Владимирова от мобилизации в 1914 г.). После рождения в 1912 г. третьего ребенка Константин Константинович, который до этого перебивался случайными заработками (хотя вел довольно беззаботный образ жизни), вынужден был пойти на службу. До революции он сменил несколько мест — служат в конторе Путиловской верфи, в Русском электрическом обществе «Динамо» и в акционерном обществе «Пулемет» (с начала 1917-го и до самой осени). Конторская работа, однообразная и рутинная, несомненно, тяготила его, человека, как мы увидим вскоре, творческого и ищущего..

В юности, еще до приезда в Петербург, К.К. Владимиров пробовал заниматься живописью и писал стихи. Поэзией увлекался он и в более зрелом возрасте. (В личном архиве Владимирова в Российской национальной библиотеке сохранилось несколько его поэтических опусов, подписанных

именем Стада, свидетельствующих, впрочем, не столько о таланте автора, сколько о его утонченной натуре и увлечении буддизмом.) И все же Владимиров обладал несомненным талантом, к тому же достаточно редким — талантом графолога.

Здесь надо сказать, что графология стала известна в России лишь в самом конце XIX века. Пропагандистом и популяризатором этой науки (которая в то время еще относилась к разряду эзотерических) выступил И.Ф. Моргенстиэрн (Моргенштерн), долгие годы обучавшийся графологии на Западе (в Германии и Франции) у таких ее адептов, как Ж. Мишон, А. Варинар, Г. Буссе и др. Собственно родоначальником графологии считается аббат Мишон, который в 1871 г. основал в Париже Графологическое общество и стал издавать журнал «Графология» (La Graphologie). Вернувшись в Россию, Моргенстиэрн начал производить с конца 1890-х свои собственные опыты, принесшие ему известность. А в 1903 г. в Петербурге был опубликован его большой труд под названием: «Психографология, или Наука об определении внутреннего мира человека по почерку», включавший в себя более 2000 автографов разных выдающихся людей древности и нашего времени с их портретами. Осенью того же года Моргенстиэрн приступил к изданию в Петербурге «Журнала психографологии», который знакомил читателей с основами новой науки — законами «графизма» и предлагал в виде иллюстраций образцы графологической экспертизы — психологические характеристики («портреты») видных деятелей XVII–XX вв. (русских царей и разных знаменитостей, в том числе С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткина, Э.Э. Ухтомского), составленные на основе изучения их почерков. В 1903 г. увидело свет и еще одно пособие по графологии, принадлежавшее заезжему оккультисту графу Чеславу фон Чинскому «Графология. Краткое руководство для определения по почерку духовного мира человека — нравственных его качеств, наклонностей и умственного склада»). Несколько позднее в С-Петербурге возникают общества — Графологическое (1909) и Психографологическое (1910), основанные соответственно А.К. фон Раабеном и И.Ф. Моргенстиэрном.

Владимиров, очевидно, приложил немало усилий, чтобы овладеть наукой «почерковедения», позволяющей проникнуть в тайники человеческой души, — штудировал всевозможные пособия и брал уроки у наиболее авторитетных петербургских графологов включая самого Моргенстиэрна. Приблизительно в 1909 г. К.К Владимиров начал производить самостоятельные психографологические экспертизы в Петербурге и добился немалых успехов. Вот, например, как отозвался о его работе некто В. Церер:

«Если когда-нибудь были пророки в области графологии, то бесспорно к ним нужно причислить г. Владимирова, ибо то, что я слышал от него, никто из ныне существующих графологов не скажет. Поразительно верное понимание и суждение о индивидуальных и интеллектуальных сторонах личности по неизвестному почерку дают мне право преклоняться перед графологией и считать себя в числе ревностных почитателей гения г Владимирова».[106]

Но К.К. Владимиров не только составлял «психологические портреты». Он пытался по почерку предсказывать будущее (что, строго говоря, выходит за рамки графологии). «Все ему открыто, он видит в почерке, как в зеркале, все прошедшее, настоящее и будущее. Он — маг», — восхищенно свидетельствовал о таланте Владимирова другой его клиент.[107] (Поразительное совпадение: Владимиров и Барченко практически в одно и то же время занимались гаданием — один по почерку, другой по руке.) Впрочем, далеко не все «экспертизы» новоиспеченного графолога были столь блестящими. Случались неудачи и даже курьезы — так, один из клиентов Владимирова-прорицателя сетует — но не на предсказанную ему в будущем тюрьму, с чем вроде бы согласен, а на то, что «прорицатель» не «разглядел» в его почерке, что ему уже доводилось седеть в тюрьме в прошлом!

Помимо графологии, К.К. Владимиров увлекался и другими оккультными науками. Спектр его эзотерических интересов был необычайно широким — астрология, каббала, таро, розенкрейцерство, йога, герметизм, телепатия, магия.

Неожиданный переход от революционных идей к оккультизму может кому-то показаться парадоксальным, но таких идейных «перебежчиков», как Владимиров, было немало среди представителей русской интеллигенции, переживших крах революции 1905 г. Впрочем, те же самые люди десятилетие спустя смогут легко совершить и обратный переход — от оккультизма к революции.

Увлечение Владимирова оккультизмом, как и у многих его современников, очевидно, началось с интереса к загадочным «психическим феноменам» — телепатии, гипнозу, ясновидению и особенно к спиритизму (медиумизму). Из писем его корреспондентов мы узнаем, что уже в 1907 г. ему нередко доводилось участвовать в спиритических сеансах на квартирах своих знакомых, а в конце года К.К. Владимиров даже обратился к президенту кружка менталистов и издателю журнала «Ментализм» И. Бутовскому с предложением о сотрудничестве «на идейной почве». Себя он скромно охарактеризовал как «человека, сведущего в некоторых областях оккультизма».[108] В следующем году Владимиров начал посещать С.-Петербургское психическое общество (собиралось по четвергам в доме 23 по Садовой ул.), а еще через год завязал отношения с теософским обществом. Председательница РТО А.А. Каменская, возможно, уже наслышанная о графологических способностях К.К. Владимирова, лично пригласила его бывать у себя.[109]Впрочем, об участии Владимирова в работе РТО ничего определенного сказать нельзя. В то же время он проявлял большой интерес к теософии, что подтверждается наличием в его личном архиве значительного количества материалов теософского содержания.

Оккультное мировоззрение Владимирова, по-видимому, окончательно сформировавшееся в начале 1910-х, представляло собой весьма характерную для того времени смесь западных и восточных учений — теософии, буддизма и каббализма. Свет на credo психографолога проливают письма некой В.Ф. Штейн, относящиеся к 1912–1913 гг.[110] Переписка между молодыми людьми завязалась на книжной почве — Владимиров, имевший прекрасную библиотеку, вероятно, доставшуюся ему от родителей жены, посылает своей новой знакомой в Сестрорецк,

где она отдыхает на даче, ряд книг, в основном оккультного содержания, которые должны помочь ей преодолеть духовный кризис. В письмах Штейн упоминается «Древняя мудрость» и «L'Avenir Imminant» Анни Безант, «Четвертое измерение» П.Д. Успенского, «Учение и ритуал высшей магии» Э. Леви, «Оккультизм» К Брандлера-Прахта, «Сверхсознание и пути к его достижению» М.В. Лодыженского, «Раджа-йога» Вивекананды и другие книги, которыми в ту пору зачитывались русские оккультисты. Все эти сочинения она старательно штудировала, регулярно сообщая в Петербург Стано, невольно взявшему на себя роль ее духовного наставника, свои мысли о прочитанном. В этих посланиях нередко можно встретить реплики на те или иные суждения Владимирова и цитаты из его собственных писем. Так, Константин Константинович излагает своей подопечной учения Будды и Шопенгауэра, ссылается на Ницше и других западных и восточных мыслителей, демонстрируя незаурядную эрудицию. (Правда, иногда кажется, что Стано нарочито щеголяет своими знаниями, чтобы произвести впечатление на молодую и, очевидно, симпатизирующую ему женщину.) В одном из писем Вера Штейн просит своего друга объяснить смысл непонятного ей термина «двавды рожденный», которым он называет себя, что, по-видимому, намекает на принятое Владимировым посвящение в орден мартинистов или розенкрейцеров. Известно, что в предвоенные годы в России особенно активно велась пропаганда мартинизма. Главными проводниками этого оккультного учения были уже упоминавшийся нами Чеслав фон Чинский, генеральный делегат мартинистского ордена в России (с конца 1910-го), и Г.О. Мебес, генеральный инспектор петербургского отделения ордена (с того же времени). И тот и другой, между прочим, являлись также известными графологами (Мебес, например, в 1912 г. возглавил графологическое общество в Петербурге). Таким образом, Владимиров легко мог сблизиться как с Чинским, так и с Мебесом на почве общего увлечения графологией, а отсюда лишь один шаг до вступления в орден, тем более что оба этих оккультиста изо всех сил. стремились к насаждению мартинизма в России.

Другая возможность — вступление в розенкрейцерскую ложу. В книге А.И. Немировского и В.И. Уколовой об удивительном поэте-импровизаторе и ученом Б.М. Зубакине упоминается некто «поэт Владимиров», имевший эзотерическое имя Ро как один из участников созданной Зубакиным в Петербурге (около 1912 г.) масонской ложи».[111] Не следует ли в таком случае отождествить розенкрейцера Владимирова с К.К. Владимировым? Правда, о зубакинском друге говорится, что он был выпускником 12-й петербургской гимназии. Но эти сведения могут быть ошибочными.

Вера Штейн сообщает нам еще один весьма любопытный факт: в конце 1912 г Владимиров собирался отправиться в Индию, но его поездка неожиданно расстроилась. («Стано, неужели это Вы, — читаем мы в ее письме. — Как я Вам обрадовалась. А я думала, что Вы уже в Индии. Ведь Вы должны были туда поехать»[112]).

Осенью 1913 г. Владимиров, узнав о предполагаемом издании в Петербурге нового эзотерического журнала «Из мрака к свету» и о том, что его зачинатель С.В. Пирамидов ищет сотрудников, тут же обращается с нему с письмом. В своем ответе Владимирову Пирамидов писал:

«Мне особенно приятно, что на мой призыв откликнулись такие адепты сокровенных наук, как Вы. <…> От всего сердца, с глубокой благодарностью принимаю Ваше желание сотрудничать в возрождающемся журнале. <…> Я состою в непосредственном сношении с Парижем и в переписке с такими светилами западноевропейского эзотеризма, как г. Буржа, Арнюльфи, гр. де Роша д’Еглен. В программу мою входит постепенное ознакомление читателя с тайнами оккультного мира. Зная, что Вы доктор, я хочу просить Вас: не откажетесь ли Вы взять на себя заведывание III отделом, т. е. руководить мною по вопросам медицины?»»[113]

Владимиров, однако, не отважился взять на себя такую ответственность, хотя и согласился безвозмездно производить для читателей журнала анализ почерка и составлять «краткие данные гороскопа».

Журнал Пирамидова (с подзаголовком: «литературно-мистический и научно-философский журнал сокровенных знаний») начал выходить в 1914 г. Просуществовал он, правда, недолго. В том же году его издатель-редактор отправился на фронт, где вскоре погиб в одном из сражений. Владимиров смог опубликовать в журнале лишь введение из своего оригинального исследования по графологии.[114] Обещанное читателям продолжение, в котором должны были излагаться «основы происхождения законов графизма» древних письмен, так и не увидело свет. Еще одна известная нам публикация Владимирова — это короткая заметка «Что такое графология?», появившаяся в 1916 г. в журнале «Дамский мир». В ней Константин Константинович попытался привлечь внимание прекрасного пола не столько к изучаемой им науке, сколько к своей собственной персоне:

«Почерк — это фотография душевных волнений, — это кинематографическая лента всех переживаний в известный срок.

Изучив почерки всех национальностей, я впервые являюсь пионером в области исследования индивидуальных и интеллектуальных особенностей почерка. <…> Для моей графологии нет тайны. Только по одному почерку я могу констатировать, в каком состоянии субъект писал письмо, его темперамент, температуру, болезни и физиологические страдания. Точно так же (ни разу не видя писавшего), по одному только его почерку я могу описать его национальность, пол, характер, талант, способности, нравственные устои и облик, недостатки, привычки, аномалии и дефекты физической натуры, рост, походку, лета, цвет волос, глаз, кожи и т. п., акцент, голос, интонацию, жестикуляцию, мимику, любимые фразы, слова, напитки, пищу, одежду, употребляемые данным субъектом…»[115]

Приведенная цитата, несомненно, свидетельствует об одном из двух — либо о полной гениальности Владимирова-графолога, либо о его величайшем самомнении. (Второе, как мы увидим далее, гораздо ближе к истине.)

В результате многолетних занятий графологией Владимирову к середине 1910-х удалось собрать довольно приличную коллекцию автографов. Кто только не обращался к нему — одни из желания лучше узнать свое «я» и заглянуть в будущее, другие — чтобы одолжить ту или иную редкую книгу из его библиотеки. Крут петербургских знакомых Константина Константиновича был необычайно широк и включал в себя немало представителей литературно-художественного мира. Начинающий поэт Сергей Есенин, например, в своем письме благодарит Владимирова за верное охарактеризование его творчества — «в период моего духовного преломления».[116] А вот записка от А.Н. Бенуа:

«Дорогой Константин Константинович.

Простите, что так задержал Ваши книги — уж очень тяжело расставаться с ними. И примите мою самую глубокую душевную благодарность за предоставленную мне возможность — почерпать из таких источников! Очень хотел бы повидать Вас и боюсь отнять у Вас драгоценное время.

Искренне уважающий Вас,

А Бенуа».[117]

В 1915 г. у Владимирова появляются планы издания «на западный манер» — возможно, по образцу И.Ф. Моргенштерна — своей уникальной «литературной картотеки» — составленных им психографологических «портретов» деятелей русской литературы и искусства начала XX века. (Здесь необходимо отметить, что «портреты» эти создавались им не только на основе анализа почерка, но и с использованием фотографий, поскольку фотография, по мнению Моргенстиэрна, является главной помощницей почерковеда.) Этим планам, однако, не суждено было осуществиться, скорее всего потому, что Владимиров не смог изыскать необходимые средства для издания своего труда.

В следующем году Владимиров пытается организовать совместно с М.П. Мурашевым издание газеты, по-видимому, литературно-

художественной. Но и это начинание из-за отсутствия средств кончается ничем. В одном из писем Мурашева к Владимирову этого времени обсуждается и другая идея — учредить издательское товарищество. В его состав предполагалось ввести А. Блока, С. Есенина, А Ремизова, А. Липецкого, М. Мурашева, а также художников — «Рериха и затем кого он наметит».[118] Судя по письму Мурашева, впрочем, трудно сказать, имел ли он или Владимиров какие-либо личные контакты с Н.К. Рерихом.

Революционные события осени 1917-го застали Константина Константиновича, старшего счетовода конторы инженера С.Ф. Островского, далеко от столицы, под Кандалакшей, где велось строительство Мурманской железной дороги. Его настроения этого времени хорошо передают несколько коротеньких весточек, отправленных жене в Петроград. Вот одно из посланий, написанное нетвердой рукой в товарном вагоне на полустанке Полярный круг всего за месяц до октябрьского восстания: «…ужас пустыни, холод, ветер, дождь, а сегодня выпал снег. Еле раздобыли печь, сложили ее, набрали дрова и затопили. Сплю на нарах».[119]

В январе 1918 г. Владимиров вернулся в Петроград в связи с закрытием конторы Островского. До начала августа проработал в ликвидационной комиссии, затем недолгое время заведовал библиотекой и по совместительству финансами в Новодеревенском совдепе (КК Владимиров проживал с семьей на окраине города, в Новой Деревне). А в начале октября довольно неожиданно пошел работать в ЧК, «на Гороховую».

Что привело Владимирова в это страшное учреждение в самые мрачные дни революции, вскоре после объявления большевиками «красного террора»? Уже в первых числах сентября 18-го «Петроградская правда» сообщила о расстреле «в ответ на белый террор» 512 человек — контрреволюционеров и белогвардейцев, и затем в газете стали регулярно публиковаться списки арестованных ЧК заложников.[120]Что побудило интеллигентного и мягкого человека — «доброго Константина Константиновича», как обращаются к нему его корреспонденты, — оставить скромную работу библиотекаря и

поступить на должность следователя «чрезвычайки»? Ответить на этот вопрос нелегко. Возможно, Владимирова попросту соблазнила перспектива получать постоянный продовольственный паек — ведь на руках у него была большая семья. Как бы то ни было, в мае 1918-го он повторно вступил в большевистскую партию — то ли из идейных соображений, вспомнив о революционных идеалах своей юности, то ли по расчету. Впрочем, в «органах» Константин Константинович продержался недолго. О своей неудавшейся карьере чекиста десять лет спустя он рассказывал своему более удачливому коллеге-следователю так:

«Там (в ПЧК — *А.А.) занимал должность следователя в контрреволюционном отделе. Начальник отдела был тов. Антипов, нынешний Наркомпочтель* (речь идет о Н.К. Антипове. — *А.А.). Работал на Гороховой, 2, до февраля 1919-го. С Гороховой, 2, меня уволили. Точно причин моего увольнения я не знаю. После Гороховой я поступил в Украинское центральное агентство по распространению печати. Там занимал должность зав. петроградской конторы. Прослужил там до осени 1919 г. В июле месяце 19-го я ездил в Киев по делам ликвидации агентства и вернулся в Петроград в сентябре 1919-го и вновь поступил в ЧК на Гороховую, 2, где занимал должность полит, уполномоченного. Прослужил там до конца 1920 г. и был уволен из-за личной неприязни тов. Комарова* (П.П. Комарова. — *А.А.), тогдашнего председателя ЧК»*.[121]

О характере работы Владимирова в ПЧК, в отделе борьбы с контрреволюцией мы знаем мало. Имеются сведения, например, что он вел некоторое время дело А.А. Вырубовой, фрейлины и любимой наперсницы императрицы Александры Федоровны. Вырубова, как известно, несколько раз арестовывалась после Февральской революции то как «германская шпионка», то как «контрреволюционерка» и даже как «большевичка» и провела долгое время в заключении, в том числе и в Петропавловской крепости вместе с бывшими членами Временного правительства. Большевики после прихода к власти также не оставили Вырубову в покое — впервые ее арестовали 7 октября, с

Гороховой отправили в Выборгскую тюрьму, а оттуда снова привезли на Гороховую.

«Не зная, в чем меня обвиняют, — вспоминала впоследствии Вырубова, — жила с часу на час в постоянном страхе, как и все, впрочем. <…> Окна выходили на грязный двор, где ночь и день шумели автомобили. Ночью «кипела деятельность», то и дело привозили арестованных и с автомобилей выгружали сундуки и ящики с отобранными вещами во время обысков: тут была одежда, белье, серебро, драгоценности, — казалось, мы находились в стане разбойников! Как-то раз нас всех послали на работу связывать пачками бумаги и книги из архива бывшего градоначальства; мы связывали пыльные бумаги на полу и были рады этому развлечению. Часто ночью, когда, усталые, мы засыпали, нас будил электрический свет, и солдаты вызывали кого-нибудь из женщин: испуганная, она вставала, собирая свой скарб — одни возвращались, другие исчезали… и никто не знал, что каждого ожидает».[122]

О первом своем допросе у следователя Вырубова ничего не рассказывает. Однако ей запомнился допрос, на который ее вызвали 11 ноября, когда она вновь оказалась на Гороховой.

«Допрашивали двое, один из них еврей; назвался он Владимировым. Около часу кричали они на меня с ужасной злобой, уверяя, что я состою в немецкой организации, что у меня какие-то замыслы против чека, что я опасная контрреволюционерка и что меня непременно расстреляют, как и всех «буржуев», так как политика большевиков — «уничтожение» интеллигенции и т. д. Я старалась не терять самообладания, видя, что предо мною душевнобольные. Но вдруг после того, как они в течение часа вдоволь накричались, они стали мягче и начали допрос о царе, Распутине и т. д. Я заявила им, что настолько измучена, что не в состоянии больше говорить. Тут они стали извиняться, что «долго держали». Вернувшись, я упала на грязную кровать; допрос продолжался три часа».[123]

А затем — всего через час — произошло чудо. В камеру зашел солдат и крикнул: «Танеева! С вещами на свободу!» Подобная

счастливая развязка наводит на мысль, что рвение следователей было показным, как неотъемлемая часть обязательного чекистского ритуала, призванного устрашить врагов революции, показать им всесилие новой власти.

Мы знаем и еще об одном уголовном деле, которое вел Владимиров в 1918–1919 гг. Это дело о двух английских офицерах, Гарольде Рейнере и Джефри Гарри Тернере, обвинявшихся «в заговоре и в покушении» на М.С. Урицкого — председателя ПЧК между мартом и августом 1918-го. Эти офицеры как «враги РСФСР» были приговорены к расстрелу 26 января 1919-го. Впрочем, Тернеру удалось избежать большевистского возмездия — в начале марта он умер от тифа в тюремной больнице.[124]

Много лет спустя (в 1927 г.) Владимиров будет утверждать на допросе, что дело английских шпионов попало к нему в руки «совершенно случайно». Большевики арестовали Тернера и Рейнера при попытке перейти через советско-финскую границу и доставили на Гороховую. «[Я] вел это дело примерно недели две и настаивал на применении к перебежчикам ВМН. Закончить это дело мне не удалось. Я уволился из ЧК, и дело было передано в Президиум».[125] Однако затем произошло невероятное — «дело Тернера — Рейнера» неожиданно пропало из ЧК, что, по мнению следователя, допрашивавшего Владимирова, косвенно уличало его в причастности к пропаже. И для таких подозрений действительно имелись некоторые основания. Незадолго до того, как Владимиров уволился (или был уволен) из «органов», в начале 1919 г., к нему на Гороховую пришла супруга Тернера, эстонка Фрида Лесман, чтобы узнать о судьбе мужа. Позднее они опять — «случайно» — встретились на улице, разговорились и, как кажется, понравились друг другу. Владимиров стал бывать у Лесман на ее квартире на Миллионной, где часто собиралась артистическая публика. Роман бывшего чекиста с женой английского «шпиона» продолжался несколько месяцев, пока в апреле 1919 г. Фрида Лесман не сбежала в Финляндию. Знакомство с Лесман, однако, не прошло для Владимирова бесследно — в 1927 г., в период обострения советско-английских отношений, он сам по иронии

судьбы оказался на скамье подсудимых с клеймом английского «шпиона», пособника Тернера и Лесман!

Подводя итоги недолгой службы Владимирова на Гороховой, следует сказать, что он все-таки не был типичным чекистом эпохи красного террора. Очевидное отсутствие классового чутья и интеллигентность не позволили ему прижиться в этом учреждении, стоявшем на страже завоеваний пролетариата. В архиве Владимирова сохранилось несколько писем этого периода, авторы которых обращаются к нему с просьбами о помощи. Так, член правления Толстовского общества и помощник хранителя музея Л.Н. Толстого в Москве В.Ф. Булгаков просит «доброго» Константина Константиновича посодействовать в освобождении Г.Ф. Флеера, арестованного ЧК.[126] А Василий Иванович Немирович-Данченко, писатель и масон (брат знаменитого основателя МХАТа Владимира Ивановича Немировича-Данченко), обращается с просьбой о выдаче охранной грамоты для своей коллекции оружия на случай возможного обыска.[127] Вполне возможно, что Владимирову при его природном добросердечии за время работы в ПЧК и доводилось помогать людям и даже спасать кого-то от смерти, но тот же Владимиров, как мы уже знаем, легко мог подвести человека под расстрельную статью.

Есть, однако, одно загадочное обстоятельство, связанное с Владимировым, которое нуждается в объяснении. Каким образом в его личный архив попали-многочисленные материалы, относящиеся к деятельности РТО, — автографы (!) рукописей А.А. Каменской («Альбы»), С.В. Герье и других теософов? Известно, что Каменская вместе с членами Совета РГО Ц.Л. Гельмбольдт и В.Н. Пушкиной бежала в Финляндию летом 1921 г. — наиболее простой способ эмиграции в то время. Можно предположить, что накануне побега председательница теософического общества передала какую-то часть своего архива на хранение Владимирову. Но можно предположить и другое — архив Каменской был конфискован чекистами при обыске ее квартиры, отправлен на Гороховую и там благополучно перекочевал в руки Владимирова, который, возможно, даже вел дело «Альбы». Таким образом к

Владимирову и попали черновики статей, конспекты лекций и записные книжки главной российской теософки. Подобное объяснение кажется более вероятным, тем более что Владимиров не принадлежал к ближайшему окружению Каменской и едва ли мог рассчитывать на столь большое доверие с ее стороны.

Итак, пути Владимирова и Барченко пересеклись в 18-м. Константин Константинович начал захаживать на квартиру к своему новому знакомому, один или с кем-нибудь из своих многочисленных друзей. Тем для бесед, представлявших взаимный интерес, у Владимирова и Барченко было предостаточно, и потому их отношения вскоре становятся вполне дружескими и доверительными. Владимиров, вероятно, даже помогал Барченко в подборе материалов по «древнему естествознанию» — одалживал ему книги из своей прекрасной библиотеки.

Довольно неожиданно — по-видимому, уже после знакомства с Владимировым — Барченко вызвали в ЧК: кто-то донес о его «контрреволюционных высказываниях». На Гороховой Александра Васильевича допрашивали два следователя, которые вели себя как-то странно, совсем не по-чекистски: говорили, что не верят доносу, чрезвычайно интересовались его работой и даже просили разрешения бывать у него. Это были эстонцы Эдуард Морицевич Отто и Александр Юрьевич Рикс, товарищи Владимирова по службе. (Дня справки: Э.М. Отто (р. 1884), член РКП(б) с 1906 г.; работал в ПЧК с февраля 1918-го по декабрь 1922 гг. А.Ю. Рикс (р. 1889), член РКП(б) с 1905 г.; в ПЧК — с июня 1918-го по февраль 1923 гг. Известно, что оба следователя вели поначалу дело поэта-террориста Леонида Каннегисера, убийцы М.С. Урицкого, но были отстранены от расследования Н.К. Антиповым за «антисемитские настроения» и уволены из ЧК: оба считали, что убийство Урицкого — дело рук сионистов и бундовцев. В 1919-м, однако, Отто и Рикса снова приняли на службу в ЧК.[128] Кроме того, Отго, наряду с Викманом и Владимировым, упоминались Вырубовой в числе следователей, допрашивавших ее на Гороховой осенью 18-го. г.[129]

Войдя в доверие к Барченко, чекисты Отто и Рикс, как и Владимиров, станут часто навещать его и оказывать ему — в силу своих возможностей — некоторые услуги, что позволит А.В. Барченко говорить о них как о своих покровителях.

3. С КРАСНЫМИ МОРЯКАМИ В ШАМБАЛУ

В 1918 г. судьба свела Барченко еще с одним интересным человеком, который вскоре стал его верным помощником и другом. Это ученый-астроном Александр Александрович Кондиайн (Кондиайни). Родился он в Петербурге в 1889 г. Окончил классическую гимназию и затем физико-математический факультет университета (приблизительно в 1911 г.). В дальнейшем более 10 лет активно сотрудничал с Русским Обществом Любителей Мироведения (РОЛМ), членом которого стал еще в студенческую пору.

Общество с таким названием возникло в 1909 г. с целью объединения любителей естественных и физико-математических наук, оказания им содействия, а также распространения естественно-научных знаний в широких слоях населения. Возглавил его знаменитый народоволец и социокосмист Н.А. Морозов (1854–1946), автор популярных книг «История возникновения Апокалипсиса» (1907) и «В поисках философского камня» (1909). С самого начала деятельности Общество уделяло преимущественное внимание астрономическим исследованиям, и потому его костяк составляли в основном астрономы — профессионалы и любители. Уже в 1910 г. после передачи обществу «Мироведения» университетом большого 175-мм телескопа-рефрактора Мерца А.А. Кондиайн активно помогал М.Я. Мошонкину в его установке в обсерватории Тенишевского училища (Моховая, 35), а затем в качестве астронома-наблюдателя вместе с Мошонкиным и С.Г. Натансоном начал проводить регулярные наблюдения и фотографировать небесные объекты. Здесь надо сказать, что фотография увлекала молодого ученого в не меньшей степени, чем астрономия, особенно цветная фотография (хроматография), которая в то время делала первые шаги. Известно, что для фотографирования светил Кондиайн и заведующий обсерваторией Мошонкин

изготовили серию цветных светофильтров, охватывающих полный спектр.

Первые серьезные работы в обсерватории начались осенью 1911 г. с наблюдения и фотографирования через светофильтры яркой кометы, только что открытой американцем В. Бруксом. Полученные снимки в количестве 22 штук были обработаны Кондиайном, а результаты работ доложены на общем собрании мироведов 15 ноября. Сообщение ученого вызвало большой интерес, о чем свидетельствует публикация его доклада в журнале Общества.[130] В начале 1912 г. Кондиайна утвердили в должности астронома-наблюдателя сроком еще на два года. Отметим, кстати, что работа астрономической секции мироведов проходила под непосредственным руководством известного ученого, сотрудника Пулковской обсерватории Г.А. Тихова. Тогда же Александр Александрович был избран членом совета РОЛМ и введен в состав редакционной коллегии для издания журнала Общества («Известия РОЛМ»), а также назначен секретарем только что созданной фотографической секции.

В годы мировой войны Кондиайну пришлось прервать свои исследования по причине переноса большого телескопа и других инструментов в здание Петроградской биологической лаборатории (Английский пр., 32), где началось строительство новой обсерватории общества. Насколько можно судить по публикациям в «Известиях РОЛМ», в 1915–1918 гг. А1ександр Александрович занимался в основном наблюдениями атмосферных явлений (солнечные «гало», зодиакальный свет и т. д.) и местных признаков погоды в Петербурге и его северных окрестностях, а также в Финляндии. В тот же период ученый работал некоторое время на метеорологической станции в Севастополе и, вероятно, где-то еще. В 1915 г. он опубликовал несколько популярных статей в журнале «Природа и люди» (в этом же журнале в 19Ю-е гг., как мы помним, печатался и Барченко). В целом остается неясным вопрос, чем Кондиайн зарабатывал себе на жизнь после окончания университета, поскольку общество «Мироведения» являлось сугубо общественной организацией. После революции основанная П.Ф. Лесгафтом Биологическая лаборатория была преобразована в

Естественнонаучный институт его имени, который возглавил все тот же Н.А. Морозов, и тогда же (в 1918 г.) РОЛМ объединилось с астрономическим отделением института. Новая обсерватория общества открылась лишь в 1921 г., но о возобновлении Кондиайном работы нам ничего не известно. В то же время мы знаем, что в начале 1920-х он некоторое время работал в институте им. Лесгафта и одновременно в недавно созданном Оптическом институте.[131]

Дополнительным штрихом к портрету Кондиайна могут служить сведения о его незаурядных лингвистических способностях и феноменальной памяти. По рассказу сына ученого О.А. Кондиайна, Александр Александрович владел многими языками, в том числе и таким экзотическим, как санскрит. Значит ли это, что ученый-астроном занимался изучением индийской философии — штудировал книги Макса Мюллера, Вивекананды и Рамачараки, модных в то время в России и на Западе авторов, и, быть может, даже мечтал подобно Владимирову совершить путешествие в Индию?

Интересно, что в 1914 г. на одном из общих заседаний мироведов выступил некто Б.Ф. Эйсурович — участник и руководитель научной экспедиции студентов бехтеревского Психоневрологического института в Индию и на Цейлон. Докладчик рассказал, как с 400 рублями в кармане, но с огромным запасом молодой энергии и сграстной жаждой знаний экскурсии удалось в течение 6 месяцев осмотреть почти весь Восток![132] Не менее любопытен и тот факт, что общество «Мироведения», очевидно, под влиянием Н.А. Морозова, принадлежавшего к масонскому ордену «Великий Восток Франции» (ложа «Полярная звезда» в Петербурге), проявляло большой интерес к мифам и литературным памятникам древности, в которых сохранились ценные астрономические «указания», в частности, к священным книгам, таким, как Библия и Талмуд. Вот названия некоторых докладов, прочитанных в обществе на тему палеоастрономии: «Когда возникла Каббала» (Л. Филиппов, 1913), «Астральная основа христианского эзотеризма первых веков» (ДО. Святский, 1914), «Зеленый луч в Древнем Египте» (А.А. Чикин, 1918), «Созвездия

в Ветхом Завете» (ГА Тихов, 1918), «Зодиак в Ветхом и Новом Завете» (ДО. Святский, 1918), «Астрономия и мифология» (НА Морозов, 1920). Еще одна тема, живо интересовавшая мироведов, — это телепатическая передача мыслей. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что годы, проведенные в тесном общении с мироведами, не только способствовали становлению Кондиайна как ученого, но и сыграли важную роль в его духовном формировании. Возможно, именно в эту пору зародился его интерес к эзотерическим знаниям древних цивилизаций.

После революции Кондиайн наряду с другими членами РОЛМ часто выступал с научно-популярными лекциями в помещении Тенишевского училища в Соляном городке и других местах Петрограда. Именно в Соляном городке в 1918 г. (или в начале 1919 г.) он и познакомился с Барченко. Тогда же на одной из лекций, прочитанных в обществе «Новый Человек» (особняк М.К. Покотиловой, Каменноостровский пр., 48), Александр Александрович Кондиайн встретился и со своей будущей женой, студенткой Вхутемаса Элеонорой Максимилиановной Месмахер, дочерью знаменитого петербургского архитектора М.Е. Месмахера. Она впоследствии вспоминала, что лекция Кондиайна называлась «Земля как живой организм» и что в тот же день она познакомилась и с Барченко, который выступал с рассказом о «Древней науке». Целью общества «Новый Человек», возникшего еще до революции, было распространение идей, направленных на «преобразование духовной и физической природы человека», в соответствии с новыми течениями философской и научной мысли. Кроме устройства публичных лекций, общество занималось также издательской деятельностью — печатало книги западных и русских авторов на такие темы, как космическое сознание, четвертое измерение, индийская йога, реформа системы питания человека и т. п.

Горячо пропагандируемая Барченко теория о существовании в древнейшую эпоху цивилизации, обладавшей высочайшим уровнем научных знаний, необычайно увлекла Кондиайна. На почве общего интереса к таинственной «Древней науке» между

ними завязались теплые дружеские отношения, а затем и научное сотрудничество, о котором мы расскажем подробнее в одной из последующих глав. Позднее Барченко даст своему другу шутливое прозвище Тамиил — так древние евреи называли падшего ангела, научившего людей астрономии, — которое станет его вторым — эзотерическим именем. Кондиайн ввел Барченко в круг мироведов, познакомил со своими коллегами — Н.А. Морозовым и др. 17 января 1920 г. Барченко прочитал в Обществе научный доклад об Атлантиде. Гипотеза о затонувшем в Атлантическом океане в доисторические времена огромном острове или даже континенте уже давно и широко дискутировалась в России не только теософами и оккультистами, но и весьма серьезными учеными. Достаточно сказать, что в 1924 г. в том же обществе «Мироведения» некто Г.Н. Фредерикс выступил с еще одним докладом на эту тему, который назывался «Атлантида и Ноев потоп». Что касается выступления Барченко, то «Журнал РОЛМ» отозвался на него следующими словами-.

«В этом докладе, иллюстрированном многочисленными диапозитивами, диаграммами и рисунками, докладчик осветил вопрос о древнем мифе об Атлантиде с объективных точек зрения, географической, геологической, антропологической, этнографической. Из приводимых докладчиком доказательств, отчасти косвенных, могущих быть подвергнутыми критике, отчасти же более обоснованных с точки зрения науки, он приходил к заключению, что этот миф, указания на который имеются и в памятниках древней письменности, в священном писании, у авторов греческих, римских и др., имеет под собой более или менее твердую почву достоверности».[133]

Лекция Барченко затянулась допоздна, и потому собравшиеся пригласили докладчика «пожаловать в день следующего собрания, когда могли бы состояться прения по докладу». А несколько месяцев спустя (17 апреля) Барченко выступил перед мироведами с новым докладом «Антропогения мистических теорий», в котором «осветил вопрос об этих теориях, мифах, структуре религий, происхождении их с точки зрения древней и современной науки».[134] Это выступление Барченко, по отзыву известий РОЛМ, тоже затянулось до полуночи, «вызвав

напряженное внимание аудитории». И опять — демонстрация многочисленных диапозитивов, изготовителем которых, как и в первом случае, очевидно, был А.А. Кондиайн.

Приблизительно в это же время — еще до окончания Педагогической академии — Барченко неожиданно загорелся идеей отправиться в путешествие на Восток — в Монголию и Тибет. Толчком послужила только что прочитанная книга об Агарте Сент-Ива д'Альвейдра, которую он, очевидно, позаимствовал у Владимирова.

«В период 1920–1923 гг. в Петрограде я добыл книгу Сент-Ива де Альвейдера, о которой мне рассказывал Кривцов. В этой книге Сент-Ив де Альвейдер писал о существовании центра древней науки, называемого Агартой, и указывал его местоположение на стыке границ Индии, Тибета и Афганистана».[135]

Напомню читателю, что д'альвейдровский трактат-откровение «Миссия Индии в Европе», опубликованный в 1886 г. и тут же уничтоженный автором за исключением одного экземпляра, был переиздан в Париже в 1910 г. — вскоре после смерти французского оккультиста — обществом «Друзей Сент-Ива» во главе с Папюсом. В предисловии к этой книге издатели сочли необходимым отметить, что создание «Миссии Индии» является результатом исследований их наставника «сперва интеллектуальных, а затем астральных» (считается, Что Сент-Ив лично побывал в Агарте в астральном теле благодаря практике «раздвоения»), В русском переводе интригующее «свидетельство» об Агарте появилось в 1915 г. по инициативе питерских почитателей французского эзотерика. Книга была опубликована крошечным тиражом в издательстве «Новый человек» А.А. Суворина и вскоре стала раритетом.

О местонахождении Агарты в книге Сент-Ива, между прочим, говорилось весьма туманно — только то, что подземная страна находится «в некоторых областях Гималаев». Барченко же в отличие от д'Альвейдра называл два совершенно конкретных центра «доисторической культуры» в пределах Тибетского нагорья. Это, во-первых, расположенная в северо-западном углу

горной страны Шамбала, которую он, очевидно, отождествлял с Агартой, и, во-вторых, «область Саджа».[136] Последний топоним является искаженной формой «Сакья» — так называется древний монастырь одноименной школы монахов-«красношапочников», находящийся на юге Тибета, во владениях Панчен-ламы. В записках Э.М. Кондиайн говорится, между прочим, что именно ее муж А.А. Кондиайн — Тамиил — и определил географические координаты Шамбалы, равно как и других центров древнейшей цивилизации, путем расчерчивания поверхности глобуса по некой «Универсальной схеме» (более подробно о ней мы расскажем в отдельной главе).

Следы экспедиционного проекта Барченко — наметки путешествия в Монголию и Тибет — удалось обнаружить в архиве МИДа (АВПРФ), в документах чичеринского Наркоминдела, относящихся к середине 1920 г. Примечательно, что экспедиция именуется в них «научно-пропагандистской» с целью «исследования Центральной Азии и установления связи с населяющими ее племенами».[137] Состав участников экспедиции намечался таким: два основных члена и шесть человек «прислуги» или конвоя. Среди тех, кто изъявил желание принять участие в путешествии, называются моряки-балтийцы, большевики И.Я, Гринев и С.С. Белаш, чему, впрочем, не следует удивляться. Известно, что в послеоктябрьский период Барченко выступал со своими лекциями на кораблях Балтфлота — рассказывал красным морякам о первобытном коммунистическом обществе и о золотом веке на земле, о Шамбале, где сохраняются по сю пору необыкновенные знания древних. Погибшую доисторическую культуру он характеризовал как некую «Великую Всемирную Федерацию Народов», что, разумеется, не могло не импонировать слушателям, имевшим весьма смутные представления о древней истории человечества. (Любопытная параллель — в 1917 г., почти сразу после Октябрьского переворота, перед балтийскими моряками, а также красноармейцами и чекистами, с похожими лекциями выступал известный писатель-мистик Иероним Ясинский, который, между прочим, был коротко знаком с Владимировым. Ясинский говорил в основном о грядущем коммунизме. При этом, по его собственным словам, он рассматривал большевизм «в свете

ницшеанской философии».)[138] Результатом лекций Барченко, очевидно, и стало обращение в Наркоминдел в 1920 г. моряков Гринева и Белаша. А.В. Барченко едва ли возражал против таких спутников, поскольку был искренне убежден, что отыскать «пути в Шамбалу» могут лишь «люди, свободные от привязанности к вещам, собственности, личного обогащения, свободные от эгоизма, т. е. достигшие высокого нравственного совершенства».[139] Красные моряки вполне отвечали этому критерию, если только считать непривязанность к собственности — ввиду ее полного отсутствия — показателем высокой морали. Кроме них в документах упоминается также некто Г.Б. Борисов, возможно, сотрудник Наркоминдела.

Присутствие в экспедиционном отряде представителя НКИДа было обусловлено тем, что советское правительство уже давно подумывало о восстановлении отношений с Тибетом, прерванных незадолго до начала мировой войны. В 1918 и 1919 гг. в НКИДе дважды рассматривались проекты экспедиций в Тибет — научной, под руководством востоковедов Ф.И. Щербатского и Б.В. Владимирцова, и военно-политической, предложенной калмыцкими революционерами А.Ч. Чапчаевым и А.М. Амур-Сананом. От обоих проектов пришлось отказаться, главным образом по причине Гражданской войны, отрезавшей Центр от Восточной Сибири и Забайкалья, откуда обычно начинался путь в глубь азиатского континента[140]».

Как и в случае с экспедицией Щербатского — Владимирцова, Барченко намечал два основных маршрута — короткий: Кяхта — Урга — Юмбейсэ — Анси — Цайдам — Нагчу — Лхаса и длинный: Кяхта — Урга — Алашань — Синин — оз. Кукунор — Тибетское нагорье — Нагчу — Лхаса.[141] Оба они представляли собой хорошо известные бурятским и монгольским паломникам и торговцам караванные пути, связывавшие Россию (Забайкалье), Монголию и Тибет. Примечательно, что конечным пунктом в проекте Барченко являлась столица Страны снегов — священная Лхаса, где находилась резиденция Далай-ламы, а не монастырь Ташилумпо в Южном Тибете, обитель Панчен-ламы. Затраты на путешествие оценивались по смете в 79 тысяч рублей (неясно, золотых или серебряных). В случае следования кратчайшим

маршрутом Барченко, согласно проекту, должен был добраться до Лхасы за 30–35 дней — срок совершенно нереальный; в лучшем случае расстояние между Ургой и Лхасой можно было преодолеть за три месяца. (Доржиев однажды совершил такое путешествие за 72 дня — абсолютно рекордный для своего времени срок!)

Барченко не смог отправиться в Тибет в 1920 г. Что помешало ему — отсутствие ли средств у НКИДа, Гражданская война (вторжение «белого» барона Унгерна на территорию Монголии осенью 1920 г.) или другие причины? Если первые два предположения вполне могли бы удовлетворить нас, то о «других причинах» необходимо сказать особо. Дело в том, что летом 1920 г. руководство НКИДа вернулось к проекту Тибетской экспедиции Щербатского. Примечательно, что эта экспедиция, поначалу замышлявшаяся как чисто научная, постепенно трансформировалась в научно-политическо-пропагандистскую. Так, Щербатской после одной из бесед с заместителем Чичерина ЛМ.Караханом сообщал в Петроград ученому коллеге академику С.Ф. Ольденбургу: «Что касается Тибета, то они (намек на руководителей НКИДа Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана. — А.А.) *больше всего желал бы устроить в Лхасе радиостанцию, и он просил моего совета».*[142] *Идея большевиков состояла в том, что экспедиция доставит далай-ламе небольшую радиостанцию в качестве подарка советского правительства, что помогло бы наладить радиосвязь между Москвой и Лхасой через Кабул (куда в качестве подарка афганскому эмиру Аманулле большевиками также была отправлена радиостанция). Щербатской, довольно тесно сотрудничавший с НКИДом в ту пору, однако, отговорился от участия в такой необычной экспедиции и в конце 1920-го отправился с научнодипломатической миссией в противоположную сторону — в Западную Европу В результате Наркомдел взял организацию Тибетской экспедиции в свои руки, заручившись активным содействием Дальневосточного Секретариата Коминтерна, наспех созданной Монгольской народно-революционной партии и уже знакомого нам Агвана Дорджиева.*

В этом контексте проект Барченко, по-видимому, перестал представлять интерес для Москвы, и Чичерин и Карахан, в чьих руках в то время находились все нити тибетской интриги, спокойно положили его под сукно. Впрочем, формально Барченко не получил отказа — более того, складывается впечатление, что в НЮ1Де ему обещали положительно решить вопрос об экспедиции в недалеком будущем — по окончании Гражданской войны. Так, в декабре 1920 г. он совершил поездку в Москву (это произошло уже после обсуждения в Наркоминделе проекта Щербатского при участии монгольских революционеров и Доржиева), а три недели спустя сообщил в письме акад. В.М. Бехтереву следующее: «Россию я… покину лишь только представится к тому легальная возможность. Я имею основания надеяться, что такая возможность представится мне не позднее середины лета. В Россию я ранее 10 лет возвратиться возможности не получу». И далее в том же письме еще более конкретно: «В июле я надеюсь получить легальную возможность ехать из России на Восток. Около двух лет я располагаю провести в некотором пункте, находящемся всего в 460 верстах от русской границы, откуда почта ходит вполне регулярно. Таким образом, я буду иметь возможность поддерживать с Вами живую и регулярную связь еще два года…».[143] После чего Барченко собирался «уйти дальше», в места, не связанные с цивилизованным миром — очевидный намек на путешествие в глубь Тибетского нагорья, в заповедную Шамбалу. В каком «пункте» он намеревался провести два года (по-видимому, изучая тибетский язык и готовясь к основному путешествию), трудно сказать, но речь скорее всего идет о Монголии, поскольку именно там должно было начаться его путешествие.

Однако летом 1921 г. Барченко не получил санкции НКИДа (в это время готовилась к отправке в Тибет «секретно-рекогносцировочная экспедиция» красного командира В.А. Хомутникова). Полтора года спустя — уже после возвращения Хомутникова из Тибета в Москву — Барченко вновь пишет Бехтереву о своем предполагаемом путешествии, давая понять, что «формальности по исхлопотанию выезда» должны окончиться в апреле — мае 1923 г.[144] И вновь неудача. Но в конце 1923 г. — новый лучик надежды: Главнаука и группа

московских ученых, независимо друг от друга, «предпринимают конкретные шаги для связи меня (т. е. Барченко) с Чичериным… для обеспечения средств и разрешения на нашу поездку в Среднюю Азию нынешним же летом» (т. е. летом 1924 г.)[145]

Итак, в течение четырех лет Барченко настойчиво добивался от НКИДа принятия своего проекта. Помочь ему в этом пытались многие люди, в том числе и К.К. Владимиров. В конце мая 1920 г., когда Барченко впервые заговорил о путешествии в Тибет, Владимиров, в то время политуполномоченный ПЧК. зачем-то неожиданно выехал в Москву. Об этой поездке мы узнаем из письма его знакомой Софьи Зарх: «Как съездил в Москву? Получил ли новое назначение?»[146] Не означает ли это, что Владимиров намеревался принять участие в экспедиции Барченко и пытался привлечь к ее снаряжению руководство ВЧК? Такое предположение не лишено оснований, как мы увидим в дальнейшем.

А тем временем, ожидая решения Москвы, только что окончивший Педагогическую академию Барченко решил оставить Петроград и уехать — по крайней мере до лета 1921 г. — в Мурманск, на берег Баренцева моря. К такому шагу его подтолкнуло, по-видимому, несколько причин. Во-первых, необычайно тяжелые условия жизни в Петрограде, где царили разруха, голод и холод. Вот, например, как рассказывает об этом времени историк и философ Н.И. Кареев: «Вспоминаются холод, тьма, недоедание, безденежье и невозможность многое достать и за деньги. <…> Электричества или совсем не было, или пользоваться им можно было только в очень короткие часы, да и керосину тоже не всегда можно было достать. С питанием дело также обстояло очень плохо. Хлеб выдавался только по карточкам в небольшом количестве, доходившем иногда до одной четверти или даже восьмушки фунта в сутки, а не то вместо хлеба отпускался овес, который приходилось парить и дважды пропускать через мясорубку, чтобы делать из него нечто вроде каши. По целым неделям мы не ели никаких жиров, хотя бы растительных, не говоря уже о каком-нибудь мясе, еаш не считать плохой, жесткой и сухой конины. Чай и кофей заменялись всякими суррогатами и пились, конечно, без сливок,

даже без молока, без сахара, вместо которого не всегда можно было достать и сахарин. Белые булки были только предметом воспоминаний».[147]

Другая причина — желание заняться самостоятельной работой, научной и педагогической. Интерес к русскому Северу у Барченко появился довольно давно. В романе «Из мрака», увидевшем свет накануне войны, он пересказывает древнее предание о племени чудь, ушедшем под землю, когда чухонцы завладели его территорией. С тех пор чудь подземная «живет невидимо», а перед бедой или несчастьем выходит на землю и появляется в пещерах — «печорах» — на границе Олонецкой губернии и Финляндии.[148] В то же время расчеты А.А. Кондиайна по «Универсальной схеме» (о чем говорилось выше) показали, что в центре Кольского полуострова в древности находился один из очагов погибшей доисторической культуры — пещерная северная Агарта. Поэтому наряду с путешествием в далекий Тибет Барченко замышляет еще одну экспедицию — в Центральную Лапландию, на поиски следов этой культуры. Осуществить ее было гораздо легче, поскольку советское правительство, приступив в 1920 г. к изучению и освоению огромных природных богатств Севера, всячески содействовало снаряжению экспедиций в этот практически неисследованный регион, суливший в недалеком будущем стать русским Эльдорадо. (Напомним, что постройка Мурманской железной дороги, связавшей Петроград с северным побережьем Кольского полуострова, была закончена перед самой революцией, в 1917 г.) Осенью 1920 г. на Кольский полуостров для геологического обследования Хибинского горного массива отправилась экспедиция акад. А.Е. Ферсмана, за которым последовали десятки других ученых. В том же году уже знакомый нам Н.М. Книпович строит планы ихтиологических исследований на Мурмане в рамках организуемой научно-техническим отделом ВСНХ Северной научно-промысловой экспедиции. Книпович, который в прошлом (в 1898–1901 гг.) уже руководил подобной экспедицией, в 1920 г. был избран в состав ученого совета СНПЭ. Вполне возможно, что именно он подсказал Барченко идею отправиться на Кольский Север.

Собираясь на Мурман, Барченко, однако, не собирался отрываться на долгое время от Питера, где у него в том же 1920-м завязались дружеские отношения с акад. В.М. Бехтеревым и рядом других ведущих сотрудников Института мозга. Но об этом в следующей главе.

Глава третья
В поисках утерянного знания

1. СОТРУДНИЧЕСТВО С В.М. БЕХТЕРЕВЫМ

Когда и при каких обстоятельствах Барченко познакомился с Бехтеревым, мы не знаем. Возможно, это произошло еще в те годы, когда он ставил свои оригинальные эксперименты с «мозговыми лучами» и сотрудничал с «частными лабораториями». Любопытно, что его дипломная работа в Педагогической академии, по сведениям Э.М. Кондиайн, называлась «Сон, спячка, угнетение», т. е. была посвящена психологическим проблемам. Однако по-настоящему со знаменитым ученым Барченко сблизился лишь в 1920-м. Достоверно известно, что в этот период он несколько раз посещал Бехтерева у него на квартире. Так, однажды он привел к нему на консультацию свою пациентку, некую Веру Князькову. (Подробно о ней и ее странной болезни Барченко рассказывает в своем первом письме к Бехтереву, см. Приложения.) Осенью того же года, узнав о планах Барченко — о том, что тот собирается совершить предварительную поездку в Мурманск для подыскания себе работы, а затем в Москву по делам своей тибетской экспедиции, Бехтерев просит его о ряде услуг: привезти для института с Севера образцы океанской фауны, а также достать ему в Москве экземпляр романа «Доктор Черный» (!). Кроме этого договорились, что по возвращении с Мурмана Барченко выступит в ученой конференции Института мозга с сообщением о своих многолетних изысканиях в области древнего естествознания, и даже назначили дату — 10 ноября.

Барченко, однако, не смог вернуться в Петроград к этому сроку. Его выступление перед сотрудниками института состоялось два месяца спустя, 10 января 1921 г. Доклад Барченко,

составленный в форме тезисов («положений») и озаглавленный «Дух древних учений в поле современного естествознания», был задуман по сути как своего рода научная защита теории «Древней науки». «В заседании 10-го я прочту сначала «положения» в полном объеме, а за сим, с листа же, буду предлагать на обсуждение каждый пункт отдельно, — писал Барченко Бехтереву накануне выступления. <…> — Если «защита» мною своих «положений» от возражений произведет на Вас впечатление серьезности, Вы, быть может, не откажете установить между мною и Институтом определенную конкретную связь, предложив Конференции мое сотрудничество в качестве ассистента по кафедре, какую сочтете для такой работы подходящей». Установление такой связи с бехтеревским институтом Барченко считал необходимым, во-первых, в чисто научных целях — чтобы «иметь возможность вести систематическую работу в конкретных рамках, в контакте с людьми, коим я в полном объеме доверяю». И, во-вторых, чтобы «аргументировать» перед своим мурманским начальством необходимость поездок в Петроград и по Кольскому полуострову. («Если мои отношения к Институту не будут легализованы в фиксированной форме, я не получу досуга для работы по интересующему Вас вопросу и рискую застревать в Мурманске в моменты, наиболее удобные для контакта с работающими в Петрограде».) В этом же письме Барченко сообщает о своем намерении пригласить «из лопарских становищ» в Мурманск и Петроград «интересных для нашей работы перцепиентов», для участия в экспериментальных исследованиях Бехтерева.[149] Речь идет скорее всего о людях, обладающих паранормальными, или, как в то время говорили, «метапсихическими», способностями — о шаманах и лицах, пораженных особой болезнью, которую Александр Васильевич называет «лопарским испугом». При этом Барченко подчеркивает свою полную незаинтересованность в каких-либо материальных выгодах: «Ни жалованья, ни пайка по сей должности мне не нужно».

Прочитанный Барченко доклад вызвал большой интерес у собравшихся и положил начало его сотрудничеству с Институтом мозга, которое продолжалось по крайней мере до середины

1924 г. Идя навстречу пожеланиям Барченко, ученая конференция в заседании 30 января избрала его — по предложению Бехтерева — своим представителем («членом») на Мурмане и официально командировала в этом качестве «на побережье Ледовитого океана и в Лапландию для обследования явления, известного под именем «мерячение».[150]

«Мерячение» (эмиряченье) — это психическое заболевание, нечто среднее между припадком истерии и шаманским трансом. Особенно часто оно наблюдалось в ту пору среди коренного населения Крайнего Севера и Сибири (якутов, юкагиров, ламутов, айнов, забайкальских бурят), а также у малайцев, называющих его «прыгучкой» (юмпинг, джампинг), что позволило Н.А. Виташевскому говорить о мерячении как о «первобытном психоневрозе». Вот как описывает типичный припадок («мэнэрик») *у* женщины-якутки один из исследователей С.И. Мицкевич: «Сознание делается спутанным, появляются устрашающие галлюцинации: больная видит черта, страшного человека или что-нибудь подобное; начинает кричать, петь, ритмично биться головой об стену или мотать ею из стороны в сторону, рвать на себе волосы».[151] Мэнэрик может продолжаться от одного-двух часов до целого дня или ночи и повторяться в течение нескольких дней. Якуты обычно объясняют припадки порчей или вселением в тело злого духа («мэнэрика») и потому говорят в таких случаях: «бес мучает». По сообщению Мицкевича, «про «мэнэриков» ходят среди населения разные рассказы, например, что они могут себя прокалывать насквозь ножами и это не оставляет следов, могут плавать, не умея плавать в обычном состоянии, петь на незнакомом языке, предсказывать будущее» и т. д.[152] Одержимый «духом» во многом подобен шаману и обладает силой и способностями шамана, что, по мнению ученых, роднит мерячение и шаманство. Различие между ними состоит лишь в том, что «мэнэрик» вселяется в больного против его воли, а шаман вызывает «духа» по своей воле и может повелевать им.

Интересно, что среди русских крестьян, особенно среди мистических сектантов, встречалось похожее заболевание,

которое в народе обычно называли кликушеством. Русские ученые, в том числе В.М. Бехтерев, обратили на него внимание и стали исследовать еще в конце XIX века.[153]

Кроме В.М. Бехтерева у Барченко завязались отношения еще с несколькими ведущими сотрудниками Института мозга — В.П. Каш-кадамовым, А.К Борсуком и несколько позднее с Л.Л. Васильевым. Почвой для сближения с этими учеными наряду с парапсихологией (метапсихизмом) была также и восточная (индийская и тибетская) медицина, особенно привлекавшая к себе в те годы западных исследователей.

Василий Павлович Кашкадамов (1863–1941), известный врач-гигиенист, заведующий лабораторией школьной и умственной гигиены и позднее созданной им гигиенической лабораторией; в 1898–1900 гг. находился в командировке в Индии, где изучал чуму и способы борьбы с ней, перенимал опыт туземных врачей. По возвращении в Россию прочитал доклад «Об индусской фармации» и опубликовал «Краткий очерк индусской медицины» (СПб., 1902). Кашкадамов был убежденным сторонником профилактической медицины и, как и Барченко, ратовал за применение природных методов — воздушных и солнечных ванн — в оздоровительных целях. Особенно настоятельно он пропагандировал в 1920-е гг. чрезвычайно популярную до революции систему датского врача И.П. Мюллера, представлявшую собой комбинированное воздействие на организм человека воды, воздуха, массажа и дыхательных упражнений.[154]

Леонид Леонидович Васильев (1891–1965), физиолог-рефлексолог и парапсихолог, увлекался в молодости теософией, выписывал издания Теософского общества в Лондоне, что, по-видимому, и подтолкнуло его к изучению таинственных «психических феноменов». Не меньший интерес Леонида Леонидовича вызывала и тибетская медицина, получившая распространение в Петербурге в начале 1900-х гг. благодаря успешной практике тибетского врача П.А. Бадмаева. Рассказывают, что незадолго до революции Васильев вместе со своим камердинером совершил путешествие в Тибет,

присоединившись к каравану буддийских паломников.[155] Впоследствии он вспоминал об одной довольно необычной водной процедуре, которую ему однажды довелось наблюдать в этой стране, — тибетские монахи ходят или стоят неподвижно в проточной воде горного ручья, одновременно вращая установленные там же молитвенные барабаны. (Процедура эта, как кажется, носила скорее профилактический, чем лечебный характер.) Какое-то время пытливый путешественник провел в уединении в пещере, занимаясь созерцательной практикой, что поразительным образом напоминает некоторые страницы «Доктора Черного». Ученый продолжил изучение тибетской медицины в 1920–1930 гг. под руководством Н.Н. Бадмаева, племянника П.А. Бадмаева. В Институте мозга в начале 1920-х Л.Л. Васильев работал ассистентом рефлексологической лаборатории Бехтерева, а затем возглавил физиологическую лабораторию с отделом внутренней секреции. О новой науке парапсихологии и проводившихся Бехтеревым исследованиях в этой области он увлекательно рассказал в двух научно-популярных книгах: «Тайные явления человеческой психики» (М., 1959) и «Внушение на расстоянии» (М., 1962).

Алексей Константинович Борсук (1882-?) изучал проблемы психологии, психотехники, методики основных трудовых процессов и педологии; наряду с работой в бехтеревском институте он заведовал кафедрой психологии в Государственном институте физкультуры.[156]

Бехтерев, Кашкадамов и Борсук явно симпатизировали Барченко, и именно этих троих людей незадолго до отъезда на Мурман он посвятил на квартире у Бехтерева в свою тайну — тайну «Древней науки». В письме Барченко Бехтереву в начале 1921 г. мы читаем: «До 16 января я просил бы Вас, в случае если Вы принципиально согласны с предложенным мною планом, собрать у себя группу привлекаемых к работе лиц (предпочтительно не более двух человек, кроме Вас), коим Вы безусловно Доверяете. Этой группе я постараюсь с возможной полнотой осветить окраску того течения, коему я служу, мое отношение к этому течению и мотивы, заставляющие это течение

входить в контакт с Вами. Это необходимо уже потому, что Вы меня изволили посвятить в Ваше представление о «посвящении» в лице добрейшего д-ра Рябинина». (См. Приложения.) В дальнейшем, во время одного из приездов в Питер, А.В. Барченко намеревался представить объединенной вокруг Бехтерева группе ученых проект «органа», который следовало создать в структуре института, в виде отдельной «секции» при «комиссии» Бехтерева, для осуществления задуманной им серии опытов.

Но о чем, собственно говоря, Барченко ведет речь?

Институт по изучению мозга и психической деятельности был учрежден по инициативе В.М. Бехтерева весной 1918 г. с целью «всестороннего изучения человеческой личности и условий правильного ее развития».[157] Через полтора года — в середине ноября 1919 г. — Бехтерев выступил на одном из заседаний ученой конференции (объединявшей всех сотрудников института и аффилированных с ним учреждений) с докладом: «Воздействие на поведение животных путем непосредственного (бессловесного) внушения», в котором представил результаты своих экспериментов в Москве по передаче мысленного, внушения дрессированным собакам В.Л. Дурова. Тогда же УК приняла решение об образовании особой «Комиссии по мысленному внушению», поставив перед ней задачу — «всесторонне изучить описанные докладчиком факты и произвести дальнейшие аналитические опыты над животными».[158] (По-видимому, эту комиссию и имеет в виду Барченко.)

Суть этих опытов, впоследствии получивших большую известность в России и на Западе, состояла в выполнении собаками знаменитого дрессировщика задуманного людьми действия — побежать туда-то, сделать то-то и т. д.[159] (Поначалу они ставились на квартире В.Л. Дурова, а затем в зоопсихологической лаборатории А.Л. Чижевского, устроенной в дуровском зверинце — «Уголке» — на Божедомке.) О том, в каких невероятных, почти фантастических условиях В.Л. Дурову

приходилось жить и работать в те годы, свидетельствует следующий отрывок из письма Бехтереву:

«На Арбате у меня на квартире, где Вы в прошлом году изволили быть, охотно согласились работать со мной в качестве сотрудников проф. Г.А. Кожевников, проф. Ф.Е. Рыбаков и неоднократно описывавший моих животных И.А. Лев. Мы все с интересом занимаемся до поздней ночи в единственной отапливаемой комнате, где помещается вся моя семья (я, больная жена, дочь и внук), а на кровати, под кроватью мои шесть собак, кошки, попугай, крыса; из соседней же комнаты постоянно доносятся крики петуха, уток, китайских гусей, свист морских свинок Вот приблизительно в какой обстановке приходится работать…

Жизнь идет странно. Утром торопливо пишу свои записки, днем плетусь пешком или еду на своем верблюде по Москве из учреждения в учреждение, шмыгаю от сгола к столу и ожидаю на лестнице нужных людей. Укажу как на курьез, что ношу в своем кармане чернила с пером: Анатолий Васильевич [Луначарский] на ходу подписывает мои бумаги на кремлевской стене (его положительно рвуг на части). Но я, несмотря на ужасную новомодную волокиту и бюрократизм, упрямо ломаю препятствия и иду к намеченной цели. Подчас и мое прославленное терпение подходит к концу…

Да, если бы, дорогой Владимир Михайлович, возможно было бы мне с семьей бросить все и отдохнуть хотя бы месяц в санатории, покончить с пресловутой славой, бурно кочующей артистической жизнью и отдаться всецело науке в удобной лабораторной обстановке да еще под Вашим наблюдением, тогда, профессор, многое можно бы сделать! Не только в области внушения, я смог бы вложить свой кирпичик [и] в здание общечеловеческой культуры, но это одни мечты, а действительность — я только одна из щепок, когда лес рубят…»[160]

В 1920 г. Бехтерев сделал еще несколько докладов по теме своего исследования. К началу 1922 г. в состав «Комиссии по мысленному внушению» входило 8 человек сам Бехтерев, А.К.

Борсук, Л.Л. Васильев, В.Н. Мясищев, А.Г. Иванов-Смоленский, И.П. Казначенко-Триродов, И.А. Попов, В.И. Рабинович. Вскоре — 9 марта 1922 г. — комиссия решила расширить сферу деятельности путем включения в число изучаемых явлений «явления гипноза у человека и животных, внушения словесного и мысленного, автоматизма, экстериоризации, ясновидения (и яснослышания) и физического действия магнита». А месяц спустя в комиссию дополнительно ввели еще шесть человек, «ближе знакомых с психическими феноменами», — специалистов по оккультным наукам.

Отметим попутно, что опыты по изучению ясновидения (и яснослышания) велись в институте начиная с 1920 г. В качестве испытуемых в них участвовало несколько человек, в их числе некто В.К. Пригоровская, для обследования которой была даже создана специальная комиссия во главе с докторами Г.В. Рейтцем и А.В. Дубровским. В личном архиве В.М. Бехтерева сохранились записи, сделанные Пригоровской в 1920–1924 гг. Приведем два небольших отрывка из них:

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Четвертое измерение может быть постигнуто при условии отречения от обыденных форм материальной жизни, отречения от своих пяти чувств и проникновения с помощью интуиции в область беспредельности и безмерности пространств. Это чувство живет в нас, нами руководит, но в сознание наше не укладывается. Почему? Потому что нет полной возможности отрешиться от своего «я» физического. Тот, кто может, проникается [этим чувством], как, например, йоги — люди, наделенные способностью глубокого самогипноза и медитации.

Четвертое измерение как бы составляет баланс наших трех, по наличности пяти чувств, и их влияние на нас затемняет возможность отрешиться от своей физической стороны. Постепенно четвертое измерение будет входить и проясняться в жизни. Ряд художников, поэтов, философов, ученых и всех людей, поднятых от земли в момент творчества, переходят в четвертое измерение. Обыденным натурам пока это неуловимо. Тут человек всегда находится при своих пяти чувствах, а во

время творчества бывает глубокая отрешенность от мира настоящего и проникновение в иные переживания, мало соответствующие данной минуте.

Четвертое измерение — это область подсознания, это интуитивное проникновение в область будущего, это полет вселенной, уловимый лишь теми, кто может отречься от действительности и отдаться мировому движению без напряжения и личной воли.

О ЯСНОСЛЫШАНИИ

Яснослышание — дар, способствующий тебе общаться с потусторонним миром, получать от него все то, что ты можешь усвоить и опять-таки с помощью интуиции и прежде всего с помощью подсознания и сознания. Интуицию собственно можно назвать сверх-сознанием…»[161]

К декабрю 1922 г., когда Барченко вернулся с Мурмана, «Комиссия по мысленному внушению» приобрела окончательную структуру, включавшую в себя семь основных секций, по изучению: 1) психических феноменов личности, 2) явлений телепатии и ясновидения, 3) гипнотизма и магнетизма, 4) экстериоризации и излучений, 5) автоматизма и раздвоения личности, 6) медиумических явлений, а также 7) секцию литературно-редакционную. Руководил комиссией выборный президиум в составе: председатель (акад. В.М. Бехтерев), товарищи председателя (А.К. Борсук и Л.Л. Васильев), ученый секретарь (В.А. Подерни) и члены (В.П. Кашкадамов и А.М. Нилус).

9 мая 1923 г. комиссия отметила торжественным заседанием первый год своей деятельности, а 22 мая получила название «Комиссии психических исследований» (далее КПИ). В этом новом статусе КПИ обратилась с ходатайством в Наркомпрос РСФСР о регистрации ее «в качестве постоянного научно-исследовательского и научно-контрольного органа Русского национального комитета психических исследований».

Новый расширенный состав комиссии был весьма представительным и включал в себя два с половиной десятка самых разных специалистов:

1. председатель: акад. В.М. Бехтерев

2. зам. председателя: проф. А.К. Борсук члены:

3. проф. В.П. Кашкадамов (гигиенист).

4. проф. А.А. Петровский (физик).

5. проф. А.В. Сапожников (химик).

6. проф. П.Г. Вельский (дефектолог).

7. проф. А.П. Петров (доктор медицины).

8. доц. Н.Н. Пэрма (физиолог).

9. доц. Л.Л. Васильев (физиолог).

10. П.К Тимофеевский (невропатолог).

11. В.И. Рабинович (невропатолог).

12. Н.Б. Закс (терапевт).

13. Н.А. Панов (невропатолог).

14. В.Н. Финне (невропатолог).

15. Э.В. Яблонский (невропатолог).

16. В.М. Карасик (психиатр).

17. В.М. Погорельский (невропатолог).

— 18. ассистент Н.Д. Никитин (психолог)

сотрудники:

19. Н.И. Лихов (эксперт судебной фотографии).

20. В.А. Подерни (физик).

21. А.М. Нилус (техник).

22. Г.О. Лобода (фототехник).

23. А.М. Антоновский (статистик).

24. В.Ф. Дудкин (механик).

25. Н.А. Энгельгардт (литератор).[162]

О конкретных исследованиях, проводившихся в названных выше 7 секциях КПИ, позволяет судить следующий отрывок из отчета института за период с 1 октября 1922-го по 1 июля 1923 г.:

«Деятельность комиссии состоит из научно-исследовательской работы ее секций и периодических закрытых научных заседаний комиссии, на которых рассматриваются текущие организационные и технические вопросы и делаются научные доклады, рефераты и сообщения по интересующим комиссию вопросам.

Секции ведут оригинальные исследования, проверяют работы других авторов и изучают литературу вопроса.

Секция по изучению психических феноменов личности, руководимая проф. В.П. Кашкадамовым, ведет анкетное и экспериментальное исследование сенситивов и лиц, обладающих медиумическими способностями. В настоящее время ею составлена анкета, программа изучения психических феноменов личности и приступлено к исследованию ряда сенситивов и обработке анкетного материала.

Секция по изучению гипнотизма и магнетизма, руководимая проф. физиологом Л.Л. Васильевым, ведет исследование гипноза, транспозиции внушенных состояний, действия магнетических пассов, психофизиологического действия магнита

и др. родственных им явлений (орг. работы ЛЛ.Васильева, Б.Н. Финне, П.Т. Вельского и Н.А. Панова).

Секция по изучению явлений телепатии и ясновидения, руководимая В.А. Подерни, ведет исследования условий синхронной и асинхронной интерцеребральной телепатической индукции по зрительно-перцепторному методу (метод В.А. Подерни).

В настоящее время секцией заканчивается большая работа по изучению условий непосредственной передачи мысленных и зрительных репродукций одного человека другому, содержащая в себе весьма значительный фактический материал.

В числе достижений секции можно отметить получение рисунков, передаваемых при помощи телепатической индукции, установление закономерности в возникновении индуцированных репродукций, установление факта асинхронной телепатической индукции и разработку метода ее исследования.

Оригинальные работы в этой области также ведут проф. А.К. Борсук и проф. Л.Л. Васильев.

Секция по изучению явлений экстериоризации и излучений, руководимая Н.И. Лиховым, ведет исследования излучений из человеческого глаза и проверку опытов д-ра Наркевича-Иодко по фотографированию излучений человеческой руки.

В области медиумических явлений оригинальные работы ведут проф. А.В. Сапожников и сотрудник Г.О. Лобода. Ими исследуются явления медиумизма в различных его стадиях.

Литературно-редакционная секция ведет работу по переводу трудов Международного конгресса психических явлений (Копенгаген, 1921)[163] и подготовке их к печати, а также и по составлению библиотеки по изучаемым секцией вопросам. В состав руководящего работой секции редакционного комитета входят проф. А.К Борсук, В.Н. Кашкадамов и проф. Л.Л. Васильев.

В настоящее время редакционный комитет вступил в сношение с Международным институтом метапсихизма в Париже и с исследователями метапсихизма в Нью-Йорке и в Индии».[164]

Как можно видеть из приведенного выше списка, имя А.В. Барченко в составе КПИ не значится, но вот что писал Л.Л. Васильев в своем дневнике:

«Главная особенность этой комиссии состояла в том, что в ее состав входили как представители от науки, так и адепты оккультизма — спириты (Нилов, Лобода, врач Яблонский), теософы (Лихов, он же комендант здания института, в квартире которого комиссия и собиралась), реже бывали еще и другие оккультисты (Погорельский, тоже врач, Антоновский, биолог и журналист Барченко), писатель-нововременец Н.А. Энгельгардт и др.»[165]

Небольшая биографическая справка:

Нилов — это, очевидней, А.М. Нилус, значащийся в официальном списке техником»; Георгии Осипович Лобода («фототехник») — петроградский эзотерик, до 1918 г. входил в оккультное общество «Сфинкс», а затем организовал и возглавил собственную группу;[166] Алексей Михайлович Антоновский («статистик») — брат Юлия Антоновского, автора книги «Джордано Бруно» (СПб., 1892), эмигрировавшего после революции из России.[167] Согласно справочной книге «Весь Петроград» за 1923 г., А.М. Антоновский — «практикующий врач», также как и В.М. Погорельский; Николай Александрович Энгельгардт (1867–1942) — публицист и историк литературы. В опубликованных им мемуарах, однако, ничего не говорится о его работе в КПИ.[168]

Таким образом, если верить Л.Л. Васильеву, Барченко входил в состав КПИ. Что же касается приведенного выше официального списка членов комиссии (включенного в институтский отчет), то в нем есть одна странная фамилия — «доктор медицины» А.П. Петров, о личности которого не удалось найти никаких сведений. Но вот что любопытно, в том же отчете приводятся названия докладов, прочитанных членами КПИ, в том числе и

доклад д-ра Петрова — «Современная наука и древняя мудрость», явно перекликающийся с темой доклада А.В. Барченко («доктора Барченко») «Дух древних учений в поле зрения современного естествознания». Но в таком случае А.П. Петров и А.В. Барченко — одно и то же лицо. Здесь необходимо пояснить — в своей работе, связанной с оккультным знанем, Барченко всячески стремился к анонимности и потому нередко пользовался псевдонимами. Так, например, одно из его писем в Главнауку подписано «говорящей» фамилией — А Безымянный.

В какой конкретно секции работал. Барченко, мы не знаем. Возможно, это была секция по изучению психических феноменов личности В.Л. Кашкадамова, обследовавшая «сенситивов» и лиц, обладающих медиумическими способностями, или секция телеттической индукции, руководимая В А Подерни, — то, чем в прошлом занимался сам Барченко. В книге «Внушение на расстоянии» Л.Л. Васильев вкратце упоминает проводившиеся Подерни исследования: «В наших опытах было использовано 900 различных объектов (предметов, рисунков) для мысленной их передачи перципиенту, находившемуся за капитальной стеной в другой комнате. При индукторе и перципиенте (т е. отправляющем и принимающем телепатическую информацию. — А.А.) находились наблюдатели, которые записывали каждое их слово».[169]

В своих воспоминаниях Э.М. Кондиайн рассказывает о том, что Барченко в конце 1923 г. оборудовал в квартире ее мужа А.А. Кондиайна (куда он переехал по возвращении с Мурмана) специальную лабораторию по образцу той, в которой он прежде ставил опыты с N-лучами:

«У нас в квартире был темный коридор. В нем А.В. огородил фанерой лабораторию с полками. Все было выкрашено черной клеевой краской». В этой «черной лаборатории» Кондиайн и Барченко производили всевозможные опыты, в том числе и телепатические по методике Барченко. Тамиил фотографировал их результаты — появлявшиеся на экране мыслеформы в виде различных фигур — и затем изготавливал черно-белые и цветные диапозитивы. В одном из писем В.М. Бехтереву начала

1921 г. Барченко предлагал создать подобную лабораторию для Института: «В конце мая я получу возможность приехать в Петроград на полтора-два месяца. Лично помогу Вам в оборудовании «магической» лаборатории, доставлю Вам объекты для исследований и, если разрешите, приму личное участие в постановке экспериментов».[170]

Помимо экспериментальной работы в секциях, члены комиссии (и специально приглашенные лица) регулярно выступали в ученой конференции института с докладами и сообщениями по тематике проводимых исследований. Всего за период с 1921-го по середину 1923 г. было прочитано 39 таких докладов. Вот названия некоторых из них:

Л.Л. Васильев: О влиянии магнита на внушенную галлюцинацию; К вопросу о психосоматическом действии магнитного поля; О транспозиции внушенных состояний; О менталистических опытах.

В.А. Подерни: О методе изучения явления телепатической индукции.

М.В. Погорельский: Об излучениях человеческого организма.

А.М. Нилус: О методе изучения т. н. психометрических явлений; Основные положения оккультизма.

П.К Тимофеевский: Основные положения теософии.

Н.А. Энгельгардт: Творческие процессы псевдо-гнозиса и псевдогаллюцинации.

А.В. Сапожников: О работах московского медиумического кружка.[171]

Примечательно, однако, что большая часть докладов и сообщений была посвящена работам в области экспериментальной психологии (метапсихизма) западных ученых, участников 1-го Международного конгресса психических

явлений, состоявшегося в Копенгагене в августе — сентябре 1921 г.

«Комиссия психических исследований» прекратила свое существование в 1924 г. Причины ее закрытия не вполне понятны, но такое решение было принято, очевидно, не институтским руководством, а на более высоком уровне — московской Главнаукой и Академическим центром. Материалов работы КПИ отыскать в архивах, к сожалению, не удалось, и это кажется удивительным, при том, что в секциях комиссии были проведены тысячи уникальнейших экспериментов. В то же время, насколько можно судить по сохранившимся документам, в институте в последующие годы продолжались в той или иной форме начатые КПИ исследования. В частности, в гипнологической секции велась работа с ясновидящей В.К Пригорской с целью выявления у нее паранормальных способностей (этим занимались в основном Г.В. Рейц и А.В. Дубровский). «В октябре 1926 г. ив марте — апреле 1927 г. нами было произведено с В.К. Пригорской 50 опытов в течение 8 заседаний», читаем мы в одном из поздних отчетов этих специалистов.[172]

В сентябре 1926 г. инициативная группа Института мозга, куда входили многие из бывших членов КПИ (В.М. Бехтерев, А.К. Борсук, J1Л. Васильев, В.А. Подерни, А.А. Петровский, Г.В. Рейц, А.В. Дубровский, Б.Л. Розинг и др., всего 15 человек), обратилась в Российское общество невропатологов с просьбой об учреждении в составе этого ученого общества секции гипнологии и биофизики. Предполагалось, что секция будет заниматься как экспериментальными исследованиями на базе гипнологической и биофизической лабораторий института (к тому времени получившего приставку в названии — Государственный Рефлексологический), так и аналитическими. Основные задачи секции формулировались таким образом:

«1) исследование действия космических и метеорологических факторов на человеческий, животный и растительный организм;

2) экспериментальное изучение действий физических факторов (лучистой энергии электрического и магнитного полей) на человеческий, животный организм;

3) экспериментальное изучение явлений продукции организмом лучистой энергии (т. е. биополя. — АД);

4) экспериментальные исследования явлений энергетического воздействия организма на организм на расстоянии;

5) экспериментальное исследование явлений непосредственной рецепции организмом материальных объектов на расстоянии.[173]

Была ли создана гипнолого-биофизическая секция в Российском обществе невропатологов, мы не знаем (скорее всего, нет), как не знаем и того, продолжил ли Барченко свое сотрудничество с Институтом мозга (с В.М. Бехтеревым, В.П. Кашка-дамовым и др.) после упразднения «Комиссии психических исследований».

2. ЛАПЛАНДИЯ — СТРАНА СКАЗОК И КОЛДУНОВ

Барченко выехал в Мурманск в феврале 1921 г. в сопровождении жены Натальи и двух самых преданных учениц — Юлии Вонифатьевны Струтинской, исполнявшей роль его личного секретаря, и Лидии Николаевны Марковой. Последняя была дочерью известного думского деятеля, лидера крайне правых Н.Е. Маркова (Маркова 2-го), с которым Барченко, как мы помним, несколько раз встречался в 1918 г. и который затем бежал из России. Познакомился с ней А.В. Барченко, вероятно, в кружке Д.В. Бобровского, родственника Маркова. Впоследствии Л.Н. Маркова вступит в фиктивный брак со студентом-восточником Ю.В. Шишеловым и добавит фамилию мужа к своей «контрреволюционной» фамилии, чтобы облегчить себе жизнь в советской России. В Мурманск — наблюдать полное солнечное затмение — отправились в начале апреля 1921 г. и А.А. Кондиайн вместе с Э.М. Месмахер, ставшей к тому времени его женой, в составе небольшой экспедиции РОЛМ, которой руководил М.Я. Мошонкин. Добирались астрономы-энтузиасты до Мурманска с приключениями — в пути их поезд потерпел крушение, при этом от всего состава на рельсах остались только

два последних вагона. К счастью, никто из ученых не пострадал, поскольку теплушка, в которой они ехали, находилась в самом хвосте состава. Но инструменты получили небольшие повреждения. Затмение наблюдали в мурманском порту 8 апреля. По окончании работ участники экспедиции прочитали несколько популярных лекций для местного населения.

В Мурманске Кондиайны несколько раз встречались с Барченко и его спутницами — жили они в бревенчатом бараке, стоявшем посреди непролазной тины, у самого моря. Э.М. Кондиайн запомнилась курьезная деталь — в бараке было множество клопов, однако Александр Васильевич их не убивал, а только выбрасывал в окошко, уверяя, что они его не кусают. И все три женщины поступали таким же образом. Занимался Барченко в это время лечением умиравшего от туберкулеза молодого парня, от которого отказались врачи. Лечил его по собственному методу — заставлял ежедневно принимать солнечные ванны на открытом воздухе, когда еще было довольно морозно. Удивительно, но подобные суровые процедуры действительно оказались целительными — больной вскоре встал на ноги и смог самостоятельно поехать в Крым для продолжения лечения. В другой раз Кондиайны застали своего друга в большом сарае. Он с увлечением читал группе матросов какую-то лекцию. После недолгого пребывания в Мурманске чета Кондиайн вернулась вместе с экспедицией в Петроград.

Барченко пробыл на Севере безвыездно около двух лет, что на время прервало его контакты с Бехтеревым и Институтом мозга. По воспоминаниям мурманчанина Я.А. Камшилова, он работал в Мурманском губземуправлении — заведовал научно-исследовательской (испытательной) сельхозстанцией, которую оборудовал сам зимой 1921 г. Там он занимался изучением морских водорослей (фукусов и ламинарий) с целью употребления их в корм крупного и мелкого рогатого скота, написал и издал рад памяток на эту тему; вел работы по извлечению агар-агара из красных водорослей, выступал с лекциями, в которых горячо пропагандировал употребление человеком в пишу «морской капусты» (ламинарии), ввиду ее ценных питательных и лечебных свойств. Общался с учеными,

работавшими на Мурмане (Г.А. Надсоном, Н.М. Книповичем, Г.А. Клюге), и позднее (летом 1922 г.) совершил две экспедиции — на остров Кильдин и в глубь Кольского полуострова.

Известно также, что Барченко много и увлеченно занимался краеведческими изысканиями в качестве профессора и заведующего Морским институтом краеведения высшего типа (краеведческое движение в стране в 1920-е гг. находилось на подъеме) — изучал прошлое Кольского полуострова, быт и верования коренных жителей, лопарей. В то же время занимался и научно-просветительской деятельностью. В удостоверении, выданном Барченко Мурманским исполкомом 1 июля 1921 г., дается высокая оценка этой его работе. В нем, в частности, отмечается, что А.В. Барченко «обнаружил выдающиеся качества, как специалист, знаток края, талантливый лектор-популяризатор и исключительный по знаниям и работоспособности организатор научно-просветительского дела, оказавший исключительные услуги просвещению в крае».[174] В книгах советского времени имя Барченко упоминалось лишь однажды — в очерках истории Мурманской партийной организации (Мурманск, 1969) мы находим его в одном ряду с именами таких крупных ученых, работавших на Севере в 1920-е гг., как акад. А.Е. Ферсман, Н.М. Книпович, Н.И. Прохоров и К.М. Дерюгин[175] — факт сам по себе примечательный.

О встречах Барченко с упомянутыми Я.А. Камшиловым учеными (ГА Надсоном, Н.М. Книповичем, Г.А. Клюге) следует рассказать чуть подробнее. Г.А. Надсон (1867–1939) — известный микробиолог, впоследствии академик АН СССР, изучал в 1921 г., как и Барченко, морские водоросли на побережье Баренцева моря. По возвращении с Мурмана пытался привлечь внимание «надлежащих лиц и учреждений» к вопросу об использовании водорослей северных морей России. В Ледовитом океане у берегов Мурмана, указывал он, далеко тянутся целые подводные леса водорослей. Весной и осенью, выброшенные на берег штормами, они образуют широкие валы из фукусов и ламинарий. «Как богата, как мощна на Севере флора водорослей, какие огромные запасы этих даров моря здесь к услугам человека», — писал Надсон в одной из своих работ.

В статье Надсона «Об использовании морских водорослей наших северных морей» (1922) мы наталкиваемся на весьма любопытный пассаж: рассказывая о том, что с давних времен морские водоросли, растущие по берегам Западной Европы, особенно Шотландии и северной Франции, служили для добычи соды, поташа и йода, ученый ссылается на работы первых исследователей водорослей, в том числе и на Сент-Ива д'Альвейдра (!).[176] (В частности, он упоминает его публикацию «De l'utilite des algues marine». Paris, 1879.) И действительно, проживая в течение ряда лет (в 1870-е гг.) на Англо-Норманских островах, Сент-Ив на досуге занимался изучением морских водорослей и даже запатентовал некоторые из своих открытий в области промышленного использования «мукуса» (водорослевой слизи).[177] Здесь возникает несколько вопросов: откуда Надсон узнал об экспериментах Сент-Ива — от Барченко, с которым встречался, или из научной литературы? С другой стороны, если Барченко знал об этих экспериментах еще до того, как отправился на Мурман, не значит ли это, что они подвигли его на собственные исследования?

Общаясь с Надсоном, Барченко, несомненно, услышал от него много интересного и нового не только о водорослях, но и о проводимых им опытах с целью изучения влияния радия на живые существа — от бактерий до человека включительно. (В 1919 г. Надсон организовал в Государственном рентгенологическом и радиологическом институте в Петрограде маленькую ботанико-микробиологическую лабораторию, а год спустя опубликовал свой первый классический труд — о действии радия на дрожжевые грибки в связи с общей проблемой влияния радия на живые существа.) «Излучения радия ускоряют темп жизни и в малых дозах действуют стимулирующе, — утверщал Надсон. — Большие дозы оказывают угнетающее действие, за которым следуют патологические и дегенеративные процессы и даже смерть. <…> Лучи радия, являющиеся результатом дезорганизации мертвого вещества, вносят с собой дезорганизацию в живое вещество».[178]

Теперь несколько слов о Н.М. Книповиче и Г.А. Клюге. Первый работал в 1921 г. на Мурманской биостанции в г.

Александровске, где занимался в основном обработкой коллекции рыб музея станции и составлением сводки результатов гидрологических работ в Баренцевом море. Что касается Г.А. Клюге, то он являлся заведующим биостанцей, которая формально принадлежала Петроградскому обществу естествоиспытателей, и ее летописцем.[179] Барченко, несомненно, посещал Мурманскую биостанцию, однако, по сведениям Клюге, не проводил никаких исследований в ее специальных лабораториях, предпочитая работать самостоятельно, хотя и в контакте с более опытными учеными.

Летом 1922 г. Барченко совершил две экспедиции — на остров Кильдин и в глубь Кольского полуострова, в Ловозерский край. Кильдин — большой остров в Баренцевом море, расположенный в полутора километрах от берега Кольского полуострова. Холмистое плато площадью 120 с лишним кв. км. Вот как описывает остров Кильдин Географический словарь Российской империи, составленный в середине XIX века П.П. Семеновым-Тян-Шанским:

«Северный берег высок и отрубист, западная оконечность отвесна, юго-восточная полога и низменна. На южной стороне низменный берег у воды возвышается постепенно амфитеатром, состоящим из 4 вполне правильных уступов, и кончается на высоте до 500 футов ровною, столбовидною вершиною. Густая зелень покрывает все пространство и составляет противоположность с обнаженными утесами материка. Остров состоит из кристаллических сланцев и тем отличается от гранитного материка и островов, лежащих к юго-востоку».[180]

Без сомнения, пустынный, практически неизученный остров Кильдин не мог не привлечь внимание Барченко. Я.А. Камшилов сообщает, что петроградский ученый провел на острове «исследование по определению естественных запасов кормов для крупного рогатого скота». Об этих своих работах он докладывал на заседаниях Губисполкома. В то же время им была сделана «археологическая находка» — выполненная из камня фигурная «подставка», которую он называл

«капителью».[181] (Предположительно, передана в Мурманский краеведческий музей).

Что касается Кольской (Лапландской) экспедиции Барченко, то известно, что она была официально снаряжена в августе 1922 г. Мурманским Губэкосо (Губернским экономическим совещанием). Участие в ней вместе с Барченко приняли три его спутницы, а также специально приехавшие из Петрограда А.А. Кондиайн и репортер Семенов. (Э.М. Кондиайн на этот раз не смогла последовать за мужем, потому что на руках у нее находился новорожденный — сын Олег, появившийся на свет осенью 1921 г.) Участвовать в путешествии Барченко, между прочим, пригласил и Бехтерева, но тот был вынужден отказаться в связи с намечавшейся заграничной командировкой.

Основной задачей экспедиции было экономическое обследование района, прилегающего к Ловозерскому погосту, населенному лопарями или саамами. Здесь находился центр русской Лапландии, местность почти не исследованная учеными. Некогда на этой земле, согласно древним преданиям, обитало чудское племя — «чудь, что в землю ушла». О чуди Барченко услышал вновь по пути к Ловозеру, от молодой лопарской «колдуньи» — шаманки Анны Васильевны. «Давным-давно лопари воевали чудь. Победили и прогнали. Чудь ушла под землю, а два их начальника ускакали на конях. Кони перепрыгнули через Сейд-озеро и ударились в скалы и остались там на скалах навеки. Лопари их называют «Старики»».

С этой шаманкой связана удивительная история, происшедшая в самом начале путешествия. «Когда к вечеру они (члены экспедиции. — *А.А.) добрались до чума Анны Васильевны, У А.В. Барченко сделался тяжелый сердечный приступ. Анна Васильевна взялась его вылечить. Он лежал на земле. Она встала у него в ногах, покрылась с ним длинным полотенцем, что-то шептала, делала какие-то манипуляции кинжалом. Затем резким движением направила кинжал на сердце А.В. Барченко. Тот почувствовал страшную боль в сердце. У него было ощущение, что он умирает, но он не умер, а заснул. Проспал всю ночь, а наутро встал бодрый, взвалил свой двухпудовый рюкзак*

и продолжил путы. В дальнейшем (по утверждению Э.М. Кондиайн) сердечные приступы у Барченко больше не повторялись.

Чудесное излечение А.В. Барченко произвело на всех огромное впечатление. Надо сказать, что о лопарях или саамах в то время имелись довольно скудные сведения по причине их крайне обособленного существования. Происхождение лопарского народа, с незапамятных времен обитающего в этом суровом приполярном краю, теряется во мраке столетий или даже тысячелетий. Уже в самом начале экспедиции во время перехода к Ловозеру ее участники натолкнулись в тайге на довольно странный памятник — массивный прямоугольный гранитный камень. Всех поразила геометрически правильная форма камня, а компас показал к тому же, что он ориентирован по сторонам света. В дальнейшем Барченко и Кондиайну удалось установить, что, хотя лопари поголовно исповедуют православную веру и необычайно ревностно исполняют все церковные обряды, в то же время они втайне поклоняются богу Солнца и приносят бескровные жертвы каменным глыбам-менгирам, по-лопарски «сейдам».

Переправившись на парусной лодке через Ловозеро, экспедиция двинулась дальше в направлении близлежащего Сейд-озера, почитавшегося священным. К нему вела прорубленная в таежной чаще прямая просека, поросшая мхом и мелким кустарником. В верхней точке просеки, откуда открывался вид одновременно на Ловозеро и Сейд-озеро, лежал еще один прямоугольный камень.

«С этого места виден по одну сторону в Ловозере остров — Роговой остров, на который одни только лопарские колдуны могли ступить. Там лежали оленьи рога. Если колдун пошевелит рога, поднимется буря на озере. По другую сторону виден противоположный крутой скалистый берег Сейд-озера, но на этих скалах довольно ясно видна огромная, с Исаакиевский собор, фигура. Контуры ее темные, как бы выбиты в камне. Фигура в позе «падмаасана». На фотографии, сделанной с этого берега, ее можно было без труда различить».

Фигура на скале, напомнившая Э.М. Кондиайн индусского йога, — это и есть «Старики» («Старик», или Куйва, по другой версии) из лопарского предания: Впрочем, современный исследователь В.Н. Демин разглядел в ней нечто другое — человека с крестообразно распростертыми руками.

Участники экспедиции заночевали на берегу Сейд-озера в одном из лопарских чумов. Наутро решили подплыть к обрыву скалы, чтобы лучше рассмотреть загадочную фигуру, но лопари наотрез отказались дать лодку. Всего у Сейд-озера путешественники провели около недели. За это время они подружились с лопарями, и те показали им один из подземных ходов. Однако проникнуть в подземелье не удалось, поскольку вход в него, выложенный опять-таки загадочными прямоугольными камнями, оказался основательно заваленным землей. Экспедиция обнаружила в окрестностях «святого озера» и несколько других памятников лопарской древности, в том числе заинтриговавшую всех каменную «пирамиду».

В семейном архиве Кондиайнов чудом сохранилось несколько страничек из «Астрономического дневника» Александра Александровича с рассказом об одном дне экспедиции, который заслуживает того, чтобы мы привели его здесь:

«10/IX. «Старики». На белом, как бы расчищенном фоне, напоминающем расчищенное место на скале, в Мотовской губе выделяется гигантская фигура, напоминающая темными своими контурами человека. Мотовская губа поразительно грандиозно-красива. Надо себе представить узкий коридор версты 2–3 шириной, ограниченный справа и слева гигантскими отвесными скалами, до 1 версты высотой. Перешеек между этими горами, которым оканчивается губа, порос чудесным лесом, елью — роскошной, стройной, высокой до 5 — 6 саженей, густой, типа таежной ели. Кругом горы. Осень разукрасила склоны вперемежку с лиственницами пятнами серо-зеленого цвета, яркими кущами берез, осин, ольхи; вдали сказочным амфитеатром раскинулись ущелья, среди которых находится Сейд-озеро. В одном из ущелий мы увидели загадочную вещь — рядом со скитами, там и сям пятнами лежащими на склонах

ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы с N виднеется гигантская пещера, сажень 200, а рядом нечто вроде замурованного склепа.

Солнце освещало яркую картину северной осени. На берегу стояли 2 вежи, в которых живут лопари, выселяющиеся на промысел с погоста. Их всего, как на Ловоозере, так и на Сейд-озере, ок. 15 человек. Нас, как всегда, радушно приняли, угостили сухой и вареной рыбой. После еды завязался интересный разговор. По всем признакам мы попали в самую живую среду седой жизни. Лопари вполне дети природы. Дивно соединяют в себе христианскую веру и поверья старины. Слышанные нами легенды среди них живут яркой жизнью. «Старика» они боятся и почитают. Об оленьих рогах боятся и говорить. Женщинам нельзя даже выходить на остров — не любят рога. Вообще же они боятся выдавать свои тайны и говорят с большой неохотой о своих святынях, отговариваясь незнанием. Тут живет старая колдунья, жена колдуна, умершего лет 15 назад, брат которого до сих пор еще глубокий старик, поет и шаманствует на Умб-озере. Об умершем старике Данилове говорят с почтением и страхом, что он мог лечить болезни, насылать порчу, отпускать погоду, но сам он однажды взял задаток у «шведов» (вернее, чуди) за оленей, надул покупателей, т. е. оказался, по-видимому, более сильным колдуном, наслав на них сумасшествие.

Нынешние лопари имеют несколько другой тип. Один из них имеет немного черты ацтеков, другой — монгол. Женщины с выдающимися скулами, слегка приплюснутым носом и широко расставленными глазами. Дети мало отличаются от русского типа. Живут здешние лопари много беднее ундинских.

Много их обижают и русские и ижемцы. Почти все они неграмотные. Мягкость характера, честность, гостеприимство, чисто детская душа — вот что отличает лопарей.

Вечером после краткого отдыха пошел на Сейд-озеро. К сожалению, мы пришли туда уже после захода солнца. Гкгантские ущелья были закрыты синей мглой. Очертания

Старика выделяются на белом плафоне горы. К озеру через тайболу ведет роскошная тропа. Везде широкая проезжая дорога, кажется даже, что она мощеная. В конце дороги находится небольшое возвышение. Все говорит за то, что в глубокую древность роща эта была заповедной и возвышение в конце дороги служило как бы алтарем-жертвенником перед Стариком.

Погода менялась, ветер усилился, облака собирались. Надо было ожидать бури. Часов в 11 я вернулся на берег. Шум ветра и порогов реки сливались в общем шуме среди надвигающейся темной ночи. Луна поднималась над озером. Горы оделись чарующей дикой ночью. Подходя к веже, я испугал нашу хозяйку. Она приняла меня за Старика и испустила ужасный вопль и остановилась как вкопанная. Насилу ее успокоил. Поужинав, мы обычным порядком залегли спать. Роскошное северное сияние освещало горы, соперничая с луной».

На обратном пути Барченко и его спутники попытались вновь совершить экскурсию на «запретный» Роговый остров в Ловозере — первая попытка была сделана ими в самом начале путешествия, — однако и на этот раз потерпели неудачу. Едва они отплыли от ?ереіа, как небо неожиданно затянули черные тучи. Налетел ураган, который мгновенно сломал мачту и едва не перевернул лодку. В конце концов путешественников прибило к крошечному, совершенно голому островку, где они, дрожа от холода, и заночевали. А утром уже на веслах кое-как дотащились до Ловозерска. Роговой остров действительно оказался «заколдованным»!

Участники Кольской экспедиции вернулись в Петроград глубокой осенью 1922 г. Поскольку у Барченко не было собственного жилья, ему срочно пришлось заняться подысканием себе квартиры и оформлением необходимой прописки. В результате он прописался в качестве постоянного жильца в доме при Буддийском храме в Старой Деревне, договорившись с заместителем «цанид-ламы» (т. е. А. Доржиева), Бадмой Очировым, одним из руководителей Тибето-Монгольской миссии. (Сам буддийский патриарх в это время находился в Бурят-

Монголии.) Этот дом, являвшийся буддийским общежитием, сильно пострадал во время постоя в нем красноармейской части в годы Гражданской войны, и потому нанятая квартира требовала капитального ремонта. Тем временем Барченко поселился на квартире у своего друга А.А. Кондиайна в доме № 9 по некогда фешенебельному Каменноостровскому проспекту.

Неделю спустя, кое-как приведя свои дета в порядок, Барченко пишет письмо Бехтереву — сообщает об окончательном выезде из Мурманска и предлагает выступить с лекцией в институте.

«У меня накопился кое-какой материал, освещающий санитарно-гигиенические условия края, в том числе кое-какие цифры по поводу Мурманских эпидемий, постановки врачебного дела. Также кое-какие штрихи по обследованию «лопарского испуга». Кроме сего довольно интересный материал по обследованию мною в качестве начальника экспедиции острова Кильдина (Ледовитый океан) и глубины Лапландии до сих пор совершенно никем не исследованной (район крупнейших озер Умб-яверь и Луяверь). В моем распоряжении около 100 диапозитивов по снимкам, сделанным моим отрядом. Если Вы ничего не имеете против, я мог бы сделать в Институте доклад под заглавием, примерно: «В краю колдунов и полярных сияний».[182]

Барченко выступил в бехтеревском институте со своим докладом где-то в начале 1923 г. (Точной даты мы не знаем.) Судя по выданному ему институтом в том же году удостоверению, этот доклад, посвященный в основном результатам обследования лопарей-эмеряков, вызвал у слушателей большой интерес.[183] В то же время известно, что 29 ноября 1922 г. А.А. Кондиайн выступил на заседании географической секции общества «Мироведения» с собственным докладом о Лапландской экспедиции, который назывался «В стране сказок и колдунов». В нем он рассказал о сделанных экспедицией удивительных находках, свидетельствующих, по его мнению, о том, что местные жители-лопари происходят «от какой-то более древней культурной расы». Продемонстрированные им фотографии и диапозитивы произвели на собравшихся большое впечатление.

Экспедиция Барченко получила некоторое освещение и в петроградской прессе. Так, 19 февраля 1923 г. «Красная газета» поместила на своих страницах краткое сообщение о сенсационном открытии: «Проф. Барченко открыл остатки древнейших культур, относящихся к периоду, древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации». Подобное голословное заявление вызвало недовольство Барченко, и он туг же направил в редакцию газеты опровержение вместе с небольшим отчетом о проделанном путешествии. Десять дней спустя «Красная газета» опубликовала этот рассказ Барченко под броским заголовком «У колыбели», который мы приводим ниже.

«Возвратившийся в Петроград руководитель Кольской экспедиции Мурманского Губэкосо проф. А.В. Барченко в беседе с нашим сотрудником поделился следующими сведениями о своих открытиях в глубине Лапландии.

Основная цель экспедиции состояла в обследовании экономического значения района, примыкающего к Ловозерскому погосту, этой столице русской Лапландии. Это район оленеводства и звериного промысла, здесь сосредоточены огромные лесные массивы, имеющие превосходный сплав к морю. Но весь этот район абсолютно отрезан от административных и хозяйственных центров края. Сообщение с районом возможно только зимою, т. к до сих пор не имеется даже пешеходной тропинки от жел. дороги к Ловозеру. Отрядом экспедиции сделана подробная маршрутная съемка местности, причем выяснилось, что представляется возможным без особых затрат связать район летней дорогой. На первое время достаточно было бы провести пешеходную тропинку. Эта работа может быть выполнена 10 рабочими в 10-месячный срок.

Попутно удалось собрать немаловажный этнографический материал, в особенности относительно старейших жителей Лапландии — лопарей. В обследуемом нами районе лопарей насчитывается не более 400, а на всю Мурманскую губернию приходится сейчас, пожалуй, не более 1000. Живут лопари совершенно обособленно, со своими обычаями и повериями,

насчитывающими сотни и тысячи лет. По религии лопари числятся православными, и по отзывам местного священника они очень ревностны в выполнении религиозных обрядов. Между тем, на вопрос, кому вы молитесь, в глубине острова можно неизменно получить ответ: «богу-солнцу». При подробных же расспросах лопари тотчас же начинают уверять, что этот бог и есть Иисус Христос, что так их учили, и проч. и проч.

Между прочим выяснилось, что лопари до сих пор приносят бескровные жертвы в виде съестных припасов, табаку и прочее как вышеупомянутым остаткам изваяний, так и священному холму на лежащем верстах в 5 от Сейд-озера Ловозере — священном острове — «острове Славы», Кыйтсуэл.

Лопари крайне суеверны, и в их быту огромную роль до сих пор играют колдуны и знахари. Среди этих персонажей, в массе представляющих из себя типичных истериков, а то и просто мистификаторов, немало, однако, весьма интересных хранителей древнейших преданий, древнейших суеверий, облеченных иногда в любопытную поэтическую форму.

До сих пор лопари русской Лапландии чтут остатки доисторических религиозных центров и памятников, уцелевших в недоступных для проникновения кулыуры уголках края. Например, в полутораста верстах от железной дороги и верстах в 50 от Ловозерского погоста экспедиции удалось обнаружить остатки одного из таких религиозных центров — священное озеро Сейд — озеро с остатками колоссальных священных изображений, доисторическими просеками в девственной тайболе (чаще), с полуобвалившимися подземными ходами-траншеями, защищавшими подступы к священному озеру. Местные лопари крайне недружелюбно относятся к попыткам более тщательно обследовать интересные памятники. Отказали экспедиции в лодке, предостерегали, что приближение к изваяниям повлечет всевозможные несчастия на наши и их головы и пр.

У ряда авторитетных этнографов и антропологов имеются указания, что лопари являются старейшими предками

народностей, покинувших впоследствии северные широты. В последнее время упрочивается также теория, согласно которой лопари, параллельно с карликовыми племенами всех частей света, представляются древнейшими прародителями ныне значительно более высокорослой белой расы.

Вот почему изучение и исследование этой колыбели человечества, затерянной в непроходимых чащах и дебрях нашего Севера, представляет собой в высшей степени высокий научный интерес».[184]

Интерес к открытиям, сделанным Лапландской экспедицией, был настолько велик, что 18 апреля по просьбе мироведов Кондиайну пришлось повторить свой доклад. В завязавшейся затем среди ученых бурной дискуссии участие принял и приглашенный обществом Барченко. Его доводы и красноречие, однако, не смогли переубедить скептиков. Итог обсуждения был суммирован секретарем географической секции В. Шибаевым: «Продолжительный обмен мнениями, выступление начальника отряда А.В. Барченко и ряд диапозитивов с посещенных мест не рассеяли сложившееся у многих присутствующих мнение о малой объективности докладчика при описании им своих наблюдений и открытий, т. к. представленные фотографии дают возможность делать весьма противоположные выводы».[185]

Летом 1923 г. один из сомневающихся, некто Арнольд Колбановский, разыскав проводника Барченко Михаила Распутина, организовал собственную экспедицию в Ловозеро-Сейдозерский район, дабы воочию убедиться в существовании памятников древнейшей цивилизации. Вместе с Колбановским в заповедные лопарские места отправилась и группа «объективных наблюдателей» — председатель Ловозерского волисполко-ма, его секретарь и волостной милиционер. Первым делом Колбановский попытался добраться до «заколдованного» Рогового острова, где якобы можно было увидеть «тени истуканов».

Вечером 3 июля отряд отважных и, главное, несуеверных путешественников, несмотря на колдовские чары, переплыл через Ловозеро и высадился на Роговом острове.

Полуторачасовое обследование его территории, однако, не дало никаких результатов. «На острове — поваленные бурями деревья, дико, никаких истуканов нет — тучи комаров. Пытались отыскать заколдованные оленьи рога, которые издавна — по легендам лопарским — потопили наступавших шведов. Эти рога насылают «погоду» на всех, кто пытается приблизиться к острову с недобрыми намерениями (а также с целью обследования), особенно на женщин».[186] Удалось ли Колбановскому найти эта реликвии, в отчете о его поездке ничего не говорится.

На другой день, вернее, ночью — очевидно, чтобы не привлекать к себе внимания — отряд двинулся к соседнему Сейд-озеру. Обследовали загадочную «статую» Старика — выяснилось, что это «не что иное, как выветренные темные прослойки в отвесной скале, издали напоминающие своей формой подобие человеческой фигуры». Такой же иллюзией оказалась на поверку и фигура «повара» на одной из вершин Сейдозерских скал. Но оставалась еще каменная «пирамида», служившая одним из главных аргументов в пользу существования древней цивилизации. К этому «чудесному памятнику старины», видному издали — с южного берега Мотки — Губы, Колбановский, следуя за Распутиным, и отправился затем. И вновь неудача: «Подошли вплотную. Глазам представилось обыкновенное каменное вздутие на горной вершине».

Выводы Колбановского, развенчавшие все открытия Барченко, были опубликованы сразу же после окончания его собственной экспедиции мурманской «Полярной правдой» («Акт о следах так наз. «древней цивилизации в Лапландии»): При этом редакция газеты в своем комментарии довольно язвительно охарактеризовала сообщения Барченко и его «группы» как «галлюцинации, занесенные под видом новой Атлантиды в умы легковерных граждан гор. Петрограда»[187] — очевидный намек на обсуждение мироведами результатов Лапландской экспедиции.

Поэтому, публикуя отчет о повторном выступлении Кондиайна, редакционная коллегия «Журнала РОЛМ» сочла необходимым снабдить его подробным примечанием, в котором содержалась ссылка на итоги обследования Колбановского и, что еще более важно, отмечалось, что побывавшая на этих местах экспедиция А.Е. Ферсмана (летом того же 1922 г.) также «не нашла в них ничего археологического».[188]Все это лишь укрепило позиции оппонентов Барченко среди питерских ученых.

Следы какой древней «Северной цивилизации» мог обнаружить Барченко в глуши Ловозерских тундр? Ответ на этот вопрос в 1920-е гг. не мог дать никто, и лишь в наше время ученый-энтузиаст В.Н. Демин, повторивший в 1997 г. маршрут Лапландской экспедиции, с уверенностью утверждает: Кольский полуостров — это легендарная Гиперборея, «колыбель и прародина человеческой цивилизации».[189]

Демину и его спутникам удалось вновь увидеть те загадочные — рукотворные по внешнему виду — памятники, которые *более* 70 лет тому назад гак поразили Барченко и Кондиайна: мощеную дорогу-просеку среди чахлой арктической тайболы, ведущую к священному Сейд-озеру, площадку с каменным алтарем в конце ее для совершения какого-то ритуала, гигантское изображение-петроглиф на отвесной скале на противоположной стороне озера. В то же время участники этой новой экспедиции сделали и несколько собственных открытий. Например, они обнаружили некое сооружение, весьма напоминающее остатки древней обсерватории. Но насколько справедливы выводы современных ученых? Не принимают ли они, подобно исследователю Юкатана О. Плонжону, желаемое за действительное? Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу Демина, потребуются новые исследования комплексного характера с привлечением самых разных специалистов — геологов, археологов, гидрографов, спелеологов и др.

Позволю себе процитировать в этой связи мнение еще одного ученого — Ариадны Готфридовны Кондиайн (невестки А.А. Кондиайна), геолога по профессии.

«В 1946 г. я работала в геологической экспедиции в районе горы Алуайв, что возвышается над Сейд-озером. Я тогда была первый год замужем за Олегом Александровичем и еще ничего не знала о работах его отца и А.В. Барченко. К озеру я не спускалась, хотя оно было окружено ореолом таинственности. И действительно, сотрудники нашей экспедиции уже после моего отъезда в Ленинград дважды пускались в плаванье на лодках по этому озеру, и оба раза это кончалось трагедией — погибло 8 человек. Кроме того, несколько человек погибло под обвалом в ущелье, ведущем к Сейд-озеру. Район Ловозера и Сейд-озера весьма интересен с геологической точки зрения. В частности, он характеризуется аномальным интенсивным тепловым потоком из недр Земли и распространением необычных горных пород. Интересен он и в геоморфологическом и в климатическом отношениях. С ним связано много легенд, а также сведений о том, что Сейд-озеро и его окрестности опасны для неискушенных посетителей».

А.Г. Кондиайн высказывает сомнение в том, что «каменные образования», обнаруженные экспедицией А.В. Барченко на Кольском полуострове, непременно являются «остатками древней культуры».

«Уверенности в этом нет, и потому необходимо, чтобы эти остатки были тщательно изучены высококвалифицированным специалистом, знакомым, с одной стороны, с глянциогеологи-ей, геоморфологией, мерзлотоведением и пр., с другой — с петрологией и физическими свойствами пород, а также способным… достаточно глубоко ознакомиться с геологическим строением центральной части Кольского полуострова».[190]

В конце 1990-х гг. В.Н. Демин и ряд других исследователей из Москвы и С-Петербурга совершили еще несколько экспедиций в Ловозерский край, по следам путешествия А.В. Барченко.[191] Их результаты, однако, не позволяют сделать какие-либо окончательные выводы. Интересно, что в опубликованной в 1999 г. книге «Загадки Русского Севера» В.Н. Демин попытался связать открытую им Пиперборею-Арктиду с мифической Северной Шамбалой. Впрочем, приводимые им аргументы в

пользу такой гипотезы (лингвистические, литературо- и религиоведческие аналогии) не всегда убедительны. В то же время ученый предложил новую концепцию Шамбалы как некой «духовной реальности», существующей в нашем материальном мире. Шамбала, считает он, «может представлять некоторую информационно-энергетическую структуру, сопряженную с историей и предысторией человеческого общества и вместе с тем существующую независимо от него.

Каждый человек в принципе способен пробудить в себе и развить способности, позволяющие уловить позывные Мировой Шамбалы — разлитого повсюду информационно-энергетического «моря».[192] Развивая далее эту идею, Демин говорит об определенных точках на планете, «геологически приспособленных к приему информации, поступающей из биосферы Земли, а также ближнего и дальнего Космоса». Эти точки — «сакральные центры концентрации Универсального знания», и в этом смысле можно говорить о существовании множества земных шамбал». Находятся они, однако, не на поверхности земли, а в ее недрах — в горах, ущельях, пещерах, подземных пустотах, провалах (в том числе и заполненных водой) и т. д. Из этих-то энергоинформационных источников, по мнению Демина, и черпали свои знания пророки и духовидцы всех времен и народов включая создателей мировых религий, а также Н.К. и Е.И. Рерихов.[193]

3. СТРАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В КРАСКОВО

1923 год стал во многом переломным для А.В. Барченко. В его личной жизни произошло счастливое событие — он женился в третий раз на одной из своих юных учениц и поклонниц, Ольге. При этом он не порвал отношений со своей прежней женой Натальей, которая продолжала оставаться его помощницей и добрым другом. В то же время исследования Барченко неожиданно привлекли к себе внимание главы Наркомпроса А.В. Луначарского и благодаря ему попали в поле зрения подведомственной Наркомпросу Главнауки (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Академического центра), которую возглавлял старый большевик Ф.Н. Петров. Созданная в конце 1921 г. Главнаука являлась

«научно-методическим и админисгративно-организационным центром НКП» — осуществляла руководство и наблюдение над деятельностью и внутренней работой научных, научно-художественных, музейных и природоохранительных учреждений и обществ, разрабатывала планы и проводила научные экспедиции, конференции и съезды. В стенах Главнауки Барченко вскоре обрел нового высокого покровителя и друга в лице интеллигентного Ф.Н. Петрова, в недавнем прошлом зампреда Совета Министров Дальневосточной Республики и члена Дальбюро ЦК РКП(б). Возможно, их сближению отчасти способствовал профессиональный фактор, поскольку Петров по образованию был врачом. Вот как охарактеризовал Ф.Н. Петрова в своих мемуарах другой ученый — руководитель практической лаборатории зоопсихологии А.Л. Чижевский:

«Старейший большевик Федор Николаевич Петров — замечательно милый и отзывчивый человек. Небольшого роста, полный, с темной бородкой, украшенной редкими серебряными нитями, умными и очень добрыми глазами, он всегда всем помогал чем только мог, всегда внимательно выслушивал собеседника или просителя и давал ему задушевные, мудрые советы. Как и всякий человек, всего он сделать не мог, но и то, что он делал, уже было многим, ибо делал он это от чистого сердца. Его появление на заседаниях ученого совета [лаборатории] всегда приветствовали самыми теплыми словами дружбы».[194]

Г.И. Бокий — гимназист.

Иван Дмитриевич и Александра Кузьминична Бокии — родители Г. Бокия.

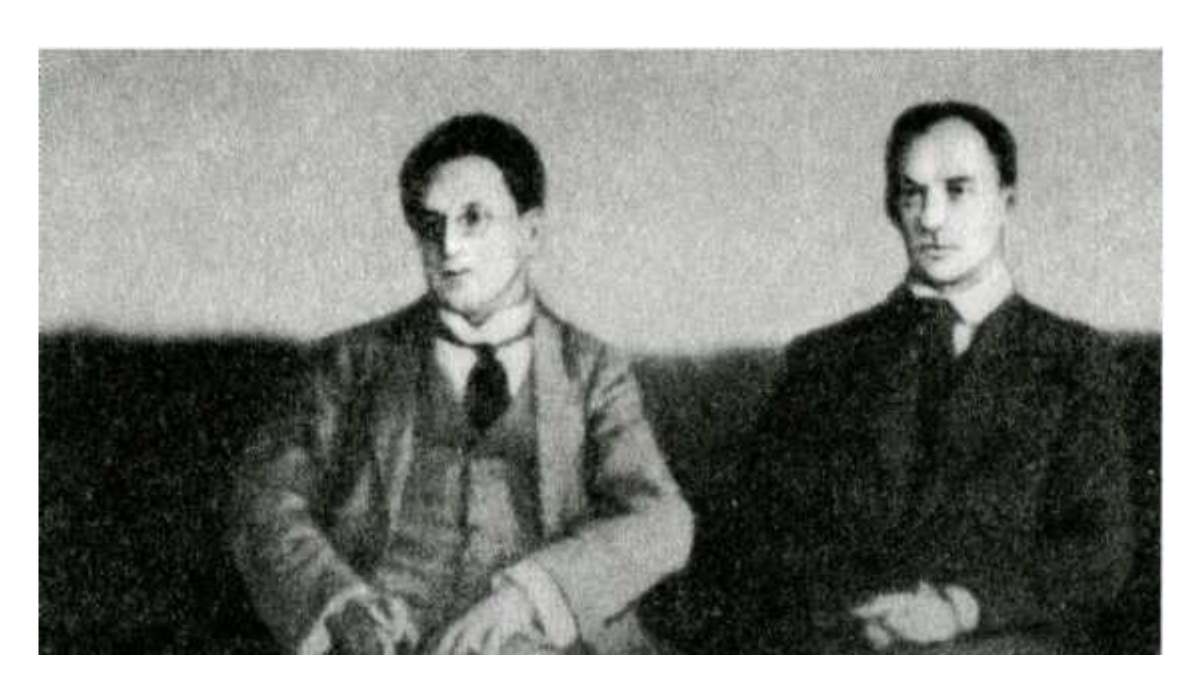
Горный институт — один из центров революционного студенчества Петербурга.

Г.И. Бокий в студенческие годы.

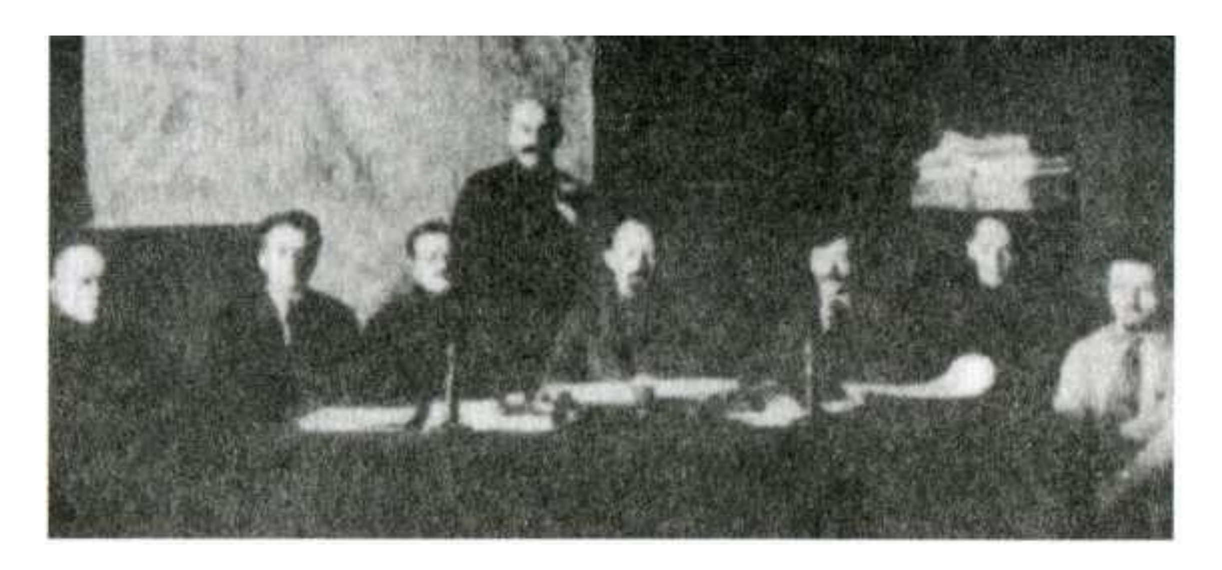
Г.И. Бокий.

М.С. Урицкий и Г.И. Бокий. Петроград, 1918 г.

Коллегия Петроградской ЧК.

Коллегия ОГПУ: С. Мессинг, Я. Петерс, И, Уншлнхт, А. Беленький, Ф. Дзержинскии, В. Менжинский, Г. Бокий, Л. Артузов. 1921 г.

В. Ч. К. Р.С.Ф.С.Р. [illegible]

[illegible] Отдел Р К [illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible] по борьбе с контр-рев.
[illegible] и прест. по долж.
[illegible] при Народн. Ком. [illegible]

[illegible] апреля 20 года

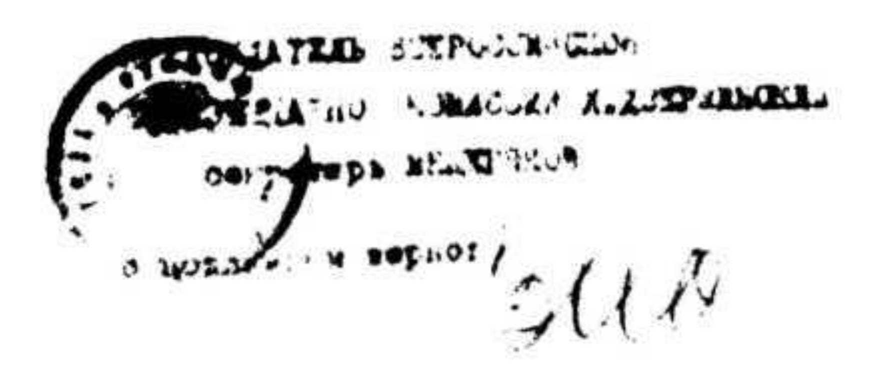
№ 8 [illegible]

МАНДАТ.

Дан сей тов. БОКИЮ, Глебу Ивановичу в том, что он назначается В.Ч.К. полномочным ее представителем на весь ТУРКЕСТАН, с присвоением всех соответствующих прав, ревизии, контроля и подчинения.

Товарищу БОКИЮ надлежит руководствоваться общими инструкциями, положениями и распоряжениями ПРЕЗИДИУМА В.Ч.К.

Председатель Всероссийской
Чрезвычайной Комиссии Ф. Дзержинский
Секретарь Ксенофонтов
С подлинным верно:

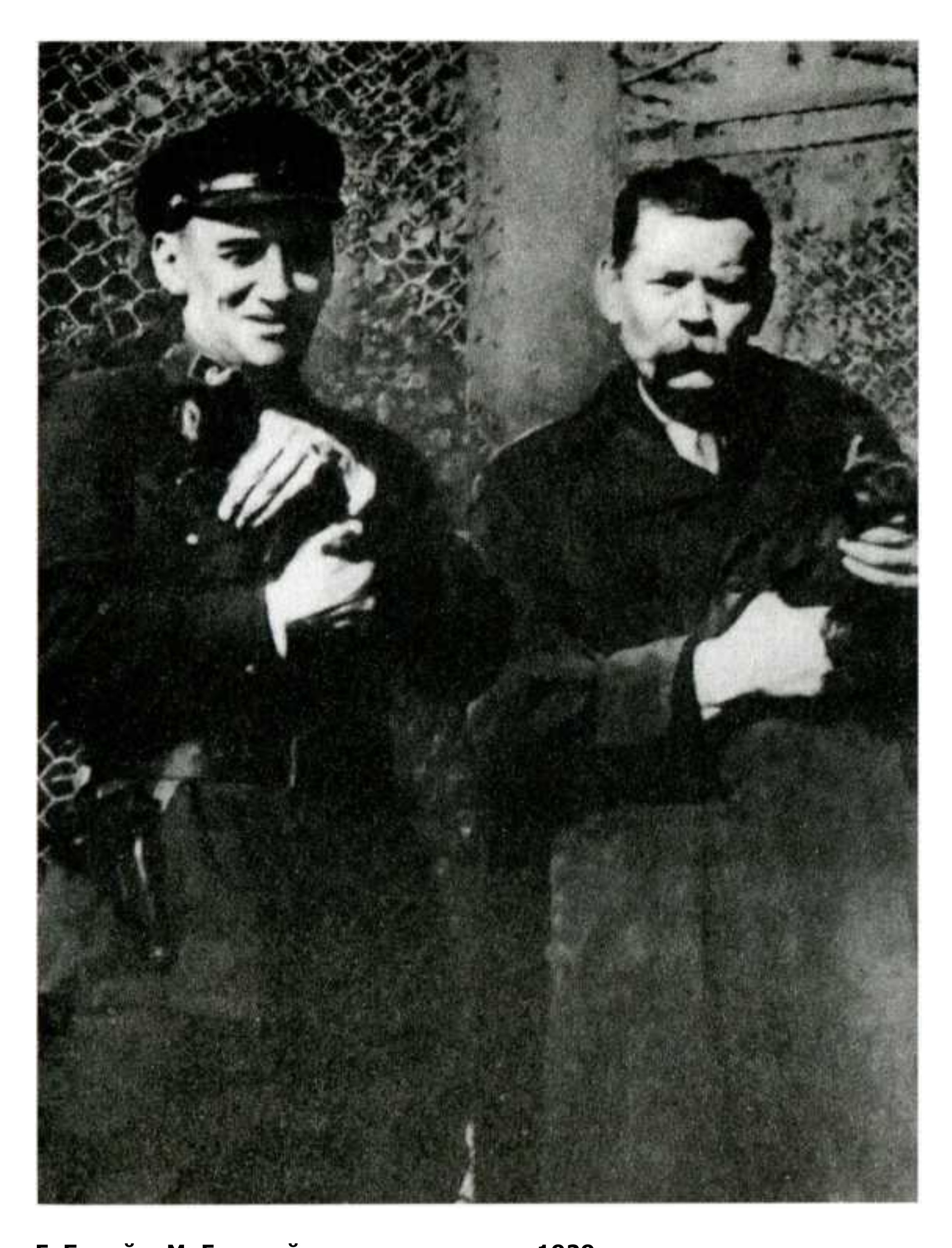
Мандат Г.И. Бокия — полномочного представителя ВЧК в Туркестане.

Г. Бокий, М. Горький, М. Погребинскин па борту парохода «Глеб Бокий». 1929 г.

Г.И. Бокий.

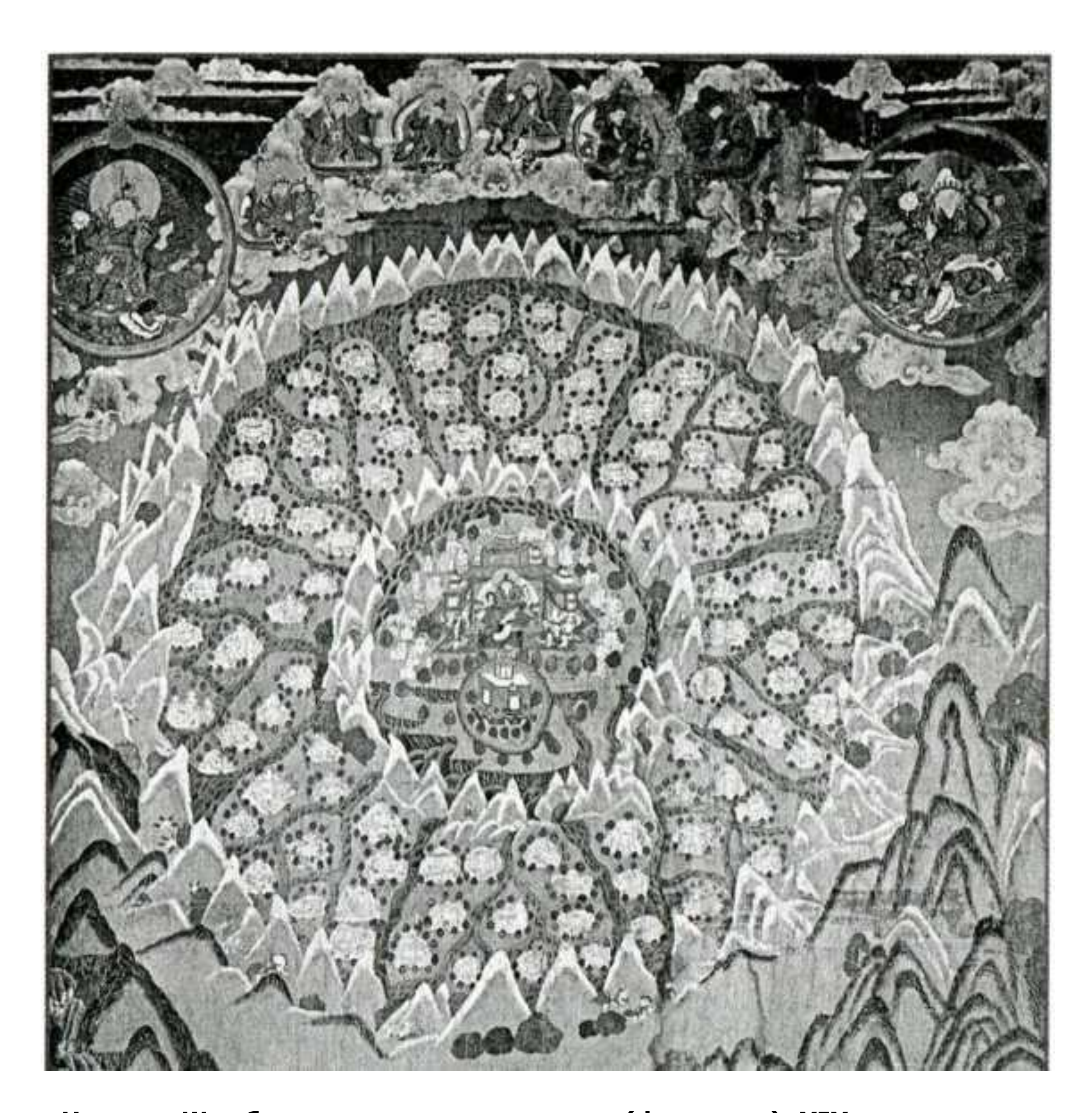
Г. Бокий и М. Горький в зверепитомнике 1929

Ф.И. Эихманс, заместитель начальника Спецотдела.

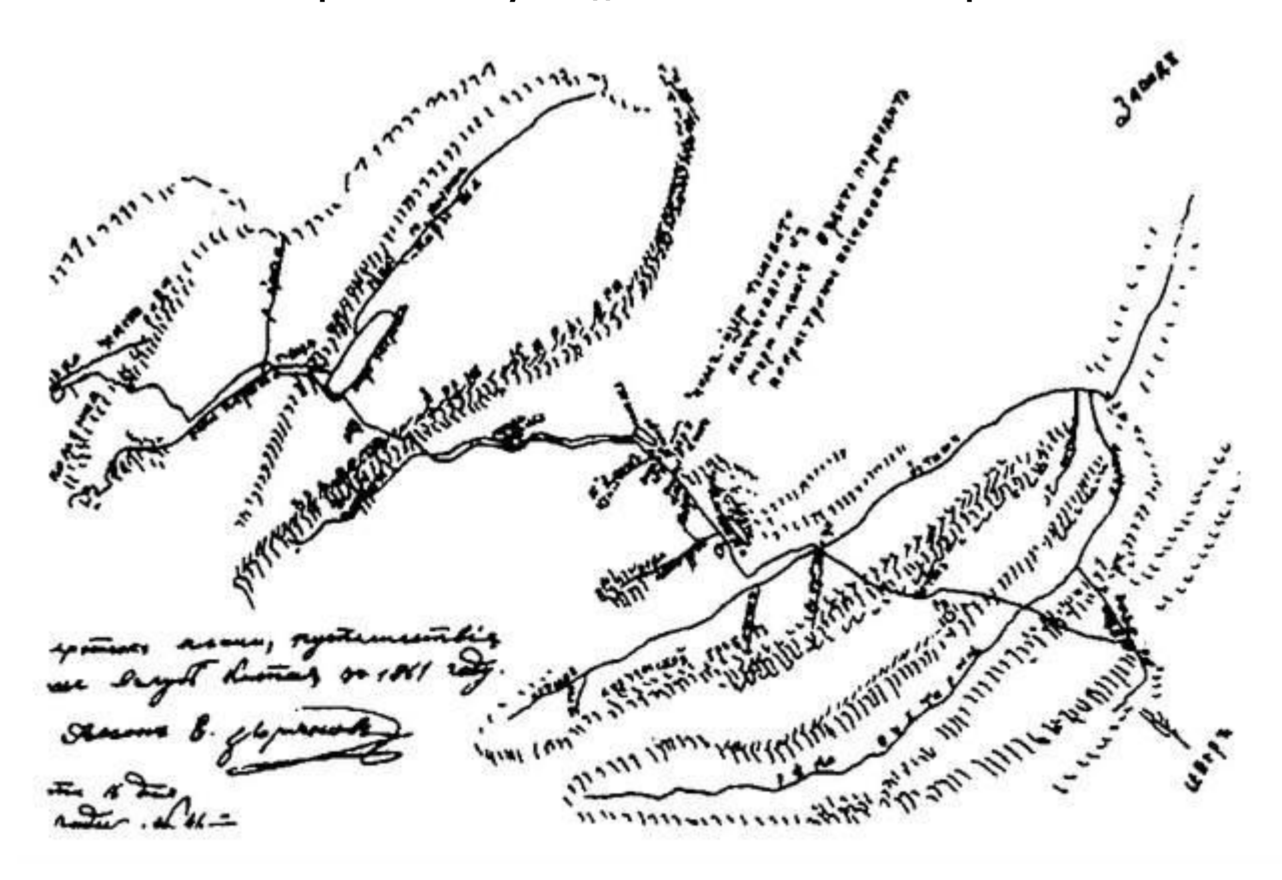
Глава Спецотдела при ОГПУ Г. И. Бокий.

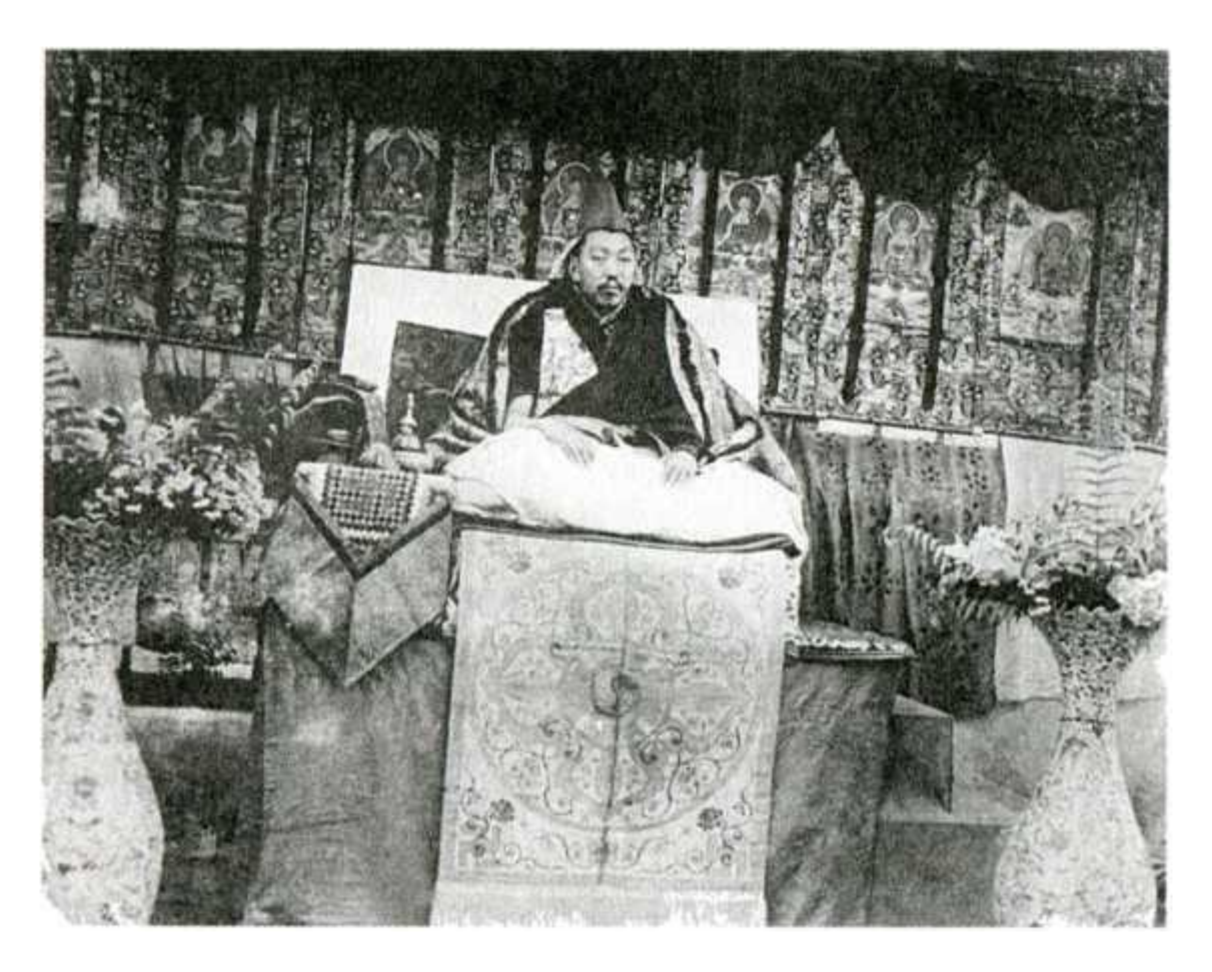
«Царство Шамбалы», монгольская танка (фрагмент), XIX в.

Мистическая монограмма Намчувангдан — эмблема Калачакры.

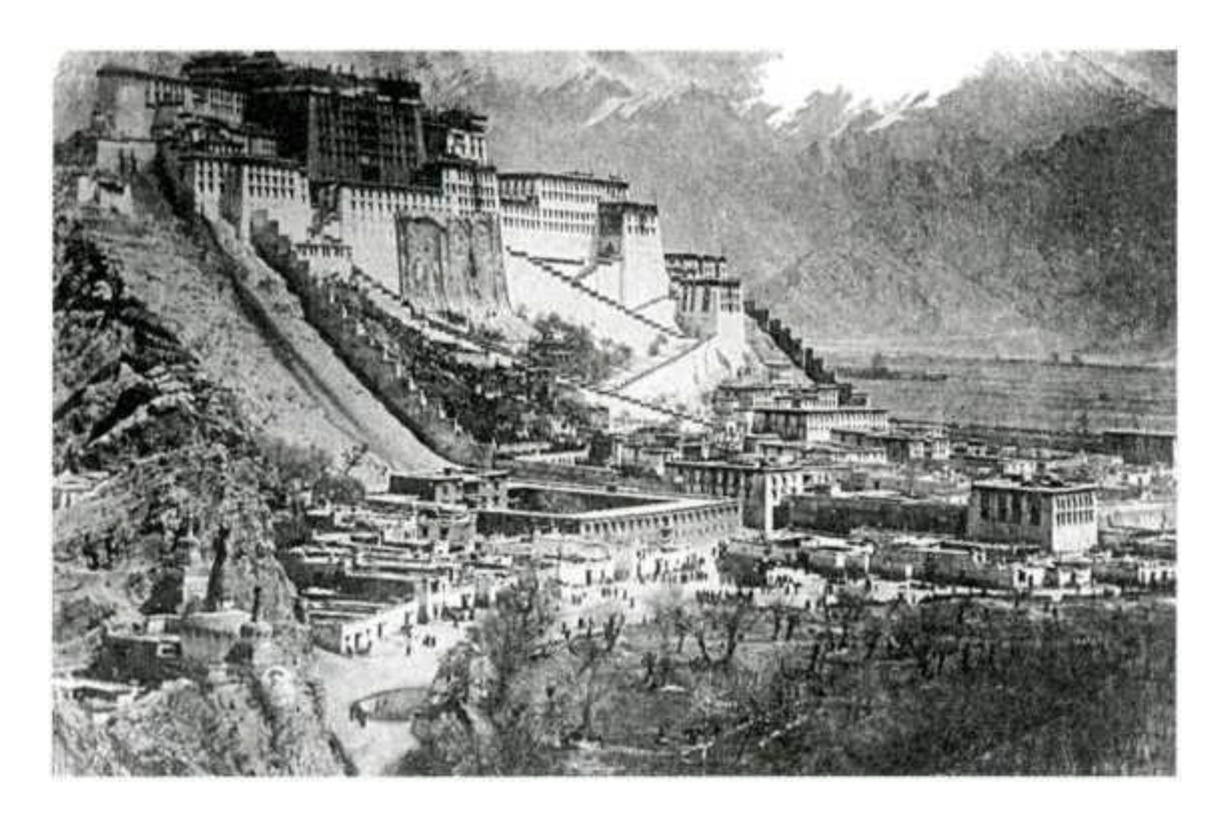
Путь в Беловодское Царство, Маршрут путешествия А.Е. Зырянова в 1861 г.

13-й далай-лама Тибета (начало XX в.).

9-й панчен-лама.

Потала — зимний дворец далай-ламы в Лхасе.

Посланец далай-ламы к русскому царю, бурятский лама Агван Доржиев.

Маркиз А. Сент-Ив д’Альвейдр.

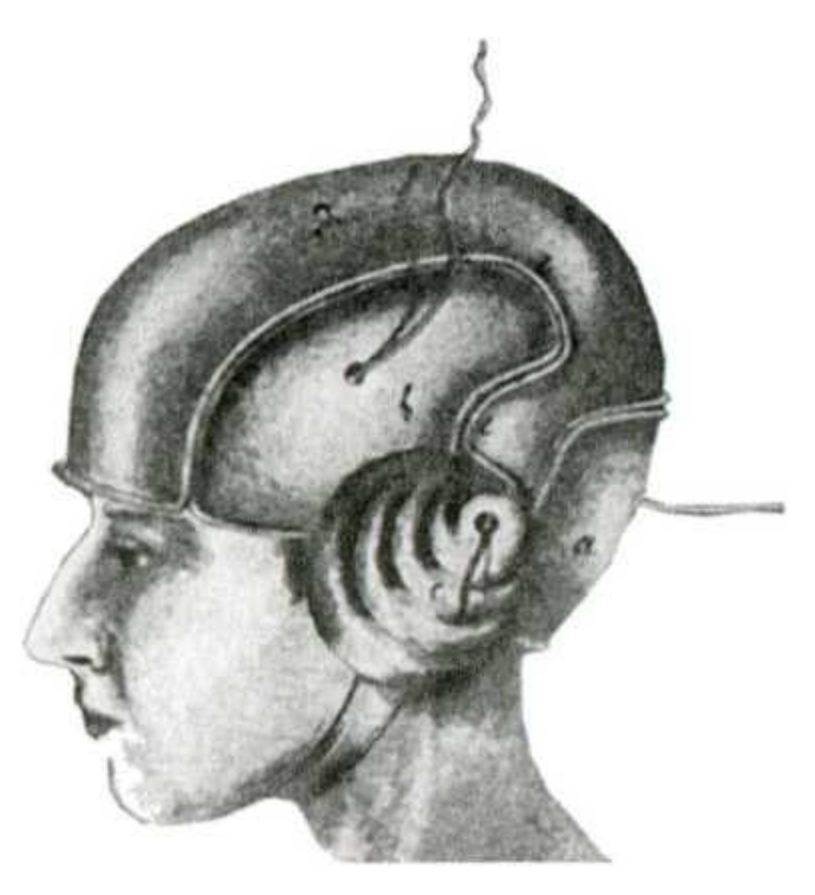
Харджи Шариф — один из индийских учителей А. Сент-Ива.

Александр Барченко гимназист

А.В. Барченко (снимок периода Первой мировой войны).

Изобретенный Барченко шлем из медных и алюминиевых пластин для передачи и приема мыслей (1910).

А.В. Барченко (1918). ЦГА СПб.

Э.М. Месмахер (жена А. А. Кондиайна), Дерской (1927).

А.А. Кондиайн (1920). Архив семьи Кондиайнов.

Лаплаидская экспедиция А.В. Барченко (1922).

***Слева направо:* лопарь-проводник, А.В. Барченко, Н. Барченко, Л.Н. Шишелова-Маркова, Ю.В. Струтинская, А.А. Кондиайн, неизвестное лицо, Семенов (корреспондент «Известий»). Архив семьи Кондиайнов.**

***Справа налево*: проводник, А.В. Барченко, Н. Барченко, Л.Н. Шипшюва-Маркова, Ю.В. Струтинская. Архив семьи Кондиайнов.**

В октябре 1923 г. специальная комиссия Главнауки при участии Ф.Н. Петрова и физика А.К. Тимирязева, заслушав несколько докладов Барченко на тему о древнем естествознании («древнейшей восточной натурфилософии»), признала его

исследования в этой области «вполне серьезными и ценными не только в научном, но и в политическом отношении». В результате было принято решение: «углубить и поддержать исследования тов. Барченко путем немедленного предоставления ему из кредитов Главнауки средств на организацию биофизической лаборатории и подготовки доложенного Барченко материала к изданию».[195]

Барченко зачислили на должность научного консультанта Главнауки и выделили средства на создание под Москвой в поселке Красково биофизической лаборатории. 28 октября он представил руководству Главнауки план научных работ «для исследования методов древнего естествознания» на ближайший период — по 15 марта 1924 г. План этот включал в себя следующие 5 пунктов:

«1. Установление связи и числовой закономерности между электростатическими и химическими явлениями путем воздействия электростатических разрядов на различные химические среды.

2. Установление таковой же связи между акустическими и химическими явлениями путем воздействия различными длительными звуковыми комбинациями на рост кристаллов.

3. Установление таковой же связи между акустическими и оптико-тепловыми явлениями путем воздействия тех же комбинаций на различное пламя, температуры, процессы кипения, замерзания и спектральные картины.

4. Установление связи между световыми и акустическими явлениями физиологического порядка. Воздействие световых и акустических явлений на рост семян, газообмен растений и развитие амфибий, также на чувственное восприятие человека.

5. Наблюдение взаимоотношения между оптическими и акустическими явлениями и электростатическим и магнитным полями».[196]

Цель биофизических исследований Барченко состояла в проверке на практике «синтетического» метода «Древней науки». Для этого он собирался использовать уже упоминавшуюся нами «консультативным совещанием».) Восточные ученые — это прежде всего глава тибетско-монгольской миссии цанид-лама Агван Доржиев и его заместитель Бадма Очиров, а также монгол Хаян-Хирва и тибетец Нага Навен. С последними двоими Барченко познакомился летом 1923 г., проживая в доме при буддийском храме, и они сообщили ему некоторые сведения о «тайном» учении северных буддистов, о Калачакре («системе Дюнхор»). (Подробнее о Хаян-Хирве и Нага Навене мы расскажем в главе «Учителя».) Западных ученых представляли В.М. Бехтерев, В.П. Кашкадамов и, возможно, А.К. Борсук. Какие вопросы обсуждались на встрече, мы не знаем. В упомянутом выше письме Цыбикову Барченко отметил лишь, что западные ученые заявили о желательности «теснейшего научного контакта русских ученых с тибетскими», а цанид-лама со своей стороны заверил западных ученых в полной готовности ученых Тибета к такому контакту и обещал свое содействие.[197]

Пытаясь реализовать свой замысел, Барченко, однако, уже вскоре столкнулся с непредвиденными трудностями — с той самой «ужасной новомодной волокитой» и бюрократизмом, которые тормозили работу В.Л. Дурова и других исследователей. «Отпущенные мне на ремонт и приспособление помещения 1144 р., - сообщал он Петрову в начале февраля 1924 г., - мне лично пришлось проводить по учреждениям для получения их в течение двух недель. Для оправдания их расходования мне пришлось представить шестьдесят три засвидетельствованных, большею частью, счетов и расписок, не говоря уже, что все поездки по этим формальностям и подыскание материалов, за неимением средств для сотрудников, пришлось проделать самому. В результате два месяца проведены мною исключительно в канцелярско-хозяйственных хлопотах, не оставивших времени для какого-либо углубления исследований или хотя бы для простого обучения необходимым языкам (монгольскому и тибетскому)».[198]

Тем временем — во второй половине января — в Москву прибыли вызванные Барченко три «сотрудницы» (речь, по-видимому, идет о Марковой, Струтинской и его жене Ольге) и тут же оказались в бедственном положении из-за задержки выплаты обещанного им жалованья. «..Для содержания уже приехавших двенадцать дней назад сотрудниц мне пришлось заложить в ломбард все мои вещи, до последнего платья, обуви и обручальных колец, моих и жены, включительно», — в отчаянии писал Петрову Барченко. Не имея средств на проезд, в Петрограде был вынужден остаться главный помощник — А.А. Кондиайн, которому надлежало доставить в Москву лабораторное оборудование. «Поданные мною еще в декабре ранее утвержденные сметы на перевозку аппаратов и мои и моих сотрудников проезды, — объяснял А.В. Барченко, — по причинам также общего канцелярского характера, от Главнауки независящим и с нашей стороны непротестуемым, будут оплачены лишь на следующей неделе». Все эти задержки и проволочки вызывали естественную досаду у Барченко, который считал, что обнаруженная им натурфилософская система «ИМЕЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ» и возможность ее изучения «дает в руки РУССКОЙ НАУКИ ПРАВО НА ОТКРЫТИЕ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ». А потому он настоятельно просил Петрова «назначить специальную комиссию для обсуждения вопроса, являются ли обнаруженные мною данные ДАЮЩИМИ ПРАВО НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ и работа моя имеющей право на исключение ее из общих рамок канцелярского механизма».[199] То есть Барченко, очевидно, хотел, чтобы его работа получила приоритетный статус, по крайней мере в рамках Главнауки.

Отношение научных кругов Петрограда и Москвы к сголь необычным исследованиям Барченко, надо сказать, было неоднозначным. По свидетельству Э.М. Кондиайн, одни ученые, подобно физику А.К. Тимирязеву, восторженно заявляли, что «это революция в науке», другие, вроде непременного секретаря РАН С.Ф. Ольденбурга, были насгроены. скептически. Правда, критикуя Барченко на публике, тот же Ольденбург в кулуарах (если верить Э.М. Кондиайн) расточал ему комплименты и говорил: «Этого нельзя опубликовать». В самой

же Главнауке А.В. Барченко пользовался активной поддержкой небольшой группы ученых во главе с Ф.Н. Петровым. Именно этим людям в первую очередь Барченко и изложил принципы своих новаторских исследований (основы «синтетического метода») осенью 1923 г. в ходе вечерних «семинаров», которые периодически устраивались на московской квартире Петрова. Так, мы знаем, что на одной из таких встреч, состоявшейся 17 ноября, с докладами выступили Барченко и глава мироведов Н.А. Морозов.[200]

И все же, несмотря на эту поддержку, весной 1924 г. у Барченко произошел крупный конфликт на идейной почве с непосредственно курировавшим работу научным отделом Главнауки. О принципиальных разногласиях с руководителем этого отдела А.П. Пинкевичем Барченко поведал в довольно откровенном и резком по тону письме Ф.Н. Петрову в конце мая 1924 г. В нем, в частности, говорилось:

«Высказанные в Вашем присутствии заведующим Научным Отделом положения, в том числе признание, что «уже намечена жестокая борьба с математиками и аксиоматикой во всех ее видах», что исходная база Научного Отдела: «ВСЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И КОСМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ, МЕНЯЮТСЯ», совершенно исключают для меня возможность научно работать в контакте, тем более под руководством Научного Отдела. Для меня обязательно положение: «Диалектические моменты, в том числе революции, суть неизбежный обязательный фактор развития мирового процесса, ПОДЧИНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕННОЙ РИТМИКЕ.

Смелое выплескивание из ведра Мировой Закономерности, предпринимаемое Научным Отделом, занимающим вполне почетное место, но на космической пылинке диаметром в 12 000 километров, представляется мне занятием ДЕТСКИМ. И эта детская трактовка сакраментального «pantaret» (греч.: «все течет» — слова Гераклита. — А.А.), по моему крайнему разумению, для будущего Русской Науки ГИБЕЛЬНО.

Участвовать в этом, хотя бы в качестве мельчайшего фактора, для. меня, по совести, неприемлемо».[201]

Из этого же письма мы узнаем, что научный отдел отказался поддержать предложение Барченко — «переоценить ценность аналитического метода сравнительной обработкой лабораторного материала, ОБЯЗАТЕЛЬНО В КОНТАКТЕ С ВОСТОКОМ, В ПОЛНОЙ МЕРЕ ВЛАДЕЮЩИМ СИНТЕТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ». Столь же неодобрительно в отделе отнеслись и к идее о необходимости создания научно-исследовательских институтов, работающих «синтетическим методом», — идея, которую в принципе одобрил Ф.Н. Петров. Еще одним поводом для недовольства ученого послужило подключение Главнауки к антирелигиозной кампании в стране.

«Как в докладных записках своих наркому Луначарскому и Вам, так и открыто в комиссиях, — писал Барченко Петрову, — я неизменно подчеркивал, что религиозные памятники представляются мне ценностями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ. Обнаруженные мною в области Древнейшего Естествознания данные могут и должны служить для борьбы с суевериями и шарлатанством. Но для борьбы <…> именно с этими отрицательными ПЕРЕЖИТКАМИ, а не с ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ценностями религии. <…> Участвовать как бы то ни было в современной не анти-ЦЕРКОВНОЙ, а антиРЕЛИГИОЗНОЙ пропаганде для меня НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ПРИНУЖДЕНИЯ НЕПРИЕМЛЕМО».

В результате — «по зрелом размышлении» — Барченко решил отказаться от сделанных ему ранее предложений войти в состав научной коллегии бехтеревского института и Академии истории материальной культуры в Ленинграде. Более того, в письме Петрову он говорит о своем решении «совершенно уйти на долгий ряд лет, если не навсегда» не только от общественной и научной деятельности, но и от «культурной жизни» вообще. В порыве безысходности и отчаяния у него даже прорываются слова о необходимости «кончить жизнь». Но кончить ее тем же «коммунистом без билета», кем он считал себя, «за исключением религиозных вопросов», на протяжении всей своей сознательной жизни, благодаря знанию древнейшей натурфилософии.

Письмо Барченко заканчивалось рядом «маленьких знамений» — предсказаний «шагов завтрашнего дня» европейской науки в области химии и физиологии (очевидно, сделанных с помощью «универсальной схемы»). Ученый предсказывал открытие «крайнего этапа радиоактивности за ураном, с атомным весом не больше 253» (т. е. открытие трансурановых элементов), утверждал, что аппендикс слепой кишки — «это не признак атавизма, а обязательный в организме секреторный орган», а также заявлял о вреде радиотерапии. «Терапевтическое и регенерирующее значение, — писал он, — должны иметь железные массы, нагретые хотя бы в незначительной степени, прорастающие семена (эффекты солода), роса за час до восхода солнца, вода, аккумулировавшая солнечный свет, но отнюдь не механизм, проецирующий распадающуюся субстанцию атома. Воздействие нагретыми железными массами, солнцем и массажем на главные ганглиозные узлы, в особенности сакральный, обнаружит эффекты необычайно сильные».[202] (Последнее утверждение явно говорит о его знакомстве с учением индийской йоги об энергетических центрах человеческого организма — «чакрах».)

Приведенные выше отрывки из письма Барченко Ф.Н. Петрову свидетельствуют о глубоком духовном кризисе ученого, порожденном несоответствием между его явно идеалистическими устремлениями и суровой советской действительностью. И хотя этот кризис вскоре миновал и Барченко продолжил свои исследования, работа его по-прежнему протекала в крайне стесненных условиях, под бдительным контролем научного отдела. В донесении одного из осведомителей ОГПУ этого периода (август 1924 г.) говорится о задержках «выдачи содержания» сотрудникам его лаборатории и средств на ее дальнейшее оборудование, а также о том, что недоброжелатели Барченко старались всеми силами дискредитировать ученого, распространяя, например, слух о том, что он является «агентом ГПУ».

Сохранилось еще одно крайне любопытное свидетельство о работе биофизической лаборатории Барченко. По сообщению московского писателя А.К Виноградова, в 1924 г. в Красково Барченко пытался устроить «ментальную спиритическую станцию», якобы для связи с Тибетом. В этом ему помогали сотрудники Главнауки — Ф.Н. Петров, Р.В. Лариков (инспектор Главнауки и помощник Петрова), В.Т. Тер-Оганесов (зав. отделом охраны природы), М.П. Павлович (востоковед, издатель журнала «Новый Восток») и некто Тарасов.[203] Речь, по-видимому, идет об опытах Барченко по телепатической передаче мысли на большие расстояния. Но если это так, где-то в Тибете должен был находиться «реципиент» его посланий. Сообщение А.К Виноградова, как кажется, не лишено смысла, поскольку? известно, что 1 августа 1924 г. в Лхасу прибыла секретная советская миссия во главе с С.С. Борисовым для ведения переговоров с Далай-ламой[204] В ее составе, между прочим, находился по крайней мере один бурятский знакомый Барченко — лама Ацагатского дацана Джигме Доржи Бардуев, проживавший при храме летом 1923 г. Возможно, именно с ним и пытался связаться Барченко…

Здесь необходимо пояснить, что опыты по передаче мысли на расстоянии стали впервые проводиться на Западе в середине 1920-х гг., а затем (в 1930-е) и в России. Попытки установления «ментальной» связи между крупнейшими городами мира — Нью-Йорком и Парижем в обоих направлениях, а также между Афинами и рядом европейских столиц оказались довольно успешными. А в Пасадене в США была даже создана «станция ментального радио».[205]

Биофизическая лаборатория Барченко просуществовала недолго и была упразднена после его ухода из Главнауки в том же 1924 г. Произошло это при следующих обстоятельствах. Барченко обратился к руководству Главнауки с ходатайством о посылке его в научную командировку в Монголию и Тибет — для изучения монгольского и тибетского языков (вероятно, в одном из больших буддийских монастырей под руководством тамошних ученых лам), а также методов того, что он называл «древней восточной натурфилософией» (т. е. Калачакра-тантры). Вопрос о

такой командировке — по сути «экспедиции в Шамбалу» — был рассмотрен на закрытом заседании президиума Главнауки при участии непременного секретаря АН С.Ф. Олвденбурга и специально приглашенного, по просьбе Барченко, «консультанта»-монгола Хаян Хирвы. Этот «восточный ученый», как и следовало ожидать, горячо поддержал планы русского ученого, однако против них решительно выступил Ольденбург. По словам самого Барченко, «на этом заседании академик-ориенталист… обрушился на меня, утверждавшего (без детальной аргументации), что монгольские и тибетские ученые далеки от облика наивных дикарей, который навязывают им западные ученые. Академик-ориенталист защищал точку зрения Рокхилла, Уодделла и Гренара о низком культурном уровне лам, подтверждая это положение ссылкой на авторитеты свой и своего коллеги, академика-ориенталиста, бывшего лично в Шигатзэ».[206] (Речь во втором случае идет о Ф.И. Щербатском, недавно вернувшемся из поездки в Монголию. Справедливости ради надо отметить, что Щербатской никогда не был в Тибете.) Доводы Ольденбурга, очевидно, перевесили аргументы не столь именитого ученого «консультанта» из МНР, и президиум Главнауки отклонил просьбу Барченко.

Глава четвертая
Между наукой и оккультизмом

1. УЧИТЕЛЯ

«Встречи с замечательными людьми» (Meetings with remarkable men) — так Г.И. Гурджиев озаглавил книгу, воспоминаний, в которой рассказал о людях, оказавших на него наибольшее влияние в годы духовного становления, по сути таких же, как и он, «искателях Истины». Подобные встречи были, конечно же, и у нашего героя. В 1923–1924 гг. судьба свела Барченко с представителями различных ветвей эзотерической традиции, обогатившими его рядом свежих идей. Это были прежде всего бывший ученик Гурджиева Петр Сергеевич Шандаровский, монгол Хаян (Хиян) Хирва (Хираб) и тибетец Нага Навен — «восточные ученые», как их называет сам Барченко, и, наконец,

странник-юродивый из Юрьевца Михаил Круглов. О них и пойдет речь в этой главе.

Петр Сергеевич Шандаровский (р. 1887) был хорошо известен до революции в оккультистских кругах северной столицы. Сын военного сановника — его отец С.П. Шандаровский занимал в начале 1900-х пост уездного воинского начальника в Могилевской губернии, — он окончил юридический факультет Петербургского университета. В предреволюционные годы служил по Военному ведомству (работал кодировщиком в кодировальном отделе), однако свое истинное призвание видел в занятиях наукой и искусством. После революции Шандаровский, подобно Барченко, Кондиайну и Ясинскому, выступал с научно-популярными лекциями — возможно, на тех же подмостках — и работал художником-оформителем. (Во время ареста в 1927 г. на вопрос следователя о профессии он ответил: «Художник — научный работник».) Предметом научных интересов П.С. Шандаровского-сына являлась идеография, точнее, международное идеографическое письмо. Со своими исследованиями в этой области он познакомил А.В. Луначарского, который затем направил его в Музейный отдел Наркомпроса. Там Шандаровскому посоветовали обратиться к кому-нибудь из специалистов Эрмитажа, что он и сделал.[207]

С Шандаровским Барченко познакомился совершенно случайно — хотя бывают ли такого рода встречи случайными? — зимой 1922–1923 гг. Э.М. Кондиайн в своих записках рассказывает об этом так:

«Однажды зимой Ал. Вас. стоял перед витриной магазина и рассматривал узор на выставленном восточном ковре, где имелись элементы Универсальной Схемы. Рядом стоит какой-то гражданин, уже не молодой, худощавый и тоже рассматривает этот ковер. А.В. обращается к нему: «Это Вам что-нибудь говорит?» А тот рисует ногой на снегу какую-то геометрическую фигуру и спрашивает: «А это Вам что-нибудь говорит?» А.В. ботинком на снегу тоже изображает какую-то фигуру… Так, обменявшись чертежами, они пошли вместе.

Шандаровский просидел с Ал. Вас. в комнате всю ночь. Наташа (жена Барченко) им только изредка чай приносила. Они сидели почти молча, но за ночь целую кипу бумаги цифрами исписали. Иногда из комнаты выскакивал Ал. Вас. взволнованный, восторженный. Снимал пенсне, ворошил волосы, протирал покрасневшие глаза и издавал восторженные восклицания».[208]

Важность этой встречи, по словам Э.М. Кондиайн, состояла в том, что Шандаровский познакомил Барченко с «числовым механизмом» «Древней науки». В дальнейшем между ними установились тесные отношения. Шандаровский стал часто навещать Барченко — на квартире Кондиайнов и в доме при буддийском храме, когда Александр Васильевич поселился там, (Сам Петр Сергеевич также имел немало знакомых среди лам.) Во время одной из встреч с Барченко Шандаровский поведал ему о том, что его учитель Гурджиев, к тому времени уже выехавший из России вместе с группой учеников, обладал «некоторыми знаниями Древней науки», полученными в Кафиристане. А также рассказал о создании Гурджиевым перед самой революцией «Единого трудового содружества», объединявшего его последователей в Москве, Петрограде и Тифлисе. От Шандаровского же Барченко узнал о других учениках Гурджиева, оставшихся в России, — о С.Д. Меркурове (двоюродном племяннике Гурджиева, известном скульпторе), Шишкове и Жукове. Все они проживали в Москве, и впоследствии Барченко постарается завязать отношения с ними.

Не менее важным было и знакомство Барченко с «восточными учителями» — членами «Великого Братства Азии», некоторые из которых, по его словам, «лично побывали в Шамбале». Именно они и стали для Барченко главным источником сведений о тантрической системе «Дюнхор» (Калачакра-тант-ре). Особенно часто на допросах Барченко упоминал два имени — тибетца Нага Навена (Навана) и монгола Хаян Хирвы. Нага Навен являлся «наместником Западного Тибета» (провинция Нгари). В Россию приехал в 1923 г., как кажется, по собственной инициативе (а следовательно, втайне от Лхасы), для ведения переговоров с советским правительством. Это, по сути, все, что мы о нем знаем.

«Нага Навен осведомил меня, что он прибыл для личного свидания с представителями советского правительства, чтобы добиться сближения Западного Тибета с СССР. Он сказал, что далай-лама все больше сближается в Восточном Тибете с англичанами, а население и ламство Западного Тибета против союза с англичанами, что вследствие этого ламство массами эмигрирует во Внутреннюю Монголию и далее в Улан-Батор, что духовный глава Тибета Панчен-Богдо также обнаруживает оппозицию далай-ламе и что в связи с этим создаются исключительные возможности для установления самых тесных отношений как политических, так и культурных между СССР и Западным Тибетом через Южную Монголию.

Нага Навен указал, что политическую сторону этого вопроса он надеется осветить советскому правительству и Коминтерну через Чичерина. Далее Нага Навен сообщил мне ряд сведений о Шамбале как о хранилище опыта доисторической культуры и центре «Великого Братства Азии», объединявшего теснейшим образом связанные между собой мистические течения Азии».[209]

Несмотря на глубокую озабоченность Москвы политической активностью Великобритании в Азии, в особенности ее экспансией в отношении Тибета, советские вожди не могли приветствовать сепаратизма Нага Навена, предпочитая в этой ситуации более решительное воздействие на колеблющегося далай-ламу. С этой целью в августе 1923 г. политбюро, по предложению Г.В. Чичерина, отправило в Лхасу уже упоминавшуюся нами дипломатическую миссию во главе с бывшим комин-терновцем (незадолго. до того перешедшим в восточный отдел НКИДа) С.С. Борисовым, который должен был предложить далай-ламе советскую помощь в различных областях (прежде всего в военной).[210] Таким образом, в то время как Барченко мирно беседовал с тибетским сановником (если он действительно был тем, за кого себя выдавал), в дацанском общежитии на окраине Петрограда и в Москве полным ходом шла подготовка к отправке в Тибет, под видом буддийских паломников, группы советских эмиссаров, состоявшей в основном из лиц бурятско-калмыцкого происхождения. Поэтому Чичерин благоразумно уклонился от встречи с Нага Навеном, и

последний спустя некоторое время выехал из России. А А Кондиайн об этом тибетце рассказывал следующее:

«В 1923–1925 гг. в Ленинграде в здании Тибетской миссии (в Новой деревне) проживал представитель центра Шамбала — некто Нага-Наван. Барченко имел с ним регулярные встречи в Тибетской миссии и у меня на квартире (Малая Посадская 9/2, кв. 49). Нага-Наван предпринял ряд поездок по Союзу и в 1925 г. уехал в Китай — выехал работать в китайскую армию в качестве инспектора по заданию Центра».[211]

(Складывается впечатление, что Нага Навен покинул Тибет из-за разногласий с далай-ламой — так же, как это сделал в конце 1923 г. панчентлама, бежавший из своих владений на Юге Тибета в Китай и осевший в 1925 г. в Пекине.)

Еще одним «эмиссаром Шамбалы» в России являлся Хаян Хирва — личность довольно темная. Член ЦК МНРП, он занимал в Монголии весьма ответственный пост начальника Государственной внутренней охраны (ГВО) — монгольского аналога ГПУ. (Барченко, однако, в одном из писем Ф.Н. Петрову называет его «делегатом красных эсперантистов Монголии» и «сотрудником монгольского посольства», что, возможно, являлось официальной легендой монгольского чекиста.) Хаян Хирва, узнав от дацанских лам о том, что русский профессор «разрабатывает систему Дюнхор», явился на квартиру Кондиайнов в Петрограде. О себе заявил, что хотя сам не является авторитетом в этой системе, но имеет о ней конкретное представление. Впоследствии он неоднократно встречался с Барченко в Москве и там же установил связь с Нага Навеном.[212]

В общежитии при буддийском храме летом 1923 г. проживало немало и других лиц, гораздо более сведущих в религиозно-философской системе Дюнхор, чем Нага Навен и Хаян Хирва. Например, уже известный нам цанид-лама Агван Доржиев, глава тибетской миссии в СССР, и его заместители — бурятский лама Бадма-Намжил Очиров и калмыцкий монах, в прошлом личный секретарь далай-ламы, Лувсан Шараб Тепкин (Тебкин). Оба они обучались в Лхасе около 12 лет и имели высшую ученую степень лхарамба, так же как и сам Доржиев. В Россию Очиров и Тепкин

вернулись осенью 1922 г. вместе с экспедицией В.А. Хомутникова (отправленной, как мы помним, Наркоминделом совместно с Коминтерном в Тибет годом ранее для восстановления отношений с этой страной) и были зачислены Доржиевым в штат сотрудников тибетской миссии. Некоторое время Очиров и Тепкин преподавали в Петроградском институте живых восточных языков (ПИЖВЯ), а затем оба покинули город — Очиров в 1924 г. уехал в Монголию, а Тепкин год спустя в Калмыкию, после избрания его ламой калмыцкого народа — главой буддийской церкви в Калмыцком автономном округе.[213]

Впрочем, на допросе в 1937-м, вспоминая о времени, проведенном в ламаистском дацане, Барченко назвал имена лишь двух лам, с которыми завязал «непосредственные отношения», Агвана Доржиева и некоего Джигмата Доржи. Речь, возможно, идет о ламе Ацагатского дацана, буряте Джигме Доржи Бардуе-ве, также получившем высшее богословское образование в Лхасе. Этот лама вскоре снова отправился в Тибет, на этот раз в качестве переводчика и связного С.С. Борисова.

В том же самом доме при храме летом 1923 г. проживал с семьей известный монголист Б.Я. Владимирцов, также преподававший в ПИЖВЯ. Барченко не упустил возможности познакомиться с этим ученым и, может быть, даже взял у него несколько уроков монгольского. Во всяком случае, известно, что он переписал от руки составленный Владимирцовым словарик разговорного монгольского языка.

Весной 1924 г. Барченко встретил еще одного учителя. Это был крестьянин из г. Юрьевца Костромской губернии Михаил Круглов. Вместе с несколькими членами одной из сект «искателей Беловодья» Круглов пришел пешком в Москву, где и познакомился с Барченко, по-видимому, совершенно случайно — в одной из ночлежек. (Александр Васильевич, приезжая в столицу, обыкновенно останавливался не в гостиницах, а в ночлежных домах, поскольку там можно было встретить немало интересных людей.) В письме бурятскому ученому Гомбожабу Цыбикову Барченко рассказывал об этой встрече:

«Эти люди значительно старше меня по возрасту и, насколько я могу оценить, более меня компетентны в самой универсальной науке и в оценке современного международного положения. Выйдя из костромских лесов в одежде простых юродивых (нищих), якобы безвредных помешанных, они проникли в Москву и отыскали меня, служившего тогда (в 1923–1924 гг.) в качестве научного сотрудника Главнауки.

Посланный от этих людей под видом сумасшедшего произносил на площадях проповеди, которых никто не понимал, и привлекал внимание людей странным костюмом и идеограммами, которые он с собой носил».[214]

Михаила Круглова, как рассказывает далее Барченко, несколько раз арестовывали — «сажали в ГПУ, в сумасшедшие дома». Однако, убедившись, что его «безумие» вполне безвредно, отпускали на свободу. В этом же письме Цыбикову Барченко часто использует две из кругловских идеограмм. В одной из них легко угадывается написанное искаженным тибетским курсивом слово «дуйнхор», за которым следует мистический треугольник с точкой посредине. Другая идеограмма соответствует по смыслу и по числу слогов слову «Шамбала». (Загадочные деревянные таблички с идеограммами, которые носил при себе Круглов, разумеется, не могли не заинтересовать бывшего военного кодировщика С.П. Шандаровского.)

Круглов затем несколько раз приезжал к Барченко и Кондиайнам в Ленинград. Вот как вспоминала об этом Э.М. Кондиайн:

«Явился к нам как-то пешком из Костромской обл. мужик, Круглов Михаил Трофимыч. Неизвестно, как он прослышал про Ал. Вас-а. Принес он целую кучу совершенно необычных изделий из дерева, обклеенных цветной бумагой, разными геом[етрическими] фигурами, знаками и надписями. Там была шестигранная корона, которую Михаил Трофимович надевал, в руку брал скипетр и всякие другие атрибуты, был у него и небольшой гробик.

Говорил он скороговоркой стихами, которые тут же слагал. Он жил у нас раза два недели по две и был совершенно

нормальный. Бывал он в Москве в психиатрической б[ольни]це. Своим бормотанием и дерзкими выходками перед врачами и аудиторией студентов, где его демонстрировали как умалишенного, он очень ловко имитировал больного. А был он самый нормальный человек, только что говорил часто стихами. Один древний старик в Костроме научил его изготовлять эти свои изделия, а быть может, он их у него похитил. Вид у вещей был старый. И велел-де ему старец носить эти вещи и показывать людям и всегда ходить пешком.

В психиатрическую б[ольни]цу он приходил как на постоялый двор. Его там всегда охотно принимали.

Его стихи я, к сожалению, забыла».

В памяти сохранились лишь две забавные строчки: «Реет знамя трудовое над советскою страною» и «Всё мы тут померим и все мы тут поверим».[215]

Учителем Круглова Э.М. Кондиайн называет известного костромского старца Никитина. О его смерти в 1925 г., между прочим, сообщил Н.К Рерих в книге «Сердце Азии»:

«Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями-об учении махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне, вопросами».[216]

(О. Шишкин считает, что о старце Никитине Рерих узнал от Барченко, с которым встречался во время своего мимолетного визита в Москву летом 1926 г.[217])

Неожиданная встреча с Кругловым, показавшая, что традиция универсального эзотерического знания живет и на русской почве, в среде староверческих сект «искателей Беловодья», дала новый импульс поискам Барченко. Так, мы знаем, что он совершил путешествие в Кострому, — вероятно, уже после того как ушел из Главнауки, — чтобы разыскать старца Никитина. Там ему действительно удалось встретиться с престарелым

учителем Круглова, который, как выяснилось, принадлежал к секте голбешников (от «голба» — подполье), родственной секте бегунов или странников. Старец, вероятно, рассказал Барченко немало интересного о своих хождениях в Тибет и Индию, о самобытной вере голбешников и о загадочных символах-идеограммах, свидетельствовавших о знакомстве этих русских сектантов с тантрическим буддизмом.

2. ЕДИНОЕ ТРУДОВОЕ БРАТСТВО

Вернувшись из Лапландии, Барченко решил объединить своих учеников и единомышленников в некое сообщество или братство, которому он дал название — Единое трудовое братство (далее ЕТБ). Моделью для такого братства послужило Единое трудовое содружество Гурджиева, о котором Барченко услышал впервые от одного из его бывших членов С.П. Шандаровского. Цель ЕТБ состояла в «изучении философии, истории мистики и нравственном усовершенствовании».

«Проповедь непротивления, христианского смирения, помощь человеку в нужде, не входя в обсуждение причин нужды, овладение одним из ремесел, работа в направлении морального саморазвития и воспитание созерцательного метода мышления — в этом я видел ближайшие функции ЕТБ, ориентирующегося на мистический центр Шамбалу и призванного вооружить опытом «древней науки» современное общество», — впоследствии «признается» следователю Барченко.[218]

По его искреннему убеждению, овладеть высочайшими достижениями «Древней науки» может лишь человек высоконравственный, постоянно занимающийся самосовершенствованием, «гармонизацией» своей жизни и быта.

Один из наиболее авторитетных питерских оккультистов, генеральный секретарь автономного русского масонства Б.В. Астромов в своих показаниях весной 1926 г. упомянул «кружок доктора Барченко» среди известных ему «оккультных организаций» в Петрограде, чем косвенно подтвердил факт его существования. (Сын А.А. Кондиайна, О.А. Кондиайн, однако, не помнит, чтобы его мать, Элеонора Максимилиановна, когда-либо

упоминала о «братстве» Барченко. В то же время известный петербургский исследователь масонства В.С. Брачев не сомневается в том, что ЕТБ действительно существовало, и считает его несомненной «масонской структурой»[219]). О руководителе кружка (т. е. Барченко) Астромов сообщил, что «в свое время он бывал в обществе «Сфинкс» и пытался с ним соединиться, но безуспешно». Назвал имена ближайших сподвижников Барченко — П.С. Шандаровского и А.А. Кондиайна. При этом отметил, что «среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией» — в качестве примера сослался на распространение им среди учеников рукописи, выдаваемой за свою, хотя она в действительности «есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви».[220]

Элифас Леви — настоящее имя Констан, аббат Альфонс-Луи (1810–1875) — знаменитый французский оккультист (кабба-лист), получивший при жизни прозвище «короля магов». В России начала XX века наибольшей известностью пользовались две его книги, переведенные с французского: «Тайны магии» (Варшава, 1909) и «Учение и ритуал высшей магии» (том 1: Учение. СПб., 1910). Из других сочинений Элифаса Леви, не переведенных на русский, следует упомянуть Philosophie occulte, Ire serie (Paris, 1862) и 2em serie (Paris, 1865), а также Le Grand Arcane, ou l’Occultisme devoile (Paris, 1898). Возможно, перевод одной из этих книг Барченко и распространял среди своих учеников. Во всяком случае, он, несомненно, штудировал труды Э. Леви для написания лекций о картах таро.

О том, что представляло собой идеологически и организационно Единое трудовое братство, позволяют судить составленные Барченко морально-этический кодекс («Правила жизни») и устав ЕТБ. Из этих документов сохранился лишь первый, который заслуживает того, чтобы мы процитировали его целиком:

«ПРАВИЛА ЖИЗНИ

1. Размышляя о Боге, помни, что понятие Бог можно выразить в числе — единицей, в геометрии — точкой. Геометрическая точка не имеет измерения, но, излучая энергию, она обнимает

вселенную. Пружина обладает наибольшей мощью, будучи скрученной до совмещения с точкой.

2. Цель не оправдывает средства.

3. Не имей собственности ни в вещах, ни в супруге, ни в людях.

4. Ноша в пути изнуряет, а что тяжелее золота?

5. Неси свою ношу в гору на собственных плечах.

6. Давай, не удручая просящего.

7. Давай всегда сам в собственные руки.

8. Считай себя должником того, кому ты имел возможность оказать помощь.

9. Воровство — не только присвоение вещей, не принадлежащих тебе, но и хранение лишнего, ненужного тебе.

10. Не проходи мимо женщины с ребенком на руках без вопроса, не нуждается ли она в необходимом.

11. Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой.

12. При встрече с бедняком, с лицом, стоящим ниже тебя, голову обнажай первый; от богача, от лица, стоящего выше тебя, ожидай привета.

13. Не сопротивляйся злу насилием.

14. В личной защите не применяй иного оружия, кроме личного примера.

15. Смерти не бойся, но бойся оставить тело раньше, чем то, что им управляет, окрепнув, не возмужало.

16. Самоубийство расценивается как дезертирство.

17. Убийство допустимо только в том случае, если это единственная возможность спасти большое число жизней.

18. Стремись вперед, чтобы подать руку отставшему.

19. Споткнувшись, не изнемогай, а шагай тверже.

20. Вникай в то, что тебе доверяют, чтобы совесть не угнетала тебя после.

21. Нет презренного ремесла, если из рук выходит то, что не вредит живому.

22. При встрече с воином не кичись белизной своих рук.

23. Размышляя о том, какую специальность избрать сыну твоему, помни: посрамивший мудрецов ходил по земле плотником.

24. Помни, что ложь, грязнящая душу человека, душу ребенка делает калекой.

25. Отходя ко сну, дели поступки свои на 2 (положительные и отрицательные) и на 7 (планетных категорий: солнце, Меркурий, венера, земля или луна, марс, юпитер, сатурн).

26. Никогда не прячься от солнца.

27. Два врача исцеляют — солнце и воздух.

28. Солнце — отец, Земля — мать; она родила тебе сестер и братьев там, где ты на ней обитаешь.

29. К супругу своему относись бережно, как к драгоценному сосуду — ты пьешь из него наслаждение.

30. Если супруг твой подойдет к пропасти, пусть заглянет в нее и измерит ее глубину, но пусть рука твоя будет тверда, чтобы вовремя удержать его от падения.

31. Из тины болот тянутся лилии, они белы.

32. Законам страны, в которой живешь, — подчиняйся. С властью трудящихся — сотрудничай.

33. Семья — кирпич, из которого строится здание государства.

34. Говорящему: «Один в поле не воин» — возражай: «Голос одного бодрствующего будит тысячу спящих».

35. Слабость — не предмет уважения, а искоренения.

36. Не отдавай себя в жертву одержимым шимнусами (злые духи), сытому, спящему сердцем.

37. Если ты озлословил человека, которому ты оказал помощь, то лучше бы ты его обокрал, ибо ты украл у него самое дорогое — доброе имя.

38. Не сгрой себе счастье за счет несчастья других».[221]

О структуре ЕТБ мы знаем, главным образом, из показаний самого Барченко. Во главе организации находился совет, состоявший из трех человек — Барченко, Кондиайна и Шандаровского. Все члены братства подразделялись на две степени — «братьев» и «учеников». Для достижения степени «брата» требовалось выполнение ряда условий — «отказ от собственности, нравственное усовершенствование и достижение внутренней собранности и гармоничности».[222] Александр Васильевич, впрочем, считал, что сам он до столь высокого уровня еще не поднялся. Никакой обрядности в братстве не существовало, в том числе и ритуалов посвящения. В то же время у ЕТБ имелась своя оригинальная символика. Символом брата служила «красная роза с лепестком белой лилии и крестом», означавшая «полную гармоничность». Знак Розы и Креста, по словам Барченко, он заимствовал у розенкрейцеров, а лилию — из позднесредневековых трактатов — «Мадафана» («Золотой век восстановления») и «Универсальная сила музыки» (Musurgia universalis) немецкого ученого-энциклопедиста

Атанасиуса Кирхера.[223] Символ «ученика» — «шестигранная фигура со знаком ритма, окрашенная в черные и белые цвета» (также взятая у Кирхера). Смысл этого символа состоял в том, что ученик должен следить «за ритмичностью своих поступков». По уставу эти знаки следовало носить «на перстне, розетке или булавке, а также иметь на окне своего жилища» — для узнавания или отыскания других посвященных. По сообщению дочери К.Ф. Шварца Е.Ф. Лянгенбах, члены братства также рисовали на почтовом ящике символ «Семь кругов» (круг с вписанными в него шестью полуокружностями, образующими «цветок» — розетку. Кроме этого известно, что Барченко имел личную печать, «составленную из символических знаков Солнца, Луны, Чаши и шестиугольника».[224]

Интересно, что похожей печатью помечены два из четырех писем Барченко В.М. Бехтереву (от 8 января 1921 г. и 6 декабря 1922 г.). На этой печати (сохранились лишь верхние две трети сургучного оттиска) изображены три вписанные одна в другую, — но не концентрические, — окружности. На внутренней, сдвинутой несколько кверху, хорошо читаются расположенные вертикально трехлепестковая розетка, солнечный шар и под ним лунный серп, как в буддийском символе сваямбху. Над розеткой — знак, напоминающий тибетскую графему «ра». В средней окружности — слева и справа по центру — еще два знака, похожие на тибетские графемы «ба» и «ща». В первом из писем Барченко писал:

«… с настоящей минуты письмами и документами, принадлежащими несомненно мне, должны считаться только снабженные нижеоттиснутой печатью. Лицо, пользующееся моим доверием в полном объеме, должно прочитать эту печать так, как я Вам ее лично прочитаю, если это Вас заинтересует» (см. Приложения). Таким образом, можно предположить, что уже в конце 1920 г. существовала некая эзотерическая группа лиц, объединявшихся вокруг Барченко, — костяк будущего «братства».

Кто входил в созданное Барченко братство? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку в следственных протоколах

приводятся различные списки членов ЕТБ. Сам Барченко во время одного из допросов назвал следующие фамилии: Нилус (АМ. Нилус — один из членов «Комиссии психических исследований» В.М. Бехтерева), Алтухов (физик), Э.М. Кондиайн, Л.Н. Маркова-Шишелова, Ю.В. Струтинская, В.П. Королев и Ю.В. Шишелов (в то время оба обучались на монгольском разряде Петроградского института живых восточных языков), Николай Троньон (возможно, Н.Н. Троньон-Залесский — также студент ПИЖВЯ), С.П. Шандаровский-.[225] Любопытно, что в этом списке нет ни жены Барченко, ни А.А. Кондиайна, ни его знакомых из ПЧК — К.К. Владимирова, А.Ю. Рикса, Э.М. Отто, к которым в 1923 г. присоединился еще один чекист — Федор Карлович Шварц (Лейсмер-Шварц). (Не включая эту четверку в число членов ЕТБ А.В. Барченко называл их «покровителями братства», хорошо осведомленными о его деятельности.)[226]Впрочем, к началу 1924 г. ни один из названных «покровителей» уже не служил в ПЧК А.А. Кондиайн в своих показаниях добавляет к списку еще несколько фамилий — А.К Борсук, В.П. Кашкадамов, Л.Л. Васильев, Н.В. Лопач, М.Г. Лазарева, К.И. Поварнин (психолог), Н Д Никитин (писатель, один из «Серапионовых братьев» — очевидно, он путает его с психологом Н.Д. Никитиным из бехтеревской «Комиссии»), а также «лично завербованных» им самим В.И. Песецкого (из общества «Мироведения», работавшего в начале 1920-х библиотекарем Оптического института) и ботаника П.Е. Васильковского.[227]

Но можно ли действительно считать всех этих людей членами ЕТБ? Едва ли, ибо следователи, несомненно, стремились расширить «масонскую организацию» Барченко путем включения в нее как можно большего числа посторонних лиц. В то же время анализ следственных материалов позволяет выявить ближайшее окружение А.В. Барченко — его друзей и единомышленников, и, по-видимому, именно эти люди и составляли основное ядро ЕТБ. Это П.С. Шандаровский, А.А. и Э.М. Кондиайн, Ю.В. Струтинская, Л.Н. Маркова-Шишелова, Ю.В. Шишелов, В.Н. Королев, а также обе жены Барченко — Наталья и Ольга. Что касается названных выше деятелей науки, то известно, что Барченко как до, так и после своей лапландской

экспедиции довольно тесно общался со многими учеными, прежде всего с сотрудниками бехтеревского Института мозга — В.М. Бехтеревым, В.П. Кашкадамовым и А.К. Борсуком. Это обстоятельство, однако, не является достаточным основанием, чтобы причислять всех их к ЕТБ. В то же время показания А.А. Кондиайна свидетельствуют о том, что А.В. Барченко действительно пытался привлечь некоторых крупных ученых к своему кружку. Личность и идеи Барченко, несомненно, импонировали многим ученым, но, наверное, правильнее было бы назвать их «сочувствующими», нежели фактическими членами братства.

Э.М. Кондиайн вспоминает в своих записках:

«Александр Васильевич, как лампа мотыльков, притягивал самых интересных людей. Многие профессора (Бехтерев, Кашкадамов, Капица и др.) очень интересовались достижениями Древней науки. Часто собирались они у него, где он проводил интереснейшие беседы».[228] (Проф. Капица — это Леонид Леонидович Капица, брат знаменитого физика П.Л. Капицы, этнограф, исследователь народов Русского Севера — в том числе и лопарей, сотрудник этнографического отдела Русского музея. В 1927 г. побывал с экспедицией в Карелии, откуда намеревался пройти на Кольский полуостров, на Ловозеро, но неизвестно, удалось ли ему осуществить эти планы.)[229]

На одном из допросов в НКВД в 1937 г. А.В. Барченко назвал имя еще одного известного ученого — физика, изобретателя электронно-лучевой трубки Б.Л. Розинга, которого, наряду с другими «ленинградскими профессорами», якобы должен был «привлечь в братство» А.А. Кондиайн.[230] Правда, следователь записал в протоколе это имя как Ризен, что вроде бы указывает на совсем другое лицо. Однако мы считаем, что речь все же идет именно о Б Л. Розинге. занимавшемся — еще с 1897 г. — исследованиями по электронной передаче изображений на расстояние. Дело в том, что этот ученый издал в 1924 г. книгу с довольно странным на первый взгляд названием — «Возрождение средневековых naw алхимии и астрологии в современном естествознании». В ней Б.Л. Розинг утверждал, что

средневековые идеи алхимии, астрологии и монадологии нашли свое отражение «в строе современного естествознания», правда, это утверждение следовало понимать не буквально, а в том лишь смысле, что современная наука смогла воплотить мечты средневековых ученых. Так, превращение одних химических элементов в другие, по мнению Розинга, может быть достигнуто — в будущем — с помощью своего рода «философского камня» — металла радия и продуктов его распада, чему наука обязана в первую очередь электронной теории. Через эту же теорию можно объяснить и влияние будущего на настоящее — то, что некогда составляло предмет изучения астрологии. По аналогии с «лучами прошлого», распространяемыми вокруг себя каждой материальной точкой или предметом, Розинг говорит о «лучах будущего», приходящих к нам из бездонных глубин вселенной, и заявляет, что «настоящее готовится для нас в звездном мире и за звездными пространствами» (!). В то же время ученый давал ясно понять советскому читателю, что «идеи астрологии в чистом ее виде не реальны, как и идеи алхимии, и из одного только расположения планет нельзя определить судьбу человека».[231] (Тем самым он, впрочем, лишь повторил древнее поучение: «Звезды склоняют, но не принуждают».)

По иронии судьбы, неформальное и, следовательно, нигде не зарегистрированное «трудовое братство» Барченко возникло в тот самый год, когда в Петрограде навсегда прекратило свое существование Российское теософическое общество, именовавшееся «Всемирным братством». На обстоятельствах его закрытия хотелось бы остановиться чуть подробнее, поскольку они дают представление о методах борьбы большевиков с идеологическими оппонентами.

Впервые РТО было взято на учет в числе других общественных организаций 9 декабря 1919 г., когда оно и получило свое новое название — «Всемирное братство».[232] О какой-либо активной деятельностй питерских теософов в послереволюционные годы, разумеется, едва ли можно говорить. Первый конфликт Общества с новым режимом произошел в январе 1921 г., когда Петрочека попыталась выселить «Всемирное братство» из его штаб-квартиры, фактически принадлежавшей А.А. Каменской

(кв. 24 по ул. Марата, 66/22). Довольно неожиданно в защиту РТО тогда выступила Главнаука в лице своего петроградского уполномоченного, либерально настроенного М.П. Кристи. 15 февраля 1921 г. Кристи выдал Обществу удостоверение, гласившее, что оно зарегистрировано в числе «ученых обществ», подведомственных Петроградскому акцентру.[233] В результате власти были вынуждены оставить РТО в покое — по крайней мере на время. Однако уже осенью 1921 — го — вскоре после отъезда Каменской — отдел недвижимого имущества совета Петрогубкомхоза начал еще более настойчиво добиваться выселения РТО на том основании, что оно «в течение двух лет не проявляет никакой деятельности, оставляет занимаемое мебелью и книгами помещение абсолютно без всякого присмотра и не принимает мер к поддержанию его в порядочном и благоустроенном виде».[234] В этой ситуации, пытаясь реанимировать Общество, его новое правление приняло решение об устройстве в начале декабря открытого собрания, при этом планировалось, что один из членов РТО, А.В. Королькова, выступит с докладом о сущности теософии. Однако для проведения такого «мероприятия» требовалась санкция властей — лекционного подотдела Губоно. Чиновники же этого учреждения на просьбу теософов ответили отказом, мотивируя свое решение «необходимостью борьбы с религиозными предрассудками». Таким образом, губкомхозовцы одержали важную победу, и в январе 1922 г. РТО пришлось перебраться на другую квартиру (3-я Рождественская, 7, кв. 12).

Столь же неуспешными оказались и попытки перерегистрации общества в соответствии с новым советским законодательством в 1922 г. Камнем преткновения на этот раз стал устав РТО, вызвавший серьезные возражения 1убполитпросвета (одной из структур Губоно), опять-таки по идеологическим соображениям. В отзыве этого учреждения от 27 декабря 1922 г., в частности, говорилось: «Губполитпросвет, ознакомившись с уставом ТО (и на основании общего знакомства с его предшествующей деятельностью), высказывается за отклонение его регистрации, т. к. его работа находится в полном противоречии с идеями, положенными в основу политпросвет, работы».[235] А вскоре после этого — всего лишь через месяц с небольшим (9 февраля

1923 г.) — местная администрация приняла решение об окончательной ликвидации «Всемирного братства».[236]

3. «КОММУНА» НА УЛИЦЕ КРАСНЫХ ЗОРЬ

В конце 1923 г. — после создания ЕТБ — Барченко вновь поселился на квартире у Кондиайнов в доме на углу улицы Красных Зорь (Каменноостровский проспект) и Малой Посадской (дом 9/2). Это здание, построенное архитектором М.С. Лялевичем в стиле неоренессанса, находилось напротив увеселительного сада «Аквариум», на месте которого вскоре возникла киностудия «Ленфильм». Вместе с Александром Васильевичем здесь разместилась и его «большая семья» — жены Наталья и Ольга, а также ученицы Юлия Струтинская и Лидия Маркова-Шишелова. В той же квартире со счастливым номером 49 нашли временный приют еще два человека: Ф.Е. Месмахер — двоюродный брат Э.М. Кондиайн, возвратившийся в 1923 г. из Бухары, где воевал с басмачами, а затем занимал какой-то ответственный пост в большевистском правительстве, и осенью 1924 г. подруга Э.М. Кондиайн Татьяна Александровна Спендиарова, дочь известного композитора А.А. Спендиарова, в будущем поэтесса и переводчица. (В доме Спендиаровых в Судаке Элеонора останавливалась летом 24-го и тогда же подружилась с дочерью композитора Татьяной.) Таким образом, в конце 1924 г. в трехкомнатной квартире Кондиайнов проживало десять человек включая их малолетнего сына Олега.

В этой добровольной коммуналке, ставшей «штаб-квартирой» ЕТБ, происходило много интересного. Сюда, чтобы встретиться с Александром Васильевичем, приходили именитые ученые — В.М. Бехтерев, В.П. Кашкадамов, А.К. Борсук, его восточные учителя Хаян Хирва и Нага Навен, патронировавшие братство бывшие чекисты (или «чекушники», как их иронично называла Э.М. Кондиайн) с К.К. Владимировым во главе, учащаяся молодежь и множество другого народа. Так, однажды в квартире появилась балерина-любительница, удивившая всех своими «планетными танцами». Облачившись в легкую тунику на греческий манер, босиком, она стала изображать «планетные знаки». Особенно выразительно танцовщица представила солнце, скрестив над головой рута и растопырив веером пальцы. Как мне удалось

выяснить, это была Анна Георгиевна Громзина — в девичестве Иванова (1899–1969?). После революции Ася Иванова училась в Военно-Медицинской академии, затем посещала (в 1918–1919) любительские балетные классы в бывшем дворце М. Кшесинской. В 1922 г. вышла замуж за С.К. Громзина. Работала ассистентом режиссера Ленфильма (с 1924 г.) — именно к этому времени и относятся ее визиты к Кондиайнам. А.Г. Громзина была хорошо знакома со многими актерами и деятелями ранней советской киноиндустрии; ее вторым мужем был П.М. Свиридов — директор знаменитого фильма «Небесный тихоход».

Жили обитатели этой необычной квартиры в своем особом мире — «прекрасном и яростном», где невероятное прошлое, запечатлевшееся в рассказах Барченко о «Древней науке», сталкивалось и переплеталось с еще более невероятным настоящим, охваченные единым порывом, ощущением ритмов космической гармонии, с верой в счастливое светлое будущее. Их жизнь с внешней стороны была предельно аскетична. Всю дорогую мебель, доставшуюся Э.М. Кондиайн по наследству от родителей, она отдала своим теткам. Кондиайны оставили себе только чертежный стол М.Г. Месмахера, несколько стульев, две железные кровати из людской и пианино. Однако кровати и два венских стула вскоре отнесли на толкучку и стали спать прямо на полу на матрацах. А затем, когда потребовались деньги на поездку в Крым, чтобы подлечить больную ногу Э.М. Кондиайн, продали и пианино. Когда у Кондиайнов поселился Барченко, он смастерил деревянные лавки, полки и столик для работы. Себе с женой Александр Васильевич сколотил топчан. Остальные спали на полу на войлоках. Впрочем, подобный аскетизм был вполне в духе времени и никого особенно не тяготил.

Единственной собственностью Барченко, по воспоминанию Э.М. Кондиайн, были книги, готовальня и пишущая машинка, на которой Юля Струтинская печатала его работы. «Ходил он в старом полушубке, туго подпоясанном ремнем, старой офицерской фуражке без кокарды и в хороших хромовых сапогах, всегда идеально начищенных». Обручальные кольца — свое собственное и жены Ольги — Александр Васильевич «отдал в ночлежку на покупку гостинцев для ребят на елку». Вообще

А.В. Барченко часто заглядывал в городские ночлежки — каждый год беспризорным детям «устраивал елку с гостинцем». Э.М. Кондиайн рассказывала, что ее муж и Барченко постоянно приводили с улицы беспризорников и оставляли на какое-то время у себя, в квартире-коммуне. Потом питерских гаврошей устраивали в детдом или в интернат.

В быту А.В. Барченко был необычайно прост и скромен.

Э.М. Кондиайн рассказывает полуанекдотичную историю: «Ал. Вас. стоял как-то в вестибюле (кажется, Главнауки) в своем старом полушубке. Входит какой-то важный гражданин. Оглядывается, подходит к Ал. Вас-у, передает ему пакет и говорит: «Отнесите, пожалуйста, на 4-й этаж, комната такая-то. Попросите ответ». Ал. Вас. вернулся с ответом. Гражданин протягивает ему двугривенный. Ал. Вас. приподнимает свою фуражку и представляется — «проф. Барченко».

«Мы жили одной семьей или, вернее, коммуной. У нас все было общее. Мы, женщины, дежурили по хозяйству по очереди по неделе. За столом часто разбирали поведение того или другого, его ошибки, дурные поступки. Вначале мне трудно было к этому привыкнуть, но, привыкнув, поняла, как это хорошо, какое получаешь облегчение, когда перед дружеским коллективом сознаешься в своем проступке.

По вечерам за столом А.В. иногда читал нам стихи Некрасова или Пушкина, Есенина, Ал. Блока, «Жизнь» Джордано Бруно, Ганди. Любил он и умел рассказывать анекдоты. <…>.

Один раз он посвятил нас в розенкрейцеры без всякой таинственности и мистики».[237]

В доме нередко звучала музыка (до того как Кондиайны продали пианино) — Чайковский, Бетховен, Вагнер, Григ — в исполнении Ю.В. Струтинской и А.А. Кондиайна. Барченко также с удовольствием слушал импровизации Тамиила.

Э.М. Кондиайн упоминает и о застольных беседах Барченко.

Темы их были самые разные — гипноз, телепатия, спиритизм, хиромантия, теософия, политика, астрономия, медицина. «Делали мы и опыты по передаче коллективной мысли. Один раз мы произвели спиритический сеанс, устроили цепь вокруг легкого деревянного столика. Он (стол) сначала стукнул ножкой, потом поднялся, т[ак] ч[то] мы все вынуждены были встать и поднять руки до уровня голов. А.В. разомкнул цепь, и стол упал на пол на свои ножки». Сеанс этот — «при дневном свете», по всей видимости, был устроен Барченко, чтобы показать, что в спиритизме нет никакой мистики. Будучи убежденным материалистом, Александр Васильевич объяснял «спиритические явления» тем, что при сцеплении рук образуется замкнутая электромагнитная цепь. «Каждый человек носит в себе электромагнитный заряд. Одна половина тела носит положительный, а другая отрицательный заряд. Электромагнитный заряд нарушает силу притяжения земли. Предмет, окруженный цепью, теряет свой вес. Самые слабые импульсы человека могут его сдвинуть. Так начинает двигаться блюдечко».[238]

Что же касается ответов на вопросы, якобы получаемых из потустороннего мира, то их, по убеждению А.В. Барченко, дают не духи умерших людей, а подсознание самих участвующих в спиритическом сеансе. Концентрируя свое внимание на каком-то одном предмете, люди усыпляют сознание и тем самым пробуждают подсознание.

Постоянными гостями квартиры-коммуны, как уже говорилось, были «чекушники» — Владимиров, Рикс и Отто. В спиритических сеансах и прочих «опытах» они участия не принимали, предпочитая наблюдать за происходящим со стороны. В 1923 г. к этой троице присоединился еще один бывший сотрудник Петрочека — Карл Федорович Шварц («Карлуша»), у которого в дальнейшем установятся теплые дружеские отношения с обоими учеными.

О.А. Кондиайн (сын А.А. Кондиайна) вспоминает: «Широкоплечий, довольно высокого роста, с копной седеющих волос и неизменным пенсне на носу, Барченко был

прирожденным лидером, и все беспрекословно подчинялись ему… Он часто уезжал от нас, а когда возвращался, сразу же начинал наводить порядок. Распределял обязанности — устанавливал часы для работы, для отдыха, для бесед — все это было жестко регламентировано. Он требовал от всех неукоснительного соблюдения распорядка дня». В этой строгости, однако, можно усмотреть некий общий принцип — стремление гармонизировать жизненные ритмы человека как средство индивидуального самосовершенствования — то, чему А.В. Барченко придавал такое большое значение.

В то же время Барченко был не лишен чувства юмора, умел увидеть смешное в жизни. По словам Э.М. Кондиайн, он подмечал забавные вывески и объявления, которых было особенно много в годы НЭПа. В своих записках она приводит несколько примеров:

«Портной Михельсон, он же и мадам».

«Пилюли Ара действуют мягко и энергично». (Это выражение — «мягко и энергично» — вошло у нас в обиход.)

«Вяжу детские вещи из шерсти родителей».

«Гражданам с узким горлышком керосин не отпускается».

«Студентам, сдавшим языки, хвосты сдавать не обязательно» (Университет).

«Вытяжка из семенных желез доктора Колесниченко».[239]

Назвав свое братство трудовым, Барченко с самого начала стремился вовлечь его членов в полезную трудовую деятельность, поскольку считал труд мощным средством нравственного совершенствования, наиболее эффективным способом достижения человеком «внутренней собранности и гармоничности». В этом он, очевидно, следовал примеру «трудового содружества» Гурджиева. Э.М. Кондиайн вспоминала об этом периоде:

«Время было трудное во всех отношениях. И А.В. решил нас, женщин, научить ткацкому ремеслу Мы несколько раз ходили к одной частной ткачихе. У нее дома был ткацкий станок. Она нас познакомила с этим искусством. Но купить станок нам не удалось. Дело заглохло».

Пробовали женщины, опять же по подсказке Барченко, заниматься и швейным делом, для чего поступили на курсы кройки и шитья. Правда, и здесь дело как-то не заладилось, и в конце концов на курсах осталась лишь одна Наталья. Барченко учил своих учеников и учениц плотницкому делу — работать топором и рубанком, поскольку сам был отличным плотником. По его совету Кондиайны впоследствии купили своему сыну маленький верстак. (Любопытная параллель: в это же время интернациональная воспитательно-трудовая коммуна Гурджиева самоотверженно трудилась на землях Авонского замка в окрестностях Фонтенбло, закладывая основы нового общества.)[240]

4. СЕНТ-ИВ Д'АЛЬВЕЙДР И «ДРЕВНЯЯ НАУКА»

Говоря о ЕТБ, следует помнить, что братство Барченко объединяло главным образом его единомышленников, как и он, веривших в существование высокоразвитой «доисторической культуры», обладавшей высшей эзотерической мудростью («Древней наукой»). Сведения об этой канувшей в Лету культуре Барченко почерпнул в основном у французских оккультистов, прежде всего у Сент-Ива д'Альвейдра. В этой главе мы расскажем о жизни и религиозно-философской системе, созданной этим мыслителем, после чего изложим учение самого Барченко, его теории о «Древней науке» и о циклическом развитии цивилизаций.

Александр Сент-Ив д'Альвейдр (Alexandre de Saint-Yves dAlveydre) (1842–1909) родился и вырос в католической семье. Его отец, Гийом Сент-Ив, врач-психиатр по профессии, был человеком суровым и деспотичным, требовавшим от сына беспрекословного подчинения. Частые конфликты с отцом омрачили детство и ранние юношеские годы будущего создателя учения о социальной гармонии. Когда Александру исполнилось

13 лет, отец поместил его в исправительно-трудовое заведение — сельскохозяйственную колонию Фредерика де Метца в Меттре, неподалеку от Тура. (Официально колония называлась «Патернальное общество для нравственного, сельскохозяйственного и профессионального воспитания юных правонарушителей моложе 16-летнего возраста».) Де Метц снискал известность во Франции как создатель новой пенитенциарно-воспитательной системы, основанной на двух принципах — патернализма и клерикализма. На практике это означало — труд от зари до зари, суровая полувоенная дисциплина и молитва. Тем не менее Сент-Ив чувствовал себя счастливым в Меттре, ибо здесь, в лице управляющего колонии, он обрел «духовного отца». Впоследствии он скажет о своем учителе: де Метц «дал направление моим занятиям и жизни»… «религиозный язычник посреди XIX века! — это отвечало моему бунту против любого гнета и насилия, моему безрассудному любопытству, моей жажде свободы и испытаний».[241]

В Мегтре Сент-Ив провел около двух лет. Затем он учился в лицее в Париже, где получил ученую степень бакалавра словесности и наук (ок. 1861 г.), и в военно-медицинской школе в Бресте. После чего покинул Францию и поселился на острове Джерси — одном из Англо-Нормандских островов в Ла-Манше. Пятилетняя «добровольная ссылка» на Джерси окончательно сформировала философско-политические взгляды Сент-Ива. Этому во многом способствовало его общение с «диссидентами» Второй империи — основателем христианского социализма, сенсимонистом Пьером Леру и его учениками Этьеном Люком Десажем и Огюстом Демуленом, поэтом Адольфом Пельпортом, а также с Виржинией Фор, матерью Филиппа Фора и подругой знаменитого оккультиста Фабра д’Оливе (Fabre d’Olivet). Именно благодаря ей Сент-Ив познакомился с трудами последнего, в том числе с монументальным сочинением «Восстановленный еврейский язык» (La langue hebraique restituee), раскрывающим сакральные основы иврита. Биографы Сент-Ива сообщают, что он также встречался с Виктором Пого, жившим в то время на острове Гернеси, и даже участвовал вместе с ним в спиритических сеансах в салоне мадам Фор.

В 1870 г., узнав о начале Франко-прусской войны, Сент-Ив вернулся во Францию, чтобы принять участие в военных действиях под флагом морской пехоты. Сражался он храбро и в одном из боев был ранен в руку. В дни Парижской коммуны Сент-Ив находился на стороне правительственных войск в Версале, однако мы не знаем, участвовал ли он в подавлении коммунаров А. Тьери. Известно лишь с его собственных слов, что в Версале он впервые выступил с изложением своей социальной теории перед группой товарищей по оружию.

После падения Коммуны в 1871 г. Сент-Ив поселился в Париже, где поступил на службу в министерство внутренних дел.

Издал несколько поэтических сборников, которые, впрочем, не принесли ему славы. В 1877 г. в Лондоне Сент-Ив вступил в брак с 50-летней русской графиней Марией-Виктуар Келлер (ур. Ризнич). Это событие стало переломным в жизни мелкого чиновника и неудачливого поэта. Оставив службу, Сент-Ив купил в Италии титул маркиза д'Альвейдра и занялся социально-эзотерическими изысканиями и литературным творчеством. Около 1880 г. он получил от своих индийских гуру посвящение в некое тайное учение. Вскоре после этого были написаны и опубликованы пять книг его знаменитых «миссий»: «Миссия суверенов» (1882), «Миссия рабочих» (1883), «Миссия евреев» (1884), «Миссия Индии в Европе» (1886) и «Миссия французов» (1887). В этих книгах Сент-Ив д'Альвейдр раскрывает смысл «иудеох-ристианского социального закона» — закона синархии — и излагает неизвестную доселе эзотерическую историю человеческой цивилизации, от времен легендарного Рама до конца XIX столетия. Его конечной целью было возродить «социально-религиозную» (синархическую) форму правления в том виде, в каком она якобы изначально существовала на земле.

Свое учение об идеальном государстве-синархии Сент-Ив создал под влиянием, с одной стороны, западной оккультной традиции (Фабр д'Оливе), а с другой, восточного мистицизма (каббала, индуизм). Среди его восточных учителей исследователи чаще всего называют индийских брахманов Риши Бхагван-дас-Раджи-

Шрина и Хаджи Шарифа. (Возможно, это были те самые индусы, с которыми встречался в Париже А.С. Кривцов.)

Самое значительное произведение Сент-Ива, дающее ключ к пониманию концепции синархии, — это, безусловно, «Миссия евреев». В этой книге, как уже отмечалось, излагается некая сакральная история человечества, охватывающая 86 веков, в течение которых закон Синархии передавался по невидимой цепочке, через посвященных адептов, от индусов к египтянам, от египтян к евреям и от евреев к христианским народам. Это история великой синархической Империи Овна (l'Empire du Belier), основанной Рамом (Ram) 7500 лет до н. э. и просуществовавшей приблизительно 3500 лет. Здесь же мы находим теорию четырех рас в специфической трактовке Сент-Ива, концепцию циклического развития земных цивилизаций и, что особенно важно для нас, учение о «Древней науке» — т. е. фактически весь комплекс идей, который несколько десятилетий спустя Барченко положит в основу своей собственной системы. Первые 4 главы этого весьма объемного трактата посвящены общим принципам устройства вселенной и научного познания древних народов. Сент-Ив с самого начала проводит различие между наукой современной, принадлежащей к «ионийской эволютивной традиции», и Ветхим Заветом — т. е. «Древней наукой», опирающейся на «дорийскую инволютивную Традицию». Обе эти традиции по своей сути полярны: первая олицетворяет собой пассивный, лунный женский «полюс», или принцип, вторая — «полюс» мужской, активный и солярный. Современная наука, исходя из эволютивного принципа, прилежно дробит единое целое физических и естественных научных знаний; Ветхий Завет был девалоризирован переводчиками и толкователями, донесшими до нас не истинный дух сакральных текстов, но мертвую букву. В результате ионийская и дорийская традиции превратились в непримиримых антагонистов, тогда как в действительности они являются двумя аспектами единого откровения, единой истинной науки.

Французский мистик далее рисует следующую трехчастную «Пирамиду знания»: в ее основании лежат научные «факты»; координация между собой «всей номенклатуры научных фактов»

дает «законы» — их он помещает в средней части пирамиды. И факты, и законы относятся к сфере «чувственного мира» (мир субстанции), где они образуют первые две степени овладения Истиной. Над ними, в верхней части пирамиды, находятся «принципы», относящиеся к «сверхчувственному миру» (мир сущности). Таким образом, сущность (Essence) и субстанция (Substance) составляют «два аспекта» истинного знания о природе вещей, Науки с большой буквы. С помощью естественных наук (sciences naturelles) человек познает материальный, чувственный мир, тогда как божественные науки (sciences divines) открывают перед ним врата в мир сверхчувственный, трансцендентный. При этом Сент-Ив подчеркивает, что во Вселенной и на Земле «субстанция — пластичная, доступная нашему чувственному восприятию, ничтожно мала, почти равна нулю по сравнению с живым пространством, заключающим ее в себе».[242]

Истинное знание (т. е. знание, равное Божественной Истине), утверждает Сент-Ив в своем главном труде, было передано роду человеческому библейским Моисеем и Иисусом, которых он называет «высшими авторитетами иудео-христианского социального государства». Моисей, обучавшийся у жрецов в храмах Египта и Эфиопии, приобщился, посредством высшей инициации, к «древнейшей научной традиции», которая тайно передавалась от одного посвященного к другому на протяжении многих циклов времени. Полученное им знание заключено в четырех буквах божественного имени («шемот») ЙЕВЕ (йод, хе, вау хе), означающих четырехступенчатую иерархию наук — о Боге (теогония), вселенной (космогония), человеке (андрогония) и земле (физиогония). Это мистический тетраграмматон (четырехбуквенник), наиболее священный древнееврейский символ, символизирующий синтез основных знаний герметизма. Добавим от себя, что тетраграмматон в обыденной жизни заменял собой шемот ЙЕВЕ, ибо божественное имя почиталось древними евреями настолько священным, что произносить его разрешалось только посвященным во время заклинаний. Эта сокровенная формула истинного знания, согласно Сент-Иву, выражает собой идею единства двойственных см мироздания — вечного мужского и женского, духа и души, сущности и формы,

безграничного времени и беспредельного пространства, Ишвары и Пракрита, Осириса и Исиды.

Все древние религии, в том числе и христианство, по утверждению Сент-Ива, вышли из инициатических центров, являвшихся своего рода «корпорациями» ученых. Наиболее сведущие из их членов — храмовые жрецы — владели названной выше «четырехступенчатой иерархией наук». «В древних храмах изучение делимой субстанции, которую мы неточно называем материей, — пишет Сент-Ив, — было доведено до едва вообразимого сегодня уровня». Все более и более углубляя свои исследования, ученые жрецы пришли постепенно к постижению неделимой субстанции и чистого Духа, идентичных понятию Бога. Они проникли в тайные глубины «космогонических Сил, Могуществ, Сущностей и Принципов». Жреческая корпорация являлась высшей «социальной властью» в синархических государствах древности; две другие более низкие ступени властной иерархии занимали посвященные миряне и главы семейств — как мужчины, так и женщины.

Моисей записал полученное им сокровенное знание в своей «Космогонии» (библейская книга «Бытия»), созданной по египетскому образцу. Эта книга является основой для «полного восстановления Истины» (reedification totale du Vrai) и тем краеугольном камнем, на котором покоятся десять заповедей, откровения Пророков, Евангелия, Талмуд и Коран. Отметим попутно, что Сент-Ив впоследствии сделал новые — «истинные» — переводы Моисеевой «Книги принципа» и «Евангелия от Иоанна» с помощью своего «ключа» к эзотерической науке древних (Археометра). (Эти переводы были опубликованы уже после его смерти.)[243]

В подтверждение своего тезиса о существовании в синар-хическом «социальном государстве» (l’Etat Social) высокоразвитой «универсальной Науки» Сент-Ив ссылался на различные древние письменные источники и памятники изобразительного искусства. Вот некоторые из приведенных им примеров. Храмы Юноны в Древнем Риме и храмы Геры в Греции были оснащены «целой системой громоотводов» (изображения

которых можно увидеть на римских и греческих медалях). Строитель храма Святой Софии в Константинополе Антем де Траль «пользовался электричеством огромной мощности» (ссылка на: Agathias. De Rebus Justin. Кн. 5. Гл. 4). Древние знали о вращении Земли вокруг Солнца, о законах всемирного тяготения и морских приливов. Они умели пользоваться телескопом, микроскопом и маятником. Они открыли применение камеры обскура и оптических устройств. Им были известны способы обработки металлов и стекла. И т. д. и т. п.

«Древние» — это, по определению Сент-Ива, представители многих цивилизаций, последовательно сменявших друг друга на земле и предшествовавших появлению нынешней (пострамидской) цивилизации. Почему их знания не сохранились до нашего времени, спрашивает он, и почему мы обретаем их вновь столь медленно и трудно? Исчезновение совершенной «Древней науки» Сент-Ив объясняет тремя причинами: во-первых, апокалипсической гибелью цивилизаций, в результате геопланетарных катастроф вроде всемирного потопа или неправильного использования древними своих открытий; во-вторых, уничтожением многих ценнейших древних документов варварами и инквизицией; и, в-третьих, умышленным сокрытием «синтеза своих знаний» древними корпорациями ученых в священных текстах, символических легендах, геометрических чертежах, с тем чтобы в будущем ими могли воспользоваться достойные представители новой духовной элиты, достигшие определенной — достаточно высокой — степени эволюции.

О том, в какой степени Барченко воспринял идеи Сент-Ива, позволяет судить бегло пересказанное Э.М. Кондиайн содержание его лекции о «Древней науке», прочитанной в Петрограде в 1918 г.

В глубочайшей древности — приблизительно 56 тысяч лет тому назад — на земле существовала высокоразвитая культура. (В «Миссии Индии» Сент-Ив говорит о 556 веках эволюции человечества, начиная отсчет с эпохи мифологического прародителя людей Ману.) Эта культура обладала синтетической наукой, которая коренным образом отличается от науки

современной, аналитической. Различие состоит в том, что нынешняя наука ищет Истину аналитическим путем, двигаясь «от периферии к центру» (т. е. к Истине), наблюдая и анализируя все многообразие фактов и явлений окружающего мира. Недостатком такой науки является ее раздробленность по причине чрезмерной специализации, в то время как все в мире взаимосвязано и подчиняется единым законам. Древняя же наука (далее ДН), напротив, изначально обладала Истиной — «Универсальным Единым Законом», по которому построено все — от мельчайшего атома до огромной вселенной, и потому двигалась в своем развитии от Центра к периферии. К изучению ДН допускались не все, а лишь люди, обладавшие высокой нравственностью.

Древние ученые, предвидя глобальные катаклизмы на земле в будущем, вроде всемирного потопа, и в то же время опасаясь, что их познания могут быть использованы потомками во зло людям, вплоть до полного уничтожения человечества и самой планеты, «зашифровали» и «законспирировали» Д.Н. Сделали они это для того, чтобы ее достижения сохранились в веках и в нужный момент могли быть востребованы — «расшифрованы» будущими поколениями. И еще одна важная деталь: несмотря на высокоразвитую науку, доисторическая культура имела довольно невысокий уровень техники, из чего можно заключить, что развитие земной цивилизации первоначально шло по нетехнократическому пути.

Следы «Древней науки», по мнению Барченко, следовало искать прежде всего в священных религиозных книгах (таких, как Библия), картах (карты таро) и «каменных библиотеках» — различных наскальных надписях и символах.[244]

Рассказ Барченко, как можно видеть, в целом вполне согласуется с основной концепцией Сент-Ива, изложенной в трактате «Миссия евреев». Любопытно, что даже термин «Древняя наука» является не собственным изобретением Барченко, а калькой с французского «Science antique». В уже упоминавшейся нами лекции о картах таро говорится, что в библейской легенде о потерянном рае «скрыта под аллегориями

вполне прозрачными память о Великой религии разума, о религии солнца… Применив данные положительной науки к легенде о родословии и жизни Моисея, мы обнаружим, что под примитивными одеждами этой легенды скрывается повествование о высокой культуре, возникшей под влиянием ведической философии йога, обработанной окончательно в древнем допотопном Египте и вынесенной из Египта «Спасенным от воды» (так Барченко, вслед за Иосифом Флавием, «расшифровывает» имя Моисея), усвоившим египетскую мудрость, прошедшим школу в Большом доме египетской науки и философии. Усвоенное в Египте «Спасенный от воды» не сделал достоянием толпы, но, как под покровом самых прозрачных аллегорий повествуют главы XXXII и XXXIV Исхода, от народа защитил «покрывалом» и передал лишь избранным». И далее, по поводу этого защищенного от профанов сокровенного знания: «Тайная докгрина — это не произвольные вымыслы, не догадки, не подтасовки. Тайная доктрина — прежде всего сухая математика мысли… (Она) символизирует графически проявление божественного начала в реальные формы».

Для тех, кто заинтересуется этой лекцией Барченко, отметим, что в ней в основном излагается учение каббалистов о «самоограничении божества» для проявления в мире — «проявление всемогущего скрытого» из точки путем раздвоения. Говоря об эзотерической системе, лежащей в основе карт таро, Барченко пишет: «Что такое таро? С моей точки зрения, это конденсатор символики — максимум синтеза, совершеннейший научный аппарат. <…> Картинки таро — суть иероглифы, тесно связанные с 22 буквами священного древнееврейского алфавита». Эти буквы — 22 символических элемента или «ключа», из которых слагается «великий универсальный механизм», «механизм божественного творчества». Но эти же самые 22 символа-ключа и составляют «археометрический» алфавит Сент-Ива, о котором будет рассказано в следующей главе.

Перейдем теперь к теории Барченко о циклическом развитии земной цивилизации. (Ее содержание подробно изложено в

«Памятке для членов ЕТБ», чудом сохранившейся в архиве семьи Барченко.)

Эта теория в значительной степени являегся его собственной разработкой, хотя ее исходные положения были опять-таки заимствованы у Сент-Ива, который в свою очередь ссылается на космогонические учения древних египтян и индийцев. Так, Барченко говорит о чередовании двух основных циклов — общеземного Большого века (то же, что золотой век), длящегося 144 000 лет, и века малого (железный век), продолжительностью в 36 000 лет. В границах большого века происходит 7 смен различных цивилизаций по определенной схеме: каждая цивилизация существует 20 000 лет — срок, который в свою очередь делится на 4 периода, или малых века — золотой (8000 лет), проходящий под знаком Солнца, серебряный (6000 лет), под знаком Луны, медный (4000 лет), под знаком Венеры, и железный (2000 лет), под знаком Марса. Последний 36-тысячелетний малый (железный) век истекает в 2000 г. (фактически уже закончился), и после него вновь должен наступить большой золотой век.

По представлениям Барченко, это было время, когда на всей земле господствовала Великая всемирная федерация народов, «построенная на основе чистого идейного коммунизма». Правда, он тут же делает оговорку: представлять себе все 144 тысячи лет в качестве сплошного золотого века с «молочными реками м кисельными берегами», разумеется, наивно. «Вернее представлять себе этот грандиозный период наиболее длинным космическим периодом, в границах которого цивилизации, овладевшие ключом универсального знания, превалировали над упадочными цивилизациями. Знание чисел мировой закономерности позволяет установить, что в границах этого огромного (в общем, золотого) периода, когда космические условия особо благоприятствовали развитию цивилизаций, сконструированных по Универсальной схеме, чередовались периоды расцвета и упадка, в такой приблизительно последовательности: 2000 лет полного упадка и ожесточения, соответствующих нашей эре с Р. Х., в конце их наступает бурный революционный период в мировом масштабе, затем 8000 лет

полного расцвета универсальной культуры, постепенно охватывающей весь мир».[245]

Этот большой (золотой) век Барченко связывает в основном с существованием легендарной Атлантиды — «архипелага между Африкой, Испанией и Америкой», населенного краснокожими, владевшими в той или иной степени универсальным знанием.

Атлантида погибла в результате всемирного потопа около 11 тысяч лет до н. э. Уцелевшие остатки красной расы обитают в наше время в Северной Америке (индейцы), Гренландии и Северо-Восточной Азии (эскимосы, чукчи). До краснокожих атлантов на земном шаре господствовала желтая раса, родиной которых был другой легендарный остров-материк — Лемурия, некогда существовавший в Тихом океане. Это было «в самой седой древности, какую теперь люди помнят», говорит Барченко. Чуть более подробно, но столь же схематично он рассказывает о последнем отрезке мировой истории — после гибели Атлантиды. На смену желтой и красной расам пришли чернокожие — следы их цивилизации можно обнаружить в пещерных городах Крыма и Кавказа. А затем наступила эпоха возвышения белокожих — отголоском их борьбы за мировое господство могут служить предания о «борьбе арийцев с черными в Индии» (древнеиндийский эпос «Рамаяна») и «борьбе кельтов с черными в Европе».

В семейном архиве А.Г. и О А Кондиайн сохранилась небольшая заметка, озаглавленная «Оккультная трактовка истории человечества» (вероятно, написана Тамиилом со слов Барченко), в которой рассказывается о послепотопном расселении белой расы:

«После потопа и разделения народов белокожий народ, родивший впоследствии легендарного великого вождя — Рама, двинулся с Крайнего Севера. Промежуточным этапом его движения еще в доисторическую эпоху служили границы Вавилонии. Затем белый народ — отец Рама — двинулся из границ Вавилонии на восток, перевалш через Гиндукуш и, очутившись в ближайшем соседстве с Тибетом и Китаем, вошел в соприкосновение с культурой уже уставшей — древнейшей расы

желтокожих. Затем двинулся на восток к Гималаям, к высочайшей горе Азии — Гауразанкару («Гора Шивы» — Кайлас. — КА). Двинувшись на юг со склонов Гималаев, наводнил долину Ганга. При позднейшем возвращении части белого народа на запад была принесена культура, прильнувшая к белому народу при соприкосновении с усталой цивилизацией краснокожих».

В этой трактовке Барченко, очевидно, придерживается нордической (гиперборейской) теории расселенности белокожих ариев в Европе и Азии (которой придерживались Фабр д'Оливе и Сент-Ив д'Альвейдр), ибо движение «белокожего народа» у него начинается откуда-то «с Крайнего Севера».

Итак, на сцену истории — «в рамках железного века» — наконец-то выходит белая раса. Она создала кельтскую («друидическую») культуру на Севере Европы и Рамидскую цивилизацию на евроазиатском материке. «Это та эпоха, — поясняет Барченко, — которая известна в легендах под именем похода Рамы», и тут же дает расшифровку: РА — это Солнце, Ма — это Луна. Следовательно, «РАМА — это культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической культурой» (что вполне соответствует концепции Сент-Ива). Правда, в отличие от Сент-Ива он называет государство рамидов не «империей», а «федерацией». Рамидская федерация, сообщает Барченко, объединяла всю Азию и часть Европы и существовала в полном расцвете 3600 лет (приблизительно с 6700-го до 3100 г. до н. а). Ее правители — «ограниченная коллегия теократического (жреческого) меньшинства» — владели «универсальным ключом», однако не имели возможности применить его «к постройке федерации народов в рамках этого железного века» — т. е. федерации в мировом масштабе, отчасти из-за того, что белая раса в то время еще не расселилась по всему миру. Рамидская федерация распалась в результате «революции Йршу» — любопытно, что это событие как Барченко, так и Сент-Ив относят ко времени великой битвы индийских племен на Курукшетре (3102 г. до н. а), описанной в эпосе «Махабхарата».

Что же ожидает человечество в будущем по этой модели истории Барченко? «Двухтысячелетний период для белой расы, — пишет он в своей «Памятке», — кончается в 2000 г. За ним в обстановке мировой, т. е. для всей земли, революции (т. к с окончанием 2000-летнего железного периода совпадает и конец 36 000-летнего железного периода) вдет ближайший 8000-летний золотой период, начинающий 144 000-летний общеземной солнечный период)…Очередной потоп уничтожит последние следы черной цивилизации в упадочной ее форме — т. е. больше всего пострадает, вероятно, Африка». Произойдет это, однако, еще довольно не скоро — через 12 веков (в 3200 г.). После потопа белая раса применит социальный идеал универсального знания для построения мировой федерации народов «на основе чистого, гармонизированного с природой, коммунизма, а не в форме, хотя бы и высоко рафинированной, теократии Рамидов, скрывавшей высоту знания все-таки в сословии, резко ограниченном и допускавшем представительство в форме царей и императоров».[246] (Очевидно, что в условиях социальной революции и народовластия в России синархическая модель общества Сент-Ива становится совершенно непригодной.)

Ко времени нового мирового потопа передовая белая раса — новый «лидер культуры» — должна окончательно расселиться по всему свету. Саму катастрофу Барченко описывает так после поднятия дна Атлантического океана погибнут вместе с Африкой «все низменности Европы, Америки и Азии… и степи Китая и Монголии. Горные же плато и кряжи Евразии, сплошь Заселенные белой расой (афганы, кафиры, горные таджики, Курдистан, Белуджистан, Персия, Азербайджан, Закавказье и Гималаи с Шамбалой и Саджа), должны уцелеть».[247] Проверить его предсказания, правда, можно будег не ранее чем через 12 столетий.

Наряду с общеземными циклами, согласно учению Барченко, существуют также космические или зодиакальные циклы, соответствующие древнеиндийским «югам». Правда, у него, как и у Сент-Ива, они в 12 раз короче «юг», хотя он и сохраняет традиционное соотношение между ними: 4:3:2:1 — 144 000 лет

(золотой век — Крита-юга), 108 000 лет (серебряный век — Трета-юга), 72 000 лет (медный век — Двапараюга), 36 000 лет (железный век — Кали-юга). (Для сравнения: по учению древних индийцев Крита-юга длится 4800 божественных лет, или 1 728 000 человеческих, Трета — 3600, Двапара — 2400, Кали — 1200. Начало последней юги индийская традиция относит обычно ко времени великой битвы на Курукшетре, происшедшей в 3102 г. до н. э.) В то же время космические циклы у Барченко не совпадают и с циклами Калачакры. Так, согласно Калачакра-тантре, все 4 «юги» имеют равную продолжительность — 5400 человеческих лет каждая, и Махаюга, таким образом, составляет 21 600 лет (у индийцев 4 320 000 лет).

Концепции цикличной смены земных цивилизаций и космических циклов Барченко кажутся не более чем абстрактными схемами. Но подобный универсальный схематизм пронизывает и революционную теорию большевиков. Так, бывший советский дипломат Г.З. Беседовский в книге «На путях к термидору» рассказывает, что Г.В. Чичерин, инструктируя его перед поездкой в Аргентину, напомнил ему о «всемирно-исторической схеме развития революции», в которой Южная Америка занимает одно из важнейших мест. «Это та арена, на которой в первую очередь произойдет столкновение североамериканского и английского империализма», — убежденно заявил нарком.[248]

5. УНИВЕРСАЛЬНАЯ СХЕМА

Почти полвека спустя, пройдя через лагеря и ссылку — горький опыт большой советской коммуны, Э.М. Кондиайн, вспоминая годы, проведенные в обществе Барченко, скажет: «Это было удивительное время ежедневных великих открытий!» Именно так воспринималась друзьями и сподвижниками А.В. Барченко его работа, которой он самозабвенно отдавался вместе с Тамиилом.

«Оба они работали над тем, чтобы проверить и подтвердить достижениями современной науки положения и универсальные законы Древней науки. Их исследования распространялись на

все области науки и искусств: астрономию, химию, физику, минералогию, геологию, медицину, биологию, ботанику, архитектуру, теорию музыки, морских и воздушных течений, историю. Всюду применялась Универсальная Схема».[249]

В записках Э.М. Кондиайн универсальная схема (далее УС) упоминается довольно часто. С ее помощью Барченко и Кондиайн, как уже говорилось ранее, определили на глобусе местоположение центров «доисторической культуры». Эту же схему они «наложили» на рисунок внутренних органов человека и выявили их связь с определенными минералами и металлами. При «наложении» УС на снимок фасада Реймского собора выяснилось, что схема была хорошо известна средневековым зодчим в Западной Европе; но ее также знали и строители русских православных соборов. Элементы все той же УС, как мы помним, Барченко и Шандаровский обнаружили и в геометрических орнаментах восточных ковров. Наконец, по УС были рассчитаны Барченко циклы смены земных цивилизаций и космические циклы.

Зная о влиянии Сент-Ива д’Альвейдра на Барченко, можно предположить, что эта загадочная универсальная схема являлась знаменитым д’альвейдровским «археометром» или же его модификацией, созданной Барченко и Кондиайном. Археометр, или «археометрическая планисфера», — это некое устройство, состоящее из подвижных концентрических окружностей, в которые вписаны различные «элементы соответствий» — буквы древних алфавитов, ноты, цвета, знаки планет и другие символы. (В записках Э.М. Кондиайн читаем: «Вычертили и вырезали из картона с Тамиилом вращающуюся Универсальную Схему».) Над созданием этого инструмента — ключа к универсальной «Древней науке» — Сент-Ив трудился около 15 лет, почти до конца 1890-х. Археометр появился на свет, как утверждает один из биографов Сент-Ива Жослин Годвин (Joscelyn Godwin), в результате шести откровений, полученных досточтимым мэтром оккультизма в разное время.[250] Так, индийский гуру Харджи Шариф, обучавший Сент-Ива санскриту, открыл ему алфавит священного языка «ваттан» (первоначальный язык атлантов и красной расы). Другим

источником тайных знаний для мистика послужила душа умершей в 1895 г. супруги, графини Мари-Виктуар Келлер. Смерть любимой жены настолько потрясла Сент-Ива, что, как рассказывают, он устроил в ее комнате маленькую часовню, где неистово молился и где ему являлась в видениях усопшая. В 1897 г. в день Пасхи Сент-Ив «получил» от своего «Ангела Света», как он называл Мари-Виктуар, некую «таблицу соответствий», названную им по начальной строке одного из библейских псалмов «Coeli enarrant» («Небеса проповедуют…»). Эта таблица и другие «откровенные знания» и легли в основу археометра. 26 сентября 1900 г. ученик Сент-Ива, уже упоминавшийся нами Жерар Энкосс (Папюс), произвел публичную демонстрацию археометра на международном конгрессе спиритов и спиритуалистов в Париже. Папюс же после смерти учителя в 1909 г. и взял на себя труд по изданию трактата об «Археометре» (1911/1912).[251]Напечатанная книга, однако, не являлась законченным произведением, а представляла собой компиляцию фрагментов, обнаруженных в архиве Сент-Ива. Состояла она из трех частей: обширного теоретического введения с подзаголовком «Истинная мудрость», подробного описания устройства археометра и раздела, посвященного его оперативному применению.

Говоря об истории создания этого «инструмента», нельзя не упомянуть его «предшественников», наиболее известными из которых являются «Ars combinatorial (Синтез искусств) Раймунда Луллия, астрологические сферы Гийома де Карпентра, «Прогнометр» Вронского и планиметрическая сфера Адольфа Бертэ. Эти более ранние универсальные схемы, возможно, и подвигли Сент-Ива на создание собственного «ключа» к эзотерической мудрости древних.

Рассмотрим теперь чуть подробнее устройство археометра.

В самом центре диаграммы-мандалы изображен круг, вписанный в 4 пересекающихся равносторонних малых треугольника; составляющих две звезды Давида — вертикальную и горизонтальную. Их 12 окрашенных в разные цвета вершин образуют следующий круг. Далее идут круги: планетарных

символов, зодиакальных знаков, музыкальных нот — по 12 в каждом, круг 12 вершин больших треугольников и, наконец, последний внешний круг, разбитый на 12 секторов по числу зодиакальных домов, обозначенных цветными щитами. В вершины больших треугольников и в щиты вписаны причудливые буквы ватганского алфавита (так называемые «морфологические» и «адамические» буквы), рядом с которыми проставлены их числовые значения и буквенные эквиваленты других древних языков (ассирийского, древнесирийского, халдейского, самаритянского, латинского). Все круги, кроме центрального, подвижные.

Чтобы пользоваться археометром, необходимо знать числовую символику, поскольку в эзотерической науке числа и связанные с ними геометрические фигуры исполнены глубочайшего смысла.

Число 3 (тернер) — число основных цветов (желтый, красный, голубой) — основа астрального и звездного творения.

Число 4 (кватернер) — число малых и больших треугольников, управляет восстановлением и возрождением.

Число 7 (4+3) (септенер) — число концентрических окружностей, атрибут Духа.

Число 9 (3 в кубе) (новенер) — число дополнительных цветов, управляет разложением.

Число 12 (4, помноженное на 3) (дуоденер) — число зодиакальных домов, символизирует вселенную и вечность.

В археометре также заложены два фундаментальных хронологических принципа: линейное время, лежащее в основе поступательного движения истории (изображается в виде прямой линии), и время циклическое — символ «вечного возвращения» (традиционно ассоциируется с окружностью). Кроме этого, каждый зодиакальный дом соотносится с определенным «домом времени года» (по два месяца в каждом). Это дает возможность для разного рода хронологических исчислений включая прогнозирование будущих событий.

Каково истинное назначение археометра Сент-Ива? Не является ли он всего лишь изощренной «игрой ума» — разновидностью столь блестяще описанной Германом Гессе интеллектуальной «Игры в бисер»? Или, быть может, это «инициатический ключ, способный открыть врата великих мистерий», как предполагает Ив-Фред Буассе, один из современных биографов и толкователей удивительного творения Сент-Ива д’Альвейдра?[252]В этом последнем смысле, по мнению Буассе, «археометрическая планисфера» может трактоваться как символическое изображение:

а) двух миров — арка (область Солнца и света, а также божественного логоса) и метра (круги 5–1: области измфения пространства, времени, ощущений и т. д.);

б) трех миров — человеческого, ангельского и божественного, по учению розенкрейцеров;

в) четырех миров — эманации, творения, формирования и деяния, по учению каббалы;

г) принципов падения и возрождения человека, по учению мартинезистов;

а также как «универсальная схема» (схема строения живой клетки или Солнечной системы).[253]

Буассе, излагая основы «археометрической науки», указывает на три главные области практического применения археометра — это музыка, архитектура и астрология. При этом он отмечает, что Сент-Иву удалось дважды запатентовать свое «изобретение» — в 1903 г. в Париже и в 1904 г. в Лондоне — под видом музыкально-архитектурного «эталона».[254] Но мы знаем также, что Сент-Ив использовал этот универсальный «механизм» для дешифровки (восстановления истинного смысла) ряда текстов Священного Писания.

Как и когда археометр попал в руки Барченко, неизвестно. Естественнее всего предположить, что он получил его от кого-то из учеников Сент-Ива — французских или русских. В семье

Кондиайн сохранилось предание о том, что Александр Васильевич был посвящен в тайны Древней науки одним из ее адептов то ли в России, то ли за границей еще в пору своей молодости. Этот человек незадолго до смерти якобы и передал ему У.С. Вполне возможно, что посвятителем Барченко был юрьевский правовед А.С. Кривцов, умерший в Петербурге в конце 1910 г., во всяком случае лучшего кандидата на эту роль, чем он, нам не найти.

В уже обсуждавшейся нами статье Барченко «Душа Природы», опубликованной в 1914 г., при внимательном чтении можно обнаружить отголоски некой универсальной эзотерической системы. Так, например, связь «музыкальных звуков с N-лучами» Барченко объясняет «законом созвучий»: «В природе существует «закон созвучий». Благодаря ему резонатор Герца отзывается на искру вибратора; благодаря ему одним камертоном можно заставить на расстоянии звучать другой такого же тона; благодаря ему стоящие часы можно пустить в ход тиканьем идущих, а тяжелый маятник раскачать дыханием… Закон созвучий зиждется на том, что тело способно улавливать и воспроизводить колебания, на которые могут отозваться колебаниями же его частицы»-.[255]

«Закон созвучий», о котором пишет Барченко, аналогичен «закону семи» или «закону октав» в эзотерической системе Гурджиева. По мнению знаменитого мистика, все кажущееся многообразие явлений природы создается различным сочетанием очень немногих «элементарных сил». Чтобы понять механику вселенной, следует разложить сложные явления, свести их к уровню элементарных. Так, наиболее фундаментальными законами, управляющими всеми процессами во вселенной, по этой теории являются законы «трех и семи сил», иначе «закон триады» и «закон октав». (Более подробно познакомиться с ними читатель может по книге П.Д. Успенского «В поисках чудесного».) Что касается «закона октав», то он проявляется во вех видах колебаний (вибраций) — световых, тепловых, химических, магнитных, звуковых. «Чтобы понять смысл этого закона, — говорил Гурджиев, — необходимо рассматривать вселенную как состоящую из вибраций. Эти

вибрации происходят во всех видах, аспектах и плотностях материи, составляющих вселенную, от самых тонких до самых грубых ее проявлений; они исходят из разных источников и продолжаются в разных направлениях, пересекаясь друг с другом, сливаясь, усиливаясь, ослабевая, препятствуя друг другу и т. д.»[256]

Законы «трех и семи», по утверждению Гурджиева, лежат в основе некой универсальной схемы, или эннеаграммы — синтеза всех знаний. Изображается эннеаграмма в виде круга, разделенного прямыми линиями на 9 равных частей («эннеа» означает по-гречески «девять»).[257] Этот символ позволяет «прочитать вечные законы вселенной» и потому является наиболее тайным, сокровенным. Хорошо известно, что эзотерическая наука широко пользуется числовым символизмом. (Связь чисел с другими знаковыми системами — геометрическими фигурами, буквами, знаками планет и т. д. — составляет предмет изучения символогии.) Следуя за Платоном и Пифагором, она рассматривает числа в качестве созерцаемых идей («эйдосов») и сил, выступающих посредниками между видимыми и невидимыми планами вселенной. Уже упоминавшийся нами Папюс считал Число «духовной сущностью» и утверждал, что его изучение является одной из важнейших задач для оккультиста. А Отто Шпенглер в своей знаменитой книге «Закат Европы» метко заметил: «Именами и числами человеческое понимание приобретает власть над миром».[258]

В своих записках Э.М. Кондиайн пыталась припомнить некогда услышанный от Барченко рассказ о происхождении числа и универсальной схемы (каббалистская теория числовой эманации):

«Была точка [.] — единица, но в ней уже заключалась полярность, т. е. двойка [..] или линия [-]. А раз существовали 2 точки, то и существовало отношение между ними, в буквальном смысле отношение. […] — три (точки) — треугольник Следующее число шесть, но как это объяснить, не помню». (Э.М. рисует в тетради шестиконечную звезду в виде двух пересекающихся

треугольников. В символике каббалы эта фигура называется по-разному — мистической гексаграммой, знаком макрокосма, Соломоновой печатью или звездой Давида.) «Затем 4, а уже затем 5 (как, не помню). Тут появляется жизнь и человек». (Э.М. Кондиайн в этом месте изобразила пятиконечную звезду — пентаграмму, в которую вписала человеческую фигурку. Эта картинка напоминает знаменитый рисунок человека в круге и квадрате Леонардо да Винчи; «квадратура круга» воплощает принцип гармонии и красоты в природе.)

По современным представлениям, вся живая природа, в том числе и человек, в отличие от природы неживой, имеет 5 осей симметрии, т. е. является «пентасистемой». Вот как пишет об этом А. Мартынов в своей интереснейшей книге «Исповедимый путь»: «Наиболее популярная и гармоничная фигура — пятиконечная звезда. В этой фигуре соотношение всех отрезков есть «золотое» соотношение. Человек — типичная пентасистема. Даже вирус, снятый недавно электронным микроскопом, имеет форму пятигранника. Я уже не говорю о морских звездах, цветах».[259]

Активно работать с У.С. Барченко начал лишь после того, как познакомился с Кондиайном, прекрасным математиком, который мог производить различного рода расчеты, необходимые для такой работы. Но каким образом он, вернее, они вдвоем с Тамиилом «подтверждали достижениями современной науки положения науки древней», остается загадкой. В записках Э.М. Кондиайн мы читаем: «Тамиил вычерчивал УС, размещая на ней планеты по их расстоянию от солнца, атомные веса элементов, звуковые колебания, световые колебания».

Складывается впечатление, что ученые разработали какую-то свою универсальную схему на основе данных современной науки, по аналогии с археометром Сент-Ива. С помощью этой схемы Барченко и Тамиил пытались связать воедино все ритмические (колебательные) процессы в природе, все виды лучистой энергии. Схема раскрыла им смысл триады корреляционных связей: конфигурация планет Солнечной системы — Солнце — влияние Солнца на биосферу Земли — и

вела к пониманию единого энергетического плана мироздания, чему, по сути, и была посвящена статья «Душа Природы». По словам Э.М. Кондиайн, Барченко давал ее мужу задания — «найти различные числовые данные: число световых и звуковых колебаний, атомные веса химических элементов, периоды солнечной активности. Сопоставлял все эти данные с планетными категориями. Картина получалась стройная».[260] В другом месге своих записок Э.М. Кондиайн пишет, что Тамиил собирал статистический материал о всевозможных явлениях природы — засухах, наводнениях, времени перелета птиц, эпидемиях, войнах, бунтах, революциях, совпадающих с солнечной активностью, на основе которого «вычерчивал диаграммы». Все это недвусмысленно говорит о том, что Барченко и Кондиайн занимались по существу той же научной проблемой, что и А.Л. Чижевский, знаменитый основоположник гелиобиологии. Но в таком случае естественно напрашивается вопрос о возможных контактах между ними. Тем более что исследования Барченко и Чижевского в 1924 г. велись под эгидой одного и того же учреждения (Главнаука Наркомпроса), где они возглавляли соответственно биофизическую и зоопсихологическую лаборатории. В своих воспоминаниях А.Л. Чижевский рассказывает, что заседания ученого совета его лаборатории посещали А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, Ф.Н. Петров, М.П. Кристи, В.М. Бехтерев, Л.Л. Васильев, В.П. Подерни, т. е. лица, в большинстве своем знавшие Барченко и прекрасно осведомленные о его собственных исследованиях. Более всего покровительствовал Чижевскому шеф Главнауки Ф.Н. Петров. В лаборатории Чижевского, между прочим, проводились и опыты по передаче мыслей животным, под руководством инженера Б.Б. Кажинского и В.Л. Дурова.[261] Было бы удивительным, если бы Барченко и Чижевский ничего не знали о работе друг друга.

Поиски Чижевского в области солнечно-земных связей были во многом сродни поискам Барченко. В своих исследованиях он также обращался к научным достижениям древних, находил в них прямые параллели с теориями ученых нового времени. «В самом деле, не преждевременно ли мы похоронили астрологию в ее принципиальной догматической части? И разве результаты

математического анализа, приложенного к электромагнитному полю, не возвращают нас на тысячелетия обратно, к истокам древней халдейской мудрости?» — спрашивает он в одной из своих работ. Или задает такой вопрос: «Разве Ньютон не претворил догмат всемирной духовной симпатии древних в догмат всемирной механической зависимости? Догмат всемирной симпатии и закон всемирного тяготения — разве это не одно и то же детище древней и новой мысли, разве не один и тот же у них корень и одна почва?»[262]

Пользуясь УС, Барченко и Кондиайн пытались также открывать еще неизвестные науке законы природы. Вот один из примеров: Тамиил расчертил поверхность земного шара по универсальной схеме и получил сетку из правильных пятиугольников — пентасистему. «По граням легли горные хребты; окружностям подчинились морские и воздушные течения. Некоторые точки указали на центры древней культуры». Так об этом рассказывает Э.М. Кондиайн. Но для науки того времени это было действительно открытием. Смысл его помогает нам уяснить А. Мартынов:

«Удивительным фактом является то, что наша планета — также пентасистема. По последним представлениям, Земля — это кристалл, имеющий форму додекаэдра, вложенного в косаэдр. Наиболее близкой моделью земли является футбольный мяч, покрышка которого состоит из пятиугольников. Впервые эта гипотеза была высказана одним советским геологом в конце 20-х годов. По осям этого гипотетического кристалла должны концентрироваться полезные ископаемые, наблюдаться геофизические аномалии: может быть, здесь прячется разгадка тайн Бермудского треугольника, расположение древних цивилизаций и т. п. И, наконец, если Земля — пентасистема, она должна быть «живой» в своем масштабе времени».[263]

С помощью У.С. Барченко пробовал даже прогнозировать будущие события, прежде всего различные природные катаклизмы (в силу их цикличного характера). Так, в мае 1927 г. в Бахчисарае он предсказал крымское землетрясение, происшедшее несколько месяцев спустя. Тогда же он сделал еще

более поразительное предсказание, назвав дату начала «страшной войны» — великого столкновения цивилизаций Запада и Востока- 1936 год. (В этом году, как известно, началась итало-германская интервенция в Испании, послужившая прологом Второй мировой войны.)

И, наконец, следуя примеру Сент-Ива д’Альвейдра (который в свою очередь подражал каббалистам), Барченко и Кондиайн пытались заниматься «расшифровкой» Библии (Моисеевой «Книги Бытия»), чтобы восстановить лежащий в ее основе первоначальный египетский текст. Делали они это путем перевода главным образом географических названий и собственных имен с помощью «Толковой Библии»[264] и позаимствованного на время у «чекушников» (как об этом сообщает Э.М. Кондиайн) словаря древнееврейского языка. Так, из «Толковой Библии» они узнали, что еврейское имя Моисей переводится как «Спасенный от воды» («мо» по-египетски значит «вода», а «исис» — «спасать»), Ниже мы приведем два примера подобных расшифровок (обнаружены в архиве семьи Кондиайн):

Легенда о Моисее:

Библейская версия (Исход, 2: 11 и далее): Моисей рожден Иохаведой из племени Левия, происшедшего от союза Иакова с Лией. Сначала Моисея питала Иохаведа, затем его приняла к себе на воспитание дочь фараона Тотмеса.

Расшифровка Барченко и Кондиайна: «Спасенный от воды» рожден Иохаведой из темени прильнувшего, происшедшего от союза «начавшего новый век после краснокожих» с усталой расой. «Спасенного от воды» сначала питала Йохаведа, затем его приняла на воспитание дочь Большого Дома египетской науки и философии.

Путешествие деда Йохаведы Иакова:

Библейская версия (Быт., 28: 5,10,19; 29:1): на пути в Месопотамию к арамеянину Иаков пошел в Харран и пришел на

место, которое было не что иное, как Дом Божий, Врата Небес. Оттуда пошел в землю сынов Востока.

Расшифровка Барченко и Кондиайна: на пути в страну среди рек к обитавшему в высокой земле «начавший новый век после краснокожих» (т. е. Иаков) пошел в дорогу, по которой шел отец Рама, и пришел на место, которое было не что иное, как Вавилон, откуда пошел в землю сынов Востока.

Глава пятая
Под эгидой спецотдела

1. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Начиная с 1920 г. в течение нескольких лет Барченко, как мы помним, упорно добивался от властей разрешения на организацию научной экспедиции на Восток — в Тибет. Но планам этим не суждено было осуществиться. После того как Москва возобновила отношения с далай-ламой весной 1922 г., Тибет становится сферой особых интересов советского правительства и потому совершенно недоступен для ученых, даже самых именитых. Достаточно вспомнить о судьбе тибетской экспедиции П.К. Козлова, снаряженной при поддержке Совнаркома весной 1923 г. и блокированной летом того же года Политбюро во главе со Сталиным, по причине открывшейся «политической неблагонадежности» ее руководителя — бывшего «царского генерала».[265] Барченко, однако, не терял надежды. В конце 1924 г., после очередного отказа НКИДа, он решил обратиться за помощью к своим «покровителям» из Ч.К. Во время одного из визитов симпатичных «чекушников» (Владимирова, Рикса, Отто и Шварца) он рассказал им о созревшем плане — довести до сведения советских вождей о сделанном открытии (синтетический метод Древней науки), что могло бы ускорить решение вопроса об экспедиции, и с этой целью просил свести его с кем-либо «из близко стоящих людей к руководству партии и советского правительства». «Покровители» откликнулись на его просьбу с готовностью и тут же стали припоминать, какие у кого имеются связи наверху. Так, К.Ф. Шварц назвал Барченко фамилии трех лично известных ему

лиц: ленинградцев Н.П. Комарова (секретарь президиума Ленгубисполкома) и Я.Г. Озоли-на (заместитель председателя Губсуда), а также москвича, бывшего руководителя ПЧК, ныне возглавляющего Спецотдел при ОГПУ, Г.И. Бокия. Взвесив все «за» и «против», остановились на кандидатуре последнего, который, таким образом, и должен был стать проводником Барченко в высшие партийно-правительственные сферы.

Дальнейшие события развивались приблизительно так: Барченко написал письмо главе ОГПУ и председателю ВСНХ Ф.Э. Дзержинскому — рассказал о себе и своей работе. Это письмо Владимиров отвез в Москву на Лубянку. В то же время он связался с Бокием, которого знал по прежней работе в ПЧК В результате через несколько дней в Ленинград приехал заведующий секретно-политическим отделом ОГПУ — возможно, по личному указанию Дзержинского — Я.С. Агранов, который встретился с Барченко на одной их чекистских конспиративных квартир. «В беседе с Аграновым я подробно изложил ему теорию о существовании замкнутого научного коллектива в Центральной Азии и проект установления контактов с обладателями его тайн. Агранов отнесся к моим сообщениям положительно», — так впоследствии рассказал об этой встрече следователям сам А.В. Барченко-.[266] Вскоре после этого вернувшийся в Питер Владимиров сообщил Барченко, что переговоры с Бокием прошли успешно и что надлежит выехать в Москву для доклада проекта руководству ОГПУ. Владимиров и Барченко отправились вместе в столицу, где встретились с Аграновым и Бокием. После конфиденциальной беседы с последним А.В. Барченко получил приглашение на коллегию ОГПУ, которой и доложил о своем проекте.

«Заседание коллегии состоялось поздно ночью. Все были сильно утомлены, слушали меня невнимательно. Торопились поскорее кончить с вопросами. В результате при поддержке Бокия и Агранова нам удалось добиться, в общем-то, благоприятного решения о том, чтобы поручить Бокию ознакомиться детально с содержанием моего проекта и, если из него действительно можно извлечь какую-либо пользу, сделать это».[267]

Такова версия событий в изложении Барченко. В ней, однако, отсутствует один важный персонаж — К.Ф. Шварц. Согласно же показаниям Бокия, с визитом к нему в спецотдел в конце 1924 г. явились трое — Владимиров, Шварц (!) и сам ученый. «Они рекомендовали мне его (т. е. Барченко) как талантливого исследователя, сделавшего имеющее чрезвычайно важное политическое значение открытие, и просили меня свесги его с руководством ОГПУ с тем, чтобы реализовать его идею».[268] Со своей стороны Шварц о поездке в Москву к Бокию рассказывал иначе. По его версии, на той памятной встрече в квартире Кондиайнов А.В. Барченко попросил его отвезти начальнику спецотдела написанный им доклад об учении Дуйнхор.

«Я дал свое согласие, и вскоре Барченко мне передал для доставки Бокию пакет, что я и сделал. В Москву я ездил один.

Владимиров в Москву уехал на день раньше. Я с ним встретился на другой день, а потом вместе зашли к Бокию, и Владимиров дополнил мою информацию о Барченко».[269]

Таким образом, версия Шварца не согласуется с рассказом Бокия. Складывается впечатление, что ленинградские чекисты посещали Бокия дважды — первый раз без Барченко. Основной визит к начальнику спецотдела втроем — Шварц, Владимиров и Барченко — вероятно, состоялся несколько позднее, после того как Бокий, ознакомившись с докладом Барченко, заинтересовался изложенными идеями и пожелал переговорить с автором. Обе рукописи Барченко — доклад и проект экспедиции в Шамбалу — отыскать в архивах, к сожалению, не удалось.

Несмотря на положительное решение коллегии ОГПУ, организация столь необычной экспедиции встретила немалые трудности. Об этом говорят обнаруженные в архиве К.К. Владимирова две коротенькие записки от ученика Барченко, студента ЛИЖВЯ Владимира Королева, который, как выясняется, также был напрямую связан с Бокием. В одной из них, датированной 26 марта, Королев сообщает Владимирову (оба в то время находились в Москве): «Был сегодня у Г.И., и разговор с ним оставил у меня плохое впечатление».[270]

Но к середине апреля Бокию, как кажется, удалось решить главную проблему, связанную с финансированием экспедиции. Средства, выделенные ОГПУ, составили весьма внушительную сумму — 100 тысяч рублей (правда, неясно, каких рублей — золотых, серебряных или бумажных). Поверить в это трудно, если только не предположить, что ОГПУ связывало с этой новой экспедицией в Центральную Азию — а речь шла, как мы увидим в дальнейшем, о посещении Тибета и Афганистана — какие-то свои цели. Бокию, несомненно, удалось заинтересовать планами Барченко руководителей ОГПУ — возможно, даже самого Феликса Эдмундовича.

В результате А.В. Барченко расстается с Главнаукой (произошло это, по его собственным словам, вскоре после столкновения с Ольденбургом) и поступает весной 1925 г., очевидно, по протекции Бокия, в научно-технический отдел ВСНХ — организации, которую, как известно, возглавлял по совместительству Дзержинский. Уволился со службы в советско-германском транспортном товариществе «Дерутра» и Владимиров, также собиравшийся принять участие в путешествии. «Я знаю, что перед отъездом своим Вы так или иначе будете у меня, — писала К.К. Владимирову из Сестрорецка в конце апреля его новая пассия В.В. Зощенко. Вы не сможете, не должны уехать куда-то бесконечно далеко, не увидев меня, не простившись со мной».[271] И еще через несколько дней: «Мне очень грустно, что Вы уезжаете. Я знаю, что вы должны уехать, что Вам нужно ехать, и все-таки… Ведь дела и здесь много, нужного, полезного, большого дела. Но ведь Вы — мечтатель, и Вам нужно чего-то другого, большого… Если же почему-либо отложится Ваша поездка на Восток, я буду рада, если Вы, раз-другой в месяц, можете навестить меня здесь».[272]

Кроме Владимирова отправиться в Шамбалу изъявили желание и члены коммуны-братства Барченко — обе его жены Наталья и Ольга, Юлия Струтинская, Лидия Шишелова-Маркова и Тамиил (А.А. Кондиайн). Летом 1925 г. все они начали готовиться к предстоящей экспедиции. В записках Э.М. Кондиайн читаем:

«Мы стали в манеже на Конногвардейском бульваре учиться верховой езде. С неделю ходили раскорякой. Шились перекидные сумы для вьюков. Вышивалось белое знамя с Универсальной Схемой. Учили монгольский. Читали будцийский катехизис».

Книга, о которой идет речь, — это переведенный А.М. Позднеевым с монгольского трактат «Тонилхуйн чимэк» (украшение спасения), содержащий космологические и религиознофилософские воззрения буддистов.[273] Э.М. Кондиайн в одной из-тетрадей записывает определения двух ключевых буддийских понятий, почерпнутые из этого сочинения: «Что такое сансара? Сансара — это рождение в муках и постоянное заблуждение. Что такое нирвана? Нирвана — избавление от всякого страдания и познание (приобретение) истины». Из Ленинграда тем же летом все вместе — Барченко со своей женской «свитой» и Кондиайны — переехали на дачу в подмосковный городок Верею, где продолжили подготовку. В основном занимались верховой ездой и учили восточные языки — монгольский, урду и, по-видимому, тибетский. (Монгольский — по русско-монгольскому разговорнику, составленному Б.Я. Владимирцовым, а тибетский скорее всего по учебнику Г.Ц. Цыбикова.)[274]

Сведения о готовящейся экспедиции быстро распространились среди многочисленных питерских знакомых Владимирова. Один из них, скульптор В.Н. Беляев (также большой почитатель Сент-Ива д’Альвейдра), даже обратился к нему с просьбой:

«Константин Константинович! Зашел к Вам с тем, чтобы узнать, не можете ли Вы меня устроить в дальнюю поездку. Дела сложились скверно. Бюсты не идут. Весь рынок обслужен. Голодаю. Прошу Вас, если есть возможность, то и еще двух человек — женщин. Мой адрес: Новоисакиевская, 22, кв. 7».[275]

Содействовать планам Барченко вызвались и двое его новых московских знакомых — некто доктор М.Г. Вечеслов и В.И. Забрежнев, о которых стоит рассказать подробнее. Оба они в прошлом принадлежали к ложе «Великий Восток Франции»; Вечеслов к тому же был близок с Астромовым-Кириченко и

вообще с масонско-оккультными кругами в обеих столицах. Но главное — Вечеслов хорошо знал Афганистан, где побывал в начале 1920-х с советской дипмиссией, и, по-видимому; именно это обстоятельство привлекло к нему Барченко. В середине 1924 г. Вечеслов вновь стал собираться в эту страну. Накануне отъезда он обратился с довольно неожиданным предложением в Академию истории материальной культуры: «Ввиду возможности приобретения очень дешево ряда ценных монет и различных предметов древности во время передвижения научной экспедиции в Афганистане по различным городам, — писал он в секцию нумизматики и глиптики Академии, — я прошу, если будет признано мое предложение желательным, открыть мне через наше представительство в Кабуле кредит в размере хотя бы до 500 рублей. Если решение будет положительным, то прошу уведомить меня об этом телеграфно в Герат и переслать то постановление в Кабул».[276] Удивительно, но любезное предложение «д-ра Вечеслова» — не востоковеда и вообще не специалиста «по древностям» (до революции он был практикующим врачом в С.-Петербургском уезде) — не вызвало ни малейших сомнений у руководства РАИМК. Уже через два дня (14 июля) заведующий секции нумизматики заявил на очередном заседании правления Академии «о желательности поручить д-ру Вечеслову приобретение в Афганистане предметов древности», после чего правлением было принято соответствующее постановление. А затем, 24 июля 1924 г., председатель РАИМК академии Н.Я. Марр направил письмо в советское полпредство в Кабуле (которое в то время возглавлял старый большевик Л.Н. Старк) с просьбой выделить Вечеслову необходимые средства на закупку древних памятников. При этом он отмечал, что «могущие быть приобретенными памятники после их исследования в Академии поступят в центральные государственные музеи».[277] Что стояло за предложением Вечеслова — необходимость получить официальное прикрытие какой-то нелегальной деятельности (скорее всего по линии ОГПУ) в Афганистане или же, зная о контактах Барченко с РАИМК весной 1924 г., Вечеслов хотел помочь ему в поисках следов «доисторической культуры»? Впрочем, возможно и то и другое. В начале 1925 г. (уже после отъезда Вечеслова в Кабул) к Барченко заявился некий бойкий молодой человек,

«интересующийся доисторической культурой», который, как выяснилось, был близко знаком с Вечесловым. Доктор Вечеслов, сообщил он А.В. Барченко, — человек «чрезвычайно популярный, влиятельный в сферах»; ныне он находится в Кабуле, где занимает «чрезвычайно ответственный пост» и как знаток «доисторической науки» может многое сделать «для проведения в жизнь желаний А.В. Барченко» (см. Приложения: Сводка 1).

Что касается В.И. Забрежнева, то он скорее всего сблизился с Барченко на почве общего интереса к парапсихологии. В прошлом сотрудник НКИДа и ОГПУ, а ныне аспирант Института экспериментальной психологии в Москве, Забрежнев имел обширные связи в различных наркоматах и ведомствах, которые он попытался задействовать для продвижения планов Барченко.

Так, Забрежневу удалось организовать встречу ученого с Г.В. Чичериным, что было вызвано необходимостью получения Барченко как руководителем научной экспедиции санкции НКИДа для поездки за рубеж.

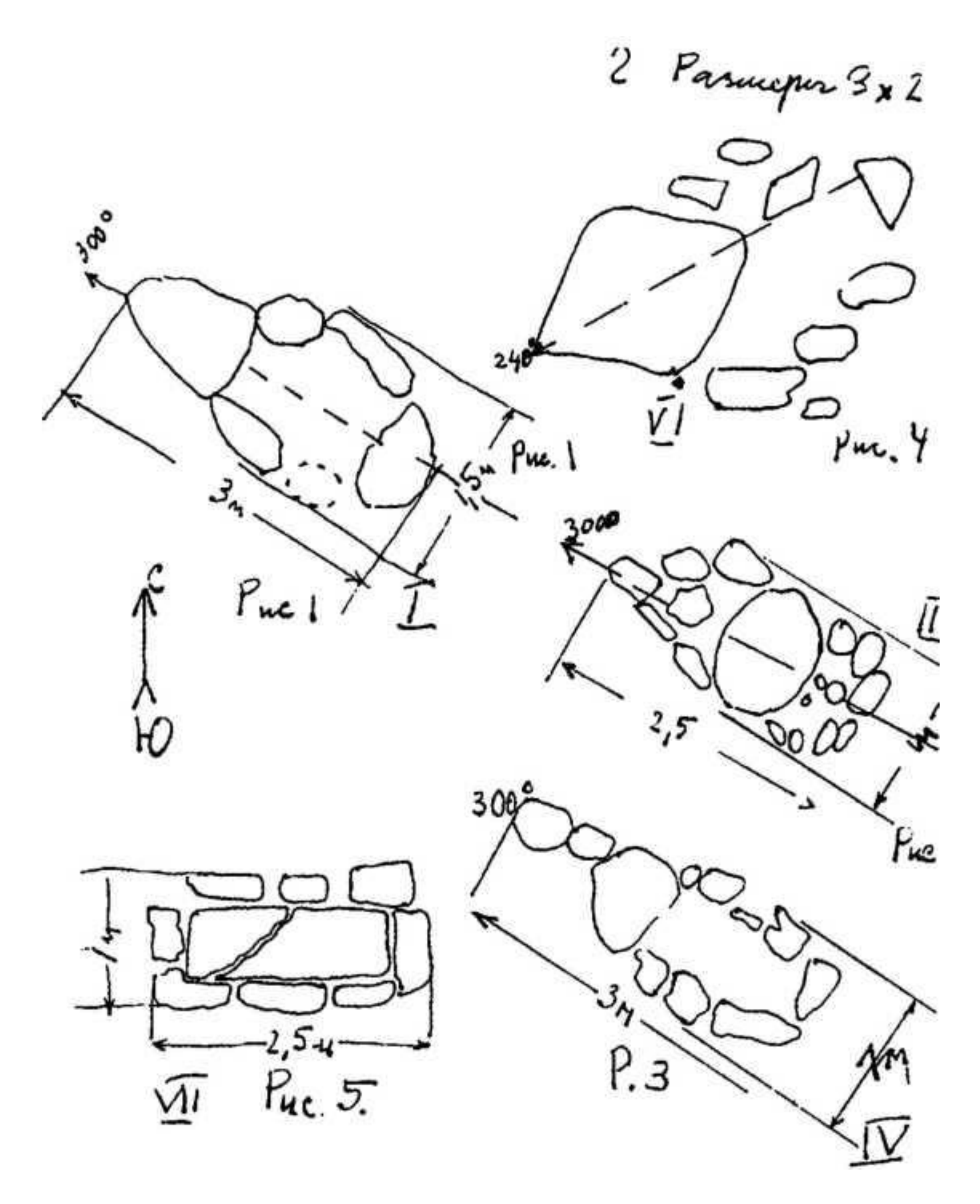
Жизненный путь В.И. Забрежнева до встречи с Барченко был весьма бурным, полным риска и авантюры. Видный деятель анархизма и участник 1-й русской революции, он бежал в 1906 г. из Бутырской тюремной больницы, переодевшись в форму следователя, и скрылся за границей. Проживал — до весны 1917 г. — преимущественно в Париже, где работал фотографом, секретарем в редакции финансовой газеты, чернорабочим на заводе и шофером такси. Вернувшись в Россию, вошел в доверие и стал личным секретарем министра продовольствия Временного правительства А.В. Пешехонова, редактировал анархистскую газету «Голос труда» (1918), но затем перешел на сторону большевиков. В 1919 г., являясь сотрудником иностранного отдела РОСТА, был отправлен руководством ВКП(б) (лично В.И. Лениным) с рядом спецзаданий в Германию и Францию. Дважды арестовывался полицией этих стран за коммунистическую пропаганду. По возвращении в Москву заведовал отделом печати НКИДа (1921–1922), руководил научно-техническим отделом ОГПУ (1922–1923);

затем в течение двух лет учился на медицинском факультете 1-го Московского университета и в аспирантуре Института экспериментальной психологии. В 1926–1927 гг. находился в составе советской торгово-дипломатической миссии в Западном Китае (Урумчи), после чего отправился в Копенгаген, где проработал год экономистом в советском полпредстве в Дании. В начале 1930-х В.И. Забрежнев занимал ряд ответственных постов в Ленинграде — и. о. директора Эрмитажа, заместителя директора Института мозга и Института им. Лесгафта. Последний отрезок жизни — с 1932 г. вплоть до ареста в августе 1938 г. — работал цензором иностранного сектора Леноблглавлита.

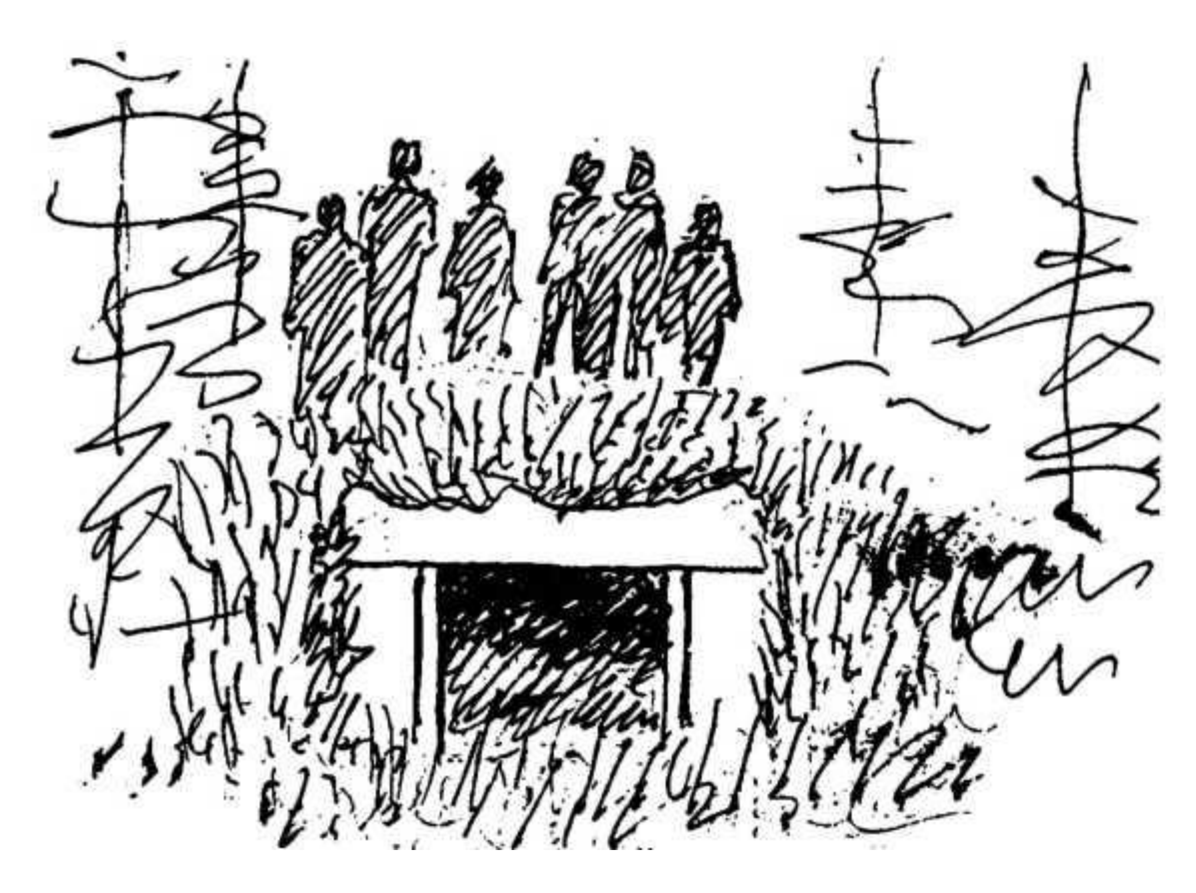
В.И. Забрежнев также оставил о себе память как изобретатель и ученый. Его изобретения были отчасти запатентованы, отчасти депонированы в 1914–1917 гг. в Парижском коммерческом трибунале (автоматический счетчик строк для пишущих машинок, газовый спасательный пояс, экстрактор для перьев и др.). В 1920-е гг. активно занимался исследованиями в области гипнологии, ставил собственные эксперименты. Автор статей: «Теория и практика психического воздействия» (1922), «Спорные вопросы гипнологии» (1925), «Задачи современной гипнологии» (1926). Экспериментальный материал Забрежнева был частично использован известным советским психологом, одним из основателей нейропсихологии А.Р. Лурия в книге «Природа человеческих конфликтов»[278] (В СССР эта книга никогда не публиковалась; впервые издана на английском в США в 1932 г.; переиздавалась там же дважды — в 1960-м и 1976 г.)

Одна из находок — камень-жертвенник. Архив семьи Кондиайнов.

Карандашные рисунки Э.М. Месмахер-Кондиайн: каменные глыбы менгиры (сейды).

Вход в подземелье

Изображение Куйвы («Старика») на скале над Сейд-озером. Совр. фото.

Елка в квартире Кондиайнов на ул. Красных Зорь (1923). Архив семьи Кондиайнов.

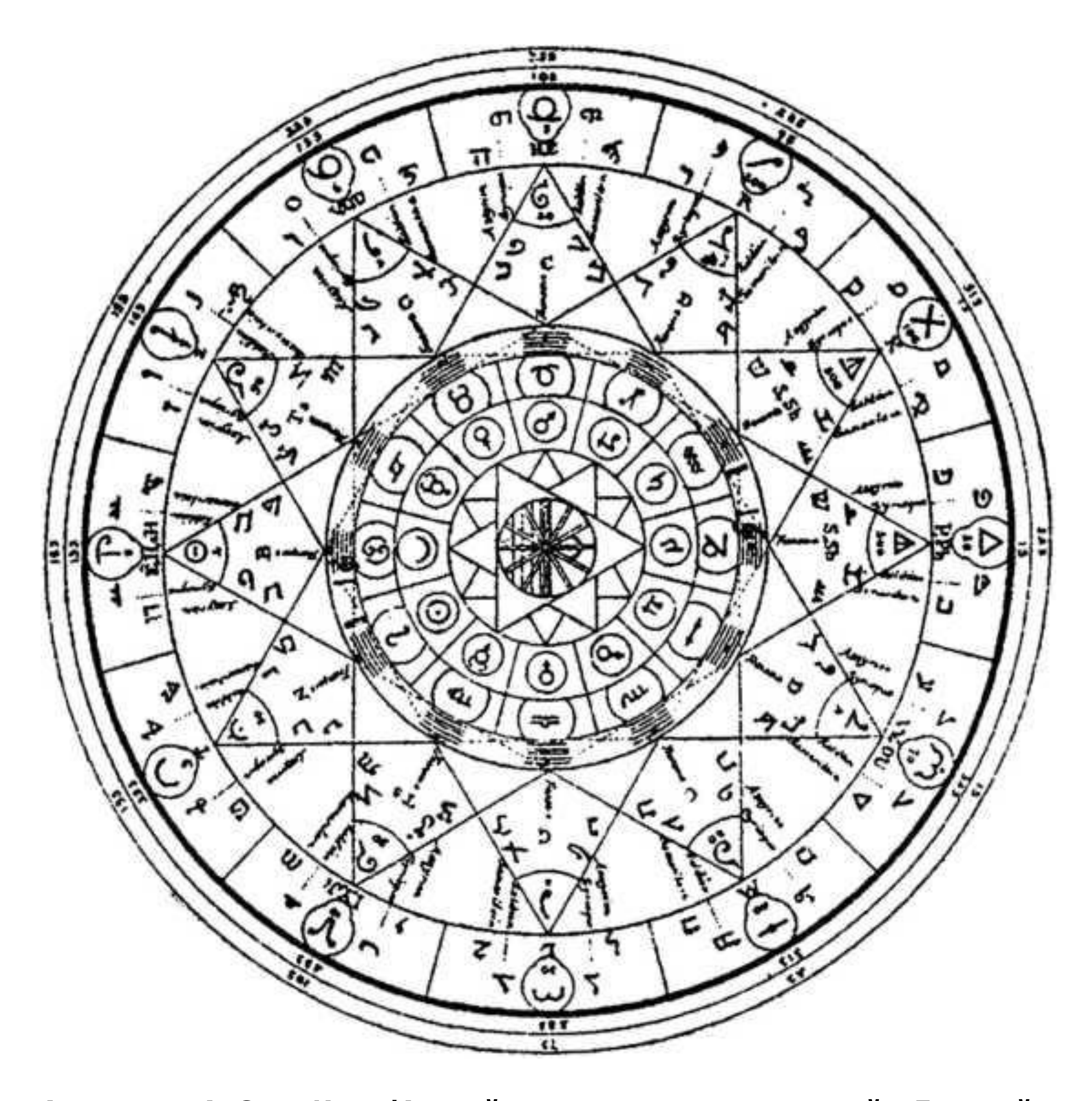
Буддийский храм в Старой Деревне (1925). ЦГА КФФД, С.-Петербург.

А.В. Барченко с учениками в Крыму (весна 1927).

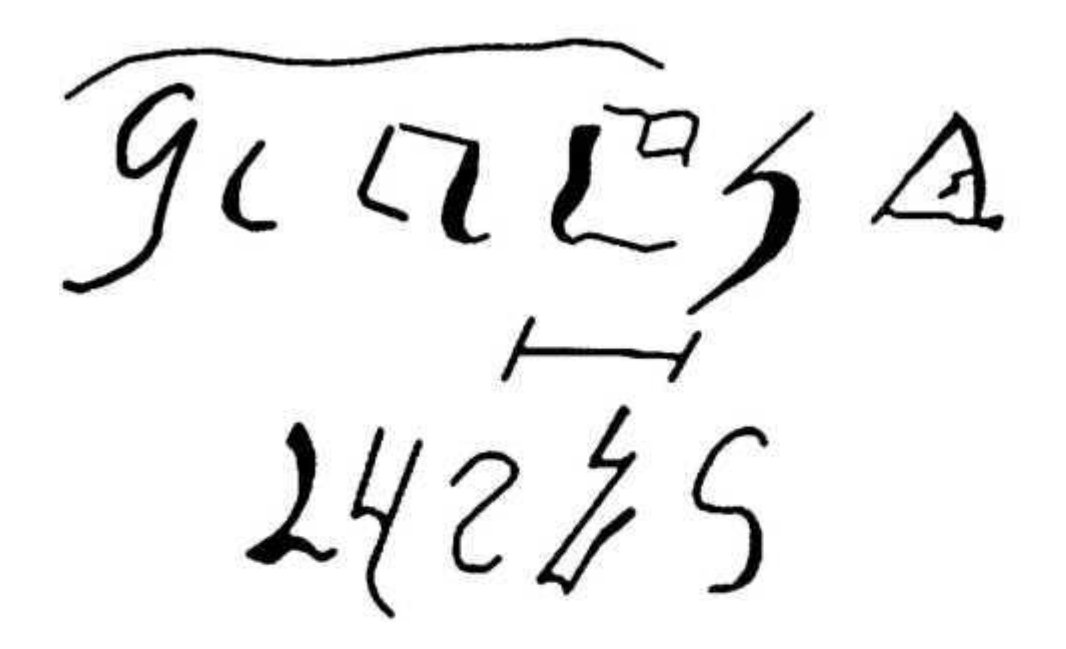
Стоят *(справа налево):* А.В. Барченко, О.П. Барченко, Н. Барченко, А.Д. Солдатов, жена Солдатова, А.А. Кондиайн; сидят *(слева направо,* неизвестное лицо, Э.М. Кондиайн, Л. Шишелова-Маркова, дочь Солдатовых, Олег Кондиайн.

Архив семьи Кондиайнов.

Археометр А. Сент-Ива д'Альвейдра ключ к универсальной «Древней науке».

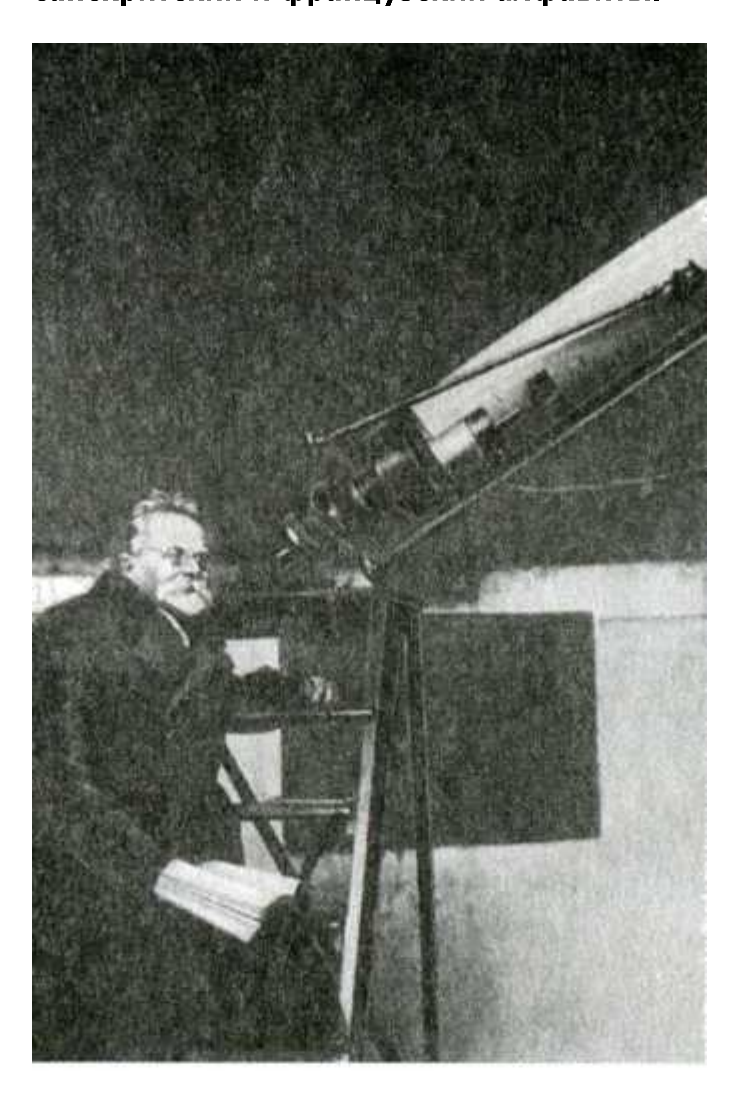
А.А. Кондиайн в рабочем кабинете (конец 1920-х). Архив семьи Кондиайнов.

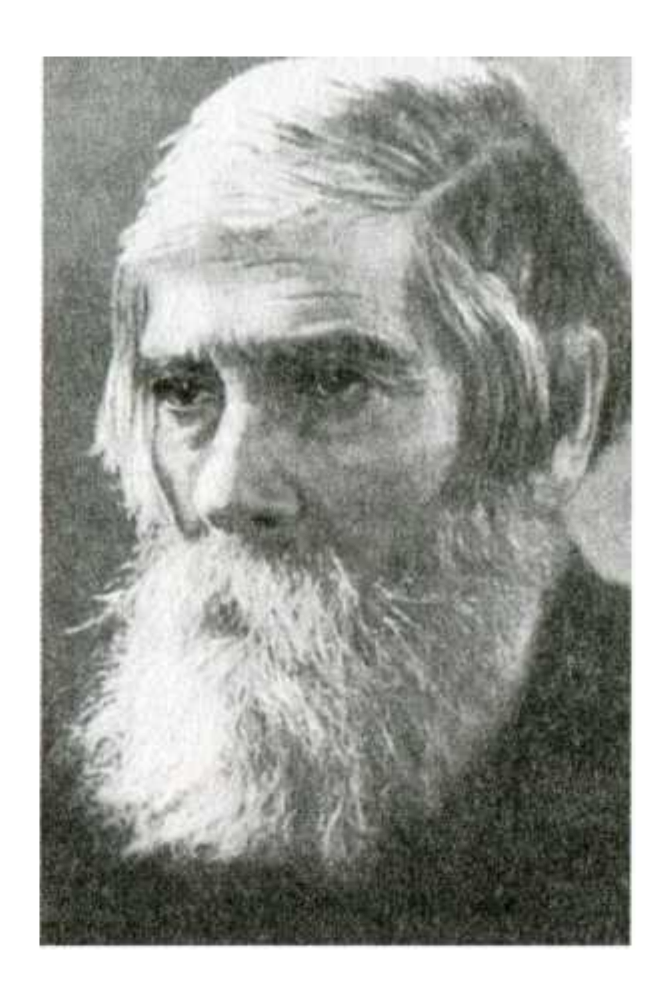
«Тибетские идеограммы» костромского крестьянина М.Т. Круглова:
«Дюттхор» ***(вверху)*** **и «Шамбала»** ***(внизу).***

Alphabet Vattan	Hébreu	Sanscrit	Français
—	א	अ	a
Θ	ב	ब	b
[illegible]	ג	ग	g
2	ד	द	d
γ	ה	ह	e
[illegible]	ו	व	v
[illegible]	ז	[illegible]	z
[illegible]	ח	ह	h
∪	ט	त	t
V	י	य	y
[illegible]	כ	ग	c
[illegible]	ל	ल	l
[illegible]	מ	म	m
[illegible]	נ	न	n
••	ס	स	s
3•	ע	ऊ	ou
▽	פ	प	p
[illegible]	צ	थ	ts
+	ק	क	k
[illegible]	ר	र	r
[illegible]	ש	ष	sh
[illegible]	ת	थ	th

Загадочный алфавит ваттам *(крайний слева)* и древнееврейский, санскритский и французский алфавиты.

Глава общества мироведов почетный академик Н.А. Морозов.

Академик В.М. Бехтерев.

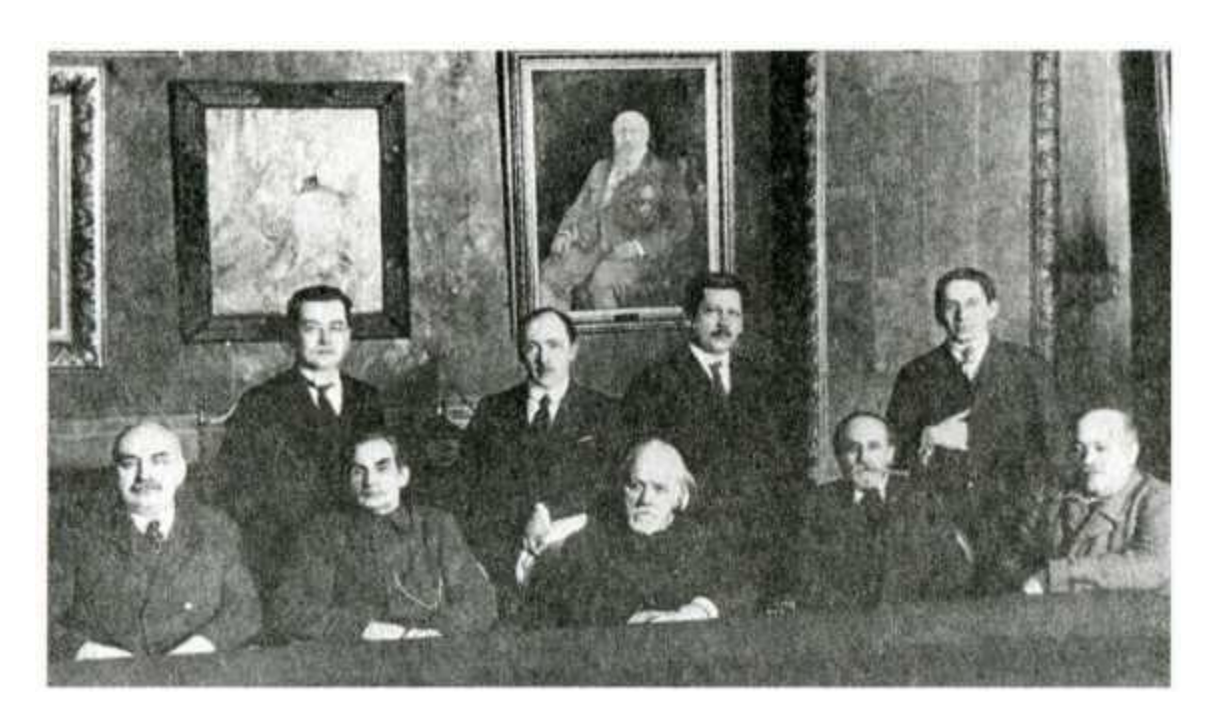
В.П. Кашкадамов.

В. Л. Дуров с обезьянкой Мимус и А. Л. Чижевский (1925)

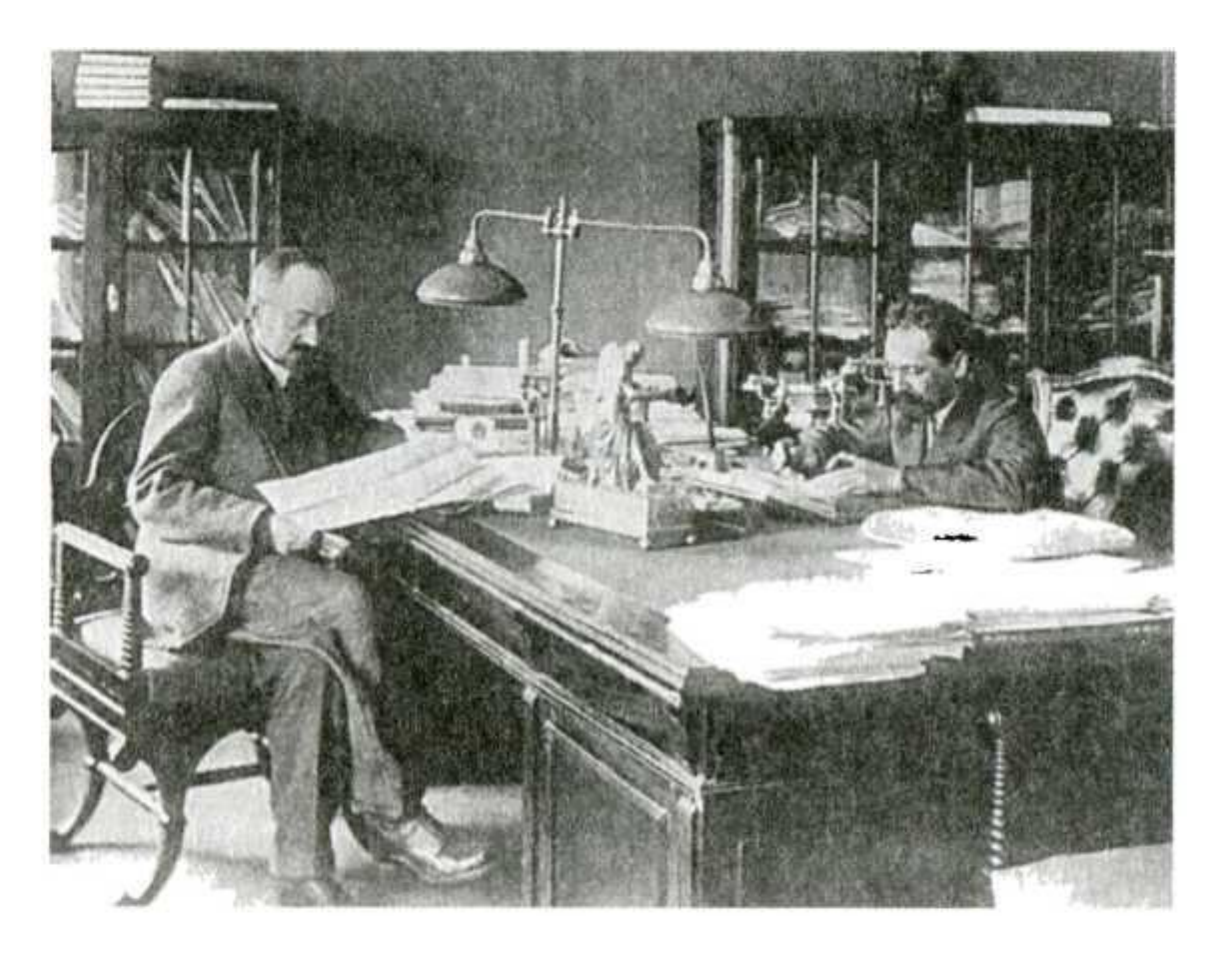

Заведующий Главнауки Наркомпроса Ф.Н. Петров (фото 1970-х).

Сидят *(слева направо):* акад. Ф.И. Щербатской, П.К. Козлов, акад. А.П. Карпинский, акад. С.Ф. Ольденбург, акад. Л.Е. Ферсман (1925).

Архив музея-квартиры П.К. Козлова (СПб.).

Нарком Г.В. Чичерин и его заместитель Л.М. Карахан (нач. 1920-х)

Н.К. Рерих с танкой будды Майтрейи. Урга (1927).

Н.К. и К.Н. Рерих (сер. 1920-х).

Н.К. и К.Н. Рерих (сер. 1920-х).

Махатма Аллал Минг (Мория). Рисунок Н.К. Рериха (1920).

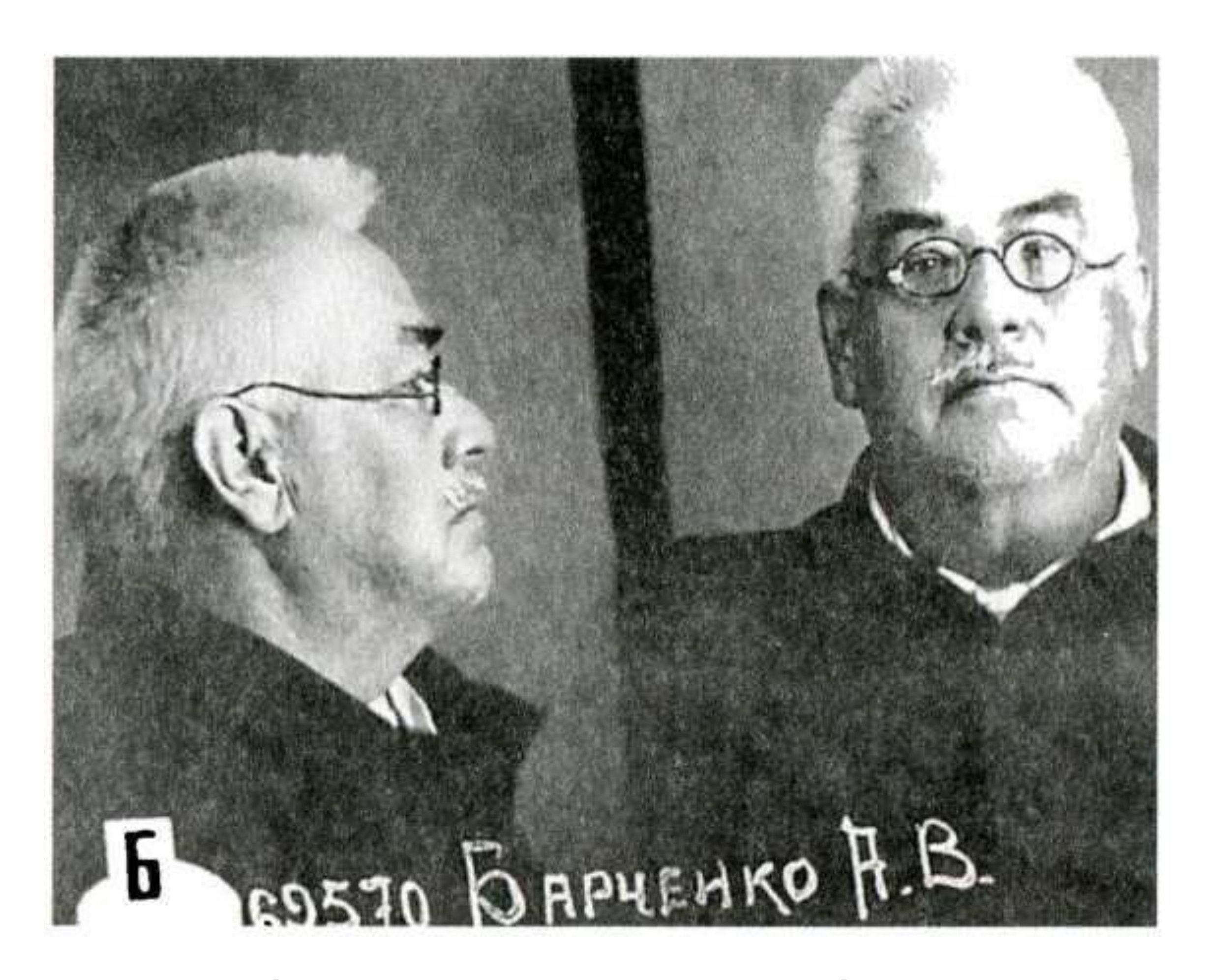

А. Доржиев (сер. 1920-х).

А. Доржиев с группой востоковедов на балконе буддийского храма (1925).

***Слева направо*: Б.Я. Владимирцов, П.И. Воробьев, И.Н. Бороздин, А. Доржиев, В.М. Алексеев, лама Бадма Очиров. Фото из архива М.В. Баньковской.**

А.В. Барченко (снимок из следственного дела, 1937).

Итак, пытаясь помочь Барченко, Забрежнев написал письмо Г.В. Чичерину, и тот согласился принять ученого для беседы у себя в кабинете в здании НКИДа на Кузнецком Мосту. 31 июля Барченко явился к наркому в сопровождении двух сотрудников ОГПУ (вероятно, спецотдельцев Бокия) — рассказал о своих многолетних исследованиях- в области древнейшего естествознания и изложил планы путешествия в Тибет и Афганистан «для поиска следов доисторической культуры». При этом заявил, что готов немедленно отправиться в Монголию, снарядить там караван и двинуться в Тибет. Из этого можно заключить, что Барченко фактически планировал не одну, а две отдельные экспедиции, ибо попасть в Афганистан было гораздо легче и безопаснее с территории СССР, чем на обратном пуги из Тибета через Китайский Туркестан. Его большой интерес к Афганистану (Кафиристану) подогревался, во-первых, тем, что здесь находились тайные обители («братства») суфиев, которые

некогда посещал Гурджиев. В то же время в афганской горной стране, между Балкхом и Бамианом, Сент-Ив помещал сакральную территорию Парадезы — владение Понтифов Империи Рама. (Напомним, что Балкх — один из древнейших городов мира, столица Греко-Бактрийского царства; Бамиан же главным образом известен своим пещерным монастырским комплексом, насчитывающим несколько тысяч гротов.) В Афганистане путешественник, между прочим, намеревался войти в контакт с главой исмаилитов Ага-ханом,[279] рассчитывая, очевидно, с его помощью проникнуть в наиболее недоступные для европейцев места, хранящие остатки древних знаний. (О чем он едва ли поведал Чичерину, зная о враждебном отношении большевиков к Ага-хану за его связь с англичанами.)

Реакция наркома на сообщение Барченко была двойственной — поездку в Афганистан он тут же решительно отклонил по политическим соображениям, но в то же время высказался довольно положительно относительно посещения Тибета. Свой отзыв об экспедиционном проекте Барченко Чичерин направил в Политбюро ЦК. Однако уже на следующий день он узнал, что начальник ИНО ОГПУ М.А. Трилиссер совершенно не в курсе относительно похода в НКИД Барченко и чекистов. Кроме того, Чичерину доложили, что его недавние визитеры самовольно обратились через наркоминдельский отдел виз в афганское посольство, заявив, что они «составляют экспедицию, едущую от ВСНХ». Разгневанный нарком тут же направил новую докладную в Политбюро с просьбой «не давать хода» его предыдущему письму. Ссылаясь на свой разговор с Трилиссером и Ягодой, он отмечал, что «руководители ОГПУ теперь сомневаются в том, следует ли вообще отправлять экспедицию Барченко, ибо для проникновения в Тибет имеются в виду более надежные способы». В этой записке Чичерин, помимо прочего, высказал свое отношение к исследованиям ученого и его проекту:

«Некто Барченко уже 19 лет изучает вопрос о нахождении остатков доисторической культуры. Его теория заключается в том, что в доисторические времена человечество развило необыкновенно богатую культуру, далеко превосходившую в своих научных достижениях переживаемый нами исторический

период. Далее он считает, что в среднеазиатских- центрах умственной культуры, в Лхасе, в тайных братсгвах, существующих в Афганистане и тому под., сохранились остатки научных познаний этой богатой доисторической культуры. С этой теорией тов. Барченко обратился к тов. Бокию, который ею необыкновенно заинтересовался и решил использовать аппарат своего спец. отдела для нахождения остатков доисторической культуры. Доклад об этом был сделан в коллегии президиума ОГПУ, которое точно так же чрезвычайно заинтересовалось задачей нахождения остатков доисторической культуры и решило даже употребить для этого некоторые финансовые средства, которые, по-видимому, у него имеются. Ко мне пришли два товарища из ОГПУ и сам Барченко, для того чтобы заручиться моим содействием для поездки в Афганистан с целью связаться там с тайными братствами.

Я ответил, что о поездке в Афганистан и речи быть не может, ибо не только афганские власти не допустят наших чекистов ни к каким секретным братствам, но самый факт их появления может повести к большим осложнениям и даже к кампаниям в английской прессе, которая не преминет эту экспедицию представить в совершенно ином свете. Мы наживем себе неприятность без всякой пользы, ибо, конечно, ни к каким секретным братствам наши чекисты не будут допущены.

Совершенно иначе я отнесся к поездке в Лхасу. Если меценаты, поддерживающие Барченко, имеют достаточно денег, чтобы снарядить экспедицию в Лхасу, то я даже приветствовал бы новый шаг по созданию связей с Тибетом при непременном условии, однако, чтобы, во-первых, относительно личности Барченко были собраны более точные сведения, чтобы, во-вторых, его сопровождали достаточно опытные контролеры из числа серьезных партийных товарищей и, в-третьих, чтобы он обязался не разговаривать в Тибете о политике и, в особенности, ничего не говорить об отношениях между СССР и восточными странами. Эта экспедиция предполагает наличие больших средств, которые НЩЦ на эту цель не имеет.

<…> Я безусловно убежден, что никакой богатейшей культуры в доисторическое время не существовало, но исхожу из того, что лишняя поездка в Лхасу может в небольшой степени укрепить связи, создающиеся у нас с Тибетом».[280]

Отповедь Чичерина, в которой нельзя не почувствовать скрытое соперничество НКИДа и ОГПУ, не обескуражила Бо-кия, поскольку нарком в принципе не возражал против экспедиции Барченко в Тибет, хотя и считал необходимым прикрепить к ней партийного «контролера», т. е. политкомиссара. Именно таким образом Политбюро поступило в 1923 г. с П.К Козловым, навязав его тибетско-монгольской экспедиции дополнительного сотрудника, бывшего коминтерновца Д.М. Убугунова. Точно так же поступили и с Барченко, назначив в его отряд политкомиссара — Я.Г. Блюмкина. Одиозная личность бывшего левого эсера-террориста — убийцы германского посла графа В.Мирбаха, однако, встретила решительный отпор со стороны Барченко. Такому человеку, как Блюмкин, не могло быть места среди участников отряда, отправлявшегося в святую землю Шамбалы. Но была, как кажется, и другая, более веская, причина, окончательно разрушившая надежды А.В. Барченко. Уже в начале августа 1925 г. Чичерин приступил к разработке планов новой — третьей по счету! — советской дипломатической экспедиции в Тибет, что делало практически невозможным какое-либо постороннее проникновение в эту страну.

Не попав в Шамбалу, Барченко осенью того же года отправился в другое заповедное место, на Алтай — в сопровождении все тех же двух учениц (Шишеловой-Марковой и Струтинской) и жен (Ольги и Натальи). Цель этой поездки, по-видимому, организованной Г.И. Бокием, состояла в том, чтобы установить связь с представителями «русской ветви традиции Дюнхор», искателями Беловодья. Э.М. Кондиайн сообщает нам маршрут путешественников — через Семипалатинск, Усть-Каменогорск, пароходом по Оби и Иртышу, а затем на лошадях в горы. Конечный пункт — селение Катон-Карагай, расположенное в живописной Бухтарминской долине. Там рассчитывали встретить тех, кто некогда ходил в Беловодье-Шамбалу. И действительно, в Катон-Карагае Барченко познакомился с одним из них -115-

летним старцем Филоновым («старик с пасеки»), у которого был сын и множество внуков. Оттуда, судя по краткой записи Э.М. Кондиайн, Барченко и его спутницы двинулись в Котово, где находилась заимка Филонова — избушка и пасека. Запись заканчивается сообщением, что «старик вылечил Олю от простуды горячим медом».

2. ОГПУ ОВЛАДЕВАЕТ ДРЕВНЕЙ НАУКОЙ

Несмотря на неуспех новой попытки пройти в заветную страну махатм, Барченко не пал духом. Осенью 1925 г., по возвращении с Алтая, ему удалось наконец-то приступить к практической реализации давно уже созревшего плана, которому он придавал значение «исторической миссии» — к передаче руководителям «идейного коммунизма в России», «большим большевикам» ключа к универсальным знаниям древних («универсального ключа»). В письме Г.Ц. Цыбикову Барченко мотивировал свое желание так.

Русская социальная революция, хотя и оказывает «идейную поддержку Востоку», еще «совершенно далека от понимания той величайшей общечеловеческой ценности, коей скрыто владеет Восток». Ломая традиционные бытовые устои народов восточных окраин России — «коренные основы их самобытности», она тем самым уничтожает элементы древнейшей научной традиции. Ту же губительную политику большевики проводят и в отношении зарубежных восточных стран. Единственно возможный выход из такого положения — «скорейшее ознакомление крупнейших идейных руководителей Советской власти с истинным положением вещей, с истинной ценностью тех древнейших бытовых особенностей Востока, к разрушению которых Советская власть подходит так примитивно и грубо не из злостных побуждений, но по неведению, действуя с глазами, завязанными ей авторитетом западноевропейской академической науки. Самым сильным, самым неоспоримым и убедительным орудием в этом может послужить подтверждение, что Восток до сих пор владеет в неприкосновенности не только случайно уцелевшими практическими формулами тантрической науки, но и всей разумно обосновывающей ее теорией «Дюнхор».[281]

По существу это была попытка просветить новых властителей России, тех, кто «не ведает, что творит». При этом Барченко явно следовал примеру своего духовного учителя Сент-Ива д’Альвейдра, который в свое время апеллировал к правителям двух крупнейших мировых империй — к английской королеве Виктории и русскому императору Александру III, призывая их к «коллективной охране очага древней науки» (т. е. Шамбалы), поскольку он мог бы пострадать в случае военного столкновения Англии и России в Афганистане.[282] (Англия и Россия действительно едва не начали войну из-за Афганистана в середине 1880-х. Ситуация удивительным образом повторится полвека спустя, в 1927 г., в результате резкого обострения англо-советского соперничества в Центральной Азии.) Тот же Сент-Ив, между прочим, побуждал и премьера Французской республики Жоржа Клемансо установить контакт с мудрыми правителями Агарты-Шамбалы.

В то же время в своих показаниях следователю в 37-м Барченко говорит о том, что его решение возникло в большой степени под влиянием тибетца Нага Навена и сообщенных им сведений о буддийской тантре. Этот тибетский сановник, по словам А.В. Барченко, «обнаруживал широкую осведомленность во всех вопросах мистических учений» и имел «совершенно исключительный авторитет» как эмиссар «великого братства Азии» — именно благодаря ему ЕТБ «включилось в связь» с этим невидимым «капитулом» восточных мистиков. Тот же Нага Навен дал Барченко «санкцию» на сообщение большевикам о своих изысканиях в области Древней науки через «специальную группу коммунистов» и на «установление контактов советского правительства с Шамбалой».[283]

Своими планами Барченко прежде всего поделился с Доржиевым, имевшим немало высоких покровителей в Москве, и с крупнейшими ориенталистами-будцологами, академиками С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским, возможно, рассчитывая при их протекции получить доступ в высшие правительственные сферы. Однако Доржиев и ориенталисты отнеслись к его затее неодобрительно и постарались от нее отмежеваться.

«Этот мой шаг встретил со стороны главы лам и всей профессуры самое враждебное отношение. В академических кругах стали широко распространяться слухи о моей будто бы личной, даже материальной заинтересованности в этой попытке. Взгляды мои на восточную культуру всячески дискредитировались. Дошло до того, что мое имя стали в печати связывать с заведомо ложными и дутыми сообщениями о научных открытиях, не имевших места в действительности. Перед группой же лам, к помощи которых я обратился, той же группой (ученых) я был выставлен как научный карьерист, мистификатор и даже как платный «тайный» агент большевиков».[284]

Причину столь сильной неприязни востоковедов к Барченко можно отчасти объяснить его связями с чекистами (хотя и бывшими). В то же время имеются сведения, что столкновение Барченко с С.Ф. Ольденбургом произошло на сугубо оккультной почве. Согласно показаниям Г.И. Бокия, принадлежавший в прошлом к «масонской организации» (ордену розенкрейцеров) С.Ф. Ольденбург был якобы крайне недоволен тем, что Барченко разгласил тайны «ордена»,[285] т. е. сведения эзотерического характера. На это вроде бы намекает и брошенная Ольденбургом несколько странная фраза по поводу изысканий Александра Васильевича, которую Э.М. Кондиайн цитирует в своих записках: «Этого нельзя публиковать».

После неудачи с востоковедами Барченко, как мы помним, обратился за помощью к своим «покровителям» из ОГПУ, и они свели его с весьма влиятельным в верхах начальником спецотдела при ОГПУ Г.И. Бокием. Именно при активной поддержке последнего Барченко и удалось в конце 1925 г. организовать в недрах ОГПУ небольшой кружок для изучения Древней науки — то есть фактически для передачи эзотерического знания наиболее достойным представителям большевистской партии. В этот кружок вошли ведущие сотрудники спецотдела — Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужницов, а также его начальник Бокий.[286] А.А. Кондиайн в своих показаниях, однако, говорит о двух кружках — одним руководил Барченко, другим он сам, при

этом в его кружке занималось 15 человек, в том числе Бокий и Е. Гопиус.[287] И все же какого. — то отдельного «кружка Кондиайна» скорее всего не существовало, а просто А.А. Кондиайн по просьбе Барченко, вероятно, читал собственные доклады в кружке (о чем свидетельствует и Бокий). Как бы то ни было, но занятия с сотрудниками спецотдела продолжались недолго, поскольку, по словам Бокия, ученики оказались «неподготовленными к восприятию тайн Древней науки».

Кружок Барченко распался, но энергичному Бокию вскоре удалось подыскать новых, более способных учеников из числа своих старых товарищей по Горному институту. В состав второй группы вошли М.Л. Кострыкин, А.В. Миронов (оба инженеры), Б.С. Стомоняков (зам. наркоминдела в 1934–1938 гг.), И.М. Москвин (член оргбюро и секретариата ЦК, заведующий орграспредом ЦК), А.Я. Сосновский.[288] Несколько раз занятия кружка посещали С.М. Диманштейн и инженер Ю.Н. Флаксерман, а также, как свидетельствует Ф.К. Шварц, Г.Г. Ягода — будущий шеф НКВД.[289] Что касается содержательной стороны этих занятий, то, по словам Барченко, созданная им группа в течение двух лет «занималась изучением теории Дюнхор в основных ее пунктах и сравнением с теоретическими основами западной науки».[290]

Естественно, возникает вопрос — в какой степени Барченко владел этой «теорией»? Мы уже говорили, что свои познания в области Калачакра-тантры он в основном почерпнул из бесед с «восточными учителями» — Нага Навеном, Хаян Хирвой и бурятско-калмыцкими ламами во время проживания в буддийском общежитии в Старой Деревне. Скорее всего это были фрагментарные и довольно поверхностные знания, ибо трудно представить, чтобы европеец, к тому же не знающий тибетского языка, мог овладеть столь сложной религиозно-философской системой всего за несколько месяцев. Сами ламы обычно изучают Калачакру в специальных монастырских школах — «дуйн-хор-дацанах», где курс обучения длится 4 года. Следовательно, Барченко имел возможность познакомиться с высшим тантрийским учением лишь в самых общих чертах. Но этого ему оказалось достаточно, чтобы обнаружить в тибетской

тантре основу утраченных человечеством знаний, того, что он называл Древней наукой. И действительно, в письме Цыбикову А.В. Барченко говорит об учении Калачакры довольно невнятно и туманно. В целом учение характеризуется им как некая «универсальная наука», представляющая «синтез всех научных знаний». Интересно, что сам термин «дуйнхор» (букв, «колесо времени») он оставляет без перевода, тогда как Шварц и Бокий перевели его, очевидно, со слов Барченко, соответственно как «семь кругов» и «семь кругов знания». Такое понятие, однако, не встречается в известной нам литературе Калачакра-тантры. В своей лекции о картах таро Барченко утверждает, что число СЕМЬ — это символ «Великого универсального механизма» божественного творчества, иначе «великого универсального круговорота». А в «Записке для членов ЕТБ» он говорит о семикратной смене цивилизаций в рамках большого земного цикла. Вспомним также о семи окружностях Археометра д’Альвейдра — «ключа ко всем религиям и наукам древности» — и о древней космологической концепции «семи кругов» (небес, миров, сфер), с которой мы встречаемся, например, у Платона и в книгах Гермеса. Вообще же число СЕМЬ облечено большим сакральным смыслом в эзотерической символогии, особенно в учении розенкрейцеров (7 космических кругов или планов, 7 великих логосов, 7 планетарных духов, семеричная конституция человека и т. д.).[291] Аналогичным образом и у Гурджиева мы встречаемся с понятием 7 космосов или миров. Но в таком случае Барченко, очевидно, увязывал тибетскую тантру с другими оккультными учениями Востока и употреблял термин «дуйнхор» как общее, собирательное имя.

В то же время можно с большой увереностью говорить о том, что в практическом плане самое ценное в этой единой Древней науке для Барченко — это, во-первых, ее «синтетический метод», который, как мы помним, он пытался применять для обработки экспериментальных (лабораторных) данных, и, во-вторых, психотехника («тантрическая созерцательная тренировка»), Конечная цель такой «тренировки» формулировалась им как «индивидуальное совершенствование вплоть до степени возбуждения в себе крестцовой чакры»[292] — то, что на языке йоги называется «пробуждением Кундалини».

Мы уже говорили о том, что Барченко, по-видимому, был достаточно хорошо знаком с индийской йогой. Но он также пытался использовать знание о «чакрах» (которые он называет «главными ганглиозными узлами») в своей довольно оригинальной медицинской практике. Э.М. Кондиайн рассказывает такую курьезную историю:

«У меня с 1921 г., после рождения Олега, сделалось расстройство обмена веществ, болело колено 2 года. Меня лечили врачи, но боль становилась все сильнее, не давала спать по ночам, с трудом ходила. А.В. меня вылечил за один месяц чугунным утюгом. Я ложилась на пол на живот между двумя опрокинутыми табуретками. На палке между табуретками подвешивался горячий утюг над моим крестцовым сплетением. Первый раз — в течение 10 минут. Этого оказалось слишком много. Ночью боли у меня усилились и поднялась температура. Уменьшили продолжительность процедуры до 3 минут, прибавляя по одной минуте в день. Остановились на 20 минутах».

Усилия Барченко, направленные на просвещение коммунистических вождей посредством высшего эзотерического знания, оказались столь же бесплодными, как и его попытка связать «больших большевиков» с хранителями Древней науки, пребывающими в Шамбале. Лекции А.В. Барченко, адресованные крошечной группе московских партийцев (заметим, далеко не самых высокопоставленных и влиятельных), сколь бы увлекательными и познавательными ни были, не могли оказать существенного влияния на идеологию большевиков. Теория Барченко о высокоразвитой доисторической культуре должна была казаться откровенной ересью любому правоверному марксисту. Известно, что В.И. Ленин решительно отрицал существование «золотого века» в доисторическую эпоху, утверждая, что первобытный человек был «совершенно подавлен» трудностью жизни и трудностью борьбы с природой.[293] И все же тот факт, что инициатива Барченко совпала по времени с выступлением зиновьевско-троцкистской оппозиции, ставшей кульминацией идеологического брожения в партийных рядах, наводит на мысль: не мог ли А.В. Барченко,

столь энергично выражающий в письме Цыбикову свое несогласие с восточной политикой большевиков, быть связан с кем-либо из оппозиционеров? Например, с Л.Д. Троцким?

Напомним, что Троцкий, исходя из своей теории «перманентной революции», резко критиковал в 1927 г. линию партии и Коминтерна в вопросе о китайской революции, как и вообще «безграмотный» бухаринско-сталинский курс в отношении восточных стран. Барченко вполне мог встречаться с Троцким по роду своей новой службы в научно-техническом отделе ВСНХ, куда он перешел из Главнауки в 1925 г. (В том же году Троцкий был назначен председателем коллегии НТО ВСНХ.) У нас нет сведений о прямых контактах между ними, но А.А. Кондиайн в своих показаниях говорит о том, что Барченко был связан в Москве с женой Троцкого, Бронштейн.[294] Г.И. Бокий, со своей стороны, на одном из допросов признался, что всегда был троцкистом и после высылки Троцкого поддерживал с ним постоянную и тесную связь».[295] И хотя достоверность подобного «признания» довольно сомнительна, в принципе нельзя исключить того, что Барченко мог передать Троцкому — через его жену или через Бокия — свой «доклад» о «Древней науке», на что вроде бы и намекает Кондиайн.

В одной из поздних работ Троцкого мы находим довольно любопытный пассаж:

«Марксизм исходит из развития техники как основной пру-.жины прогресса и строит коммунистическую программу на динамике производительных сил. Если допустить, что какая-либо космическая катастрофа должна разрушить в более или менее близком будущем нашу планету, то пришлось бы, конечно, отказаться от коммунистической перспективы, как и от многого другого. За вычетом же этой пока что проблематичной опасности нет ни малейшего научного основания ставить заранее какие бы то ни было пределы нашим техническим, производственным и культурным возможностям. Марксизм насквозь проникнут оптимизмом прогресса и уже по одному этому, к слову сказать, непримиримо противостоит религии».[296]

Значит ли это, что Троцкий был знаком с оккультной теорией мировых катаклизмов? Если это так, то процитированный отрывок недвусмысленно указывает на его негативное отношение к ней. А следовательно, Барченко, если он действительно имел связь с Троцким, едва ли мог рассчитывать на понимание с его стороны. Но такое понимание он, безусловно, нашел в лице своего главного московского покровителя Г.И. Бокия, на личности которого хотелось бы остановиться чуть подробнее.

Лев Разгон в книге воспоминаний «Плен в своем отечестве» рисует довольно привлекательный образ руководителя загадочного спецотдела «при ОГПУ» Глеба Ивановича Бокия. Старый большевик, член петроградского ВРК в период подготовки Октябрьского восстания, а после победы революции — председатель ПЧК, он имел много «странностей». К примеру, «никогда никому не пожимал руки, отказывался от всех привилегий своего положения: дачи, курортов и проч. <…> Жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, родные и знакомые даже не могли подумать о том, чтобы воспользоваться для своих надобностей его казенной машиной. Зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке, и даже в дождь и снег на его открытом «паккарде» никогда не натягивал верх».[297] По словам Разгона, близко знавшего Бокия, Г.И. «принадлежал к совершенно иной генерации чекистов, нежели Ягода, Паукер, Молчанов, Гай и др. <…> Это был человек, происходивший из старинной интеллигентной семьи, хорошего воспитания, большой любитель и знаток музыки».[298] В ранней молодости учился в петербургском Горном институте — некоторых своих старых институтских товарищей Глеб Иванович затем приведет с собой на работу в спецотдел; неоднократно участвовал, по сведениям Т.А. Соболевой, в научных экспедициях (вероятно, геологических).[299] И вместе с тем именно Бокий «руководил» красным террором в Петрограде, именно его подпись стоит под списками заложников ПЧК, именно по его инициативе были созданы первые концлагеря в советской России. Правда, известно и о том, что Бокий выступил против применения самосуда в отношении контрреволюционеров в сентябре 1918-го, чем навлек на себя гнев главы Петросовета

Г.Е. Зиновьева, который в результате «вышиб» его из Петрограда.[300]

После ареста в 37-м Бокий поведал следователю о своих давних «политических расхождениях» с партией, возникших под влиянием таких событий, как подписание большевиками Брестского мира, Кронштадтский мятеж, введение нэпа и завещание Ленина, что в конечном счете привело его к «внутреннему разладу» и увлечению мистикой. Признался он и в том, что еще в 1909 г. вступил в масонскую ложу (орден розенкрейцеров), членами которой якобы являлись академик С.Ф. Ольденбург и «английский шпион» Рерих.[301] И хотя мы хорошо знаем цену подобных признаний, все же в показаниях Бокия наряду с явным самооговором можно найти и немало достоверных сведений, тем более что аналогичные «расхождения с партий» имелись и у многих других представителей большевистской «старой гвардии». Вполне можно допустить, что в юности Бокий увлекался оккультизмом — «занимался познанием абсолютной истины», говоря его собственными словами, что объясняет столь неожиданно вспыхнувший в нем интерес к теории о «существовании абсолютных научных знаний». (Имеются сведения о дружбе Бокия в этот период с П.В. Мокиевским — доктором медицины, философом и одновременно искусным «гипнотизером-телепатом».[302]Этот Мокиевский, между прочим, находился в дружеских отношениях с уже упоминавшимся нами — в связи с С.А. Кривцовым — социологом М.М. Ковалевским.) Фантастичные идеи Барченко, по-видимому, действительно произвели большое впечатление на интеллигентного и аскетичного начальника спецотдела. Хотя, с другой стороны, Глеба Ивановича едва ли можно считать «скрытым масоном». По утверждению Э.М. Кондиайн, «Г.И. Бокий был глубоко заинтересован работами А.В. Он был его другом и опорой».

В мае 1921 г. Бокий создал криптографическую службу при ВЧК — так называемый Спецотдел (СО).[303]Главной ее задачей являлась охрана государственной тайны. (Разгон сравнивает СО с Агентством национальной безопасности США). Как явствует из показаний Бокия, Спецотдел имел собственный источник дохода

от продажи различным учреждениям сейфов («несгораемых шкафов») — средства, которыми лично распоряжался Бокий. Возможно, что из этого «фонда» финансировались командировки Барченко и его научная работа, о которой более подробно мы будем говорить в следующей главе. Здесь, однако, важно отметить, что тайноохранительной функцией далеко не исчерпывалась деятельность СО. Бокий стремился привлечь к сотрудничеству различных экспертов и ученых в областях, представлявших наибольший интерес для ОГПУ. Так, в мае 1925 г. Глеб Иванович принял на работу в свое учреждение К.К. Владимирова,[304]вероятно, в качестве графолога, поскольку один из подотделов СО (7-й) занимался экспертизой почерков.

3. НОВЫЕ ПОИСКИ

Расставшись с Главнаукой, Барченко, как уже говорилось, перешел в ВСНХ, где был зачислен консультантом научно-технического отдела. В письме Г.Ц. Цыбикову он объяснил свой уход тем, что ему было отказано в научной командировке в Монголию и Тибет. При этом он отмечал, что в ВСНХ ему «гарантировали самостоятельность исследований».

Возникший в 1918 г. по инициативе В.И. Ленина НТО ВСНХ занимался по существу строительством новой советской науки — созданием различных научно-исследовательских институтов и лабораторий. Среди наиболее известных — Физтех в Петрограде во главе с А.Ф. Иоффе и ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт), где строились первоклассные самолеты, в том числе «Максим Горький» и знаменитый АНТ-25, на котором в 1937 г. В.П. Чкалов совершил перелет в США через Северный полюс. НТО была организована и уже упоминавшаяся нами Северная научно-промысловая экспедиция (впоследствии преобразованная в институт по изучению Севера), в которой в 1920–1924 гг. работал отряд акад. А.Е. Ферсмана. Руководил НТО (до середины 1920-х) инженер-энергетик, один из организаторов советской кинематографии Ю.Н. Флаксерман. В 1925–1927 гг. он возглавлял ЦАГИ, а затем, став заместителем начальника Главэлектро ВСНХ, весьма успешно руководил строительством электростанций по плану ГОЭЛРО. В своих воспоминаниях Флаксерман отмечал, что НТО ВСНХ «имел

солидный денежный фонд для финансирования научных и технических работ ученых и инженеров, работающих в вузах, научно-исследовательских институтах и лабораториях других ведомств».[305]

О новой работе Барченко в Москве имеются лишь отрывочные сведения. Так, в своем первом письме Цыбикову, написанном весной 1927 г., он сообщал о том, что в течение двух лет работает в научно-техническом отделе ВСНХ, занимаясь исследованиями в области гелиодинамики и лекарственных растений».[306] Гелиодинамикой он скорее всего называл науку, изучающую «динамическое» влияние Солнца (греч. «гелиос») на биосферу. В то время эта наука еще делала свои первые шаги. Другое ее название — гелиобиология. По всей видимости, это были те самые исследования с использованием Универсальной схемы, о которых столь увлекательно рассказывает в своих записках Э.М. Кондиайн. Проводились они в специальной лаборатории, организованной при содействии Спецотдела Г.И. Бокия. Где первоначально находилась эта лаборатория, мы не знаем. Известно только, что в конце 1920-х (или в начале 1930-х) она перекочевала под крышу Московского энергетического института, а оттуда в 1935 г. в здание Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), где стала называться нейро-энергетической. Одной из сотрудниц этой лаборатории — до самого ареста Барченко — являлась Л.Н. Шишелова-Маркова. (По свидетельству Разгона, организатору и директору ВИЭМ Л.Н. Федорову покровительствовал бывший ученик Барченко И.М. Москвин.) О конкретном содержании исследований ученого в этот период (1927–1937 гг.) говорит название его большой монографии, конфискованной НКВД в 37-м: «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя». И это практически все, что можно сказать о научной работе Барченко в последний отрезок жизни.

Некоторое представление о направлении поисков Барченко во 2-й половине 1920-х гг. дают сведения, содержащиеся в следственных показаниях А.А. Кондиайна. Так, Кондиайн «признался» следователю, что в 1926 г. получил от Барченко «задание» — проникнуть в среду сотрудников Пулковской

обсерватории с целью получения данных о новейших астрономических открытиях». В результате он свел знакомство с заместителем директора обсерватории, астрономом и астробиологом Г.А. Тиховым (тем самым, который ранее тесно сотрудничал с мироведами). Их контакт, правда, оказался малопродуктивным. «Знакомство с Тиховым результатов не дало, т. к. кроме сведений о плане работы Пулковской обсерватории и одной научной работы на тему о «поглощении света в мировом пространстве» мне других сведений достать не удалось».[307]

Интересно также и сообщение Кондиайна о метеорологе Л.Г. Данилове: «В 1925 г. я был командирован Барченко и Бокием в Винницу с заданием познакомиться с проф. Даниловым Леонидом Григорьевичем и выяснить практические результаты его работы, которой он занимается в течение 20 лет. <…> Его работа имеет большое научное значение, т. к вскрывает весь механизм атмосферы и, в частности, дает возможность предсказывать погоду на долгие сроки».[308] С Кондиайном Данилов послал в Москву для Барченко свое большое исследование «Теория волновой погоды». (О судьбе этого труда нам ничего не известно, кроме довольно странного заявления Александра Александровича о том, что он был «похищен» другим ученым, метеорологом Б.П. Мультановским, и «переправлен за границу».)

Не меньший интерес у Барченко и Кондиайна вызывала и теория 11-летней периодичности пятнообразования на поверхности Солнца, поскольку она, по их мнению, подтверждала одно из основных положений Древней науки (Калачакры-Дюнхор) о цикличности происходящих в природе процессов. Так, в письме Цыбикову в начале 1927 г., ссылаясь на статью французского астрофизика Эмиля Туше, перепечатанную «Вестником знания», А.В. Барченко писал:

«Для посвященного в тайну Дюнхор не может быть сомнений, что западно-европейская наука случайно натолкнулась в этой теории на механизм, составляющий главную тайну Дюнхор Пока еще аналитический метод европейской науки мешает ей оценить всю важность этой теории. Но достаточно какому-нибудь

вдумчивому исследователю сделать попытку перенести на бумагу, на плоскость картину, аналитически вычисленную проф. Туше, чтобы обнаружилась тайна Дюнхор и других механизмов. А в руках современной техники, уже знакомой с применением ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, эти механизмы, открывая механизм действия «малых причин», механизм космического резонанса и интерференции, механизм стимуляции космических источников энергии, грозят вооружить буржуазную Европу еще более кровавыми средствами истребления».[309]

Барченко и Кондиайн, между прочим, считали, что внутри Солнца находится вещество, не подчиняющееся известным человеку законам. Прорываясь на поверхность, это вещество и образует солнечные пятна. (Речь, конечно же, идет о плазме.)

Одна из тем, наиболее интересовавших в этот период обоих ученых, — это ритмические («унисональные») колебания и их влияние на человека. В архиве К.К. Владимирова удалось обнаружить любопытную рукопись — краткое резюме основных достижений европейской науки того времени (середина 1920-х).[310] Вот название разделов этой работы: некоторые специфические черты ритмических колебаний, координационные числа неорганических и органических процессов, основы ритмических колебаний, современные представления о структуре вещества, о свете, данные современной науки о лунном свете, о роли солнца в жизненных процессах, данные современной биологии. Возможно, это тот самый материал, который обрабатывали «синтетическим методом» Барченко и Кондиайн.

В своих воспоминаниях Э.М. Кондиайн приводит мысли Барченко об универсальной природной «ритмике»:

«Все в мире ритмично, начиная с движения светил, смены времен года, смены дня и ночи, дыхания, кровообращения до движения электронов. Внешние колебания действуют на живой организм. А.В. не допускал в комнате обои с рисунком. Рисунок,

считал он, дает негармоничные колебания, которые разрушают гармоничные ритмы живого организма. А.В. оклеивал стены обоями лицевой стороной к стене и окрашивал обои клеевой краской интенсивно золотисто-оранжевого цвета. Стены получались матовые».[311]

В конце 1926 г. Кондиайны, давно уже подумывавшие о том, чтобы перебраться на юг, уехали в Крым. Поначалу остановились в местечке Азиз под Бахчисараем. К ним вскоре (в марте 1927 г.) присоединился и Барченко, в сопровождении все тех же четырех женщин. Крымский полуостров привлекал к себе его внимание прежде всего своими «пещерными городами». (Согласно учению дАльвейдра, в Крыму находилась одна из главных колоний черной расы, Таврида — древняя Таврика. Другие колонии — это Египет, Малая Азия, Китай, Япония, Персия и Тибет; метрополией же «цивилизации черных» была Эфиопия — Абиссиния.) «Пещерные города» — Тепе-Кермен, Качи-Кальен, Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Мангуп и др. — находились в основном в юго-западной части полуострова. «Города» эти состояли как из наземных построек в виде остатков крепостей, монастырей и жилых зданий, так и подземных, вырубленных в толще мягких известняковых пород, помещений, т. е. пещер. В Тепе-Кермене таких пещер насчитывалось 250, в Чуфут-Кале — 167, в Кыз-Кермене — 3. По поводу происхождения и времени создания этих памятников существует три основные гипотезы. Согласно первой, пещерные комплексы были созданы киммерийцами, таврами и скифами в VIII–VII вв. до н. э. Согласно второй — это творения ранних христиан, спасавшихся от преследований римлян. И, наконец, существует мнение, что «пещерные города» — это не поселения, а некрополи со склепами, наподобие римских катакомб.[312] Наиболее древние из «городов» (Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Мангуп) датируются VI–VII вв. н. э., тогда как большинство монастырских построек относится археологами к более позднему периоду (VIII–IX вв.). В то же время установлено наличие в Крыму пещерных стоянок древнекаменного века, палеолита (80–7 тысяч лет до н. э.).[313]

Барченко и Тамиил, по воспоминаниям О.А. Кондиайна (сын А.А. Кондиайна); пытались отыскать среди развалин городищ следы доисторической культуры. Особенно их привлекали загадочные древние орнаменты на камнях, сохранившихся, по-видимому, от построек более архаичного периода. («Современные академические «киты», — писал Барченко в «Памятке для членов ЕТБ», — относят пещерные города Крыма — Кавказа к Христианской эре, не понимая, что якобы «христианские» эмблемы суть механизмы доисторического универсального знания». Например, в его лекции о таро говорится, что крест — это «символ сотворения мира».) Заметим, кстати, что в 1920-е гг в Крыму работало немало советских экспедиций, занимавшихся обследованием, разведкой и раскопками в городищах.[314] А в 1922 г. археолог Н.Л. Эрнст сделал доклад в Академии истории материальной культуры, в котором пытался привлечь ученых к исследованию крымских пещер и стоянок каменного века: «В то время как памятники более поздних культур в Крыму (киммерийской, скифо-сарматской, античной, греческой и римской, византийской и т. д.) подвергались довольно внимательному обследованию и изучению, каменный век… остается до сих пор в забросе и покрыт глубоким мраком».[315]

Находясь в Крыму, Барченко и Кондиайн возобновили серию экспериментов со светом, начатых ими когда-то в «черной лаборатории» в Петрограде. Например, ставили опыты, доказывающие, что световое излучение бесцветно — та или иная окраска лучей (т. е. цвет) появляется в результате смешения черного и белого спектров. Для этого они вырезали из светлого картона диски и частично закрашивали их поверхность черной краской. Эти диски затем прикреплялись к маховому колесу швейной машины. Быстрое вращение колеса — при направлении на него потока света из какого-либо источника — давало ощущение цвета, который менялся в ту или другую сторону спектра в зависимости от величины «черного сектора» на диске. Идея подобных опытов, возможно, была навеяна популярной брошюрой А.К Тимирязева («О свете, цветах и радуге»), В ней, между прочим, рассказывается о способе «смешения цветов» при помощи быстрого вращения насаженного на ось картонного круга, раскрашенного различными красками[316]».

Ставились и опыты с целью установить характер влияния световых волн различной длины на живые организмы — растения и животных. Так, по рассказу Э.М. Кондиайн, Барченко «освещал» белых крыс через различные светофильтры. Выяснилось, например, что синие и фиолетовые лучи оказывают на животных губительное воздействие.

Весна 1927 г. надолго осталась в памяти А.А. и Э.М. Кондиайнов. Запомнилось прежде всего счастливое время, проведенное в обществе Барченко, — совместные прогулки-экскурсии в горы, обследование загадочных «пещерных городов», научные эксперименты. Э.М. вспоминает также ботанические «уроки» Барченко: «Весной А.В. ходил с нами по степи и показывал лекарственные растения — мак, адонис верналис, тысячелистник, полынь и др.». Этой же весной произошло и печальное событие — нелепая ссора между А.В. и Тамиилом, приведшая к разрыву между ними. Поводом для нее послужило то, что Тамиил нечаянно разбил комплект цветных липмановских пластинок — собственноручно изготовленных им, на которые были засняты все крымские опыты. Эти диапозитивы Барченко предполагал отправить в Москву с приехавшим в Бахчисарай Королевым и потому их утрату воспринял крайне болезненно, обвинив А.А. Кондиайна во «вредительстве и измене». О.А. Кондиайн, однако, подлинную причину разрыва видит в другом: «Мой отец в отличие от Барченко считал, что знания, содержащиеся в Древней науке, обнародовать нельзя, т. к. они могут быть использованы во зло. Кроме того, Александр Васильевич, считая себя учителем, настаивал на том, чтобы отец признал себя его учеником, что обрекло бы его на полное ему подчинение». И действительно, Барченко придавал большое значение идее ученичества — изучение основ Древней науки, с его точки зрения, было допустимо «либо в порядке прямого, преемственного посвящения в степень ученика и брата, либо в порядке сообщения знаний правомочному коллективу», как это имело место в случае с московской группой учеников.[317] В этом можно усмотреть желание Барченко строго следовать восточной традиции с ее акцентом на сохранении линйи преемственности при передаче эзотерического знания. Тамиил, однако, не хотел связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к

своему «гуру», зная, что ученичество предполагает беспрекословное подчинение ученика учителю.

Барченко уехал из Бахчисарая вскоре после ссоры с Тамиилом, «Тяжело мы переживали разлуку с А.В., - вспоминает в своих записках Э.М. Кондиайн. — Тамиил с этого времени сильно изменился, стал замкнутым, мрачным. Пытался восстановить отношения с А.В. Ездил к нему в Москву, раз в Кострому, но отношения оставались холодные, натянутые. И он быстро возвращался еще более убитым».

Рассказывая немало любопытного о пребывании Барченко в Крыму весной 1927 г., Э.М. Кондиайн ничего не говорит о его контактах с местными мусульманскими сектами, которые он также причислял к хранителям традиции Дюнхор. Об этом мы узнаем из другого источника, от Г.И. Бокия, который сообщает, что Барченко во время поездки в Бахчисарай в 1927 г. установил связь с членами мусульманского дервишского ордена Саиди-Эдцини-Джибави и впоследствии вызывал в Москву и приводил к нему сына шейха (главы) этого ордена. Примерно в это же время, согласно Бокию, А.В. Барченко также ездил в Уфу и Казань, где установил связь с дервишами орденов Накш-Бенди и Халиди.[318] Сам Барченко также признался в ходе следствия, что начиная с 1925 г. он предпринял ряд попыток к сближению с представителями различных религиозно-мистических сект — с хасидами, исмаилитами, суфийскими дервишами, караимами, тибетскими и монгольскими ламами, алтайскими старообрядцами-кержаками и костромскими странниками-голбешниками. Цель этих встреч состояла в том, чтобы соединить внешне разрозненные ветви единой эзотерической традиции. В то же время А.В. Барченко ставил перед собой и более конкретную задачу — организовать всесоюзный «съезд» посвященных в Древнюю науку. Такой съезд должен был продемонстрировать советскому правительству реальность существования и научную ценность древнейшей Традиции, а также выработать рекомендации относительно применения в СССР «в самом широком масштабе» многих «из тех воспитательно-технических методов, которыми владеет

Дюнхор».[319] Провести съезд предполагалось в Москве в конце 1927 г. или в 1928 г.

Эта новая инициатива Барченко родилась опять-таки под влиянием д’Альвейдра, который в книге «Миссия Индии в Европе» ратовал за созыв европейского «Вселенского собора» представителей «всех вероисповеданий и всех Университетов» (т. е. эзотерических школ). Идею съезда-собора восточных ученых-эзотериков, по словам А.В. Барченко, одобрил в 1923 г. и Нага Навен: «От Нага Навена я получил также указания на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступления всех мистических течений Востока, которыми, в частности, являются гандизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке».[320]

Определенная работа по выявлению и объединению российских адептов Древней науки велась Барченко подспудно в течение нескольких лет. Однако решение о созыве «съезда» он окончательно принял лишь после поезки в Кострому в начале марта 1927 г. Костромичи-искатели Беловодья «формально» приняли его «в свою среду» и уполномочили «известить всех иноплеменников, владеющих традицией Дюнхор», о своей работе в России.[321] С этой целью, приехав из Костромы в Крым (Бахчисарай), А.В. Барченко незамедлительно вступил в контакт с шейхами суфийских орденов Саадия и Пакшбандия, а также обратился письменно к ряду известных ему лиц, «посвященных» в традицию, в том числе к Хаян Хирве, Нага Навену и Цыбикову, приглашая их принять участие в съезде. Письма Цыбикову и Хаян Хирве должен был собственноручно доставить В.Н. Королев.

(Окончивший годом ранее ЛИЖВЯ, последний получил в марте 1927 г. в Наркоминделе назначение на должность секретаря советского консульства в Алтан-Булаке — на границе с МНР, однако прежде чем проследовать к месту работы, решил навестить Барченко в Бахчисарае.) Любопытно, что для связи с Хаян Хирвой Барченко вручил Королеву «пароль» — нарисованный на бумаге знак розы и креста.

Хаян Хирве Барченко также отправил письмо для передачи Нага Навену, который в то время находился во Внутренней Монголии. (Складывается впечатление, что Нага Навен был связан с другим тибетским оппозиционером — панчен-ламой, который в декабре 1923 г. бежал с группой своих сторонников в Китай по причине недовольства прозападными реформами далай-ламы. Вскоре после того, как панчен-лама в начале 1927 г. перебрался из Пекина в Мукден, поползли слухи о его скором возвращении в Тибет, что, по мнению лам, указывало на приближение сроков священной шамбалинской войны. Барченко, разумеется, хорошо знал о древнем буддийском пророчестве, и его письмо к Цыбикову проникнуто острым предчувствием грядущего мирового катаклизма — великого «столкновения Востока и Запада». Но такими же ожиданиями жили и Рерихи, прибывшие в Ургу осенью 1926 г. для снаряжения тибетской экспедиции-посольства, целью которого, по первоначальным планам Н.К, было возвращение в Тибет панчен-ламы.)

После отъезда из Крыма Барченко продолжил работу по организации съезда адептов Древней науки. Во время вторичного посещения Костромы в 1927 г. он встретился с сыном шейха ордена Саадия. Встреча произошла на квартире Ю.В. Шишелова. (Последний после обучения в ЛИЖВЯ перебрался в Кострому, где устроился на работу в милицию.) Здесь же, в Костроме, ожидая прибытия из-за границы некоего «представителя ордена Шамбала»,[322] Барченко неожиданно был арестован ОПТУ, но его вскоре освободили после вмешательства Бокия.

В том же 1927 г. в Костроме Барченко встречался и с главой хасидов, 6-м Любавичским ребе Иосифом-Ицхаком Шнеерсоном. В своих мемуарах Шнеерсон рассказывал о своем знакомстве с Барченко следующее. Впервые «профессор Барченко» пришел к нему на квартиру в Петрограде осенью 1925 г. и обратился с неожиданной просьбой — открыть ему «тайну Маген-Давида», поскольку верит в его сверхъестественную силу («…разгадавший эту тайну способен выстроить и разрушить бесконечное количество миров…»). Шнеерсон попытался разуверить Барченко, терпеливо объяснив ему, что он находится

в плену иллюзий, ибо хасидизму ничего не известно о каких-либо тайнах и магической силе Маген Давида. «В тот вечер, как мне показалось, пишет Шнеерсон, профессор Барченко прислушался к моим объяснениям. Однако в дальнейшем он снова вернулся к этой навязчивой идее и продолжал засыпать меня письмами с прежней нелепой просьбой, на которые я вынужденно, из обычной человеческой вежливости, время от времени отвечал…». Эти письма были конфискованы сотрудниками ОГПУ во время ареста Шнеерсона 14 июня 1927 г. и фигурировали в ходе следствия по его делу.[323] После суда Шнеерсон был отправлен в трехлетнюю ссылку в Кострому и именно там, по всей видимости, и состоялась его новая встреча с Барченко. В том же году позднее Шнеерсона неожиданно освободили из ссылки и вернули в Ленинград, а затем ему было позволено выехать из СССР в Латвию (Ригу). По сообщению А.А. Кондиайна, освобождению хасидского лидера способствовал все тот же Бокий. Из Риги Шнеерсон перебрался в Варшаву, где вступил в переписку с К.Ф. Шварцем, вероятно, по просьбе Барченко.[324]

Цель обращения Барченко к Г.Ц. Цыбикову состояла прежде всего в том, чтобы привлечь известного тибетолога, а вместе с ним и некоторых высокоученых бурятских лам, к участию в намеченном съезде. Более конкретно А.В. Барченко предлагал бурятскому ученому выступить в роли переводчика и эксперта-консультанта по вопросу о «бытовых формах ламаизма». В то же время он просил его прочитать курс тибетского письменного и разговорного языка московской группе изучающих Древнюю науку. Предлинное послание Барченко (составляющее в перепечатке более 30 страниц!), как кажется, чрезвычайно удивило Цыбикова. А потому ответил он не сразу, а почти полгода спустя, после долгих размышлений и, возможно, наведения справок о незнакомом ему столичном ученом. Посетив в апреле 1927 г. с научной командировкой Монголию (Улан-Батор), Цыбиков неожиданно обнаружил там истоки новой идеологии — книги Ц. Жамцарано и Н.К и Е.И. Рерихов. Вот как он рассказывает об этом в путевом дневнике:

«После переезда на новую квартиру <…> получил обратно заграничный паспорт, отобранный на аэродроме. Потом побродил по магазинам и лавкам, вернулся пешком в учкомовскую квартиру свою. Читать пока нечего. У Жамцарано прочитал «Основы буддизма». Написана в апологетическом тоне, сопоставляет учение Будды с новым мировоззрением. Художники. Рерих напечатан и выпустил здесь несколько книжек в этом духе. Сопоставляя такое новое течение с содержанием письма Борченко (орфография публикаторов дневника. — *А.А.), приходится заметить, что, должно быть, появляется новое веяние — основать социализм на принципах древнего буддизма. Какое это течение, пока судить не берусь. Разбор дам по возвращении к письму Борченко, которое оставил в Верхнеудинске»*.[325]

Ответное письмо Цыбикова Барченко не сохранилось. Мы знаем только, что оно было датировано 22 ноября 1927 г. О его содержании можно судить лишь по некоторым репликам из второго письма Барченко бурятскому ученому (начато 27 декабря 1927 г. и закончено 24 марта 1928 г.), которые позволяют говорить о том, что Цыбиков отнесся к сделанным ему предложениям с изрядной долей скепсиса. В этом новом послании А.В. Барченко решительно отвергал брошенные ему академиками-ориенталистами вкупе с «лицом из высшего ламайского духовенства» (то есть Доржиевым) обвинения и вновь аргументированно доказывал своему корреспонденту необходимость «посвятить идейных руководителей России в подлинную сущность того научного богатства, коим скрыто владеет Восток». При этом он подчеркивал близость основных положений системы Дюнхор и материалистического учения большевиков.

«Учителя марксизма» — Маркс, Энгельс и Ленин, утверждал он, не ведая о тысячелетней исторической ошибке западной науки, интуитивно осознали «основы универсальной синтетической истины», в свое время ставшей достоянием древнейшей культуры Востока. «Эта истина осознана ими вплоть до общей формулировки основного космического процесса, лежащего в основе центральной тайны Дюнхор».[326] Для подкрепления

такого вывода Барченко послал Цыбикову вместе с письмом один из философских трудов Ф. Энгельса, в котором отчеркнул карандашом обнаруженные им аналогии с тантрийским учением. (Возможно, это был «Анти-Дюринг», поскольку именно на него А.В. неоднократно ссылался в первом письме.)

Но более всего привлекала Барченко в марксистском учении его социальная программа — ликвидация имущественных («экономических») классов и их замена классами на профессиональной основе (т. е. профессиональными социальными группами), а также борьба с накопительством. Проведение в жизнь этой программы, по мнению А.В. Барченко, должно было привести к существенному оздоровлению государства и общества. Помочь большевикам в этом могли бы «владеющие тайной Дюнхор», поскольку они имеют «многотысячелетний опыт воспитания естественных профессиональных классов».

«Марксизм… стремится в форме профессионального отбора построить человечество так, чтобы воспитались классы не экономические, т. е. имущественные, основанные на различном количестве собственности, но классы профессиональные, т. е. образовавшиеся путем воспитания естественных трудовых способностей и навыков человека.

Всякий, посвященный в тайну Дюнхор, должен по совести признать, что только такие классы могут обеспечить действительную взаимную помощь друг другу, что только такие классы могут сделаться со временем настоящими органами — здоровыми живыми частями тела государства и человечества. И только такое разделение общества способно превратить человечество нашей планеты в живущее здоровой жизнью отражение Будды, в котором все части тела взаимно обслуживают и укрепляют друг друга, а не борются друг с другом, как теперь, на гибель всего тела».[327]

Эти мысли Барченко — кажущиеся особенно злободневными в сегодняшней капиталистической России — были во многом созвучны идеям Н.К. Рериха, изложенным в программной книге «Община», изданной в 1927 г. в Улан-Баторе одновременно с

«Основами буддизма». (Авторами этой последней книги также являлись Н.К. и Е.И. Рерихи, а не Жамцарано, как считал Цыбиков.) «Община» содержала своего рода заповеди будущего будцо-коммунистического общества, как его понимали Рерихи и руководившие ими «махатмы». Правда, чтобы построить такое общество, следовало сперва очистить буддизм от искажений и наслоений более позднего времени, возродить его первоначальный «общинный» дух — то, что в 1920-е годы пытался сделать Агван Доржиев посредством обновленческого движения в ламаистской церкви. «Не забудем, Что учение Будды должно быть очищено, — поучали читателей «Общины» Рерихи. — Будда — человек, носитель новой жизни, презревший собственность, оценивший труд и восставший против внешних отличий, утвердивший первую общину мира, завещавший век Майтрейи».[328]

Интересно, что, находясь в Улан-Баторе, Н.В. Королев приобрел «Общину» Рерихов для Барченко. Правда, он не рискнул послать книгу в Москву по обычной почте, а предпочел более надежный канал для отправки — через диппочту, на адрес Г.И. Бокия.[329]

Эпилог
Шамбала перед судом ЧК

Конец 1920-х для Барченко был временем крушения многих надежд и планов. Рухнула идея созыва съезда «посвященных в Дюнхор», прекратились занятия с «партоккульткружком» Бокия и разъезды по стране с целью координации работы различных ветвей хранителей Древней науки. Последняя поездка ученого вместе с женой в Уфу, по-видимому, для встречи с представителями какого-то мусульманского ордена, состоялась летом 1930 г. Единственная радость — дети, появившиеся на свет во время этих путешествий, — в 1927 г. в Юрьевце родилась дочь Светлана, а через 3 года в Уфе сын Святозар.

9 июля 1927 г., в то время как Барченко с женой и ученицами находились в Юрьевце, ОГПУ арестовало в Ленинграде К. К. Владимирова. Суть выдвинутых против Константина Константиновича обвинений сводилась к тому, что, вращаясь в

1926–1927 гг. среди ленинградских литераторов и художников, он рассказывал им о прежней своей службе в ЧК и тем самым «разглашал не подлежащие оглашению сведения». В ходе следствия выяснилась любопытная подробность — после ухода из «органов» Владимиров продолжал тайно сотрудничать с учреждением на Гороховой.

«С 1920 г. по настоящее время как бывший сотрудник ВЧК — ГПУ [я] считал себя обязанным сообщать в ГПУ о всех известных мне счучаях преступлений экономического и политического характера. По мере поступления из разных источников материалов и сведений передавал таковые в виде донесений и рапортов отдельным товарищам в разные отделы ПП (Полномочного представительства ОГПУ в Ленинграде. — А А). *В списках секретных сотрудников ГПУ я не состоял и никакими анкетами и подписями с ГПУ не связан»*.[330]

Некоторый свет на характер добровольного «идейного» сотрудничества Владимирова с ОГПУ проливают приобщенные к следственному делу документы — изъятые при обыске у него анонимные «донесения» о деятельности видных питерских и московских оккультистов, в числе которых встречается имя Барченко.[331]Это позволяет предположить, что Владимиров по заданию ОГПУ (а совсем не по собственной инициативе) руководил некой секретной агентурной сетью, занимавшейся сбором компромата на «масонские организации» в обеих столицах. Такое предположение отчасти подтверждается тем, что одно из донесений адресовано лично некоему Леонову — возможно, речь идет об А.Г. Леонове, члене Ленсовета, ведавшем вопросами религиозных культов. Проходивший свидетелем по делу Владимирова писатель Иероним Ясинский — это он в 1923 г. рекомендовал Барченко Луначарскому — сообщает, что Константин Константинович однажды в 1927 г. признался ему, что «заведует культами, по линии ГПУ». Анализ содержания «донесений» информаторов Владимирова показывает, что ОГПУ особенно интересовалось заграничными связями российских масонов. Вполне возможно, что собранная информация была использована для возбуждения так называемого «масонского дела» в Ленинграде в январе 1926 г.

Здесь следует отметить, что все оккультные («масонские») течения в Москве и Ленинграде К.К. Владимиров разделял на пять «группировок»:

1. Неомасоны — в основном представители научных кругов. (Это прежде всего сотрудники московской Главнауки — Павлович, Тер-Оганесов, Тарасов, Абрикосов, Лариков; д-ра Вечеслов, Халатов и др, В Ленинграде — Франк-Каменецкий, Марр, Ольденбург, Флитнер);

2. Клерикально-иезуитская группировка (Пинкевич, Данзас, Бруни, Лотин, священник Униатской церкви Леонид Федоров);

3. «Третичное розенкрейцерство» (Г.О. Мебес, И.М. Нестерева);

4. Антропософическая группировка (А. Белый, Иванов-Разумник);

5. «Карбонарийско-фашистская» группировка (Кириченко-Астромов, Радынский, Шандаровский, возглавляющие одновременно ложу «Астрея»).[332]

Удивительно, что о Барченко и Кондиайне Владимиров и его сподручные отзывались в своих «донесениях» весьма положительно, как о серьезных и патриотически настроенных ученых, противостоящих заигрываниям «масонов» от науки. Так, в анонимном «докладе», приложенном к следственному делу Владимирова, рассказывалось о попытке докторов Вечеслова и Соколова завербовать обоих ученых в свою масонскую организацию, имевшей место в 1924 г. С этой целью они явились на квартиру Кондиайна, но не застали там ни его, ни Барченко.

«Прождав 12 часов, они при возвращении тов. Барченко стали его уговаривать, выявляя определенно свои симпатии к Англии, говоря, что в СССР работать научным работникам немыслимо и что все те знания, которыми он обладает, нежелательно было бы передавать антикультурникам-большевикам, а лучше их передать английскому правительству, которое сумеет оценить их работу должным образом. Несмотря на противодействие Кондиайн и Барченко на протяжении 5-часового уговора, они

абсолютно не достигли никаких результатов. Тогда они прибегли к системе угроз, указав, что их открытия и знания, проводимые через Главнауку, будут заторможены и на докладах не принимаемы, ибо бороться им против объединенного компактного антисоветского центра — немыслимо, так как во главе этого центра стоят такие заслуженные лица науки, как Ольденбург, Владимирцов, Котвич, Щербатской… Ввиду подобного оборота дел, он (Барченко) попросил день на размышление, на что они изъявили свое согласие.

<…> Видя, что он окружен лицами явно контрреволюционно настроенными, он заявил об этом в Московское ГПУ, где познакомился с неким Забрежневым, старым анархистом, как он сам себя выдавал, сотрудником ГПУ и Наркоминдела, пользующимся большим авторитетом, а также открыто заявившим о своей принадлежности к масонской ложе Великий Восток Франции. Передав ему все доподлинно переданное Вечесловым, он (Барченко) просил назначить день для конспиративного присутствия кого-либо из сотрудников ГПУ при встрече Вечеслова и Соколова, дабы зафиксировать эти факты, принять соответствующие меры и т. д. Тов. Забрежнев также очень заинтересовался, сразу перешел на доверительный тон, сообщая о всех московских новостях и о том новом неомасонском движении, охватившем все верхи Главнауки. [Обещание] оказать содействие он почему-то не выполнил — доктора Соколов и Вечеслов уехали, вопрос остался открытым».[333]

Из этого донесения Владимирова можно сделать довольно парадоксальное заключение — о том, что среди сотрудников ОГПУ имелись скрытые масоны (такие, как Забрежнев) и что с ними вели борьбу лица, в прошлом также принадлежавшие к масонам (Владимиров). Но главное — что Барченко и Кондиайн находились под пристальным наблюдением со стороны ОГПУ; почти каждый их шаг фиксировался и передавался «куда следует».

По просьбе руководства ПП ОГПУ ЛВО ленинградская прокуратура не стала рассматривать дело Владимирова «в

общесудебном порядке», поскольку это могло бы «причинить ущерб конспиративным методам работы в ОГПУ», а передала его в Особое Совещание Коллегии ОГПУ в Москве. В результате 17 августа 1927 г. Владимирову был вынесен приговор по статье 121 УК РСФСР — «выслать через ОГПУ в Сибирь сроком на три года».[334] А через 4 месяца (21 декабря) Президиум ЦИК СССР во главе с А.С. Енукидзе принял решение относительно конфискованной у Владимирова библиотеки, постановив: удовлетворить ходатайство ОГПУ и передать все изъятое — 3188 книг, 24 607 единиц автографов и рукописей и 965 штук фотографий — в Областной отдел народного образования для распределения в соответствующие учреждения.[335]

На этом, однако, злоключения Владимирова не кончились. В конце мая 1928 г., отбывший 9 месяцев в административной ссылке в Томском округе, он был неожиданно доставлен под конвоем в Новосибирск, а оттуда отправлен в Москву на Лубянку. Здесь 1 июня ему предъявили новое обвинение — в шпионаже в пользу Англии. Владимиров с изумлением узнал, что является резидентом английской шпионки Фриды Лесман, той самой, с которой у него в 19-м приключился мимолетный роман и которую он давно уже успел забыть. Но следователь напомнил ему о знакомстве с Лесман и о «бесследно пропавшем» из ПЧК деле ее мужа англичанина Тернера, которое Владимиров вел. Сообщниками Владимирова оказались малознакомые ему люди: С.П. Загуляев, флагманский артиллерист бригады траления и заграждения Балмора, его жена М.А. Загуляева и А.В. Евсюков — командир башенной лодки «Сунь Ятсен» Дальневосточной военной флотилии. Сущность инкриминированного Владимирову преступления состояла в том, что он якобы занимался сбором военных сведений среди военнослужащих РККА, которые передавал Загуляеву, а тот затем переправлял их за границу — в Англию, Ф. Лесман.[336] Владимиров, однако, виновным себя не признал — находясь в тюремной камере, он пишет отчаянные письма в прокуратуру, просит представить ему «конкретные обвинения», а не «пустые слова». Но это был глас вопиющего в пустыне. 5 ноября 1928 г. — вскоре после разрыва англо-советских отношений, в самый разгар шпиономании в стране — ОС коллегии ОГПУ вынесло приговор «четверке английских

шпионов» — Загуляева и Владимирова расстрелять, Евсюкова и Загуляеву отправить в концлагерь на 5 лет.[337]

В июне 1927 г. в Ленинграде был арестован также и П.С. Шандаровский, один из соруководителей ЕТБ, по обвинению в «попытке создания масонской ложи» (группа М.А. Радынского). На допросе бывший ученик Гурджиева, впрочем, решительно все отрицал: «О масонстве я знаю только по литературе. С масонами никогда не был связан. Вообще же я никогда ни в каких религиозных или других подобных объединениях не участвовал».[338] Дело о группе Радынского, однако, вскоре развалилось, и Шандаровского вместе с другими арестованными освободили из-под стражи под подписку о невыезде. О его дальнейшей жизни нам ничего не известно.

В 1927 г. оборвалась жизнь еще одного покровителя Барченко — 27 декабря в Москве скончался В.М. Бехтерев. Произошло это вскоре после произведенного им медицинского освидетельствования Сталина. Это наводит исследователей на мысль о том, что скоропостижная смерть Бехтерева — от отравления — была насильственной. В декабре того же года тяжелая болезнь свалила и Барченко, заставив его прервать начатое второе письмо Г. Цыбикову.

Летом 1936 г., в канун большого террора, в ленинградской тюрьме «Кресты» оказались еще двое старых знакомых Барченко — Э.М. Отто и А.Ю. Рикс. Оба проходили по делу так называемых «фонтанников» — участников эстонской «троцкистской террористической организации», возглавлявшейся профессором Комуниверситета им. Сталина Я.К. Пальвадером.

Отто, работавшего фотографом в Русском музее, и его приятеля Рикса, заведующего ленинградским отделом сектора валюты и внешней торговли НКФ СССР, обвинили в подготовке теракта против членов ЦК КПЭ и Эстсекции Коминтерна Я.Я. Анвельта и Х.Г. Пегельмана. С этой целью первый из заговорщиков весной 36-го якобы изготовил «адскую машину, собственной конструкции».[339] Поводом для покушения послужило разоблачение Риксом этих двух старых членов партии как

бывших сотрудников царской охранки. В результате 11 октября 1936 г. Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха вынесла всей пятерке «фонтанников» — Я.К. Пальвадеру, Р.И. Изаку, А.И. Сорксепу, А.Ю. Риксу и Э.М. Отго — смертный приговор.[340] (В ходе следствия всплыл, между прочим, любопытный факт — первая жена Отто, Минна Петровна Инг, работавшая в 1917–1919 гг. в секретариате Г.Е. Зиновьева, находилась в интимной связи с могущественным главой Петросовета!)

О жизни самого Барченко между 1930-м и 1937 годом нам известно, к сожалению, очень немногое. Так, в 1934–1935 гг.

А.В. Барченко пытался завязать отношения с бывшими учениками Гурджиева. От Меркурова, как уже говорилось, он получил дневник Александра Никифоровича Петрова и тогда же написал Петрову в Грозный, где тот работал инженером. Петров немедленно откликнулся на письмо и через некоторое время сам приехал в Москву — остановился на квартире у Барченко, где прожил около двух недель. Однако ничего нового о Гурджиеве и его «работе» за границей он сообщить не смог.[341]

Несмотря на ужесточение политического режима в стране — показательные процессы, первые волны массовых репрессий, антирелигиозную вакханалию, Барченко не отказался от добровольно взятой на себя просветительской миссии и с завидным упорством продолжал добиваться встречи с руководителями советского государства. В начале 1936 г. он настойчиво просил своего патрона, Г.И. Бокия, в то время возглавлявшего 9-й отдел ГУГБ НКВД, свести его с Молотовым и Ворошиловым, но Г.И. выполнить эту просьбу явно не торопился. Досадуя на медлительность Бокия и, возможно, подозревая его, как и Тамиила, в измене, А.В. Барченко обратился тогда за помощью к другому своему покровителю — Ф.К Шварцу, работавшему фоторепортером «Союзфото» в Ленинграде. «Карлуша» срочно выехал в Москву, встретился с Бокием и Барченко и получил от последнего пакет с «докладом о науке Дюнхор» для передачи Ворошилову. Но усилия Шварца также не увенчались успехом — на прием к наркому обороны ему попасть

не удалось. Правда, адъютант Ворошилова Хмельницкий пообещал передать своему шефу пакет Барченко.

Весной 1937 г. А.В. Барченко снова вызвал Шварца в Москву, где дал ему новое, еще более ответственное поручение — на этот раз без согласования с Бокием — встретиться со Сталиным!

«Барченко информировал меня о трудностях проникновения в круги руководителей партийных и советских работников, высказывал неудовлетворенность деятельностью Бокия, который недостаточно энергично добивается выполнения его, Барченко, указаний и не может добиться встречи со Сталиным. Тогда я изъявил желание взяться за выполнение этого задания. Барченко дал согласие и при этом заявил: «Постарайся добиться встречи со Сталиным».[342]

Но и эта попытка закончилась неудачей. «Я два раза пытался попасть на прием к Сталину, — сообщил следователю Шварц, — первый раз в конце апреля я дал телеграмму на имя Сталина с просьбой принять меня. Ответа на эту телеграмму я не получил, тогда в июне месяце я лично сам поехал в Москву с целью добиться приема, но к Сталину меня не допустили, и я уехал из Москвы, не выполнив поручения Барченко. <…> При встрече со Сталиным я хотел рассказать ему о существовании древней науки и убедить его в необходимости личного свидания с Барченко».[343]

Что касается Тамиила, то, расставшись со своим другом, он не утратил интереса к общему делу и самостоятельно продолжал работать с универсальной схемой. Его жена Э.М. Кондиайн в 1929 г. поступила в издательство «Молодая гвардия» художником-оформителем. Летом 1934 г. она побывала с экспедицией в Восточной Сибири (район Витима и Олекмы), собирая материалы для учебника эвенкийского языка. Прежние связи Кондиайнов с другими членами «трудового братства» постепенно распались. Теплые, дружеские отношения сохранились только с К.Ф. Шварцем и его семьей. «Не покидал нас только Карлуша — верный товарищ, — вспоминала Э.М, — Одно лето он провел с нами на Кавказе в Красной Поляне с

дочкой Элей. В 1936 г. он прошел с нами Военно-Сухумскую дорогу».[344]

16 мая 1937 г. был арестован Г.И, Бокий — хранитель гос. тайны и тайный собиратель компромата на советских вождей. Уже на первых двух допросах 17 и 18 мая Глеб Иванович «покаялся» следователям — заместителю наркома внутренних дел, комиссару гос. безопасности 2-го ранга Вельскому и старшему лейтенанту Али Кутебарову — в своих прегрешениях. Сообщил о созданной им еще в 1921 г. из сотрудников спецотдела «Дачной коммуне», а также об организованной в 1925 г. вместе с Барченко масонской ложе. «Органы» отреагировали на последнее заявление Бокия серией арестов — один за другим с небольшими интервалами под стражу были взяты А,В, Барченко (22 мая) и другие бывшие члены ЕТБ в Ленинграде и Москве — Л.Н. Щишелова-Маркова (26 мая), А,А. Кондиайн (7 июня), К.Ф. Шварц (2 июля), В.Н. Ковалев (8 июля). Та же участь постигла и наиболее высокопоставленных «учеников» А,В. Барченко, входивших в московскую группу — И.М. Москвина и Б.С. Стомонякова, хотя их арестовали и не в связи с «делом Барченко».

Обвинительная формула Барченко звучала совершенно стандартно: создание «масонской контрреволюционной террористической организации Единое трудовое братство» и шпионаж в пользу Англии. Что касается Кондиайна, то его обвинили в том, что он являлся участником «контрреволюционной фашистско-масонской шпионской организации и одним из руководителей ленинградского отделения ордена розенкрейцеров, связанного с заграничным центром масонской организации «Шамбала», Интересно отметить, что следователи присвоили московскому кружку Барченко особое название — «Шамбала-Дюнхор», что, по-видимому, должно было говорить о маскировке А.В. Барченко своей «шпионской» работы «лженаучной деятельностью».

Для обвинения Барченко и его «сообщников» руководство НКВД разработало следующую легенду. На территории одного из восточных протекторатов Англии — какого именно, в деле не

указывалось, — существует некий религиозно-политический центр «Шамбала-Дюнхор», Этот центр имеет широко разветвленную сеть филиалов или ячеек во многих азиатских странах, а также в самом СССР. Его основная задача состоит в том, чтобы подчинить своему влиянию высшее советское руководство, заставить его проводить угодную центру (вернее, Англии) политику. С этой целью Барченко и участники созданного им «филиала» восточного центра пытались получить доступ к советским руководящим работникам. В то же время организация «Шамбала-Дюнхор», являясь шпионско-террористической, активно занималась сбором секретных сведений и подготовкой терактов — против тех же самых советских руководителей! Следуя этой легенде, следователи НКВД без особого труда квалифицировали как акт шпионажа получение А.А. Кондиайном от проф. Л.Г, Данилова работы о волновой природе погоды с последующей ее переправкой за границу. (В протоколе допроса Кондиайна читаем: «Эта работа имеет большое оборонное значение, т. к. вскрывает возможность указывать направление ветра и могла быть использована для военных целей — полета аэропланов, газовых атак»,)[345]

Что касается обвинения в терроризме, то следствию удалось «раскрыть» план покушения на товарища Сталина во время его летнего отдыха на Западном Кавказе, якобы разработанный Шварцем совместно с Кондиайном. По одному из вариантов этого плана террористы собирались обстрелять лодку вождя, когда он будет кататься на озере Рица. С целью подготовки теракта Шварц дважды выезжал в Гагры, в 1935 и 1936 гг., поскольку был информирован Бокием, что Сталин ежегодно отдыхает там. У обоих заговорщиков имелось личное оружие (револьверы). Кроме этого, боевая организация имела особую «пиротехническую лабораторию» для изготовления взрывчатых веществ, которая помещалась на даче Евгения Гопиуса под Москвой.[346]

О самой Шамбале, как и о сущности учения Дюнхор, речи на допросах почти не заходило, поскольку эти темы для следователей, очевидно, большого интереса не представляли. Барченко, впрочем, охарактеризовал тибетско-гималайское

убежище махатм как «центр «великого братства Азии», объединяющий все мистические общины Востока», и, вероятно, так в действительности и считал. В том же духе высказался и Кондиайн, назвавший Шамбалу «высшим масонским капитулом, с которым связаны все масонские ордена на Востоке». Ее влияние, пояснил он, распространяется, главным образом, на восточные страны — Китай, Тибет, Индию и Афганистан. На вопрос, к чему сводятся идеи древней науки, А.А. Кондиайн ответил — очевидно, по подсказке следователя: «Наша нелегальная организация пропагандировала мистику, направленную против учения Маркса — Ленина — Сталина».[347] Так, в ходе следствия по делу Барченко был сфабрикован новый миф о Шамбале как некой конспиративно-заговорщической организации восточных мистиков-масонов, используемой Англией для подрыва мощи СССР и распространения своего пагубного влияния на азиатском континенте. Шамбала из Счастливой страны буддистов превратилась в свою полную противоположность, став олицетворением зловеще-мрачной, деструктивной силы, представляющей прямую угрозу для существования первого в мире государства рабочих и крестьян.

Строго говоря, название мифической гималайской страны сделалось именем нарицательным в глазах советских идеологов еще в конце 1920-х. Усиление административного и экономического нажима на ламство в период насильственной коллективизации вызвало большое социальное напряжение в буддийских регионах СССР (Бурятская АССР и Калмыкская АО). Среди верующих начали широко распространяться ламские «лундены» — предсказания о скором начале апокалипсической мировой войны — священного похода против врагов буддийской веры («красных») 25-го царя Шамбалы, воплотившегося в тибетском панчен-ламе. Приход царя-освободителя во главе шамбалинского войска ожидался, согласно предсказаниям, в год Лошади («Морен-жил») — в 1930-м. Именно в это время резко обострилась политическая ситуация на Дальнем Востоке в связи с экспансией милитарисгской Японии, что, естественно, придавало ламским «джуд-хуралам» — молениям Эрыгден-Дагбо-хану с просьбой ускорить наступление священной войны и

уничтожение еретиков и безбожников — весьма зловещий характер. Хотя с конфессиональной точки зрения призывы к владыке Шамбалы являлись столь же безобидными, как и молебствия о втором пришествии Христа. В 1929 г., в канун «шамба-ланцерык», Агван Доржиев освятил только что построенный в Агинском дацане субурган Калачакры. Рассказывают, что внутрь этого памятника ламы поместили сто тысяч металлических иголок, олицетворявших железное воинство Эрыгден-Дагбо-хана.

Антибуддийские настроения в стране усилились в начале 1930-х, после ряда вооруженных — «ламско-кулацких» — выступлений в Бурятии и оккупации японцами Маньчжурии. Усилиями советской пропаганды Шамбала отныне окончательно превращается в символ крайней агрессивности, воинственности буддийского мира, прежде всего Японии. Но даже если бы международная ситуация была более благоприятной в это время, Барченко, по правде говоря, едва ли бы удалось убедить в величайшей ценности буддийского тантризма (Древней науки Дюнхор) таких ортодоксов марксизма, как Сталин, Молотов и Ворошилов. Рассчитывать на это мог только идеалист, не понимавший истинной сущности советской системы.

В 1937–1938 гг. в Бурятии и Калмыкии были закрыты («ликвидированы») последние буддийские монастыри. Советская пресса в эти годы гневно бичевала буддийских монахов за их проповедь учения о «шамбаланцерык» — войне Шамбалы. «Эта проповедь явно свидетельствует о связи ламства с фашизмом», — вещал журнал «Антирелигиозник».

«Во время поездки агента японской разведки Банчен-Богдо (панчен-ламы — А.А.) в Маньчжурию ламы распространили слух, что эта поездка связана с организацией «земных войск Шамбалы» и т. п. Интервенцию, которую готовит японский фашизм против СССР, ламы объявили «священной войной» небесных сил против еретиков и безбожников, в первую очередь против русских. Учение «шамбала» является орудием контрреволюционно-пораженческой агитации в пользу

японского фашизма и разжигания националистических настроений среди верующих».[348]

9 сентября 1937 г, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила А.А. Кондиайна по ст. 58 п, 6,8 и 11 УК РСФСР к ВМН — расстрелу с полной конфискацией имущества. В последнем слове обвиняемый произнес вымученную фразу о том, как ему тяжело сознавать, что он был «втянут в контрреволюционную организацию и самые лучшие годы своей жизни лил на мельницу своего врага». Приговор был приведен в исполнение в тот же день, Участь Кондиайна разделили и другие члены организации Шамбала-Дюнхор — К.Ф. Шварц (расстрелян в сентябре 37-го), В.Н. Королев (26 декабря), Л.Н. Шишелова-Маркова (30 декабря), Г.И. Бокий (15 ноября 1937), И.М, Москвин (21 ноября 1937). Судьба А.В. Барченко решилась несколько позднее — 25 апреля 1938 та же Военная коллегия под председательством В.В. Ульриха вынесла ему смертный приговор, на основании тех же трех пунктов 58-й «людоедской статьи» (по меткому определению С.А. Барченко) — шпионаж (п. 6), террор (п. 8) и принадлежность к организации (п. 11).

Репрессий не избежали и жены «врагов народа» — Э.М. Кондиайн была арестована через 10 дней после гибели мужа и осуждена постановлением «тройки» (особого совещания) на 8 лет лагерей, Тот же срок 23 июля 1938 получила и О.П. Барченко (отбывала в Акмолинском лагере жен изменников родины).

О ближайшей сподвижнице Барченко Ю.В. Струтинской мы знаем только, что в 1937 г. она проживала где-то под Майкопом — сведения, которые сообщил следствию А.А, Кондиайн, возможно, состоявший в переписке со Струтинской.

За два года до ареста Барченко, по рассказу Э.М. Кондиайн, тяжело заболел — на ноге образовалась флегмона, и врачи настоятельно советовали ему лечь в больницу. Иначе, говорили они, вы можете умереть, Но Барченко на это возразил: «Я умру тогда, когда больше не буду нужен своей работе», И стал лечить себя сам, как это делал и раньше, спиртовыми компрессами. Вскоре опасная болезнь отступила, Слова Барченко оказались

пророческими — в 1937 г, он, а вместе с ним и тысячи других ученых, оказались ненужными советской, вернее, сталинской науке. Именно кремлевский хозяин в конечном счете и вынес смертный приговор Шамбале, правда, не той Шамбале, о которой повествуют буддийские предания и которую искал Барченко, а ее полному антиподу — анти-Шамбале, созданной советской пропагандой.

Гибель ученого неизбежно повлекла за собой и утрату всего созданного им в 1920–1930-е годы. Как сообщили мне в 1999 г. в Центральном архиве УФСБ РФ, изъятые при аресте А.В. Барченко личные документы, различная переписка и монография (диссертация) «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя» (а вместе с ними, вероятно, и другие работы включая трактат о древней науке «Дюнхор» и книгу воспоминаний «В поисках утерянной истины») были уничтожены в 1939 г.

Погибли и материалы, находившиеся у учеников Барченко — тех, кто был арестован в 1937 г, Как собщает А.Г. Кондиайн (уже упоминавшаяся нами невестка А.А. Кондиайна), «все его (т. е, А.А. Кондиайна) вещи были конфискованы, а его комната-кабинет, долгое время остававшаяся опечатанной, затем была заселена чужими людьми, Остальная часть квартиры, где жили его мать, сестры, а потом и Олег Александрович (сын Кондиайна) с братом, в 1942 г. была полностью разрушена прямым попаданием дальнобойного снаряда, Так погибли и те вещи, которые оставались конфискованными»[349]».

Правда, речь в приведенных выше случаях идет об утрате личных вещей и архивов. Но есть еще официальная документация, осевшая в государственных (ведомственных) архивах, например материалы виэмовской лаборатории Барченко. Эти материалы могли бы пролить свет на нейроэнергетические исследования Барченко, однако их следы до сих пор не обнаружены.

И все же кое-что об этих исследованиях мы знаем. Будучи узником камеры № 76 Лефортовской тюрьмы, Барченко 24 декабря 1937 г. — сразу же по окончании следствия —

обратился с письмом к наркому внутренних дел Н.И. Ежову. В нем он попытался обратить внимание одного из наиболее одиозных советских вождей на исключительную ценность своей научной работы:

«… в свое время мне удалось открыть физическое явление, не учтенное, не описанное современной наукой. Разработкой этого открытия я с начала революции посвящал большую часть своих жизненных интересов и времени. В момент моего ареста я заканчивал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины организацию лаборатории, имевшую целью углубить практическую проверку моих научных построений, уже увенчавшихся в корне экспериментальным успехом в 1935 г., в бывшей моей лаборатории в МЭИ, в моих домашних работах. Из материалов взятых при моем аресте, известно, что в силу определенных причин, примерно за два года до моего ареста, я вынужден был уничтожить часть научного материала, в том числе и чертежи, освещающие пути практического приложения моего открытия». И далее Барченко сообщает Ежову:»… мною к моменту ареста были полностью теоретически и в значительной части экспериментально проработаны до степени, дающей возможность немедленной коллективной экспериментальной проверки, нижеследующие положения:

1) в результате проработки вопроса об энергетических факторах структуры жизнедеятельного вещества обнаружены конкретные пути энергорегуляции жизнедеятельности простейших, в том числе бактерий. Разработка этих путей может вооружить современную науку чрезвычайно мощным орудием как по линии терапии, так и по линии обороны от биологических методов войны;

2) в результате проработки того же вопроса… обнаружены пути энергорегуляции гиперплазии (разрастания клеток), не учтенные в современной науке в борьбе со злокачественными опухолями. В результате параллельной проработки вопроса о факторах повышенной сопротивляемости жизнедеятельного вещества обнаружен конкретный математический проекционно-геометрический механизм, обеспечивающий подбор

наивыгоднейших архитектурно-строительных конструкций, в том числе позволяющий Найти ключ к антисейсмическим зданиям;

3) не в силу мистической чудесности, а в силу того, что колебательно-вихревые (квантово-волновой процесс) и…, <пропуск текста> неучтенные черты которого обнаружены моим открытием, являются универсальным корнем всех без исключения случаев видоизменения энергии. Практическое приложение открытия в принципе универсально».[350]

Что стоит за этой предсмертной исповедью ученого, какое универсальное «открытие» он пытался сохранить для человечества, — можно лишь строить догадки. Тайна доктора Барченко остается нераскрытой.

Послесловие

Еще раз о Древней науке и науке современной

Прежде чем поставить точку в этой книге, я вновь задаю себе вопрос, кем же все-таки был доктор Барченко — ученым-новатором и визионером, чьи искания новых путей в науке, как бы ни относиться к ним сегодня, были прерваны большим террором? Или, может быть, прав В.С. Брачев, автор книги «Масоны и власть в России» (Москва, 2003), склонный видеть в нем псевдоученого и «прожектера-авантюриста»?[351] С такой оценкой, однако, мне трудно согласиться. Авантюризм в расхожем смысле этого слова предполагает совершение беспринципных поступков ради достижения какой-либо выгоды, в чем едва ли можно упрекнуть Барченко. Многие факты его биографии свидетельствуют как раз об обратном — о его исключительной принципиальности. Так, в письме Барченко Г.Ц. Цыбикову, написанном в начале 1927 г., мы читаем:

«…в течение 10 лет [я] не стеснялся в своих выступлениях перед правительственными и партийными руководителями открыто подчеркивать свое коренное расхождение с партийной идеологией и тактикой в целом ряде самых коренных вопросов, к примеру в вопросе о религии, семье, о воспитании, об

основной тактической точке зрения партии — оправдываются целью средства или нет».[352]

Барченко, как мне кажется, принадлежал к тому типу людей, которых обычно называют одержимыми. Такие люди существовали всегда и везде, в том числе и в советской России, особенно в 1920-е годы — «героические двадцатые». Одержимый своей Идеей (непременно с большой буквы!), он всеми силами стремился воплотить ее в жизнь — вернуть человечеству утерянное истинное знание. (Об этом говорит и название его мемуаров — «В поисках утерянной Истины».) Можно согласиться с В.С. Брачевым в том, что поведение Барченко в конце 1930-х, когда он настойчиво добивался встреч с Ворошиловым и Сталиным, отличалось явной неадекватностью, но именно так — неадекватно — ведут себя одержимые люди. Таким человеком был Джордано Бруно, любимый герой Барченко. Следуя его примеру, Барченко до конца остался верным своим принципам и своей Идее, что привело его на большевистскую Голгофу.

Другой вопрос — как относиться к Барченко-ученому и его весьма неординарным исследованиям? В.С. Брачев отмечает недостаточную профессиональную подготовку Барченко («недоучившийся студент-медик»), однако этот факт сам по себе еще ни о чем не говорит. Стоит вспомнить гениального К.Э. Циолковского, который был абсолютным самоучкой, а по роду занятий всего лишь школьным учителем, что не помешало ему создать всемирно известное «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Барченко, как мы знаем, также принадлежит оригинальный труд («Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя»). Однако, поскольку он не сохранился (или сохранился, но недоступен нам), мы не можем дать ему объективную оценку. Тем не менее можно сделать некоторые общие выводы, хотя и далеко не окончательные, относительно характера и методов работы Барченко.

Прежде всего обращает на себя внимание необычайно широкий диапазон его исследований, охватывающий «все области науки

и искусств» (по словам Э.М. Кондиайн): астрономия, химия, физика, медицина, биология, ботаника, геология, архитектура, теория музыки и т. д. Подобная масштабность объясняется спецификой проблемы, над которой Барченко работал совместно с математиком и астрономом А.А, Кондиайном, — «подтвердить достижениями современной науки положения и универсальные законы Древней науки». Насколько можно судить, Барченко и Кондиайн хотели связать воедино все природные и социально-исторические процессы на Земле, имеющие циклический характер, с планетными «категориями» и солнечной активностью («ритмами Солнца»), используя для этого некую эзотерическую «диаграмму соответствий» (универсальную схему). Эта работа во многом перекликалась с работой А.Л. Чижевского, закладывавшего в те же самые годы фундаментальные основы гелиобиологии. Нам также известно об экспериментальных исследованиях Барченко в области биофизики (где он применял все ту же УС для обработки полученных результатов) и парапсихологии.

Насколько ценными с точки зрения сегодняшней науки являются все эти исследования? Ответить на этот вопрос не просто, поскольку мы не знаем достоверно, что представляла собой универсальная схема — археометр Сент-Ива д’Альвейдра, его модификацию или что-то другое, — и каким образом Барченко и Кондиайн работали с ней. В любом случае подобная работа, предполагающая априори существование некоего «универсального единого закона» («мировой универсальной закономерности», абсолютной Истины), лежащего в основе мироздания, кажется на первый взгляд совершенно немыслимой в рамках современной строго позитивной (аналитической) науки. Именно поэтому у Барченко и произошел конфликт с руководством научного отдела Главнауки, выступившим против его «синтетического» метода и заявившим о намерении вести борьбу с «аксиоматикой во всех ее видах». Барченко, как свидетельствует его первое письмо к Цыбикову, пытался отстоять свои взгляды, доказать, ссылаясь на классические формулировки Ленина и Энгельса, что Древняя наука глубоко материалистична и ее основные положения не противоречат марксистской теории (учению о материи). Так, например, он

утверждал, что марксизм по существу признает наличие «мировой универсальной закономерности» (в виде законов природы) и в действительности ведет к овладению ею человечеством. Или что «священное счисление» универсальной науки полностью отвечает одному из основных требований Ленина, — не допускать отрыва физических явлений от выражающих их математических формул.[353]

В то же время из сообщения Э.М. Кондиайн мы знаем, что УС работала на практике, позволяя Барченко и Кондиайну успешно обрабатывать как чисто статистические данные, так. и лабораторный материал: «картина получалась стройная». Так ли это было на самом деле? И применима ли вообще оккультная наука о числах — теория числовой эманации (каббалистская или какая-либо другая) в современном научном познании? Большинство ученых скорее всего ответят на этот вопрос отрицательно, но, вероятно, найдутся и те, кто думает иначе. Говоря об УС, нельзя не задать и другого вопроса — действительно ли познания древних были столь «огромными и мощными», как считал Барченко и как утверждают некоторые нынешние его последователи, те, кто верит в существование северной прародины человечества (Шпербореи) и пытается подтвердить современными научными данными универсальные законы Древней науки (например, учение о «семеричной структуре мироздания»[354])?

В последние десятилетия — в России и на Западе — появилось немало интереснейших публикаций, посвященных наиболее загадочным памятникам древней и древнейшей истории. Их авторы делают попытки расшифровать заложенную в этих памятниках информацию (астральную, геометрическую, математическую и др.). Так, удалось установить, что в пирамиде Хеопса (Великой пирамиде) зашифрованы различные геометрические символы включая пропорции «золотого сечения»; структура ее углов, ребер и граней, по словам А.В. и А.А. Зиновьевых, «формирует целостную эзотерическую систему, сопряженную с результатами астрономических наблюдений».[355] Те же ученые, незнакомые с У.С. Барченко, говорят, практически его же словами, об «универсальном

логико-математическом законе», представленном во всей полноте в удивительном творении неведомых нам древнеегипетских зодчих-ученых.

Действительно, многие дошедшие до нас памятники древности (мегалитические обсерватории-святилища Стоунхенджа и Аркаима, египетские и индейские пирамиды, месопотамские зиккураты, античные храмы и другие постройки, различные приспособления для счисления времени, как то: лунно-солнечные календари и т. д.) свидетельствуют о весьма высоком уровне знаний наших далеких предков. Так, исследования английского палеоастронома Александра Тома показали, что в эпоху конца неолита — начала бронзы северо-запад Европы покрывала целая сеть мегалитических обсерваторий для наблюдений как Солнца, так и Луны. Общепризнанным ныне считается и факт использования человеком верхнего палеолита (15 и более тысяч лет назад) разработанной календарной системы (лунно-солнечный календарь).[356] В то же время древние располагали и обширными сведениями о корреляционных связях между планетными конфигурациями (солнечной активностью) и биофизическими процессами на земле. Б.М. Владимирский и Л.Д. Кисловский в работе «Археоастрономия и история культуры» даже допускают, что «эмпирические знания наших предков по проблеме космических влияний на биосферу были, вероятно, обширнее и глубже, чем наши».[357]

Но особенно глубокими были познания древних в области невидимого «тонкого мира», связанного с человеческим сознанием и психикой. Примером подобного знания может служить древнеиндийская йога — «наука о духе», содержащая сведения о человеке и его интегральной психоэнергетической системе. Овладевшие в совершенстве этой дисциплиной приобретают паранормальные — «сверхчеловеческие» (с точки зрения обычного человека) способности, так называемые «сиддхи». С помощью йоги, интуитивно-созерцательным методом, индийские лесные отшельники-мудрецы («риши») смогли проникнуть за видимую, субстанциальную оболочку вещей и познать сверхчувственные, невидимые явления и

«сущности», чтобы затем создать — «синтезировать» — гармонично-целостную картину мира, где все связано со всем — атом и галактика, человек й вселенная. Это высшее, космическое видение Единого Мира было прекрасно выражено ими в философско-религиозных текстах «Упанишад».

Индийская йога и аналогичные ей духовные практики других народов[358] (которые, однако, нельзя сводить только к психотехникам в узком смысле этого слова) имеют очень древнее происхождение. Каждая из них представляет многовековую традицию передачи знания — изустно, от учителя к ученику, от посвященного к посвященному. Подобная закрытость, герметичность знания вообще характерна для древнего мира. Так, в Египте приобрести какие-либо знания можно было лишь в особых храмовых школах под руководством ученых-жрецов. Такие школы назывались «домами жизни» («пер анх») — «дома египетской науки и философии» у Барченко. Здесь читались и переписывались священные тексты, хранились собрания папирусов самого разного содержания и проходило обучение различным наукам и искусствам — медицине, астрономии, математике, архитектуре и т. д. Здесь же учащимся давались и сокровенные эзотерические знания.

Интересно, что, говоря о созерцательно-синтетической Древней науке, Барченко ассоциирует ее не только с Калачакрой, но и с «ведической философией йога» и отмечает, что она приобрела свою окончательную форму в «допотопном Египте», откуда была вынесена Моисеем. Такая точка зрения расходится с мнением современной науки, считающей, что йога как религиозно-философское учение и психотехника сформировалась на индийском субконтиненте в ведический период (условно — в 1-м тысячелетии до н. э.). (Считается, что йогичес-кая психотехника обязана своим появлением религиозному опыту упоминавшихся выше легендарных ведийских мудрецов-риши.) Барченко, несомненно, импонировала индуистская идея «Брахмана» как космического первоначала, безличного абсолюта, лежащего в основе мира, В его собственной интерпретации — это «универсальный мировой закон», иначе говоря — Бог, Подобно Джордано Бруно, Барченко понимал Бога скорее всего как

«сокровенную сущность космоса», говоря словами философа И.И. Лапшина. А потому «постижение этого Божественного начала для мудреца возможно лишь путем научной мысли, научного творчества, сопровождаемого величайшим энтузиазмом»,[359]

Возникновение совершенного знания (на основе синтеза науки и религии) Барченко, как и другие оккультисты, связывал с «допотопной» цивилизацией, которую он называет «доисторической культурой». Несмотря на очевидную «ненаучность», теория «первого человечества» (термин Д.С. Мережковского) или працивилизации, гипотетически существовавшей на Земле 10–12 тысяч лет до нашей эры, вновь становится популярной в наше время. К этой теории исследователи, как правило, прибегают, сталкиваясь с фактами, необъяснимыми с точки зрения современной науки и техники (например, строительство египетских пирамид). Насколько оправданны, однако, их ссылки на «працивилизацию»?

В принципе, вполне допустимо говорить о существовании в глубочайшей древности некой синкретической пракультуры, включавшей в себя религию, философию, искусство и науку, и о ее последующей дифференциации, разделении на отдельные части. Известный французский этнограф и психолог Л. Леви-Брюль считает, что первобытный человек обладал «мистическим» и «пралогическим» мышлением, подчинявшимся «закону партиципации» (сопричастности между существами и предметами), управляющим ассоциациями и связями в его сознании. «Для первобытного мышления существует только один мир, — пишет он. — Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие».[360] Историк-востоковед И.М. Дьяконов в то же время отмечает, что восприятие мира древним человеком, жившим еще в нерасчлененном единстве с природой, «было во многих смыслах эмоциональнее нашего (хотя эта эмоциональность и не осознавалась как нечто отдельное от познания)». В древности, когда рациональные средства познания были мало разработаны, утверждает он, мировоззрение носило «эмоционально-метафорический

характер, было очень тесно связано с мифом, с обрядом, с культом…». Изучение орнамента керамических изделий неолита и раннего энеолита (8–3 тысячелетия до н. э.) также позволяет подметить у древнего человека необыкновенно развитое чувство ритма: «В палеолитических изображениях мы почти не ощущаем ритма. Он появляется только в неолите как стремление упорядочить, организовать пространство».[361]

Наша материалистическая наука обычно изображает человека той далекой эпохи как весьма примитивное и грубое существо, полностью подчиненное власти природных стихий. Этот образ, однако, кажется сильно искаженным. Во всяком случае, наши предки не знали экологических проблем, поскольку находились в гораздо более гармоничных отношениях с природой, чем мы, ее «покорители». По мнению петербургского религиоведа Е.А. Торчинова, архаический «дикарь» — по своей психической организации был не грубее, а значительно тоньше и чувствительнее, чем современный цивилизованныйо человек, что делало его способным к трансперсональным переживаниям, лежащим в основе любого религиозного опыта. «У архаического человека, в силу значительно большей открытости областей бессознательного, не придавленного еще толстым слоем цивилизационных норм, навыков и стереотипов и не испытавшего еще такого давления со стороны сознания, его проявления (проявления бессознательного. — А. А.), в там числе и в виде трансперсональных переживаний, были значительно более частыми, интенсивными и достаточно обыденными».[362]

Предыстория — время ДО зарождения первых цивилизаций в Месопотамии Эламе, Египте и Индии — один из наиболее темных периодов истории человечества, таящий в себе немало загадок и тайн. Прежде всего, непонятно, каким образом произошел «скачок» от каменного века в век металла, от первобытного общества к классовому, от дикости к цивилизации — то, что ученые называют «неолитической революцией». Мы не знаем, например, как появилось в Египте иероглифическое письмо, — существует совершенно необъяснимый разрыв между ним и наскальными рисунками в долине Нила. Связь времен — ДО и ПОСЛЕ — кажется разорванной. Столь же загадочны для нас

психика, духовный и творческий мир человека «пракультуры», «эпохи ДО» (ее условные границы — между 10-м и 3-м тысячелетиями до н. э.). Что представляла собой гипотетическая Древняя наука (используя термин д'Альвейдра и Барченко)? И где, в какой точке земли она зародилась — в Древнем Египте (как считают оккультисты), в Индии или где-то еще? В свое время (1970-е гг.) известный исследователь А.М. Кондратов выдвинул гипотезу, согласно которой в Индийском океане между Шри-Ланкой и Мадагаскаром в древности находился огромный остров-материк Лемурия. Именно здесь, на Лемурии, по мнению Кондратова, формировалась система письма, давшая начало древнейшим письменностям Востока, сложилась древнейшая на нашей планете цивилизация — прародина цивилизаций Элама, Двуречья и Индостана; здесь же, возможно, находилась «колыбель» европеоидов-меланхроев и «человека разумного» (homo sapiens), происходило формирование древнейших людей, а также антропоидов, приматов и обезьян, родилось учение Тантры и йоги.[363]

А вот как представляют себе працивилизацию уже упоминавшиеся нами А.В. и А.А. Зиновьевы, в большой степени разделяющие взгляды оккультной науки: «…это древнейшее общество, которое не оставило после себя письменных памятников, но жизнь и деятельность которого привела к появлению астральных знаний на разных континентах. Працивилизация передала (изустно и практически, формулами культа и языком мифологии, священными знаками, алфавитами, хронологиями, посредством архитектоники Великих Ступ и Пирамид) свой опыт и свои достижения, что позволило новым народам подняться на более высокие ступени культуры и, пережив подъемы и падения, оставить свой неизгладимый след в истории. Протоцивилизация заложила основу исторического времени, создала незримый, но прочный фундамент динамичного развития человечества».[364]

Эти знания, унаследованные новым (послепотопным) человечеством, однако, были в значительной степени утрачены в ходе поступательного («цивилизационного») развития общества, когда доминирующим способом познания мира

становится логическо-дискурсивный метод, лежащий в основе современной «аналитическо-экспериментальной» науки. Хорошо известно о гибели огромного числа древнейших памятников вследствие различных катаклизмов — природных (геологических) и социальных. Говоря о последних, нельзя не вспомнить об утрате сотен тысяч (!) египетских и греческих папирусов в результате пожара Александрийской библиотеки и разграбления святилища Сераписа, о практически полном уничтожении памятников маясской культуры испанской инквизицией или о разрушении «каменных памятников» дохристианской Руси, например на Соловецких островах (так называемые «вавилоны», «лабиринты» и «пирамиды»). Что же касается немногих сохранившихся до наших дней загадочных сооружений, таких, как египетские пирамиды и Большой сфинкс, мегалитические обсерватории Стоунхенджа и Аркаима, то они во многом остаются непонятными для нас, поскольку мы не имеем ключа к их «дешифровке» — прочтению изначально заложенной информации.

Теория працивилизации позволяет по-новому взглянуть на древние предания и мифы, кажущиеся современному человеку не более чем прекрасными сказками, — о «золотом веке», о Великом потопе, уничтожившем «первое человечество», о затонувших островах-материках — Атлантиде и Лемурии, а также о «счастливых странах» — о Гиперборее и Шамбале. Однако не будем забывать, что такая теория пока является не более чем гипотезой.

Обратимся теперь к парапсихологическим исследованиям Барченко. Его опыты по передаче мышей на близкое и далекое расстояние и обследование «сенситивов» — людей, обладающих паранормальными способностями (лопарские «эмэряки» и шаманы), — не утратили своей актуальности сегодня. Хотя, опять-таки, судить о них мы можем лишь заочно, по сообщениям третьих лиц. Именно в парапсихологии, к изучению которой западная наука приступила только в XIX веке, мы сталкиваемся с «запредельными» знаниями древних, ставящими в тупик современную науку.[365] В этой связи нельзя не упомянуть об удивительных экспериментах группы американских психологов-

трансперсоналистов во главе с С. Грофом, которые позволяют заглянуть во внутренний мир «архаического человека».[366] Во время «трансперсональных переживаний» в ходе так называемых психоделических или «ЛСД-сеансов» пациенты Грофа приобретали способности экстрасенсорного восприятия (телепатия, ясновидение, яснослышание, предсказание будущего, выход из тела, видение на расстоянии и др.), в том числе испытывали мистическое «расширение сознания» — состояние, при котором сознание расширяется за пределы Эго и трансцендирует границы времени и пространства. В результате испытуемые получали доступ — через экстрасенсорные каналы — к новой информации о различных аспектах материального мира, то, что, по мнению ученого, «попирает самые фундаментальные положения и принципы современной механистической — ньютоно-картезианской — науки». (Отметим попутно, что С, Гроф выделяет в отдельную категорию «переживание встреч со сверхчеловеческими духовными сущностями», от которых человек обычно получает «послания, информацию и объяснения по разным экстрасенсорным каналам», что, возможно, дает нам ключ к разгадке феномена теософских «махатм» — «духовных гидов с более высокого плана сознания».)

Данные, полученные в ходе изучения измененных состояний сознания, как считает Гроф, указывают на «настоятельную необходимость основательного пересмотра фундаментальных понятий о природе человека и природе реальности». В то же время они побуждают нас обратиться к знаниям и опыту «великих древних или восточных духовных традиций», таких как различные формы йоги, кашмирский шиваизм, тибетская ваджраяна, дзен-буддизм, даосизм, суфизм, каббала или алхимия. «Накопленное в этих системах за тысячелетия богатство глубинного знания о человеческой душе и сознании не получило адекватного признания в западных науках, не воспринималось ею и не изучалось».[367] О том же самом говорит и российский ученый А. Мартынов, утверждающий, что знание, накопленное человечеством в прошлом, «вне рамок позитивистской науки», совершенно выпало из поля зрения современного человека. Люди перестали понимать язык, на

котором оно выражено. «Стало непонятным издревле существовавшее стремление связать дискретное с континуальным». Причины такого состояния современного знания, по мнению Мартынова, «кроются в чрезмерном превалировании логического мышления в процессе получения новых знаний, в то время как не может не удивлять, что на заре нашей цивилизации созвездие великих мыслителей смогло постичь именно континуальные сущности, используя в качестве основного канала постижения истины интуитивный канал. Именно попытка континуального, интегрального осмысления современных дискретизированных знаний приводит к ясному ощущению, что эти выводы уже были сформулированы нашими великими предшественниками: просто человечеству свойственно не только приобретать новые знания, но значительно чаще забывать старые, как только они начинают не укладываться в стереотип мышления, навязанный очередной социальной структурой».[368]

В наше время — на рубеже тысячелетий — уже ведется вполне определенная работа по созданию новой научной парадигмы — «альтернативной науки», вне рамок общепризнанного ньютоно-картезианского идеала. Так, в США в конце XX века возникла научно-философская программа «Нового века» (New Age), которая дает качественно новое понимание человека и мира как единого антропокосмического целого на основе синтеза квантово-голографических представлений, трансперсональной психологии и традиционных восточных систем мышления. Подобные разработки ведутся и в России — назовем для примера эволюционно-космическую парадигму, сформулированную на основе трудов «русских космистов» (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.). К числу этих ученых-новаторов, безусловно, следует отнести и А.В. Барченко с его идеей универсальной «синтетической науки».

Лучше всего о сущности Древней науки и ее принципиальном отличии от науки современной высказался один из ведущих российских уфологов — доктор философских наук В.Г. Ажажа. (Уфология — научное направление, изучающее феномен НЛО и его воздействие на биотехносферу.)

«В начале развития человечества на Земле система мышления была одна: мышление, направленное на истинное миропонимание. Поэтому логическая и духовная составляющие процесса мышления были неразрывно связаны. В то время не было разделения на религию, философию и науку. Эта была единая система постижения истины мироустройства. Вот почему египетские жрецы еще 5000 лет назад были подлинными интеграторами знаний человечества того времени. Создав такую систему мышления, человечество вошло в эру накопления знания (период с 4400 г. до н. э. по 2200 г. до н. а).

Далее система постижения истины расчленяется на логическую систему мышления и мистическую (духовную). Этим расчленением ознаменовалось начало эры потери знания (период с 2200 г. до н. э. до Рождества Христова).

Далее расчленение усилилось — логическое и духовное мышления вошли в противоречие. Наука стала полностью базироваться на логической сисгеме, а религия — на духовной системе мышления, что привело к антагонизму между наукой и религией. Этим ознаменовалось начало эры воинствующего невежества человечества (период от Рождества Христова до сегодняшнего дня). Человечество сегодня живет в завершающей фазе воинствующего невежества. В основе интеллекта современного человека лежит логическое мышление. Современный человек для приобретения познаний должен изучать десятки наук, прочитывать сотни книг, затрачивая огромные физические, психические и интеллектуальные силы, тратя на это десятки лет своей жизни, расходуя большие материальные средства. А египетский жрец, будучи человеком духовно высокоразвитым, развившим в себе способности мгновенного озарения (происходящего на информационно-энергетическом уровне человека, но никак не на физическом уровне), мог мгновенно получать знания большие, чем современный ученый за всю свою жизнь. При этом знания человек получает такого объема и такой ясности, что у него не возникает ни сомнений, ни потребности в каких-либо дополнительных домыслах и физических экспериментах.

Все великие открытия были сделаны как акт озарения гениальных ученых нашей планеты».[369]

На основе многолетнего изучения интереснейшего уфологического материала, свидетельствующего о присутствии в сфере обитания человечества иного разума, отличного от человеческого, В.Г. Ажажа также делает попытку создания новой парадигмы, или модели мира. В основе мироздания, утверждает ученый, лежат «три кита»: разум Вселенной (управляющее ядро), информация и энергия. Информация и энергия — первокирпичики материального мира. Вселенная состоит из разноматериальных миров. Есть миры тонкоматериальные, есть миры плотноматериальные, где энергия уплотнена. Есть миры твердоматериальные, как наш физический мир Земли, где энергия находится в сверхплотном состоянии. Однако материя — это не первопричина всего сущего, и даже не причина. Материя — это результат работы разума Вселенной, информации и энергии, то есть это следствие. Наш материальный (физический мир) — мир следствий. «Мир причин — в системе информационно-энергетических потоков Вселенной. Мир первопричин — во Вселенском разуме, который формирует информацию, программирует Вселенские процессы и реорганизует энергию, потоки которой согласно программе реализуют эти процессы».

«Наша официальная наука сегодня, — пишет В.Г. Ажажа, — исходит из того, что материя первична. И весь научный аппарат направлен на исследование именно этой «первичной» субстанции. Вся экспериментальная мощь современной науки направлена на материю: мы ее разрываем, пилим, расплавляем, растворяем, бомбардируем в ускорителях, и все это делается для того, чтобы выйти к причинам мироустройства — к Истине.

Наше научное мышление и все наши научные методы направлены на работу с материей, т. е. со следствием. Какими бы тонкими ни были наши эксперименты, измерения и вычисления, какие бы усилия ни прилагались нами в сфере нашей науки, мы применяем их к следствиям. Естественно, в результате мы имеем только следствия. Все истины, полученные

нашей наукой, являются относительными. Сегодня наука утверждает, что это истина, завтра экспериментально получаются новые результаты (факты) — и это уже. не истина. Снова разрабатываются теории, которые выдвигают новые истины, и так до бесконечности. Наше материалистическое мышление в принципе не может привести нас к Истине. А ведь она есть и существует независимо от того, знаем мы о ней или нет. Современная наука, изучая следствие (материю), отвечает на вопрос «как?», но не в состоянии ответить на вопрос «почему?».[370]

Ажажа также говорит о необходимости пересмотра наших представлений о генезисе и эвЬлюции человека. Жизнь на Земле, считает он, не могла возникнуть случайно, «сама по себе», как утверждают дарвинисты. Возникновение жизни было планомерным и направленным. Дарвин полагал, что человек — венец эволюции, результат тысячелетнего естественного отбора, в ходе которого «из простой неразумной обезьянки получилось разумное существо». Но исследования последних лет свидетельствуют, что современный человек является потомком земных приматов только наполовину, а именно — по «мужской линии». По женской же линии, согласно исследованиям американских ученых, мы происходим от одной особи женского пола, т. е. у человечества одна общая, хотя и неизвестная, «праматерь». «Продолжая исследования в этом направлении, антропологи чаще приходят к выводу, что человек — действительно творение, только не эволюции, а опять-таки некоего разума, природа которого пока нам непонятна». Согласно теории инволюции — вопреки дарвиновской теории эволюции, «живые формы не совершенствовались за счет естественного отбора, а деградировали от более развитого вида к нынешнему человеку и обезьянам. Неандертальцы были одной из нисходящих ветвей инволюционного древа, в данном случае тупиковой. В таком случае они, как и все другие гоминиды, условно говоря, наши двоюродные братья и товарищи по несчастью. А процветавшие общие предки, чьи блистательные города скрыты в океанской пучине, оставили по себе память в легендах и мифах».[371]

Ажажа, между прочим, также пытается дать современное прочтение Библии, как это в свое время делали д'Альвейдр и Барченко. Так, загадочная фраза «В начале было Слово…» из Евангелия от Иоанна становится более понятной для нас, если вместо «слово» прочитать «информация». Приведем еще несколько примеров:

«Долгое время меня шокировала фраза: «…и создал Бог твердь… И назвал Бог твердь небом». Я считал это абсурдом. Ну как небо может быть твердью? Теперь же я понял, что замкнутые вихревые информационно-энергетические потоки, сформированные в энергетические вселенческие ячейки типа «пчелиных сот», образовали твердь — жесткую энергетическую структуру Вселенной. Вселенная — это твердь, а не пустота (вакуум), как мы считаем сегодня.

Меня вводил в недоумение стих 7 главы 1 Бытия: «И создал Бог твердь: и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью…» Что это за две воды, которые отделены друг от друга, и зачем нужно отделять их? Это недоумение продолжалось до тех пор, пока не были открыты две информационные основы во Вселенной. Одна — информационная основа биологических процессов и биологической жизни во Вселенной — это вода (H20). Вторая — информационная основа внутризвездных процессов во Вселенной — это вода литиевая (Li20).

Десятки раз я читал, но не воспринимал фразу: «Как наверху, так и внизу, как на Земле, так и на небе». Десятки лет я проходил мимо великой мудрости, содержащейся в этой короткой фразе. А мудрость эта гласит о том, что вся Вселенная построена по одним законам. Все живое и неживое (с нашей теперешней точки зрения), все твердое, жидкое и газообразное построено и живет по единым вселенским законам. Человечество, не поняв (или не приняв) этой библейской мудрости, ушло в сторону в своем развитии. Не зная Истины, мы разорвали науку на клочья. Для каждого объекта исследования создали свою науку. В этих науках различные подходы, методы

и закономерности. Трагический результат такого расслоения мы начали ощущать только теперь».[372]

В свете этих новых — отнюдь не бесспорных — идей В.Г. Ажажи и других ученых,[373] наверное, и следует рассматривать научно-оккультные поиски Барченко, его попытки соединить несоединимое, в чем-то наивные и утопичные, а в чем-то определенно новаторские. Целью Барченко было произвести синтез научных представлений о природе и человеке, показать, что в основе Мироздания лежит универсальный единый закон, еще не познанный современной — аналитической — европейской наукой, но хорошо известный древней «созерцательно-синтетической» науке Востока, владевшей тайной йоги, тайной всепроникающих и всеобъемлющих чисел и ритма, тайной времени. Закон, за которым скрывается утерянная человечеством Истина. Аналогичным образом современные ученые ищут принципы простоты и единства в физическом познании нашего сверхсложного мира, и, как знать, не придут ли они в конце концов к тем простым истинам, которыми владела Древняя наука. Ближе всего к Барченко-ученому, как мне кажется, стоит гелиобиолог-«солнцепоклонник» А.Л. Чижевский, также мечтавший о синтетическом объединении наук. Четыре года спустя после гибели Барченко он также оказался в ГУЛАГе, и тогда же погиб его главный труд (книга «Морфогенез и эволюция с точки зрения теории электронов») — печальные параллели с судьбой Барченко.

Закончить эту книгу мне бы хотелось замечательными словами А.Л. Чижевского о современных ученых, отвергающих в своем высокомерии и невежестве кажущиеся им «ненаучными» познания древних:

«Мы слепы в нашей современности. Глумясь над тем, что взлелеяла и над чем страдала мысль наших предков, мы сами со своими аподиктическими истинами века становимся объектами насмешек будущих поколений; несравненно смешнее тот, кто позволил себе смеяться над упорным трудом в поисках истины. Увы, не пройдет и полувека, как все верования и чаяния современности превратятся в «историю». Существует лишь

небольшое количество незыблемых истин, которым суждено прожить тысячелетия. И кто осмелится утверждать, что, претерпев ряд преобразований, человеческая мысль не вернется снова к тем первоначальным философским концепциям, которыми болела на заре истории человечества».[374]

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Краткая автобиография А.В. Барченко

В правление Педагогической академии

16/V 1919

Слушателя 2-го Педагогического института

Александра Васильевича Барченко, живущего

по 10-й линии Вас. О-ва в д, 41, кв. 12

ЗАЯВЛЕНИЕ

По окончании классической (б. 2-й СПб.) гимназии я поступил на медицинский факультет, на коем прослушал лекции два с половиной года (в Казанском и Юрьевском университетах). За неимением средств должен был университет оставить и сначала поступил на службу в Министерство финансов, и затем занялся литературной работой, которая в течение 10 лет является исключительным средством моим к существованию.

В различных популярно-научных столичных и провинциальных изданиях я все время работал как популяризатор биологии и географии. Помимо журнальных и газегных статей, моя книга (сборник географических картин и рассказов) «Волны жизни» выдержала два издания. Моя географическая повесть для юношества старшего возраста «Океан-кормилец» (из быта мурманских промышленников), помимо журнала разошедшаяся отдельным изданием, ныне выходит вторым изданием.

Мне пришлось в качестве туриста, рабочего и матроса обойти и объехать большую часть России и некоторые места за границей.

Попутно я дополнял свое образование собственными силами, штудируя учебники в рамках университетского курса естествознания и работая в частных лабораториях.

В 19И г, возбуждал ходатайство о держании государственных экзаменов по естественному факультету, но как участник войны эту возможность потерял. С 1918 г. состоял слушателем Высших одногодичных курсов при 2-м Педагогическом институте. Получал стипендию и выполнил все объявленные работы (экзамен по общей биологии и зачетный реферат по методике естествознания). Курср за ограниченным числом слушателей в конце января были расформированы, и я оказался слушателем-стипендиатом Института по биологическому факультету.

Слушать 4-летний курс в границах программы, мне достаточно знакомой, я не имею возможности. Специализировавшись в литературной работе по вопросам географии, прослушавши полный семестр на географическом отделении б. Высших одногодичных курсов при 2-м Педагогическом институте, намереваясь в дальнейшем посвятить себя педагогической деятельности в качестве преподавателя географии, я прошу правление принять меня в чйсло слушателей-стипендиатов Педагогической академии по географическому ее отделению.

1919 года апреля 14-го

Александр Барченко.

При сем прилагаю удостоверение ректора 2-го Педагогического института

(приписано)

Кроме сего я сдал на Высших одногодичных курсах зачет по страноведению. По геологии с основами кристаллографии держал в свое время экзамен в Военно-Медицинской академии (получил полный балл).

В 1918 году читал ряд публичных лекций в Тенишевском зале по истории естествознания. В том же году читал законченный курс «История древнейшего естествознания» на частных курсах преподавателей в физическом институте Соляного Городка.

Документы в подтверждение изложенного не замедлю представить дополнительно.

Александр Барченко.

ЦГА СПб. Ф. 2990. Оп. 1. Д. 103. Лл. 5, 6,6 об.

РСФСР

Комиссариат Народного Просвещения

2-й Петроградский Пед. Институт

12 апреля 1919 г.

(Пр. К. Маркса № 84-в)

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано А.В. Барченко в том, что он с 1918 состоял слушателем-стипендиатом Высших одногодичных курсов при 2-ом Педагогическом институте по естественно-географическому отделению. Барченко сдал объявленный в декабре месяце экзамен по общей биологии, получив отметку «весьма удовлетворительно», и предоставил объявленный по курсу методики естествознания зачетный реферат, выполненный вполне успешно.

Ввиду расформирования курсов Барченко ныне перечислен в число слушателей-стипендиатов института и получил стипендию из расчета 500 руб. в месяц за январь и февраль.

1919 г. апреля 12.

Ректор Института Н. Рожков.

ЦГА СПб. Там же. Л. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Письма А.В. Барченко В.М. Бехтереву 1920–1923 гг.

Письмо 1

1920.XII.19

Петроград

Васильевский о-в, 1 линия, д. 40, кв. 21

Высокочтимый Владимир Михайлович!

Я только что вернулся с Мурмана и съездил в Москву. К сожалению, я не мог и там разыскать интересовавшую Вас мою книгу «Доктор Черный». Она разошлась до последнего комплекта.

Прилагаю при сем единственный собственный экземпляр «Доктора Черного». Боюсь, что вещь эта Вас весьма разочарует. Она приспособлена для целей популяризации некоторых научных новинок специально в среде старшей ступени юношества.

Что касается просимых Институтом по изучению мозга препаратов океанской фауны, то дело обстоит так: для препаратов необходима посуда, ею необходимо запастись в Петрограде. Если посудой располагает Институт, — благоволите озаботиться, чтобы меня ею до моего отъезда (4–5 января) снабдили. Если же посуды в Институте нет, дирекция его благоволит снабдить меня требовавиием в «Главстекло». В таком случае я получу возможность доставлять интересующие Вас препараты не позже половины февраля.

Доклад на тему: «Душа древних учений в поле зрения современного естествознания», который я должен был сделать, согласно приглашению Института, 22 ноября, я могу доложить между первым и четвертым января или же в середине февраля. Благоволите обсудить, что для Вас будет удобнее и, если не затруднит Вас, сообщите мне возможно скорее, чтобы я мог ориентировать свой отъезд из Петрограда и приезд в феврале — ad hoc.

Относительно интересовавших Вас вопросов из области древней науки и применения некоторых методов ее к исследованию области, интересующей комиссию, коей Вы руководите, я выяснил все, что от меня зависело, в том числе и форму и рамки моего участия в этой работе, для меня доступные.

Если Вас эта сторона вопроса не перестала интересовать, благоволите известить меня — я до отъезда буду к Вашим услугам во всякое время.

Теперь разрешите обременить Ваше внимание вот чем. Несколько минут назад ко мне неожиданно явилась Вера Князькова — та самая больная, которую я старался направить к Вам на излечение и с коей вместе у Вас был. По ее словам, она совершенно отчаялась в возможности привлечь к себе внимание врачей в размере, обеспечивающем ей возможность более или менее скоро покинуть лечебницу, в коей она, не считающая себя больной, томится уже полтора месяца. По словам [В. Князьковой], ее сестра Нина, неизвестно из каких побуждений, с необъяснимой настойчивостью клятвенно уверяет врачей, ее пользующих, что все слова ее, Веры Князьковой, — болезненный бред и болезненная ложь. В зависимости от такого утверждения врачи, по словам В. Князьковой, совершенно изменили к ней отношение и игнорируют ее заявления как бредовые.

Совершенно отчаявшись добиться более внимательного отношения легальным путем, В, Князькова решилась на крайний шаг — бежать из больницы и умолять меня, как оказавшего ей в свое время теплое участие, чтобы я лично снесся с Вами и обратил на нее персонально Ваше внимание.

Доставши у одной из больных пальто, Князькова вечером в темноте потихоньку выбралась из лечебницы и явилась ко мне. Я по совести должен констатировать, что Вера Князькова сейчас держится настолько спокойно и здраво и настолько логично аргументирует свой поступок, что применить к ней насильственное стеснение свободы не представляется никаких, по крайней мере очевидных, оснований, Посему элементарным долгом человечности я почел до утра предоставить ей в своей семье приют. Я вместе с людьми, совершенно мне посторонними, был в свое время свидетелем, как сестра Веры Нина обнаруживала значительно более болезненную и нервную неуравновешенность, чем Вера Князькова. С теми лицами я был свидетелем, как Нина Князькова обвиняла Веру с ругательствами и криком во лжи и бреде, каковые обвинения Вера совершенно спокойно на глазах у нас опровергала, оперируя фактами. Посему я лишен возможности не доверять Вере в ее рассказах о воздействии ее сестры Нины на врачей лечебницы, черпающих, в силу необходимости, данные для анамнеза из уст Нины Князьковой.

Ввиду же того, что Вера Князькова определенно, и не принимая на себя всяческую ответственность, заверяет, будто д-р Триумфов[375] настойчиво допытывается у нее, «чем ее спасал и лечил д-р Барченко», а д-р Мясищев[376] предложил ей вопрос: «Почему Вы уверены, что д-р Барченко вас не гипнотизировал?», и ввиду того, что я, в действительности, не экспериментировал с гипнозом как Веры Князьковой, так и кого бы то ни было, я вижу себя вынужденным раз и навсегда покончить с плохо объяснимым для меня интересом совершенно неизвестных и незнакомых лиц к моей скромной личности, В сих целях я, вместе с Верой Князьковой, одновременно с отправкой Вам сего письма, направил в Чрезвычайную комиссию, к следователю, ведущему по моему заявлению дознание о странной компании, вторгшейся в мою семью, введшей в нее Веру Князькову и, по-видимому, не оставляющей своим вниманием меня до сих пор.

Для солидного и исчерпывающе компетентного освещения нам состояния Веры Князьковой я почтительно прошу Вас разрешить

мне с ст. следователем Ч.К. Риксом посетить Вас на Вашей квартире в один из ближайших дней, когда это Вас не слишком обременит.

Не откажите через подателя сего письма осведомить меня, в какой день и час Вас удобнее застать.

Прошу принять уверения в моем искреннем, глубоком почитании.

Готовый к услугам,

Александр Барченко

ЦГА СПб. Ф. 2265. Оп.1. Д. 65. Л. 128–129 об.

Письмо 2

Петроград

1921.1.8

Вас. о-в, 1 линия, д.40, кв. 21

Высокочтимый Владимир Михайлович!

Направляю Вам «положения», резюмирующие мой доклад. Третьего дня я направлял их в Институт, но посланный там никого не застал, и не знал, кому передать.

Если Вы ничего не имеете против, я думаю, можно вовсе избежать переписки и рассылки «положений».

В заседании 10-го я прочту сначала «положения» в полном объеме, а засим с листа же буду предлагать на обсуждение каждый пункт отдельно. Впрочем, порядок обсуждения, разумеется, всецело зависит от Вас.

Теперь разрешите утрудить Ваше внимание следующим. Я обязан уехать в Мурманск никак не позже 16-го. Вернуться в Петроград я получу возможность лишь в конце февраля. Россию

я, во всяком случае, какие бы личные выгоды мне ни представлялись, покину, лишь только представится к тому легальная возможность. Я имею основания надеяться, что такая возможность представится мне не позже середины лета. В Россию я ранее 10 лет возвратиться возможности не получу. Тратить непроизводительно полтора месяца при таких условиях представляется мне недопустимым.

Посему, если точка зрения, освещенная мною в докладе, кажется Вам серьезной, я просил бы Вас теперь же войти в обсуждение дальнейшего моего отношения к исследованию интересующей Вас области.

Приемлемой для меня формой [сотрудничества] в этом направлении мне представляется следующее.

Если 10-го «защита» мною своих «положений» от возражений произведет на Вас впечатление серьезности, Вы, быть может, не откажете установить между мною и институтом определенную конкретную связь, предложив Конференции мое сотрудничество в качестве ассистента по кафедре, какую сочтете для такой работы подходящей.

Ни жалованья, ни пайка по сей должности мне не нужно. Мне необходимо лишь иметь возможность: 1) вести систематическую работу в конкретных рамках, в контакте с людьми, коим я в полном объеме доверяю; 2) аргументировать перед своим Морским начальством по Мурманскому Политотделению мои поездки в Петроград и по [Кольскому] полуострову (для приглашения из лопарских становищ интересных для нашей работы перцепиентов и перевозки их в Мурманск и Петроград) и ту работу, с коей сопряжено развитие плана исследований. Вам известно детское тяготение современной администрации к канцелярским формам. Если мои отношения к Институту не будут легализованы в фиксированной форме, я не получу досуга для работы по интересующему Вас вопросу и рискую застревать в Мурманске в моменты, наиболее удобные для контакта с работающими в Петрограде. Тем более, что все мои связи с Петроградом (семья, квартира и пр.) к 16-му ликвидируются для перевода в Мурманск.

В февральский мой приезд из Мурманска я представлю в заседании Института или той группы, которую Вы объедините, детально разработанный проект органа, предусмотренного п. XXIX «положений». Этот орган может быть образован или при Институте непосредственно, или в виде секции при Вашей Комиссии. И в том и в другом случае орган возглавляется Вами и работает под непосредственным Вашим руководством. Тогда же я представлю детально разработанный на ближайший год план работ органа и проект мотивированного доклада об отпуске средств на работы.

В следующий через полтора мес. приезд я представлю детально разработанные планы исследования применительно к каждому объекту, к тому времени персонально уже фиксированному.

В конце мая я получу возможность приехать в Петроград уже на полтора-два месяца. Лично помогу Вам в оборудовании «магической» лаборатории, доставлю Вам объекты для исследований и, если разрешите, приму личное участие в постановке экспериментов.

В июле надеюсь получить легальную возможность ехать из России на Восток. Около 2 лет я располагаю провести в некотором пункте, находящемся всего в 460 верстах от русской границы, откуда почта ходит вполне регулярно. Таким образом, я буду иметь возможность поддерживать с Вами живую и регулярную связь еще 2 года и, если Бог даст, получу возможность пригласить подходящее из объединенной Вами группы лицо для непосредственных наблюдений на месте явлений, которые в европейской обстановке воспроизведены быть не могут. Почему — Вы сами ясно поймете, когда глубже ознакомитесь с механизмом явлений.

К тому времени, когда мне можно будет уйти дальше и связь наша превратится в пользование редкими случаями, Вы с объединенной Вами группой настолько уже ориентируетесь в области, для Европы еще совершенно темной, что Ваша самостоятельность в исследовании не представит риска для тех людей и того органа, которые доверят Вам определенные методы.

До 16 января я просил бы Вас, в случае если Вы принципиально согласны с предложенным мною планом, собрать у себя (ибо все эти дни я могу быть свободен лишь после 7 вечера) группу привлекаемых к работе лиц (не более двух человек, кроме Вас), коим Вы безусловно доверяете. Этой группе я постараюсь с возможной полнотой осветить окраску того течения, коему я служу, мое отношение к этому течению и мотивы, заставляющие это течение входить в контакт с Вами. Это необходимо уже потому, что Вы меня изволили посвятить в Ваше представление о «посвящении» в лице добрейшего д-ра Рябинина.

Это налагает на менй обязанность осветить Вам мое личное отношение к тому; что в Европе известно под именем «посвящения», и поделиться с Вами конкретными сведениями по этому вопросу.

Вот, в общих чертах, те рамки, в коих я мог бы иметь возможность быть Вам полезным в исследовании интересующего Вас вопроса. Расширение или изменение их не в моей компетенции.

Само собой разумеется, что все мои работы, поездки и т. п. не влекут ни для Вас, ни для Института никаких расходов. Со временем Вы сами поймете, что иной, кроме безвозмездной, работы в этом направлении быть не может.

Ввиду неоднократных прецедентов мне приходится быть крайне осмотрительным в личных сношениях. Посему я должен предварить Вас, что с настоящей минуты письмами и документами, принадлежащими несомненно мне, должны считаться только снабженные нижеоттиснутой печатью. Лицо, пользующееся моим доверием в полном объеме, должно прочитать эту печать так, как я Вам ее лично прочитаю, если это Вас заинтересует.

Приношу почтительные извинения, что злоупотребил Вашим вниманием, и прошу верить моему искреннему исключительному почтению.

Готовый к услугам,

Александр Барченко.

ЦГА СПб. Там же. Л. 130–131 об.

Письмо 3

Петроград

Ул-ца Красных Зорь

(бывш. Каменоостр. пр.)

Высокочтимый Владимир Михайлович!

Я уже в течение недели в Петрограде. Но мытарства с прописками и квартирами до сих пор не давали мне возможности засвидетельствовать Вам свое почтение, хотя бы письменно.

С Мурмана я выехал окончательно. Кстати, прилагаю формальный документ, освещающий картину той экспедиции, участию в коей я взял на себя смелость пригласить Вас летом.

В Петрограде я пробуду, во всяком случае, не позже мая. Если же формальности по исхлопотанию выезда окончатся ранее, то выеду уже в апреле.

Для выполнения этих формальностей я и выехал с Мурмана.

У меня накопился кое-какой материал, освещающий санитарно-гигиенические условия края, в том числе кое-какие цифры по поводу Мурманских эпидемий, постановки врачебного дела. Также кое-какие штрихи по обследованию «лопарского испуга». Кроме сего довольно интересный материал по обследованию мною, в качестве начальника экспедиции, острова Кильдина (Ледовитый океан) и глубины Лапландии, до сих пор никем не исследованной (район крупнейших горных озер Умб-яверь и Луяверь).

В моем распоряжении около 100 диапозитивов по снимкам, сделанным нашим отрядом.

Если Вы ничего не имеете против, я мог бы сделать в Институте доклад под заглавием, примерно: «В краю колдунов и полярных сияний». Примерную программу доклада помещаю в конце письма. Доклад по размеру займет часа полтора-два. В моем распоряжении отличный проекционный фонарь со всеми принадлежностями.

Сделать доклад я могу, однако, лишь через 16 дней, не ранее, ибо помимо хлопот с ремонтом квартиры жестоко занят обеспеченной авансом срочной работой.

Если Вы ничего не имеете против, благоволите, хотя бы за полторы недели, известить меня о дне и часе; а о том, желателен ли такой доклад или нет, не откажите известить, по возможности, в ближайшее время, ибо необходимы кое-какие подготовительные шаги.

Я был бы весьма счастлив имеfь честь видеться с Вами до доклада, когда Вы изволите указать. Сам я, до окончания ремонта занятой мною квартиры, в течение недели пробуду в квартире моего близкого приятеля, астронома Александра Александровича Кондиайна. Прописан же я, в качестве постоянного жильца, в колонии Тибетской миссии, в Новой Деревне, при Ламаитском дацане (храме).

В случае направления ко мне письма по указанному в заголовке адресу, благоволите предупредить посланного, чтобы он непосредственно передал письмо мне, или кому-либо из семьи моей, или Кондиайну, поднявшись наверх в указанную квартиру (49), ибо в Домовом Комитете меня не знают.

В Тибетской же колонии (Благовещенская, 15) благоволите справляться обо мне отнюдь не у Управдома (какой-то весьма растрепанный, довольно подозрительного вида «механик» Сансеро — якобы «большой поклонник буддизма», по внимательному же обследованию о буддизме имеющий представления весьма смутные), а непосредственно у Настоятеля Дацана, ламы Джигмита Доржиева, или у его слуги Чигмита Бадмаева в маленьком флигеле во дворе Дацана.

Управдом Сансеро служит на заводе Эриксона, за Московской заставой, бывает в колонии раз-два в неделю, поздно вечером, и у него письмо ко мне, безусловно, затеряется.

Разрешите в этом же письме еще раз принести мою почтительную благодарность за Ваше неизменное внимание и за Вашу исключительную любезность и внимание к моему приглашению нынешним летом.

Я не имел возможности ответить на Ваше письмо, так как Вы не указали точного срока Вашего возвращения в Россию. (В Вашем письме указано: или в сентябре, или около Рождества.)

Сам я вернулся из последнего маршрута экспедиции лишь в октябре и вплоть до выезда был неимоверно завален работой по сдаче материалов и их систематизированию.

Еще раз прошу принять мои почтительные благодарности и пожелания всего лучшего.

Высоко почитающий,

А.Барченко.

[печать Барченко]

Я пользуюсь случаем предварить Вас, что знакомая Вам вышеоттиснутая личная моя печать более мне не принадлежит и за документы, ею заверенные, с сего числа я не отвечаю.

6/XII 922

ЦГА СПб. Там же. Л. 148–149 об.

Письмо 4

11/2 ноября 1923 года

Каменноостров. пр.

д. 9/2, кв. 49

Высокочтимый Владимир Михайлович!

Исходя из моей некоторой формальной связи с Институтом Мозга и того внимания, которое Вы любезно уделили некоторым попыткам моего исследования, я предполагаю, Вам небезынтересно будет информироваться о конкретных результатах моих хлопот в Москве.

Информирую Вас: а) Отношение Главнауки к моим исследованиям фиксировано протоколом, из коего препровождаю Вам выписку в форме официальной справки (см. приложение к письму. — А.А.);

б) лабораторию я организую, в зависимости от удобства снабжения ее инвентарем, в одном из предместий Москвы, откуда буду ежемесячно приезжать в Петроград для координации с работами моих сотрудников Кондиайна, Петрелевича и пр. и для контактных собеседований с Василием Павловичем [Каш-кадамовым] и Алексеем Константиновичем [Борсуком]. Если Вы ничего не имеете против, я мог бы войти в более тесный контакт с Институтом в форме какого-либо фиксирования моих работ, к примеру при лаборатории Василия Павловича, если он выразит желание;

в) официально я сейчас числюсь отв. научным сотрудником московской Главнауки;

г) параллельно с шагами Главнауки, некоторыми крупными представителями московских научных кругов предприняты конкретные шаги для связи меня с Чичериным, коему Главнаука также сообщила о своем отношении к моим работам — для обеспечения средств и разрешения на нашу поездку в Среднюю Азию нынешним же летом.

Алексей Константинович сообщил мне, что Вы изволили выразить желание повидаться со мною и моими сотрудниками и устроить обмен соображениями по примеру прошлого года. Милости просим. Завтра я снесусь с А.К. и предложу ему сорганизовать, если Вы ничего не имеете против, такое собеседование до моего отъезда до 8 ноября, чтобы я мог в

более подробной и конкретной форме ознакомить всех Вас с направлением исследований и с теми данными восточной натурфилософии, материалы к коим мне придется увезти в Москву.

Вы не откажите мне тогда сообщить о желательном дне и времени нашего собеседования.

Прошу принять выражение моего искреннего почитания.

Готовый к услугам,

А.Барченко.

ЦГА СПб. Там же. Л. 161–161 об.

Приложение к письму

Секретно.

Копия для акад. Бехтерева.

РСФСР

Наркомпросвещения

Акад. центр

Заведующий управлением. научных учреждений 27.X.1923

№ 36/с

Москва, Волхонка, 18.

тел. 2–68–81, 27–38

Справка

Спец. Комиссия Главнауки, при участии ее заведующего д-ра Петрова и проф. Тимирязева, ознакомившись в нескольких заседаниях с исследованиями биолога А.В.Барченко в области древнейшей (восточной) натурфилософии, признала эти

исследования вполне серьезными и ценными не только в научном, но и в политическом отношении и постановила углубить и поддержать исследования тов. Барченко путем немедленного предоставления ему из кредитов Главнауки средств на организацию биофизической лаборатории и подготовки доложенного Барченко материала к изданию.

Зав. Главнаукой Ф. Петров.

С подлинным верно за секретаря (подпись).

ЦГА СПб. Там же. Л. 160.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Мысли А.В. Барченко о медицине

(Из записок Э.М. Кондиайн)

Европейская медицина, как и вся европейская наука, аналитична. Она анализирует симптомы, признаки болезни, пытается лечить эти признаки болезни, в то время как Древняя Наука лечит человеческий организм. Человеческий организм — гармоничное целое, даже от состояния отдельной клетки зависит общее состояние организма. Специализация европейской медицины привела к тому, что узкий специалист, ведая только своей специальностью, забывает, что имеет дело с организмом, где все его части, все его органы взаимосвязаны и подчинены единым законам. Лечить надо не признаки болезни, а организм. Человеческий организм обладает всеми необходимыми свойствами, чтобы противостоять любой болезни, любой инфекции, для этого надо лишь, чтобы человек обладал здоровой, гармоничной аурой (электромагнитным полем). У нормально развитого человека, живущего в нормальных условиях, вдали от железа, окружающее его электромагнитное поле непроницаемо ни для каких микробов. Если все-таки человек заболел, то следует только помочь организму, укрепить его для борьбы с болезнью. Организм сам обладает всеми необходимыми возможностями побороть болезнь.

Первым безоговорочным условием и требованием А.В. было — убрать все железо из комнаты. Главное — железные кровати и пружинные матрацы. Железо размагничивает организм. А.В. сделал для себя с Олей деревянную кровать. Покрыл ее фанерой. Спали они на войлоках из овечьей шерсти.

Некоторые способы лечения А.В. Барченко

Весной 1922 г. в Мурманске А.В. вылечил Колосова Григория Григорьевича от последней стадии туберкулеза. А.В. взял Колосова из больницы в безнадежном состоянии. Врач дал расписку, что он от больного отказывается. А.В. давал ему 10 свежих сырых куриных яиц и прописал солнечные ванны. Для этого клал его обнаженного на солнце при морозе в защищенном от ветра месте, во дворе, начиная с нескольких минут. Через месяц или полтора Колосов настолько поправился, что самостоятельно поехал в Крым долечиваться.

АВ. вылечил девочку анемичную, туберкулезную, очень слабую. Велел проветривать помещение, на весь день выносил ее на улицу, отменил диету. Давал морковный сок, 2 стакана в день, фрукты, ягоды, овощи, сырую воду. К концу лета девочка поправилась, бегала, собирала ягоды, цветы. Это было в Юрьевце, на Волге. Лида Маркова была туберкулезная, не могла лежать, даже спала в полусидячем положении. Она принимала солнечные ванны в красной кумачовой рубахе с «форточкой» на селезенке. Тоже морковный сок, фрукты, овощи, гимнастика. Она поправилась, только всегда была слабенькая.

В Костроме женщина теряла зрение. Она долго лечилась и очень много лекарств принимала, главным образом, глазные капли. А.В. все лекарства отменил и сказал: надо лечить организм. Глаза были сильно воспалены. Он заваривал ochradia oficinalis (араука?) и делал примочки. У нее было больное сердце и расстройство обмена веществ. [Давал ей] морковь с кожицей. Женщина стала видеть без очков. Стала чувствовать себя хорошо.

В 1919 или 1920 г. А.В. вылечил молодую женщину от саркомы легких. Она выплевывала куски легкого, была безнадежна.

А.В. поселил ее на Алексеевской, и там она принимала летом солнечные ванны. Чем он ее еще лечил, не знаю. Но знаю, что она поправилась.

На Волге в селе Спасском жил дядя Ал. Вас., мужчина 50 лет, крестьянин. Болела рука, тыльная сторона. Около месяца лечился у врача. Сделалась гангрена. Рука отмирала, страшно гноилась. Врач собирался отнимать руку. А.В. взялся ее вылечить. Мужик приходил каждый день. А.В. обрабатывал руку, очищал, промывал и на улице, уложив руку неподвижно, освещал солнцем через лупу, начав с 1 минуты довел минут до 10, постепенно приближая лупу. А.В. поставил условие — не пить, не курить и руку держать на перевязи в полном покое. Через 3 недели рана покрылась молодой кожей, боли прекратились. Вскоре мужчина стал работать в колхозе.

Лечение росой

Самым эфективным средством лечения А.В. считал росу.

С вечера на лужайке на 8 колышках натянуть 2 простыни, лучше полотняные, немного выше травы. До восхода солнца снять одну простыню, намокшую росой, завернуть в нее больного с головой и тепло укутать. Больному пролежать так завернутому 2 часа. Вторую простыню отжать в чистую стеклянную посуду и дать выпить больному.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Донесения в ОГПУ

Сводка 1

Довожу до вашего сведения некоторые подробности и характеристики лиц, поселившихся в квартире астронома КОНДИАЙНИ, где проживает проф. БАРЧЕНКО.

В середине сентября прошлого года (т. е. 1924 — А.А.) поселилась у гр. Кондиайни гр. СПЕНДИАРОВА Татьяна, приехала она из Судака (Крым), где проживают ея родители в

собственном имении, быв. миллионеры, имеющие до сих пор связь с белой эмиграцией и некоторыми контрреволюционными элементами, находящимися на территории СССР. Приехала она в Ленинград с целью лечиться и поселилась у знакомых, т. е. КОНДИАЙНИ, т. к. семья КОНДИАЙНИ в прошлом году жила в Судаке, и благодаря чему познакомилась с семьей КОНДИАЙНИ. Первые дни гр-ка СПЕНДИАРОВА вела себя как подобает лицу, пользующемуся гостеприимством чужой семьи, но в дальнейшем поведение ее сразу изменилось, она стала чрезвычайно внимательной, осторожной, как бы страдающ[ей] манией любопытства, сана старалась открывать двери всем приходящим, заговаривать с посторонними, настоятельно расспрашивала всех приходящих, кто они, с какой целью посещают А.В. Барченко и т. д. В первое время гпов. БАРЧЕНКО подумал, что это пустое любопытство, но впоследствии выяснилось наоборот, что она занята исключительно информацией. Стараясь во что бы то ни стало ее расшифровать, он притворился лицом, заинтересованным ею, после чего она стала за ним сильно ухаживать, стараясь войти в более или менее близкую связь, но, видя, что это ей не удается, она переменила свою позицию и стала откровенно чернить Соввласть, высказывая чисто контрреволюционные взгляды и т. д. Видя, что ее разговоры не действуют на БАРЧЕНКО, она стала входить в контакт с остальными членами семьи, стараясь нащупать почву, каковы их взгляды на современное положение и т. д.

Приблизительно около месяца тому назад она попросила тов. БАРЧЕНКО о разрешении познакомить его с одним из ее земляков гр. ЦУРИНОВЫМ, который также заинтересовался научными открытиями тов. БАРЧЕНКО в области доистЬричес-кой культуры. Получив согласие, она передала свой разговор гр. ЦУРИНОВУ, который тотчас же написал письмо о желании поближе познакомиться с ним. Тов. БАРЧЕНКО также ответил, что он согласен его принять у себя, т. к. ему самому посетить его ввиду болезни невозможно. 27 января с. г., после приезда его из Москвы, он нашел письмо ЦУРИНОВА, который просил разрешения посетить его, после чего, по истечении нескольких дней, явился сам ЦУРИНОВ, завел с ним разговор о белых, о сов[етских] порядках, выражал свое неодобрение современной

властью, а главное выражал свое мнение о скором падении Советской власти, выражая большое удовольствие [от] принятия участия в расправе с большевиками. В ответ на антисоветские разговоры гр. ЦУРИНОВА, тов. БАРЧЕНКО парировал, выражая противоположное мнение, с достаточными доказательствами, выявляющими его отношение к современной власти. Видя, что склонить его нельзя на противную точку зрения, он попросил его, нельзя ли ему в следующее посещение пригласить еще одного молодого человека, который также заинтересован доисторической культурой, но более силен, чем он. Получив согласие на это, он ушел.

Заинтересованный социальным положением гр. ЦУРИНОВА, тов. БАРЧЕНКО зашел к нему на квартиру и поразился той роскоши, которая находилась у него. Оказывается, что гр. ЦУРИНОВ сумел сохранить на основании своих связей свое колоссальное богатство, живя на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Он говорил, что у него связь с заграницей, если необходимы ему деньги, то он их получает в любом размере. После ухода от гр. ЦУРИНОВА, по истечении несколько дней, явился к тов. БАРЧЕНКО молодой человек, который представился лицом, заинтересованным доисторической культурой, ссылаясь на рекомендацию гр. ЦУРИНОВА. Означенное лицо имело чрезвычайно большое сходство с доктором ВЯЧЕСЛО. (Сведения о д-ре ВЯЧЕСЛО см. старые мои сводки.) Означенный молодой человек сразу же выявил свое антисоветское лицо, стараясь всеми мерами выявить все отрицательные стороны современного государственного строя, выявив убедительное знание всех дефектов современной жизни, стараясь своим разговором выяснить позицию тов. БАРЧЕНКО, но, видя безуспешность своих попыток склонить на свою точку зрения, он выпалил в конце своего разговора, что «ведь вы, Александр Васильевич, имеете со мной общего знакомого и друга, хорошо знающего Вас». Ал-др Васильевич удивился этому заявлению и спросил, кто же означенное лицо, тогда этот молодой человек сообщил, что этот общий их знакомый, который также заинтересован достижениями тов. БАРЧЕНКО в доисторической культуре, есть не кто иной, как доктор ВЯЧЕСЛО. При этом он сообщил, что д-р ВЯ-ЧЕСЛО чрезвычайно популярный, влиятельный в сферах,

могущих многое сделать для проведения в жизнь желаний А.В. БАРЧЕНКО, одновременно заявив, что д-р ВЯЧЕСЛО ныне находится в Афганистане (г. Кабул), где занимает чрезвычайно ответственный пост и как знаток доисторической науки очень влиятелен и сможет помочь ему в чем-нибудь, если только он пожелает. Что именно он понимал под словом «многое устроить», он не пояснил.

После ухода его, домашние тов. БАРЧЕНКО сразу заметили, что гр. СПЕНДИАРОВА, которая ранее всегда выявляла удивительное любопытство ко всем приходящим к тов. БАРЧЕНКО лицам, ныне чрезвычайно хладнокровно, стараясь не выявлять своего любопытства, повела тактику в противовес своему первоначальному поведению. Из всех ее поступков видно, что гр. СПЕНДИАРОВА, как рекомендовавшая тов. БАРЧЕНКО ЦУРИНОВА, прекрасно осведомлена о тех вопросах и о цели посещения гр. ЦУРИНОВЫМ БАРЧЕНКО, не стала более расспрашивать о настоящем визите. Не касаясь вышеизложенного, в бытность тов. БАРЧЕНКО в Москве, при встрече с док-ом ВЯЧЕСЛО, последний сообщил ему, что у него имеется сын в Питере, быв. студент.

Вторым характерным явлением в семье КОНДИАЙНИ, это точно и персонально выяснено, что жена астронома КОНДИАЙНИ, по родству близкая знакомая недавно поселившегося у них в семье гр. МЕСМАХЕРА, находится в контакте с контрреволюционным элементом, группирующимся в ламайском Храме (буддийский храм в Нов[ой] Деревне), где помещается тибетская миссия. Означенный гр. ШСМАХЕР недавно поселился у гр. КОЦЦИАЙНИ, по его словам, заявил, что он быв[ший] член РКП, занимал ответственный пост в Бухаре в должности какого-то комиссара, принужден был оставить службу ввиду каких-то проступков. Ныне же подыскивает службу, которую ему обещала гр. СПЕНДИАРОВА, с которой он познакомился на квартире у КОНДИАЙНИ. В первое время гр. МЕС-МАХЕР избегал встреч с гр. СПЕНДИАРОВОЙ, но впоследствии стал за ней усиленно ухаживать. Означенный МЕСМАХЕР, бывший] сын проф. МЕСМАХЕР, ныне ведущий чрезвычайно странный образ жизни, уходит рано, возвращается поздно ночью, при вопросе во время

возвращения, где он бывает, он ссылается, что после занятий он гуляет будто бы на Елагином острове. Когда ему сказали, что ныне небезопасно гулять в такое позднее время, он улыбнулся и ничего определенного не сказал. Во время поздних приходов он подвергает себя тщательному обмыванию, точно после какой-то очень странной работы, чтобы не оставить никакого следа о своей деятельности на какой-то стратой службе, о которой он абсолютно ничего не сообщает. Через гр-ку СПЕНДИАРОВУ МЕСМАХЕР входит в контакт с тибетской миссией и информирует восточников (бурят, монголов ит. *д.) — о всех новостях и о лицах, посещающих тов. БАРЧЕНКО. Передает он эти сведения некоему гр-ну БАРТЕЛЬСУ, быв[шему] сыну рижского губернатора, постоянно проживающему в тибетской миссии. Гр-н БАРТЕЛЬС вхож в дом к родственникам КОНДИАЙНИ и в том числе знаком сКАТУНСКИМ — Заведующим] секретным отделом радио-электро-вакуумного завода, помещающегося] наЛопухинской ул., следовательно имеющий возможность в любое время пользоваться радио для сношения с иностранцами. Этот инженер КАТУНСКИЙ пытался несколько раз входить в близкое знакомство с тов. БАРЧЕНКО, но, увидя безрезультатность своих попыток, стал как-то охладевать к нему и повел противоположную линию-тактику, ухаживания за его семейными, но видя, что и здесь он потерпел фиаско, тогда стал просто чернить и распространять гнусные слухи, позорящие тов. БАРЧЕНКО. Гр-ка СПЕНДИАРОВА, кроме информационной работы, ведет еще большую переписку с заграницей. Каждый день она получает кипу писем из Парижа, Лондона, Берлина и др. городов. Отвечает на них тотчас же, часто уходит из квартиры* <…>. (Конец текста утрачен. — *КА.)*

10 февраля 1925 г.

Сводка 2

Получив рекомендательное письмо от гр. ПАЛИСАДОВА Сергея Владимировича[377] к гр. КИРИЧЕНКО-ОСТРОМОВУ (он же Ватсон),[378] я явился к нему на квартиру, помещающуюся на Московской ул. д. 8, кв. 9, в воскресенье, т. к. он только принимает в этот день, все остальное время он проживает в Д[етском] Селе у б[ывшего] сенатора ФРОЛОВА,[379] также

масона, работающего среди своих знакомых. На мой вопрос, много ли в Ленинграде есть приверженцев того масонского течения, которого он придерживается, он уклончиво ответил, что есть, но в большинстве случаев люди эти причастны к науке, как напр., Заведующий] Пуш[кинским] домом гр. МОДЗАЛЕВСКИЙ Борис Львович,[380] проф. СТРУВЕ[381] и др. На мои указания, что МОДЗАЛЕВСКИЙ принадлежал ранее, как я знаю, к группе так наз. «Космос», где числился в свое время проф. Максим Максимович КОВАЛЕВСКИЙ,[382] он подтвердил, что в данное время «Космос» является незначительной группой, объединяющей только литературную братию, и что к этой группе принадлежали высланные из РСФСР проф-ра ЛОССКИЙ,[383] КАРСАВИН,[384] а также ныне находящиеся в Ленинграде проф. МЕЙЕР,[385] ПЕРГАМЕНТ[386] и др. Из его знакомых он мне не указал ни одного лица. На мой вопрос, к какой ориентации отнести ШАНДАРОВСКОГО, КИРИЧЕНКО мне сообщил утвердительно, что ШАНДАРОВСКИЙ принадлежит к группе так наз. «Северных лож». На мой вопрос, не к тем «Северным ложам», которые были организованы в Финляндии выходцем из Англии, неким гр-м КОРДИКОМ,[387] он сказал — да. На мой вопрос, имеется ли кто-либо в этой группе в СССР, он сказал, что в Москве находится много его учеников и в том числе указал на проф. ЗУБАКИНА,[388] а в Ленинграде будто к этой группе принадлежит ШАНДАРОВСКИЙ. На мой вопрос, не знает ли он адрес ШАНДАРОВСКОГО, он ответил, что ШАНДАРОВСКИЙ Петр Сергеевич проживает на пр. 25 Октября, д. 32, женат на артистке НИКОЛАЕВОЙ Зинаиде Николаевне (по сцене), будто он работает среди артистических групп, приняв горячее участие в организации так наз. «Артистической ложи вольных каменщиков», которая просуществовала недолго. Также он сообщил, что к этой ложе принадлежали такие крупные артистические силы, антисоветски настроенные, как Павел Михайлович САМОЙЛОВ, Мария Александровна ПОТОЦКАЯ, Нина Михайловна ЖЕЛЕЗНОВА, Мария Андреевна ВЕДРИНСКАЯ, а также Николай Николаевич ЕВРЕИНОВ,[389] Николай Николаевич ХОДОТОВ[390] и др[угие], растлевающе действующие на всю артистическую среду. ЕВРЕИНОВ, ПОТОЦКАЯ были арестованы, ПОТОЦКАЯ за сношения и переписку с Вел[иким] Кн[язем] НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ, женой которого она была, и имеет

в Ленинграде по сие время нелегальную связь с эмигрантской средой. На мой вопрос, имеется ли в Ленинграде соответствующая литература и сохранилась ли она и где, он сообщил, что пока такие хранилища оберегаются тайно, и утвердительно сообщил, что около Н[овой] Ладоги имеется усадьба дальнего родственника знаменитого масона Шварца,[391] также по фамилии ШВАРЦА Евгения Григорьевича. И что у него будто на чердаке скрыты старинные рукописи, грамоты и соответствующая масонская литература и атрибуты. На мое предложение поехать туда как-нибудь для моего знакомства с гр. ШВАРЦЕМ, он сообщил, что об этом подумает, и просил зайти к нему в одно из ближайших воскресений. Зная ранее о том, что КИРИЧЕНКО Борис Викторович был учеником Г.О.М.,[392] я спросил о Г.О.М., он сообщил, что Г.О.М. чрезвычайно престарел, а потому ввиду преклонного возраста уже не принимает активного участия в работе, и что он с Г.О.М. разошелся по принципиальным вопросам. Указал он, что нынешняя сожительница Г.О.М. — НЕСТЕРОВА Мария Андреевна,[393] его опутала, не допускает к нему посторонних лиц, боясь разных шпионов и т. д., сама же она ведет за него всю обширную работу. КИРИЧЕНКО одновременно сообщил, что быв[шая] жена Г.О.М. ИВАНОВА-НАГОРНАЯ, которая ныне работает в ГУБОНО на Казанской ул. в Отделе Дошкольного Воспитания, усиленно занимается организацией отдельных групп среди педагогов, и что таких объединенных членов среди Ленинградской профессуры числится ок. 1500 человек.

Из разговоров об Академии Наук и ее деятелях, как например, ОЛЬДЕНБУРГЕ и др., он сообщил, что некий ГРЕНСТРАНД (Заведующий] Торгово-Экспед[иционным] сектором) также принадлежит к какой-то ложе, но к какой, он не знает. Пообещав зайти к нему в одно из воскресений, я ушел.

К ложе «Космос» был причастен также знаменитый русский изобретатель-самоучка Яблочкин. Из академ. центров к этой группе принадлежат следующие профессора: ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ Израиль Григорьевич,[394]проживающий] на ул. Халтурина, д. 5, ШИЛЕЙКО Владимир Казимирович,[395] в том же

доме проживающий, а в Москве проф. ЯНОВИЧ[396] — этнограф, проживающий по Никитскому бульвару, д. 17.

Узнав из некоторых источников о причастности проф. КОВАЛЕВСКОГО,[397] ныне работающего в Наркомземе, я зашел к нему, представившись лицом, заинтересовавшимся масонством. Он встретил меня чрезвычайно дружелюбно и сообщил мне, что ему в такие годы трудно принимать горячее участие в ознакомлении с деталями нынешнего масонского течения. На мой вопрос, знаком ли он с неким гр. ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИМ, он сообщил мне, что этот ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИЙ чуть ли не ежедневно бывает у него, пользуется его гостеприимством, а иногда и его материальными средствами. Зная за этим гр. ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИМ (см. мои старые сводки) разные такие дела, в смысле сношения с Западом, я подошел к КОВАЛЕВСКОМУ очень осторожно, дабы он меня не расшифровал. После разных мелких распросов о былой его жизни, встречах, я сразу перешел к больному вопросу и спросил, что ныне делает ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИЙ и имеет ли он по-старому связь с заграницей, он мне сообщил, что у ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКОГО (псевдоним) — настоящая его фамилия Грачев,[398] как быв[шего] личного секретаря графа ОРЛОВА-ДАВЫДОВА-ДЕНИСОВА,[399] с которым он по сие время еще находится в хороших отношениях, <…> и что он ныне оканчивает Географический Институт и одновременно Институт Живых Восточных Языков, думает этим своим преимуществеными положением воспользоваться, дабы уехать за пределы СССР. КОВАЛЕВСКИЙ сообщил, что ГРАЧЕВ уже побывал в Монголии, чуть ли не прошел [всю ее] пешком, а потому его главная цель опять вернуться туда и примазаться к Монгольскому правительству, с некоторыми членами которого он прекрасно знаком. Одновременно КОВАЛЕВСКИЙ сообщил, что ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИЙ имеет колоссальные связи с заграницей и при своих частых посещениях его часто меняет свой костюм, иногда приходит в роскошном одеянии, а иногда в простом, чуть ли не в лохмотьях, не давая никакого объяснения по поводу такого маскарада. На мой вопрос, знал ли он полковника ЕЛЬЦА, он сказал, что это был его хороший друг, ныне проживающий за границей и играющий большую роль среди русских эмигрантов. Он спросил, откуда я знаю ЕЛЬЦА, на что я ему ответил, что в

свое время я как-то встретил ЕЛЬЦА у Г.О.М., когда он числился еще преподавателем Пажеского корпуса, был исключен из него за совращение молодых пажей в масонство, который сообщил мне о знаменитых векселях артистки ШАБЕЛЬСКОЙ, с подложными подписями, каковые векселя были представлены мне как эксперту, для определения их подлинности. Видя, что я знаю его интимную старую жизнь, он более доверчиво стал мне сообщать о некоторых современных новостях, сообщил, что этот знаменитый полковник ЕЛЕЦ ныне проживает в Австрии в одном из имений экс-кронпринцев, со своим другом Хайме Бурбонским, и ведет определенную работу по инструктированию отправляемых в Россию молодых сотрудников от Ватикана для насаждения католичества среди русского духовенства. Свое отношение к иезуитству он объяснил тем, что полковник ЕЛЕЦ числится в чине гофмаршала Ватикана, за прежние услуги, оказанные по защите католического монастыря в Маньчжурии во время нападения на этот монастырь боксерских банд. Теперь же он работает среди поляков и, благодаря своему браку на графине ТЫШКЕВИЧ, имеет доступ в самые конспиративные польские центры. Ближайшим помощником, как он говорит, по слухам является полковник ПАЛЬЧИНСКИЙ,[400] ныне будто бы находящийся на Кавказе, раньше проживавший в Ленинграде и работавший среди профессуры Военно-Медицинской академии, и будто этот ПАЛЬЧИНСКИЙ возглавляет так наз. ложу «Вега». КОВАЛЕВСКИЙ сообщил, что гр. ГРАЧЕВ имеет большие связи среди некоторых сотрудников Особого отдела и благодаря знакомству с ними отправляет через границу укрывающихся в СССР белогвардейцев. Выразив свое сомнение возможности подобного факта, он мне сообщил, что это бывшие офицеры, устроившиеся на службе, скрывающие свое прошлое. Кто эти сотрудники, мне неудобно было спросить. Быть может, в следующее мое посещение мне удастся узнать более подробно о них.

Машинопись, б\д

Архив УФСБ по С-Петербургу и Ленобласти. Дело П-21098 (архивно-следственное дело К.К. Владимирова). Эти две сводки и некоторые другие донесения находятся в отдельном конверте в деле.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Отрывок из письма Элияху Хаима Алтгауза о встрече А.И. Барченко с духовным главой хасидов Иосифом-Ицхаком Шнеерсоном.1925 г.

В это время случилось с Рабейну (И. И. Шнеерсоном. — А.А.) неприятное событие, которое на самом деле до сегодняшнего дня не было раскрыто и прояснено, и оставалось оно закрытой тайной, и никто не знает какое найти ему объяснение. И если бы не случилось всяческих обсуждений и обвинений во время заключения в тюрьму, то я не нарушил бы своего молчания. В ночь имени Ацерет года 5686 (12 октября 1925 г. — А.А.), перед обрядом Акафот пришел в дом Рабейну один чужой человек и попросил доложить Рабейну, что профессор Барченко из Москвы хочет войти к нему и поговорить с ним наедине в покоях его. Услышав, что сегодня праздник и Рабейну не занимается в такие дни какими-либо будничными делами, он не принял этого ответа, решил, что это отговорка и настаивал неприлично на том, чтобы его представили Ребе. И из-за уважения к имени профессора и из-за опасения (ибо на лице не написано, кто он), пошел один из нас к высокому столу, за которым сидел Ребе и все принимавшие участие в трапезе, и рассказали ему об этом госте. Ребе ничего не сделал, а подозвал своего секретаря Либермана и попросил передать гостю свои извинения, поскольку из-за святого дня не сможет принять его, а если ему будет угодно, пусть придет на следующий день после праздника, и тогда примут его с почетом. После ответа Либермана сказал профессор: Жаль мне очень, что потерял я время зря, но останусь я подождать в Ленинграде до исхода праздника. Так он и сделал.

И в день после праздника пришел еще раз и немедленно был принят в покоях Ребе и сидел наедине с ним долгое время. И не знали мы, приближенные Ребе, о целях его прихода, и зачем ему понадобился Ребе. А после этого он признался нам, что этот Барченко занимается мудростью скрытой от людей, основанной на нумерологии, чтобы открывать скрытое и предсказывать будущее, и есть у этого [учения] некое отношение и связь с Каббалой (не вместе они да будут помянуты), и что он уже

организовал общество в Москве, которое интересуется и занимается этим учением, и есть у них разрешение от правительства на занятие этим, и многие из больших и великих в это общество вступили. И вот, когда стаю известно Барченко, что в Ленинграде находится величайший ученый Израиля, мудрый мудростью Каббалы, от которого нет тайных секретов и открыты ему пути небес, тшел он к нему, чтобы услышать его толкования, ибо по словам Барченко, мудрость его привела его к вере в единого Всевышнего, да благословен будет Он, подобно тому, как верим мы, сыны Израиля. Из ответов Ребе стало известно нам только это, ведь нету изучения хасидизма никакого отношения и связи с предсказанием будущего, и запрещено нам толковать его и то, что касается вопросов Барченко, относящихся к Каббале и каббалистическим книгам, но он, Ребе, готов служить ему в этом только для того, чтобы не погибло зря его драгоценного времени; а так же не может он переводить с языка на язык, но вот, когда приедет из Екатеринослава рае. М. Шнеерсон (Менахем-Мендл, в будущем 7-ой Любавичский ребе. — А.А.), попросит он его найти для Барченко рассказы из Каббалы и перевести на язык России и послать ему по адресу), который он оставит, поскольку он, р. Шнеерсон, хорошо владеет языком каббалистов, а так же хорошо переводит на другой язык. И Барченко был доволен и поблагодарил Ребе за то, что он принял его, и отправился Барченко в путь.

Также и нам стало известно мнение Ребе и его взгляды на могущество этого профессора, которого он уважал ибо опасайся, ибо в первые минуты, когда тот начал говорить о единственности Всевышнего, благословен Он, и о нумерологии, и о предсказании будущего, подумал Ребе, что он немного сумасшедший, Но и Барченко почувствовал это и вытащил из кармана важную бумагу от великих профессоров Москвы, в которой удостоверялось их подписями, что разум его ясен и нет в нем шпионства, чтобы не смотрели на него, как на соглядатая, и показал много бумаг из политотдела и из Совнархоза (Совет народного хозяйства), в котором служит он на важной должности. И спустя некоторое время была вдруг получена от Барченко для Ребе некоторая сумма денег, несколько сотен золотых рублей. В письме, приложенном к ним, говорилось, что

он посыпает эту сумму на дорожные расходы р. Шнеерсона из Екатеринослава в Ленинград. Ребе в тот же день вернул ему всю сумму обратно. Барченко, получив назад свои деньги, не находил покоя своей опечаленной душе, и написал Ребе длинное письмо, в котором пытался объяснить. ему и показать свою праведность и честность и прямоту и что нету него, упаси Господь, никакого криводушия, а из того, что Ребе вернул ему деньги, он понял, что Ребе сомневается в его искренности, и вынужден он будет из-за этого прибыть и поговорить с ним лицом к лицу, чтобы очистить сердце Ребе от напрасных подозрений. И так и сделал, приехав зимой навестить Ребе, и тогда познакомил его Ребе с р. Шнеерсоном (Менахем-Мендлом. — А.А.); и весь год была переписка и встречи с р. Шнеерсоном в доме Барченко, и забыл о нем и о его деле Ребе, и не отслеживал он происходившее и не обращал внимание и не думал об этом больше.

Likkutei Dibburim. An Anthology of Talks by Rabbi Yosef Yitzchak Schneerson of Lubavitch. Vol. V. 1990. С. 1375–1377 (на иврите).

Перевод с иврита М.Ю. Брук

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17–18 мая 1937 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Расскажите о всех политических расхождениях, которые, по вашим словам, привели вас к внутреннему разладу.

БОКИЙ: Мои расхождения с партией начались еще в 1918 г. с периода Брестского мира, когда я поддался мелкобуржуазным настроениям и вместе с Бухариным и другими левыми коммунистами пошел против Ленина. В силу выработавшихся у меня традиций я тогда подчинился партийной дисциплине, но, так как переубежден я не был, обстоятельство это оставило во мне неприятный осадок. Это неприятное чувство усилилось, когда меня с партийной работы помимо моего желания перебросили на работу в ЧК, и в особенности когда из-за конфликта с Зиновьевым отозвали из Ленинграда в Москву,

затем послали в Ташкент, откуда я также вместе с другими членами Турккомиссии был отозван, вернее, снят с работы. К периоду профсоюзной дискуссии выросшая на почве изложенных выше неудач личная неудовлетворенность начала перерастать у меня в недовольство более общего порядка. В период дискуссии я стоял на позиции Ленина, но применявшиеся нами, на мой взгляд, демагогические методы борьбы отталкивали меня от нее и углубляли сложившееся у меня недовольство существующим положением. Неизгладимое впечатление произвели на меня кронштадтские события. Я не мог примириться с мыслью, что те самые матросы, которые принимали участие в Октябрьских боях, восстали против партии и власти, и в поисках объяснения этого факта приходил к обвинению ЦК При введении нэпа я, несмотря на образовавшийся у меня надрыв, не выступал против этого мероприятия партии. Нутром однако я воспринять нэп не мог и признал его только потому, что не видел другого исхода. Обстоятельство это привело к углублению внутреннего разлада во мне, и я начал отходить от партийной жизни.

Дискуссию с Троцким 1923–1924 гг. я воспринял уже по-партийному, и хотя не разделял взглядов Троцкого, но был против той, на мой взгляд, излишней страстности, которая применялась в полемике против него. Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель революции. Завещание Ленина, которое мне стало известно, не помню от кого, мешало мне воспринять Сталина как вождя партии, и я, не видя перспектив для революции, ушел в мистику.

К 1926–1927 гг. я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь под влиянием Барченко все более и более в мистику, я в конце концов организовал с ним масонское сообщество и вступил на путь прямой контрреволюционной деятельности.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кто такой Барченко, откуда вы его знаете и каким образом он вовлек вас в масонскую организацию?

БОКИЙ: Барченко А.В., биолог, в настоящее время сотрудник ВИЭМ, куда я устроил его в 1935 г. Познакомили меня с Барченко в 1924 г. приезжавшие из Ленинграда бывш. сотрудники Ленинградской ЧК Лейсмейер-Шварц и Владимиров. Явившись ко мне в Спецотдел ОГПУ в сопровождении Барченко, они рекомендовали мне его как талантливого исследователя, сделавшего имеющее чрезвычайно важное политическое значение открытие, и просили меня свести его с руководством ОГПУ с тем, чтобы реализовать его идею. Барченко выдвигал теорию о том, что в доисторические времена существовало высокоразвитое в культурном отношении общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше. Остатки этого высшего общества, по словам Барченко, до сих пор существуют в неприступных горных районах, расположенных на стыках Индии, Тибета, Кашгара и Афганистана, и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу, так называемой «Древней Науке», представляющей собой синтез всех научных знаний. Существование и Древней Науки, и самих остатков этого общества является тайной, тщательно оберегаемой его членами. Это стремление сохранить свое существование в тайне Барченко объяснял антагонизмом древнего общества с римским папой. Римские папы на протяжении всей истории преследовали остатки древнего общества, сохранившиеся в других местах, и, в конце концов, полностью их уничтожили. Себя Барченко называл последователем древнего общества, заявляя, что был посвящен во все это тайными посланцами его религиозно-политического центра, с которыми ему удалось однажды вступить в связь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какие же это посланцы?

БОКИЙ: Барченко называл имена монголо-тибетских мудрецов Нага Навена и Хаяна Хирву. Мудрецы эти входили в состав приезжавшей в 1918 г. в Ленинград и Москву монголотибетской делегации с тем, чтобы установить связь с Советами. Советским

правительством делегаты приняты не были и, оскорбившись, уехали назад. Барченко, однако, во время их пребывания в Ленинграде имел возможность встречаться с ними, и они посвятили его в свои планы. Занимаясь сам в период встречи с Барченко познанием абсолютной истины (абсолютного понятия добра и зла), — я заинтересовался его рассказом о существовании синтеза абсолютных научных знаний и пытался организовать Барченко в том же 1925 г. поездку в Афганистан с тем, чтобы войти оттуда в контакт с хранителями этой Древней науки. Предприятие наше, однако, сорвалось, т. к. против него запротестовал Чичерин. Независимо от срыва моего предприятия, я, не отказываясь от намерения войти в контакт с хранителями Древней науки, организовал из числа сотрудников Спецотдела кружок по изучению этого мистического учения. Кружок этот работал под руководством посвященного в его тайны Барченко. Входили в кружок сотрудники Спецотдела ВЧК/ОГПУ Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужницов. Вскоре после организации мною кружка, однако, выяснилось, что привлеченные мною в него лица из числа сотрудников Спецотдела не подготовлены к восприятию тайн Древней науки. В связи с этим кружок распался, и я привлек для изучения мистического учения Барченко новых лиц из числа своих старых товарищей по Горному институту. Эти лица впоследствии и составили наше масонствующее сообщество.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кто, кроме вас, входил в состав этого сообщества?

БОКИЙ: Кроме меня и руководящего нашими занятиями Барченко в состав нашей группы входили: Кастрыкин /Кострикин. — А.А.) Михаил Лаврентьевич, Миронов Александр Владимирович, Москвин Иван Михайлович и Стомоняков Борис Спиридонович. Непродолжительное время в группу входил Александр Яковлевич Сосновский.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какую связь вы поддерживали с этими лицами помимо кружка?

БОКИЙ: Все эти лица, как я уже показывал, являются моими старыми товарищами по Горному институту. Помимо собраний,

на которых Барченко читал нам рефераты о своем мистическом учении, у нас были установлены традиционные встречи, так называемые «свидания друзей». Раза 3 или 4 в году я, Стомоняков, Кастрыкин, Миронов собирались у старой знакомой Алтаевой и проводили вместе 2–3 часа, после чего расходились, не встречаясь между собой до следующего раза.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С какой целью вы производили эти сборища, что делали на них?

БОКИЙ: Мы собирались как старые друзья для того, чтобы просто провести время вместе. Никаких других задач мы не ставили.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы говорите неправду. К исследованию этого вопроса мы еще вернемся в дальнейшем. Сейчас уточните, к какому масонскому ордену принадлежало ваше сообщество?

БОКИЙ: Название «Древняя Наука» я употребляю для нашего общества условно, как название, показывающее, что наше общество основной своей задачей ставило овладение мистическим учением, известным под названием «Древней Науки», и ориентировалось на религиозно-мистический центр, являвшийся его хранителем. Барченко, являвшийся наставником в нашем сообществе и установивший однажды контакт с этим центром, называл его Шамбала или Дюнхор, что в переводе с тибетского означает «семь кругов знания». По словам Барченко, Шамбала-Дюнхор является высшим масонским капитулом, с которым в прошлом были связаны все масонские ордена. В настоящее время этот капитул распространяет свое влияние главным образом на восточные страны, в частности, на Китай, Тибет, Синьцзян, Индию, Афганистан и даже Северную Африку. Влияние капитула в этих странах, по словам Барченко, настолько велико, что в Африке, например, им утверждается восшествие на престол новых эмиров. До переезда в Москву в 1925 г. у Барченко в Ленинграде произошел крупный конфликт с руководителями масонской организации, обвинявшими его в разглашении тайн ордена и грозившими ему уничтожением. Угроза эта от имени масонской организации была высказана ему в 1924 г. членом ордена акад. Ольденбургом. В связи с

конфликтом с руководством организации Барченко отошел от ее ленинградского ядра и стал искать пути для непосредственной связи с высшим капитулом Шамбала-Дюнхор, объединяя вокруг себя различный масонствующий элемент. Таким образом и возникло наше мистическое сообщество, фактически самостоятельная ложа, ориентировавшаяся на непосредственную связь с высшим масонским капитулом Шамбала-Дюнхором. К какому ордену принадлежал до переезда из Ленинграда Барченко, я сказать затрудняюсь. Ввиду особых, конфликтных отношений Барченко с основным ядром масонской организации в Ленинграде никто из нас, группировавшихся вокруг Барченко в новой ложе, официального посвящения не прошел, и, как непосвященным, Барченко не мог рассказывать некоторых тайн ордена, к которому мы формально не принадлежали. По косвенным намекам Барченко и общим наблюдениям можно судить, что он посвящен в члены ордена розенкрейцеров. Говорю я это на основании того, что на розенкрейцеров Барченко определенно указывал как на орден, связанный с нашим центром Шамбала-Дюнхором. У Барченко в различного рода геометрических чертежах и многочисленных фотографических снимках предметов древности постоянно повторялись эмблемы розы, креста и чаши, которые являются символами Розенкрейцеров. В настоящее время Барченко обладает печатью с общемасонскими эмблемами — двойного треугольника с символически изображенными на его сторонах Солнцем, Луной и чашей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кого вы знаете из числа членов масонской организации?

БОКИЙ: Кроме уже перечисленных мною Стомонякова, Москвина, Кастрыкина и Миронова, входивших в состав нашей ложи, со слов Барченко известны как члены масонской организации ленинградцы: Вячеслов — доктор, Забражнев — бывш. работник Наркоминдела, Кондиайн (масонский псевдоним Тамиил) — астрофизик и бывшие сотрудники Ленинградского ЧК-ППОГПУ — Лейсмейер-Шварц, Отто, Владимиров и Рикс.

О Кондиайне и бывш. сотрудниках Ленинградского ЧК Барченко говорил мне не как о посвященных масонах, а как о своих учениках и последователях. Всех их я знаю лично, и аналогичные заявления мне приходилось слышать и от них самих. Кондиайн, кроме того, по просьбе Барченко однажды выступал с докладом на занятиях нашего кружка. Как о посвященном в тайны мистического учения Шамбалы-Дюнхор Барченко говорил мне о некоем Гурджиеве — директоре Института ритма в Париже,[401] в свое время проживавшем в СССР. Учеником и последователем Гурджиева на территории СССР в прежнее время, по словам Барченко, являлся скульптор Меркуров. Гурджиев, как мне говорил Барченко, старался установить связь с его учеником Меркуровым, но он от этого по неизвестным для меня причинам уклонился. В качестве своих учеников и последователей Шамбалы-Дюнхора Барченко называл мне сотрудниц Лобач и Шишелову, фиктивного мужа Шишеловой и сотрудника Наркоминдела Королева. Наконец, мне еще до революции было известно о принадлежности к масонам акад. Ольденбурга, о котором я уже показывал выше.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Что за фиктивный муж у последовательницы Барченко Шишеловой?

БОКИЙ: Дело в том, что настоящая фамилия Шишеловой Маркова. Она дочь известного черносотенца — члена Гос. думы Маркова II. Желая изменить свою фамилию с тем, чтобы скрыть свое социальное происхождение, Маркова заключила брак с одним из последователей Барченко.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы показывали, что ваша ложа ориентировалась на связь непосредственно с центральным капитулом. Расскажите, что вы сделали для установления этой связи?

БОКИЙ: Для организации этой связи я устраивал Барченко поездки в различные районы Союза, в отношении которых у нас имелись данные о том, что там существуют какие-либо религиозно-мистические секты восточного происхождения, ориентирующиеся на Шамбалу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: На какие средства устраивались эти поездки?

БОКИЙ: На средства, незаконно отпускавшиеся мною Барченко из сумм пар. 9 и имевшегося у меня нелегального фонда. Вообще я полностью содержал Барченко с его семьей в течение 10 лет — с 1925-го по 1935 г. Незаконные выдачи денег Барченко я продолжал производить и в 1935 г. В этом годуя выдал ему ок 23 000 руб., из них из сумм пар. 9, а остальные 13–14 тысяч из нелегального фонда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Что за нелегальный фонд, из которого вы снабжали Барченко?

БОКИЙ: Это денежные суммы, поступающие в Спецотдел от различных учреждений за проданные нами несгораемые шкафы и выполнение работы по составлению кодов. Деньги эти мною обычно незаконно задерживались в кассе Спецотдела, и я расходовал их по своему усмотрению.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какие конкретные поездки вы устроили Барченко?

БОКИЙ: У меня в памяти следующие случаи. В 1925 г. мной была организована Барченко поездка на Алтай, где Барченко должен был установить связь с сектами «Беловодья» — религиозно-мистические круги jb Центральной Азии, представляющие по мистическому учению ближайшее окружение нашего центра Шамбала. В результате поездки Барченко среди местных сектантов были установлены лица, совершавшие регулярные паломничества в находящийся за кордоном мистический центр. В 1926–1927 гг. Барченко ездил в Крым — Бахчисарай, где установил связь с членами мусульманского дервишского ордена Саиди-Эдцини-Джибави. Впоследствии он вызывал в Москву и приводил ко мне сына шейха (главы) этого ордена. Примерно в это же время он ездил в Уфу и Казань, где установил связь с дервишами орденов Пакш-Бенди и Халиди. Кроме этого Барченко в различное время выезжал для связи с сектантами в Самарскую губернию и Кострому. В 1926 г. Барченко ездил в Кострому для встречи с представителем нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вам было известно, что все эти секты представляют социально и политически враждебные нам слои населения и насыщены шпионским элементом?

БОКИЙ: Да, я знал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Для какой же цели Вы искали связи с контрреволюционерами и шпионами?

БОКИЙ: Специально связей со шпионским элементом я не искал, На связь с указанными выше сектами я шел, будучи увлечен мистическим учением Барченко и ставя овладение его тайнами выше интересов партии и государства. Высокая задача овладения научно-мистическими тайнами Шамбалы в моих глазах оправдывала отход от марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе и связь с классовым врагом. Тем не менее специального вреда партии и советской власти я нанести не хотел, и никто из членов нашего ордена как шпион или человек связанный со шпионами известен не был.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это неправда. Где в настоящее время находится Владимиров, рекомендовавший вам в свое время Барченко?

БОКИЙ: Владимиров в 1926-м или 1927 г. был расстрелян за шпионаж в пользу Англии.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Как же вы говорите, что не знаете никого из членов вашего ордена, занимающихся шпионажем или связанных со шпионами?

БОКИЙ: Я признаю, что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность Барченко.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почему же вы не приняли мер для ареста и привлечения Барченко к ответственности, а помогали ему продолжать свою шпионскую деятельность?

БОКИЙ: Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа. Я терпел такое положение, потому что, как я уже говорил, поставил интересы нашего

ордена выше интересов партии и государства и, наблюдая проявления контрреволюционной шпионской деятельности, закрывал на них глаза, оправдывая их теми же интересами нашего ордена.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С кем еще, кроме Владимирова, были связаны члены ложи по линии шпионажа?

БОКИЙ: Со слов Барченко мне известно о связях нашего ордена с известным организатором английского шпионажа на Востоке, проживающим в настоящее время в Париже, английским принцем Ага-Ханом. Ага-Хан входит в состав ордена Шам-бала-Дюнхор и непосредственно связан с центром. Кроме того, у Барченко существовала связь с Польшей, через члена нашего ордена Кондиайна. В частности, Барченко мне рассказывал в 1925 г. о том, что Кондиайном были получены «под видом наследства» деньги из Польши.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Дайте подробные показания, в чем заключалась шпионская деятельность Барченко.

БОКИЙ: Шпионская деятельность Барченко в основном заключалась в создании разветвленного аппарата шпионажа. Работа эта велась им в двух направлениях — организации шпионской сети на периферии и проникновение в руководящие советские и партийные круги. Последнее делалось с той целью, чтобы овладеть умами руководящих работников и, по примеру масонских организаций в капиталистических странах, в частности, во Франции, направлять деятельность правительства по своему усмотрению. Для насаждения сети на периферии Барченко использовал различные религиозно-мистические секты восточного происхождения. Для этой цели он постоянно предпринимал поездки в различные районы Союза, устанавливал связь с местными сектантскими организациями, встречался с закордонными эмиссарами. В 1926 г., когда он выезжал в Кострому для встречи с представителями нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы, он был задержан местным отделом ОГПУ. Я, однако, имея в виду интересы ордена, приказал его освободить. Кроме Костромы, как я уже показывал, он выезжал на Алтай, в Крым, Казань, Уфу и

Самарскую губернию. Для того чтобы проникать в руководящие круги советских работников, Барченко старался заинтересовать отдельных лиц своими «научными исследованиями», их значением для обороны страны и т. п. Заинтересовав кого-либо научной стороной вопроса, он постепенно переходил к изложению своего учения о Шамбале и, опутав жертву паутиной мистики, использовал ее в целях шпионажа. Таким образом он в свое время обработал меня и проник в ОПТУ. Впоследствии при моем участии был обработан Стомоняков, Москвин, Миронов, Кастрыкин. Удалось ему при моей помощи заинтересовать своим учением бывш. зав. подотдела нацменьшинств ЦК ВКП(б) Диманштейна и инженера Флаксермана, которые по моему приглашению 2 раза присутствовали на занятиях нашего кружка Древняя наука. Не довольствуясь этим, Барченко просил меня свести его с Молотовым и Ворошиловым. Особенно настойчиво он стал добиваться встречи с Ворошиловым в последнее время. Действовал он совместно с Лейсмейер-Шварцем, который в свое время свел Барченко со мной. Лейсмейер специально для этого в начале 1936 г. приезжал из Ленинграда в Москву и носил Ворошилову написанный Барченко по настоянию Лейс-мейера доклад. Ворошилов Лейсмейера, однако, не принял. После этого Лейсмейер уехал в Ленинград и прислал оттуда Барченко небольшую сумму денег (200 руб.), которую Барченко почему-то не принял и отослал обратно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какую шпионскую деятельность Вы вели, какие конкретные шпионские задания получали от Барченко Вы лично?

БОКИЙ: Прямых заданий по шпионажу от Барченко я не получал. Моя роль в этом деле выражалась в том, что, будучи увлечен мистикой Барченко, я пренебрегал интересами государства и помогал ему вести шпионскую работу [7], закрывая глаза на характер его деятельности и покрывая ее именем Спецотдела ОГПУ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это неверно. При занимаемой вами должности Барченко не мог не стремиться использовать вас в целях шпионажа более активно.

БОКИЙ: Причины сдержанности в этом отношении Барченко непонятны и для меня самого. Теперь, после обнаруженных под руководством наркома внутренних дел Ежова обстоятельств, я думаю, что шпионаж в органах ОГПУ — НКВД шел по другой линии. При самом активном использовании меня я не мог дать тех сведений, которые имели возможность давать другие арестованные лица, в частности Ягода. В связи с этим меня, очевидно, держали в резерве, не желая подвергать напрасно риску провала, сопряженному со всякой активной деятельностью, и довольствуясь тем общим содействием, которое я оказывал Барченко. К этому заключению меня приводит еще и следующее обстоятельство. Последние полтора-два года моя связь с Барченко значительно ослабела. Мы с ним не встречались, и он перестал обращаться ко мне с какими-либо просьбами, и только после произведенных в последнее время арестов он, стараясь восстановить со мной прежнюю связь, вновь обратился ко мне с письмом. Полагаю, что здесь именно имеет место попытка включить меня в активный шпионаж, ввиду провала других линий.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Следствие вам не верит. Стараясь увести следствие от расследования своей шпионской деятельности, вы хотите направить его в другую сторону. Предлагаю вам дать откровенные показания о вашей шпионской работе.

БОКИЙ: К тому, что я уже показал, я больше ничего существенного добавить не могу.

28 мая 1937 г.

Допрашивали: зам. наркома внутренних дел комиссар Госбезопасности 2-го ранга Вельский ст. лейтенант Госбезопасности Али Архив УФСБ по G-Петербургу и Ленобласти. Дело 23 768. Л.60–68.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.И.БОКИЯ

1879 — Родился 3 июля в Тифлисе в дворянской семье. 1894–1899 — работал репетитором в Петербурге.

1896 — окончил 1-е реальное училище и 4 курса Петербургского горного института.

1897 — член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Январь 1900 — вступил в РСДРП.

1899 — февраль 1902 — работал чертежником на дому. Февраль 1902 — январь 1903 — находился в ссылке, работал на строительстве железной дороги (Иркутск, Красноярск, Ачинск, Байкал) от Министерства путей сообщения.

Январь 1903 — апрель 1905 — гидротехник в Министерстве земледелия.

1904–1916 (с перерывами) — член Петербургского комитета РСДРГ1(б).

1905–1907 — участвует в революции.

Апрель 1905 — июль 1906 — политзаключенный.

Июль 1906 — июль 1907 — продолжил работу гидротехника. Июль 1907 — декабрь 1908 — вновь в тюрьме.

Январь 1909 — март 1916 — гидротехник в Министерстве земледелия.

1915–1916 — член «Большевистской группы 15-го года при ЦК». Март 1916 — декабрь 1916 — политзаключенный.

Декабрь 1916 — апрель 1917 — член Русского бюро ЦК РСДРП(б), руководил отделом по связям с местными организациями. Апрель 1917 — март 1918 — Секретарь ПК РСДРП(б).

Май 1917 — избран в состав исполнительной комиссии ПК РСДПР(б).

Август 1917 — член большевистской фракции Городской думы, где был председателем ревизионной комиссии.

Октябрь 1917 — член Петроградского Военно-революционного комитета (как представитель ПК)

Ноябрь 1917 — член Комитета революционной обороны, позднее Совета обороны г. Петрограда.

1918 — участвовал в оппозиции «левый коммунист» до постановления VII партсьезда, которому безоговорочно подчинился, и голосовал на III съезде Советов за Брестский мир.

Март 1918–31 августа 1918 — работал заместителем председателя Петроградской ЧК.

С 31 августа 1918 (после убийства М. С. Урицкого) — председатель ЧК Петрограда.

27 октября 1918 — представитель ЦК РКП(б) при областном и краевом комитетах РКП(б) Западной области.

29 ноября 1918 — назначен членом Коллегии НКВД РСФСР. Март 1919 — член Турккомиссии ВЦИК и ЦК РКП(б).

Апрель 1919 — начальник Особого отдела Восточного фронта.

1919 — награжден золотыми часами от Реввоенсовета Восточного фронта за беспощадную борьбу с контрреволюцией. Октябрь 1919 — начальник Особого отдела Туркестанского фронта и одновременно член Туркестанской коллегии ВЦИК и СНК РСФСР.

Апрель 1920 — полномочный представитель ВЧК в Туркестане.

С сентября 1920 — лечился от туберкулеза, а затем находился на руководящей работе в Москве в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД и Верховном суде.

Январь 1921 — назначен заведующим спецотделением (шифровальным) при Президиуме ВЧК.

Июль 1921 — член Коллегии ВЧК Июль 1922 — член Коллегии ГПУ.

1922 — награжден ВЦИК орденом Красного Знамени. Сентябрь 1923 — член Коллегии ОГПУ, одновременно член Коллегии НКВД РСФСР вплоть до его ликвидации в 1930 г. 1927 — награжден Коллегией ОГПУ боевым оружием (маузером). 1932 — награледен Коллегией ОГПУ «Почетным знаком ОГПУ». Июль 1934 — начальник Специального отдела 1УГБ НКВД СССР.

С конца декабря 1936 — начальник 9-го отдела ГУГБ.

16 мая 1937 — арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии ВС СССР.

1956 — посмертно реабилитирован.

Примечания

1

«Алтаева» — писательница Ямщикова Маргарита Владимировна, писала свои произведения под псевдонимом Ал. Алтаев (а не Алтаева). Близкая знакомая Бокия. Странным является то, что Ямщикова, на квартире которой происходили встречи Бокия и его друзей, аресту не подвергалась.

(обратно)

2

Eliade M. No souvenirs. Journal. 1957–1969. N.Y. - L, 1977. P. 16.

(обратно)

3

Тинлей Геше Дж. Танфа: Путь к пробуждению. СПб., 1996. С. 47–48.

(обратно)

4

Bembaum E. The Way to Shambhala. Anchor Press, N.Y., 1980. P. 123–124. Русский перевод книги: Бернбаум Э. В поисках Шамбалы. М., 2005.

(обратно)

5

Csoma de Koros A. Note on the origin of the Kala-Chakra and Adi-Buddha Systems //JASB. 1833- Vol. II (№ 14). P.57. Яксарт — это древнее название Сырдарьи.

(обратно)

6

Блаватская Е.П. Эзотерическое учение (Тайная Доктрина. Т. III). М, 1993. С. 345.

(обратно)

7

Цит. по кн.: Крэнстон С., Блаватская Е.П. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. М.: Сирин, 1996. С. 17–3. Пер. с англ.

(обратно)

8

Белослюдов А.Н. К истории Беловодья // Записки Зап. — Сиб. отд. РГО. Т. XXXVIII. Омск, 1914. С. 32–35.

(обратно)

9

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М, 1967. С. 279.

(обратно)

10

См.: Joscelyn G. Arktos. The Polar Myth in Science, Symbolism, and Nazi Survival. Phaned Press, Grand Rapids, 1993. P. 81.

(обратно)

11

См.: Сент-Ив д’Альвейдр. Миссия Индии в Европе. Пг., 1915. С. 27, 29,40.

(обратно)

12

Некоторые исследователи считают, что топоним «Агарта» («Агартга») происходит от скандинавского имени «Асгаард», см.: Joscelyn G. Arktos… P. 40, 80,81.

(обратно)

13

Pauwels L., Bergier J. Ausbruch ins dritte Jahrtausend. Von der Zukunst der phantastichen Vernunst. Bern — Munchen, 1962. P. 375–377.

(обратно)

14

Дугин А. Конспирология (Наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). М., 1993. С. 39.

(обратно)

15

Кроль Ю.Л. Борис Иванович Панкратов (Зарисовка к портрету учителя) // Страны и народы Востока. 1989- Вып. XXVI. С. 90.

(обратно)

16

См.: Росов В А Маньчжурская экспедиция Н.К Рериха: В поисках «Новой Страны» // Ариаварта. 1999- № 3- Он же: Николай Рерих — Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. М, 2002.

(обратно)

17

Более подробно об этом см.: Росов В.А. Николай Рерих — Вестник Звенигорода.

(обратно)

18

См.: Bernbaum E. Op. cit. P. 101, 265.

(обратно)

19

Johnson К Paul. The Masters Revealed: Madame Blavatsky and the myth of the Great White Lodge. State University of New York, 1994.

(обратно)

20

Рерих Н.К Сердце Азии. В кн.: Рерих Н.К Избранное. М., 1969. С. 155.

(обратно)

21

Roerich N. Shambhala the Resplendent. N.Y., 1928. P. 45.

(обратно)

22

См.: Рерих Н.К. Сердце Азии. Там же. С. 159

(обратно)

23

Roerich N. Shambhala. NY., 1930. Цит. по кн.: Крэнстон С. Е.П. Блаватская… С. 280.

(обратно)

24

Муллин Г. Практика Калачакры. М., 2002. С. 178.

(обратно)

25

Bernbaum E. Op. cit. P. 257–259.

(обратно)

26

Hilton J. Lost Horizon. London, 1933

(обратно)

27

The Oxford English Dictionary (2nd ed.) Vol. XV. Oxford, 1989

(обратно)

28

Циолковский К.Э. Вне земли. М., 1958. С. 21.

(обратно)

29

Laufer B. Zur buddhistischen Literatur der Uiguren // T’oung Pao. Ser. 2. Vol. 3 (1907); Pelliot P. Quelques transcriptions apparantee a Cambhala dans les textes chinois // T’oung Pao. 20, № 2 (1920–1921); Bernbaum E. Op. cit. P. 45–46; Newman J.R. A Brief History

of the Kalachakra, см.: Sopa, Geshe Lhundup. The Wheel of Time. NY., 1990. P. 54.

(обратно)

30

Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон. СПб., 1998. С. 46.

(обратно)

31

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 84.

(обратно)

32

Allen C. The Search for Shangri-La: A Journey into Tibetan History. Abacus (IJK), 2000. P. 273.

(обратно)

33

Orofino G. A propos of some foreign elements in the Kalacakratantra // Proceedings of the 7th Seminar of the International Association of Tibetan Studies, Graz, 1995. Vol. II. Wien, 1997. P. 722–724.

(обратно)

34

Bernbaum E. Op. cit. P. 31.

(обратно)

35

См.: Жарникова С. О локализации священных гор Меру и Хару. В сб.: Гиперборейские корни Калокагатии. СПб., 2002. С. 65–84.

(обратно)

36

Барченко С.А. Время собирать камни // Барченко А.В. Из мрака. М, 1991. С. 27.

(обратно)

37

Сведения об обучении А.В. Барченко в гимназиях в Ельце и С.-Петербурге мною взяты из справочного издания: Список студентов, посторонних слушателей и учениц Повивального института Казанского университета. 1902–1903. Казань, 1902. С. 200.

(обратно)

38

Барченко С.А. Время собирать камни. Там же. С, 29.

(обратно)

39

См.: Историческая записка 75-легия С.-Петербургской 2-й гимназии. Ч. 1–3. СПб, 1880–1905. Ч. 3. С. 109–113.

(обратно)

40

Там же. С. 115.

(обратно)

41

Там же. С. 356.

(обратно)

42

См.: Список студентов… 1902–1903. Казань, 1903; 1903–1904. Казань, 1904. В этих изданиях содержится краткая справка о полученном Барченко образовании, согласно которой он состоял студентом Военно-Медицинской академии с 1 сентября 1901-го по 25 мая 1902 г., в Казанский университет поступил 20 августа 1902 г. Об обучении его в Юрьевском университете см.: Личный состав Императорского Юрьевского университета за 1904–1905 гг. Юрьев, 1905. В этом справочнике указан номер студенческого матрикула Барченко (№ 19917). В составленной много лет спустя краткой биографической записке Барченко почему-то назвал лишь два последних университета, в которых ему довелось учиться, — Казанский и Юрьевский, утверждая, что слушал там лекции два с половиной года. См.: ЦГА СПб. Ф. 2990. Оп. 1. Д. 103. Л. 5 (заявление А.В. Барченко в правление Педагогической академии, 14 апреля 1919 г.).

(обратно)

43

Сообщение И.В. Барченко, сына упомянутого выше В.А. Барченко. 45 См.: Янсен Э. О революционном движении среди тартуских студентов в конце XIX и начале XX веков // Ученые записки Тартуского университета. 1954. Вып. 35. С. 28.

(обратно)

44

Барченко С А Время собирать камни. Там же. С. 14.

(обратно)

45

Протокол допроса А.В. Барченко от 10 июня 1937. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 353

(обратно)

46

См.: Юрьевский университет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета (под ред. Г.В. Левицкого). Юрьев, Т. 1.1902. С. 619–620; Личный состав Императорского Юрьевского университета за 1894–1910 гг.

(обратно)

47

См.: Акименко М.А., Шерешевский А.М. История институга им. В.М. Бехтерева. СПб, 1999. Ч. 1. С. 88.

(обратно)

48

Грабарь В.Э. Четверть века в Тартуском (Церптском-Юрьевском) университете // Ученые записки Тартуского университета. 1954. Вып. 35.

(обратно)

49

См.: Гарэтто Э. Первая русская революция: взгляд из Парижа. К биографии А.В. Амфитеатрова (1904–1907) // Минувшее. Т. 22.1997. С. 350; там же: Переписка А.В. Амфитеатрова и М.А. Волошина. С. 378, прим. 5. С. 387, прим. 3

(обратно)

50

ЦГА СПб. Там же.

(обратно)

51

Барченко С.А. Время собирать камни. Там же. С. 23–24.

(обратно)

52

Saunier J. Op. cit. P. 415. vt Там же. С. 416.

(обратно)

53

Устав Российского теософического общества. СПб., 1908.

(обратно)

54

Ребус. 1906. №№ 8–9- 25 февраля. С. 4.

(обратно)

55

Об Агване Доржиеве см.: Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992; Snelling O. Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa’s Emissary to the Tsar. Shaftesbury, Dorset, 1993.

(обратно)

56

Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. С. 14.

(обратно)

57

Письмо М. Волошина А.М. Петровой от 14 декабря 1902. В кн.: Волошин М. Из литературного наследия. Вып. I. СПб! 1991. С. 158.

(обратно)

58

См.: Купченко В. В Забайкалье — через Париж // Байкал. 1983- № 2. С. 143- См. также: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и-оккультизм. М., 1999

(обратно)

59

Подробно о строительстве храма см.: Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда; храм Будды в северной столице. СПб., 2003

(обратно)

60

Виленский вестник. 1909. № 1817. 5 июля.

(обратно)

61

Roerich N. Himalaya, Abode of Light. Bombay — London, 1947. P. 110.

(обратно)

62

В буддийской кумирне // Петербургский листок. 1913. № 52. 22 февраля.

(обратно)

63

Данзан Тундутов (1888–1923) окончил Пажеский корпус (1908), после чего служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку.

С марта 1914 г. — адъютант начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н.Н. Янушевича, с 1915-го — адъютант вел. кн. Николая Николаевича. В 1918 г. избран атаманом Астраханского Казачьего войска. Принимал активное участие в белом движении. О нем см.: Балинов Ш. О княжеском роде Тундутовых // Ковыльные волны (Париж). 1936. №№ 13–14; Брусилов А.Л. Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 61.

(обратно)

64

Виленский вестник. 1909. № 1817.5 июля.

(обратно)

65

Эти рассказы Барченко были опубликованы: «Вавилонская башня» (Природа и люди. 1912. № 19,20), «Рогатый вор» (Природа и люди. 1913- № 32), «Поселок Нэчур» и «Услуга метиса» (в сб.: Барченко А.В. Волны жизни. СПб., 1911).

(обратно)

66

См.: Волны жизни.

(обратно)

67

Там же.

(обратно)

68

Природа и люди. 1912. № 28,29,30,31.

(обратно)

69

Барченко А.В. Из мрака. М., 1991.

(обратно)

70

См.-. Мир приключений, 1913- Кн. 1–5; 1914.

(обратно)

71

Мир приключений. 1913. С. 230–231.

(обратно)

72

Там же. С. 108–109.

(обратно)

73

Там же. С. 344.

(обратно)

74

Там же. С. 227.

(обратно)

75

Барченко С.А. Указ. соч. С. 34.

(обратно)

76

Уокоп Р. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М, 1966. С. 27.

(обратно)

77

Барченко А.В. Из мрака. С. 75.

(обратно)

78

Рокхиль В.В. Путешествие по Китаю и Тибету. СПб, 1901; УоддэльА. Лхаса и ее тайны. Очерк тибетской экспедиции 1903–1904 года. СПб, 1906. В.В. Рокхиль (W.W. Rockhill) (1854–1914) — американский дипломат, востоковед-тибетолог, исследователь Центральной Азии. Совершил два путешествия в Тибет (1888, 1891–1892). А. Уоддэль (L.A. Waddell) — майор Индийской медицинской службы, участник военной экспедиции Ф. Янгхазбенда в Тибет (1904–1905).

(обратно)

79

Уоддэль А. Указ. соч. С. 179

(обратно)

80

Там же. С. 306.

(обратно)

81

Там же. С. 307.

(обратно)

82

Барченко А.В. Душа Природы // Жизнь для всех. 1911. № 12. Ста. 1687.

(обратно)

83

Там же. Стр. 1717.

(обратно)

84

Там же. Ста. 1718.

(обратно)

85

См.: Котик Н.Г. Чтение мыслей и N-лучи; Бехтерев В.М. Мысленное внушение или фокус? // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1904. № 8. Также см.: Бехтерев В.М. Гипноз. Внушение. Телепатия. М, 1994.

(обратно)

86

Более подробно о своих экспериментах Барченко рассказывает в статье «Опыты с мозговыми лучами», помещенной в журнале «Природа и люди» (1911. № 31 и 32).

(обратно)

87

Барченко А.В. Душа Природы. Стл. 1714.

(обратно)

88

Там же. Стл. 1720.

(обратно)

89

ЦГА СПб. Ф. 2990. Он. 1. Д. 103. Л. 5 об.

(обратно)

90

Там же.

(обратно)

91

О нем см.: Повель Л. Месье Гурджиев. Документы, свидетельства, тексты и комментарии. М, 1998.

(обратно)

92

Gurdjieff G.I. Meetings with Remarkable Men. NY, 1974. P. 152.

(обратно)

93

Bennett J.G. Gurdjieff. Making a new World. London, 1973.

(обратно)

94

Перевод по русскому изданию: Успенский П. В поисках чудесного. СПб, 1994. С. 41.

(обратно)

95

Перевод по русскому изданию: Успенский П. В поисках чудесного. СПб, 1994. С. 41.

(обратно)

96

Ouspensky P.D. In Search of the Miraculous. NY. - L, 1977. P. 37–40.

(обратно)

97

Протокол допроса А.В. Барченко от 10 июня 1937. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи… С. 354.

(обратно)

98

Веденский А.И. Обрывки сердца верующего // Вестник труда. 1918. № 2, 26 мая.

(обратно)

99

См.: Шишкин О. С. 354.

(обратно)

100

См.: Вестник труда. 1918. № 5.

(обратно)

101

См.: Шишкин О. Указ. соч. С. 355–356 Д.В. Бобровский проживал в доме 15 по Владимировскому пр.

(обратно)

102

ЦГА СПб. Ф. 2990. On. 1. Д. 103. Л. 106 об.

(обратно)

103

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 7. Д. 12. Л. 92 об..

(обратно)

104

ЦГА СПб. Там же. Л. 1. Заявление А.В. Барченко в Совет Педагогической академии от 30 августа 1919.

(обратно)

105

Об обстоятельствах этого знакомства Барченко впоследствии рассказывал таю «С Владимировым я познакомился в 1918 году, когда он пришел ко мне с профессором Карсавиным». См.: Шишкин О. Указ. соч. С. 363.

(обратно)

106

ОР РНБ. Ф. 150. Д 22. Удостоверение, датировано 26 июня 1909 г.

(обратно)

107

Там же. Отзыв от 26 июня 1909 г.

(обратно)

108

Там же. Д. 39. Письмо И. Бутовского Владимирову от 10 декабря 1907 г.

(обратно)

109

Там же. Д. 83. Письмо А.А. Каменской Владимирову от 2 ноября 1909 г.

(обратно)

110

Там же. Д. 187. Письма В. Штейн Владимирову, 1912–1913.

(обратно)

111

Немировский АИ, Уколов В.И. Свет Звезд, или Последний русский розенкрейцер. М, 1994. С. 51 и 403.

(обратно)

112

ОР РНБ. Там же. Д. 187. Письмо В. Штейн Владимирову. Б/д (приблизительно конец ноября 1912 г.).

(обратно)

113

Там же. Д. 138. Письмо С.В. Пирамидова Владимирову от 4 октября 1913 г.

(обратно)

114

Владимиров К.К. Графология // Из Мрака к Свету. 1914. № 3. С. 128–135; № 5. С. 223–234.

(обратно)

115

Владимиров К.К. Что такое графология? // Дамский мир. 1916. № 4. С. 31–32.

(обратно)

116

ОР РНБ. Ф. 150. Д 73- Письмо С. Есенина Владимирову. Б/д (предположительно написано в 1915 г.).

(обратно)

117

Там же. Д. 33- Письмо А.Н. Бенуа Владимирову. Датировано 30 июня, без указания года.

(обратно)

118

Там же. Д. 117. Письмо М.П. Мурашева Владимирову от 31 августа 1916 г.

(обратно)

119

Там же. Д. 23. Открытка, 24 сентября 1917 г.

(обратно)

120

См.: Петроградская правда. 1918. № 192–196. 5–10 сентября.

(обратно)

121

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-85221. Т. 1. Протокол допроса К.К. Владимирова в ПП ОГПУ в ЛВО от 30 мая 1928.

(обратно)

122

Вырубова А.А Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М, 1991. С. 252.

(обратно)

123

Там же. С. 256.

(обратно)

124

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Там же. Л. 210.

(обратно)

125

Там же. Протокол допроса К.К. Владимирова от 6 июня 1928. Л. 110.

(обратно)

126

ОР РНБ. Ф. 150. Д. 40. Письмо В.Ф. Булгакова от 3 декабря 1918.

(обратно)

127

Там же. Д. 123. Письмо предположительно было написано в 1919 г. О В.И. Немировиче-Данченко см.: Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996.

(обратно)

128

Морев Г.А. Из истории русской литературы 1910-х годов: к биографии Леонида Каннегисера // Минувшее. Т. 16. М, 1994. С. 145.

(обратно)

129

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 261.

(обратно)

130

Кондиайн А.А. Комета Брукса и наблюдения над ней, произведенные на обсерватории РОЛМ // Известия Русского Общества Любителей Мироведения (далее Мироведение). 1912. № 1.

(обратно)

131

См.: Наука в России. Данные к началу 1922 г. Петроград, 1923. Справка о А.А. Кондиайне содержит также сведения о его членстве в Русском Астрономическом Обществе. Петроградский оптический институт был создан в 1919 г.

(обратно)

132

См.: Мироведение. 1914. № 1.С. 180 (Отчет о заседании 12марта).

(обратно)

133

Мироведение. 1920. № 1 (38). Июль. С. 85 (Отчет о 103-м общем собрании РОЛМ 17 января 1920 г.).

(обратно)

134

Там же. С. 88–89 (Отчет о 105-м годовом общем собрании РОЛМ 20 апреля 1920).

(обратно)

135

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 358.

(обратно)

136

Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д 966. Письмо А.В. Барченко Г.Ц. Цыбикову от 12 декабря 1927 г. — 24 марга 1928 г (машинописная копия). Прим, ж 36–38.

(обратно)

137

АВПРФ. Ф. 100. Оп. 1. П. 1. Д/1. Л. 8.

(обратно)

138

Ясинский выступал в 1917 г. в Кронштадте на броненосце «Народоволец» и перед Выборгским отрядом красноармейцев. См. его воспоминания: Ясинский И.И. Роман моей жизни. М. — Л, 1928. С. 330–332. Во время допроса летом 1927 г. Ясинский

рассказал следователю, что познакомился с К.К. Владимировым в 1912 г, «когда он ко мне явился в качестве собирателя автографов». Затем встречался с ним в 1913 г, при этом Владимиров сказал Ясинскому, что якобы приехал с Севера. Знакомство продолжилось после революции — Владимиров устроил писателю выступление с лекцией перед сотрудниками ПЧК А в 1919 г Ясинский продал Владимирову по его просьбе свое книжное собрание (около 4000 томов) — «для составления Государственной библиотеки» (?). Особенно тесным общение Ясинского и Владимирова было в 1923–1927 гг. Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-21098. Протокол допроса И.И. Ясинского, б/д.

(обратно)

139

Протокол допроса Барченко от 19 июня 1937. См.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. С. 367.

(обратно)

140

Более подробно о посещении Тибета советскими дипломатическими экспедициями в 1920-е гг. см.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). Самара — С-Петербург — Прага, 1997. С. 121–226.

(обратно)

141

АВПРФ. Там же. Л. 19.

(обратно)

142

Архив СПФ РАН. Ф, 208. Оп. 3. Д 685. Л. 162.

(обратно)

143

ЦГИА СПб. Ф. 2265. On. 1. Д. 65. Л. 131. Письмо Барченко В.М. Бехтереву от 8 января 1921 г.

(обратно)

144

Там же. Л. 148. Письмо Барченко В.М. Бехтереву от 6 декабря 1922 г.

(обратно)

145

Там же. Л. 161 об. Письмо Барченко В.М. Бехтереву от 1 ноября 1923 г.

(обратно)

146

ОР РНБ. Ф. 150. Д 77. Письмо С. Зарх К.К Владимирову от 3 июня 1920 г.

(обратно)

147

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 272.

(обратно)

148

Барченко А.В. Из мрака. С. 387.

(обратно)

149

ЦГИА СПб. Ф. 2265. Он. 1. Д. 65. Л. 130 об.

(обратно)

150

НАРБ. Ф. 1. Oil 1 Д. 966. Л. 33 (удостоверение, выданное Барченко Институтом мозга 4 июня 1923 г за подписями проф. В. Кашкадамова и управделами Раппопорта).

(обратно)

151

Мицкевич С.И. Мэнэрик и эмиряченье. Формы истерии в Колымском крае. (Материалы комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 15.) Л, 1929. С. 10.

(обратно)

152

Там же. С. 12.

(обратно)

153

В.М. Бехтерев написал предисловие к книге: Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые. Новгород, 1900. На эту же тему см.: Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад, 1908; Виташевский А.Н. Из области первобытного психонейроза // Этнографическое обозрение. 1911. № 1–2. Кн. 88–89. С. 180–228.

(обратно)

154

См.: Мюллер И.П Моя система (с предисл. В.Л. Кашкадамова). Л, 1928.

(обратно)

155

Устное сообщение ученицы Л.Л. Васильева Р.М. Грановской (январь 2000 г.). Достоверность этой информации, впрочем, отрицают близко знавшие Л.Л. Васильева люди.

(обратно)

156

Сведения взяты из краткой справки о нем в кн.: Акименко МА., Шерешевский А.М. История института им. В.М. Бехтерева. Т. 1–2. М., 1999–2000. Т. 2. Прим. на ст. 115.

(обратно)

157

Там же. С. 24.

(обратно)

158

ЦГА СПб. Ф. 2555. On. 1. Д. 612. Л. 105 об. (Отчет Института мозга с 1 июля по 1 октября 1923 г.).

(обратно)

159

См.: Бехтерев В.М. Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных // Вопросы изучения и воспитания личности. Вып. 2. 1921. См. также: Дуров BJ1. Мои звери. М, 1927 (и более поздние издания).

(обратно)

160

ЦГИА СПб. Ф. 2265. On. 1. Д. 64. Л. 277–279. Письмо В.Л. Дурова датировано 15 марта 1920 г.

(обратно)

161

ЦГИА СПб. Ф. 2265. Огх. 1 Д. 802. Лл. 15 об, 16, 26.

(обратно)

162

ЦГА СПб. Ф. 2555. Oil 1. Д. 612. Л. 106–106 об.

(обратно)

163

Речь идет об издании: k compt rendue officiel du premier congres international des recherches psychique a Copenhague, 26 aout — 2 septembre 1921. (Ed. Carl Vett.) Copenhague, 1922.

(обратно)

164

ЦГА СПб. Ф. 2555. Там же. Л. 107–107 об.

(обратно)

165

Воспоминания Л.Л. Васильева находятся в личном архиве его сына И.Л. Васильева.

(обратно)

166

О нем см.: Брачев В.С. Масоны и власть в России. М, 2003. С. 453, 455, 356,458.

(обратно)

167

Ю.М. Антоновский упоминается в списке масонов, приложенном к книге Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (N.Y, 1986).

(обратно)

168

См.: Энгельгардт Н.А. Николай Энгельгардт из Батищева. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) // Минувшее. Т. 24. СПб, 1998.

(обратно)

169

См.: Васильев Л.Л. Внушение на расстоянии (Заметки физиолога). М., 1962. С. 61.

(обратно)

170

ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 64. Л. 131.

(обратно)

171

ЦГА СПб. Ф. 2555. Там же. Лл. 107–108.

(обратно)

172

ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 802. Лл. 36–38. Документ датирован 14 мая 1927.

(обратно)

173

ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1005. Заявление (машинописная копия) датировано сентябрем 1926 г. Практически все эти задачи были включены в перспективный план работ гипнолого-биофизической секции на 1926–1927 гг. Письмо Я.А. Камшилова О.П. Барченко от 15 апреля 1958. Архив семьи Кондиайн.

(обратно)

174

НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 966. Л. 34. Удостоверение датировано 1 июля 1921 г. и подписано начальником политотдела Морских сил Мурманского района и заведующим Мурманским губоно.

(обратно)

175

Очерки истории Мурманской организации КПСС. Мурманск, 1969. С. 85.

(обратно)

176

См.: Надсон Г.А. Об использовании морских водорослей преимущественно наших северных морей // Журнал Петроградского агрономического института. 1921. № 3–4. (Изд. также отд. брошюрой, Пг., 1922.) См. также: Надсон Г.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 354.

(обратно)

177

Saunier J. Saint-Yves d’Alveydre. Op. cit. P. 140–146. В этой книге Ж. Сонье сообщает, что в 1879 г. Сент-Ив опубликовал 55-

страничную брошюру под заглавием «L’Utilite des Agues Marines» («Использование морских водорослей») и в том же году учредил общество «Algue Marines». Тогда же он «депозировал заявку на получение патента на изобретение» в «индустриальном бюро» (Cabinet industriel) М. Арманжо в Париже сроком на 15 лет (№ 129.822) «для изготовления различных продуктов с помощью растительной слизи, извлеченной из морских водорослей». Исследования Сент-Ива, однако, не остановились на этом — 20 апреля 1881 г. он депозировал новую заявку, которая касалась усовершенствованной технологии изготовления бумажной массы (№ 142.433), очевидно, из тех же водорослей.

(обратно)

178

Надсон Г.А. Избранные труды. Т. 2. С. 75, 78.

(обратно)

179

См.: Клюге Г.А. Исторический очерк развития Мурманской биостанции Ленинградского общества естествоиспытателей. Л., 1925.

(обратно)

180

Географическо-статистический словарь Российской империи (сост. П.П. Семенов). СПб., 1865. Т. И. С. 583.

(обратно)

181

См. выше прим. 1.

(обратно)

182

ЦГИА. СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д 65. Л. 148,148 об.

(обратно)

183

Об этом свидетельствует ранее упоминавшееся нами удостоверение Института мозга, выданное Барченко в 1923 г. (НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 966. Л. 33).

(обратно)

184

Красная газета (вечерний выпуск). 1923- № 47 (128). 28 февраля. Ста™ подписана инициалами «В.Р.».

(обратно)

185

Мироведение. 1923- Т. 12. № 1 (44). С. 113.

(обратно)

186

Акт о следах т. н. «древней цивилизации в Лапландии», проверенных обследованием тов. Арнольда Колбановского, совершенного 3 и 4 июля 1923 г. // Полярная правда. 1923. № 32.17 августа.

(обратно)

187

Там же.

(обратно)

188

Мироведение. 1923. Т. 12. № 2 (45). С. 233.

(обратно)

189

См. краткий отчет об экспедиции «Гиперборея-97¦>: Демин В.Н. Гйперборея — утро цивилизации. М., 1997; он же: Загадки Русского Севера. М., 1999- С. 52.

(обратно)

190

Отрывок из письма А.Г. Кондиайн В.Н. Демину от 22 мая 1997. Архив семьи Кондиайн.

(обратно)

191

См., напр.: Демин В.Н. Священная летопись Севера // Наука и Религия. 1999. № 1; Лазарев Е. Здесь молились Богине Зари и Бессмертия // Наука и Религия. 1999- № 2. О предварительных результатах поисковых работ лета 2000 г. в районе Хибинских тундр и Соловецкого архипелага см.: Шперборейские корни Калокагатии. С. 104—113

(обратно)

192

Демин В.Д. Загадки Русского Севера. С. 455–456.

(обратно)

193

Там же. С. 461.

(обратно)

194

Чижевский А.Л. Вся жизнь. М., 1974. С. 130.

(обратно)

195

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 7. Д 4. Л. 164. Справка об исследованиях биолога А.В. Барченко. Составлена Акцентром НКП РСФСР 27 октября 1923.

(обратно)

196

Там же. Д 4. Л. 69. План написан от руки; подписан именем А Безымянный.

(обратно)

197

Там же. Л. 73- Письмо Барченко датировано 20 декабря 1923.

(обратно)

198

ГАРФ. А-2307. Там же.

(обратно)

199

ГАРФ. Там же. Л. 64 об.

(обратно)

200

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 197. Л. 6. Некоторое представление о научных интересах Н.А. Морозова в послереволюционные годы дают названия опубликованных им книг: «Принцип относительности и абсолютное. Этюд из области проявлений волнообразного движения» (1920), «Принцип относительности в природе и математике» (1922), «Христос или Рамзее. Попытка применения математической теории вероятностей к историческому предмету» (1924), «Христос», кн. 1–7 (1924–1932). О принадлежности Морозова к масонам («Великий Восток Франции» — ложа «Полярная звезда» в Петербурге) см.: Соловьев О. Масонство в России // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 14.

(обратно)

201

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 7. Д. 8. Л. 250. Письмо датировано 24 мая 1924 г.

(обратно)

202

Там же. Л. 251.

(обратно)

203

См.: С. Шумихин. Delirium Persecutio // Новое литературное обозрение. 1993- № 4. С. 70.

(обратно)

204

О миссии С.С. Борисова см.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. С. 146–172.

(обратно)

205

Об этом см.: Warcollier R. La telepathie a tres grand distance 11 Le comptes rendue officiel de III Congres International des recherches psvchiques. Paris, 1927; Upton Sinclair. Mental Radio, Pasadena Station (USA), 1930; Konstantinides K. Telepathische Experimente zwischen Athen, Paris, Warschau und Wien // Transactions of the Fourth International Congress for Psychical Research. Athens, 1930. Также: Васильев Л.Л. Экспериментальные исследования мысленного внушения. Л, 1962.

(обратно)

206

НАРБ. Там же. Л. 42–43.

(обратно)

207

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д. П-51351. Л. 102 и 102 об.

(обратно)

208

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

(обратно)

209

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи. (1-е изд.) С. 368–369.

(обратно)

210

О тибетской миссии С.С. Борисова см. прим. 14 к пред. главе.

(обратно)

211

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д. Г1-26492. Протокол допроса А.А. Кондиайна от 16–21 июня 1937. Л. 18.

(обратно)

212

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937. См.: Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 370.

(обратно)

213

Более подробно об Очирове и Тепкине см.: Андреев А.И. Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский Архив. М.-СП6, 1993. С. 327–328. Также: Бакаева 3. Лувсан Шараб Тепкин и его время // Шамбала (Элиста). 1997. № 5–6. С. 9–17.

(обратно)

214

НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 966. Письмо А.В. Барченко Г.Ц. Цыбикову от 27 марта 1927. Л. 19–20.

(обратно)

215

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

(обратно)

216

См.: Рерих Н.К Избранное. М., 1979. С. 177.

(обратно)

217

Шишкин О. Битва за Гималаи (2-е изд.). М, 2003- С. 266.

(обратно)

218

Цит. по: Барченко С А Время собирать камни. Там же. С. 17.

(обратно)

219

Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 531 и далее.

(обратно)

220

Там же. С. 459.

(обратно)

221

Архив семьи Кондиайн. Машинописная копия. Б/д.

(обратно)

222

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937. См.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. С. 364.

(обратно)

223

Атанасиус (Афанасий) Кирхер (Athanasius Kircher, 1602–1680), знаменитый ученый-розенкрейцер, автор многочисленных трактатов в самых разных областях знания. Наиболее известный из них — о звуке и музыке: Musurgia universalis, sive ars magna consoni et dissoni (1650). Этому произведению посвящена кандидатская диссертация Р.А. Насонова (Универсальная музургия Афанасия Кирхера: музыкальная наука в контексте музыкальной практики раннего барокко. 1995). Перу Кирхера также принадлежит трактат о тайном подземном мире (Mundus Subterraneus, quo universae denique naturae divitiae… 1665–1678).

(обратно)

224

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937 г. См.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. С. 364–365.

(обратно)

225

Там же. С.- 362. Алтухов-физик — речь, по-видимому, идет о Владимире Михайловиче Алтухове (1879–1926), имевшем большое собрание книг по алхимии.

(обратно)

226

Там же. С. 363

(обратно)

227

Две последние фамилии всплыли во время допроса Кондиайна 9 июля 1937. Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д-П-26492. Л. 15 и 40.

(обратно)

228

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

(обратно)

229

Об этих планах Л.Л. Капица сообщает в статье «Материалы для этнографической характеристики Кондокского и Вокнаволоцкого районов Северо-Западной Карелии» // Карельский сборник. Л., 1929-В 1920-е п: была опубликована его небольшая работа о лопарях: Капица Л Д. Зимняя одежда русских лопарей. Пг., 1926.

(обратно)

230

См.: Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 371.

(обратно)

231

Розинг Б.Л. Возрождение средневековых наук алхимии и астрологии в современном естествознании. Л., 1924. С. 57.

(обратно)

232

ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

(обратно)

233

Там же. Л. 18. Удостоверение датировано 15 февраля 1921 г.

(обратно)

234

Там же. Л. 9- Заявление в Петрогубсовет от 10 ноября 1921 г.

(обратно)

235

ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 37. Л. 4.

(обратно)

236

Там же. Л. 5.

(обратно)

237

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

(обратно)

238

Там же..

(обратно)

239

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 1.

(обратно)

240

См.: Повель Л. Месье Гурджиев. Документы, свидетельства, тексты и комментарии. М., 1998.

(обратно)

241

Saunier J. Saint-Yves d’Alveyedre ou une synarchie sans enigme. Paris, 1981. С. 70–71.

(обратно)

242

Saint-Yves d’Alveydre. Mission des Juifs. Paris, 1884. P. 38.

(обратно)

243

Saint-Yves d’Alveydre. La Theogonie des Patriarches. Paris, 1909.

(обратно)

244

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 1.

(обратно)

245

См.: Барченко А.В. Памятка для членов ЕТБ. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 308.

(обратно)

246

Там же. С. 313.

(обратно)

247

Там же. С. 314.

(обратно)

248

Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 163.

(обратно)

249

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

(обратно)

250

См.: Godwin J. La Genese de l’Archeometre // L’Initiation (Paris). 1988. № 2. P. 61–71; № 4. P 153–166.

(обратно)

251

A. Saint-Yves d’Alveydre. L’archeometre — clef de toutes les religions et de toutes les sciences de l’Antiquite; reforme synthetique de tous les Arts contemporaines, Paris, Dorbon Aine, s.d. [1912].

(обратно)

252

Boisset Y.-F. A la rencontre de Saint-Yves d’Alveydre et son oevre. L’Archeometrie. T. II. Sepp, [Paris], 1997. P. 161.

(обратно)

253

Там же. С. 60–67.

(обратно)

254

Там же. С. 163- Полное французское название патентов: Моуеп d’appliquer la regle musicale a l’archeticture, aux Beaux-Arts, metiers et industries d’arts graphiques ou plastiques. Moyen dit Etalon archeometrique.

(обратно)

255

Барченко А.В. Душа Природы. Там же. 1718–1719.

(<u>обратно</u>)

256

Успенский П.Д. В поисках чудесного. С. 145.

(<u>обратно</u>)

257

Об Эннеаграмме см.: Успенский П.Д. Указ. соч. Гл. 12. С. 294 и др.

(<u>обратно</u>)

258

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 206.

(<u>обратно</u>)

259

Мартынов А. Исповедимый путь. М., 1991- С. 41.

(<u>обратно</u>)

260

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 1.

(<u>обратно</u>)

261

Чижевский А.Л. Моя жизнь. С. 129.

(обратно)

262

Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 505–506, 503.

(обратно)

263

Мартынов А. Исповедимый путь. С. 42.

(обратно)

264

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1–3. СПб., 1904-1913

(обратно)

265

Более подробно об этом см.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. С. 92–120 (глава «Почему русского путешественника не пустили в Лхасу»),

(обратно)

266

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Протокол допроса К.Ф. Шварца от 3 июля 1937 г. Л. 78.

(обратно)

267

Протокол допроса Барченко от 23 декабря 1937. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 129, 130.

(обратно)

268

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Протокол допроса Г.И. Бо-кия от 17–18 мая 1937. Л. 61.

(обратно)

269

Там же. Протокол допроса К.Ф. Шварца от 3 июля 1937 г. Л. 79

(обратно)

270

ОР РНБ. Ф. 150. Д. 194. Записки К.К. Владимирову от разных лиц. Л. 10.

(обратно)

271

Там же. Д. 78. Письмо В.В. Зощенко К.К. Владимирову от 20 апреля 1925 г.

(обратно)

272

Там же. Письмо В.В. Зощенко от 25 апреля 1925 г.

(обратно)

273

Буддийский катехизис. СПб., 1902.

(обратно)

274

Цыбиков Г.Ц. Пособие для изучения тибетского языка. Упражнения в разговорном и литературном языке и грамматические заметки. Ч. 1. Разгойорная речь. Владивосток, 1908.

(обратно)

275

РО РНБ. Ф. 150. Д. 29. Письмо В.Н. Беляева К.К. Владимирову, 23 июля 1925 г.

(обратно)

276

Архив ГАИМК Ф. 2. Оп. 1(1924). Д. 83. Л. 1. Письмо М.Г. Вечеслова датировано 12 июля 1924 г.

(обратно)

277

Там же. Л. 2. Письмо акад. П.Л. Марра в полпредство СССР в Кабуле от 24 июля 1924 г.

(обратно)

278

Сведения о В.И. Забрежневе взяты из его регбланка члена ВКПб 1936 г. (хранится в РГАСПИ) и из следственного дела П-14115 (архив УФСБ по СПб. и Ленобласти).

(обратно)

279

Ага-хан — титул духовного главы исмаилитов-низаритов. Наиболее известен Ага-хан 3-й, 48-й имам (1885–1957), политический деятель Индии, автор мемуаров: Aga Khan. The Memoirs of Aga Khan. L, 1954.

(обратно)

280

Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. С. 170–171.

(обратно)

281

НАРБ. Письмо Барченко Г.Ц. Цыбикову от 24 марта 1927 г. Л. 21, 25.

(обратно)

282

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937 г. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. С. 366.

(обратно)

283

Там же. С. 369

(обратно)

284

НАРБ. Там же. Л. 4.

(обратно)

285

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-23768. Протокол допроса Г.И. Бокия от 17–18 мая 1937 г. Л. 63

(обратно)

286

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Там же. 62. Леонов возглавлял 1 — е отделение спецотдела, занимавшееся охраной гос. тайны и исполнением режима секретности; Филиппов руководил управлением северных исправительных лагерей; А.Г. Гусев заведовал 4-м отделением спецотдела, занимавшимся дешифровальной работой; В. Цыбизов работал во 2-м отделении и одновременно возглавлял 8-е криптографическое отделение штаба РККА (см.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. 2-е изд. С. 240).

(обратно)

287

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-26492. Протокол допроса А.А. Кондиайна от 8 июня 1937 г. Л. 16.

(обратно)

288

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д. П-23768. Протокол допроса Г.И. Бокия. Л. 62.

(обратно)

289

НАРБ. Там же. Письмо Барченко Г.Ц. Цыбикову. Л. 37.

(обратно)

290

Ленин В.И. Аграрный вопрос и «Критика Маркса». ПСС. Т. 5. С. 103.

(обратно)

291

См.: Гендель М. Космогоническая концепция (орден розенкрейцеров). Основной курс по прошлой эволюции человека, его нынешней конституции и будущему развитию. СПб., 1994.

(обратно)

292

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-23768. Протокол допроса К.Ф. Шварца от 3 июля 1937 г. Л. 73.

(обратно)

293

НАРБ. Письмо Барченко Г.Ц. Цыбикову от 24 марта 1927 г: Л. 27.

(обратно)

294

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-26492. Дополнительные показания А.А. Кондиайна. Л. 53.

(обратно)

295

Разгон Л. Плен в своем отечестве. М., 1994. С. 97.

(обратно)

296

Троцкий Л.Д. Преданная революция (репринт, издание). М., 1991-С. 41.

(обратно)

297

Разгон Л. Плен в своем отечестве. С. 65.

(обратно)

298

Там же. Л. 94–95.

(обратно)

299

Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 325.

(обратно)

300

См.: Алексеева ТА., Матвеев Н. Доверено защищать революцию. М., 1989. См. также Бережков В.И. Внутри и вне «Большого Дома». СПб., 1995. С. 48–49. Несколько иначе столкновение Бокия и Зиновьева трактует Е.Д. Стасова в своих «Воспоминаниях» (М., 1969. С. 161).

(обратно)

301

Разгон Л. Плен в своем отечестве. С. 93

(обратно)

302

См.: Шишкин О. Битва за Шмалаи (2-е изд.). С. 30, 182.

(обратно)

303

Более подробно о Спецотделе см.. — Соболева Т.А. Указ. соч. С. 322.

(обратно)

304

На допросе в ПП ОГПУ в Л ВО 30 мая 1928 г. К.К. Владимиров показал: «С мая месяца 1925-го до весны 1926-го я был в распоряжении СО ОГПУ. Этот период лично известен тов. Бокик» (архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-85221. Т. 1. Л. 106).

(обратно)

305

Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы. Воспоминания старого коммуниста. М., 1987. С. 191.

(обратно)

306

НАРБ. Письмо А.В. Барченко Г.Ц. Цыбикову от 24 марта 1927 г. Л. 5.

(обратно)

307

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-26492. Протокол допроса А.А. Кондиайна от 16–21 июня 1937. Л. 43- Г.А. Тихов опубликовал несколько работ по этой теме: «Новые исследования по вопросу о космической дисперсии света»

(Краткое изложение результатов). Пг., 1916; Аномальная дисперсия в земной атмосфере. Изд. «Мироздание», 1935. См. также: Тихов Г.А. Поглощение света в земной атмосфере (рукопись). Архив СПб Ф РАН. Ф. 971. On. 1. Д 159.

(обратно)

308

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Там же. Л. 44.

(обратно)

309

НАРБ. Л. 31. Речь в приведенной цитате идет о статье Э. Туше «Тайны Солнца» (Вестник знания. 1927. № 1. С. 2–14).

(обратно)

310

ОР РНБ. Ф. 150. Д. 251 (Некоторые специфические черты ритмических колебаний). Б/д. [ок. 1925]. Машинопись.

(обратно)

311

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

(обратно)

312

См.: Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИЭА. 1929. Т. 3. С 39.

(обратно)

313

См.: Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Сборник научных трудов. Симферополь, 1992.

(обратно)

314

Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 19 лет (1921–1930). Симферополь, 1931.

(обратно)

315

Архив ГАИМК Ф. 2. Оп. 1 (1922). Д. 79 (Эрнст Н. О каменном веке в Крыму).

(обратно)

316

Тимирязев А.К. О свете, цветах и радуге. Пг, 1919. С. 11.

(обратно)

317

Протокол допроса А.В. Барченко от 10 июня 1937 г. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. С. 371.

(обратно)

318

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-23768. Протокол допроса Г.И. Бокия. Л. 66. Названия суфийских орденов искажены. Орден Саадия, названный по имени дервиша Саад ад-Дина Джибави (ум. в начале VIII в.), был основан в Дамаске в X–XI вв. Орден Пакшбанди (Пакшбандия) назван по имени его основателя Хаджа Баха ад-Дин Накшбанда (ум. ок 1389). Орден с названием Халиди неизвестен. Наиболее близким по звучанию является западно-тюркский орден Халвати (Халватийа).

(обратно)

319

НАРБ. Письмо А.В. Барченко Г.Ц. Цыбикову. Л. 29.

(обратно)

320

Протокол допроса А.В. Барченко от 10 июня 1937 г. Цит по кн.: Шишкин О. Битва за Шмалаи. С. 369.

(обратно)

321

НАРБ. Там же. Л. 20.

(обратно)

322

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Протокол допроса Г.И. Бокия. Л. 66.

(обратно)

323

Более подробно о контактах Барченко со Шнеерсоном и его преемником Менахем-Мендлом см.: Е. Мороз. Оккультист из ОГПУ и Любавичский Ребе // Nota Bene. Литературно-публицистический журнал (Иерусалим), 2004, № 2. С. 222–237.

(обратно)

324

Протокол допроса А.А. Кондиайна. Л. 42. («При помощи Бокия Шнеерсон был был освобощен из ссылки и выслан из СССР. Когда Шнеерсон проживал в Варшаве, Шварц продолжал поддерживать с ним связь».)

(обратно)

325

Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. Избранные труды в 2 т. Новосибирск, 1981. Т. 2. С. 126–127.

(обратно)

326

НАРБ. Письмо А.В. Барченко Г.Ц. Цыбикову от 12 декабря 1927 г. — 24 марта 1928 г. Л. 38. От этого письма сохранился лишь большой начальный фрагмент.

(обратно)

327

НАРБ. Там же. Письмо А.В. Барченко Г.Ц. Цыбикову от 24 марта 1927 г. Л. 9-10.

(обратно)

328

Цит. по изд.: Община. Таллинн, 1991. С. 25.

329

Шишкин О. Битва за Гималаи (2-е изд.). С. 299.

330

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-21098. Протокол допроса К.К. Владимирова от 13 июля 1927.

331

Там же. Сводка датирована 10 февраля 1925.

332

Там же. Доклад (приложен в отдельном конверте). Л. 4–5.

333

Там же. Доклад. Л. 3–4.

334

Там же. Л. 57. По этому делу Владимиров был реабилитирован в 1999 г.

335

Там же. Л. 58 и сл.

336

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д. П-85221. Т. 1. Обвинительное заключение. Л. 359–386.

337

Там же. Л. 392.

338

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-51351. О П.С. Шандаровском см. лл. 98-105. Дело о группе М.А Радынского было прекращено после того, как все обвиняемые «письменно заявили о своем отрицательном отношении к возобновлению какой бы то ни было деятельности по масонству вообще». Согласно материалам следствия, Михаил Анатольевич Радынский (р. 1891) — «бывш. дворянин, сын генерала, научный сотрудник 1-го разряда Астрономического института». По сведениям Б.В. Астромова, М.А. Радынский в прошлом работал вместе с Г.О. Мебесом.

339

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д. П-28949- Т. 1. Л. 60.

340

Там же. Л. 70–72.

341

Протокол допроса Барченко от 10 июня 1937. Цит. по кн.: Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 361.

342

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Протокол допроса Ф.К. Шварца от 3 июля 1937 г. Л. 75–76.

343

Там же. Л. 76.

344

Архив семьи Кондиайн. Э.М. Кондиайн. Тетрадь 2.

345

Архив УФСБ по СПб. и Ленобласти. Д П-26492. Протокол допроса А.А. Кондиайна от 9 июля 1937 г. Л. 43

346

Там же. Из показаний А.А. Кондиайна от 8,16–21 июня и 15 августа 1937. Л. 31,49

347

Там же. Протокол допроса А.А. Кондиайна от 16–21 июня 1937. Л. 13.

348

Вампилов Б. Об антирелигиозной работе в Бурят-Монголии // Антирелигиозник. № 8/9.1938. С. 29.

349

Из письма А.Г. Кондиайн В.Н. Демину, 22 мая 1997 г. Архив семьи Кондиайн.

350

Цит. по кн.: О. Шишкин. Сумерки магов: Георгий Гурджиев и другие. М., 2005. С. 228–230.

351

Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003. С. 564.

352

НАРБ. Письмо Барченко Цыбикову от 24 марта 1927 г. Л. 28.

353

Там же. Л. 16.

354

См.: Гиперборейские корни Калогатии. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Физика веры. СПб., 2002.

355

Зиновьев АВ., Зиновьев А.А. Логос египетских пирамид. Владимир, 1999. С. 84.

356

См., напр.: Ларичев В.Е. Мудрость Змеи: первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск, 1989; Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Сб. под ред. Г.Б. Здановича. Челябинск, 1995; Трехлебов А.В. Клич Феникса — Российской солнечной птицы. 1997; Бьювэл Р., Джильберт Э. Секреты Пирамид. М., 1997; Хэнкок Г. Следы Богов. М., 1997; Фарлонг Д. Стоунхендж и пирамиды Египта. М., 1999.

357

Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д. Археоастрономия и история культуры. М., 1989. С. 58.

358

См.: Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного: трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1997.

359

Лапшин И.И. Мистическое познание и «Вселенское чувство» // Сборник в честь В.И. Ломанского. СПб., 1905. С. 60.

360

Цит. по сб.: Хрестоматия по общей психологии: психология мышления. М., 1981. С. 136.

361

История Древнего Востока. Ч. I: Месопотамия. М., 1983. С. 100, 101. Под ред. И.М. Дьяконова.

362

Торчинов Е.А. Религии мира. С. 84, 87.

363

Кондратов А Адрес — Лемурия? Л., 1978.

364

Зиновьев АВ., Зиновьев А.А. Логос египетских пирамид. С. 6.

365

См. Дубров АП., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1989; Смирнова Н.М. Ясновидение — взгляд сквозь пространства и время. М., 2003.

366

См.: Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1993; он же: Области человеческого бессознательного. М., 1994.

367

Там же. С. 45.

368

Мартынов А Указ. соч. С. 4..

369

Ажажа В.Г. Уфологическая мистерия. Сотворение мира: день восьмой. М., 2002. С. 309, 310.

370

Там же. С. 306, 308, 309

371

Там же. С. 252–254.

372

Там же. С. 317, 318.

373

Рекомендую читателям интереснейшую статью физика Ю.И. Кулакова, в которой автор пытается создать новую картину мира на основе «синтеза науки и религии», см.: Кулаков Ю.И. Синтез науки и религии // Вопросы философии. 1999- № 2. С. 142–153.

374

Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. С. 504.

375

Триумфов Александр Викторович (1897–1963), невропатолог, член-корреспондент АМН (1951), генерал-майор мед. службы. С 1919 — ст. асс. Патолого-рефлексологического института.

(обратно)

376

Мясищев Владимир Николаевич (1893–1973), психолог, доктор мед. наук, член-корреспондент Академии пед. наук, проф. ЛГУ.

В начале 1920-х — заведующий психотерапевтической лаборатории с амбулаторией при ней.

377

Полисадов С.В. — Мастер стула московской ложи «Гармония», принадлежавшей к Автономному русскому масонству (1922–1925). В АРМ занимал должность заместителя Ген. секретаря с правом самостоятельного открытия новых лож. До 1921 г. состоял в Автономном ордене мартинезисгов строгого восточного послушания (АОМВП), из которого вышел вместе с Б.В. Астромовым. По делу ленинградских масонов не привлекался. См.: Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 445, 446,449,462.

378

Астромов или Ватсон (наст, фамилия Кириченко) Борис Викторович (1883-после 1928). В 1903 г. поступил на востфак С-Пб. ун-та, участник Русско-японской войны. Принимал участие в штурме Зимнего дворца, юрисконсульт Смольного (1921). Ген. секретарь АОМСВП (1919–1921) и АРМ (1922–1925). Накануне арестафин. инспектор Губоно. См.: Брачев В.С. Там же. С. 440–463.

379

Фролов С.П. После революции работал экскурсоводом в Царском (Детском) Селе.

380

Модзалевский Б.Л. (1874–1928), советский литературовед, пушкинист, член АН СССР.

381

Струве В.В. (1889–1965), советский востоковед, академик АН СССР (1935).

382

Ковалевский М.М. (1851–1916), историк, юрист, социолог.

383

Лосский Н.О. (1870–1965), философ, один из крупнейших представителей интуитивизма в России. В 1922 г. выслан за границу.

384

Карсавин Л,П. (1882–1952), религиозный философ и историк-медиевист. В 192.2 г. выслан за границу.

385

Мейер А.А. (1875–1939), религиозный философ, глава одного из религиозно-философских кружков в Ленинграде.

386

Пергамент М.Я. (1866–1932), ученый-правовед, проф. Ленинградского университета.

387

Кордиг Александр Каспарович, оккультист; в 1907 г. основал в Озерках ложу розенкрейцеров. Учитель Б.М. Зубакина (см. ниже).

388

Зубакин Борис Михайлович (1894–1937), поэт, импровизатор, ученый, скульптор. О нем см.: Немировский А.И., Уколова И.И. Указ. соч.

389

Евреинов Н.Н. (1879–1953), режиссер и драматург.

390

Ходотов Н.Н. (1878–1932), актер, в 1908–1909 гг. руководил Современным театром в С-Петербурге. Выступал как драматург и педагог.

391

Шварц Иоганн-Георг (1751–1784) — известный московский масон, создал вместе Н.И. Новиковым «сиентифическук» ложу «Гармония» (1780). Учредил при Московском университете Учительскую семинарию (1779), редактировал журнал «Утренний свет», организовал «Дружеское ученое общество» (1782).

392

Г.О.М. — Григорий Отгонович фон Мебес, барон, род. в 1868 г. в Риге. Председатель Графологического общества (1912). В 1910–1912 — Генеральный инспектор, с 1912-го по 1925 гг. глава ордена мартинистов в Петербурге/Ленинграде. Накануне ареста — учитель математики во 2-й совтрудшколе в Ленинграде. О нем см.: Брачев В.С. Там же. С. 440–442, 456–458, 462.

393

Нестерова М.А. (р. 1878). В годы Первой мировой войны основала «Общество чистого знания» в Петрограде. Жена Г.О. Мебеса.

394

Франк-Каменецкий И.Г. (1880–1937), египтолог.

395

Шилейко В.К. (1891–1930), востоковед-ассиролог, второй муж А.А. Ахматовой.

396

Проф. Янович — речь, возможно, идет об этнографе Всеволоде Мефодьевиче Яновиче.

397

Проф. Ковалевский — вероятно, имеется в виду Михаил Максимович Ковалевский, сын знаменитого Максима Максимовича Ковалевского (сообщено Е.Б. Белодубровским.)

398

Валеро-Грачев Н.В. (1879–1960), этнограф. О нем см.: Андреев А.И. Н.В. Валеро-Грачев — путешественник или мистификатор? // Ариаварта. № 2.1998. С. 157–167.

399

Орлов-Давыдов Алексей А, граф, глава (венерабль) ложи «Полярная звезда», одной из первых масонских лож, возникших в России в начале XX в. Принят в ложу в 1907 г. О нем см.. — Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 305, 306, 316.

400

Пальчинский П.И. (1878–1929), инженер, организатор синдиката «Продуголь». После Февральской революции — товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве, начальник обороны Зимнего дворца во время Октябрьского восстания.

401

Речь, по-видимому, идет об Институте гармоничного развития человека, созданном в 1922 г. Г.И. Гурджиевым под Парижем (Шато дю Приере, Фонтенбло). Гурджиев выехал из России с группой учеников легом 1920 г. Вместе с тем надо отметить, что в Петрограде в 1920–1921 гг. существовал Институт ритма, с которым, возможно, сотрудничал Барченко.